

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

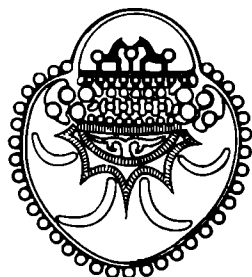
3

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 3

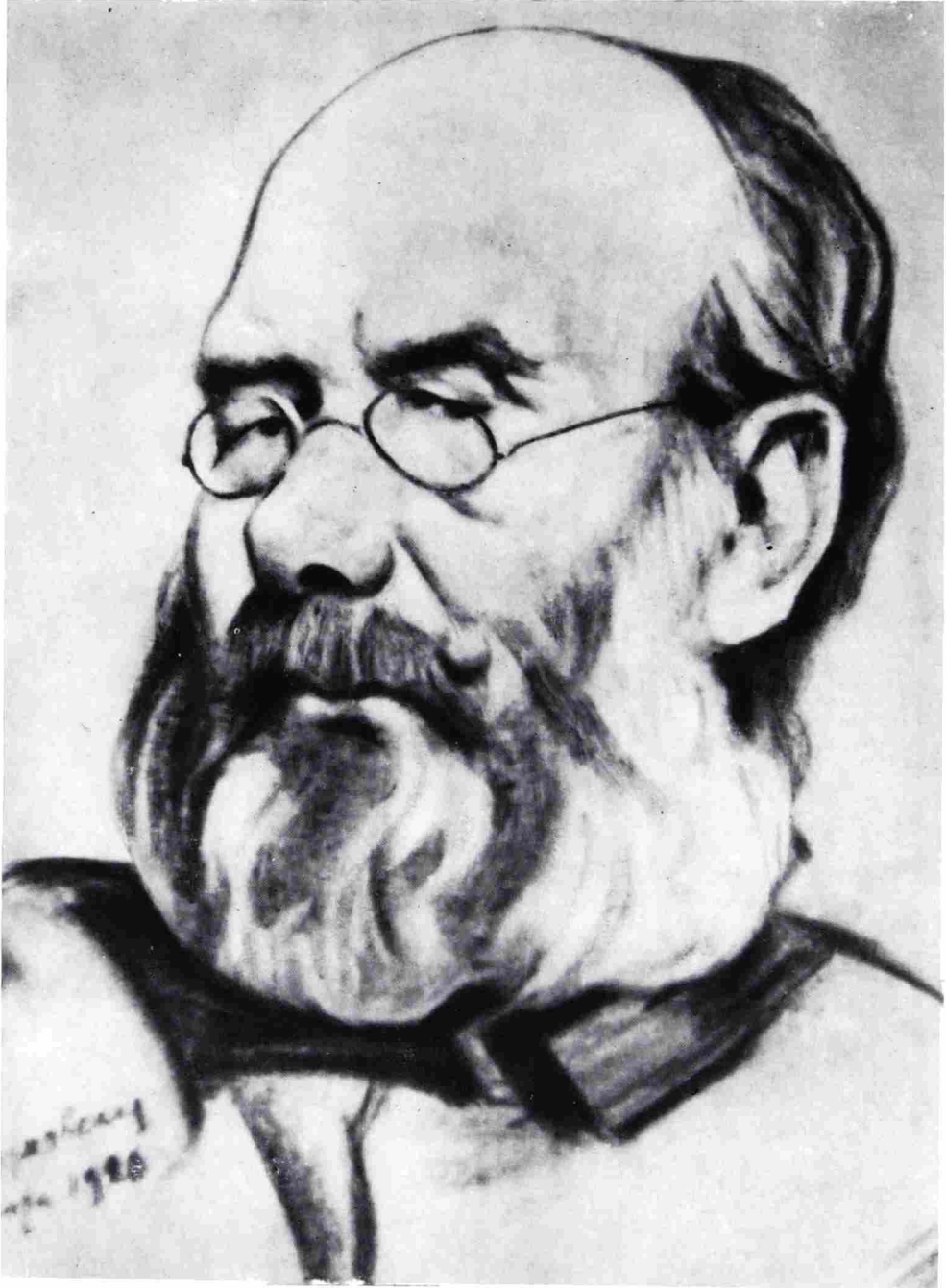
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1969

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,
Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

ВАСИЛИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ВЯТКИН

Статьи

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Л. ВЯТКИНА

Родился Василий Лаврентьевич Вяткин 18 августа 1869 г. в семье простого семиреченского казака, учился в открытой в 1874 г. Ташкентской учительской семинарии, которую и окончил в 1894 г. Среди преподавателей семинарии было несколько туркестановедов-любителей, хорошо знавших местный край и его памятники старины. Надо думать, что не без их влияния возникли краеведческие интересы В. Л. Вяткина. В семинарии он был деятельным участником туркестановедческого кружка, руководимого В. П. Наливкиным — общепризнанным знатоком края.

Ташкентская учительская семинария готовила учителей для «иностранных» училищ, но потребность в образованных и знающих край людях побуждала колониальную администрацию Туркестана использовать часть выпускников семинарии в качестве чиновников. Вяткин был направлен в Самарканд, где начал работать переводчиком (позднее делопроизводителем) областного правления. Занимая столь скромные по служебному рангу посты, В. Л. Вяткин с самого начала проявил прогрессивность и независимость своих взглядов. Попытки представителей колониальной администрации привлечь его к участию в работе по изучению местного мусульманства в связи с интересами русификаторской политики царизма неизменно отклонялись Вяткиным, всегда проявлявшим глубоко сочувственное отношение к коренному населению края.

Богатейшее историческое прошлое Самарканда, его многочисленные памятники материальной культуры привлекли к себе внимание В. Л. Вяткина. Его имя становится все более неотъемлемым от дела изучения истории Самарканда и самаркандской округи, регистрации, охраны и описания местных памятников старины, собирания предметов древности, восточных рукописей и актовых (вакфных и др.) материалов. Научно-краеведческие интересы тесно сблизили В. Л. Вяткина и с деятельностью основанного в 1877 г. Самаркандского областного статистического комитета. Вскоре он избирается членом комитета и выполняет функции его библиотекаря.

Необходимо отметить, что энергичная краеведческая работа Вяткина, энтузиаста-одиночки, протекала в самой неблагоприятной обстановке далекой и глухой по тем временам провинции. Колониальные власти проявляли, как правило, полнейшее равнодушие к участию местных памятников древности, многие из которых оставались безнадзорными и пребывали в самом плачевном состоянии. Предметы древности расхищались кладочкарями, расходились по рукам, продавались заграничным туристам. В этих трудных условиях научно-краеведческая деятельность В. Л. Вяткина приобретала большое значение.

При живейшем участии Вяткина в Самарканде возник и был открыт 21 июля 1896 г. ютившийся в одной комнате «Музей Самаркандского статистического комитета». Благодаря заботам и настойчивости местных краеведов, и особенно В. Л. Вяткина, музей обогащался предметами древ-

ности и другими экспонатами. Спустя 15 лет Вяткину удалось добиться строительства специального музейного здания.

Человек огромного трудолюбия и бескорыстной преданности науке, Вяткин посвящал все свои силы, знания, энергию любимому делу познания исторического прошлого Самарканда и прилегающих местностей. Отличное знание персидского, таджикского, узбекского и других языков позволило ему сопоставлять археологические наблюдения с данными старинных восточных рукописей и документов, что в условиях Средней Азии имело особо важное значение. С течением времени он стал непревзойденным знатоком исторической топографии и исторической географии изучавшегося им района. В этом отношении с ним не мог сравниться не только ни один туркестановед-любитель, но и большинство работавших в Средней Азии археологов и востоковедов-специалистов. Уже в 1900 г. востоковед В. В. Бартольд констатирует, что у самоучки-археолога Вяткина («бескорыстного и одинокого труженика») обнаруживаются «такое увлечение научными интересами и такое понимание научных задач, какое не часто приходится встречать у окончивших курс университета», и что Вяткин является «лучшим знатоком самаркандских памятников».

В 1896—1897 гг. В. Л. Вяткин опубликовал цикл народных легенд о древних памятниках Самарканда, в 1896 г. выступил со статьей эпиграфического характера, уточнявшей чтение надписей на некоторых памятниках зодчества в Самарканде. В 1900 г. была напечатана его статья «Где искать Визд» — остатки несторианского селения. Вяткин указывал на возможность их нахождения в четырех фарсах от Самарканда. В 1897 г. В. Л. Вяткин внес ряд поправок в составленную И. И. Трофимовым «Хронологическую таблицу мусульманских династий», а в рецензии (1899) на известную книгу Стэнли Лэн-Пуля «Мусульманские династии» он уточнил дату правления эмиров из бухарской династии мангытов, причем и здесь прибег к сопоставлению рукописных известий с данными хронограммы на неизданном надгробии Мухаммед-Рахим-хана в Бухаре.

Серьезным подспорьем для археологов в их работе по изучению самаркандских древностей являлась также переводческая деятельность В. Л. Вяткина. В 1896 г. Вяткин издал работу «Самарканд и его окрестности в прошлом по описанию Султана Бабура-Мирзы. Перевод из книги Бабур-намэ». В 1899 г. он опубликовал перевод сочинения Мир Абу Тохир-Ходжи Садр Самарканди «Самарийа», написанного в 30-х годах XIX в. и содержащего исключительно ценное для археологов и историков архитектуры описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Примечания Вяткина к переводу этой рукописи изобиловали множеством данных, извлеченных им из надгробных надписей и вакфных грамот. В 1906 г. последовало издание перевода с персидского на русский язык краткой редакции «Канди малой» — труда Имама Абу-л-Фазл Мухаммеда ас-Самарканди с историко-географическими сведениями о Самарканде и его окрестностях и данными о культовых памятниках старины.

В 1900 г. В. Л. Вяткин напечатал материалы к исторической географии Ташкентского района, а в 1902 г. последовало издание его обширной и ценнейшей для археологов и историков работы «Материалы к исторической географии Самаркандского вилаята». По словам В. В. Бартольда, она была «едва ли не самая важная из работ этой категории», основанная на показаниях письменных памятников и памятников материальной культуры.

Отличным примером значения письменных документов для воссоздания внешнего облика памятников средневекового зодчества и понимания их роли в социальной и хозяйственной жизни своего времени может служить подготовленный В. Л. Вяткиным к печати и изданный уже после его смерти (в 1958 г.) вакфный документ самаркандского мавзолея XV в. Ишрат-хана — династической усыпальницы женщин и детей из рода Тимуридов.

Летом 1904 г., действуя по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнологическом отношениях, В. В. Бартольд предпринял на Афрасиабе по инициативе работавшего здесь ранее Н. И. Веселовского раскопки для выяснения топографии города дотимуровского времени и нахождения остатков соборной мечети Самарканда. Раскопки велись при участии В. Л. Вяткина. Вяткин же раскопал в местности Намаз-гох за воротами Шейх-заде остатки культовой постройки средних веков. Самого В. В. Бартольда эти раскопки окончательно убедили, что он «не призван быть археологом», что занятия ею не являются его стихией и он «лишен необходимых качеств для так называемых работ «в поле» над вещественными памятниками истории». Поэтому, сохранив интерес к археологии и энергично содействуя осуществлению археологических изысканий в Средней Азии, В. В. Бартольд никогда не участвовал больше в полевой исследовательской работе. Ведение же дальнейших раскопок в Самарканде полностью перешло в руки В. Л. Вяткина. Вскоре, как это правильно отметил А. В. Арциховский¹, именно Вяткину суждено было стать центральной фигурой среднеазиатской археологии начала XX в. По отношению же к Самарканду и расположенному в его черте крупному городищу Афрасиаб его научная монополия была совершенно неоспоримой.

В 1905 г. на средства Русского комитета В. Л. Вяткин (избранный еще 27 сентября 1903 г. по предложению В. В. Бартольда, П. М. Мелиоранского и С. Ф. Ольденбурга членом-корреспондентом Комитета) повел раскопки, которые привели к обнаружению остатков соборной мечети с окаймленным портиком и вымощенным галькой двором, судя по всему, сожженной войсками Чингисхана при взятии Самарканда. В 1909 г. Вяткин совместно с любителем археологии военным инженером Б. Н. Кастанальским обследовал место находки известных бия-найманских оссуариев.

Все эти годы Вяткин тщательно собирал, сопоставлял и анализировал самые разнообразные сведения о возможном месте нахождения прославленной самаркандской обсерватории Улугбека. Надземные остатки обсерватории не сохранились и тщетно разыскивались Ростиславовым, Барщевским, Веселовским, Стратоновым и др. В. Л. Вяткин привлек к этому делу местного любителя старины Абу Саида Махзума и других лиц, неутомимо сопоставлял результаты археологических наблюдений с данными письменных источников средневековья. В одном из документов середины XVII в. В. Л. Вяткин встретил упоминание о пункте «Тал-и-расад» («Холм обсерватории») в местности Накши-Джахан у арыка «Благословенных Вод» (Оби-Рахмат). Но арык этот существует и сейчас, в наши дни, у холма, идентичного холму «Тал-и-расад», известного в народе под именем «По-и-расад» («Подножье обсерватории»). Окрыленный надеждой, усилившейся после осмотра упомянутой местности, В. Л. Вяткин ходатайствовал об отпуске ему средств на ведение раскопок «с целью отыскания остатков обсерватории Мирзы Улугбека в Самарканде». На средства, ассигнованные ему как «умелому и внимательному исследователю» Русским комитетом, он повел в 1908—1909 гг. раскопки, увенчавшиеся одним из самых замечательных археологических открытий начала нынешнего столетия — обнаружением руин улугбековской обсерватории.

В скалистую толщу уходила искусственно высеченная узкая щель (траншея) с огромным секстантом («судс») — главным инструментом обсерватории. Секстант состоял из двух параллельных каменных дуг, покрытых тщательно обработанными мраморными плитами, имел высеченные арабскими буквами обозначения градусов и служил целям визуального наблюдения светил и определения основных постоянных астрономических величин. Между дугами и стеной траншеи шли узкие лестницы, выложенные из жженого кирпича. По медным рельсам секстанта некогда ходил на

¹ Очерки исторической науки в СССР. III, М., 1963, стр. 594.

колесах или полозьях прибор — угломер, найденный В. Л. Вяткиным. Секстант обсерватории Улугбека и пьезометр остается редчайшим и наиболее старым из всех известных науке остатков подобного рода инструментов, употреблявшихся астрономами средних веков. Раскопки Вяткина обнаружили следы и некоторых других инструментов обсерватории. Однако при существовавшей тогда методике раскопок (закладка отдельных траншей) В. Л. Вяткину не удалось воссоздать достоверного общего плана здания обсерватории, что было сделано уже в наши дни. 25 ноября 1910 г. Русское археологическое общество наградило В. Л. Вяткина как «известного исследователя археологических богатств Туркестана» и открывателя руин обсерватории Улугбека медалью имени акад. В. Р. Розена. В 1911 г. В. Л. Вяткин продолжал раскопки на месте обсерватории.

В 1912 г. раскопками на Афрасиабе были обнаружены в западной части городища, близ Наубехарских ворот, остатки обширного здания (дворца Саманидов?), щедро украшенные резными гипсовыми плитами — панелями X в. В следующем году здесь же были впервые встречены следы древней настенной живописи. Сохранить ее не удалось, но она была зафиксирована художником Б. Ф. Ромбергом. То было первое, хотя и оставшееся почти неизвестным открытие в Средней Азии остатков древней настенной живописи доисламского времени, которая привлекает к себе сейчас, после новых открытий советских археологов, широкое внимание мировой научной общественности.

Помимо раскопочных работ большое значение приобрела систематическая регистрация В. Л. Вяткиным случайных находок предметов древности, в том числе монет, на территории Самарканда и его округи. Из года в год вел он хронику таких находок, стремясь паспортизировать их по местам обнаружения. Даже появившиеся потом в печати отдельные фрагменты этой хроники свидетельствуют об ее большом научном значении².

В. Л. Вяткин одним из первых обратил должное внимание на такую примечательную разновидность эпиграфических памятников средневековья, как кайраки (гладко окатанные крупные речные гальки-голыши, использовавшиеся в качестве надгробных камней с односторонними надписями арабским текстом и прописными датами). На протяжении нескольких лет им было учтено и прочитано более 250 кайраков V—VIII вв. хиджры из находок в районе старого Самарканда.

В апреле 1903 г. В. Л. Вяткин был назначен смотрителем памятников Самарканда. Невозможно было сделать лучший выбор. В том, что, несмотря на плохую сохранность и запустение, выдающиеся исторические памятники Самарканда дошли до наших дней и восстанавливаются сейчас при щедрой материальной поддержке Советского правительства усилиями большого коллектива опытных реставраторов, заключена большая доля заслуг В. Л. Вяткина. Все эти памятники были взяты им на строгий учет. Преодолевая косность и безразличие колониальной администрации, В. Л. Вяткин горячо ратовал за сохранность памятников, настойчиво изыскивал средства для их поддержания, пропагандировал их научно-культурное значение в печати («К вопросу о поддержании памятников древности в Самарканде», «Об археологических находках в Самарканде» и др.). Многократные попытки обречь под разными предлогами те или иные памятники на исчезновение, разобрать их на строительные нужды и т. д. неизменно встречали стойкое и упорное сопротивление В. Л. Вяткина.

По новой своей должности В. Л. Вяткин успешно выполнил и такое задание, как составление плана расположения всех памятников древности Самарканда и прилегающих к нему земель. Под его руководством силами военных топографов были осуществлены съемки и нивелировки окружающих Самарканд городищ и остатков защитных стен, огромной древней

² В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника. Изв. Средазкомстари, 3. Самарканд, 1926, стр. 276—279.

глинобитной городской стены Дивари-Кыямат, окружавшей Самарканд с пригородами и описанной ал-Факихом и ал-Истахри.

После сильного самаркандского землетрясения 1907 г. В. Л. Вяткин был назначен председателем комиссии «для исправления древних памятников города», и главным образом благодаря его личной настойчивости удалось изыскать суммы для принятия неотложных мер к укреплению пострадавших памятников старины.

В 1908 г. один из фиксаторов декоративного убранства историко-архитектурных памятников Самарканда предложил снять для музеев это убранство с «обреченных на разрушение» всемирно известных памятников Самарканда — Гур-Эмир, Биби-Ханым и др. Это непоправимое по своим возможным последствиям предложение было отклонено благодаря самому решительному протесту В. Л. Вяткина. «Мы надеемся, — писал Вяткин, — что не только содействия, но и разрешения не последует на такое постыдное для нас дело, как калечение доставшегося нам от былых времен художественного наследия».

События 1917 г. застали Вяткина в должности советника Самаркандского областного правления. После свержения самодержавия в России должность самаркандского военного губернатора была переименована в должность народного губернатора. Помощником последнего (вместе с исполнением функций советника областного правления) был назначен В. Л. Вяткин. В связи с этим после победы Октябрьской революции на него была возложена передача дел губернатора и областного правления представителям Советской власти, так как высокопоставленные чины самаркандской администрации сочли за благо покинуть в эти дни город. Надо сказать, что В. Л. Вяткин был в числе тех русских интеллигентов, которые без промедления предложили свои силы и знания народу. В 1918—1919 гг. он занимал должность помощника Самаркандского областного комиссара.

С первых же лет Советской власти В. Л. Вяткин разворачивает еще более широкую «самаркандоведческую» деятельность. Его имя органически слито со всеми мероприятиями послеоктябрьского периода по охране и изучению, ремонту и реставрации историко-архитектурных памятников города и производству археологических работ на его территории. В. Л. Вяткин мечтал превратить Самарканд в город-заповедник, восстановить его памятники зодчества, повести широкие археологические раскопки на Афрасиабе, создать в городе музей, достойный его богатейшей многовековой истории. Он был душой Самаркандской комиссии Турккомстариса (Комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы Туркестанской АССР), неизменным советником и консультантом всех посещавших Самарканд археологических и историко-архитектурных экспедиций и отдельных ученых, неутомимым гидом по местным памятникам старины.

После упразднения Турккомстариса, а затем и Средазкомстариса В. Л. Вяткин был председателем Узкомстариса (столица Узбекистана находилась тогда в Самарканде), а затем занимал должность археолога Узкомстариса, являясь также несколько лет подряд членом областной плановой комиссии при Самаркандском облисполкоме.

В послеоктябрьские годы Вяткин принимал участие в археологических работах и вне Самарканда. В 1920 г. он осуществил учет памятников и предметов древности в Бухаре, в 1925 г. обследовал там же мавзолей Исмаила Самани, в 1927 г. участвовал в раскопках древнего Термеза, в 1929 г. осуществлял археологические разведки на городище Арбинджан и описывал памятники древности в Хорезме и т. д.

Летом 1925 г. Вяткин повел на Афрасиабе новые работы в пункте, где им велись раскопки 1912—1913 гг. Были обнаружены остатки ряда строений, нумизматические, эпиграфические и другие находки. Раскопки велись и в следующие годы, причем близ руин соборной мечети были найде-

ны остатки здания, украшенного резной терракотой (видимо, мавзолея XII в.). Примечательно, что В. Л. Вяткин, археолог-самоучка, сумел установить в процессе своих многолетних работ на городище Афрасиаб районы нахождения кварталов гончаров, сделать ценные наблюдения в отношении бывшей сети оросительных каналов и общей топографии средневекового города. Он же пытался установить по смене форм и типов находимой на городище керамики последовательную шкалу его культурных напластований.

Умножающиеся находки предметов древности и остатков строительных сооружений времен до арабских завоеваний и распространения ислама все больше и больше укрепляли убеждение В. Л. Вяткина о более значительной древности поселения на Афрасиабе, чем это было принято считать. К концу своей жизни он и его соратники пришли к твердому выводу о наличии на городище поселения первых веков нашей эры. Этот вывод ставил под сомнение укоренившееся в тогдашней научной литературе утверждение, что «самые ранние из существовавших городов и поселений относятся только к тому Туркестану, который застали в VII в. н. э. арабские завоеватели» (В. В. Бартольд, 1922). Последующие изыскания советских археологов на Афрасиабе не только подтвердили точку зрения В. Л. Вяткина и его сотрудников, но и установили еще большую древность культурных отложений городища.

Уместно заметить, что под руководством В. Л. Вяткина начинали в 20-х годах свою раскопчную деятельность в Самарканде М. Е. Массон и В. А. Шишкин — в последующем известные среднеазиатские археологи. Принимал участие в этих раскопках и С. П. Бородин, ныне известный писатель, автор популярных романов о владыке Самарканда Тимуре.

Ремонтные работы на архитектурных памятниках Самарканда стали сочетаться с раскопчными работами у их основания и на прилегающей к ним территории, которые велись В. Л. Вяткиным и его учениками. Интересно, что В. Л. Вяткин и его сотрудники (архитектор-инженер М. Ф. Мауер, инженер-строитель Б. Н. Кастаньский и др.) уделяли большое внимание археолого-технологическому изучению древних строительных материалов, попыткам раскрыть производственные секреты старых мастеров декоративного оформления зданий и т. п. Этим закладывалась основа подлинно научной реставрации памятников.

В послеоктябрьские годы В. Л. Вяткин напечатал ряд весьма полезных и добротных научно-популярных работ по самаркандским памятникам материальной культуры («Мирза Улугбек и его обсерватория в Самарканде», 1925; «Памятники древностей Самарканда», три издания за 1927—1933 гг.; «Архитектура древнего Самарканда», 1929).

В 1926 г. В. Л. Вяткин опубликовал редкую находку гипсовой матрицы из Самарканда, пролившую дополнительный свет на технику средневековой местной отливки в Средней Азии. В 1927 г. Главнаука Наркомпроса Узбекской ССР выпустила в свет книгу В. Л. Вяткина «Афрасиаб — городище былого Самарканда», вызвавшую широкие отклики в печати (В. В. Бартольд, М. И. Вязьмитина, П. Е. Корнилов, позднее А. Ю. Якубовский и др.). Отмечая ценность сосредоточенных в книге фактических материалов и ряда наблюдений и выводов автора, рецензенты в то же время упрекали автора в отсутствии в книге научного аппарата и широких исторических обобщений, в проявлениях узко вещеведческого подхода к изучаемым объектам, в отсутствии глубокого анализа социальной жизни древнего Самарканда. Критиковалась и методика раскопок на ограниченных по площади участках и без предварительно поставленных задач общегисторического плана. Надо отметить, однако, что упрекать во всем этом археолога-самоучку, каким был В. Л. Вяткин, едва ли правильно. Об итогах его многопольной и энергичной работы нельзя судить вне времени и пространства, с позиций современных, резко возросших требований к археологическим изысканиям. В годы, когда протекала деятельность

В. Л. Вяткина, не только местные археологи, но и археологи-специалисты, за немногим исключением, не ставили или только начинали ставить перед собой задачи большого социального плана, новой методик и методологии раскопочных и других работ. Не забудем также, что Октябрьская революция застала Вяткина на психоде пятого десятилетия его жизни.

Что касается книги «Афрасиаб — городище былого Самарканда», то выпускалась она без научного аппарата не по вине автора, а по желанию издательства, предназначавшего ее для широкого круга читателей. Надо учесть к тому же, что в архиве В. Л. Вяткина сохранилось множество черновых набросков к более обширному труду по древностям Афрасиаба.

Наша характеристика Вяткина была бы неполна без кратких данных о его общественной деятельности. В 1903 г. он преподает на вечерних курсах по изучению узбекского языка. В 1908 г. при активном участии В. Л. Вяткина в здании мадрасы Улугбека была открыта первая в Туркестане мусульманская библиотека-читальня. В годы Советской власти общественная и педагогическая деятельность Вяткина приобрела еще больший размах. По словам В. П. Бглика — народного комиссара просвещения Туркестанской АССР в 1918—1919 гг., «с невероятным трудом налаживалось составление и издание новых учебников и элементарных учебных пособий для школ, в которых обучались дети из коренного населения. В этой работе принимал участие... ученый-востоковед Вяткин». Перу В. Л. Вяткина принадлежали изданные в 1918 г. в Самарканде «Учебник узбекского языка для русских школ» и «Бахари-даниш. Учебник персидского языка». В 1923 г. из печати вышло новое издание его учебника узбекского языка уже на основе латинской транскрипции. За успешную преподавательскую деятельность В. Л. Вяткину было присвоено звание профессора. В 1918 г. он был избран почетным членом Туркестанского народного университета. В. Л. Вяткин являлся также почетным членом Туркестанского восточного института в Ташкенте.

В. Л. Вяткин был одним из преподавателей Самаркандского института просвещения (Инпроса), где в числе его учеников были известные ныне ученые-академики Я. Г. Гулямов, И. М. Муминов, З. Ш. Раджабов и др.

Примечателен личный облик Вяткина. То был человек «казацкой лепки», крепко и ладно скроенный, незаурядной физической силы, неизменно спокойный и невозмутимый. Любовь к археологии, к востоковедческим занятиям носила фанатический характер, поглощала все его время и энергию. Пришедшие с течением времени широкая известность и признание его научных заслуг несколько не изменили его исключительной скромности, стремления не выделяться из окружающей среды. Среди населения Самарканда Вяткин пользовался безграничным уважением. Не было человека, не знавшего привычной фигуры Вяткина — неутомимого исследователя исторического прошлого, организатора музейно-краеведческой работы, неперемного экскурсовода, опытного и заботливого педагога и просто хорошего, отзывчивого человека. Жители Самарканда, узбеки и таджики, доныне сохраняют теплую память о Вяткине.

Скончался Василий Лаврентьевич 26 июня 1932 г. Во внимание к его научным заслугам он был похоронен на Регистане — центральной площади Самарканда, а в последствии, 29 декабря 1934 г., останки его были перенесены к месту открытой им обсерватории Улугбека, где и захоронены к северу от основания устоя квадранта на линии горизонтального круга.

Согласно воле покойного, собранная им на Афрасиабе и прилегающих к нему участках замечательная археологическая коллекция (древние терракоты, фрагменты оссуариев, стеклянные изделия, лучшие образцы художественной керамики от Саманидов до Тимура и Тимуридов) была передана родному для Вяткина Самаркандскому музею. Некоторая часть коллекции Вяткина поступила в Государственный Эрмитаж.

После смерти Вяткина остался ряд его доселе неопубликованных рукописей: «Намогильные камни в Самарканде первых веков ислама», «Монетные клады Узбекистана», «Клад самаркандских серебряных монет из кишлака Махау и медных саманидских монет из афрасиабских раскопок 1929 г.», «Мавзолей Амира Исмаила в Бухаре X века» и др. Остается распыленным по разным собраниям и ждет внимательного изучения обширный личный архив В. Л. Вяткина, особенно его полевые археологические записи, дневники раскопок, материалы к задуманным работам.

Научная и широкая советская общественность Средней Азии хранит теплую и благодарную память о жизни и трудах энтузиаста науки — самаркандского археолога Василия Лаврентьевича Вяткина.

Б. В. Лунии

Ю. Н. ЗАХАРУК

О МЕТОДОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЕ ПРОБЛЕМАХ

Небывалое развитие научного познания, новые задачи, которые ставятся ныне перед общественными науками, выдвигают на первый план разработку их методологических проблем. Успешная разработка методологических проблем каждой науки прежде всего зависит от понимания содержания понятия «методология». Между тем в таком принципиально важном вопросе существуют самые разноречивые точки зрения.

Весьма показательны в этом отношении разногласия, касающиеся понимания самого содержания методологии исторической науки¹. Часть исследователей, например, считают, что методологией истории является исторический материализм². Другие в свою очередь полагают, что методология истории не исчерпывается общими принципами исторического материализма и что под методологией истории следует понимать теоретическую дисциплину в рамках самой исторической науки³.

Третьи же считают, что методология истории имеет две стороны: одну, разрабатываемую на основе обобщения исторических исследований, и другую, составляющую ее философскую проблематику, мировоззрение⁴.

В связи с этим большого внимания заслуживает работа видного болгарского философа-марксиста Н. Стефанова⁵, в которой дано обоснованное построение методологии общественнознания и раскрыто ее содержание. Методология каждой науки, по Н. Стефанову, характеризуется, с одной стороны, специфическими особенностями ее объекта, а с другой — специфическими закономерностями ее развития. Задача исследователя и состоит в том, чтобы раскрыть эти специфические особенности каждой науки⁶.

Попытаемся выяснить наиболее характерные специфические особенности методики и методологии археологической науки.

Характер и специфика методики и методологии каждой науки определяются прежде всего характером и спецификой ее предмета, отличающими эту науку от других. Предметом истории является прошлое человеческого общества, опосредствованное в различных исторических источниках, в том числе письменных и вещественных. Предмет исторической науки поэтому представляется сложным. Объект ее исследования — разнообразные исторические источники, а цель познания — изучение истории конкретных обществ — субъектов истории, отраженных в этих источниках.

¹ Материалы расширенных заседаний Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР от 3—4 января 1964 г., на которых обсуждался вопрос о разработке методологических вопросов истории. Сб. «История и социология», М., 1964.

² Выступление М. В. Нечкиной. Там же, стр. 266.

³ Выступление М. Я. Гефтера. Там же, стр. 152.

⁴ Выступление А. В. Гулыги. Там же, стр. 807.

⁵ Н. С т е ф а н о в. Теория и метод в общественных науках, М., 1967.

⁶ Там же, стр. 159.

В зависимости от вида источника исторические науки подразделяются на собственно историю, изучающую историю человеческих обществ преимущественно на основании письменных источников, и археологию, изучающую конкретные общества прошлого на основании источников вещественных. В этом единство и различие предмета истории и археологии.

В археологической науке методы научного исследования определяются характером и спецификой ее объекта — археологических источников. Способ же их исторической интерпретации определяется, с одной стороны, научно-познавательными возможностями археологических источников (объекта) и, с другой — характером и спецификой изучаемого человеческого общества (субъекта), отраженного в археологических источниках. Подчеркивая глубокую связь между этими задачами археологического исследования, необходимо вместе с тем отметить самостоятельную значимость каждой из них. В этом различии метода научного познания и способа объяснения изучаемого предмета, как нам представляется, ключ к выяснению содержания и взаимоотношения методики и методологии археологической науки.

Под методикой археологической науки обычно понимают совокупность методов и приемов изучения разнообразных археологических источников. Археологические исследования связаны с методами и приемами полевых, лабораторных и кабинетных исследований. Методы полевых исследований касаются приемов разведки и стационарного исследования различных видов археологических памятников.

Лабораторные методы исследования применяются как для всестороннего изучения отдельных категорий археологических предметов, так и для систематизации и классификации археологических комплексов. Современный этап развития археологической науки характеризуется широким и успешным внедрением в полевую и лабораторную практику различных методов и приемов исследования естественных и технических наук. Применяемые в археологии методы исследования решают, в частности, очень важную сторону проблемы научно-познавательных возможностей археологических источников, касающуюся их качественных и количественных объективных характеристик, периодизации и хронологии.

Нетрудно заметить, даже из этой довольно общей характеристики методических приемов археологической науки, ее весьма специфические особенности и характер, существенно отличающие ее от методики других общественных наук, и в том числе от наиболее близкой к ней методики собственно истории.

Для глубокой и всесторонней научной интерпретации предмета историко-археологического исследования, каким является человеческое общество, отраженное в исторических источниках, необходимо знать, кроме научно-познавательных возможностей археологических источников, также характер и закономерности развития изучаемого общества. Ответы на эти вопросы может дать социология, если под последней понимать науку, изучающую общество как определенную систему в ее динамическом развитии.

Научно-теоретические принципы социологии имеют в данном случае методологическое основополагающее значение для археологии, равно как для всех остальных общественных наук⁷. Опираясь на данные всестороннего изучения археологических источников, с одной стороны, и знание закономерностей развития общества — с другой, возможна подлинно научная интерпретация предмета археологической науки. Вот почему одной из методологических задач археологической науки является, кратко выражаясь, социологическое осмысление всей совокупности археологических источников. Выполнить же эту функцию объяснения исторических явлений методология сможет только при условии, когда в ней в полном соот-

⁷ Н. Стефанов. Ук. соч., стр. 181.

ветствии с ленинскими положениями выступают в единстве теория исторического процесса и метод его исследования⁸.

Методология археологической науки кроме задач, связанных с изучением и интерпретацией специфического своего предмета, исследует также широкий круг вопросов, связанных с анализом и изучением самой археологической науки и ее развития. Под методологией, таким образом, следует понимать теоретическую дисциплину внутри археологической науки, решающую две группы проблем: одну, связанную с исследованием предмета, и вторую, связанную с изучением специфических законов и закономерностей развития археологической науки. При таком понимании методологии трудно оспаривать не только чрезвычайную важность, но также и самостоятельное значение ее.

Отметим некоторые важнейшие, с нашей точки зрения, методологические проблемы археологии. К числу актуальнейших относится проблема научно-познавательных возможностей различных категорий археологических источников; проблема социологического содержания археологических понятий, в частности основной единицы археологической классификации — археологической культуры, ее этнической и этнолингвистической атрибуции. Чрезвычайно важна и актуальна проблема множественности интерпретаций археологических источников и выработка логических приемов выбора единой адекватной их интерпретации. К числу методологических следует отнести проблему эксперимента и моделирования в археологии и их возможности. Важным разделом методологических исследований является проблематика, связанная с научным анализом методических приемов исследования в археологии, а также анализ понятийной системы археологической науки. Археологические источники, как и исторические источники в целом, являются объективной предпосылкой исторического познания. Без источников, без знания их характера невозможно познание прошлого, невозможна сама наука о прошлом. Вследствие этого проблема анализа исторических источников, их научно-познавательных возможностей приобретает первостепенное значение. При анализе исторических источников исследователь неминуемо сталкивается с некоторыми важными гносеологическими проблемами, в частности с вопросами о природе исторических источников, их отношении к историческому познанию, их близости к отраженным историческим событиям и фактам⁹. Вместе с тем решение проблемы научно-познавательных возможностей исторических источников предполагает их рассмотрение с точки зрения марксистско-ленинского понимания субъекта и объекта как в самой истории, так и в историческом познании¹⁰. Следовательно, проблема научно-познавательных возможностей исторических источников имеет, кроме того, еще философский, гносеологический аспект исследования. Обращая внимание на этот важный аспект исследования проблемы, было бы, однако, ошибочным полагать, что данная методологическая проблема является компетенцией одних только философов. Она имеет еще свой, сугубо специальный аспект исследования, определяемый характером самих археологических источников. Археологические источники выгодно отличаются от письменных тем, что они довольно полно и объективно отражают самую существенную сторону истории человеческих обществ — их материально-производственную деятельность. Именно поэтому Маркс, как известно, так высоко ценил значение останков средств труда для реконструкции древнейшей человеческой истории¹¹. По Марксу, они являются не только одним из важнейших и непеременимых моментов производства, но и мерилом его развития,

⁸ Е. Н. Городецкий. Вопросы методологии исторического исследования в послеоктябрьских трудах В. И. Ленина, ВИ, 1963, 6, стр. 18.

⁹ Г. М. Иванов. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке. ВИ, 1962, 12, стр. 25—26.

¹⁰ Там же.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, М., 1960, стр. 191.

а также показателем складывающихся при нем производственных отношений. Однако археология, равно как и история, не ограничивается только изучением и реконструкцией экономической истории древних обществ, а изучает процесс развития общества в целом, всю совокупность явлений общественной жизни, все ее стороны во взаимосвязи и взаимообусловленности¹². Вот поэтому особенно остро встает вопрос о том, в какой мере археологические источники могут решать эти стоящие перед исторической наукой задачи. Для этого необходимо осуществить большую работу по выяснению научно-познавательных возможностей как отдельных категорий археологических источников — керамики, кремневых изделий, изделий из кости и металла и т. д., так и различных археологических комплексов — погребений, жилищ, хозяйственных ям, кладов, культурных слоев, могильников, поселений и археологических культур в целом. Как известно, отдельные категории и виды археологических источников существенно отличаются друг от друга объемом содержащейся в них научной информации. К сожалению, в нашей литературе, за редкими исключениями¹³, нет специальных работ в этой области. Поэтому задача сейчас состоит в том, чтобы значительно активизировать специальные методологические исследования в этой области, попытаться выработать научные принципы классификации археологических источников, разработать научные основы, теорию нашего источниковедения.

Из-за отсутствия специальных методологических разработок в нашей исследовательской практике имеет место явное несоответствие между возможностями археологических источников и уровнем даваемых на их основе обобщений. Нередки случаи, когда на основании довольно фрагментарного материала решаются вопросы большого социологического и исторического содержания. К примеру, принципиально важный вопрос о земледельческом характере античной Березани решается на основании открытых на поселении зерновых ям и находок каменных зернотерок, ступ «для протирания запасов», двусторонней мотыги и лемеха, по-видимому, римского времени¹⁴. А далее на основании утверждения о земледельческом характере березанского поселения по существу делается обобщающий вывод об аграрном характере греческой колонизации в Северном Причерноморье вообще¹⁵. Наряду с этим можно было бы назвать немало примеров настойчивых поисков полноценных археологических источников, которые, как правило, завершаются выдающимися открытиями. Напомню значительные результаты многолетних исследований на ставшем всемирно известным поселении культуры линейно-ленточной керамики в Быланах (Чехословакия)¹⁶. Благодаря тщательному изучению выявленных на поселении многочисленных объектов, жилищ и хозяйственных сооружений и огромнейшего вещественного материала, который оказалось возможным обработать только с помощью статистических методов, были сделаны важные выводы. Вот только один пример. Исследователю поселения Б. Соудскому удалось не только выделить фазы развития поселения, но и проследить определенную закономерность в развитии жилищ, их устройстве и размерах, обусловленных увеличением количества населения данного поселка. Оказалось, что одна фаза с преимущественно однокамерными жилищами сменилась другой фазой, как правило, с двухкамерными жилищами, а последняя — фазой с трех- или четырехкамерными жилищами. После этого начинался новый цикл фаз от однокамерных жилищ к

¹² Очерки истории исторической науки в СССР, I, М., 1955, стр. 7.

¹³ Н. Н. Воронин. Архитектурный памятник как исторический источник, СА, 1954, XIX, стр. 41—76; А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? СА, 1957, 4, стр. 66—74.

¹⁴ В. В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1967, стр. 122—127.

¹⁵ Там же, стр. 147.

¹⁶ Bohumil Soudek. Bylany osada nejstařsich zemědelcu z mladší doby kamenné. Praha, 1966.

жилищам многокамерным, и так несколько раз. Автор исследований в Быланах видит в этом не только свидетельство роста населения, но также и процесс разрастания малой семьи в большую и отпочкования части жителей поселка, обусловленного ограниченными возможностями его неолитического хозяйства. Полученные наблюдения и выводы чрезвычайно любопытны. Перед нами яркий пример прямого соответствия между полноценным источником (широко исследованным поселением) и возможностями его исторической интерпретации. Немало аналогичных примеров можно было бы привести из исследовательской практики нашей отечественной науки.

Не менее важна и сложна проблема социологического содержания археологических понятий. Остановимся вкратце на проблеме социологического содержания основной единицы археологической классификации — понятия археологической культуры. Любое исследование археологического памятника или комплекса памятников не может считаться завершенным, пока исследователь не определил его отношение к какой-либо археологической культуре.

Это стало нормой, неизменным требованием каждого исследования. Однако если в сугубо археологическом плане на этом исследовании завершается, то в плане историческом с этого исследование только начинается.

За последние годы осуществлены успешные исследования множества археологических культур. Естественно, что в ходе изучения неизбежно возникал вопрос об их конкретном историко-социологическом содержании. Пожалуй, ни у кого из исследователей археологических культур не возникло сомнений в том, что они имеют какое-то определенное социологическое содержание, т. е. отражают историю некогда бытовавших каких-то человеческих сообществ. Однако если на первых порах исследования археологических культур довольно общее понимание их содержания еще могло удовлетворять исследователей, то со временем этого оказалось уже недостаточно. Как известно, человеческих обществ «вообще» не существует, всегда выступает конкретное общество, определенная совокупность производственных отношений людей¹⁷. Поэтому и для археологии все острее и острее вставал вопрос о выяснении конкретного социологического содержания понятия археологической культуры. Речь шла о том, чтобы установить, какие именно конкретные общества прошлого отражают выделяемые и изучаемые археологические культуры. Нерешенность этой проблемы отрицательно сказывается на развитии нашей науки. Все чувствительнее ощущается этот серьезный пробел в системе археологических знаний. Рядом исследователей было предложено несколько решений этой проблемы. В нашу задачу не входит рассмотрение этих концепций и их критический разбор. Некоторые исследователи видят в археологических культурах историко-этнографические области и хозяйственно-культурные типы¹⁸, другие — конкретные этнические образования прошлого¹⁹, третьи — социально-экономические области²⁰. Кроме того, имеют довольно широкое распространение взгляды, согласно которым «за археологическими культурами скрываются разные исторические явления, среди которых одно из возможных — наличие этнической общности»²¹.

¹⁷ Г. М. Иванов, Ук. соч., стр. 23—24.

¹⁸ К. Н. Otto. Archäologische Kulturen und die Erforschungen der konkreten Geschichte von Stämmen und Völkerschaften. «Etnographisch-archäologische Forschungen», 1, Berlin, 1953, стр. 1—27.

¹⁹ А. Ю. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности, СА, XXVI, 1956, стр. 5—27; Ю. М. Захарук. Проблемы археологической культуры. «Археология», XVII, Київ, 1964, стр. 12—42.

²⁰ J. Hermann. Archäologische Kulturen und sozialökonomische Gebiete. «Etnographisch-archäologische Zeitschrift», 1965, № 6, стр. 97—128.

²¹ А. Л. Монгайт. Археологические культуры и этнические общности. «Народы Азии и Африки», 1967, 1, стр. 59; Е. Н. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность, СА, 1964, 1, стр. 26—44.

Следует отметить как весьма показательное то обстоятельство, что среди сторонников, признающих этническое содержание понятий археологической культуры, в свою очередь имеют место расхождения относительно принципов их выделения. Большая, если не большая, группа исследователей полагает, что археологические культуры следует выделять на основании специфических этнических признаков, отраженных в некоторых элементах материальной культуры²². Другая же группа исследователей, в свою очередь, считает, что «дело не только в отдельных элементах культуры, которые могут быть общими у разных этнических групп, дело во всем комплексе культуры как системы, которая всегда и везде является специфической»²³. Такое исключительное разногласие, касающееся одного из фундаментальных археологических понятий, весьма показательное для современного состояния нашей науки, ее методологического уровня. Для выхода из создавшегося положения необходимо осуществить специальный методологический анализ и критический разбор указанных концепций, с тем чтобы можно было более обоснованно подойти к решению проблемы социологического содержания понятия археологической культуры.

Археологическая культура относится к числу основополагающих понятий археологической науки. Понятийный аппарат, как известно, составляет важную структурную часть каждой науки. Он образует современный фундамент наших знаний об исследуемом предмете. Понятия же, как утверждает логика научного исследования, по своему месту и значению не равнозначны в науке²⁴.

Фундаментальные понятия отражают общие закономерности и устойчивые признаки, характеризующие сущность изучаемого предмета. Понятие археологической культуры наиболее полно отражает в овековеченной форме субъект истории, конкретное общество прошлого. Такие же понятия, как комплекс жилища, орудий труда, предметов культа, поселения или клада, отражают разные стороны жизни и деятельности исследуемых древних сообществ. Поскольку речь идет об основании, фундаменте науки, к понятийному аппарату предъявляется ряд определенных требований. Важнейшее из них — это требование однозначности, или, выражаясь философски, их строгого определения. Строго определить понятие — значит определить такие границы его, которые обеспечили бы однозначное его употребление и исключили бы возможность разночтения²⁵.

Строгое определение фундаментальных понятий каждой науки, как это утверждает все та же логика научного исследования, — процесс длительный, сложный и трудный. Вместе с тем, как об этом свидетельствует история наук, уточнение исходных понятий каждой науки всегда связывается со значительным прогрессом в ее развитии. В точности и однозначности своих понятий и утверждений остро заинтересована и археологическая наука. И нет у нас иного пути, кроме пути методологического анализа и выработки строгих, однозначных понятий, в том числе такого фундаментального понятия, как археологическая культура.

Тесно связана с проблемой социологического содержания основных археологических понятий методологическая проблема множественности интерпретаций археологических источников и выработки логических приемов выбора единой правильной, объективной их интерпретации. Эта проблема особенно сложна для общественных наук. Дело в том, что проблема истинности научной интерпретации для большинства естественных наук решается в значительной мере путем их экспериментальной проверки. В этом отношении весьма показателен широко применяемый в естест-

²² А. А. Формозов. Этнокультурные области территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959; А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре, СА, 1964, 4, стр. 3—10.

²³ М. Ю. Брайтчевский. Теоретичні основи досліджень етногенезу. «Український історичний журнал», 1965, 2, стр. 47.

²⁴ «Логика научного исследования», М., 1965, стр. 299.

²⁵ Там же, стр. 108—109.

венных науках так называемый метод строгих выводов²⁶. Применение метода строгих выводов позволяет уже в процессе научного исследования снимать противоречащие опыту ошибочные гипотезы и положения. Значительно сложнее проблема выработки единой правильной научной интерпретации в общественных науках, в том числе и археологии.

В последние годы в связи с внедрением в археологию методов естественных и технических наук все больше внимания уделяется экспериментированию и моделированию. При этом экспериментирование и моделирование в археологии касается главным образом изучения качеств, свойств и характеристик разного вида археологических предметов. Куда более робко внедряется моделирование в область исследования собственно социологических проблем, исторической интерпретации археологических источников. В этом отношении несомненный интерес представляют первые опыты моделирования в области палеоэкономики, предпринятые С. Н. Бибиковым²⁷. Непреодолимые пока трудности возникают при постановке вопросов моделирования исторических процессов. И хотя в этом плане большие возможности таят в себе методы кибернетики²⁸, однако для их эффективного применения в археологии потребуются осуществление большой подготовительной работы по упорядочению и совершенствованию всей системы археологического знания, и прежде всего ее терминологии и понятийного аппарата. Пока мы практически не располагаем твердыми критериями для оценки истинности наших суждений, исторических обобщений. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что ни в какой области археологического знания нет столько противоречивого, спорного, взаимоисключающего, как в области социологической интерпретации и реконструкции исторических процессов. Говоря о социологическом содержании понятия археологической культуры, мы уже обращали внимание на существующую ныне разноречивость в этом вопросе. Пока мы не решим этого вопроса в общем методологическом плане, т. е. в плане выяснения содержания понятия археологической культуры вообще, наивно ожидать успешного решения этих вопросов в каждом отдельном случае.

В связи с этим хотелось бы особо подчеркнуть всеобщий характер методологической проблематики. Каждый исследователь, специалист в своей области, будь то первобытная археология или археология славянская, решает в каждом конкретном случае проблематику, касающуюся своей области. Например, проблемы происхождения трипольской или зарубинецкой культуры являются проблемами отдельных разделов археологической науки, в то время как в методологическом плане вопросы происхождения культур вообще имеют всеобщий характер и важны для всей археологии в целом.

Потребность науки в осмыслении ее основ и законов развития постоянна и непреходяща, а это предполагает необходимость в философском мышлении²⁹. Последнее в одинаковой мере касается как естественных, так и общественных наук. Вот почему успешное решение методологических проблем любой науки предполагает глубокое знание и понимание не только специальных проблем, но также философских проблем научного познания вообще³⁰.

Говоря о чрезвычайной важности разработки методологических проблем археологии, было бы глубоко ошибочным в какой-либо мере недооце-

²⁶ Дж. П л а т т. Метод строгих выводов. ВФ, 1955, 9, стр. 68—78.

²⁷ С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья, СА, 1965, 1, стр. 48—62; его же. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии. «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований, 1966», Кишинев, 1967, стр. 12—15.

²⁸ Г. К л а у с. Кибернетика и общество, М., 1967, стр. 14; Н. С т е ф а н о в. Ук. соч., стр. 171—173.

²⁹ Н. Ф. О в ч и н н и к о в. О разработке теории научного знания. ВФ, 1964, 2, стр. 20.

³⁰ Там же.

ивать общеметодологического значения исторического материализма, являющегося теорией и методом всех общественных наук. Исторический материализм выступает для всех общественных наук в качестве основы общей теории исторического процесса, которая в равной мере имеет отношение как к собственно истории, так и к археологии и этнографии и ко всем другим общественным наукам. Несомненно, что ложные исходные общеметодологические позиции неизбежно обрекают на неудачу решение собственно методологических проблем. Тот, кто при решении конкретных вопросов любой общественной науки не исходит из основополагающего принципа исторического материализма об определяющем значении производства, в жизни общества, тот, естественно, никогда правильно не сможет решить конкретные методологические проблемы своей области. Об основополагающем значении марксистской философии в разработке конкретных методологических проблем археологической науки специально шла речь в одной из работ немецкого ученого-марксиста Герберта Крюгера³¹. На конкретных примерах из области античной археологии Герберт Крюгер вскрывает коренное различие между методологиями марксистской и буржуазной археологических наук. Он убедительно показывает научную беспомощность, субъективизм и тенденциозность исторических интерпретаций буржуазных археологов-антиковедов и плодотворность археологической методологии, базирующейся на марксистских философских концепциях исторического процесса.

Исторический материализм шире методологий отдельных общественных наук, ибо представляет собой единую теорию познания и преобразования общества. Одновременно исторический материализм уже методологией отдельных общественных наук, так как он представляет собой особую область приложения диалектико-материалистического метода к познанию специфического материала отдельных наук³². В силу этих особенностей исторический материализм, являясь непрременной общеметодологической основой всех общественных наук, сам по себе не решает и не может решить конкретные методологические проблемы каждой общественной науки. В самом деле, можно ли требовать от исторического материализма, например, решения проблемы научно-познавательных возможностей археологических источников или любой другой из упомянутых и не упомянутых нами методологических проблем археологической науки? Вот почему абсолютно правы те исследователи, которые утверждают, что историческим материализмом нельзя подменить методологии отдельных наук³³.

Выясняя содержание понятия методологии археологической науки, мы отмечаем две ее стороны: одну, касающуюся проблем социологической интерпретации археологических источников, и другую — проблему самой жизни нашей науки. Успешное развитие науки возможно лишь при условии гармоничной, параллельной разработки этих обеих сторон. По линии разработки методологических проблем предмета нашей науки кое-что делается. Что же касается методологического анализа самой науки, то в этом плане не только ничего не делается, но даже и вопрос не ставится. Между тем, рассматривая науку как инструмент познания, исследователь должен знать, каков этот инструмент и каковы его возможности.

Плодотворное развитие науки возможно лишь при условии, если она использует в полном объеме все имеющиеся в ее распоряжении методы и приемы исследования. Метод, как свидетельствует логика научного исследования, делает науку способной к самодвижению, к достижению новых истин³⁴.

³¹ Н. Ст ü g e r. Die Bedeutung einer wissenschaftlicher Methodologie für die Archæologie. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1967, 5, стр. 549—562.

³² Сб. «История и социология», стр. 144—145.

³³ Н. Стефанов. Ук. соч. А. Гулыга. Послесловие. В кн.: Н. Стефанов. Теория и метод в общественных науках, стр. 259.

³⁴ «Логика научного исследования», стр. 308.

В каждой науке применяется большой комплекс различных методов и приемов исследования. Часть этих методов едина для всех общественных наук, часть применяется только в некоторых из них, а часть является специфичной только для данной конкретной науки³⁵. Комплекс применяемых в науке методов может быть классифицирован в зависимости от того, в какой области данной науки он применяется. Большая группа методов связана со средствами и приемами получения эмпирических данных. Применительно к археологии это значит, что речь идет о комплексе методов поиска и исследования различных археологических объектов, о способах и приемах анализа и исследования различных категорий археологических находок, способах их систематизации, установления определенных зависимостей между ними. Важнейшей методологической задачей, касающейся анализа этого эмпирического уровня археологической науки, является выработка соответствующего этому уровню языка. Другая группа методов касается теоретического постижения исследуемого наукой предмета. Речь идет о выработке различных способов истолкования археологических фактов, т. е. о выработке понятийного языка науки.

Для решения тех или иных конкретных задач научного исследования могут быть использованы различные методы. Наиболее ценными, естественно, будут наиболее результативные. Чтобы можно было наиболее эффективно использовать тот или другой метод, необходимо знать возможности каждого из них. Каждый метод может решать только какую-то определенную задачу в исследовании и может быть применен на определенном его этапе. Для этого надо знать порядок и правила пользования данным методом и его взаимоотношение с другими методами. Ответы на эти вопросы может дать методологический анализ всей системы методики данной науки. Кроме того, надо учитывать и то, что как сама наука в целом, так и ее методика в частности постоянно находятся в непрерывном развитии, что перед ними возникают все новые и новые задачи. Еще совсем недавно в археологической литературе обсуждался вопрос о том, можно ли использовать машины и механизмы в самом процессе исследования археологических объектов. Экспедиционная практика решила этот вопрос положительно. Этому в первую очередь способствовали экспедиционные исследования в необычайных для археолога условиях работы на новостройках³⁶. Теперь уже идет речь не о возможностях использования машин и механизмов, а о выработке определенных научных приемов их использования и совершенствовании соответственно этому приемов и средств фиксации археологических объектов.

Осуществление небывалых по масштабу полевых исследований на новостройках обусловило приток огромнейшего массового вещественного материала, обработка которого прежними методами практически уже невозможна. Вопрос целесообразности применения статистических и машинных методов обработки массового археологического материала также перешел из области дискуссий в практику археологической работы. Внедрение в археологические исследования методов естественных и технических наук остро ставит вопрос об их месте и возможностях в общей системе археологической методики. А это в свою очередь вызывает необходимость уточнения места, значения и возможностей традиционных методов исследования, например типологического.

Говоря о научных возможностях археологической методики, мы тем самым говорим и о возможностях археологии как науки. Безусловно, правы те исследователи, которые считают, что вопрос о возможностях археологической науки — это прежде всего вопрос о достижении «высокой точности исследования»³⁷. Без знаний возможностей археологической науки

³⁵ Н. Стефанов. Ук. соч., стр. 183.

³⁶ Ю. М. Захарук. Новобудови республіки і розвиток археологічних досліджень на Україні. «Археологія», XIX, стр. 3—13.

³⁷ А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 69.

трудно надеяться на возможность эффективного сотрудничества со специалистами других отраслей науки по проблемам, представляющим взаимный интерес, например проблеме этногенеза.

Когда речь идет о путях развития любой области современного знания, справедливо указывают на то, что прогресс науки не возможен без поисков самого широкого масштаба³⁸. Поиски приводят к положениям то бесспорным, то весьма спорным. Поиски, конечно, не исключают и ошибок. Это закономерно и неизбежно. Разумеется, все это целиком и полностью относится и к разработке методологических проблем нашей науки.

Подытоживая все изложенное выше, мы можем с полным основанием утверждать, что на современном этапе развития археологической науки особо важное, не побоимся сказать, решающее значение приобретают вопросы его методологии. Но одного этого утверждения, призыва и даже готовности взяться за разработку методологических проблем еще мало. Пришла пора приступить к практическому решению возникающих в ходе развития нашей науки методологических проблем. Возможно, что для реализации этой цели следовало бы провести специальное археологическое совещание, на котором обсудить конкретные задачи, связанные с разработкой методологических проблем. Представляется также весьма целесообразной организация специальной секции теории и методологии на ежегодных археологических конференциях. Не беда, что на первых порах на ее заседаниях, так же как это имело место и на секции VII международного конгресса в Праге, будут преобладать доклады, посвященные главным образом методическим проблемам. Со временем положение, несомненно, исправится.

Необходимо, наконец, снова поставить как один из первоочередных вопросов о неотложности выработки единой археологической терминологии. Нет более грубой ошибки, как полагать, что это чисто формальный, номенклатурный вопрос. Отсутствие однозначной археологической терминологии серьезно тормозит дальнейшее развитие нашей науки, в частности препятствует широкому применению в археологических исследованиях статистических и кибернетических методов.

Достижения советской археологической науки неоспоримы. Важнейшим условием дальнейших, еще более значительных успехов³⁹ является творческая разработка ее методологических проблем.

I. N. Zakharouk

LA MÉTHODOLOGIE DE LA SCIENCE ARCHÉOLOGIQUE ET SES PROBLÈMES

Résumé

On examine dans cet article les questions concernant la compréhension de la méthodologie de la science archéologique. Sous le terme «la méthodologie de la science archéologique» l'auteur comprend sa partie théorique spéciale consacrée à l'analyse de deux groupes de problèmes: l'un, concernant l'élaboration de la théorie du sujet même de la science donnée — et l'autre, lié à l'étude des lois spécifiques réglant le développement, la vie intérieure de la science.

L'auteur rapporte au nombre des problèmes méthodologiques les plus actuels ceux qui traitent des possibilités de la cognoscibilité scientifique des diverses catégories des sources archéologiques,— ceux qui concernent la compréhension des notions archéologiques au point de vue historique et sociologique, y compris les notions de la culture archéologique, de son attribution ethnique, etc. Un grand complexe de problèmes méthodologiques est lié à l'analyse de la place de la signification et des possibilités de différentes méthodes appliquées dans l'archéologie, au problème de l'acquisition d'une haute précision de l'exploration et, en fin de compte, à la puissance de l'archéologie.

L'élaboration des problèmes méthodologiques est considérée comme la condition capitale du rapide progrès ultérieur de la science archéologique.

³⁸ Арн. Чикобава. К вопросу о путях развития современной лингвистики. «Вопросы языкознания», 1966, 4, стр. 61.

³⁹ Б. А. Рыбаков, Б. А. Колчин. Археология завтра. «Будущее науки», вып. 2. М., 1968, стр. 318—333.

Н. В. РЫНДИНА

РАННЕТРИПОЛЬСКАЯ ОБРАБОТКА МЕДИ

В лаборатории структурного анализа при кафедре археологии МГУ завершена работа по всестороннему технологическому исследованию изделий из металла трипольской культуры. В общей сложности изучено более 600 трипольских орудий, украшений, предметов вооружения. 104 из них прошли металлографическое исследование, включающее микро- и макро-скопический анализ металла, измерение его твердости, подсчет количества видимых на шлифах включений. В связи с расшифровкой микроструктур трипольского металла постоянно использовались результаты его спектрального и химического анализов¹.

В итоге проделанной работы удалось раскрыть технику обработки изделий, связанных с разными периодами культуры; выяснить, в какой степени они связаны с местным производством; установить характер местного производства и его возможные центры; выделить привозные вещи и выяснить их происхождение.

Наиболее интересные, на наш взгляд, выводы были получены при изучении металла эпохи раннего Триполья. Прежде, чем мы обратимся к рассмотрению этих выводов, остановимся коротко на методических принципах нашего исследования.

Приступая к выяснению технологии трипольских изделий, мы уделяли большое внимание визуальному осмотру их поверхности в бинокулярный микроскоп. Осмотр поверхности предмета при небольших увеличениях помогает в наиболее общей форме наметить приемы и операции, которыми воспользовался мастер при обработке металла.

Однако визуальные наблюдения над способами обработки трипольских изделий не всегда оказывались достаточными для полных технических реконструкций. В этих случаях мы прибегали к помощи микро- и макро-скопических методов их исследования.

Широкое использование этих методов потребовало рассмотрения многих, до сих пор не выясненных методических вопросов.

В процессе микроскопического исследования трипольских изделий чаще всего приходилось иметь дело с так называемыми полиэдрическими структурами (рис. 1, 1, 3). Они образуются и в случае горячей кузнечной обработки меди и бронзы, и в случае холодной, сопровождаемой промежуточными нагревами. Возник вопрос, нельзя ли разграничить эти, на первый взгляд, однозначные структуры, выделить с их помощью изделия, подвергнутые горячей кузнечной ковке, от изделий, обработанных в холодную и затем отожженных.

Рассматривая с этой точки зрения строение деформированного металла, необходимо учитывать форму и особенности распределения в нем вклю-

¹ Весь комплекс металлографических работ осуществлен автором в лаборатории при кафедре археологии МГУ; спектральный анализ в подавляющем большинстве случаев выполнен в лаборатории Института археологии АН СССР Е. Н. Черных; химический — в лабораториях Гипроцветметобработки и кафедры аналитической химии МГУ.

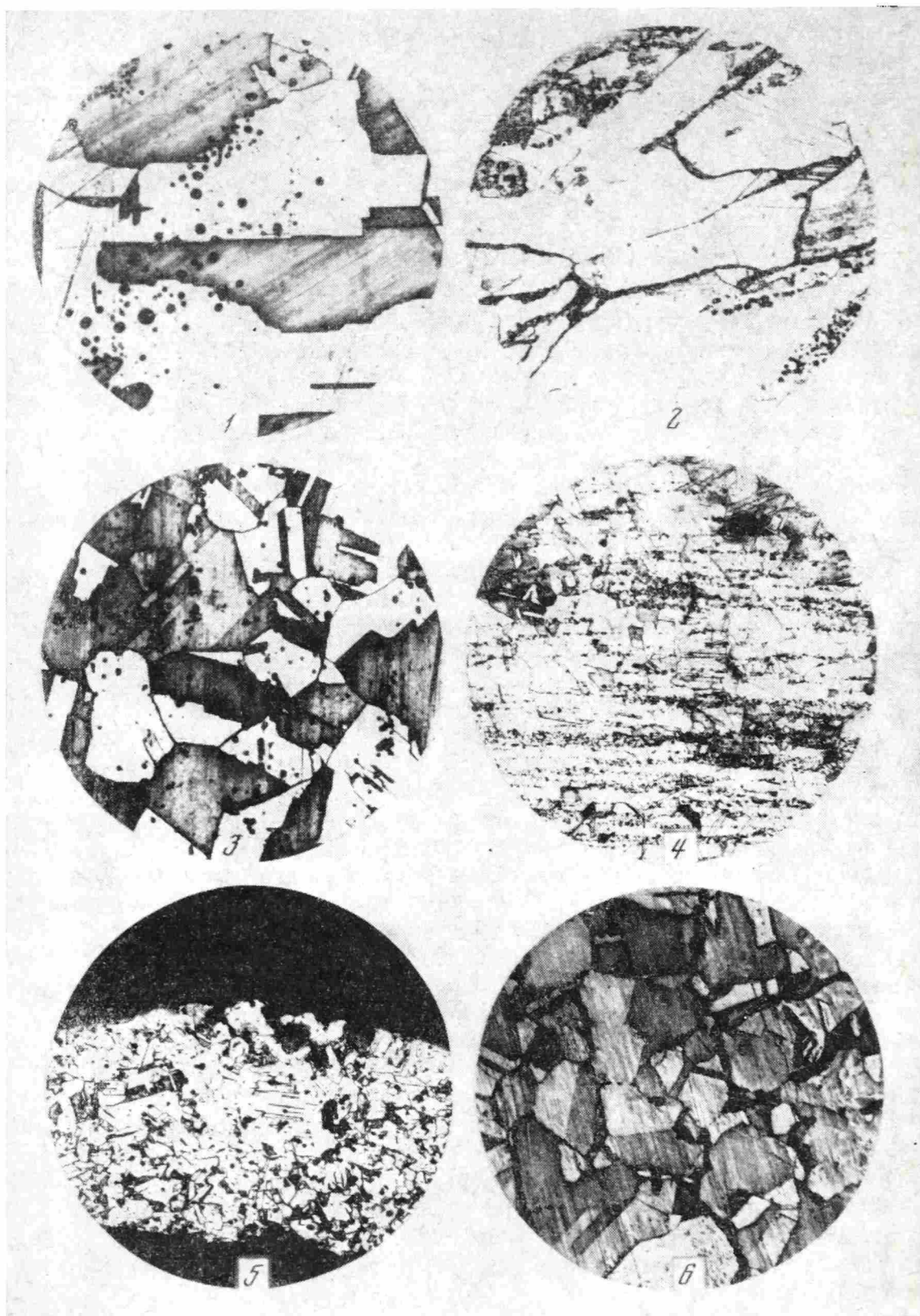

Рис. 1. Микроструктура

1, 2 — проушной топор Карбунского клада, инв. № 78—443, ув. 120; 3 — амулет Карбунского клада, инв. № 78—431, ув. 90; 4 — бусина Карбунского клада, инв. № 78—5, ув. 120; 5 — амулет Карбунского клада, инв. № 78—406, ув. 120; 6 — амулет Карбунского клада, инв. № 78—430, ув. 200

чений. При горячей пластической обработке включения в меди и бронзе получают четкую, плавную вытянутость в направлении действующей силы; кроме того, они будут иметь плавные, округло-овальные очертания (рис. 1, 4). Холодная деформация приведет к иным результатам: она раздробит включения, придаст им геометрически неправильную угловатую форму; общая вытянутость хотя и будет наблюдаться, но не в столь отчетливом виде² (рис. 1, 5).

Выяснить условия обработки деформированной меди часто помогает изучение количественного состава ее примесей. Включения свинца и висмута при повышенном их содержании ($Pb > 0,03-0,05\%$; $Bi > 0,005\%$)³ делают невозможной горячую обработку меди, вызывая ее растрескивание (явление «красноломкости», рис. 1, 6). Поэтому наличие в меди повышенных концентраций этих элементов в сочетании с отсутствием трещин на ее шлифе исключает возможность горячей обработки. Полиэдрическую структуру в этом случае правомерно связывать с разупрочняющим после холодной обработки металла нагретом.

На практике картина заметно усложняется из-за присутствия в меди и других примесей, многие из которых способны ослабить или усилить вредное влияние свинца и висмута. К примеру, в медных изделиях Карбунского клада нейтрализующее действие на свинец оказывали включения мышьяка, сурьмы, закиси меди⁴.

Большие возможности для расшифровки полиэдрических структур древнего металла открывает измерение его твердости. Если показатель твердости оказывается равнозначным твердости полностью разупрочненной меди или бронзы данного состава, то имел место отжиг после холодной обработки; если же показатель твердости ниже показателя холодно-наклепанного металла, но выше показателя, соответствующего его полному разупрочнению, то имела место горячая обработка⁵. Для определения твердости полностью разупрочненного металла трипольских изделий мы прибегали к помощи часового нагрева взятых с них образцов при $600-700^\circ$.

При разработке методики микроскопического исследования трипольского металла большое внимание пришлось уделить проблеме замены одних структур другими при переходе к новым видам обработки. Многие древние изделия из меди и бронзы, в том числе и трипольские, вначале отливались в виде грубой заготовки, а затем дорабатывались ковкой, шлифованием, полированием. В какой мере их первоначальная литая структура могла быть стерта последующим деформирующим воздействием?

Проведенные нами опыты показали, что для полного утрачивания литой структуры нужны такие деформирующие воздействия, которые приводили бы к заметному изменению формы литого предмета. При такого рода незначительных доработках, как заглаживание, выравнивание литой заготовки ковкой, следы первоначальной литой структуры остаются (рис. 2, 1, 2).

Но и в тех случаях, когда исходная литая структура утрачена, факт первоначального литья можно распознать по остаткам в металле газовых пор, раковин, следов усадки. Для полного запрессовывания литейных пор требуются такие высокие степени деформации, которые оправданы только при полной формовке предмета ковкой.

² T. V. Brown, E. Vose. Bronze Age Metal Objects from Azerbaijan. «Man», 49, 1949, стр. 136; E. Vose. Report on Samples of Copper and Bronze from Geoy Tepe. «Man», 50, 1950, стр. 44.

³ М. В. Мальцев, В. М. Теплинская, М. В. Степанова. Исследование влияния свинца и висмута на свойства меди и α -латуни. «Исследование сплавов цветных металлов», 1, М., 1955, стр. 130—134.

⁴ Там же. Стр. 133; С. И. Берман, П. С. Истомин. Прокатка цветных металлов, I, М.—Л., Свердловск, 1934, стр. 21—22.

⁵ P. Bergsøe. The Gilding Process and the Metallurgy of Copper and Lead among the Pre-Columbian Indians. Copenhagen, 1938, стр. 17.

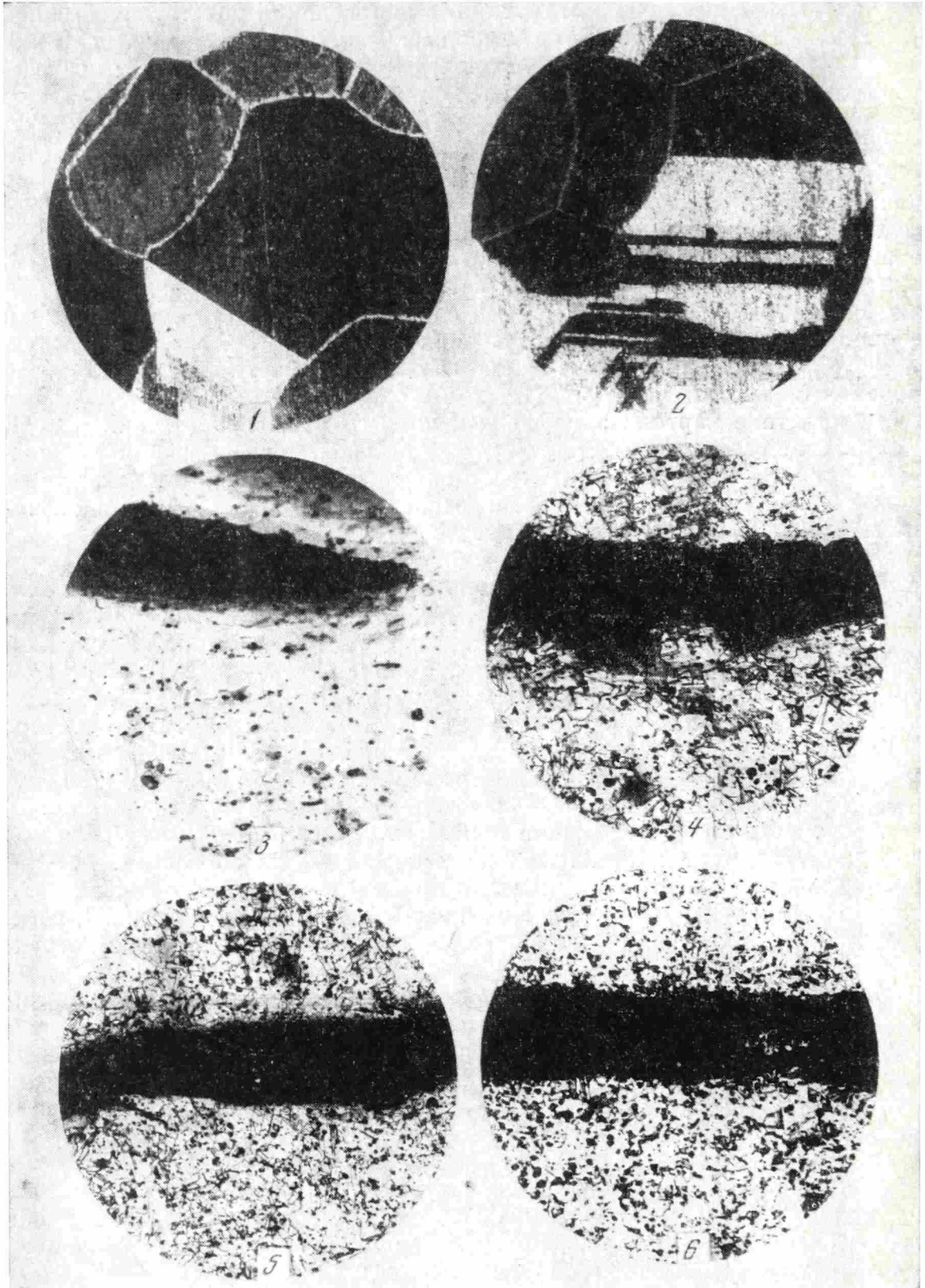

Рис. 2. Микроструктура. Увеличение 120

1, 2 — опытные образцы (литая медь после незначительной доработки ковкой); 3 — амулет Карбунского клада, инв. № 78—421 (вторичная наварка металла при починке изделия); 4 — амулет Карбунского клада, инв. № 78—424 (то же); 5 — полосовидная заготовка Карбунского клада (первичная сварка, предшествующая формовке изделия); 6 — амулет Карбунского клада, инв. № 78—422 (сварка при формовке изделия)

Отличить изделия, исполненные одной свободной ковкой, от литых и доработанных ковкой удается и по другим особенностям их структуры. Часто полезные с этой точки зрения сведения дает исследование присутствующих в металле изделия рванин, трещин. Появление трещин иногда приходится объяснять не склонностью к ним исходного металла из-за наличия в нем хрупких включений и не температурными режимами его обработки, а очень высокой степенью его деформации (рис. 1, 2).

Особое значение для исследования трипольского металла имела разработка структурных признаков самородной меди.

Разграничение самородной и металлургической меди, как правило, невозможно осуществить на основе данных ее химического состава. Единственным надежным признаком, выделяющим самородную медь, является полное отсутствие в ней окисных включений⁶.

Микроскопический анализ, определяя наличие или отсутствие на шлифе закиси меди, дает возможность установить ее характер, если она обрабатывалась только в холодную. Сложнее обстоит дело с изделиями, исполненными в технике горячейковки или литья. И в том и в другом случае под действием нагревания самородная медь будет насыщаться кислородом. По опытам шведского исследователя Бёргсе, при отжигах закисью насыщаются только поверхностные слои металла⁷. Значит, и при горячей обработке изделия микроструктурный анализ способен уловить самородный металл.

При переплавке и литье выяснить, имеем ли мы дело с самородным металлом, удается не всегда. Металлографический шлиф обнаружит литую структуру с включениями закиси, даже если исходным материалом послужила природная медь. Вопрос о ее происхождении может в этом случае решить присутствие серы: в самородной меди серы нет; в меди, выплавленной даже из чистых окисленных минералов, она присутствует часто⁸.

На основе изложенных методических принципов нами рассмотрен металлургический инвентарь всех этапов развития трипольской культуры. Обратимся к результатам исследования металла эпохи раннего Триполья.

Коллекция раннетрипольского металла в значительной своей части связана с находками Карбунского клада⁹. Но довольно большая группа вещей собрана и при раскопках раннетрипольских поселений, таких, как Лука-Врублевецкая, Берново-Лука, Новые Русешты, Ленковцы, Солончены I, Кельменцы, Извоаре 1—2¹⁰.

В общей сложности насчитывается около 500 раннетрипольских медных изделий. Основная их масса представлена украшениями — бусами, пронизками, браслетами, подвесками, нашивными бляшками, амулетами (рис. 3—6). Орудия из металла еще малочисленны. Медь находит приме-

⁶ F. C. Thompson. The Early Metallurgy of Copper and Bronze. «Man», 58, 1958, стр. 1; H. N. Coghlan. Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World. Oxford, 1951, стр. 38; W. Campbell. Die Metallurgie, VI, Halle, 1907, стр. 828.

⁷ P. Bersøe. Ук. соч., стр. 17.

⁸ C. H. Desch. History of Bronze. «Trans. Newcomen Society», 14, 1933—1934, стр. 97.

⁹ Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у села Карбуна. СА, 1963, 1, стр. 135—151.

¹⁰ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, 38, 1953, стр. 120, рис. 51; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. МИА, 84, 1961, стр. 57, рис. 9, 5; е е же, Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. КСИИМК, 51, 1953, стр. 22, 2, стр. 54; е е же, Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. КСИИМК, 56, 1954, стр. 78, рис. 37, 2; К. К. Черниш. Раннетрипольские поселения Ленківці на среднем Дністрі. Київ, 1959, стр. 77, табл. XII, 31, стр. 86; Н. В. Рындина. К вопросу о технике обработки трипольского металла. МИА, 84, стр. 205, рис. 1, 1; R. Vulpe. Izvoare. Săpăturile din 1936—1948. Bucuresti, 1958, стр. 98, рис. 72, 3; стр. 110, рис. 85, 5, 6; стр. 111.

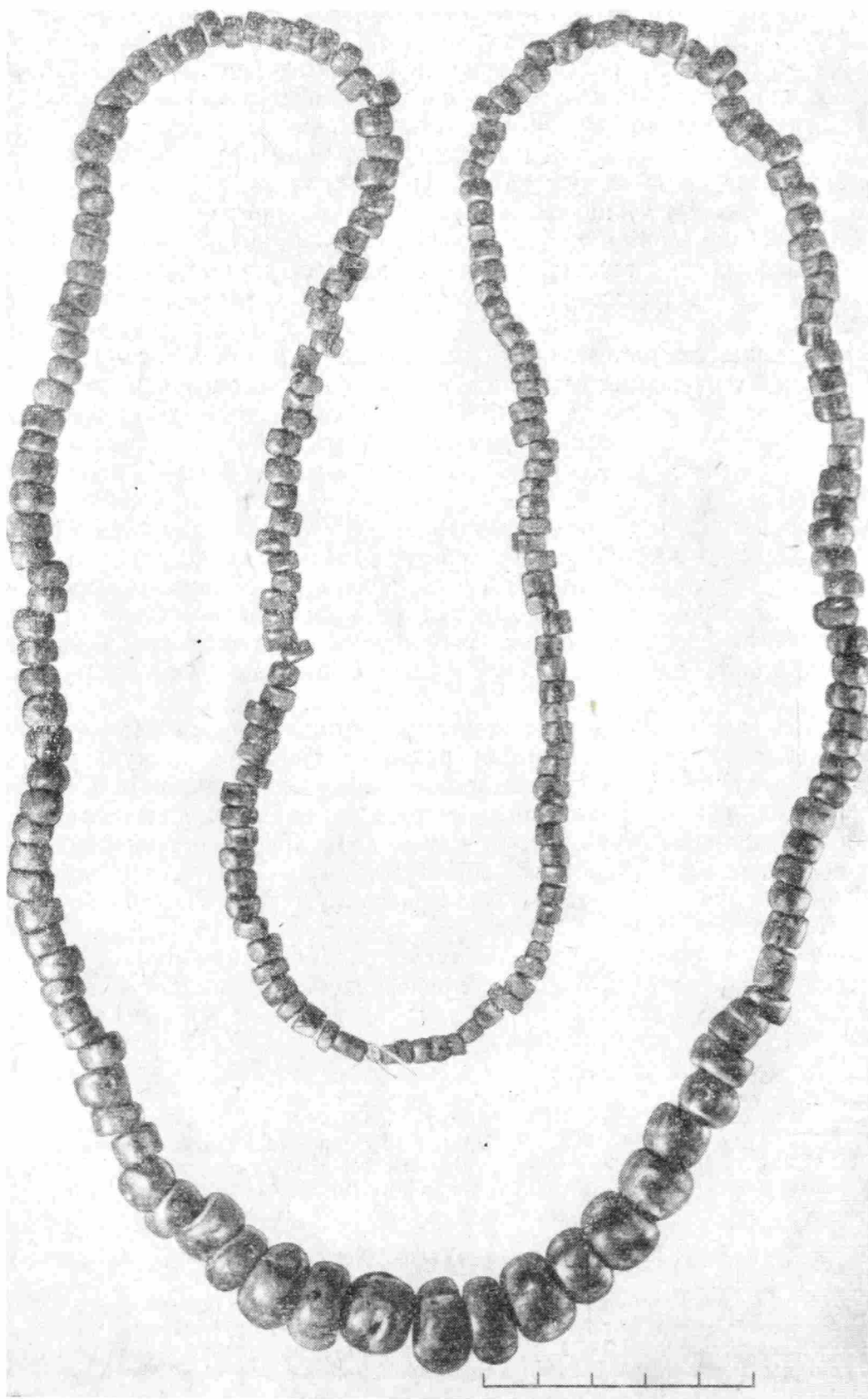

Рис. 3. Бусы Карбунского клада

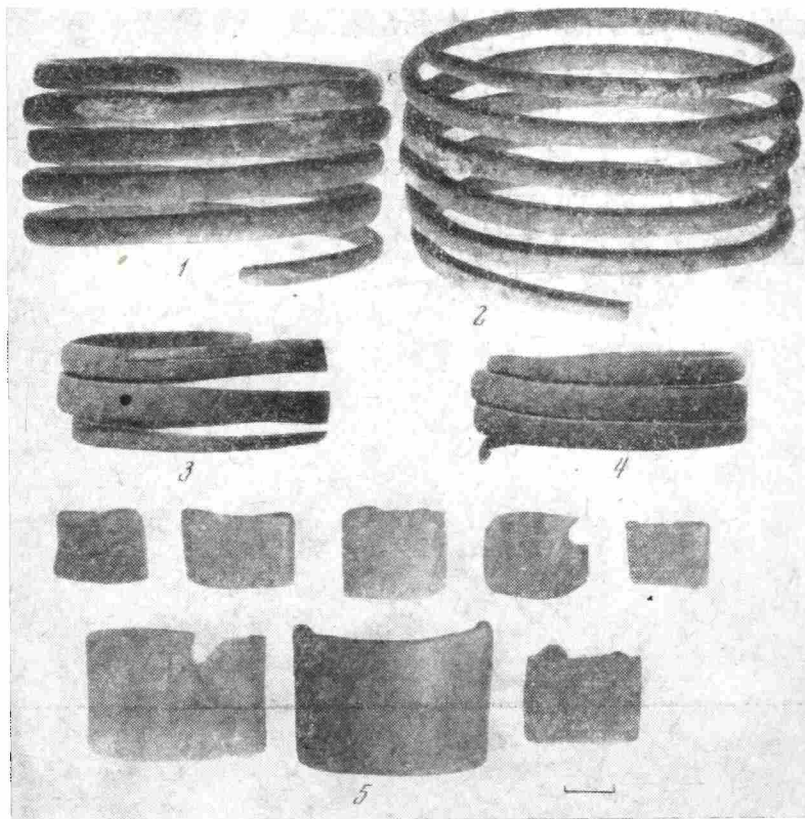

Рис. 4. Браслеты Карбунского клада

нение только для изготовления рыболовных крючков, шильев и в очень редких случаях — долот и топоров (рис. 7).

Детальное изучение технологии различных типов орудий и украшений позволяет прежде всего поставить вопрос о единстве технических традиций их производства. Общие для всех изделий технологические закономерности проявляются в следующем.

1) Приемы обработки металла не выходят за рамки использования различных кузнечных операций. Следы применения литейной техники отсутствуют.

2) Способы исполнения одних и тех же кузнечных приемов при формовке изделий разных типов абсолютно совпадают. Совпадение касается даже тех приемов, которые осуществлялись в древности в разных вариантах (кузнечная сварка, пробивка и прошивка отверстий, исполнение тисненых орнаментов и пр.).

3) Технология производства каждого типа орудий и украшений характеризуется постоянным, неизменно повторяющимся набором операций, которые следуют друг за другом в определенной последовательности.

4) Подавляющее большинство изделий изготовлено с помощью горячейковки металла, хотя в равной мере была допустима и холодная его обработка.

5) На рабочем крае раннетрипольских орудий нет следов вторичной упрочняющей деформации, столь обычной для орудий эпохи энеолита и ранней бронзы.

Элементы технологического подобия раннетрипольского инвентаря дают основание связывать его с деятельностью мастерских, объединенных тесными производственными контактами. Процесс сложения и постоянного взаимодействия таких мастерских представляется наиболее естественным, если подойти к нему с точки зрения их принадлежности единому по своим историческим судьбам производственному очагу. Его географиче-

ской и историко-культурной локализации помогают другие наблюдения над особенностями раннетрипольского металла.

В их числе следует назвать резкое несоответствие между способами обработки готовых изделий и способами производства их исходного сырья. С одной стороны, установлено отсутствие навыков плавнения и литья у мастеров, осуществлявших формовку изделий. С другой стороны, обнаружено использование ими в качестве сырья и плавленного, и металлургического металла. Попытка установить логическую связь между этими

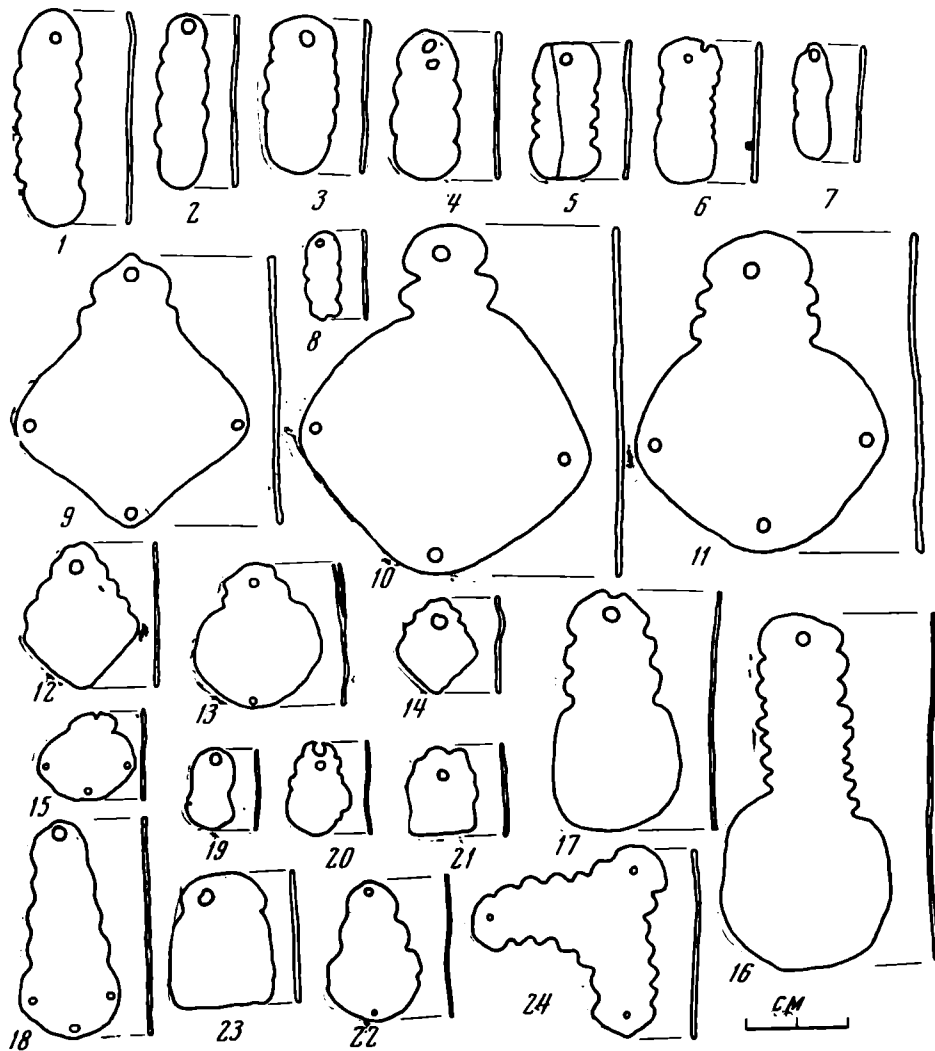

Рис. 5. Антропоморфные фигурки — амулеты Карбунского клада

фактами приводит к заключению о территориальной разобщенности производственных районов, в которых производилась выплавка меди и ее последующая обработка. Население, обитавшее в районе, богатом рудой, и имевшее возможность выплавлять из нее металл, оказалось по отношению к племенам, лишенным этой возможности, в более благоприятных условиях и намного опередило последние в развитии металлургических знаний.

Таким образом, раннетрипольский инвентарь отформован из привозного сырья в пределах производственного района, не имевшего собственной рудной базы.

На его землях месторождения меди либо совсем отсутствовали, либо были представлены в вариантах, исключающих их разработку доступными средствами.

Установленному относительно источников медного сырья требованию абсолютно отвечает только собственно трипольская территория. В области

обитания соседних с трипольцами балкано-карпатских племен широко распространены выходы как самородной меди, так и окисленных медных минералов (рис. 8)¹¹.

Существуют и прямые археологические свидетельства, подтверждающие местную обработку металла в эпоху раннего Триполья. При раскопках поселения Лука-Врублевецкая наряду с серией готовых медных изделий найдены две заготовки рыболовных крючков, одна заготовка шильца и обломок небольшого слитка (рис. 9, 1—4). С этим же поселением связаны интересные кузнечные инструменты: несколько плоских, каменных наковален¹² и обломок шестигранного кузнечного молота¹³, хорошо известного по этнографическим параллелям¹⁴.

В раннетрипольском слое поселения Извоаре обнаружена медная полоса, срезанная с края какой-то пластинчатой заготовки (рис. 9, 6)¹⁵. Еще две медные полосы происходят из Карбунского клада¹⁶. Они предназначались для изготовления бус, большое количество которых представлено в том же кладе (рис. 9, 7, 8).

Безусловным доказательством существования мастерской по обработке металла в Новых Русештах служит медный пробойник из раннетрипольского слоя поселения¹⁷ (рис. 7, 13). Всестороннее микроскопическое изучение его рабочего окончания показало, что он использовался для пробивки отверстий в тонких листах металла¹⁸.

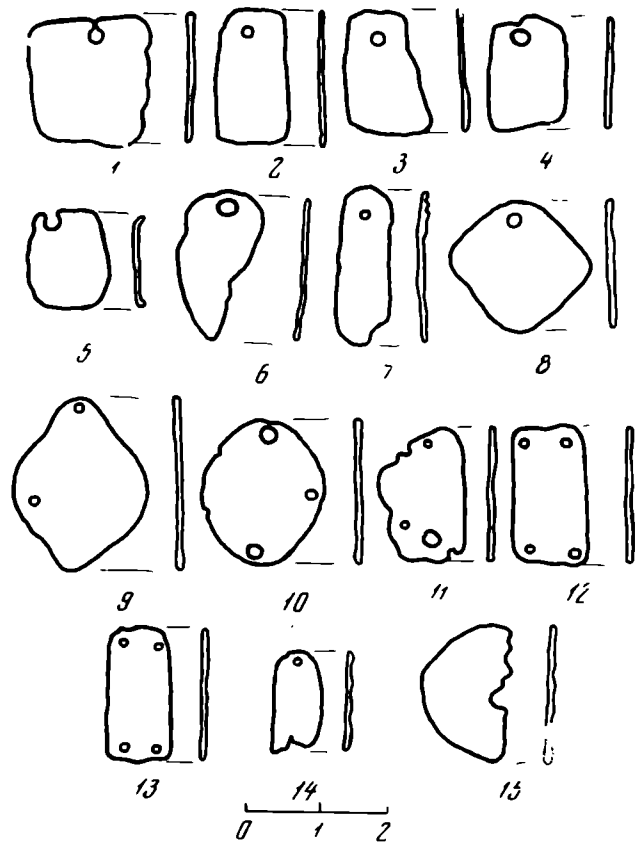

Рис. 6. Раннетрипольские привески и нашивные бляшки

1—13, 15 — Карбунский клад; 14 — поселение Извоаре, слой 1—2

¹¹ Представленная на рис. 8 карта составлена на основе материалов Всесоюзного геологического фонда, а также обширной геологической литературы, посвященной медным месторождениям юго-восточной Европы.

¹² С. Н. Бябиков. Ук. соч., стр. 55, 94.

¹³ Там же, табл. 20, 6.

¹⁴ A. Clément. Contribution à l'étude de la métallurgie précolombienne. «Journal de la Société des Américanistes», нов. сер., 27, Paris, 1935, стр. 417—458; P. Rivet, H. Arsan d'aux. La métallurgie en Amérique précolombienne. Paris, 1946, стр. 157; R. Verneau, P. Rivet. Ethnographie ancienne de l'Equateur. Mission du Service géographique de l'Armée noire la mesure d'un arc de méridien équatorial en Amérique du Sud, sous le contrôle Scientifique de l'Académie des sciences, VI, I. Paris, 1899—1906; Wilhelm V. Harnier's. Reise am oberen Nil. Darmstort, 1866, табл. 19.

¹⁵ R. Vulpe. Ук. соч., стр. 98, рис. 72, 3.

¹⁶ Г. П. Сергеев. Ук. соч., стр. 139, рис. 3, 1.

¹⁷ Пользуюсь случаем поблагодарить В. И. Маркевича, любезно предоставившего в распоряжение автора неопубликованные материалы из многослойного трипольского поселения у с. Новые Русешты (Кишиневская обл., МССР).

¹⁸ Проведенная нами в лабораторных условиях пробивка медных и бронзовых пластин с помощью пробойников разных форм позволила установить характер изнашивания их острия. Наблюдения показали, что правильная пробивка, сопровождаемая прямолинейным ударным действием, всегда приводит к появлению только одной формы следов в виде очень глубоких параллельных оси острия линий. Такого рода линейные следы работанности четко выражены на пробойнике из Новых Русешт.

Среди находок, связанных с раннетрипольским производством, можно еще назвать каменную наковальню из поселения у с. Троянова¹⁹ и обломки кузнечного молота из поселения у с. Ветилковки²⁰.

Сведения о местной обработке металла сами по себе не решают вопроса о происхождении всех раннетрипольских изделий. Деятельность местных кузнецов могла ограничиваться изготовлением только их части. Сфера приложения этой деятельности могла быть еще более узкой в том

случае, если она сводилась к вторичной починке или переработке привозного инвентаря.

Тождество способов исполнения раннетрипольских орудий и украшений подтверждает их местное производство. Если бы потребности в металле покрывались и за счет привозной, мы уловили бы разнородные приемы и технические варианты металлообработки, свойственные разным производственным источникам.

Исключается и тот путь местного производства, который предполагает только починку и переработку привозных вещей. Признаки вторичной переделки на изученных изделиях вообще отсутствуют. Что касается починки, то она, безусловно, осуществлялась в тех же мастерских, в которых эти изделия были изготовлены.

Среди общей массы трипольского медного инвентаря починка обнаружена на шести предметах Карбунского клада: на трех пластинчатых привесках, на одной бляшке и на двух антропоморфных амулетах (рис. 5, 5, 6; рис. 6, 2, 6, 7, 12). Во

всех случаях она сводилась к кузнечной наварке тонких листов меди на изношенные, стертые участки их пластин (рис. 10, 11). Причем технические условия исполнения вторичной наварки детально повторяют условия сварки первоначальной сопровождавшей как формовку самих изделий, так и формовку полосовидных заготовок²¹.

¹⁹ На поверхности этой наковальни, хранящейся в фондах Киевского института археологии, ясно вырисовываются характерные для сильного ударного действия выбоинки. Они заполнены красноватым налетом, анализ которого выявил заметное присутствие меди.

²⁰ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья, стр. 95.

²¹ Кроме упомянутых предметов со следами вторичной починки сварка зафиксирована на 389 готовых изделиях и на двух полосовидных заготовках эпохи раннего Триполья. Во всех случаях нагрев при сварке не выходил за пределы 350—450°, флюсом служил один и тот же материал (рис. 2, 3—6).

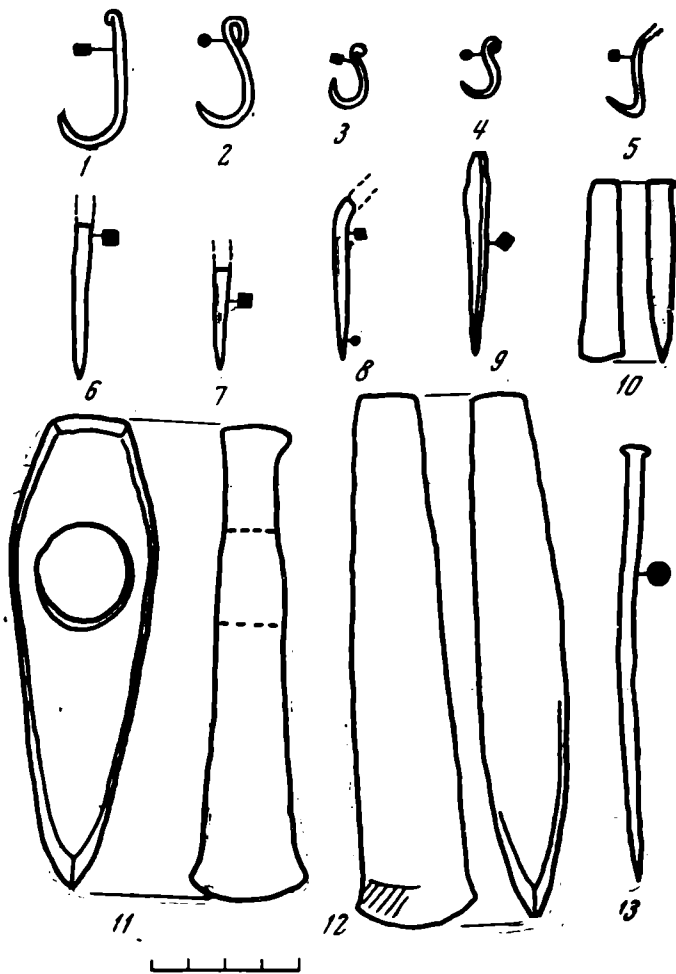

Рис. 7. Раннетрипольские медные орудия

1—5 — рыболовные крючки с поселений Берново Лука, Новые Русешты, Солончены I, Лука-Врублевская; 6—9 — шилья с поселения Лука-Врублевская; 10 — долото с поселения Кельменцы; 11—12 — топоры Карбунского клада; 13 — пробойник из раннетрипольского слоя поселения Новые Русешты

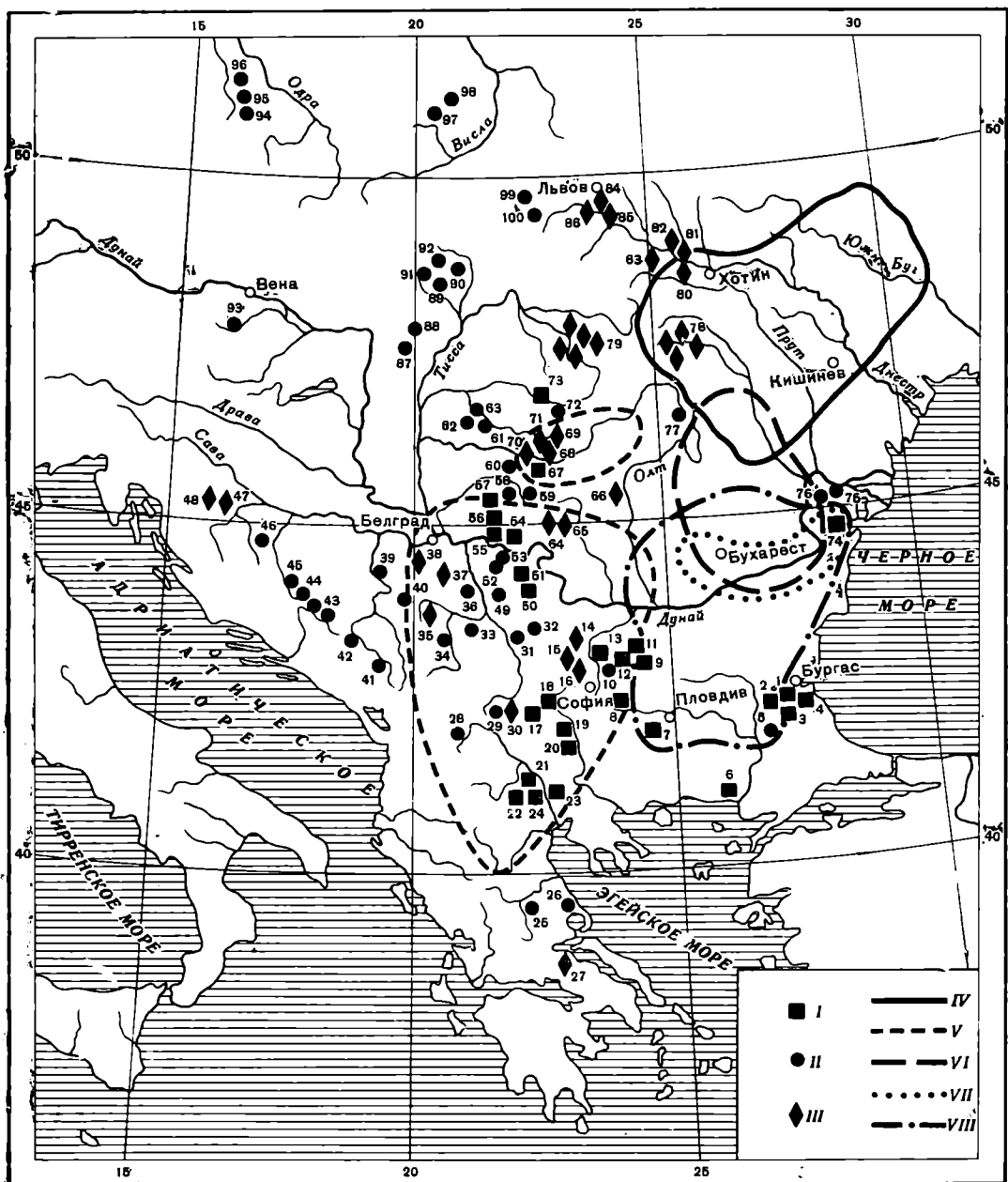

Рис. 8. Карта поверхностных месторождений окисленных медных руд Юго-Восточной Европы

I — месторождения со значительными проявлениями самородной меди; II — месторождения со слабо выраженными проявлениями самородной меди; III — мелкие рудопроявления, непригодные для древних разработок; IV — границы трипольской культуры, этап А; V — границы культуры Винча, стадия А—В; VI — границы культуры Боян, стадия Джулешты; VII — границы культуры Боян, стадия Петру Рареш; VIII — границы культуры Боян, стадия Петру Рареш. 1, 2 — к югу от Бургаса (имеются древние разработки); 3 — Верли Бряг; 4 — Росен; 5 — Прохорово Межда (крупные древние разработки); 6 — Ядримили; 7 — Павельска; 8 — Колопец; 9 — Градиус; 10 — Медет; 11 — Рого; 12 — Издремед-Раков Дол; 13 — Елисейна; 14 — Стриград; 15 — Плакальница; 16 — Соколек; 17 — Осогов; 18 — Кюстендил; 19 — Бобошево; 20 — Симитли; 21 — Барово; 22 — Страгово; 23 — Дудика-Берг; 24 — Джевжелия; 25 — Ларисса; 26 — Воло; 27 — Хани; 28 — Тетово; 29 — Витин; 30 — Пресово; 31 — Студена; 32 — Кална; 33 — Голубак; 34 — Роска; 35 — Станка; 36 — Рудник (имеются древние разработки); 37 — Таор; 38 — Вальево; 39 — Любовия; 40 — Враци; 41 — Пивска; 42 — Фока (имеются древние разработки); 43 — Сеонина; 44 — Прозор; 45 — Горни Вакуф; 46 — Езеро; 47 — Рцевак; 48 — Зировак; 49 — Сеньски Рудник; 50 — Бор; 51 — Майдан Пек; 52 — Вукан; 53 — Бродьика; 54 — Молдова Нова; 55 — Саска Монтана; 56 — Оравица; 57 — Донгеча; 58 — Обреза; 59 — Руска Монтана; 60 — Балзо; 61 — Солумосвар; 62 — Ковасци; 63 — Спекесараньяг; 64 — Байя де Арамма; 65 — Суцита Берг; 66 — Васла Луи Стан; 67 — Дева (имеются древние разработки); 68 — Лункой; 69 — Вукум; 70 — Алмаст-Салист; 71 — Дома; 72 — Муска; 73 — Резбанья; 74 — Алтана-Тепе; 75 — Лозова; 76 — Орта Чной; 77 — Балан; 78 — Фундул Молдovej; 79 — Бая Маре; 80 — Городница; 81 — Иване-Злоте; 82 — Устечко; 83 — Михальче; 84 — Семаковцы; 85 — Нагоряны; 86 — Митячи; 87 — Речк; 88 — Парад; 89 — Шмельнитц; 90 — Гельнитц; 91 — Добшау; 92 — Игло; 93 — Велем Сент Вид; 94 — Медянска-Яновик; 95 — Радзимовица; 96 — Злотария; 97 — Медянка; 98 — Медяна Гура; 99 — Монастерца; 100 — Бецмихова. (Трансильванский вариант культуры Боян-Джулешты, №№ 67—71, обозначен коротким пунктиром ошибочно).

Итак, наши рассуждения подводят к выводу о местном производстве раннетрипольского медного инвентаря.

Наличие местного производства в той или иной культурно-исторической области принято обосновывать еще и типологическим своеобразием ее продукции. Типологическое своеобразие раннетрипольских медных изделий выражено очень слабо. Только долото из Кельменцев и пластинчатый браслет Карбунского клада можно, на наш взгляд, связывать с проявлением творческой фантазии местных мастеров (рис. 4, 5; рис. 7, 10). Формы всех прочих орудий и украшений имеют широкое распространение в ареале балкано-дунайских энеолитических культур. Однако последнее отнюдь не противоречит выводу об их местном производстве, поскольку, получая металл из балкано-карпатских металлургических центров, раннетрипольские мастерские находились под их сильным влиянием²².

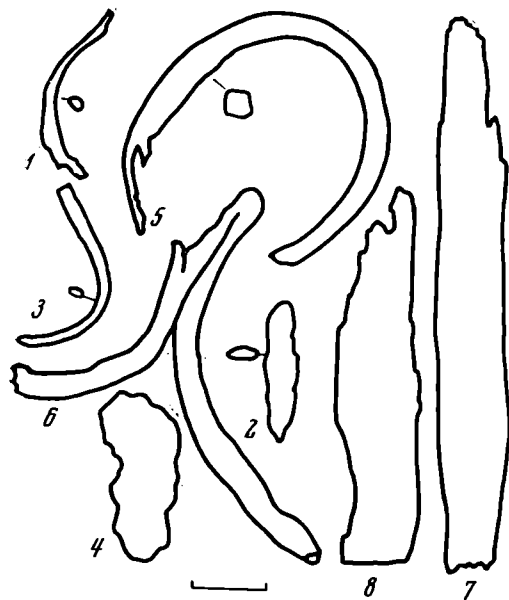

Рис. 9. Полуфабрикаты, заготовки, отходы раннетрипольского металлообрабатывающего производства

1—5 — поселение Лука-Врублевская; 6 — поселение Извоаре, слой 1—2; 7, 8 — Карбунский клад

Привозное сырье доставлялось на трипольские земли в виде полос²³ и, возможно, в виде слитков чистой металлургической меди. В некоторых случаях медь оказывалась загрязненной заметными примесями свинца, серебра, висмута, мышьяка и сурьмы. Это так называемая первая группа Карбунского металла, выделенная Е. Н. Черным²⁴. Источником такого металла были полиметаллические руды сложного характера, преобладающее значение в них имели минералы меди и свинца.

В балкано-карпатском регионе полиметаллические руды с преобладанием медно-свинцовых компонентов зафиксированы только в двух металлогеничных зонах: во-первых, на территории Болгарии, в западнобалканской зоне (Среднегорие и Странджанские горы)²⁵, во-вторых, на территории Румынии, в зоне Банатских гор²⁶. При полном сходстве

основных рудоносных минералов руды каждой зоны обнаруживают заметное отличие в наборе минералов второстепенных. Так, в западнобалканских месторождениях всегда присутствуют минералы цинка, но отсутствуют минералы висмута²⁷. Месторождения Баната, наоборот, характеризуются устойчивым наличием висмута и отсутствием цинка²⁸. Уже этих данных достаточно, чтобы исключить возможность привязки раннетрипольской вы-

²² Балкано-карпатское происхождение трипольской меди аргументировано Е. Н. Черным. (Е. Н. Черный. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 68, 71).

²³ Применение соединенных посредством сварки полос обнаружено нами при исследовании рыболовного крючка из Луки-Врублевской, долота из Кельменцев и большой группы карбунских бусин.

²⁴ Е. Н. Черный. Ук. соч., стр. 56—58.

²⁵ Материалы ВГФ, а также А. Г. Делчев, С. Н. Тонев. Полезные ископаемые Болгарии. «Разведка и охрана недр», 11, 1959, стр. 62; И. Йовчев. Полезные ископаемые на НР България (Цветни метали). София, 1961, стр. 123.

²⁶ Материалы ВГФ. Пользуюсь случаем поблагодарить Е. Н. Черного за его консультацию по вопросам, касающимся геохимических особенностей румынских руд, в частности руд Баната.

²⁷ И. Йовчев. Ук. соч., стр. 73, табл. 34; стр. 123.

²⁸ Материалы ВГФ.

сокоцинковистой меди к западнобалканским залежам: висмут в ней представлен постоянно, цинк — лишь в исключительно редких случаях²⁹.

С другой стороны, минералогическая характеристика руд Баната находится в полном соответствии с химизмом рассматриваемой группы раннетрипольского металла.

В раннетрипольское время банатские рудные выходы находились на территории культуры Винча. Регулярный обмен с винчанскими племенами трипольцы осуществляли, видимо, через посредство племен культуры Тиса-Польгар. Это тем более вероятно, что польскому археологу Дзиеконьскому удалось выделить в медном инвентаре культуры Тиса-Польгар группу высокосоцинковистого металла, сходного по примесям с раннетрипольским³⁰.

Несмотря на отсутствие собственного сырья и постоянную зависимость от привозного металла, трипольские мастера владели высоким совершенством в технике его формов-

Рис. 10. Бляшка Карбунского клада со следами вторичной починки, инв. № 78—400

Рис. 11. Край антропоморфного амулета Карбунского клада со следами вторичной починки, инв. № 78—421

ки. Рассмотрение с этой точки зрения медных изделий позволяет заключить, что они созданы руками очень опытных кузнецов, которым были знакомы все операции пластической обработки меди. Они умели раско-

²⁹ Как известно, при металлургической плавке руды сопутствующие ей примеси переходят в металл. И хотя коэффициент этого перехода у каждой конкретной примеси индивидуален, любая из них при наличии в руде обязательно присутствует в готовой меди (Е. Н. Черных. Исследование состава медных и бронзовых изделий методом спектрального анализа. СА, 1963, 3, стр. 149).

³⁰ T. Dziekoński. Metalurgia miedzi w osadzie kultury ceramiki wstęgowej ma-lowanej w Złotej, pow. Sandomierz, oraz proba ustalenia pochodzenia przerabianego tam surowca. «Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa», VII, Warszawa, 1962, стр. 108. табл. 4.

вывать медь в тонкие пластины и придавать им нужную форму последующей обрубкой и обрезкой краев; они умели разрубать массивные куски металла и изгибать их на болванках нужного профиля; они достигли совершенства в технике сварки, вытяжки, тиснения, прошивки и пробивки отверстий.

Особенно поразительны успехи раннетрипольской сварки. До сих пор сварка считается одной из самых сложных кузнечных работ, поскольку ее выполнение требует не только правильного нагрева заготовок, но и правильной подготовки их поверхности. Невзирая на эти трудности, раннетрипольские мастера всегда добивались необходимой прочности сварных соединений.

Мастерство трипольских кузнецов при исполнении самых сложных кузнечных операций зависело прежде всего от их умения обращаться с горячим металлом. Металл проще ковать в горячую, поскольку с повышением температуры возрастает его пластичность и снижаются усилияковки. Температурные интервалыковки зависят от химического состава металла и могут существенно меняться даже при незначительном изменении его примесей.

Древние мастера заметили, что одинаковый нагрев разной меди не всегда приводит к сходным результатам. В одних случаях она куется лучше; в других — при равных температурных условиях — хуже; иногда же становится совсем хрупкой и непригодной для дальнейшей обработки.

Большую остроту приобрел вопрос, как нужно нагревать подготавливаемый в ковке металл. Единственным критерием определения температуры могло быть изменение цвета металла, происходящее по мере его нагрева. Это так называемое изменение цветов каления, обусловленное преобразованием тепловой энергии в энергию лучистую. Длительная практика сопоставления результатов нагрева меди с цветами ее каления выработала у древних кузнецов ряд эмпирических правил, которых они неизменно придерживались в работе.

Многие из таких правил были прекрасно известны трипольцам. К примеру, они старались избегать высокотемпературной обработки свинцовистой меди. Приступая к ее сварке, они никогда не допускали нагрева выше 300° . Это хорошо улавливается на микроструктуре долота из Кельменцев и некоторых карбунских бусин (рис. 12, 1—3). Если вспомнить, что нежелательная при сварке красноточность свинцовистой меди дает себя знать с 327° , то становится понятным стремление трипольских кузнецов не доходить до этого рубежа. Чтобы распознать по цвету каления столь небольшую разницу в температуре металла, нужно было обладать очень высоким мастерством. Не меньшего опыта требовал и нагрев перед сваркой свободной от хрупких включений меди. Температурный интервал такой сварки во всех прослеженных нами случаях не выходил за пределы $350—450^{\circ}$.

Столь же устойчивыми и отработанными были температурные условия исполнения других кузнечных операций. Они всегда велись при температурах не выше 900 и не ниже $300—350^{\circ}$. Это вполне оправданно с точки зрения современных знаний о термообработке меди: нагрев выше 900° нежелателен из-за интенсивного окисления металла, нагрев ниже 300° не дает никаких преимуществ в отношении прилагаемых при ковке усилий.

Получение хорошей поковки зависело не только от умения выбрать подходящую температуру для ее предварительного отжига. Как уже отмечалось, нагревание меди всегда сопровождается ее окислением. Последнее особенно дает себя знать при высоких температурах, близких к точке ее плавления. Но и при более низких, в процессе длительного соприкосновения с воздухом, происходит насыщение меди хрупкими включениями кислородных соединений. Небольшое содержание кислорода в большинстве исследованных изделий свидетельствует о том, что изготовившие их мастера владели высокой техникой предохранения металла от окисления.

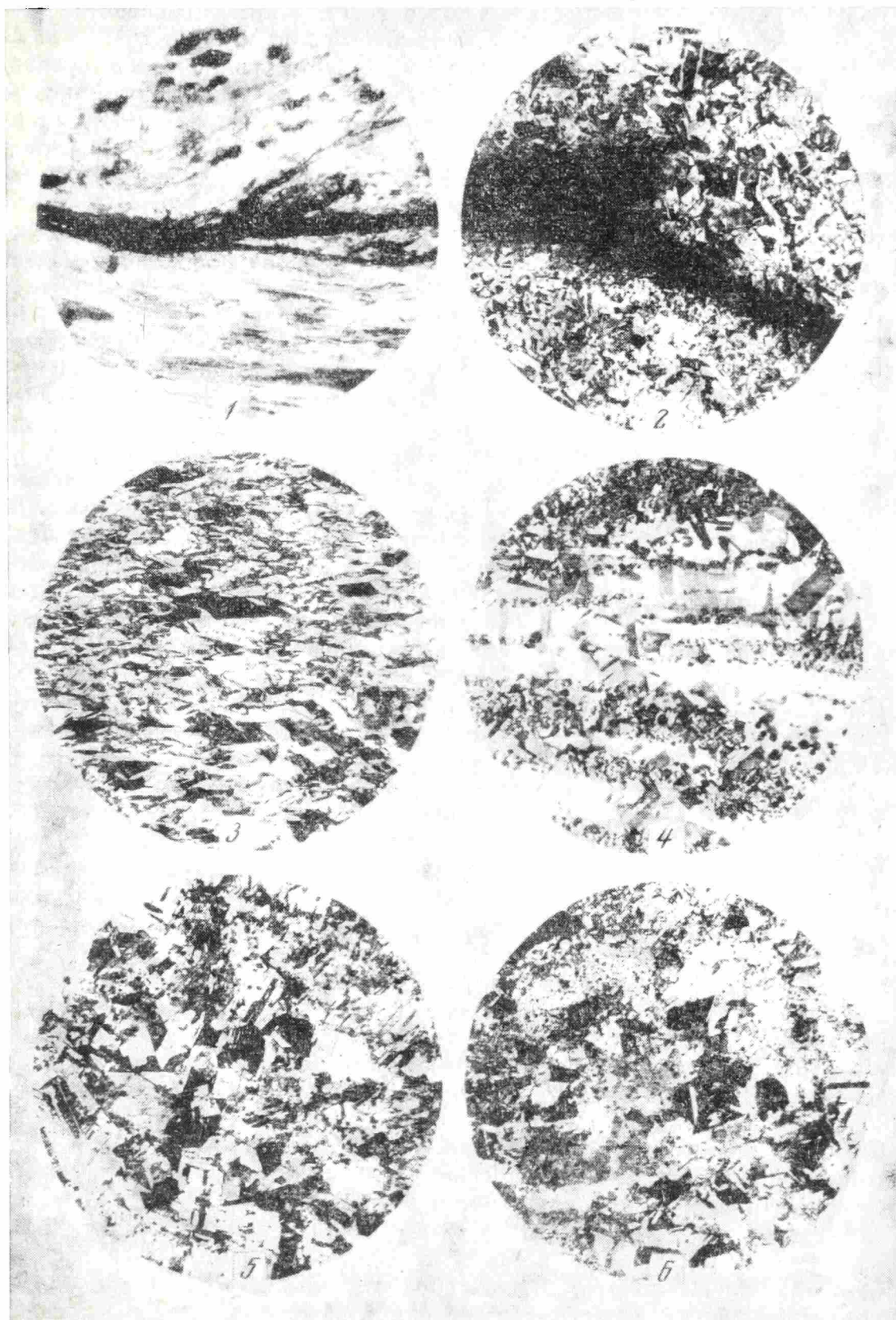

Рис. 12. Микроструктура

1 — долото с поселения Кельменцы, ув. 200; 2, 3 — бусина Карбунского клада, инв. № 78—5, ув. 120, 200; 4 — браслет с поселения Ленковцы, ув. 120; 5, 6 — спиральные браслеты Карбунского клада, инв. № 78—441, 78—439, ув. 120

Современные кузнецы используют для этих целей древесный уголь, засыпая им поковку до ее установки в горн. Интенсивно окисляясь, он играет роль изолирующего вещества. Скорее всего, защитные свойства угля были известны в раннетрипольских мастерских.

Однако к помощи предохранительных засыпок трипольские кузнецы прибегали не всегда. В тех случаях, когда все-таки возникала необходимость горячей обработки высокосвинцовистой меди, они предпочитали нагревать ее в открытую. Именно таким способом им удалось избежать ее краснотелости при формовке браслета из Ленковцев и нескольких бусин Карбунского клада (рис. 1, 4; 12, 4).

Конечно, трипольский кузнец не имел ни малейшего представления о том, что современные металлурги называют «нейтрализацией вредных свойств свинца кислородом». Только практическим путем он мог убедиться в преимуществах свободного нагрева некоторых видов сырья.

Раннетрипольские знания о термообработке меди не ограничивались совокупностью рецептов, связанных с ее горячей деформацией. В процессе холодной обработки мастера умело применяли промежуточные нагревы — отжиги для восстановления снижавшейся от ударов пластичности металла. Причем отжиг был осмыслен ими не только как необходимая при деформации металла промежуточная операция, но и как заключительная стадия формовки некоторых видов изделий. Так, для пластинчатых и некоторых спиральных браслетов пластичность была необходимым условием их использования, поскольку одеть или снять такой браслет можно было только сжимая или растягивая пластинчатый обруч. Безусловные следы заключительного, разупрочняющего отжига обнаружены при технологическом исследовании двух спиральных браслетов Карбунского клада (рис. 12, 5, 6).

Высокая техническая культура раннетрипольской металлообработки наводит на мысль о том, что уже в это время она выделилась из сферы домашнего производства в самостоятельную производственную отрасль. Только кузнец-профессионал, целиком посвятивший себя работе с металлом, мог успешно применить на практике столь сложный комплекс операций его формовки.

Говоря о совершенном характере раннетрипольских кузнечных навыков, нельзя не обратить внимания на внезапность их появления у местных племен во вполне сложившемся виде. Никакой линии постепенного становления, развития местной кузнечной техники мы в эпоху раннего Триполья не застаем. На основании этого, казалось бы, естественным возникновением местной обработки металла ставить в связь с заимствованием достижений более развитых племен. Однако при детальном рассмотрении результатов нашего технологического исследования оказывается, что такая трактовка происхождения трипольской металлообработки неправомерна.

Если бы имело место заимствование, основанное на поверхностном знакомстве с работами чужих мастеров, мы, безусловно, знали бы примеры более примитивных по технике исполнения изделий. В данном случае такие примеры отсутствуют, и мы сразу застаем в раннетрипольских комплексах сложные по форме и виртуозные по исполнению образцы. Видимо, рецепты и технические указания по обработке металла были привнесены в трипольскую среду непосредственно одной из племенных групп, участвовавших в формировании трипольской культуры.

У нас нет оснований говорить об автохтонном развитии этих племен, поскольку на интересующей нас территории раннетрипольский металл является древнейшим. Приступая к поискам возможных районов их обитания, мы должны прежде всего обратить внимание на территорию распространения в Европе более древних, чем трипольские, изделий из меди. Оказывается, что все они группируются в пределах юго-восточной, балкано-карпатской ее части.

В дотрипольское время металл известен здесь носителям культур Сескло³¹, Винча (на стадиях А—В)³² и Боян (на стадии Видра-Петру Рареш и предположительно Джулешти)³³. Медный инвентарь этих культур представлен в основном простейшими, функционально обусловленными формами орудий и украшений. Эти формы имели в дальнейшем всеобщее распространение; ничего специфического, связывающего их только с раннетрипольским металлом, в них нет. Кроме того, установление таких связей затруднено и полным отсутствием аналитических исследований этого древнейшего инвентаря. Исходя из этого, на настоящем уровне знаний мы не можем решить однозначно, какой из трех названных культур принадлежал приоритет в развитии раннетрипольских знаний о металле. Но не решая окончательно вопроса о происхождении раннетрипольской металлообработки, мы можем привести некоторые косвенные соображения, которые ограничат направление дальнейших поисков.

Первое соображение общего порядка. Если навыки обработки металла были переданы трипольским племенам непосредственно от племен, принимавших участие в сложении культуры, то естественно искать сходства не только в их металле, но и во всем облике материального производства. Подходя с таких позиций к культурам Сескло, Винча и Боян, мы получаем право исключить из дальнейшего рассмотрения культуру Сескло, поскольку черты ее сходства с трипольской культурой выражены слабо³⁴. Что касается винчанской и боянской культур, то они, напротив, имеют с ней много общего. Причем общность эта носит не только стилистический, но и органический характер, проявляясь в эволюции многих серий археологического материала³⁵.

Особенно четко обозначено культурное родство раннетрипольских памятников фазы Джулешти — Зенешти³⁶.

Связь с фазой Джулешти дополняется еще и интересными стратиграфическими наблюдениями в поселениях типа Извоаре, где слой с находками, типичными для Боян — Джулешти, непосредственно перекрывается трипольскими напластованиями³⁷. На основании сравнительно-типологических и стратиграфических данных культура Боян — Джулешти рассматривается сейчас некоторыми исследователями в плане генетической связи с ранним Трипольем³⁸.

³¹ F. Schachermeyr. Die ältesten Kulturen Griechenlands. 1956, стр. 128—129.

³² М. Васућ. Преисториска Винча. II. Београд, 1936, стр. 168—169; П. Детевъ. Селищната могила в с. Св. Кирилово Старо — Загорско. Годишникъ на народния археологически музей. VII, София, 1943, стр. 243; J. Nestor. Sur les débuts de la métallurgie du cuivre et du bronze en Roumanie. «Nouvelles études d'histoire présentées au X congrès des sciences historiques», Rome, 1955. Bucarest, 1955, стр. 50; I. Bogner-Kutzián. The Copper Age Cemetery of Tiszapolgár — Basatanya. Budapest, 1963, стр. 500—501.

³³ E. Comşa. Considérations au sujet de l'évolution de la culture Bojan. SCIV. 3—4, 1954, стр. 392—394; E. Comşa. Quelques données relatives à la periodisation et à l'évolution de la civilisation de Bojan. «Dacia», I, 1957, стр. 64—65.

³⁴ Г. Думитреску. К проблеме происхождения докукutenской культуры. МИАЮ-3, СССР и РНР, Кишинев, 1960, стр. 38, 40.

³⁵ Там же. Стр. 37, 40—41; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья, стр. 195—200.

³⁶ Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднего неолитических культур Дунайско-Днепровского междуречья. СА, 1958, № 1, стр. 34—44; е е же. История племен V—III тысячелетий до н. э. на территории Молдавской ССР. Тезисы докладов I симпозиума по археологии и этнографии юго-запада СССР. Кишинев, 1964, стр. 8; VI. Dumitrescu. Originea si evolutia culturii Cucuteni — Tripolie (I—II). SCIV, XIV, 1—2, Bucuresti, 1963.

³⁷ R. Vulpe. Izvoare; Г. Думитреску. Ук. соч.

³⁸ Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР... стр. 46; е е же. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья, стр. 203; е е же. Румыно-советский семинар по проблемам первобытной археологии. СА, 1963, № 3, стр. 291—292; Г. Думитреску. Ук. соч., стр. 44; VI. Dumitrescu, Ук. соч.

С другой стороны, считается бесспорным, что трипольские племена впитали в себя многие черты, характерные и для культуры Винча³⁹.

Таким образом, корни раннетрипольской металлообработки наиболее правомерно искать в области обитания боянских или винчанских племен. Успех этих поисков во многом зависит от дальнейшего накопления археологического материала и его будущего аналитического исследования.

Второе соображение, которое следует принять во внимание в связи с обсуждением вопроса, касается конкретных технологических особенностей раннетрипольского металла. Дело в том, что кузнечные приемы раннетрипольской металлообработки могли сложиться только в условиях длительного использования не требовавшей переплавки самородной меди.

Собранный нами большой материал по геологии медных руд балкано-карпатской Европы убеждает в том, что наиболее благоприятными для освоения самородной меди районами здесь были юго-восточная и юго-западная Румыния, восточная Югославия (к востоку от Белграда), западная Болгария (между верховьем Марицы и Дунаем) и, наконец, крайний юго-восточный угол Болгарии (Бургасская область)⁴⁰. Все эти области входят непосредственно или примыкают к территории распространения культуры Боян и Винча (рис. 8).

Если обратиться к карте с конкретными обозначениями выходов самородной меди, то оказывается, что большинство из них располагается в пределах обитания племен культуры Винча. Значительно меньшее число месторождений зафиксировано на территории культуры Боян. Районы с заметными проявлениями самородной меди впервые осваиваются носителями культуры только со стадии Боян — Джулешти. Но действительно широкие возможности ее использования появляются у боянских племен на стадии Петру Рареш, после их продвижения в бассейн р. Марицы (рис. 8).

К сожалению, археологическому обследованию были подвергнуты очень немногие из интересующих нас месторождений. Поэтому данные об их древней эксплуатации имеют заведомо неполный характер.

Древние выработки большой протяженности обнаружены в группе выходов неподалеку от Бургаса, у юго-восточной окраины распространения носителей культуры Боян на стадии Петру Рареш (рис. 8, 1—4)⁴¹. Достоверно установлена древняя разработка месторождения «Дева», расположенного в пределах трансильванского варианта культуры Боян — Джулешти (рис. 8, 67)⁴².

Геологически хорошо доказано длительное использование некоторых проявлений самородной меди на территории культуры Винча. Все они связаны с месторождениями пограничной части Банатских гор (рис. 8, 50, 51, 57)⁴³.

³⁹ Г. Думитреску. Ук. соч., стр. 40; Т. С. Пассек. Результаты археологических раскопок у с. Флорешты в Молдавии. МИАЮЗ, СССР и РНР, стр. 57—58.

⁴⁰ Сведения получены из геологических отчетов, хранящихся в ВГФ, а также из многочисленных опубликованных исследований по Балкано-Карпатским месторождениям. (См. Публикации Балкано-Карпатской геологической ассоциации; И. С. Йовчев. Полезны ископаемы на НР България (Цветни метали), София, 1961; Г. Шнейдерхен. Рудные месторождения. М., 1958; А. Циссарц. Полезные ископаемые Югославии. М., 1958; А. Г. Делчев, С. Н. Тонев. Полезные ископаемые Болгарии. «Разведка и охрана недр», 11, 1959 и др.).

⁴¹ Материалы ВГФ. J. H. Gaul. Possibilities of prehistoric Metallurgy in the East Balkan Peninsula. «American Journal of Archaeology». XLVI, 3, 1942, стр. 404; O. Davies. Bronze Age Mining round the Aegean. «Nature», 130, 1932; O. Davies. Prehistoric Copper Mines near Burgas. «Man», 36, 119, 1936.

⁴² Материалы ВГФ; B. Pittioni. Urzeitlicher Bergbau auf Kupfererz und Spurenanalyse. «Archaeologia Austriaca», 1, 10, Wien, 1957; стр. 9; M. Maszek. P. Preuschen, R. Pittioni. Beiträge zum Problem des Ursprunges der Kupfererzverwertung in der Alten Welt. «Archaeologia Austriaca», 12, Wien, 1953, № 37 перечня месторождений.

⁴³ Материалы ВГФ; T. Dziekonski. Ук. соч., стр. 81, 95; J. H. Gaul. Ук. соч., карта 1, 1, 2.

Нижняя хронологическая граница деятельности перечисленных рудников пока не определена. Но совершенно очевидно, что их разработка при наличии поверхностных выходов не требовала никаких сложных навыков и была доступна даже на первых этапах овладения металлом.

В этой связи представляют интерес выводы Е. Зангмайстера о распространении в европейских культурах эпохи энеолита и ранней бронзы изделий, изготовленных из абсолютно чистой меди. Такая химически чистая медь может считаться самородной даже без специального металлографического исследования⁴⁴.

Е. Зангмайстеру на основе более чем 5000 анализов удалось установить, что основными районами древнейшей эксплуатации самородной меди в Европе были Югославия (преимущественно восточная) и Болгария. На прилегающих территориях Румынии, Венгрии и Чехословакии процент изделий из нее невелик⁴⁵. К сожалению, важную для нас карту местонахождений исследованных объектов с указанием их культурной принадлежности автор не приводит, ссылаясь на недостаточную равномерность отбора образцов разных культур и территорий⁴⁶. Но какой бы предварительный характер ни носили данные, полученные Е. Зангмайстером, они являются первым аналитическим подтверждением интенсивного использования балкано-карпатской самородной меди в эпоху энеолита и бронзы. Этот факт в сочетании с геологическими сведениями о распространении самородного металла придает еще большую обоснованность нашим рассуждениям о возможных истоках трипольской металлообработки.

Развивая тему происхождения трипольских знаний о металле, мы вплотную подошли к вопросу о характере древнейшей металлургии балкано-карпатской Европы. Изложенные нами наблюдения позволяют думать, что первые этапы ее истории были связаны с обработкой самородной меди. Причем навыки этой обработки вначале ограничивались одними кузнечными операциями и только дальнейшее их развитие привело к появлению плавления и литья. В самом деле, если бы балкано-карпатские металлургические очаги миновали в своем развитии стадию кузнечной формовки самородного металла, мы не имели бы возможности наблюдать ее пережитков в технике исполнения раннетрипольских медных изделий.

Показательно в этом отношении и полное отсутствие каких бы то ни было археологических свидетельств наличия литейной техники в древнейших металлоносных культурах Юго-Восточной Европы. Первые литейные формы и тигли для расплавления металла ставятся известны в ареале балкано-карпатских культур позднее, уже в период повсеместного распространения в них изделий из металла. Примерами служат находки в поселениях культуры Гумельница⁴⁷, в поселениях культуры Тиса-Польгар и др.⁴⁸.

⁴⁴ Обращая внимание на районы использования чистой самородной меди в древности, мы должны учитывать, что в дальнейшем они могут быть расширены за счет изделий из самородной меди, загрязненной примесями, выделить которые позволят лишь массовые микроструктурные анализы.

⁴⁵ E. Sangmeister. The Copper of the Cemetery Basatanya. В кн.: J. Vognár-Kutzián. The Copper Age Cemetery of Tiszapolgár — Basatanya. Budapest, 1963, стр. 562—563.

⁴⁶ E. Sangmeister. Ук. соч., стр. 564.

⁴⁷ Цилиндрические и полусферические тигли для плавления меди обнаружены во многих поселениях культуры Гумельница. Некоторые из них оказались заполненными малахитовой рудой: Караново V—VI, Габарво, Берекетска; G. J. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein und der Kupferzeit in der Ebene von Thrasien. Praha, 1961, стр. 74; Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството и металургията в България. София, 1952, стр. 9—10; Г. И. Георгиев. За някоя ордия за производство от неолита и энеолита в България. Сб. «Исследования в чест акад. Д. Дечев», София, 1958, стр. 382—384).

⁴⁸ В Сегед-Силлер найдена медная литейная форма для отливки овального украшения (T. Pulszky. Szegedi leletek. АЕ. Budapest, I, стр. 1—3, табл. 1—2).

Кузнечный характер первоначальной европейской металлообработки подкрепляется и некоторыми наблюдениями румынского археолога И. Нестора. Он сделал попытку выделить по визуальным признакам кованые изделия среди основных типов медных орудий, бытовавших в Румынии в эпоху энеолита (плоские топоры и тесла, топоры-молоты, топоры-мотыги). Его исследования установили технологию кузнечной обработки даже таких сложных по форме изделий, как топоры-молоты и топоры-мотыги⁴⁹. Примечательно, что их проушины были получены пробивкой так же, как у карбунского топора⁵⁰.

Такой контраст между сложностью отдельных форм европейского металла и все еще примитивными методами их изготовления вряд ли можно объяснять тем, что они появились здесь в результате постепенного развития. В последнем случае форма развивалась бы параллельно с развитием технологии. Видимо, эти формы были заимствованы извне европейской металлургией, находившейся в зачаточном состоянии и не освоившей еще технических требований их исполнения.

Ведущие типы древнейших металлических изделий балкано-карпатской Европы находят аналогии в материалах Передней Азии. На основании этого многие исследователи настаивают на переднеазиатском происхождении не только форм европейского металла, но и методов его обработки⁵¹. Это так называемая моноцентрическая концепция возникновения древней металлургии, согласно которой навыки металлургического производства зародились сначала в одном центре, а уже оттуда распространились через многие промежуточные звенья на другие территории. Таким исходным центром считается обычно Иран, откуда металлургические знания проникли сначала в Анатолию, а затем через островной мир и Балканы в Европу⁵².

Следуя этой схеме, естественно ожидать сходства в технике обработки древнейшего балкано-карпатского металла и синхронного ему металла Малой Азии.

Появление первых медных изделий на европейской территории относится к V тысячелетию до н. э.⁵³. Мы склонны связывать их с кузнечным периодом местного металлообрабатывающего производства. К этому времени в Анатолии уже давно была освоена техника металлургической плавки. К VI тысячелетию до н. э. относится по результатам радиокар-

⁴⁹ J. Nestor. Sur les debuts de la metallurgie..., стр. 47—63; J. Nestor. «Dacia», V—VI, 1935—1936, стр. 136—137; J. Deshayes. Les origines de la Métallurgie Dacienne, ААН, XII, Budapest, 1960, стр. 70.

⁵⁰ Выводы И. Нестора полностью соответствуют мнению Г. Чайлда, который неоднократно подчеркивал, что «на Балканах и, возможно, в Венгрии даже холодная ковка меди ведет к созданию проушных тесел и топоров-мотыг...». G. Childe, Archaeological Ages and Technological Stages. «Journal of the Royal Anthropological Institute», 74, 1944, стр. 11; его же. Huxley lecture. Там же, стр. 9.

⁵¹ G. Childe. The Danube in Prehistory. Oxford, 1929, стр. 239, 240; его же. Die Bedeutung der altsumerischen Metalltypen für die Chronologie der europäischen Bronzezeit. «Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft», Wien, 1933, 63, стр. 217; его же. Archaeological Ages...; K. Bittel. Einige Bemerkungen zu Trojanischen Funden. «Marburger Studien», 1938, стр. 18; J. H. Gaul. Possibilities of Prehistoric Metallurgie..., стр. 407; его же. The Neolithic Period in Bulgaria. Bulletin of the American School of Prehistoric Research, 16, 1948, стр. 94, 233; V. Milojević. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel und Südosteuropas. Berlin, 1949, стр. 67, 88, 107 и др.

⁵² L. Aitshinson. A History of Metals. 1, 1960, стр. 36, 51—52; J. Deshayes. Les outils de Bronze de l'Indus e Danube IV an IIe millenaire, T. I, II. Beyrouth, 1960; R. J. Forbes. Studies in Ancient Technology, IX, Leiden, 1964, стр. 103.

⁵³ Последние работы по сравнительной хронологии археологических культур Анатолии, Эгейи и Балкан позволяют датировать культуру Сескло началом V тысячелетия до н. э., культуру Винча (на стадиях А—В) — второй половиной V тысячелетия до н. э. (R. W. Ehrlich (ed). Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1965, p. 440—441; В. С. Титов. Период неолита в Греции. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 74, 76, таблица; его же. Роль радиоуглеродных дат в системе хронологии неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 44, таблица).

бонных анализов VI слой поселения Хаджилар, в котором встречены куски медной руды⁵⁴. Из VI слоя поселения Чатал-Уюк, датированного по C-14 рубежом VI и VII тысячелетий до н. э., происходит кусок медеплавильного шлака⁵⁵.

Очевидное несоответствие между уровнем развития анатолийских и европейских знаний о металле ставит под сомнение правомерность моногенетических построений историков металлургии. На наш взгляд, такого рода несоответствие может быть правильно истолковано только с позиций автохтонного возникновения навыков европейской металлообработки.

Отстаивая автохтонный характер навыков европейской металлообработки, мы отнюдь не склонны отрицать роль внешних контактов, которые дали исходный импульс самобытным поискам местного населения. Неолитические племена балкано-карпатской Европы находились в прямом и постоянном взаимодействии с более развитым миром Передней Азии⁵⁶. Естественно поэтому, что они не могли не почувствовать его влияние и в области некоторых важнейших срудий производства, изготовленных из металла. Проникнув из анатолийских районов, эти орудия, скорее всего, впервые познакомили неолитическую Европу с преимуществами нового материала.

Но хотя первый толчок был получен извне, истинные причины возникновения европейской металлообработки были обусловлены определенным уровнем местного развития.

В результате естественного развития неолитических племен Балканского полуострова создались предпосылки для становления здесь производящей экономики. Переход к производящему и присваивающему хозяйству, основанному на земледелии, привел к появлению прибавочного продукта и вызвал тем самым потребность в более эффективных орудиях труда. Стала очевидной необходимость использования уже известного по привозным образцам металла. Начавшиеся поиски возможных методов его обработки привели к возникновению местной кузнечной техники.

На настоящем уровне знаний мы не можем проследить в деталях путей становления европейских кузнечных навыков. Мы можем лишь утверждать, что их распространение по Европе не сводилось к простому заимствованию. Племена, получившие первое знакомство с медью со стороны, были подготовлены к развитию собственной металлообработки, которая не исключала повторения технических этапов, давно пройденных в передовых ближневосточных центрах.

N. V. Ryndina

LA FABRICATION DES MÉTAUX À L'ÉPOQUE PRIMITIVE DE TRIPOLIÉ

Résumé

L'article est consacré à une analyse technologique approfondie du premier métal, découvert sur le territoire de l'Europe Est dans des monuments de l'époque primitive de Tripolié (fin du IV — commencement du III millénaire avant notre ère).

Dans cet article on examine en détail les particularités du travail des métaux à l'époque primitive de Tripolié, on désigne les centres de production locale; les sources primitives des connaissances du métal à l'époque de Tripolié sont aussi étudiées, et sous ce rapport l'auteur avance de nouveau le problème concernant l'origine de la culture de Tripolié.

⁵⁴ J. Mellaart. Отчеты в: «Anatolian Studies», VIII, 1958; X, 1960; XI, 1961.

⁵⁵ H. Neuninger, R. Pittioni, W. Siegl. Frühkeramikzeitliche Kupfergewinnung in Anatolien. «Archaeologia Austriaca», 35, Wien, 1964, стр. 98—110.

⁵⁶ J. Bognár-Kutzián. Ук. соч., стр. 500—501; J. Nestor. Sur les debuts de la metallurgie..., стр. 49—50.

ПОГРЕБЕНИЕ ШАМАНА В КОШИБЕЕВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ И ВЕРОВАНИЯ ПОЗДНЕГОРОДЕЦКИХ ПЛЕМЕН

Среди погребений Кошибеевского могильника чрезвычайно интересно погребение 22с из раскопок А. А. Спицына¹. Своеобразный инвентарь этого погребения позволяет восстановить некоторые элементы мировоззрения людей, погребенных в Кошибеевском могильнике.

Погребение 22с расположено в северо-восточной части могильника. Описывая погребение, А. А. Спицын отмечает, что оно было найдено в длинной яме в 3,5 аршина (около 2,5 м) на глубине всего 9 вершков (около 40 см). Подобные длинные могилы и малая глубина захоронений довольно обычны для этого памятника. А. А. Спицын считал, что погребение было ориентировано на юг; судя по плану раскопок — на ЮЮВ. Описывая погребение, А. А. Спицын отметил, что «от костяка... ничего не сохранилось» и к мужским оно было отнесено, по-видимому, только на основании сопроводительного инвентаря.

Конечно теперь, спустя много лет, восстанавливать подробности погребального ритуала, не отмеченные в дневнике, следует очень осторожно. Плохая сохранность костяков присуща вообще Кошибеевскому могильнику. Для некоторых погребений А. А. Спицын считал возможным предполагать полное отсутствие костных остатков. В погребении 13с, например, вместо головы лежал скобель, на месте тела — меч. Подобные захоронения без костяков — кенотафы — не представляют чего-либо нового в археологии. По-видимому, кенотафами являются и некоторые погребения Кошибеевского могильника.

В погребении 22с слева, в изголовье, лежал железный наконечник копья; на тазу украшенный бляшками пояс, «при котором в беспорядке находились: медная подвеска в виде конька, медная поломанная фигурка медведя, медная ажурная подвеска и медная поломанная ажурная бляшка»². Ниже лежал железный нож, а в ногах стоял раздробленный сосуд. Такова картина, обрисованная исследователем могильника А. А. Спицыным. Постараемся разобраться во всем этом подробнее.

В «левом углу» ямы лежал железный наконечник копья, точнее, дротика — предмет, довольно распространенный в памятниках эпохи, в частности в Кошибеевском могильнике (рис. 1, 1).

Наиболее интересными находками погребения 22с являются украшения пояса. Судя по остаткам ремня, сохранившимся на некоторых из этих украшений, основой пояса был узкий кожаный ремень, ширина которого

¹ Кошибеевский могильник раскапывался дважды: А. А. Спицыным в 1895 г. и В. Н. Глазовым в 1902 г. Вещи хранятся в Гос. историческом музее, инв. № 37730, 44263. Часть материала опубликована (А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб, 1901, стр. 59, 60). Нумерация погребений у обоих исследователей повторяется. Поэтому к номеру погребения я добавляю буквы с или г.

² А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 60.

не превышала 2,5—3 см. На ремне были укреплены плоские бронзовые бляшки. Сохранилось 17 таких бляшек в виде ромбов с парными кольцевыми выступами сверху и снизу. С обратной стороны бляшки имеют напаянные петли для крепления на ремне (рис. 1, 5—7; 2, 1—3).

Совершенно аналогичные бляшки известны по находкам в Прикамье в могильнике II—III вв. Нырғында II.³ У народов Поволжья изображе-

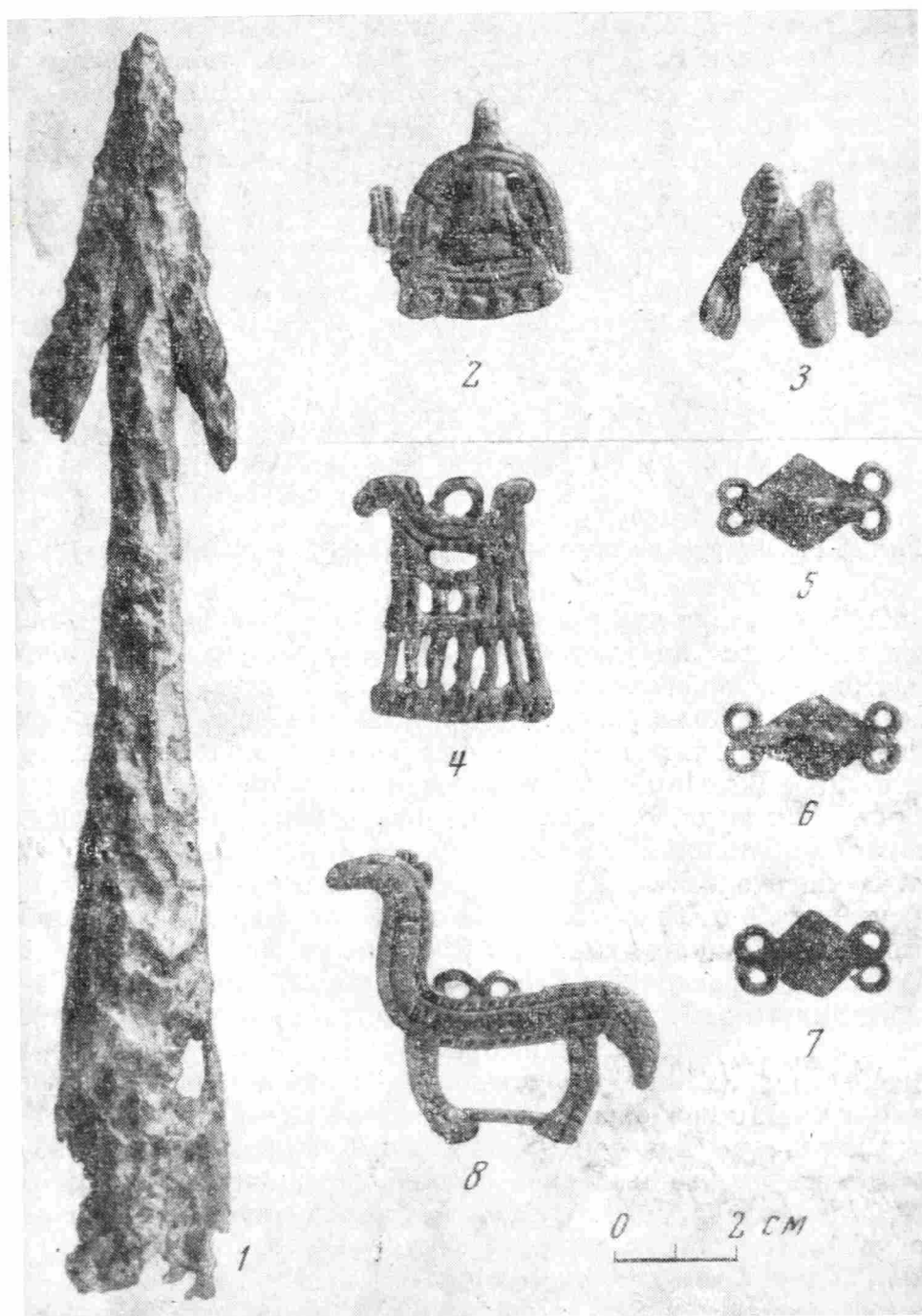

Рис. 1. Инвентарь погребения 22с Кошибеевского могильника

ния ромбов очень распространены до сих пор. Они украшают мордовские пояса⁴, ромбы с закруглениями внизу и вверху имеются на мордовских головных уборах⁵ и других предметах как мордовских, так и чувашских.

³ М. Г. Худяков. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1891 г. Материалы ГАИМК, Л., 1933, табл. IX, 19.

⁴ Саратовский музей, № 1606.

⁵ Саратовский музей, № 1517.

О значении этих изображений писал М. Г. Худяков. Он считал их аналогичными изображениям круга — солнечного диска⁶.

Украшения нашего пояса дополняли, по выражению А. А. Спицына, расположенные «в непонятном сочетании» бронзовые ажурные бляшки, фигурки конька и медведя. В нашей попытке реконструировать пояс (рис. 2, 2) бронзовые ажурные бляшки должны занять место застежки. С одной стороны, ее составляла округлая ажурная бляха в виде стилизованной фигуры птицы с распластанными и опущенными вниз крыльями.

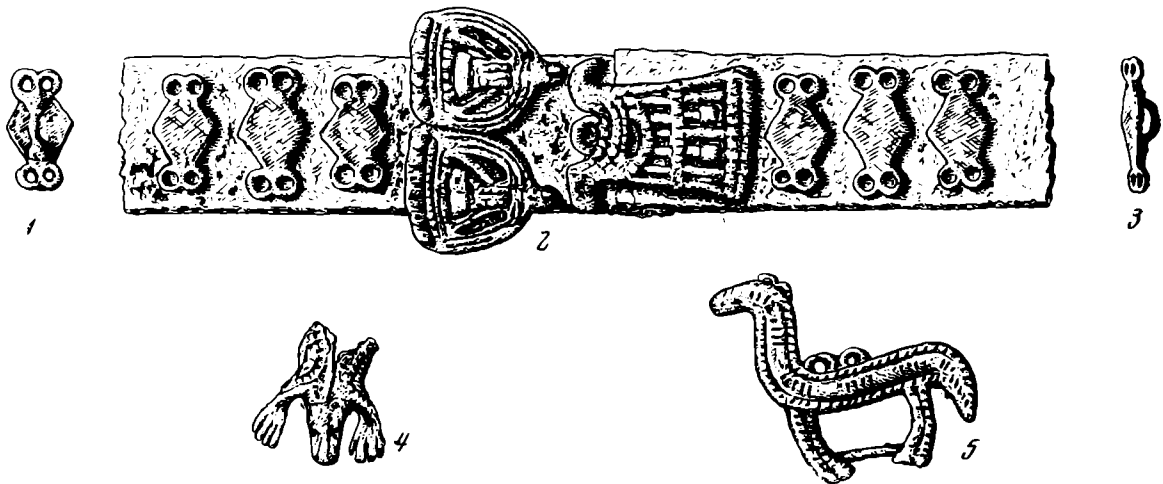

Рис. 2. Реконструкция пояса из погребения 22с и подвески к нему

Головка птицы служила крючком застежки. Ноги птицы даны очень рельефно. Они опираются на узкую подставку, украшенную рубчиками под плетение. Ниже располагаются шесть маленьких круглых дисков. Вся фигурка заключена как бы в рамку. Крылья птицы и ее туловище разделены углубленными линиями-желобками, по-видимому, имитирующими проволоочное плетение. В целом хорошо передан тип хищной птицы. Первоначально бляшка была двойной, слева от фигуры птицы сохранилась часть другой такой же бляшки, а также куски кожи, на которую она была прикреплена. Бляшка односторонняя, на обратной стороне все детали заглажены. В издании А. А. Спицына бляха приводится уже в сломанном виде. По-видимому, в сломанном виде она была положена и в могилу. Старые, поношенные вещи нередки в Кошибеевском могильнике.

Фигурки хищных птиц (орла, сокола, ястреба) с округлыми полуопущенными крыльями известны по находкам в Прикамье; например, их много в Гляденовском костнице. Сходные изображения, только имевшие другое назначение, были найдены В. Ф. Геннингом в Суворовском могильнике⁷. Обращаясь же к более широким аналогиям и данным этнографии, можно отметить, что изображениями орла обычно украшались одежды шаманов (орел был первым шаманом). Существует даже специальный шаманский текст, очень подходящий к данному случаю: «с луновидными крыльями черный мой беркут к чистому тосю впереди идет»⁸.

С другой стороны пояса, по-видимому, крепилась вытянутая прямоугольная ажурная бляшка (рис. 1. 4; 2, 2). В верхней части ее расположены сильно стилизованные головки коньков, обращенные в разные стороны. Фигурки сдвоенные, видно семь ног. Передняя пара ног каждой стороны дана очень четко, остальные более условно. Сверху между головками коньков имеется петля застежки. Стилистически эта бляха имеет ряд

⁶ М. Г. Худяков. Культурно-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества. ПИДО, 1934, 11—12.

⁷ В. Ф. Геннинг. Азелинская культура III—V вв. Ижевск, 1963, табл. XI, 4—5; рис. 25.

⁸ А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Сб. МАЭ, IV, 1924, стр. 68, 69.

аналогий также в памятниках Прикамья. Характерно членение изображения на два — три пояса. Подобное членение изображения встречается часто в так называемых «шаманских древностях»⁹, как и мотив коньков, повернутых головами в разные стороны. Ряд этих изображений связан с более поздним временем, другие по времени близки нашему изображению. Помимо указанных деталей и сильной, очень характерной стилизации изображений можно указать на орнаментацию поверхности рубчиком и имитацию витя из проволоки. Сделаны все эти изображения в единой технике литья по восковой модели.

Помимо крючка и петли-застежки на поясе располагались еще две фигурки, по-видимому, просто подвешенные к поясу. Это стилизованная фигурка лошади, литая, односторонняя. Головка фигурки с обозначенными на ней ушами расположена на длинной высокой шее, на прямой спине два ушка для подвески, хвост довольно длинный, ноги соединены попарно, между ними перемычка в виде стержня. С лицевой стороны по краю фигурки — рубчатая кайма. Остальная часть туловища покрыта насечками, которые расположены группами по три и по четыре. Насечки, по-видимому, имели какое-то смысловое значение, потому что подобные комбинации из групп черточек с разным количеством их встречаются на вещах довольно часто.

Фигурки коньков известны в Восточной Европе в довольно большом количестве. Наиболее близкой аналогией коньку из Кошибеевского могильника является подвеска из могильника Атамановы Кости на р. Вятке близ Малмыжа¹⁰. От подвески из Кошибеевского могильника ее отличают некоторые детали (несколько иное расположение ножек конька и ушей). Подвеска в виде конька, также отличающаяся от кошибеевского деталями, известна из Воробьевского могильника¹¹ и из других мест Прикамья. Имеются подвески в виде коньков в Дубровическом могильнике на Оке¹². Эти изображения существовали в течение длительного времени в определенных районах и связаны с определенными археологическими культурами. Они отражают представления и мифы, существовавшие в те времена. Подробно о культурах, связанных с конем, писал в свое время М. Г. Худяков. Подтверждением сказанному является наличие костей лошади в некоторых погребениях Кошибеевского могильника. Впрочем, конь является действующим лицом мифологических сказаний ряда народов. Даже в греческой мифологии, далекой от представлений финно-угорского мира, лошадь связывалась именно с подземным миром, с царством смерти¹³. Судя по присутствию костей лошади в сарматских захоронениях этого же периода, лошадь и там играла соответствующую роль в мировоззрении и мифологии.

Что касается места конька на поясе из Кошибеевского могильника, то оно не может быть определено точно. Вероятней всего предполагать, что фигурка была подвешена к нему, возможно, украшала спускающийся вниз его конец. Для иной реконструкции у нас нет данных.

Помимо описанных трех фигурок в состав украшения пояса входила еще четвертая, названная А. А. Спицыным медведем. Изображения медведей в памятниках Прикамья очень распространены, его роль в мифотворчестве населения этих районов известна. В фольклоре мордвы, чуваш и других народов медведь постоянное действующее лицо. Но даже самый

⁹ А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСАРАО, VIII, 1, СПб, 1906, рис. 171, 388—389.

¹⁰ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, стр. 8, 9, табл. V, 16.

¹¹ М. Г. Худяков. Воробьевский и Вичмарский могильники. ИОАИЭКУ, XXXIV, 3—4, Казань, 1929, стр. 77, табл. 3, 4.

¹² В. А. Городцов. Дубровический финский могильник. Труды Общества исследования Рязанского края, V, Рязань, 1925, стр. 3—11.

¹³ Е. Кагаров. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб, 1913, стр. 237—247.

поверхностный осмотр фигурки вызывает сомнение в сопоставлении ее с медведем. Фигурка сохранилась не целиком, до нас дошла только ее передняя часть, составленная из двух обломков. Прежде всего бросается в глаза длинная вытянутая голова, маленькие выпуклости над глазами и может быть уши. Две передние четырехпалые лапы тонкие, с широкой кистью. Лапы полусогнуты, вытянуты вперед. Бока украшены изогнутыми полосами с прочеканенными рубчиками. Фигурка больше всего напоминает ящерицу, также распространенную в изображениях этого времени. Характерна поза, положение передних лап, рубчатые полосы на теле¹⁴.

Ящерица, как, впрочем, и лягушка, были действующими лицами в мифологии этих племен, они были окружены поверьями, отзвуки которых сохранились до сих пор в этнографии. Изображениями ящериц украшаются предметы шаманского культа, например шаманские колотушки, причем изображению ящерицы в этом случае придается особое значение, ее считают существом доброжелательным, мудрым¹⁵. Все это придает фигурке ящерицы на поясе из Кошибеевского могильника особенный интерес, а наличие в составе украшений этого пояса почти исключительно предметов, связанных с шаманством, позволяет высказать предположение о принадлежности пояса лицу, выполнявшему в этом родовом коллективе функции жреца-шамана. При этом любопытен еще один момент — то значение, которое придается поясу шамана в шаманских текстах («золотым поясом опоясался»)¹⁶.

Подводя итог вышесказанному, мне кажется, мы вправе сделать вывод о существовании в ту эпоху воззрений и форм культа, близких шаманизму, элементы которого, по-видимому, и складывались в ту эпоху. На этот вывод не может влиять факт наличия или отсутствия костяка в могиле 22с. В данном случае не имеет значения, погиб ли владелец пояса где-либо на чужбине и в память его был сооружен кенотаф, или он действительно был похоронен. Характер предметов говорит сам за себя. Интересней наличие в могиле вещей, указывающих на характер отношений в этом еще родовом коллективе, например дротика. Человек, выполнявший жреческие функции, оставался в то же время и воином. О том, что это был мужчина, свидетельствует не только дротик (в Кошибеевском могильнике сохранились еще большие пережитки матриархальных отношений, и женские погребения с оружием там имеются), но и нож при поясе — характерная деталь мужского костюма того времени.

Что касается хронологии этого погребения, то, по-видимому, его следует связывать с первыми столетиями нашей эры — с II—III вв. Об этом говорят и ориентировка погребения, и приведенные аналогии вещам. Со II в. связывал Воробьевский могильник М. Г. Худяков¹⁷, с II—III в. связывал Воробьевский могильник и могильник Атамановы Кости А. П. Смирнов¹⁸, с древнейшим периодом существования Кошибеевского могильника — до III в. — связывал эти предметы и П. П. Ефименко¹⁹. Мне кажется, что, учитывая стилистические особенности предметов и аналогии к ним, дату погребения 22с можно связывать с II в.

Помимо погребального обряда о религиозных представлениях этой эпохи, ритуальных церемониях и действиях свидетельствуют открытые на некоторых городищах обрядовые жертвенники, очаги. Известен большой каменный очаг с костями человека на нем с Алексеевского городища

¹⁴ А. А. Спирцын. Шаманские изображения, стр. 132, рис. 396, 397.

¹⁵ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб, 1914, стр. 17, 35, 36.

¹⁶ А. В. Анохин. Ук. соч., стр. 42, 67—69.

¹⁷ М. Г. Худяков. Древности Камы..., стр. 75—82.

¹⁸ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 76.

¹⁹ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии Русского музея. III, 2, Л., 1926, стр. 59—84.

под Саратовом²⁰. По-видимому, ритуальным можно считать очаг с Троице-Пеленицкого городища под Рязанью²¹. Наконец, известно ритуальное захоронение или жертвоприношение с городища Ножа-Вар в Чувашии²². Обожествление стихии огня было широко распространено у самых различных племен. (Угли в погребениях наглядно свидетельствуют об этом.) Впрочем, почитание огня известно и для предшествующего времени на этой территории и существовало в ту эпоху и у соседних сарматских и дьяковских племен.

Конечно, очень трудно на основании раскопок воссоздать картину верований, всевозможных церемоний и ритуала. Невозможно решить, с какими событиями или празднествами следует связывать иногда прослеживаемые следы жертвоприношений, отдельные находки человеческих костей на городищах этого времени. По аналогии с этнографическим материалом можно предположить, что особыми церемониями отмечались и смена времен года, и сборы урожая, и семейные события, и победы над врагами, но проследить все это на археологическом материале нельзя.

Исходя из данных этнографии народов Поволжья, можно утверждать, что особые церемонии сопровождали, например, различные строительные работы. Интересные данные в этом смысле дает мордовский фольклор. Сохранились обрядовые песни, сопровождающие постройку дома, сооружение запруды на реке, в которых упоминаются необходимые при этом жертвоприношения, нередко человеческие. Сохранилась песня о запруде реки Симбирки:

«...Ох прудили ее, прудили, ее не запрудить,
Ох запирали ее, запирали, ее не запереть».

Кинули жребий, кому быть жертвой:

«Николаю достался первый жребий,
Николаю досталось губящее голову дерево...
Николаево дитя должно употребить на запруду.
Ее бросили на дно плотины...
...Тогда заперлась у них река Симбирка»²³.

И другая песня:

«...На юг течет река Симбирка,
на юг идет река Казанка.
Ох, запирали ее, запирали, ее не запереть.
Ох, прудили ее, прудили, ее не запрудить.
Без человеческой головы ее не запрудить,
Без человеческой головы ее не запереть».²⁴

Или рассказ о постройке мельницы, приводимый А. А. Шахматовым: «...закладывают тройку, едут в другую деревню и крадут оттуда ребенка, а то молодую девушку или молодого парня. Привезут украденного человека... и обещают под мельницу. Потом выкопают яму для первой сваи, поставят на его голову сваю и вобьют в него. Когда сажают ребенка, ему скажут: ...будь держащим мельницу, матерью мельницы»²⁵.

²⁰ П. С. Рыков. Отчет об археологических раскопках, произведенных в Нижнем Поволжье в 1929 г. Изв. Ниж.-волжского ин-та краеведения, IV, 1931, Саратов, стр. 51, 52.

²¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища — холмища в 1926 г. Рязань, 1930, стр. 22, 23.

²² Н. В. Трубникова. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сарсево в 1958—1959 гг. Уч. зап. Чуваш. НИИЯЛИЭ, XXV, 1964, стр. 117—155.

²³ А. Маскаев. Мордовская народная сказка. Саранск, 1947, стр. 12.

²⁴ А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник. СПб, 1910, стр. 428.

²⁵ А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник, стр. 146.

Если особый церемониал существовал для сооружений жилых или хозяйственных строений, то тем более значительными были церемонии при строительстве оборонительных укреплений — городищ, назначением которых было сохранить жизнь и безопасность населения и имущества. Раскопки последних лет, проведенные на городищах этой эпохи в Чувашии, дали большой материал для воссоздания этого ритуала, подчас жуткой, на наш современный взгляд, картины церемонии, сопровождавшей строительство городищенских укреплений. На городище Ножа-Вар близ Ядрина, на краю городища, под столбом были обнаружены останки трех человек, лежащих среди большого углистого пятна, засыпанного костями животных и обломками керамики²⁶.

Кроме того, следы ритуальных действий были зафиксированы нами на городище Пичке-Сорче, где под насыпью вала, поверх бревенчатой конструкции лежали кости животных, обломки керамики, фрагменты берестяной чашечки²⁷. В аналогичных условиях кости животных и обломки керамики были найдены на городище Арату близ д. Юваново²⁸. Находки эти, по-видимому, только и могут быть понятны как положенные во время закладки вала, как ритуальные действия.

Любопытно, что на городищах более ранних по времени, предшествующих нашей эре, картина еще более сложная. Огромное количество костей домашних животных, залежавших в виде целого напластования поверх конструкции вала, было обнаружено на городище у д. Тиханкино²⁹. Целые вымостки из битых сосудов найдены в валу городища Укся-Сют у д. Малые Яуши³⁰. Но особенно интересно сооружение в валу городища у д. Тоганаши³¹, по-видимому, бывшего также древним языческим капищем. Вал состоял из целой системы кострищ, больших и малых очагов, обгорелых бревен и обожженной глины с разбросанными вещами, обломками керамики, огромным количеством целых, расколотых, часто обожженных костей животных. Были найдены и человеческие кости: разбросанные в разных местах обломки черепа, лежавшая в особой ямке в самом нижнем напластовании человеческая челюсть, в другом месте обломки длинных костей и т. д. Мне кажется, что единственным объяснением всех подобных находок может быть только понимание их как ритуальных памятников, как мест, где совершились магические действия с жертвоприношениями.

Поклонение небесным светилам, чрезвычайно распространенное в эту эпоху, отмечают и у племен, населявших Северо-Восток Европы. Об этом говорят почти все исследователи, занимавшиеся археологией, фольклором и этнографией этих племен.

У чувашей до недавнего времени сохранялся обычай украшать праздничные хлебы крестообразной нарезкой, символизирующей четыре стороны света. Эти же изображения в виде круга с пересекающимися внутри него в виде креста линиями сохранились и в вышивках низовых чувашей, где они символизируют солнце как подателя жизни³². В этой связи находят объяснение распространенные в памятниках I тысячелетия круглые, пластинчатые, бронзовые бляхи, украшенные крестообразной накладкой. Подобные бляхи имеются во многих памятниках (Армиевском могильнике, рязанских и др.), а также и в Кошибеевском могильнике (пп. 8с, 12 с,

²⁶ Н. В. Трубников. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево в 1958—1959 гг. Уч. зап. Чуваш. НИИЯЛИЭ, XXV, стр. 117—155.

²⁷ Е е же. Раскопки городища Пичке-Сорче в Чувашии. Там же, стр. 163—195.

²⁸ Е е же. Работы в Супдырском районе. Городище Арату у д. Юваново. Там же, стр. 213—221.

²⁹ Н. В. Трубникова. Археологические работы в Чувашии в 1961 г. Там же, стр. 196—209.

³⁰ Е е же. Отчет о раскопках на городище Укся-Сют у дер. Малые Яуши в Чувашии в 1962 г. Архив ШМ., д. 619.

³¹ Е е же. Городище у д. Тоганаши Шумерлинского района. Уч. зап. НИИ ЯЛИЭ, XXIX, Чебоксары, 1965, стр. 212—236.

³² Г. А. Никитин и Т. А. Крюкова. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960, рис. 4.

21с, 67с, 70с). Особенно любопытна одна такая бляха из погребения 21с. Все поле бляхи усеяно мелкими круглыми выпуклостями, а крестообразные накладки покрыты крестообразной же нарезкой, в целом производящей впечатление ромбов. По-видимому, бляха изображала небесный свод, усеянный звездами (мелкие выпуклости), с отмеченными накладкой странами света и солнцем, освещающим мир. Часто эти бляхи и крестообразные пластины бывают по краям покрыты мелкими пунктирными точками,

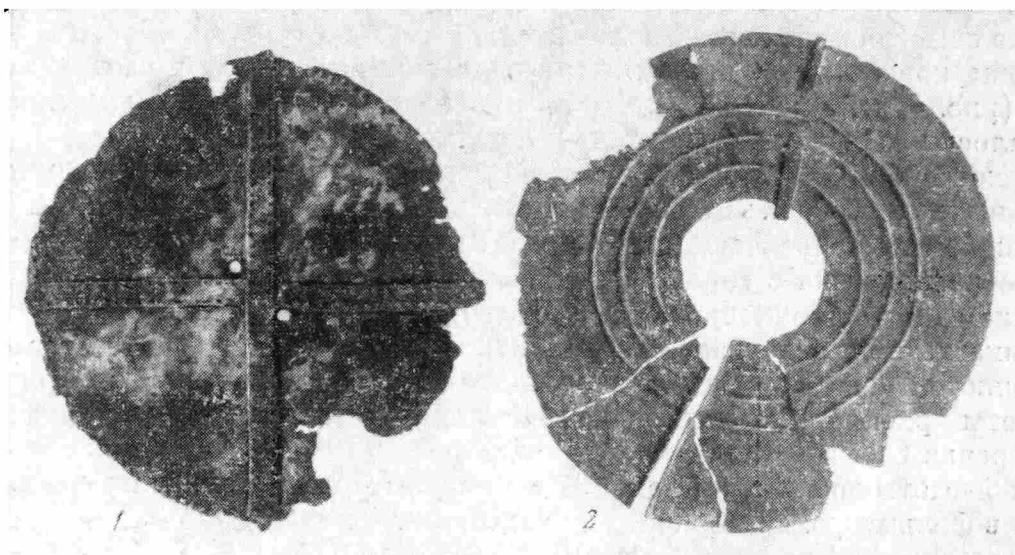

Рис. 3. Бляхи с перекрестием и с концентрическими кругами из Кошибеевского могильника (1 — погр. 70с; 2 — погр. 66г)

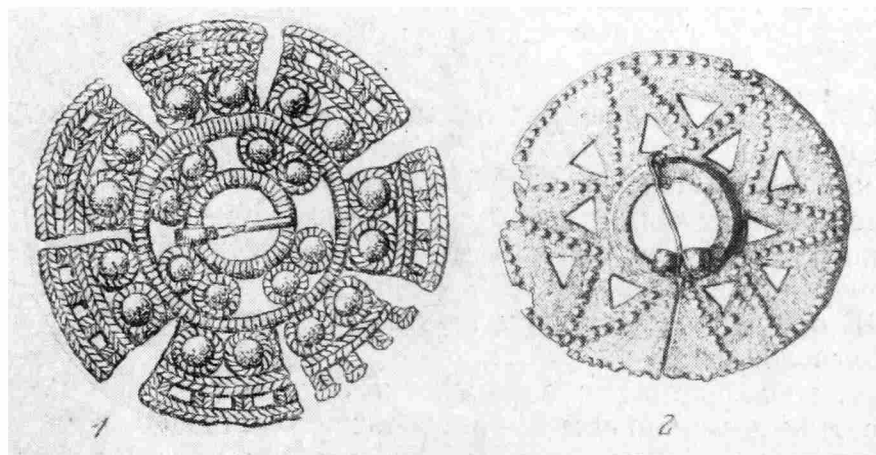

Рис. 4. Бляхи, ажурная семиконечная и с изображением звезды из Кошибеевского могильника (1 — погр. 81с; 2 — погр. 12с)

расположенными в один или два ряда (рис. 3, 1), значение их, по-видимому, близко к описанным выше. Не менее интересна бляха из погребения 12с. Всю внутреннюю поверхность круга этой бляхи заполняет изображение шестиконечной звезды, контуры которой четко обозначены круглыми выпуклостями (рис. 4, 2). Изображение звезды говорит само за себя.

Имеется другая серия круглых пластинчатых блях, причем их несколько вариантов. У первого типа поверхность круглой бляхи разделана штампованными рельефными круговыми линиями-валиками (рис. 3, 2). Количество их различно (одна, две, три и больше). Иногда имеется игла для пристегивания. Назначение всех этих изделий — украшать или застегивать одежду на груди, поясе, иногда и на головном уборе. Другой тип

круглых блях сделан из более тонкой пластины, имеет обычно большие размеры. В середине, как и у блях, описанных выше, небольшое круглое отверстие, вокруг которого располагаются тонкие врезанные круговые линии. Обычно их 12 или 6. Бляхи и первого, и второго типа — символические изображения солнечного диска. Количество линий на них, конечно, не случайно. В Кошибеевском могильнике они найдены в следующих погребениях: меньшие с валиками в погр.: 26с, 50с, 62с, 30г, 49г, 66г, 92г; большие — 12с, 25с, 46г, 95г. Помимо этих двух типов имеются еще менее распространенные, но очень разнообразные бляхи-пряжки, по-видимому, того же самого смыслового назначения.

Очень красивы ажурные бляхи в виде шестиконечных и семиконечных звезд (рис. 4, 1). Любопытно, что на предметах шаманского культа солнце полагалось изображать с семью лучами³³.

Имеются бляхи меньшего размера с краями, украшенными круглыми выпуклостями. Связать с культовыми, солярными изображениями можно и звездчатые подвески с различным количеством зубчиков на них. Интересна подвеска с городища Ножа-Вар в виде ажурного круга с изображением внутри солнечного диска с лучами и подвешенными снизу колокольчиками³⁴. В этнографической литературе эти подвески к предметам объясняются как «лучи, которые колют»³⁵. Следует добавить, что все эти предметы распространены на сравнительно ограниченной территории междуречья Оки и Волги и в Прикамье.

Слабые отголоски этих далеких от нас взглядов и верований сохранились и в фольклоре. В мордовской свадебной песне поется:

«За сватом Иваном
Зеленая, зеленая березка
Под ней кадушка сыченого кваса,
в ней медный ковш.
Куда повернется бог — солнце,
Туда поворачивается ручка ковша»³⁶.

Или записанная М. Евсевьевым молитва, читаемая в д. Кардафлей на рождество, когда на стол ставится свиная голова, горшок с кашей, каравай хлеба, яйца. Обращаясь к свиной голове, хозяйка говорит: «пусть будет по одну нашу сторону солнце — бог, по другую луна — бог...»³⁷. Привлекая данные этнографии более широко, можно заметить, что изображениями солнца, луны и звезд покрываются одежды шаманов, предметы шаманского культа. В одном из шаманских текстов есть даже такая фраза: «месяц и солнце славословящий»³⁸.

В работе, посвященной специально этому вопросу, М. Г. Худяков³⁹ писал о магическом значении амулетов-подвесок в виде птиц, животных и круглых блях с отверстием или выпуклостью в центре. С этой точки зрения интересны головные уборы с круглыми бляхами спереди. Их объясняют как изображение солнца или неба. Любопытно и повсеговорящееся количество блях на уборах. Их бывает три, семь. Семь блях имеет сложный головной убор на фигурке человека из Гляденовского костыща⁴⁰.

С религиозными воззрениями той эпохи связаны и изображения птиц. Ряд головных уборов имел подвески в виде уток. Кроме Кошибеевского

³³ В. И. Анучин. Ук. соч., стр. 17, 18, 79.

³⁴ Н. В. Трубникова. Раскопки на городище Ножа-Вар..., стр. 149, рис. 21.

³⁵ В. И. Анучин. Ук. соч., стр. 17, 18.

³⁶ А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник, стр. 193.

³⁷ М. Е. Евсевьев. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии. Прг., 1914, стр. 3.

³⁸ А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Сб. МАЭ, стр. 19, 68.

³⁹ М. Г. Худяков. Культурно-космические представления..., стр. 76—97.

⁴⁰ ГИМ, № 40974.

могильника они есть и в других памятниках (в Борковском могильнике, Дубровическом, могильниках Прикамья). О верованиях, связанных с утками, говорят данные мордовского фольклора. В «Мордовском этнографическом сборнике», составленном А. А. Шахматовым, приводится ряд текстов и вариантов эрзянских и мокшанских сказаний и песен. Вот некоторые из них: «Поле, поле, полечко! Посреди поля бугорок, на склоне бугра ложбинка, в ложбинке камыш, в камыше валежник, в валежнике гнездышко, в гнездышке лесная утка. Ее горло, как медная труба, тело ее вылито все из меди, в серебро обмакнут ее клюв, грудь ее вылита вся из золота... и говорит эта утка: не разорь моего гнезда, не осироти моих деточек, тебе не будет добра,— я не лесная утка, а я посланница Божья.— Не послушал он, убил ее, выпустил ее кровь..., выпустил ее душу дымом, положил ее под пол..., подошел он к посеянным своим хлебам, посмотрел на них, все потоптали. Как ведьма утка меня прокляла, так я сделался проклятым»⁴¹.

«А идем, идем
 На камешкирский базар,
 Купим, купим
 Утку с колечками на шее
 Помолимся, помолимся,
 С Григорием за Дарью...»⁴²
 «В сенях озерко
 Коляда! в сенях озерко;
 Коляда! в озерке уточка
 Коляда! Шея ее медная труба;
 Коляда! Спина ее медная
 Коляда! Золоченый ее клюв;
 Коляда! Плывет, плывет, плывет...»⁴³
 «Всплеснул он руками,
 сжал он свои десять пальцев,
 горохом катятся его слезы,
 Воском горят оба глаза.
 Зачем я уточку убил,
 Зачем я уточку застрелил:
 Погубил я свое семейство»⁴⁴.

В этих песнях ясно выступает образ необыкновенной птицы, отождествляемой с уткой с медной золоченой грудью, с медной трубой вместо шеи. Этот образ сказочной птицы, по-видимому, и отобразился в медных подвесках-амулетах. Изменение «иконаграфии» самой фигурки уточки, вероятно, стоит в связи с распространением тех или иных взглядов и вариантов сказаний.

В погребениях первых столетий нашей эры встречаем фигурки уточек, часто обмотанные спиралью, с разукрашенной спинкой и боками, обозначенными на них крыльями, лапками. Подобная уточка, связываемая со слоем III в., была найдена на Троице-Пеленицком городище⁴⁵. На городище Ножа-Вар было найдено 10 фигурок уточек и одного утенка, у некоторых из них на головке круглое ушко⁴⁶. Уточка из более поздних погребений (IV в.) — гладкие, полые фигурки. Еще более поздние фигурки имеют внизу или сверху колечки (в Кошибеевском могильнике таких фигурок нет). Любопытно, что найденные на городище Ножа-Вар фигурки уточек представлены разными типами. Помимо обычных есть также фигурки с рогами в виде колечек на голове. Мотив птицы-козла восходит к очень

⁴¹ А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник, стр. 487.

⁴² Там же, стр. 510.

⁴³ Там же, стр. 594.

⁴⁴ «Образцы мордовской славистики», 1, Казань, 1882, стр. 221—225.

⁴⁵ В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 36.

⁴⁶ Н. В. Трубинов. Раскопки на городище Ножа-Вар..., стр. 117—155.

глубокой древности и известен с эпохи бронзы на Древнем Востоке⁴⁷. Говорить о прямых стилистических заимствованиях невозможно. По-видимому, можно говорить об очень длительном и преемственном существовании связанных с этим образом определенных мифологических представлений, сохранившихся в этих глухих углах Северо-Востока Европы⁴⁸.

Общеизвестны легенды об участии утки в создании мира. Отражением этих же мифов о мироздании являются, по-видимому, и постоянно встречающиеся подвески к головным уборам в виде утиных и гусиных лапок (в Кошибеевском могильнике в погребениях 53с, 64с). С гусем, так же как и с уткой, связывался целый ряд мифологических представлений. Подтверждают это опять-таки данные этнографии и фольклора. У чувашей при выносе покойника поют песню: «Летит вереница диких гусей, голоса их слышим, а голоса твоего больше не слышим»⁴⁹. Ряд исторических свидетельств рассказывает о роли гуся в мировоззрении обских угров: «...гусь боготворимый идол их бьаше изваян от меди в подобие гуся... почитается бог птиц водных: лебедя и гусей и всякого рода птиц...»⁵⁰. И в другом месте: «...в подобие птиц, гадов различные утвораху боги: иные поклоняются кумиру по подобию звериному, наипаче медведя, иные же в подобие птиц: лебедя, гуся»⁵¹.

Собирая воедино археологические и этнографические данные на этот предмет, очертим одну и ту же территорию, на которой в течение очень долгого времени, с глубокой древности до недавнего времени, сохранились эти воззрения или их отголоски. Фигурки уточек, подвески в виде гусиных лапок, изображения животных находим и на территории междуречья Волги и Оки, и в Прикамье, и в Западной Сибири.

N. V. Trubnikova

LA SÉPULTURE 22 ET QUELQUES ÉLÉMENTS DES CROYANCES PARMI
LES TRIBUS À L'ÉPOQUE TARDIVE DE LA CIVILISATION
DE GORODETZ

Résumé

La nécropole de Kochibéiévo — monument très intéressant, laissé par les anciennes tribus mordvines, I—IV siècles de notre ère — se trouve dans la région de Riazan, rayon de Sasovsk (région ci — devant de Tambov).

Parmi les sépultures de la nécropole, la sépulture 22 fouillée par A. A. Spitsyne présente un intérêt particulier.

L'orientation de cette sépulture est dirigée vers le Sud; les formes des articles permettent de la reporter au II siècle de notre ère.

L'inventaire original de la sépulture nous laisse la possibilité de rétablir certains éléments de l'idéologie de l'époque.

La sépulture pour hommes (peut-être un «kénotaf» /mot grec/, c'est-à-dire, monument érigé à la mémoire d'un homme péri loin de là et qui ne renferme pas les cendres du défunt) était munie d'une magnifique ceinture à ornements en plaques ayant la forme des losanges, de même qu'en figurines représentant des oiseaux, un cheval, un lézard.

Les données de l'éthnographie et du folklore concernant les peuples qui habitent la région du Volga et la Sibérie permettent de la considérer comme un des accessoires du chaman et témoignent de l'existence des conceptions et des formes du culte proches du chamanisme dont les éléments se formeraient à cette époque — là.

⁴⁷ В. М. М а с с о н. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 368.

⁴⁸ Существует точка зрения, что подобные сдвоенные изображения божеств являются результатом подчинения (или влияния) одного из племени другим, а следовательно, и племенных божеств, обладающих сходными функциями. Е. Кага-ров. Ук. соч., стр. 315.

⁴⁹ В. Магнитский. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань. 1881, стр. 164.

⁵⁰ Григорий Новицкий. Краткое описание о народе остячком. 1715. Новосибирск. 1941, стр. 60, 61.

⁵¹ Там же, стр. 53—61.

Б. А. ШРАМКО

ОРУДИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ЖЕЛЕЗА

Для характеристики уровня обработки черных металлов, достигнутого уже в начале железного века ремесленниками степной и лесостепной Скифии, очень важно знать те орудия, которыми они в это время располагали. Однако этот вопрос еще очень слабо изучен. В литературе не только нет сколько-нибудь полной сводки таких орудий, но многие типы их вообще еще неизвестны. Одни еще не обнаружены, хотя известные нам готовые изделия носят следы применения этих орудий; другие найдены, но до сих пор не выделены из общей массы археологического материала и в описаниях фигурируют под самыми различными названиями. В данной работе делается первая попытка дать более или менее полную сводку металлических орудий для обработки черных металлов, определить их назначение, распространение и рабочие качества в той мере, в которой позволяют имеющиеся сейчас в нашем распоряжении материалы. В необходимых случаях привлекаются данные металлографического анализа.

Главным способом обработки железа и стали в раннем железном веке была свободная ручная ковка металла, которая позволяла при помощи сравнительно простых орудий и приемов получать изделия довольно разнообразных форм и высокого для того времени качества. Для успешнойковки металла необходимо было иметь по крайней мере какую-то наковальню, молот и молотки, зубила для рубки горячего и холодного металла, пробойник для проделывания отверстий, клещи для извлечения металла из горна и для удержания его во времяковки. Имеющиеся уже в настоящее время материалы позволяют утверждать, что кузнецы Скифии располагали таким набором орудий.

Для предварительной обработки криц кузнецы Скифии могли использовать, как это делали еще в XVI и даже в XIX вв.¹, простые деревянные колотушки, но, чтобы выковать какое-либо изделие с хорошей структурой металла, нужны были уже наковальня и молотки разного веса. Наковальни, по крайней мере на раннем этапе железного века, когда этот металл добывался еще в небольшом количестве и имел очень большую ценность, могли быть только каменными. Обломки наковальни из кварцита обнаружены на Люботинском городище VII—IV вв. до н. э. Известны археологические находки каменных наковален в Центральной Европе даже в кузницах римской эпохи². Этнографические материалы показывают, что такие наковальни вообще имели весьма широкое распространение. В сибирской летописи имеется сообщение о том, что у населения, живущего в верховьях. р. Томи, кузнецы куют железо «вместо

¹ Н. Воскобойников. Описание горных промыслов и полезных минералов в округах Имеретии, Раче, Мингрелии, Лечхуме и в Суанах. «Горный журнал», кн. XI. СПб., 1826, стр. 52; С. В. Шухардин. Георгий Агрикола, М., 1955, стр. 190.

² R. Pleiner. Die Eisenverhüttung in der «Germania Magna» zur römischen Kaiserzeit. Sonderdruck aus 45. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1964, Berlin, 1965, стр. 69—70, рис. 18, с.

наковален на камени»³. Абинцы на Алтае в XVIII в. также изготавливали железные наконечники стрел и заступы «на каменных наковальнях железными молотами»⁴. Индейцы тлинкиты и чугачи в Северной Америке вначале при помощи каменных молотов на наковальнях из камня ковали изделия из меди, а позже таким же образом обрабатывали железо. Каменные наковальни применяются некоторыми кузнецами Африки для обработки железа и в наше время⁵.

Пока еще трудно сказать определенно, когда появляются на нашей территории первые железные наковальни, но во всяком случае у населения западной части лесостепи они уже были в латенскую эпоху и зафиксированы на известном закарпатском поселении Галлиш-Ловачка⁶.

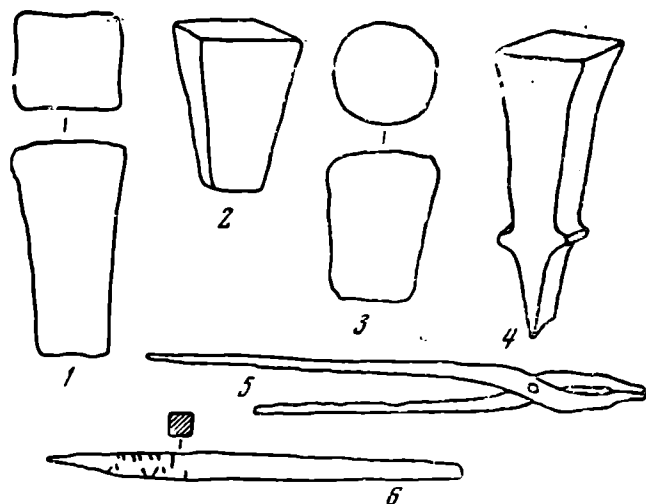

Рис. 1. Железные изделия, найденные на поселении Галлиш-Ловачка

1—4 — наковальни разных типов; 5 — клещи; 6 — железный брусок с насечками

для нас особенно интересно жилище № 3, в котором кроме прочих вещей найден набор кузнечных инструментов: кузнечные клещи, молоток и наковальня. В то время как большинство материалов этого латенского поселения, не имея точной документации, может датироваться лишь ориентировочно, комплекс находок данного жилища датируется вполне определенно двумя серебряными монетами, которые представляют собой варварские подражания тетрадрахмам Филиппа Македонского. Самой поздней датой этих монет могут быть II—I вв. до н. э.⁷

Но на поселении найдено несколько разных наковален. К сожалению, все то же отсутствие точной фиксации материала не позволяет определить, какая из пяти наковален найдена именно в жилище № 3. Попробуем все же уточнить этот вопрос. Все наковальни Галлиш-Ловачки можно разделить на три типа.

1. Наковальни, имеющие форму усеченной пирамиды (рис. 1, 1—2). Рабочая площадка их четырехугольна. Они представлены большими экземплярами (вес до 4,75 кг), предназначенными для кузнечных работ.

2. Наковальни, имеющие форму усеченного конуса и округлую рабочую площадку (рис. 1, 3). Они представлены двумя малыми экземплярами, предназначенными для ювелирных работ.

3. Фигурная наковальня, которая напоминает повернутую вверх основанием усеченную четырехгранную пирамиду (рис. 1, 4). Квадратная рабочая поверхность невелика, как у ювелирных наковален. Примерно на расстоянии 1/3 высоты пирамиды расположены выступы-упоры, не позволявшие наковальне глубоко входить в деревянную подставку. Вместе с тем небольшой нижний конец наковальни не тупой, как у остальных экземпляров, а острый. Все это указывает на то, что фигурная на-

ковальня, которая напоминает повернутую вверх основанием усеченную четырехгранную пирамиду (рис. 1, 4). Квадратная рабочая поверхность невелика, как у ювелирных наковален. Примерно на расстоянии 1/3 высоты пирамиды расположены выступы-упоры, не позволявшие наковальне глубоко входить в деревянную подставку. Вместе с тем небольшой нижний конец наковальни не тупой, как у остальных экземпляров, а острый. Все это указывает на то, что фигурная на-

³ «Сибирские летописи», СПб., 1907, стр. 382.

⁴ Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, 1, 1799, стр. 163.

⁵ Ю. П. Аверкиева. К истории металлургии у индейцев Северной Америки. СЭ, 1959, 2, стр. 68; Пьер-Доминик Гэсо. Священный лес. М., 1963, стр. 18.

⁶ М. Ю. Брайчевський. До історії обробки заліза населенням Східної Європи в кінці I тисячоліття до н. е. Нариси з історії техніки, 2. Київ, 1955, стр. 110; В. І. Бідзіля. Поселення Галіш-Ловачка. «Археологія», XVII, Київ, 1964, стр. 106.

⁷ В. І. Бідзіля. Ук. соч., стр. 138—139.

ковальня — это переносное специализированное орудие, которое не закреплялось наглухо в подставке, а могло сравнительно легко вставляться в нее и выниматься. Такое орудие было нужно мастеру, выполнявшему мелкие ювелирные или слесарные работы непосредственно там, где жили заказчики.

Если теперь мы вновь вернемся к комплексу жилища № 3, в котором найдены орудия кузнеца, а не ювелира, то увидим, что с этим жили-

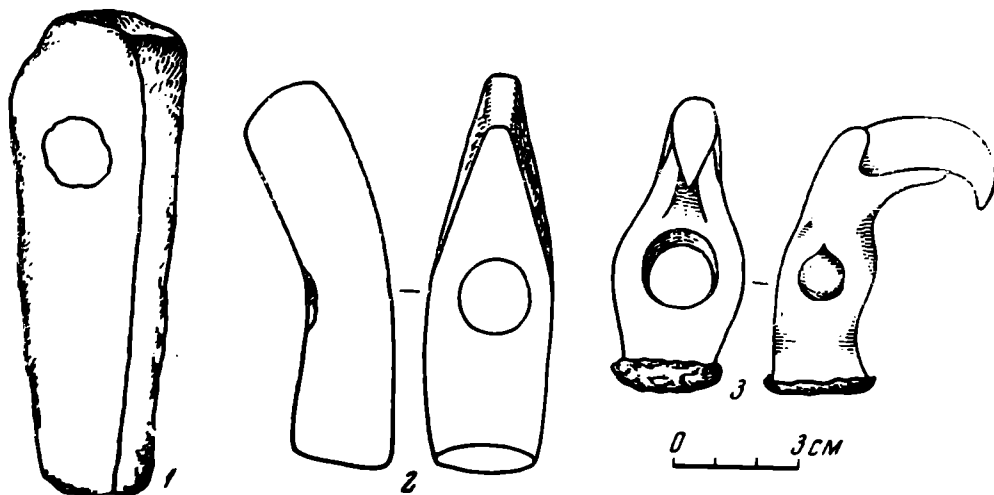

Рис. 2. Молот и молотки скифской эпохи

1 — железный молот из кургана Перепетовка; 2 — железный молот из кургана у с. Пекари; 3 — бронзовый молоток, найденный в окрестностях Пастырского городища

щем можно связывать только одну из двух кузнечных наковален первого типа.

Пирамидальный предмет с петлей на узком конце⁸, найденный на этом же поселении, не может быть наковальней. Для наковальни эта петля не только не нужна, но и мешала бы при закреплении ее в подставке. Изображение этого предмета в статье В. И. Бидзили, как нам кажется, следует перевернуть петлей вверх и сам предмет рассматривать как грузило или гиру⁹.

Немного лучше представлены в археологическом материале скифской эпохи такие орудия, как молоты и молотки, хотя они до сих пор еще не выделены четко из массы других вещей, не систематизированы и зачастую рассматриваются не как орудия производства.

Молот был найден на Киевщине в кургане Перепетовка¹⁰, который датируется второй половиной VI в. до н. э. К сожалению, это орудие не сохранилось и известно только по публикации. Однако изображение все же достаточно выразительно и позволяет говорить о характерных особенностях этого молота. Он имел форму прямоугольного в сечении бруска, который немного расшпряется у обуха. Отверстие для рукоятки расположено в верхней части орудия (рис. 2, 1). В. А. Ильинская в статье о скифских топорах, вновь публикуя изображение этого орудия, почему-то дорисовывает к нижней части его заостренное лезвие и тем самым превращает молот в топор¹¹. Однако в издании Временной комиссии для разбора древних актов художник, который видел подлинник, изобразил именно молот. В описи рисунков предмет также назван железным молотом. Не доверять этому определению у нас нет оснований. Типологически перепетовский молот относится к очень распро-

⁸ Там же. стр. 106, табл. II, 7.

⁹ Подобная гиря изображена, например, на средневековом рисунке, иллюстрирующем труд Агриколы. С. В. Ш у х а р д и н. Ук. соч., стр. 185.

¹⁰ «Древности, изданные Временной комиссией для разбора древних актов». Киев, 1846, табл. VI, 4.

¹¹ В. А. Іллінська. Скифські сокири. «Археологія», XII, Київ, 1961, стр. 30, рис. 2, 4.

страненной в древности форме орудия. Чрезвычайно близкие к перепетовскому молоты в виде квадратных или прямоугольных в сечении брусков с отверстием для рукоятки, расположенным не в центре, а в расширяющейся верхней части орудия, известны среди находок гальштатской и латенской эпох на территории Центральной Европы¹² и на нашей территории в позднедьяковской культуре¹³.

Прекрасный экземпляр железного молотка найден в кургане № 411 у с. Пекари¹⁴ (рис. 2, 2) в погребении, которое датируется первой половиной V в. до н. э. Высота молотка 9 см, диаметр круглого нижнего бойка 2,5 см, вес орудия 260 г. Верхняя, пирамидальная часть молотка при изготовлении была специально закруглена и заканчивается площадкой шириной около 6 мм. Такая форма верхнего бойка обычна для молотка и необходима для выполнения ряда операций при обработке металла, например для вытяжки при изготовлении втулок копий и дротиков, для получения широких продольных углублений на ручках мечей и т. п. В. А. Ильинская и это орудие относит к боевым топорам-молоткам¹⁵. А. И. Мелюкова также рассматривает эту находку в группе топоров-молотов, но допускает, что они употреблялись не только как оружие, но были одновременно и орудиями труда¹⁶. Изучение подлинника убедило нас, что это, безусловно, не топор, а только молоток, верхний боек которого всегда был затуплен и никогда не применялся как топор. Поэтому название «топор-молоток» к данному предмету совсем не подходит и ничем не оправдано. Н. Е. Бранденбург в своем журнале раскопок также пишет вполне определенно: в могильной яме обнаружен «у западного края железный молоток»¹⁷.

Имеется упоминание о находке одного железного молотка в кургане № 46 у с. Ярмолинцы в Посулье при раскопках С. А. Мазараки¹⁸, но подробности об этом молотке нам неизвестны.

Наряду с железными молотками в памятниках VI—V вв. до н. э. на территории степной и лесостепной Скифии встречаются и бронзовые экземпляры. У некоторых из них боек сильно расклепан, по краям образовались наплывы металла с грубыми заусеницами, и это четко выделяет эти орудия из группы других бронзовых молоткообразных предметов, которые были, видимо, значками военных предводителей или культовыми жезлами¹⁹. К таким орудиям, в частности, относятся бронзовый молоток (рис. 2, 3), найденный в окрестностях Пастырского городища²⁰. Однако для обработки черных металлов эти молотки, очевидно, не применялись, и поэтому подробно описывать их особенности здесь мы не будем.

Необходимым инструментом, без которого невозможно было вынимать раскаленные куски металла из горна и удерживать заготовки во время горячейковки на наковальне, были кузнечные клещи. Замечательный образец таких клещей был найден при раскопках С. А. Мазараки в одном из курганов у с. Аксютинцы в 1905 г. Курган содержал

¹² A. Rith. Die Eisentechnik der Hallstattzeit. Leipzig, 1942, стр. 96, рис. 64; H. Ohlha ver. Der germanische Schmied und sein Werkzeug. Leipzig, 1939, стр. 113, рис. 48 сл.; H. H. Coghlan. Notes on Prehistoric and Early Iron in the Old World. Oxford, 1956, стр. 125, рис. 37; R. Pleiner. Staré evropské kovářství. Praha, 1962, стр. 69, рис. 12, 1.

¹³ А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 61, рис. 16. 11.

¹⁴ Гос. Эрмитаж, № Дн. 1932, 52/7.

¹⁵ В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 33, рис. 4, 1.

¹⁶ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ. Д 1—4, М., 1964, стр. 66.

¹⁷ Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 127.

¹⁸ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. II, СПб., 1894, стр. 175.

¹⁹ В. А. Ильинская. Культовые жезлы скифского и предскифского времени. Сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 206.

²⁰ ДЦ, VI, Киев, 1907, табл. IV; 428; Хранится в КГИМ, инв. № Б. 1300.

богатое погребение IV в. до н. э. (северная гробница), в котором наряду с предметами роскоши имелся ряд хозяйственных вещей. В северо-западном углу могилы лежали клещи, которые в отчете описаны как «предмет неизвестного назначения». К счастью, обломки этого предмета сохранились в коллекции ГИМ в Москве²¹. Здесь имеется 5 обломков, которые хорошо совмещаются друг с другом по изломам (рис. 3, 1). Технологически наиболее интересная передняя часть клещей с губами для захватывания и удержания заготовки сохранилась полностью. Клещи из Аксютинцев имели фигурные губы, концы которых загнуты под прямым углом. Совершенно ясно, что это не простые клещи и не кусачки, с которыми их сопоставляет В. А. Ильинская²², а специализированный кузнечный инструмент, предназначенный для удержания тонких плоских предметов²³. Чтобы ручки клещей во время работы не скользили в руке, мастер сделал их витыми. Сохранились ручки не полностью. От одной в музейной коллекции имеется два обломка, имеющих общую длину от оси клещей 15,7 см. Вторая ручка сохранилась лишь на 10 см.

Такие специализированные захватные клещи известны и среди близких по времени памятников Центральной Европы. В частности, кузнечные клещи с загибом на конце губ, датированные латенской эпохой, найдены у Магдаленсберга в Австрии²⁴ (рис. 3, 2). Клещи из Аксютинцев лишь немного отличаются от магдаленсбергских: губы их более коротки и не имеют дугообразного изгиба в плоскости захвата.

Наличие таких специализированных клещей свидетельствует о том, что ассортимент этих орудий у ремесленников начала железного века на юге Восточной Европы был довольно велик. Если делались специализированные захватные клещи, то имелись, конечно, и более простые кричные и кузнечные клещи. Последние были найдены в упомянутом уже жилище № 3 на поселении Галлиш-Ловачка (рис. 1, 5). Обычные кузнечные клещи встречались неоднократно и в Ольвии²⁵.

Среди рабочих инструментов, которые весьма рано, еще с гальштатской эпохи, известны европейским кузнецам, имеются и пружинные щипцы для угля. На территории лесостепной Скифии прекрасные стальные щипцы, до сих пор еще хорошо пружинящие, найдены в кургане начала V в. до н. э. у с. Яблоновка²⁶. Длина их 56 см, рабочие концы завершаются плоскими лопатками шириной 4,7 см и длиной около 6 см (рис. 4). Аналогичные щипцы были найдены в упомянутом уже кургане у с. Аксютинцы, который раскопал С. А. Мазаракли в 1905 г., вместе с

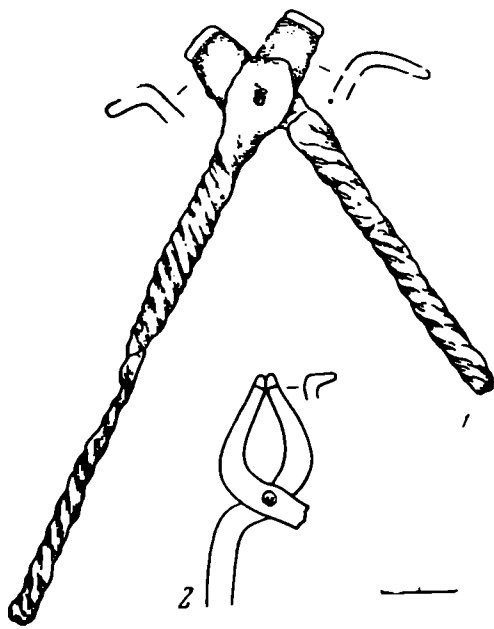

Рис. 3. Клещи из кургана у с. Аксютинцы (1) и клещи из Магдаленсберга (2)

²¹ «Отчет Российского исторического музея за 1906 г.», М., 1907 г., стр. 14—17, рис. 2, 24. ГИМ, инв. № 43108.

²² В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968, стр. 162. На табл. XXII, 2 дано схематическое изображение обломков, но раскладка их произвольна и не соответствует общему виду предмета.

²³ П. В. Каменев. Ручная и мелкая свободнаяковка. Л., 1947, стр. 118, рис. 57.

²⁴ H. Ohlhaver. Der germanische Schmied und sein Werkzeug, стр. 58, рис. 24, 5.

²⁵ В. І. Бідзіля. Ук. соч., стр. 106, табл. II, II; А. І. Фурманська. Бронзоліварне ремесло в Ольвії. «Археологія», XV, Київ, 1963, стр. 61—62.

²⁶ ГИМ, инв. № 76990, кург. № 2; Б. Н. Граков. Древности Яблоновской курганной группы из раскопок Д. Я. Самоквасова. Тр. СА РАНИОН, II, М., 1928, стр. 75.

захватными клещами. В коллекции ГИМ этот предмет, к сожалению, не сохранился. Однако в отчете о раскопках не только упомянуты железные щипцы, но и имеется довольно четкий рисунок этого предмета²⁷. Наконец, близкие к этим щипцы были обнаружены при раскопках А. И. Тереножкина в кургане № 2 у Старинской птицефабрики²⁸. Их длина 44 см. Рабочие концы очень удобны для захвата угля, так как заканчиваются вогнутыми чашечками, имеющими диаметр 5—5,7 см.

Рис. 4. Пружинные щипцы из кургана у с. Яблоновка

Вне территории Скифии близкие по форме щипцы, не имеющие на концах расширений в виде лопаток или чашечек, найдены у савроматов²⁹. Такая форма менее удобна, но все же встречается среди орудий, связанных с добычей и обработкой металлов.

Во всех указанных выше случаях обстоятельства находки сами по себе не объясняют назначение орудий. Но в других местах однотипные щипцы хорошо известны и среди комплексов металлургов и кузнецов. Можно указать на щипцы, найденные вместе с напильником в погребении № 466 Гальштатского могильника³⁰. Они обнаружены также среди инструментов гальштатской кузнечной мастерской в Бычьей Скале³¹. Еще ближе по форме к нашим кузнечные угольные щипцы римского времени из Зельтца (Эльзас)³². Аналогичные щипцы найдены и среди средневековых остатков, связанных с добычей и обработкой железа³³. Все эти аналогии позволяют считать, что и найденные в лесостепной Скифии железные пружинные щипцы являются угольными щипцами.

Во время предварительной обработки металла (для разрубания криц) и при дальнейшей обработке заготовок кузнецам необходимо было иметь различные зубила. Среди них различают более тяжелые, имеющие деревянную рукоятку кузнечные зубила и более легкие слесарные зубила, которые во время работы держали рукой за стержень. И те и другие зубила найдены на территории Скифии, но, чтобы четко выделить кузнечные зубила, мы вынуждены сделать небольшое отступление и детально рассмотреть группу таких орудий, как железные проушные хозяйственные топоры.

Недавно В. А. Ильинская посвятила топорам скифской эпохи специальную статью, в которой ей удалось собрать большой материал и сделать ряд интересных наблюдений³⁴. Однако с некоторыми ее оценками мы не можем согласиться. Выше мы уже говорили о молотках, которые объединены здесь с топорами. Недостаточно четко, на наш взгляд, выглядит также классификация самих топоров. Например, непонятно, почему одни массивные клиновидные топоры отнесены к хозяйственным, а другие, аналогичные по размерам и по форме характе-

²⁷ Отчет Российского Исторического музея за 1906 г., стр. 14—17, рис. 2, 25.

²⁸ В. А. Ильинская. Скифские курганы около г. Борисполя. СА, № 3, 1966, стр. 155, рис. 2.

²⁹ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 300, рис. 8, 3е.

³⁰ К. Кромег. Das Gräberfeld von Hallstatt. Sansoni Firenze, 1959, табл. 85, 1.

³¹ R. Pleiner. Základy slovanského železářského hutnictví v českých zemích. Praha, 1958, стр. 89, рис. 13, 5.

³² R. Pleiner. Staré evropské kovářství, стр. 109, рис. 16, 2.

³³ И. А. Гзелишвили. Железоплавильное производство в древней Грузии. Тбилиси, 1964, табл. XV, 9.

³⁴ В. А. Ильинская. Скифські сокири, стр. 27—52.

ризуются как типы боевых топоров³⁵. В данной статье для выделения собственно кузнечных орудий мы рассмотрим только хозяйственные топоры³⁶, а о специализированных боевых топорах будем говорить лишь в той мере, в какой это необходимо для более четкого выделения особенностей хозяйственных. Такое разделение тем более оправдано, что характеристика боевых топоров дана в работе А. И. Мелюковой³⁷.

Все известные в настоящее время проушные хозяйственные топоры, найденные на территории Скифии, отличаются по своей конструкции от боевых топоров рядом устойчивых признаков: они всегда имеют более массивный и короткий обух, их вес превышает в 3—4 раза и даже более средний вес обычных боевых топоров. Кроме того, отверстие для рукоятки у них большего диаметра и всегда расположено в верхней половине или в верхней трети высоты топора, в то время как у боевых топоров оно находится обычно примерно в центре высоты и лишь изредка выше. При учете более детальных особенностей хозяйственные топоры можно разделить на три основных типа.

1. Основным типом, по-видимому, следует считать клиновидный топор с массивным, но не широким обухом и сравнительно узким лезвием (рис. 5, 1—3). У этих топоров наибольшая ширина обуха с передней стороны в 3,5—4 раза меньше высоты топора, а ширина лезвия составляет около $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ высоты бойка. Вес хорошо сохранившихся экземпляров колеблется от 865 до 1195 г.

Для сравнения можно указать, что вес типичного боевого топора из кургана у с. Круглик³⁸ (VI в. до н. э.) равен 262 г.

К первому типу относятся топор, найденный нами в 1963 г. на Люботинском городище (рис. 5, 3), а также опубликованные ранее топоры из Подгорцев (рис. 5, 2) и из кургана № 34 в урочище Частые курганы под Вороножем (рис. 5, 1)³⁹. Насколько можно судить по имеющимся односторонним изображениям, к первому типу следует отнести также топор из кургана № 3 у с. Поповки⁴⁰ и топор одного из курганов роменской группы⁴¹. Одним из вариантов топоров этого типа является топор, найденный при раскопках Д. Я. Самоквасова⁴² в кургане Старшая могила (рис. 5, 4). Боковые ребра обуха у этого топора слегка вогнуты, а боек в верхней части уже, чем в нижней, что создает впечатление, будто лезвие топора весьма широкое. На самом деле отношение ширины лезвия к высоте бойка составляет $\frac{1}{2}$, что характерно и для других топоров первого типа. Абсолютная ширина лезвия

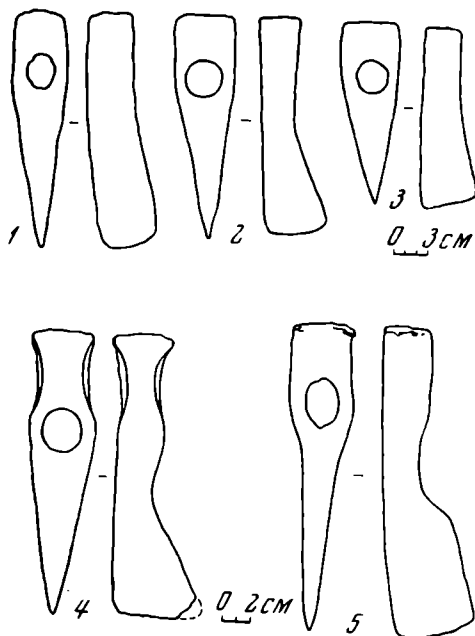

Рис. 5. Хозяйственные топоры первого и второго типов

1 — Частые курганы; 2 — Подгорцы; 3 — Люботинское городище; 4 — курган Старшая могила у с. Аксютинцы (№ 1456); 5 — курган Старшая могила (№ 1455)

³⁵ Там же, рис. 2, 3; 3, 1 и 9. Или топоры с расклепанными обухами — рис. 2, 6 и 3, 8. Такого рода сработанность никогда не могла появиться у топора, если бы он употреблялся лишь в качестве боевого оружия.

³⁶ Речь идет о топорах, которые по своей конструкции являются хозяйственными. Это не мешало, конечно, использовать их в определенных случаях и в качестве оружия.

³⁷ А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 65—68.

³⁸ Эрмитаж, № Кр. 63/26. Раскопки Г. И. Смирновой в 1963 г.

³⁹ В. А. Илл ин сь к а. Ук. соч., стр. 30, рис. 2, 3; рис. 3, 1.

⁴⁰ А. А. Б о б р и н с к и й. Ук. соч., табл. XXV, 14.

⁴¹ ДП, II, Киев, 1899, табл. III, 129.

⁴² ГИМ, № 1456 по Самоквасову.

также не больше, чем у других топоров данного типа. Вес этого экземпляра 868 г. Близок к этому топору и один из топоров, найденных в кургане у с. Поповки⁴³. Таким образом, к первому типу относится большинство известных нам хозяйственных топоров и существуют они в течение всей скифской эпохи, по крайней мере с VI в. до н. э.

2. Ко второму типу относятся клиновидные топоры с оттянутой лопастью бойка и с массивным, но не широким обухом (рис. 5, 5). От первого типа они отличаются тем, что в верхней половине бойка имеется четко выраженная выемка, ниже которой оттянута лопасть. Отношение ширины лезвия к высоте бойка колеблется в пределах $1/2 - 1/3$. Оттянутая лопасть при скошенном (закругленном) лезвии улучшала механические свойства топора, уменьшая расстояние от центра тяжести до точки удара⁴⁴. К этому типу относятся два топора из курганов VI в. до н. э.: топор № 1455 из Старшей могилы у с. Аксютинцы (вес 952 г)⁴⁵ и топор из кургана у с. Веремеевка⁴⁶.

3. Для топоров третьего типа характерен очень широкий с лицевой стороны массивный обух при сравнительно небольшой ширине лезвия и небольшой высоте бойка (рис. 6, 1—5). Отношение ширины обуха с лицевой стороны к его боковой ширине около 1:3 и даже 1:4, в то время как у топоров первого и второго типов обух в плане почти квадратный

или имеет соотношение боковых сторон порядка 3:4 или 4:5.

Хорошим образцом орудия этого типа является топор, найденный в

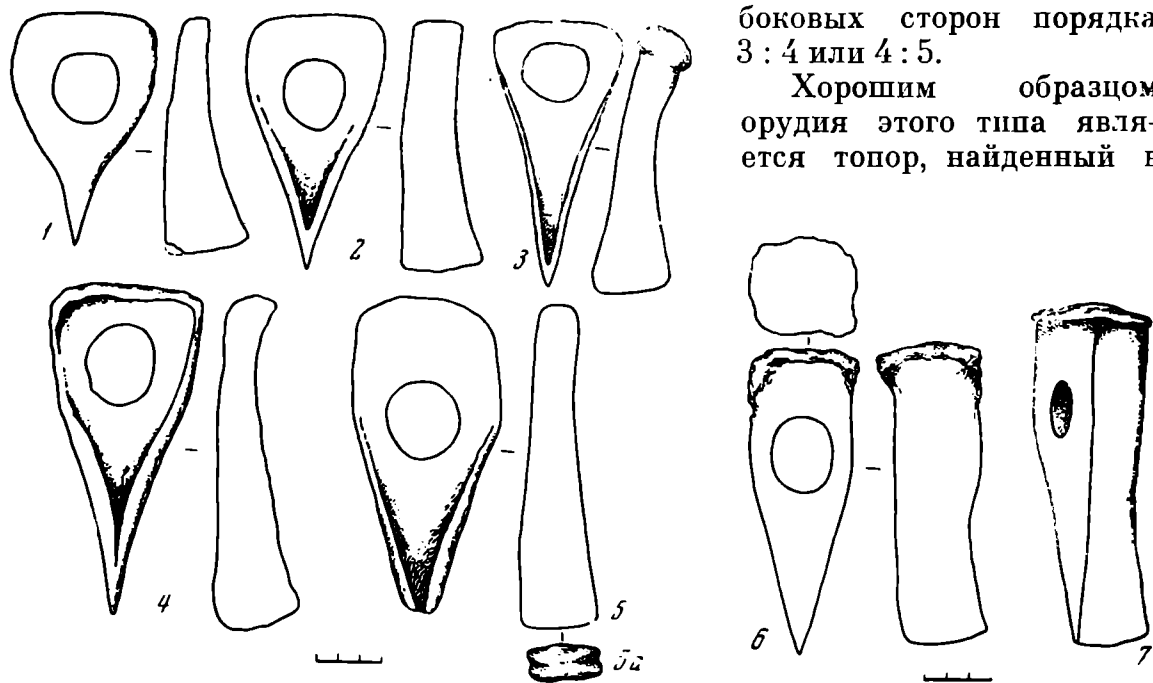

Рис. 6. Кузнечные зубила

1 — селище у с. Островерховка; 2 — городище у с. Городное; 3 — Горошков; 4 — хут. Репенка; 5 — Каменское городище; 6 — кург. у с. Пруссы; 7 — кург. № 7 в мог. Частые курганы

1960 г. на городище VI—IV вв. до н. э. у с. Городное в Харьковской области (рис. 6, 2). Аналогичный топор опубликован среди вещей, найденных в бывшей Киевской губернии⁴⁷. Недавно такой же экземпляр найден при раскопках П. Д. Либерова на поселении скифской эпохи у с. Ре-

⁴³ В. А. Іллінська. Ук. соч., рис. 3, 7.

⁴⁴ В. Желиговский. Ручные ударные орудия и работа ими. «Вестник металлопромышленности», 1925, 3—4, стр. 200—218, рис. 3.

⁴⁵ Хранится в ГИМ, инв. № 76990.

⁴⁶ В. А. Іллінська. Ук. соч., рис. 3, 6. Но это не облегченный, как полагает В. А. Ильинская (стр. 33), вид боевого топора, так как вес характерного для этого типа топора из Старшей могилы равен 952 г и даже превышает вес ряда простых клиновидных топоров с лезвием без выемки.

⁴⁷ ДП, IV, Киев, 1901, табл. I, 3.

пенки в Белгородской области⁴⁸. Вообще топоры этого типа были весьма распространены в раннем железном веке на территории Восточной Европы. Они встречаются не только на поселениях степной и лесостепной Скифии, но и памятниках соседних юхновской и милоградской культур, а также в более северных областях (дьяковская культура)⁴⁹.

Для чего же применялись эти топоры разных типов? Массивные и довольно длинные клиновидные топоры первого типа хорошо приспособлены для рубки деревьев и раскалывания их. Топоры второго типа, кроме того, могли с успехом применяться также для ряда плотничьих работ. Однако и те и другие, по-видимому, использовались практически более универсально. В случае необходимости эти топоры можно было применять и как тяжелое ударное оружие, но нельзя их рассматривать просто как боевые топоры. Металлографические исследования показывают, что такие хозяйственные топоры использовались и в качестве молотов.

Так, металлографический и химический анализы⁵⁰ хозяйственного топора первого типа из Подгорцев дали следующую картину. Металл содержит 0,34% С и 0,022% Р. Топор сделан из среднеуглеродистой стали, имеющей ферритно-перлитную структуру (рис. 7, 1—2). На поверхности обуха наблюдается обезуглероживание. Отверстие для рукоятки сделано путем пробивания (прошивки) заготовки специальным инструментом. Поэтому никаких швов выше и ниже отверстия нет, а у края отверстия с одной стороны заметна небольшая боковая трещина, возникшая при прошивке. Измерение твердости показало, что самую высокую твердость имеет обух — 121 НВ. В средней части топора твердость значительно меньше — всего 80—90 НВ. По-видимому, обух часто использовали в качестве молота, и это вызвало наклеп поверхности. Вес подгорцевского топора (1125 г) вполне позволял использовать его в качестве молота. Таким образом, фактически орудие было довольно универсальным.

Другой проушной хозяйственный топор, найденный нами в 1963 г. на Люботинском городище скифской эпохи (рис. 5, 3), сделан из малоуглеродистой стали и также, видимо, часто использовался как молот. Вес его равен 925 г. В данном случае очень показательным оказалось измерение твердости металла на разных участках. На лезвии топор имеет твердость 108—117 НВ, а у обуха в результате наклепа твердость повышена до 144 НВ. Этот топор-молот, так же как и подгорцевский, изготовлен из одной заготовки. Отверстие для рукоятки сделано путем пробивки (прошивки). У края отверстия металл в результате этого сильно уплотнен, и твердость его достигает 241 НВ.

Что касается топоров третьего типа с очень широким обухом и маленьким бойком, то они не могли применяться ни при рубке деревьев, ни в плотничьем деле. Их форма свидетельствует о том, что ими рубили какие-то очень твердые предметы сравнительно небольшой толщины. Если не все, то по крайней мере некоторые топоры третьего типа определенно связаны с металлообработкой и являются кузнечными зубилами.

Из осторожности мы пока относим к этой группе кузнечных орудий лишь такие, которые, судя не только по их форме, но и по следам работанности, несомненно, применялись при обработке металлов для раз-

⁴⁸ П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, вып. Д1 — 31, М., 1965, стр. 67, табл. 14, 8.

⁴⁹ Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 154, рис. 31, 54; А. Е. Алихова. Древние городища курского Посеймья. МИА, 113, 1962, стр. 124, рис. 20, 15; X. А. Моора. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, XLVIII, 1952, рис. 7; О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 60, рис. 21, 6.

⁵⁰ Специальные анализы проводились автором совместно с металловедами Л. А. Солнцевым, Л. Д. Фоминым и Р. Б. Степанской.

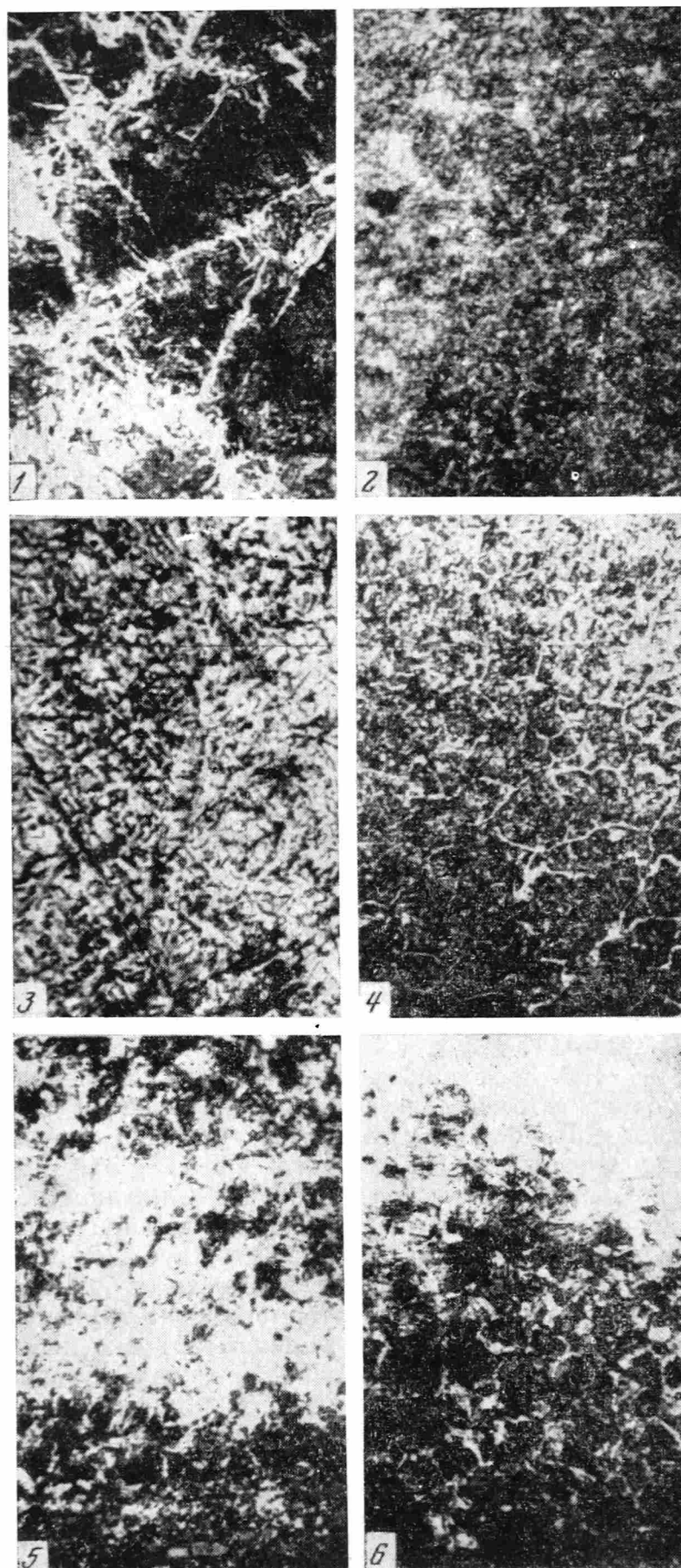

Рис. 7. Структуры различных изделий скифской эпохи

1 — топор из Подгорцев, обух, $\times 120$; 2 — топор из Подгорцев, лезвие, $\times 450$; 3 — зубило Люботинского городища, $\times 120$; 4 — зубило Каменского городища, $\times 120$; 5 — нож Люботинского городища; 6 — нож Басовского городища, $\times 120$

рубания криц и заготовок на части в горячем состоянии, т. е. служили кузнечными зубилами. Эти орудия можно разделить на два вида.

К первому относятся клиновидные орудия с массивным, почти квадратным в сечении обухом и с лезвием, ширина которого почти не отличается от ширины обуха. Один экземпляр такого орудия происходит из кургана IV в. до н. э. у с. Пруссы в бывшей Киевской губ.⁵¹ (рис. 6, б). При изучении подлинника, который хранится в Киевском историческом музее⁵², сразу же бросилось в глаза то обстоятельство, что обух этого орудия, несмотря на массивность, сильно расклепан от многократных и сильных ударов каким-то тяжелым предметом, очевидно, молотом. Необходимость в этом могла возникнуть лишь при рубке очень твердого материала. Показательно также и то, что это орудие имеет боек, заостренный под углом значительно большим, чем у похожих на него топоров первого типа, а проушина рассчитана на применение мощной рукоятки. Высота орудия меньше, чем у обычных хозяйственных топоров. Для сравнения дадим несколько примеров:

Предмет	Угол заострения бойка, град	Форма отверстия	Размер отверстия, см	Высота орудия, см
Кузнечное зубило — курган у с. Пруссы	32	Овал	3,5×2,5	13,3
Клиновидный топор — Люботинское городище	25	Круг	2,5	15,4
Клиновидный топор — кург. № 34 урочища «Частые курганы»	20	Овал	2,8×2,5	20,4
Клиновидный топор — с. Подгорцы	21	Круг	3,0	19,0
Современное кузнечное зубило	30	Овал	3,2×2,4	14,0

Приведенные данные показывают, что орудие из кургана у с. Пруссы значительно отличается от клиновидных хозяйственных топоров и даже от близкого к нему по размерам топора Люботинского городища. Вместе с тем по форме и по углу заострения бойка оно очень напоминает современное кузнечное зубило. Близко к нашему и кузнечное зубило римского времени из Креймбаха, найденное в комплексе среди других кузнечных орудий III—IV вв.⁵³ Таким образом, надо полагать, что орудие из кургана у с. Пруссы действительно является кузнечным зубилом, как и совершенно аналогичное орудие, найденное в погребении начала V в. до н. э. кургана № 7 в урочище «Частые курганы» под Воронежем⁵⁴ (рис. 6, 7). Интересно, что даже абсолютные размеры этих орудий почти полностью совпадают: длина — 13,3 и 14,5 см, ширина обуха в фас — 4,6 и 4,5 см, ширина обуха в профиль — 4,5 и 4,5 см, ширина лезвия — 3,5 и 3,5 см. Такое совпадение общей формы и размеров, конечно, нельзя считать случайным. Характерно, что и у орудия, найденного в кургане № 7 в урочище «Частые курганы» обух очень сильно расклепан от ударов тяжелым молотом. Подобные рассмотренным клиновидные кузнечные зубила с проушиной для рукоятки, которая была необходима при рубке горячего металла, применялись и в эпоху раннего средневековья⁵⁵.

Ко второму виду относятся орудия еще более специализированной формы. Они имеют очень широкий и массивный обух, который в горизонтальном сечении выглядит как узкий прямоугольник. Лезвие в 2,5—3 раза

⁵¹ ДП. III, Киев, 1900, табл. XXXVIII, 171.

⁵² БГИМ, № Б. 34—121, курган № 12, раскопки В. В. Хвойки.

⁵³ H. O h l h a v e r. Der germanische Schmied., стр. 118, табл. X. 799; R. Pleiner. Staré evropské kovářství, стр. 109, рис. 16, 7.

⁵⁴ С. Н. З а м я т н и н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 31, рис. 16, 1.

⁵⁵ Б. А. К о л ч и н. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, 32, 1953, стр. 64, рис. 24, 4.

шире верхней части боковой стороны обуха. Последний, как и у орудий первого вида, обычно расклепан от многократных и сильных ударов. Этот вид кузнечного зубила представлен находками на селище V—IV вв. до н. э. у с. Островерховка⁵⁶ (рис. 6, 1) и на поселении скифского времени у с. Репенка в Белгородской обл.⁵⁷ (рис. 6, 4).

На Каменском городище также было найдено очень близкое по размерам и по форме орудие (рис. 6, 5), которое, по предположению Б. Н. Гракова, использовалось в качестве пуансона при выработке чешуек для панциря⁵⁸. Нам кажется, что это маловероятно, так как для изготовления мелких бляшек из тонких пластинок не нужно было делать такое массивное и не совсем удобное для штамповки орудие, тем более что аналогичный эффект дал бы удар узкого бойка простого молотка (например, типа молотка, найденного в кургане у с. Пекари). В. А. Ильинская высказала мысль, что это топор, у которого было затуплено лезвие, и поэтому он использовался как молот. При этом ударной частью было сбитое лезвие⁵⁹. Но это совсем неубедительно, так как гораздо целесообразнее заточить затупившийся топор, чем использовать его как очень неудобный молот, да еще имея в качестве рабочей части не обух, а туповатый, но все же узкий боек. Изучение подлинника, хранящегося в ГИМ в Москве, позволяет считать, что здесь мы имеем дело с орудием, изготовление которого не было полностью закончено скифским кузнецом. При вытяжке лезвия с боковых сторон закономерно образовались наплывы металла, небольшие выступы, толщина которых уменьшается по мере приближения к обуху (рис. 6, 5А). Эти вы-

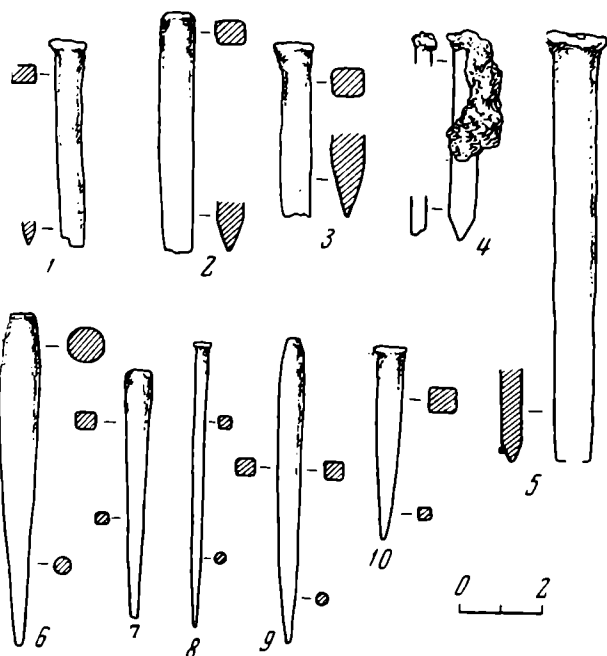

Рис. 8. Зубила и пробойники

1 — Люботинское городище; 2—3 — Каменское городище; 4 — Субботовское городище; 5 — Восточное Бельское городище; 6—7 — Западное Бельское городище; 8—10 — Каменское городище

видно, объясняется тем, что зубила первого вида, более массивные, предназначались для рубки более крупных кусков металла и криц, а зубила второго вида — для рубки сравнительно мелких загото-

тупы не смыкаются в нижней части, как на готовых изделиях (рис. 6, 2—4), и с нижней стороны бойка выступают неравномерно. Нетронутость выступов, образовавшихся при ковке, свидетельствует о том, что боек никогда не был в работе и не затачивался. По-видимому, кузнец начал делать кузнечное зубило, но не успел по какой-то причине завершить свою работу.

Следует отметить, что кузнечные зубила второго вида не являются особенностью только скифской эпохи. Они доживают до раннего средневековья, и одно из таких зубил найдено на городище у с. Бобрица⁶⁰.

Одновременное существование на нашей территории двух видов кузнечных зубил, оче-

⁵⁶ Б. А. Шрамко. Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островерхівки. АП, VI, 1956, стр. 59, рис. 1, табл. I.

⁵⁷ П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежского отряда скифской лесостепной экспедиции в 1961 г. Альбом, табл. III, I. Архив ИА АН СССР.

⁵⁸ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, 36, 1954, стр. 126, табл. XVII, 7.

⁵⁹ В. А. Іллінська. Ук. соч., стр. 31.

⁶⁰ Б. А. Колчин. Черная металлургия..., стр. 64, рис. 24, 3.

вок. Такая дифференциация кузнечных зубил отмечена и в центральноевропейских находках римской эпохи⁶¹. Кузнечное зубило из Заальбурга несколько напоминает наши зубила второго вида, но все же не имеет такого исключительно широкого обуха⁶². Вообще кузнечные зубила второго вида, по-видимому, являются специфически восточноевропейской формой орудий, получившей распространение здесь в раннем железном веке⁶³. Точные аналогии на западе неизвестны, хотя общее число найденных там железных орудий разных форм, относящихся к раннему железному веку, уже достаточно велико.

Кроме кузнечных зубил местные мастера употребляли, конечно, также небольшие слесарные и ювелирные зубила, предназначенные для рубки холодного металла при отделении небольших кусков и для нанесения орнамента. Обычное слесарное зубило найдено в 1965 г. при раскопках на Восточном Бельском городище⁶⁴ (рис. 8, 5) в слое VI—V вв. до н. э. Оно сделано из бруска длиной 10,3 см, имеющего в сечении форму прямоугольника с размерами 11 × 6,5 мм. Головка зубила сильно расклепана. Рабочая часть имеет двустороннюю заточку, угол заточки 63°. Небольшое зубильце длиной 5 см найдено было в 1963 г. на Люботинском городище в слое VI—V вв. до н. э. (рис. 8, 1). Верхний конец его также расклепан от ударов, а нижняя, рабочая часть имеет двустороннюю заточку с углом заточки 37°. Уголок лезвия выкрошен. Люботинское зубило⁶⁵ было подвергнуто металлографическому анализу. Микроструктура изучалась в двух сечениях и оказалась идентичной (рис. 7, 3). Структурные составляющие — феррит и перлит. Количество последнего, с одной стороны, доходит до 50%, а с другой, уменьшается. Зубило сделано из среднеуглеродистой стали, содержащей до 0,4% С. Аналогичное небольшое зубильце было найдено в 1955 г. на Субботовском городище⁶⁶, но угол заточки у него 61° (рис. 8, 4).

Прекрасная коллекция слесарных и ювелирных зубил была получена при раскопках Б. Н. Гракова на Каменском городище (рис. 8, 2—3) в степной Скифии⁶⁷. Здесь имеются сравнительно большие экземпляры длиной 10,2—8,0 см, но большинство ближе по форме и размерам к зубильцу Люботинского городища. Углы заточки у зубил Каменского городища⁶⁸ разные: 27, 23, 24, 29, 30 и 43°. Одно из этих зубил⁶⁹ (длина 6 см, угол заточки 29°) было подвергнуто металлографическому анализу. Зубило имело следующую структуру (рис. 7, 4): в центре тела стержня виден сорбитизированный перлит, а по краям — сорбитизированный перлит с сеткой феррита. Микротвердость перлита равна 275 кг/мм². Содержание углерода 0,9%. Твердость для такого инструмента здесь несколько завышена. Это сказалось при использовании зубила: кусочек лезвия его выкрошился (рис. 8, 3).

Отмеченные выше значительные колебания углов заточки зубил скифской эпохи объясняются тем, что они предназначались для обра-

⁶¹ R. Pleiner. Staré evropské kovářství, стр. 109, рис. 16, 7—8.

⁶² H. Ohlhaueg. Der germanische Schmied..., стр. 120, табл. 9, 1.

⁶³ П. Д. Либеров ошибочно называет орудие из Островерховки топором «совершенно необычной для этого времени формы». П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, 113, 1962, стр. 43.

⁶⁴ Археологический музей ХГУ, № 373/IV—65.

⁶⁵ Археологический музей ХГУ, № 101/XI—63.

⁶⁶ Этнографо-археологический музей МГУ, № 131, Раскопки Б. Н. Гракова и А. И. Тереножкина в 1955 г.

⁶⁷ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 125, табл. XVI, 4, 7, 8, 10, 11.

⁶⁸ Коллекция ГИМ, инв. № 85131, № зубил — 469, 470, 667, 698, 840. Из раскопок Б. Н. Гракова в 1950 г.

⁶⁹ ГИМ, инв. № 85131, зубило № 698. Автор очень благодарен Б. Н. Гракову за разрешение использовать неопубликованные материалы из богатой коллекции Каменского городища.

ботки разных материалов. И сейчас рекомендуется зубила для рубки железа и стали затрачивать под углом 60° , для меди и латуни — 45° , а для цинка — 35° . Древние образцы, конечно, не вполне соответствуют этим стандартам, но все же ремесленники скифской эпохи, видимо, уже эмпирически пришли к выводу о целесообразности делать угол заточки у зубил для рубки твердых металлов большим, а для рубки мягких металлов — меньшим.

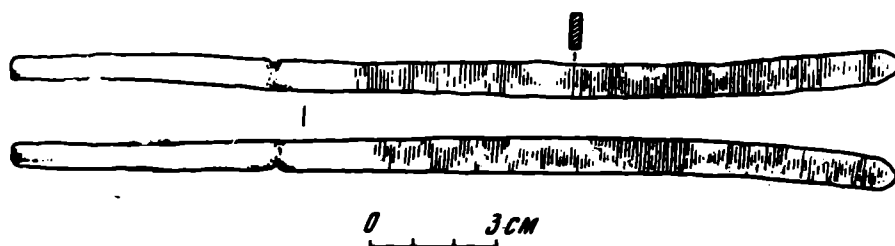

Рис. 9. Напильник, найденный на Восточном Бельском городище

Наряду с зубилом важным орудием для обработки черных металлов был пробойник. Два железных пробойника были найдены при раскопках В. А. Городцова на Бельском городище в 1906 г.⁷⁰ Один из них отличается большим размером и тем, что имеет боек круглого сечения (рис. 8, 6). Он найден в зольнике № 3. Другой, происходящий из зольника № 9, имеет меньший размер и боек квадратного сечения (рис. 8, 7). В степной Скифии ремесленники, жившие на Каменском городище, также употребляли два вида пробойников: с круглым и квадратным бойком⁷¹ (рис. 8, 8—10).

Железные напильники в памятниках раннего железного века встречаются сравнительно редко. На территории Восточной Европы нам известен всего один достоверный экземпляр такого орудия, найденный на поселении скифской эпохи. Он обнаружен в слое V—IV вв. до н. э. на Восточном Бельском городище⁷². Этот напильник (рис. 9) имеет вид железного бруска прямоугольного сечения. Длина его 21 см, ширина рабочей части 7 мм, толщина 3 мм. Один, более тонкий конец бруска на протяжении 8,3 см не имеет насечек, так как предназначен для насаживания рукоятки. Следы дерева от рукоятки заметны на этом черенке. Остальная часть напильника с двух сторон покрыта прямой однорядной насечкой, которая нанесена зубилом. Насечка не сохранилась только на некоторых участках рабочей поверхности, которые повреждены коррозией.

Железные напильники такого типа с прямой однорядной насечкой применялись и ремесленниками более западных областей Европы, где они известны в памятниках конца гальштатской⁷³ и латенской эпохи⁷⁴. Интересно, что в одной из гальштатских могил железный напильник с прямой однорядной насечкой был найден вместе с пружинными щипцами⁷⁵. Напильники с однорядной насечкой в настоящее время применяются при обработке цветных металлов, но в древности они, возможно, были более универсальными орудиями. Относительно бельского напильника можно уверенно сказать, что цветные металлы обрабатывались этим орудием, так как между зубцами насечки сохранилась окись меди.

⁷⁰ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, III, М., 1911, стр. 93—161. Вещи в ГИМ. инв. № 45440.

⁷¹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре, табл. XVI, —6.

⁷² Археологический музей ХГУ, № 144/VI—65.

⁷³ К. Кроммер. Das Gräberfeld von Hallstatt, табл. 6, погр. № 55; табл. 77, погр. № 462 и др.

⁷⁴ P. Vouga. La Tène. Leipzig, 1923, табл. XLIV, 21; J. L. Pič. Čechy na úsvitě dejin, 2, Praha, 1903, стр. 82, рис. 10; R. Pleiner. Staré evropské kovářství; стр. 69, рис. 12, 9.

⁷⁵ К. Кроммер. Ук. соч., табл. 85, 2 (мог. № 466).

М. Ю. Браичевский и В. И. Бидзиля рассматривают как напильник один из железных предметов, найденных на поселении Галлиш-Ловачка⁷⁶. Это четырехгранный брусок длиной 24 и шириной 1—1,2 см. Заканчивается он с одной стороны очень небольшой (всего 2 см) заостренной частью, которая считается черенком для рукоятки (рис. 1, б). Только вблизи этого черенка на одной из сторон предмета имеется несколько беспорядочно разбросанных коротких насечек. Вся остальная поверхность абсолютно никаких насечек не имеет. Кроме того, очень важно, что насечки расположены не на всей плоскости и даже не в средней части бруска, а только у черенка, где использовать их при наличии ручки практически невозможно. Трудно представить, чтобы ремесленники Галлиш-Ловачки, владевшие вообще очень совершенным инструментом, использовали этот предмет в качестве напильника. Скорее всего, это какая-то железная заготовка, на которой несколько раз рубили металл и оставили случайно ряд насечек.

Конечно, одним из условий полноценной обработки железа и стали, а именно такую обработку мы встречаем на многих изделиях скифской эпохи, являлось наличие кузнечного горна, в котором можно было бы обеспечить хороший нагрев металла. Достаточно высокая температура нагрева давала возможность получить хорошую пластичность металла, а недогрев при ковке мягких сталей приводил к наклепу, при ковке твердых сталей с большим содержанием углерода — к трещинам. Таких неудач древних кузнецов немного, но все же они встречаются, так как степень нагрева металла определялась кузнецами ориентировочно, очевидно, по цвету каления, а точный температурный режим при этом выдержать было трудно. В качестве примера ошибки древнего кузнеца можно указать на архаический, характерный для VI в. до н. э. трехдырчатый псалий из коллекции Киевского исторического музея⁷⁷ (рис. 10, 1). Он выкован из стали, содержащей большое количество углерода (до 0,7%). При высаживании головки псалия температурный режим не был правильно выдержан, и появились крупные трещины, хорошо видимые на макрошлифе (рис. 11, 1).

Структуры перегрева, наблюдавшиеся на многих местных изделиях раннего железного века, говорят о том, что древние кузнецы заканчивали ковку часто при температуре около 1000°. Следовательно, сама заготовка нагревалась перед ковкой до более высоких температур. Скифские кузнецы довольно часто применяли кузнечную сварку. Для хорошей кузнечной сварки надо было обеспечить еще более высокую температуру — более 1100—1250° С. Изучение изделий показывает, что такая температура была вполне достижима. Среди находок, относящихся к скифской эпохе, мы встречаем много таких, у которых место сварки различимо лишь на микрошлифе.

Достаточно сказать, что при изучении ножей скифской эпохи выяснилось, что лезвия их часто сделаны очень высококачественно. Кроме

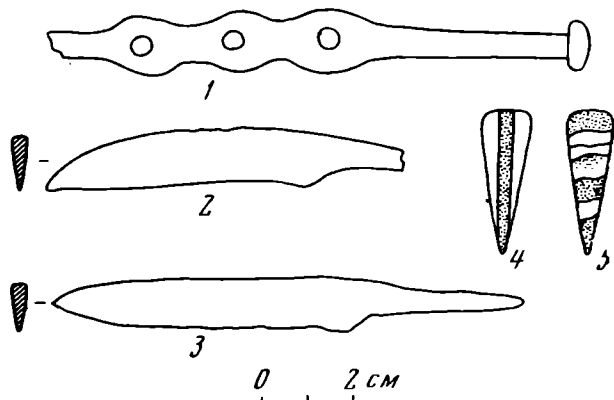

Рис. 10. Изделия из стали

1 — псалий от архаических удил, из коллекции Киевского исторического музея; 2 — нож Люботинского городища; 3 — нож Басовского городища; 4—5 — схемы поперечных сечений лезвий ножей

⁷⁶ М. Ю. Браичевский. До історії обробки заліза..., стр. 113, табл. III, 17; В. І. Бідзіля. Ук. соч., стр. 106 сл., табл. III, 19.

⁷⁷ КГИМ, № Б. 28—1865.

цельножелезных и цельносталльных экземпляров были обнаружены ножи, сделанные путем наварки стального лезвия на железную основу; ножи, сделанные путем варки железного обуха между стальными пластинами лезвия; ножи, сделанные при помощи многослойной сварки (самозатачивающиеся), и даже ножи, имеющие лезвие типа сварочного дамаска. Приведем лишь два примера. На Люботинском городище был найден нож⁷⁸ (рис. 10, 2), лезвие которого сварено из трех полос металла, расположенных вертикально (рис. 10, 4; 11, 2). Две боковые

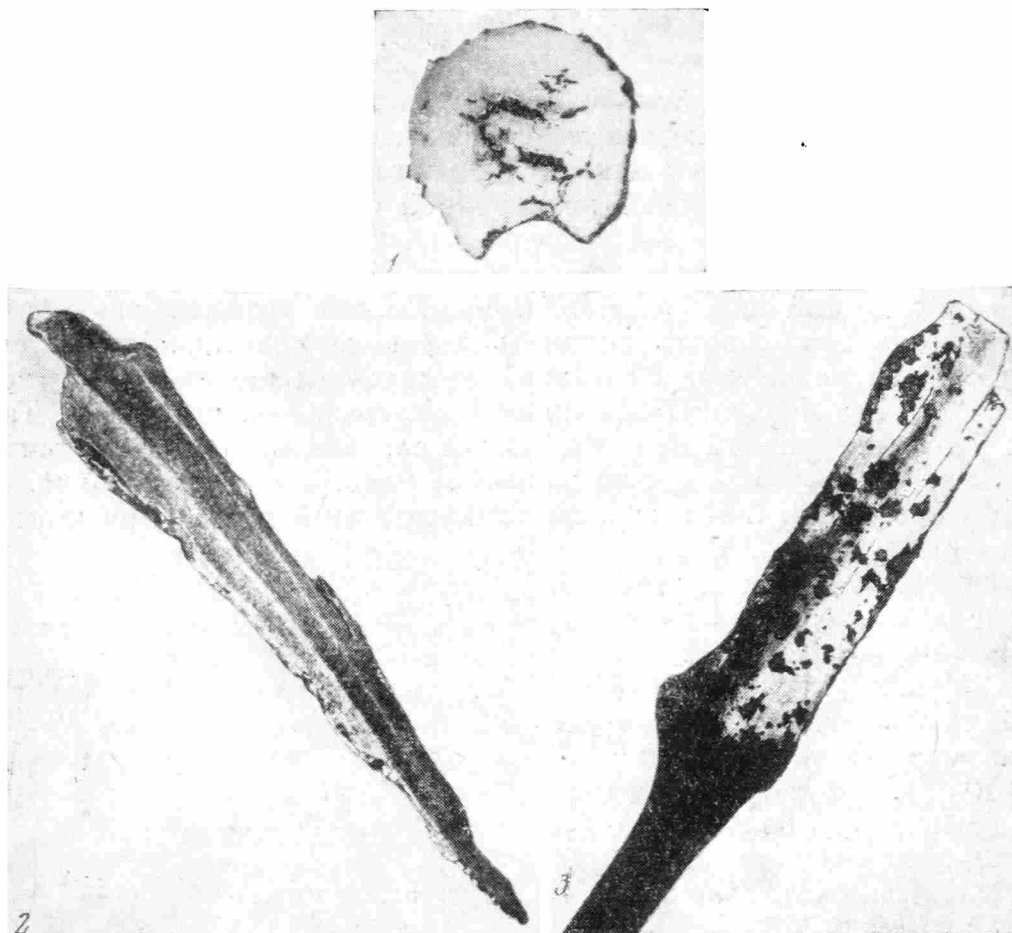

Рис. 11. Макрошлифы псаля и ножей

1 — головка псаля из КГИМ; 2 — нож Люботинского городища (поперечное сечение, $\times 10$); 3 — нож Басовского городища

полосы сделаны из среднеуглеродистой стали (0,3% С). Между этими полосами заключена полоса более твердой стали (рис. 7, 5), содержащей 0,5% С. Боковые полосы снашивались быстрее, и поэтому на режущую часть лезвия всегда выходила полоса более твердой стали. Еще более интересен нож, найденный при раскопках В. А. Ильинской на Басовском городище⁷⁹ (рис. 10, 3). Исследование микрошлифа поперечного разреза лезвия показало наличие областей с разнородной структурой, которые расположены горизонтальными полосами (рис. 11, 3), заметными даже на макрошлифе. Области практически чистого феррита расположены рядом с практически чистым перлитом (рис. 7, 6). Содержание углерода в разных областях колеблется от 0,1 до 0,7%. Такая структура получилась в результате того, что заготовка для ножа была

⁷⁸ Археологический музей ХГУ, № 26/IX—63.

⁷⁹ Фонды ИА АН УССР, № 143/Бас. Автор благодарит В. А. Ильинскую, которая любезно предоставила для исследования этот нож.

сделана из нескольких перемежающихся полос железа и высокоуглеродистой стали, расположенных в виде пакета. Сварка этого рода создает на боковой поверхности ножа узор из темных и светлых полос, т. е. дает высококачественную структуру, напоминающую сварочный дамаск. Это были первые шаги кузнецов раннего железного века в том направлении, которое привело в дальнейшем, в эпоху средневековья, к созданию всемирно известных клинков⁸⁰.

Наличие сложных приемов кузнечной сварки лишний раз доказывает, что местные кузнецы скифской эпохи умело и целесообразно использовали железо и разные сорта стали, что было бы невозможно без достаточно хороших кузнечных горнов. К сожалению, многие детали их устройства нам пока неизвестны. Уверенно можно все же сказать, что горны имели какие-то меха для дутья воздуха, так как без этого указанные выше высокие температуры нагрева заготовок не могли быть достигнуты. Остатки глинобитного горна последней четверти III в. до н. э. зафиксированы на Каменском городище⁸¹. Сохранившаяся его высота 70 см. Форма в плане квадратная (1,35 × 1,35 м в основании), стенки докрасна прокалены. В средней части горна имелось углубление, заполненное древесным углем, и, судя по профилю, заметны остатки наклонного отверстия в том месте, где было вставлено сопло. Комплекс, с которым связан этот горн, принадлежал ремесленникам, занимавшимся как добычей и обработкой железа, так и литьем бронзовых предметов. Поэтому и горн использовался, видимо, для различных целей, в том числе и как кузнечный.

Здесь описаны лишь те орудия и приспособления кузнецов скифской эпохи, которые уже найдены. На самом деле их было гораздо больше. Для нанесения орнамента кроме зубила использовались еще какие-то пуансоны с фигурным рабочим концом; для изготовления ребер жесткости в некоторых случаях, видимо, уже применяли обжимники. Но даже то, что нам уже известно, свидетельствует о высоком уровне развития кузнечного мастерства в степной и особенно в лесостепной Скифии. В лесостепи, где постоянно ощущался недостаток цветных металлов и одновременно имелись весьма благоприятные условия для развития добычи и обработки железа, последние виды ремесленного производства появляются очень рано. В скифское время более древние традиции укрепляются и расширяются. Свидетельством этого являются многочисленные следы металлургии и металлообработки черных металлов, зафиксированные уже на целом ряде поселений⁸², которые относятся еще к VII—V вв. до н. э., когда в степной Скифии еще не было сколько-нибудь значительных центров по обработке металлов. Ремесленники лесостепных племен изготавливали свою продукцию (топоры, ножи, серпы, мечи, копья, удила и проч.) не только для удовлетворения внутренних потребностей своих племен, но и для степных скифов. В дальнейшем широкие связи между собственно скифами и лесостепными племенами привели к распространению по всей территории юга Восточной Европы не только ряда общих типов железных изделий, но и одинаковых орудий для обработки черных металлов. Основные типы кузнечных орудий, впервые появившихся в раннем железном веке, были уже достаточно совершенны и без особых изменений применялись еще спустя много столетий.

⁸⁰ А. Виноградов. Мягкий булат и происхождение булатного узора. Наукові записки науково-дослідчої катедри металографії ДГІ. Дніпропетровськ, 1928, стр. 115 сл.

⁸¹ Б. М. Граков. Скифи. Київ, 1947, стр. 36; его же. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 43; его же. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, стр. 233.

⁸² Б. А. Шрамко. Появление и освоение железа в Восточной Европе. Сб. «История борьбы КПСС за построение социализма...», IV, Харьков, 1965, стр. 219—227.

LES OUTILS DE L'ÉPOQUE SCYTHIQUE POUR LE TRAVAIL DU FER

Résumé

On donne dans cet article l'énumération de tous les outils, connus dans les steppes et les forêts — steppes de la Scythie, pour le travail du fer et de l'acier; on définit leur destination, leurs qualités de travail et leur propagation. En cas de nécessité, on utilise les données de l'analyse métallographique.

Les trouvailles montrent que les forgerons de la Scythie disposaient déjà, aux VII—III siècles avant notre ère, d'un assortiment suffisant d'outils, permettant d'appliquer différents procédés de forgeage. Parmi les instruments il y a des marteaux petits et grands, des étangues, des tenailles à ressort pour le charbon, des ciseaux de forge et de serrurier, des pointeaux. On peut remarquer les traces du travail à l'aide de deux espèces de poinçons à bout façonné. La lime en fer trouvée dans le bourg de Belsk ne s'employait évidemment que pour le travail des métaux de couleur. La date de l'apparition en Scythie des enclumes en fer n'est pas encore suffisamment fixée. Il y avait là des fourneaux de forge à soufflage d'air artificiel. Pendant la fabrication des outils, les forgerons de la Scythie pratiquaient largement la soudure du fer et de l'acier. Les outils coupants ont, à part les lames simples en fer ou en acier, des lames, à la fabrication desquelles on employait l'acérage d'une plaque en acier sur une base en fer, de même que l'acérage d'une tête de hache en fer entre deux plaques en acier et la soudure à plusieurs couches de métal. On rencontre des lames à structure du type de damas soudé. Les principaux centres de l'extraction et du travail du fer à la première période VII—V siècles avant notre ère — se trouvaient dans les forêts — steppes de la Scythie.

И. ВЕНЕДИКОВ

ФРАКИЙЦЫ В ГРЕЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ ПОНТИЙСКОЙ АПОЛЛОНИИ

Во время раскопок некрополя Аполлонии были найдены три одинаковых предмета странной формы и неизвестного назначения (рис. 1). Один из них обнаружен рядом с могилой 53, инвентарь которой принадлежит IV в. до н. э.¹, другой — в могиле 516, относящейся к последней четверти IV или к началу III в. до н. э.², а третий — в могиле 70, датированной второй половиной IV в. до н. э., ибо в ней среди прочих предметов, не противоречащих этой дате, была найдена и монета, чеканенная в Аполлонии между 360 и 350 гг. до н. э.³ Таким образом мы имеем основания считать, что интересующие нас предметы принадлежат к краткому периоду, охватывающему не более трех или четырех десятилетий, приблизительно между 360—320 гг. до н. э.

Лучше других сохранился первый предмет (найденный рядом с могилой 53). Эта совершенно гладкая с обратной стороны свинцовая пластинка представляет весьма стилизованное ажурное изображение головы быка. Ряд деталей этого плоского бесфоновое изображения абсолютно чужд искусству, развивавшемуся в греческой Аполлонии. Прежде всего голова быка выполнена известным приемом «вид сверху», при котором не видна нижняя челюсть животного. Далее, рога быка (один из них сломан) слишком длинны; сильно выпученные круглые глаза очерчены тремя концентрическими полукруглыми складками. Нос животного, представленный в виде полосы в средней части морды, покрыт рельефными дугообразными черточками, ноздри обозначены двумя кружками. От верхнего конца полосы, обозначающей нос быка, отходят к глазам две черточки, подобные им черточки отходят и от нижнего конца полосы к ноздрям. На лбу бычьей головы, между ушами, находится изображение Горгоны. Это тот тип Горгоны, который представлен на монетах Аполлонии середины IV в. до н. э.: с обыкновенными волосами и облагороженными чертами лица. С изображением Горгоны связаны две большие змеиные головы. Покрытые выпуклыми точками, они находятся с двух сторон от Горгоны и свисают между ушами и рогами бычьей головы. Можно сказать, что они заменяют здесь жертвенный пояс, который обычно изображается переброшенным через букраний.

Высота этого предмета 5,5 см, толщина 2 мм. В своей верхней части он был, несомненно, снабжен ушком, как и два других предмета. Следовательно, он был приспособлен для ношения в качестве амулета. Однако то обстоятельство, что этот амулет изготовлен из мягкого, легко поддающегося деформации металла, вызывает у нас предположение, что он

¹ И. Венедиков. Разкопките в некрополя на Аполония. «Разкопки и проучвания», II, София, 1948, стр. 25, обр. 27.

² «Аполония», София, 1962, стр. 319, № 1098.

³ Там же, стр. 320, № 1099.

предназначался специально для мертвых, а не для повседневного ношения. Использование изображений бычьей головы или бычьего черепа в качестве апотропейонов (талисманов) в древних захоронениях (например, букрании Казанлыкской гробницы конца IV или начала III в. до н. э.⁴) может служить лишь подтверждением этому предположению. Кроме того, совмещение в данном случае такого типичного апотропейона, как голова Горгоны, и таких символов смерти, как змеинные головы, не

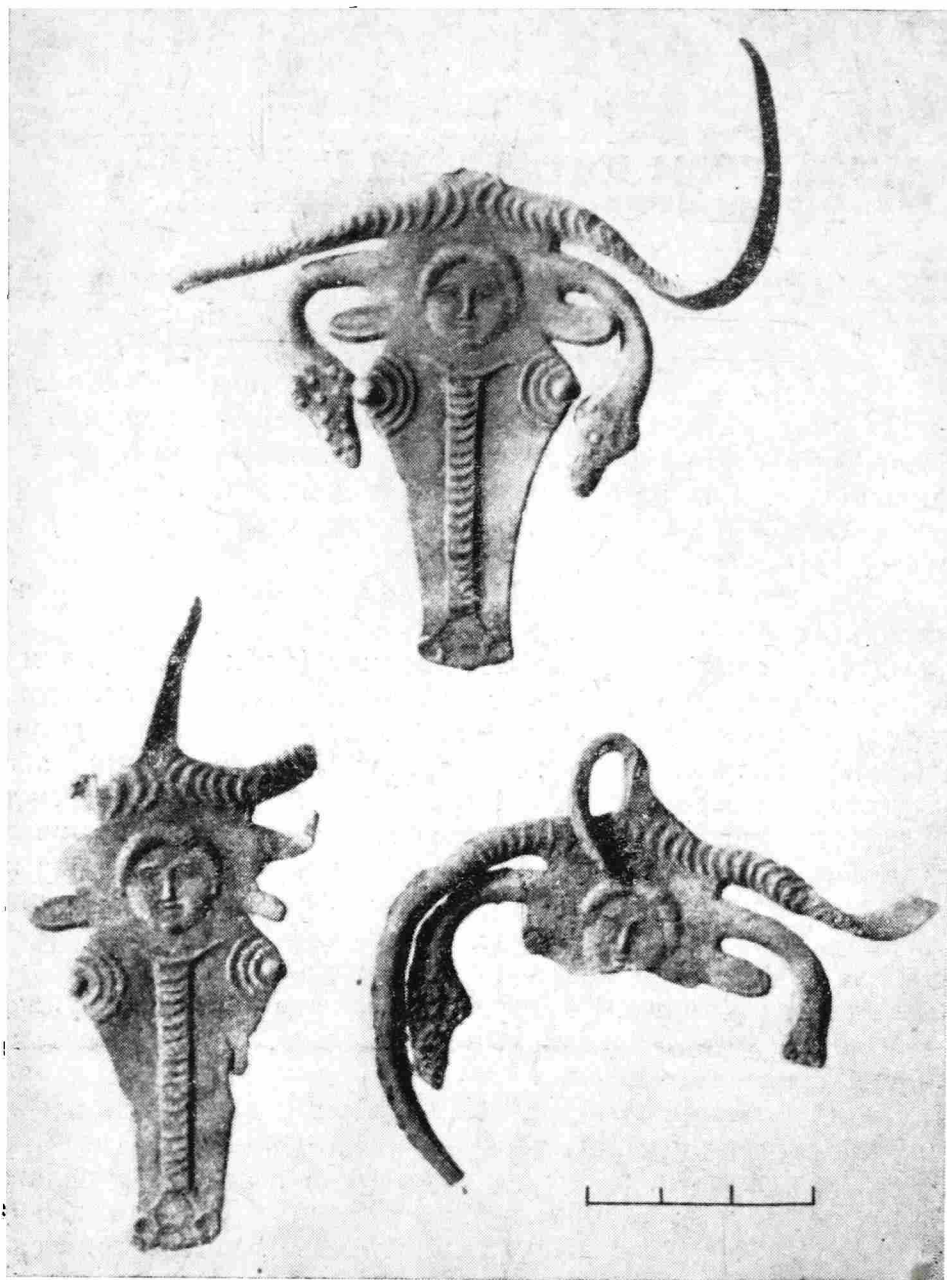

Рис. 1. Амулеты из некрополя Аполлонии

оставляет никакого сомнения в предполагаемом нами назначении рассматриваемого предмета.

Следует отметить, что до сих пор подобные амулеты или талисманы не были обнаружены в некрополях других греческих городов-колоний на территории древней Фракии. Не встречались они и в некрополях Одессоса и Месемврип, где было вскрыто множество захоронений. Следовательно, пока эти амулеты представляют явление, которое специфично для искусства древней Аполлонии. Кроме того, подобные амулеты не были обнару-

⁴ А. В а с и л и е в. Казанлыкская гробница. София, 1958, табл. 3.

жены ни во фракийских курганах, ни во множестве фракийских захоронений, находящихся в Болгарии. Этот факт свидетельствует о том, что и фракийцы не пользовались такими амулетами.

Для некрополей греческих городов на территории древней Фракии характерно весьма малое число материалов или памятников, изготовленных местными мастерами. Здесь, разумеется, речь идет не о надгробных памятниках и рельефах, которые по всему черноморскому побережью в ту эпоху отвечают, как известно, общей линии развития греческого искусства. Нас интересует вопрос, откуда аполлонийский мастер, изготовивший эти предметы (амулеты), заимствовал стиль своих произведений.

Прежде всего нам следует обратить внимание на то обстоятельство, что бесфоновые ажурные изображения являются типичными для искусства всех стран Черного моря. Искусство народов Персии и Малой Азии предлагает нам значительное число подобных изображений, которые встречаются у скифов и фракийцев, причем основной мотив данного амулета — голова животного, видная сверху, — был широко распространен среди всех этих народов. Он встречается как в ахеменидской скульптуре (рельефе), так и в ахеменидской торевтике⁵. В искусстве скифов и фракийцев этот мотив вообще представляет типичное явление. Но, как известно, Аполлония находилась на территории Фракии, и, следовательно, лишь фракийское искусство могло оказывать непосредственное влияние на искусство, стиль и художественный вкус греческих мастеров, живших в этой колонии.

Фракийские памятники той эпохи, к которой принадлежит рассматриваемый нами амулет, предоставляют нам всего лишь один образец изображения бычьей головы — Крайовский клад⁶ (Румыния), который принадлежит к первой половине IV в. до н. э. Все аппликации этого клада являются украшениями конской сбруи, т. е. их назначение совсем иное, нежели аполлонийских амулетов. Шесть аппликаций, представляющих изображения бычьих голов, одинаковы по манере исполнения (рис. 2). Они ажурны и не имеют фона, как и наши амулеты, но от-

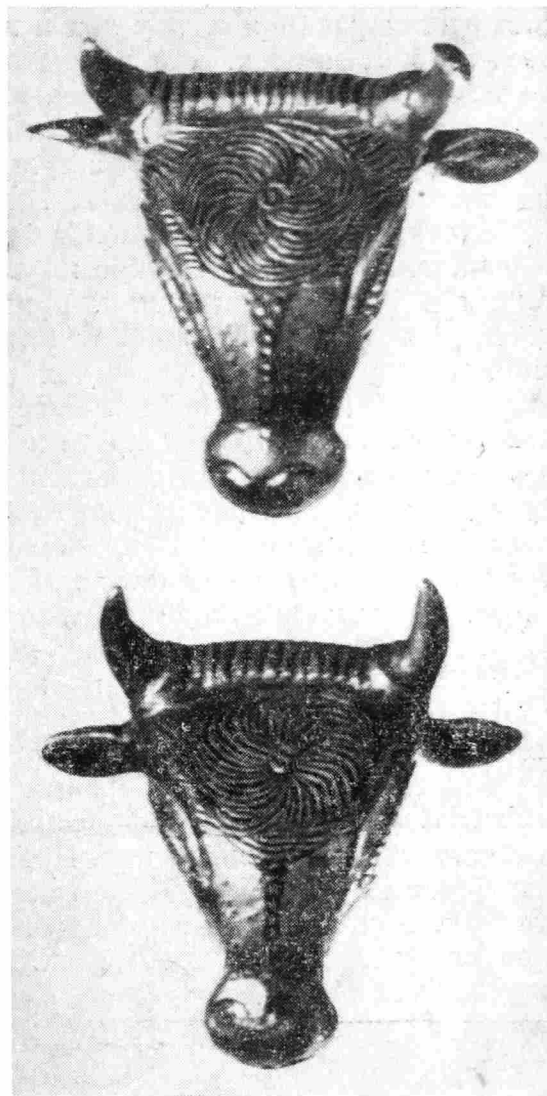

Рис. 2. Серебряные аппликации из Крайовского клада (Румыния)

⁵ R. Ghirschman. *Perse*. Paris, 1962, стр. 193, стр. 240 или стр. 259, рис. 313; специально о скифском искусстве см. там же, стр. 310; См. «Сокровища скифских курганов», текст М. И. Артамонова. Ленинград—Прага, 1968, где приведено множество примеров такого приема в изображениях. Что касается Фракии, см. И. Венедиков. Разкопките около Мезек и гара Свиленград. ИБАИ, София, XI, стр. 134, № 2.

⁶ H. Schmidt. *Scythischer Pferdegeschirrschmuck aus einem Silberdepot unbekannter Herkunft*. «Proeck, Zeitschrift», XVIII, 1927, стр. 1, табл. I, 40—45.

личаются от последних четко выраженной рельефностью. Будучи трехмерными, они также изображены в манере «вид сверху». Короткие, слегка изогнутые рога и торчащие в стороны уши представлены на всех этих аппликациях. Выпученные круглые глаза охвачены двумя концентрическими кругами. Внутренний круг покрыт точками, которые, вероятно, обозначают ресницы. Внешний круг гладкий. Эффект этих деталей подобен эффекту тройных кругов на аполлонийских амулетах. Нос выполнен рельефно и подчеркнут линией, проходящей по всей его длине. Эта линия слегка расширяется у лба и на кончике носа, так же как и в амулетах, но в отличие от них покрыта рядом точек, а не дугообразными черточками. Несмотря на различия, мы видим здесь одни и те же стилистические средства в изображении головы быка.

Однако сходство наших амулетов с аппликациями Крайовского клада на этом не исчерпывается. На бычьих головах аппликаций (на пяти из шести) на лбу изображены пряди волос, завивающиеся вокруг ясно обозначенного центра. Такие же завивающиеся кружком пряди волос мы видим в ряде произведений, приписываемых греческим мастерам, работавшим в восточных районах античного мира. Они изображены, например, на двух золотых ритонах из Панагюриштенского клада, нижняя часть которых выполнена в виде головы оленя⁷, или на ритоне в виде бычьей головы, который происходит из Южной России. На ритоне фракийского мастера, найденном близ с. Поройна (Румыния), мы встречаем ту же деталь: на голсе быка изображены завивающиеся кружком пряди волос⁸. Но здесь завитки подчеркнуты, в то время как на греческих изображениях они едва заметны. Именно эти завивающиеся кружком волосы заменены на аполлонийских амулетах головой Горгоны.

На основании приведенных выше данных мы можем сделать вывод, что рассматриваемые амулеты изготовлены фракийскими мастерами, которые жили и работали в Аполлонии. Необходимо отметить, что Аполлония была самым крупным городом, основанным греческими колонистами на фракийской части побережья Черного моря. Эта колония оставила нам обширнейший эпиграфический материал, большая доля которого приходится на V и IV вв. до н. э. Правда, до сих пор в надписях не обнаружены фракийские собственные имена. Однако мелкие вещи — пряжки, застежки, как и другие принадлежности, найденные здесь, — фракийского происхождения. Эти произведения несут на себе отпечаток фракийского вкуса, фракийского искусства, они создавались в греческом городе, в котором фракийцы жили обособленно, своим укладом, следуя своим обычаям.

* * *

В некрополе Аполлонии была обнаружена каменная стена, окружающая три захоронения, которые датируются первой половиной IV в. до н. э. (№ 288), концом V в. до н. э. (№ 289) и 360—350 гг. до н. э. (№ 290). Очевидно, что это был семейный участок, принадлежавший одному из богатых семейств, проживавших в этом городе⁹. Позднее, когда стена обрушилась, на краю этого довольно большого участка было произведено еще одно захоронение — № 297, датируемое временем около 350 г. до н. э. Под камнями развалившейся стены была найдена надгробная плита из местного песчаника, высота которой 1,72 см, ширина 44 см, толщина 22 см. Эта хорошо отполированная плита украшена рельефным фронтоном с акротериями и цветной росписью, представляющей

⁷ Ес. Duncereanu-Vulpe. Tezeureleautice studii asupra tezuurului restituit de URSS. București, 1958, 37, 3; A. Odobesco. Le trésor de Petroasa. Paris, 1889, стр. 495—498.

⁸ R. Ghirschman. Perse, стр. 193, рис. 240 и стр. 259, рис. 313.

⁹ «Аполлония» стр. 329, № 1061 и табл. 179. О соответствующих захоронениях см. стр. 34—35.

различные орнаменты и изображения животных. В нижней части плиты находится маленький уступ. Надпись на нем тщательно сбита, так что разобрать ее невозможно. От росписи сохранились лишь следы, которые не могут быть сфотографированы, ввиду чего мы публикуем этот памятник по реконструкции, произведенной нами совместно с художницей Софийского археологического музея Еленой Ценовой (рис. 3).

Три акротерия на плите украшены белыми пальметтами, написанными на голубом фоне. На среднем акротерии пальметта видна целиком, а на боковых акротериях пальметты разделены гранями плиты на две части, одна половина изображена на лицевой стороне, а другая — справа и слева на боковых плоскостях. На трех сторонах фронтона изображена кима, окаймленная темно-красными полосками. Под фронтоном расположена полоса орнамента — спаренные кресты белого цвета. Образованные ими клетки закрашены темно-красной и голубой красками. Каждая пара крестов отделена друг от друга светло-коричневым или темно-красным квадратом в белой рамке. Каждый такой квадрат украшен пятью точками. На светло-коричневом квадрате эти точки темно-красного цвета, а на темно-красном — светло-коричневые. Под этой полосой расположена кима белого цвета на голубом фоне, которая переходит в боковые плоскости. Углы расписаны белыми пальметтами на темно-красном фоне. Под кимой расположена полоса жемчужин. В нижней части плиту покрывает орнамент — лесбийская кима черного и коричневого цветов. Каждая пара отделена друг от друга растительным орнаментом, по углам изображены закругленные спиралью побеги. Затем следует такая же полоса орнамента, как и под фронтоном.

Треугольное поле фронтона украшено изображениями, выполненными силуэтно, что вообще присуще греческой живописи той эпохи. На среднем плане стоит темно-серая птица с длинной шеей и длинными крас-

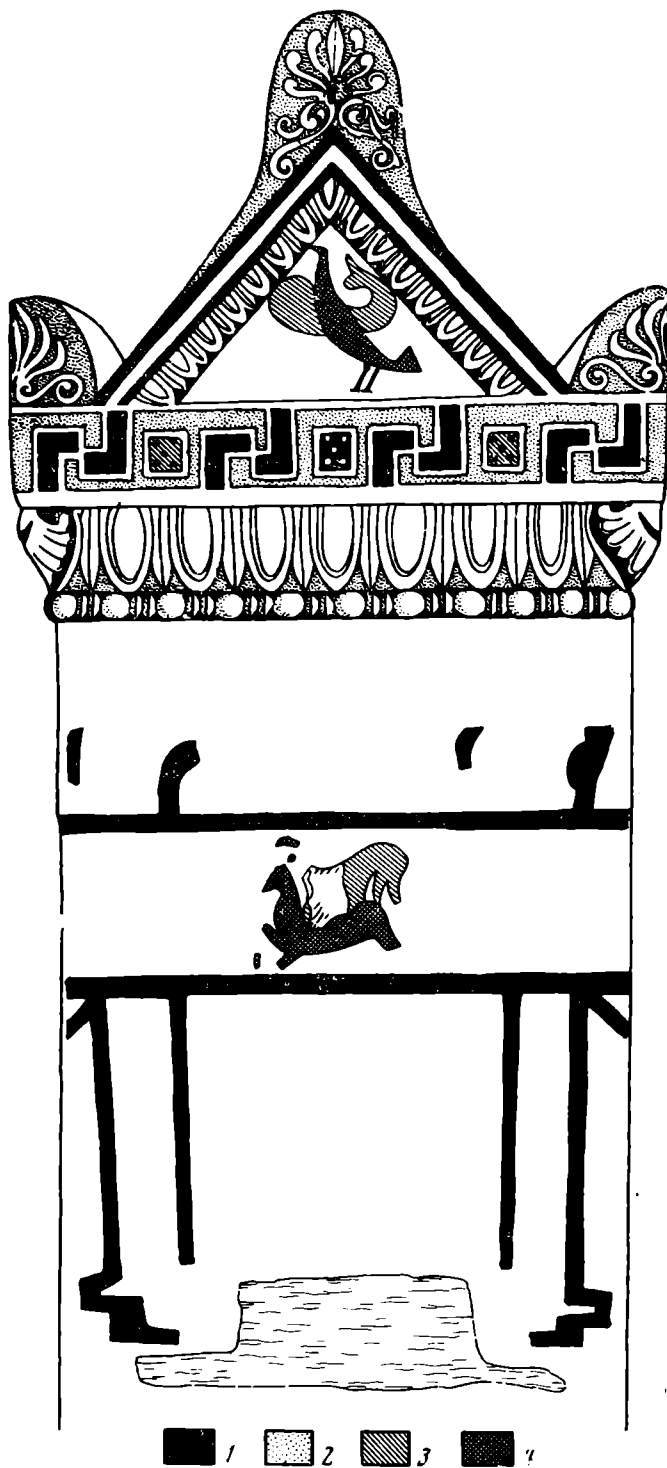

Рис. 3. Стела из некрополя Аполлонии
1 — темно-красный; 2 — голубой; 3 — светло-коричневый; 4 — темно-серый.

ными ногами. Позади нее находится светло-коричневый дельфин. Эти животные изображены художником в таких позах, которые не позволяют предположить, что они находятся в единоборстве друг с другом. Но еще более загадочным является изображение, расположенное ниже. Здесь мы видим эдикулу, состоящую из двух колонн и архитрава темно-красного цвета. Внизу между колоннами с едва намеченными базами и капителями видны следы сбитой надписи. В центре архитрава помещена вторая

Рис. 4. Бронзовая посеребренная аппликация из Брезово (Болгария)

композиция — лев, терзающий животное, похожее на козу. Козы такого вида обычно называются капридами. Эта сцена сильно повреждена, но позы животных довольно отчетливы. Коза темно-синего цвета. Задние ноги у нее подогнуты под туловище, передние ноги даны в различных положениях — левая согнута так, что ее часть от колена до копыта лежит под грудью, а правая выдвинута вперед. Лев коричневого цвета подмял козу, чтобы сомкнуть пасть на ее шее. Именно в этом месте плита повреждена, и головы его не видно.

Композиции с таким сюжетом имели широкое распространение во всех странах Черного моря. Как и в первом изображении на фронтоне, мы не находим в этой сцене никаких деталей или подробностей, обозначенных каким-либо отдельным штрихом. Рисунок весьма упрощен. Вряд ли эти изображения имеют лишь декоративный характер. Обе группы животных (морских и наземных), возможно, указывают на то, что интересы гражданина Аполлония, в честь которого была воздвигнута эта плита, связывались с морем и сушей. Учитывая то, что изображения расположены на фронтоне и архитраве эдикулы, мы склонны считать, что они играют некую роль в религиозном культе. Насчет первой группы животных мы не можем сказать что-либо определенное, ибо из них нам известен только дельфин, изображения которого часто встречаются в древних надгробных памятниках. Что же касается двух наземных животных, то их изображения широко распространены в произведениях фракийского искусства, и нередко в такой же позе, как и на нашем памятнике. Кроме того, здесь воспроизводятся мотивы, которые пользовались популярно-

стью во Фракии, как и вообще в искусстве всех народов, обитавших на берегах Черного моря.

Так, сравнивая вторую сцену на нашем памятнике с брезовской аппликацией (рис. 4), мы устанавливаем, что позы и положение ног животных одинаковы на этих изображениях. В такой же позе представлен и олень, терзаемый львом, на матрице из Гырчиново. Следовательно, такой сюжет был популярен среди фракийских мастеров V — начала IV вв. до н. э., а также в скифском и персидском искусстве. В скифское искусство этот мотив перешел из Персии или, точнее, из Ирана. Мы наблюдаем его в монументальных рельефах Ападоны в Персеполисе, а также в ахеменидской торевтике, где лев, терзающий быка, является самым обычным мотивом. Все это приводит нас к выводу, что, украшая надгробную плиту изображениями льва и козы, художник обратился к фракийскому варианту этой сцены, которая пользовалась популярностью в Аполлонии.

Орнаменты нашей плиты являются типично греческими. Они часто встречаются как в расписной керамике, так и на множестве антификсов. Все это говорит о том, что греческий художник, украсивший живописью аполлонийскую плиту, испытывал известное влияние фракийского искусства, что в своем творчестве он в одинаковой мере пользовался как греческими, так и фракийскими образцами.

О состоянии греческого искусства в городах-колониях на побережье Черного моря (в частности, на территории Фракии) обычно судят по скульптуре, развитие которой можно, как нам кажется, разделить на два периода — ранний (архаичный), находящийся под сильным влиянием искусства Малой Азии, и поздний (классический), в котором главное место занимают подражания афинским образцам. Разумеется, не может быть и речи о существовании в греческих колониях во Фракии в ту эпоху какого-либо самобытного искусства в области надгробного рельефа. Но что касается сравнительно редко встречающихся украшенных живописью надгробных плит, то они предстают перед нами именно как самобытное явление. В этих памятниках более часто находят свое отражение региональные мотивы и региональное искусство. Таков случай и с рассматриваемой надгробной плитой.

Фракия — страна парадоксов. В сердце древней Фракии, недалеко от г. Казанлык, находится гробница, которая по форме и плану является бесспорно фракийской. Однако роспись этой гробницы имеет чисто греческий характер. То же самое мы видим сейчас и в произведениях древнего искусства, найденных в некрополе Аполлонии. Среди греческих городов-колоний на территории Фракии Аполлонии, быть может, была наиболее греческим городом. Но, несмотря на это, мы обнаруживаем в его некрополе надгробную плитку, которая украшена не только типично греческими орнаментами, архитектурно оформляющими ее, но и изображениями животных, что характерно для фракийского и вообще восточного искусства.

* * *

Исследуя произведения фракийского искусства, мы часто встречаем мотивы или отдельные элементы, которые заимствованы у греков. Таким образом, создается впечатление, что фракийские мастера весьма широко пользовались в своем творчестве образцами греческого искусства. Обратное наблюдается редко. Однако мы привели здесь два случая, которые свидетельствуют о наличии фракийских мотивов в произведениях искусства, выполненных в греческой Аполлонии. Если свинцовые амулеты в виде головы быка все же могут быть связаны с чисто фракийским населением и тем более с механически смешанным населением Аполлонии, которое живет обособленной культурной жизнью и развивает свое самобытное искусство, то украшенная живописью надгробная плита предстает перед нами как произведение греко-фракийского искусства.

LES ÉLÉMENTS THRACES DANS L'ART D'APOLLONIE DE PONT

Résumé

Pendant les fouilles de la nécropole à Apollonie, dans des sépultures du IV s. avant n. é., ont été trouvées trois plaques en plomb, du même type, avec l'image d'une tête de boeuf. L'auteur considère ces articles comme des amulettes de morts. Leur fabrication est attribuée aux artisans thraces, habitants d'Apollonie.

La stèle tombale du IV s. avant n. é. vient aussi de cette nécropole; on y voit des ornements typiques pour la Grèce, combinés avec la scène des tourments, dont l'apparition est reliée par l'auteur à l'influence de l'art thrace sur les artisans grecs d'Apollonie.

А. Д. ГОРСКИЙ
БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 256

Новгородские берестяные грамоты сразу после открытия и первых публикаций их текстов руководителем Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховским привлекли и привлекают внимание ученых. Существует уже довольно обширная литература, как отечественная, так и зарубежная, об этом новом интереснейшем виде исторических источников. Накоплен известный опыт и определена в основных чертах методика исторического, палеографического и лингвистического анализа этих документов.

Одним из берестяных документов, содержащим важные исторические сведения, является грамота № 256. Она неоднократно привлекала внимание исследователей, и о ней имеется ряд суждений (А. В. Арциховского, В. И. Борковского, Л. В. Черепнина, В. Л. Янина). Однако, как нам представляется, содержание этого берестяного письма (точнее, обрывка его) XIV в. (дендрохронологическая дата грамоты № 256—1369—1382 гг.) еще полностью не раскрыто. Текст сохранившейся части грамоты таков: «...ци ерово крошено и тадби во пяре. Тадбу свою 10 рублово на Григорици и...»¹.

А. В. Арциховский справедливо, по нашему мнению, связывает слово «ерово» с понятием «яровой». Наличие этого термина в данной берестяной грамоте уже представляет существенный интерес как одно из наиболее ранних письменных свидетельств о делении на Руси, в частности в Новгородской земле, посевов хлебов на яровые и озимые². Два самых ранних известия такого рода находятся в Новгородской летописи, упоминающей под 1127 г. «озимицу», а под 1161 г. «ярь»³. Следующее по времени подобное свидетельство имеется в берестяной грамоте № 195 (1299—1313 гг.), упоминающей «ярая жита»⁴. Известие рассматриваемой берестяной грамоты № 256 («ерово крошено») хронологически занимает четвертое место в ряду свидетельств письменных источников, говорящих об устойчивости деления посевов на яровые и озимые на Руси в XII—XIV и последующих веках, и является в этом ряду существенным «связующим звеном» между началом и концом XIV в.⁵

Еще интереснее, но вместе с тем сложнее для толкования дальнейший текст берестяной грамоты № 256: «...и тадби во пяре тадбу свою 10 рублово на Григорици и...». А. В. Арциховский для текста «во пяре» допускает два варианта чтения: «во пяре» или «в опяре», отказываясь объяснить

¹ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963, стр. 82—83.

² Иначе не было бы необходимости в специальном термине для обозначения именно весенних, яровых посевов.

³ НПЛ, М.—Л., 1950, стр. 21, 31.

⁴ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Ук. соч., стр. 13—14.

⁵ Далее хронологически следует известие о «яри», относящееся к 1370 г. и т. д. А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, стр. 31.

оба варианта⁶. Если бы удалось доказать, что правильным является чтение «во пяре» («в паре»), т. е. что речь идет об участке земли под паром, то мы имели бы в данном случае древнейшее в русском языке упоминание о паровом поле.

Существование же парового поля является важным признаком паровой зерновой системы земледелия с трехпольным севооборотом⁷. В обычных (не берестяных) источниках имеется всего четыре прямых упоминания о применении пара. Три из них находятся в довольно поздних (вторая половина XV — начало XVI в.) документах северо-восточной Руси⁸, и одно упоминание — в двинском акте, датированном довольно широко — XV в.⁹ Естественно, что любое новое, а тем более раннее свидетельство о применении пара имеет большое значение, и поэтому важно решить вопрос о правильном чтении берестяной грамоты № 256, в частности текста «вопяре».

На наш взгляд, предложенные А. В. Арциховским чтения можно объяснить так. «Во пяре» может означать «в паре», т. е. «в паровом поле». В этом случае «о» = «ъ», что обычно в древнерусских, в том числе и новгородских, текстах. Второе чтение «вопяре» — «в опяре», т. е. в заправленном дрожжами или закваской тесте¹⁰. Так как корень обоих слов («пар» и «опара») один и тот же — пар (от «парить, преть»), лингвистически не исключены оба эти толкования.

Замена в тексте «вопяре» (в подлиннике — вопяре) ожидаемой современным читателем буквы «а» после «п» буквой **я** («я») с языковедческой точки зрения, кажется, также допустима¹¹. Более того, в северо-западных текстах близкого к рассматриваемому времени такая замена встречается¹². Возможна и замена ожидаемого «ъ» на «е» в окончании существительных «пар» или «опара» в предложном (местном) падеже¹³.

В. И. Борковский предлагает третий вариант чтения «вопяре»: как повелительное наклонение от глагола «въперити» — возбуждать. Он переводит соответствующее место грамоты так: «Возбуди дело свое о краже (или о возмещении стоимости украденного)». Думается, что оба чтения А. В. Арциховского вероятнее, чем предлагаемое В. И. Борковым: последнему для обоснования своего варианта чтения приходится в шестибуквенном тексте («вопяре») предположить одну опisku и одно смешение букв автором грамоты¹⁴.

Из двух вариантов чтения А. В. Арциховского более вероятным представляется второй — «в паре». Правда, при чтении «в опяре» сочетание слов «ерово крошено» (т. е. нечто измельченное, раскрошенное¹⁵, в том

⁶ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Ук. соч., стр. 83; Л. В. Черепнин считает, что в грамоте № 256 речь идет о хищении хлеба. Л. В. Черепнин. Новые документы о классовой борьбе в Новгородской земле в XIV — первой половине XV в. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Л., 1967, стр. 52. В. Л. Янин полагает, что грамота повествует «о каком-то воровстве». В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 15.

⁷ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.—Л., 1965, стр. 158—159.

⁸ «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков». I, М., 1951, № 158; АСЭИ, I, М., 1952, № 397; там же, II, М., 1958, № 495.

⁹ ГВНП, М.—Л., 1949, № 260.

¹⁰ В. Даль. Толковый словарь живого русского языка. II, М., 1955, стр. 676; С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1953, стр. 405.

¹¹ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 154; И. В. Устинов. Очерки по русскому языку. I, М., 1959, стр. 106.

¹² ГВНП, № 343 («у попя» вместо «у попа»).

¹³ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Ук. соч., стр. 220. Аналогичный случай окончания на «е» (а не на «ъ») существительного в предложном падеже с предлогом «в» встречается в берестяной грамоте № 213 («в ыномо суде» — см. там же, стр. 34).

¹⁴ Там же, стр. 174—175, 267.

¹⁵ Ср. значение терминов «крошево», «крошенина», «крошенка» и «крошеница» (последние два — псковские) при слове «Кроха». В. Даль. Ук. соч., т. II, стр. 199.

числе, может быть, и зерно ярового злака, положенное в опару) с «опарою» как будто кажется наиболее естественным, но это сочетание оказывается разорванным словами «и татбѣ», и смысл становится вообще непонятен. Кроме того, возможно, что после слова «крошено» должна стоять смысловая точка, а со слов «и татбѣ вопяре» начинается новая фраза, что, по-моему, вероятнее всего.

В этой фразе слово «татбѣ» — повелительное наклонение от глагола «татбити». И. И. Срезневский переводит этот глагол как «красть», давая одну лишь ссылку — на Псковскую судную грамоту¹⁶, где сказано: «изорничю племяни государя не татбит ни лукошки, ни кадки»¹⁷. Но это, несомненно, не единственное значение слова «татбити». В новейшем издании Псковской судной грамоты дается, на наш взгляд, совершенно правильный и соответствующий всему контексту статьи 86, в которой содержится термин «татбити», перевод его: предъявлять иск, обвиняя в присвоении¹⁸.

Для толкования термина «татбѣ» берестяной грамоты № 256 полезно привлечь данные двух других берестяных же грамот: № 213 (1268—1281 гг.) и № 135 (XV в.). В первой есть фраза: «Про женью татбу буди сто суднее куне». А. В. Арциховский считает, что слова «про женью татбу» означают «за воровство жены, за провинность жены»¹⁹. Отметим это второе значение термина «татба» — провинность, вина. Еще более интересен текст грамоты № 135: «Целобетье от Иева к Василью Игнатьеву. Цо еси посла детину да седла да выжля, потому опознав да отадбели, а цо было живота твоего и моего, то все взяли, а самого смертью казнили. А нонеце, осподин, пецалесь детьме моими». А. В. Арциховский считает, что в слове «отадбели» можно предполагать описку, исказившую слово «отбили»²⁰. Б. А. Рыбаков предлагает для текста «отадбели» такое деление на слова: «о татбе ли»²¹. Л. В. Черепнин, ссылаясь на термин «татбит» в Псковской судной грамоте, переводит слово «отадбели» берестяной грамоты № 135 как «украли». Суть всего перевода текста этой грамоты, по Л. В. Черепнину: «детина», посланный автором письма, был по дороге задержан и убит, а находившееся при нем имущество — «живот» (так переводит этот термин и А. В. Арциховский) был у «детины» отнят. В последней фразе грамоты содержится обращение автора к адресату «с просьбой защитить (возможно, возбудив иск в суде) интересы его детей, лишившихся имущества»²².

Я согласен и с Б. А. Рыбаковым и с Л. В. Черепниным, что текст «отадбели» не описка и связан с термином «татба» (татба). Но перевод Л. В. Черепнина вызывает возражения. При таком понимании слова «отадбели» неясно, что собственно украли, так как об отнятии у «детины» имущества («живота») в грамоте сказано «взяли»: «а цо было живота... то все взяли». Более того, возникает даже вопрос, отражен ли вообще в этой берестяной грамоте акт кражи, похищения.

Для определения смысла выражения (или слова) «отадбели» важно как можно более точно понять суть всего сообщения грамоты № 135. А этого в свою очередь невозможно достичь без максимально точного и обоснованного выяснения того понимания, которое вкладывалось автором (и, конечно, адресатом) берестяной грамоты в слова «самого смертью казнили». Наиболее развернутое толкование этого выражения и всего

¹⁶ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. III, СПб., 1903, стлб. 928. Одно лишь упоминание термина «татбити» в той же Псковской судной грамоте зафиксировано и Г. Е. Кочиним (Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, стр. 358).

¹⁷ ИРП. 2, М., 1953, стр. 297.

¹⁸ Там же, стр. 318, 368.

¹⁹ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Ук. соч., стр. 35.

²⁰ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958, стр. 75.

²¹ Там же, стр. 76 (примеч.).

²² Л. В. Черепнин. Новые документы..., стр. 53, 54.

текста грамоты № 135 дано Л. В. Черепниным, который полагает, что произошло «не просто убийство с целью грабежа, а имел место акт возмездия, расправы, наказания а какие-то преступления, о чем свидетельствует выражение «казнить смертью», употребляемое в этом смысле в новгородских летописях». Подводя итог разбору обстоятельств смерти «детины», Л. В. Черепнин пишет: «Говоря языком феодального права того времени, произошли одновременно «душегубство» и «татьба», и видит в сообщении грамоты отражение классовой борьбы²³. Такая трактовка основного содержания грамоты № 135 представляется нам весьма интересной, но не вполне ясной, не во всем верной и недостаточно обоснованной данными источников.

Справедливо (как мы постараемся показать ниже), что в грамоте отражено «не просто убийство с целью грабежа, а... акт возмездия, расправы, наказания за какие-то преступления». Но неясно, почему это не «просто убийство с целью грабежа»: ведь «животы»-то у «детины» все-таки «взяли». Неясно, далее, почему и зачем «взяли», если не «с целью грабежа», кто «взял» «животы», кто убил «детину», кем были расценыены как «преступление» какие-то неизвестные нам действия «детины», за которые его «смертью казнили». Неясны, наконец, основания отождествления понятий «смертью казнили» и «душегубство» (факт «татьбы» выводится Л. В. Черепниным, как мы видели, из слова «отадбели»). Без выяснения этих вопросов не могут быть признаны достаточно обоснованными ни общая интерпретация содержания грамоты № 135, ни вывод о том, что в ней нашла отражение классовая борьба, ни толкование термина «отадбели».

Можно, однако, возразить, что скупой и неясный текст грамоты № 135 и материал относящихся к той эпохе других источников не дают возможности ответить на все поставленные вопросы и приходится остановиться на общей более или менее вероятной констатации того, что «детина» берестяной грамоты был убит не с целью грабежа, а за какие-то свои проступки, и что, может быть, здесь надо видеть проявление классовой борьбы. Однако нам кажется, что имеющиеся источники позволяют пойти в анализе содержания берестяной грамоты № 135 дальше и существенно уточнить интерпретацию ее текста.

Прежде всего надо отказаться от отождествления понятий «душегубство» и «смертью казнить». Это разные вещи. «Душегубством» с точки зрения феодального права в рассматриваемое время называлось, во-первых, именно «простое», т. е. умышленное, самовольное, убийство независимо от его мотивов (грабеж, возмездие, расправа, и т. д.). Мотивы умышленного убийства феодальным правом той эпохи во внимание не принимались, а по Судебнику 1497 г. за такое убийство полагалась смертная казнь (статьи 8, 9, 39). «Душегубством» же считалась и внезапная (например, в результате несчастного случая) смерть. Это «бесхитрое» (неумышленное) «душегубство»²⁴. Наконец, «душегубством» считалось и самоубийство («кто от своих рук потеряется») ²⁵. Оба последних вида «душегубства», естественно, не влекли за собой юридических санкций. Итак, «душегубством» считалась любая смерть без покаяния, так как, по понятиям тех времен, в перечисленных случаях «гибла» душа: не очищенная покаянием от грехов, она попадала в ад. Разумеется, все это определения «душегубства» с точки зрения древнерусской феодальной юстиции. Вместе с тем верно и то, что за феодально-правовой категорией умышленного «душегубства» могли скрываться и действительно скрывались в ряде случаев факты физического уничтожения эксплуатируемыми своими угнетателями, т. е. проявления классовой борьбы в форме индивидуального террора.

²³ Л. В. Черепнин. Новые документы..., стр. 53—54.

²⁴ АСЭИ, III, М., 1964, № 22 (Белозерская уставная грамота).

²⁵ Там же.

Равным образом и отдельные случаи самоубийств могли быть актами своеобразного индивидуального социального протеста против угнетения и произвола эксплуататоров²⁶.

Но дело в том, что к разбираемому тексту берестяной грамоты термин «душегубство» в любом из его значений и толкований никакого отношения, как мы сейчас увидим, не имеет. И не случайно этот термин в грамоте не упомянут, а употреблено иное словосочетание — «смертью казнили». Это и подобные ему выражения в XIV—XV вв. означали «официальную» смертную казнь по приговору того или иного государственного органа, а не «душегубство» (т. е. убийство, совершенное, так сказать, «частными» лицами). И в том месте новгородской летописи, на которое ссылается Л. В. Черепнин, речь идет именно об официальной казни, когда новгородские воеводы, захватив в 1398 г. город Орлец (в Двинской земле, отложившейся было от Новгорода), «смертию казниша» некоторых «воевод заволочковых»²⁷. Ясно, что это не «душегубство», а казнь, расправа с пленным противником, санкционированная командованием новгородского войска, законное, а не противозаконное, с точки зрения феодального права, действие. Весьма близкое к словосочетанию «самого смертью казнили» (в грамоте № 135) выражение «казнити смертною казнью» совершенно недвусмысленно и последовательно употребляет Судебник 1497 г. (статьи 8, 9, 11, 13, 39), подразумевая именно смертельную казнь по приговору официальных властей.

Таким образом, «казнити смертью», «казнити смертною казнью» — устойчивые в XIV—XV вв. словосочетания для обозначения казни, наказания (кстати, и за умышленное «душегубство») по феодальному закону, по приговору властей, а не для обозначения простого убийства, даже совершаемого в отместку за что-либо.

Если согласиться с приведенными соображениями, то содержание берестяной грамоты № 135 предстанет в несколько ином свете. «Детина», посланный Иевом, был где-то узнан («опознав») и обвинен²⁸ официальными властями в каком-то преступлении («отадбели»). Имущество, бывшее при «детине», было конфисковано («а цо было живота твоего и моего, то все взяли») теми же властями, а сам «детина» был казнен «смертною казнью» с санкции тех же властей («а самого смертью казнили») ²⁹, так как, очевидно, за инкриминированное ему преступление полагалась смертная казнь (ни в одном источнике той эпохи не называемая «душегубством»).

Таким образом, мнение Л. В. Черепнина о том, что в грамоте № 135 отражена классовая борьба в форме «душегубства» и «татьбы» — кражи, не подтверждается приведенным материалом источников. Зато с предлагаемым переводом грамоты № 135 хорошо согласуется толкование Л. В. Черепниным последней фразы грамоты: автор ее обращается к адресату с просьбой защитить (возможно, возбудив иск в суде) интересы его детей, лишившихся имущества³⁰. Знаменательно, что при этом автор грамоты никак не реагирует на смерть слуги («детины»), очевидно, молчаливо признавая законность и обоснованность его казни.

²⁶ Например, есть известия о самоубийствах холопов в древней Руси, не вынесших гнета своих господ. М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 27—28.

²⁷ НПЛ, стр. 392.

²⁸ Ср. упомянутое выше толкование А. В. Арциховским выражения «про женьню татбу» в берестяной грамоте № 213 — «за провинность жены».

²⁹ Псковская третья летопись под 1476 г. сообщает об аналогичном факте такого местного суда в Опочках над преступником: «Гоя же осени Псков, оуполовсья, испродал опочан, а взял 100 рублиев, да дали князю Ярославу, что они оузвесили татя коневого, а без повеления псковского» («Псковские летописи». II, М., 1955, стр. 206). Правда, Псков привлек к ответственности жителей своего пригорода за то, что казнь была совершена без доклада в столицу. Тем не менее этот факт свидетельствует о существовании таких местных судов.

³⁰ Л. В. Черепнин. Новые документы..., стр. 54.

Итак, имеем две формы глагола «тадбити». Первая — «татбит» (Псковская судная грамота) — глагол третьего лица, единственного числа³¹ несовершенного вида. Перевод — «предъявляет иск, обвиняя в присвоении».

Вторая форма — «отадбели» (берестяная грамота № 135) — глагол третьего лица, множественного числа, прошедшего времени, совершенного вида (вероятный инфинитив — «отадбити»). Перевод примерно тот же: «предъявлять иск, обвинять».

Весьма вероятно, возвращаясь, наконец, к тексту берестяной грамоты № 256, предположить, что термин «тадби» в ней означает еще одну форму того же глагола «татбити», а именно второго лица (это естественно при обращении к адресату), единственного числа, несовершенного вида, повелительного наклонения. Перевод — «предъяви иск» (в чем-то), «возбуди дело» (о чем-то).

Этому пониманию термина «тадби» соответствует и выражение типа «во пяре» или «в опяре» (пока это безразлично), т. е. существительное в предложном падеже с предлогом «в», выражение, применявшееся в древнерусском языке для обозначения предмета тяжбы, спора. Например, в Судебнике 1497 г. говорится: «побьются... в заемном деле или в бою... в пожеге... в душегубстве... в разбои... в татбе» (статьи 6, 7), т. е., если будет судебный поединок по поводу обвинения в неуплате долга, в избении и т. д. То же видим в Псковской судной грамоте: «Или который истец пошлется в бою на послуха...» (ст. 23), т. е. «если какая-либо сторона» (обвиняя другую) в избении сошлется на (показания) свидетеля...³². В Новгородской судной грамоте: «А утяжет в земле, ино взяти ему грамота у судьи в земле и в убытке на истце...» (см. 7); «А кого утяжут в наезде и в грабежи...» (ст. 10); «А в котором деле позовет истец истца...» (стр. 13)³³. Здесь также выражения «в земле», «в убытке», «в наезде и в грабежи» подразумевают предмет спора. Наконец, особенно показателен в этом смысле текст в берестяной грамоте № 366 (1340—1382 гг.) «Съ урядеса Яковь с Гюрьгмо и съ Харетоном по бьсудьной грамоте, что был возял Гюрьге грамоту в ызьежьной пышьнеце». В грамоте говорится о тяжбе (бессудная грамота — один из видов судебных документов) по поводу отравленной пшеницы. И здесь снова видим тот же (существительное в предложном падеже с предлогом «в») оборот для обозначения предмета тяжбы: «в ызьежьной пышьнеце».

Итак, слова «и тадби вопяре» берестяной грамоты № 256 можно перевести: «и веди дело (или возбуди иск) по поводу опары (или пара)».

Теперь надо решить вопрос, что же является предметом иска, тяжбы. В грамоте после слов «и тадби вопяре» непосредственно идет текст: «...тадбу свою 10 рублово на Григорици и...». Думаю, что термин «тадба» употреблен здесь в значении «стоимость иска». В пользу этого предположения можно привести следующие соображения. Одно из значений слова «татба», известное еще по «Русской правде», — «стоимость украденного»³⁴. В Судебнике 1497 г. в ст. 12 говорится о человеке, который «татбу плачивал». Здесь «тадба» — стоимость украденного. Известно слово «татство», имевшее также разные значения: воровство, сама покража, дело о покраже, а также грабеж, тайный способ; покража могла называться и «татбиной»³⁵. Все это говорит о многозначности и лингвистической гиб-

³¹ Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 40.

³² ПРП, 2, стр. 289, 306.

³³ ПРП, 2, стр. 213—214; см. там же, стр. 213 (ст. 11), стр. 216 (ст. 33).

³⁴ И. И. Срезневский. Материалы..., III, стр. 928; «Правда Русская» Ц, М.—Л., 1947, стр. 569—572; ПРП, 1, М., 1952, стр. 131.

³⁵ И. И. Срезневский. Материалы..., III, стлб. 926—928, а также «Дополнения». стлб. 957; Г. Е. Кочин. Материалы..., стр. 358.

кости в древней Руси интересующего нас термина «татья» и его производных³⁶.

Поэтому представляется допустимым предположить, что текст берестяной грамоты № 256 — «тадбу свою 10 рублово» — означает сумму пска 10 руб. Это весьма значительная для XIV в. сумма. Поэтому, конечно, речь здесь идет не о тесте, хотя бы и квашеном, а о более существенном предмете тяжбы. Поэтому один элемент альтернативы («опара») отпадает и остается считать, что речь идет о земельной тяжбе, тяжбе по поводу «пара», парового поля. В Новгородской земле, где очень дорожили удобной (а тем более обработанной, «окультуренной») почвой³⁷, вполне возможна и отмеченная берестяной грамотой столь высокая цена спорного участка парового поля³⁸.

Очень важно в этой связи показание «данной» грамоты первой половины XV в. новгородского посадника Терентия, который писал в ней: «Се дах святой Богородици на Княжеострове сель Рослопинъ Михайлов, и двор, и землю оромую, и пожни, и весь след Михайлов. А пришло мне то в тадбы»³⁹. В этом тексте не все ясно, но какая-то связь «тадбы» с земельными делами здесь очевидна.

Исходя из всего сказанного, наиболее правильной представляется следующая разбивка текста грамоты № 256 на слова и фразы: «...ци ерово крошено. И тадби во яре татбу свою 10 рублово на Григорици и...» Наиболее же вероятный перевод второй фразы грамоты таков: «И веди (или возбуди) дело о своем паре (или об участке парового поля) ценою в 10 рублей против Григорича...».

Если проведенные наблюдения справедливы, то можно заключить, что в сравнительно небольшом тексте берестяной грамоты № 256 имеются интересные свидетельства не только о яровых посевах («ерово крошено»), но и о применении пара в Новгородской земле во второй половине XIV в., а также одно из ранних известий о борьбе за землю (в форме земельной тяжбы) в этом районе древней Руси.

A. D. Gorsky

LA CHARTE SUR ÉCORCE DE BOULEAU N 256

Résumé

L'article est consacré à l'analyse du contenu d'une des chartes sur écorce trouvées pendant les fouilles à Novgorod par l'expédition archéologique sous la direction d'A. V. Artsikhovskiy. Cette charte se rapporte au XIV s. (Sa date dendrochronologique est: 1369—1382).

On donne dans cet article une analyse critique des opinions existantes concernant le contenu de la charte. Se basant sur la comparaison du texte de cette charte avec les données des autres sources de l'ancienne Russie, l'auteur en déduit que la charte analysée contient des informations primitives sur les semailles de printemps, le champ en jachère et sur un conflit judiciaire foncier.

³⁶ Вместе с тем существовала целая группа слов: красти, краденое, покрасти, окрадонн, краденне, крадьба, украдати, украсти и т. д., связанных только с актом воровства, похищения имущества. И. И. Срезневский. Материалы..., I, стлб. 1311, 1317; стлб. 1115; III, стлб. 1184, 1186 и «Дополнения», стлб. 145; Г. Е. Кочин. Материалы..., стр. 160, 374; новгородские берестяные грамоты № 297, 370.

³⁷ Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 32; Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство, стр. 96—97.

³⁸ Ср. ГВНП, № 108 (1389—1415 гг. — за пожню и «жар» лес 2 руб.), 113, 117, 121, 123, 125, 145, 164, 181—183, 188, 240—241, 246, 249, 252, 266—267, 273, 286, 288, 289, 291, 293, 322 (земельные сделки XV в. на сумму от двух до нескольких десятков рублей).

³⁹ ГВНП, № 253 (с датой «XV в.»). В. Л. Янин датирует эту грамоту 1423—1440 гг. В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 376.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О С. А. ЖЕБЕЛЕВЕ ¹

Среди собравшихся сегодня в этом зале для того, чтобы почтить память академика Сергея Александровича Жебелева, немало лиц, хорошо знавших покойного. Но большинству молодого поколения научных работников и даже тех, кто уже достигает среднего возраста, это имя знакомо, вероятно, только понаслышке. Тем не менее мне не хотелось бы посвящать свое сегодняшнее выступление сообщению официальных данных о его жизненном пути и большом научном наследии, так как эти данные легко почерпнуть из печатных изданий. Свою задачу я понимаю несколько иначе. Хотя я не была ученицей покойного и даже никогда не работала под его непосредственным руководством, я хорошо знала не только лично самого Сергея Александровича, но и многих его ближайших друзей и сподвижников. Основываясь на своих воспоминаниях, я попытаюсь в меру своих сил восстановить образ этого крупного деятеля в области нашей науки и самобытного, редкого человека, многие начинания которого живы в нашем институте и по сегодняшний день.

Интерес к науке обнаружился у Сергея Александровича еще в ранней молодости, и тогда же волею судеб он стал главной опорой материального благополучия своих родных. Ему пришлось одновременно пробивать себе путь в науку и заботиться о хлебе насущном. Нам думается, что еще тогда, под влиянием этих нелегких жизненных условий, сложились основные черты его характера и привычки, во многом определившие затем дальнейший его жизненный путь.

Одной из коренных особенностей его духовного склада была, как нам кажется, самодисциплина, выражавшаяся особенно ярко в строгом регламентировании своего времени. Текла ли его жизнь по спокойному, привычному руслу, или наступали какие-то чрезвычайные обстоятельства, Сергей Александрович прежде всего разрабатывал свой график и придерживался его затем с некоторой даже педантичной точностью. Эта привычка, продиктованная ему самой жизнью, стала как бы его второй натурой, и, как мы увидим, с ней он не расставался до самой смерти. Возможно, именно благодаря ей ему удалось развить такую интенсивную и разностороннюю деятельность, которая редко выпадает на долю одного человека. Но при всем ее многообразии цель, к которой он стремился, была единой и ясной.

Существует ходячее выражение — «жрец науки». Но я привожу его здесь только для того, чтобы тотчас же от него отказаться. С понятием жреца связано представление о какой-то важности и торжественности, а обе эти черты были абсолютно чужды покойному. Его отношение к науке, скорее, можно охарактеризовать как служение ей, полное беззаветной преданности и бескорыстия. Этими чертами оно, пожалуй, напоминает даже времена средневекового рыцарства. Как истинный рыцарь, Сергей Александрович не терпел никаких случайных, а тем более сознательных профанаций чистого образа своей «прекрасной дамы» и в этих случаях

¹ Публикуемые воспоминания были зачитаны 6 марта 1968 г. на заседании Ученого совета ЛО ИА АН СССР, посвященном памяти акад. С. А. Жебелева.

бывал беспощаден и не признавал никаких компромиссов. В то же время, как настоящий ученый, он был не менее строг и к собственной научной продукции и, раз осознав свою ошибку, всегда открыто в ней признавался, считая это своим прямым долгом.

В течение первого периода деятельности, к которому мы отнесли бы первые 25 лет после окончания им университета в 1890 г., у Сергея Александровича была возможность служить науке, оставаясь в пределах своих служебных обязанностей. В эти годы он преподавал в трех высших учебных заведениях, в том числе и в Петербургском университете, и вел большую административную работу как секретарь Русского археологического общества и хранитель Музея древностей Петербургского университета. Его исследовательская и публицистическая работа никогда не прекращалась (напомню, что в списке его трудов, составленном примерно за год до его смерти, значится более 300 названий). Никогда не прекращалась и его поистине гигантская редакторская работа. По меткому выражению И. И. Толстого, Сергей Александрович был «прирожденным редактором», через его руки прошли целые серии повременных изданий и бесчисленное количество статей и монографий, преимущественно начинающих ученых.

Но всего этого Сергею Александровичу было мало. Иногда по собственной инициативе он брался еще и за необычайные задания. Позволю себе вспомнить здесь один такой эпизод, показывающий, на какие подвиги был способен покойный академик, когда перед ним открывалась возможность послужить науке.

В то время (речь идет о самых первых годах XX в.) Сергей Александрович занимал просторную квартиру, а хозяйство у него вела его сестра Мария Александровна. Ежегодно с наступлением университетских каникул Марии Александровне полагался отпуск, и она, как правило, проводила его у родственников в провинции. Сергей Александрович оставался в квартире один со своим котом. Обычно в это время он несколько ослаблял свой строгий регламент, чаще виделся с друзьями, ходил в театр, совершал экскурсии за город и т. д. Но в тот год он решил использовать эти недели для осуществления задуманного плана. Сергей Александрович высоко ценил талант и знания историка античного искусства профессора Юрьевского университета Владимира Константиновича Мальмберга и очень сокрушался, что тот по некоторой слабости характера не мог собраться написать докторскую диссертацию, хотя материал для нее давно был собран и обдуман. Решив вмешаться в это дело, Сергей Александрович пригласил Мальмберга провести каникулы у него в Петербурге. На следующий же день после его приезда началось осуществление задуманного плана. Согласно специально установленному для этой цели регламенту, каждое утро после завтрака в распоряжение Мальмберга предоставлялся диван, стоявший в кабинете хозяина, и рядом с диваном ставилось пара пива — любимого напитка Владимира Константиновича. Сам Сергей Александрович усаживался за свой письменный стол и вооружался пером и бумагой. Мальмберг диктовал, а Сергей Александрович записывал. Дело пошло на лад, и к концу каникул докторская диссертация Мальмберга, замечательное для своего времени исследование о древнегреческих фронтовых композициях, была завершена. Вскоре после его издания Мальмберг получил докторскую степень и кафедру Московского университета, а Сергей Александрович испытал глубокое удовлетворение и торжество от сознания успеха задуманного и осуществленного им предприятия.

Само собой разумеется, что это лишенное всяких эгоистических мотивов служение науке не оставалось незамеченным. Имя Жебелева постепенно приобрело большой вес в академических кругах и произносилось всегда с большим уважением и безграничным доверием. Сергей Александрович, конечно, понимал это, но никогда не выставлял на показ.

Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция внесли большие изменения в обстановку, в которой протекала жизнь и деятельность ученого, но в сущности мало повлияли на склад его рабочей жизни. Как и большинство ученых того времени, он имел лишь весьма туманное представление о марксистско-ленинской теории и никогда не соприкасался с людьми, проводившими эту теорию в жизнь. Однако очень скоро после победы революции Сергей Александрович почувствовал, что его место в рядах нового общества, на горячо любимой им родной земле. Никаких колебаний на этот счет у него никогда не было, и он целиком отдал свои огромные знания и силы для решения вставших перед ним новых задач.

С. А. Жебелев принял живое участие в перестройке работы старых научных учреждений (в том числе университета и Эрмитажа) и в налаживании деятельности только что основанной Академии истории материальной культуры, так сказать, бабушки нашего Института археологии. В Академии он всегда замещал президента Н. Я. Марра во время частых и иногда продолжительных отлучек последнего. Отчасти поэтому он тесно сжился с персоналом Академии, разделял с ним не только труды, но и развлечения.

Летом и осенью 1928 г. я находилась в длительной заграничной командировке в Берлине и Париже. Сергей Александрович, замещавший тогда в Академии Н. Я. Марра, сообщал мне в письмах все академические, а заодно и эрмитажные новости. Позволю себе зачитать здесь отрывок из его письма от 24 июля 1928 г.: «Я усиленно и с большим вредом для себя управляю одной Академией всецело, другой в количестве $\frac{1}{3}$ и академической библиотекой всецело. Подчас голова пдет кругом. И если бы не было крокета в Мраморном, погиб бы совершенно. Сегодня с $3\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{4}$ сражались партиями: одна — Девель, Штейн, Мещанинов и Замятнин; другая — Милова, Румянцева, Карасев и я. Первую проиграли мы. Но во второй взяли реванш. Причем должен сказать, что выиграли благодаря одному удивительно ловкому маневру со стороны Миловой. Страсти настолько разгорелись, что мы перед некоторыми ходами устраивали даже тайные совещания».

Тон писем Сергея Александровича был всегда бодрым, хотя не все в это время шло для него гладко в Ленинграде. Вскоре после 1928 г. на жизнь Сергея Александровича, в то время уже академика, пала мрачная тень. Об этом в настоящее время потерявшем всякий общественный интерес инциденте, может, и не стоило бы сегодня вспоминать, так как возведенные тогда на него нелепейшие обвинения в конце концов лопнули как мыльный пузырь, не оставив после себя никаких следов. Но в жизни Сергея Александровича эти события все же сыграли немалую роль, и не только потому, что они отняли у него достаточное количество сил, духовных и физических, но и оттого, что он долго не мог установить, какие скрытые враждебные силы действовали в данном случае против него, и это его сильно волновало. И только после того как он наконец пришел к определенному выводу и у него, по-видимому, не осталось в данном случае никаких сомнений (а произошло это довольно скоро после окончания дела), он сразу успокоился, словно ему после долгих усилий удалось решить какую-то мучившую его трудную научную проблему. Все встало теперь на свое место, и Сергей Александрович обратился к текущим делам.

Начался новый период расцвета деятельности ученого. К прежним работам прибавились новые, связанные с частыми поездками в Москву, где находился теперь Президиум Академии наук. В середине 30-х годов, когда бывшая Академия истории материальной культуры, преобразованная в институт и вошедшая в систему Академии наук, переехала в главное здание Академии на Васильевском острове, Сергей Александрович встал во главе сектора античного Причерноморья. Эти годы оставили глубокий

след в жизни коллектива. Особенно, как нам кажется, следует отметить тот факт, что именно Сергею Александровичу, никогда не участвовавшему в полевых археологических экспедициях, принадлежит идея археологического исследования малых городов Боспора, идея, оказавшаяся столь плодотворной и, как думают многие, далеко себя еще не исчерпавшая. К этому периоду относится и появление в печати ряда статей Жебелева по северопричерноморской тематике. За статью «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» он получил правительственную награду, а поднятые в ней важные проблемы до настоящих дней горячо обсуждаются специалистами.

Можно, пожалуй, сказать, что в 30-е годы деятельность Сергея Александровича достигла своего апогея и его имя получило широкую известность в стране. А между тем он сам как человек ничуть не изменился. Вспоминаются два весьма показательных в этом отношении случая. Мы уже упоминали о постоянной редакторской страде Сергея Александровича. Не прекращалась она и в эти годы. Один московский историк-античник прислал ему рукопись своей докторской диссертации с просьбой ее отредактировать. Взявшись за это дело, Сергей Александрович скоро заметил крупные недочеты в ней. Как всегда в этих случаях, он не остановился на полпути, увлекся и довел дело до конца. В результате в рукописи не осталось, что называется, живого места, и в таком виде она была возвращена автору. А потом у Сергея Александровича начались угрызения совести, так как у автора диссертации, хотя он и был слабо подготовлен в научном отношении, намерения были самые благие. Жебелев вовсе не хотел его обидеть. Но дело было сделано, и оставалось только ждать исхода. К удивлению редактора, все кончилось благополучно. Автор диссертации, ныне давно покойный, не только не обиделся, но прислал Сергею Александровичу письмо, полное самой горячей и искренней благодарности за оказанную услугу.

Как человек крайне скромный, Сергей Александрович терпеть не мог собственных юбилеев и чествований. Но судьба была к нему в этом отношении неумолима. Первый раз на моей памяти его чествовали еще в 1915 г. вместе с его однокурсником Б. А. Бураевым по случаю 25-летия окончания ими университетского курса. Через 10 лет отмечалось и 35-летие его научной деятельности. Но самое грандиозное чествование было организовано в Ленинграде летом 1940 г. по случаю 50-летия его научной деятельности. Программа торжества отличалась необыкновенной пышностью. Состоялось не одно, как обычно, а целых три юбилейных заседания, три вечера подряд. Первое собрание происходило в нашем институте. На следующий вечер все собрались в ректорате университета, а последнее заседание состоялось в Институте истории. Два первых торжества прошли совершенно гладко. Читались научные доклады и проносились хвалебные речи. Сергей Александрович прекрасно выдерживал свою роль — слушал, благодарил и говорил ответные речи. Но на третье торжество он явился таким мрачным и сердитым, каким я не видела его за все долгие годы нашего знакомства. Терпение его, видимо, истощилось, и он так выразительно поглядывал на дверь, что одно время можно было опасаться, не предпочтет ли он махнуть на все рукой и покинуть зал до начала заседания. Но вдруг все изменилось, словно по мановению волшебной палочки. В усевшемся рядом с ним за праздничный стол участнике торжества он узнал своего тезку С. А. Щукарева², профессора химии и сына лучшего друга своей юности, рано умершего историка-классика Александра Николаевича Щукарева. На Сергея Александровича нахлынули воспоминания, душа его преисполнилась радостью, и он совершенно преобразился. В результате и третье торжественное заседание прошло

² Из новых, попавших в руки автора, материалов следует, что заседание в Институте истории, на котором произошла встреча С. А. Жебелева с С. А. Щукаревым, было не последним, а первым в ряду ленинградских юбилейных собраний.

благополучно, и он с честью выдержал свою роль до конца. Это происходило накануне второй мировой войны, одной из жертв которой суждено было стать и С. А. Жебелеву.

В первые же недели после начала военных действий ленинградские институты Академии наук опустели. Многие сотрудники ушли на фронт, другие эвакуировались в тыл, третьи болели и умирали. Случилось так, что после начала блокады Сергей Александрович остался в Ленинграде чуть ли не единственным академиком-гуманитарием. Правда, была сделана попытка и его отправить в безопасное место, но кончилась она неудачно. Почти перед самой посадкой на самолет вражеская авиация разбомбила аэродром, и Сергею Александровичу с сестрой пришлось вернуться в уже покинутую ими квартиру. После этого он наотрез отказался от дальнейших планов эвакуации и целиком включился в оборону родного города. В последний раз он установил тогда для себя строгий график, применительно к военному времени. Каждый день он регулярно посещал академические институты и заботился об их сотрудниках, больных и здоровых. А по ночам, как рядовой ленинградец, он дежурил на крыше своего дома. А между тем его здоровье тогда уже было подточено тяжелой болезнью, и питался он только сухарями, изготовленными из выдававшегося по пайку суррогата хлеба (академического пайка тогда еще не существовало). Долго так продолжаться не могло.

Последний раз я встретила с Сергеем Александровичем в академической столовой, помещавшейся, как и сейчас, в подвальном этаже Института зоологии. Сергей Александрович зашел туда по пути, вероятно, за соевыми лепешками для сестры, выдававшимися там иногда без карточек. Когда он направился к выходу, я пошла его проводить. На улице уже смеркалось. Наступала очередная блокадная ночь. Поднявшись по ступенькам на мостовую, Сергей Александрович остановился и громко сказал: «Нет, в Ленинград мы Гитлера не пустим». Затем он скрылся в сумерках, и больше я его не видела.

Когда через два-три дня я зашла за чем-то в институт, М. А. Тиханова встретила меня вопросом, пойду ли я на похороны Жебелева. Оказалось, что во время одного из своих обходов Сергей Александрович от истощения упал на улице и не мог уже подняться. Скорая помощь доставила его в больницу им. Свердлова, где он вскоре скончался.

Так кончилась жизнь академика С. А. Жебелева, вечного труженика и горячего патриота. Он погиб на своем боевом посту, до конца сохранив верность своим убеждениям и высокому долгу. Таким его помнят друзья и ученики. Таким, надо надеяться, он будет жить и в представлении молодого поколения, которому принадлежит будущее нашей науки.

М. Максимова

К 75-ЛЕТИЮ САЛИХА МУСТАФА ОГЛЫ КАЗИЕВА

В 1968 г. исполнилось 75 лет одному из старейших археологов, этнографов и педагогов Азербайджана, кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Института истории АН АзербССР, члену КПСС с 1920 г. Салиху Мустафа оглы Казиеву.

С. М. Казиев родился в 1893 г. в с. Хачмас Варташенского района Азербайджанской ССР. Получив образование в медресе и в национальной школе «Ревзатул-Маариф», С. М. Казиев в 1916 г. начал педагогическую деятельность. Позднее, в 1928—1932 гг., он учился в Азербайджанском педагогическом институте.

С. М. Казиев всегда был в самой гуще культурной жизни Азербайджана. После установления Советской власти в Азербайджане острым стал вопрос о ликвидации неграмотности населения, в решении которого активное участие принимал С. М. Казиев. Он долго работал в различных сельских и городских школах, а также в руководящих органах просвещения.

Еще будучи сельским учителем, С. М. Казиев интересовался историческим прошлым Азербайджана, собирал археологический материал и установил местонахождение ряда древних памятников. Благодаря ему еще в 20-х годах были выявлены первые следы ялойлутепинской археологической культуры, распространенной на территории Кавказской Албании в последней четверти I тысячелетия до н. э.

Интерес к археологии в 1935 г. привел С. М. Казиева в аспирантуру Азербайджанского филиала АН СССР. Он написал диссертацию на тему «Древности Кабалинского магала», которую успешно защитил в 1941 г. В этой работе дан развернутый анализ памятников исследованного края, среди которых видное место отведено городищу Кабала — столице Кавказской Албании.

С. М. Казиев с 1934 до 1952 г. работал в Музее истории Азербайджана (с 1934 по 1947 г. научным сотрудником, а с 1947 по 1952 г. директором этого учреждения). В 1952 г. С. М. Казиев перешел в Институт истории АН АзербССР, где в 1952—1954 гг. был заведующим отделом истории материальной культуры, а с 1955 г. — руководителем отдела этнографии института.

С. М. Казиев ежегодно производил археологические исследования в различных районах Азербайджана, в результате чего им выявлено и изу-

чено значительное число разновременных памятников материальной культуры. Он был инициатором, организатором и руководителем ряда археологических экспедиций. Особенно следует отметить крупную Мингечаурскую экспедицию, организованную в 1946 г. в связи со строительством ГЭС. Эта экспедиция под руководством С. М. Казиева в 1946—1953 гг. выявила и исследовала уникальные различные памятники, охватывающие период от ранней бронзы до средневековья. Результаты проведенных в Мингечауре исследований отражены в ряде статей и монографических работ юбиляра и других участников экспедиции. Они оказали существенную помощь в написании многих обобщающих научных трудов, в том числе I тома «Истории Азербайджана» (Баку, 1958).

В 1956—1958 гг. С. М. Казиев произвел исследования в окрестностях с. Варданлы Варташенского района АзербССР, где были выявлены и исследованы поселения и погребальные памятники большого периода — от ранней бронзы до средневековья. Среди них особый интерес представляют памятники, относящиеся к I тысячелетию до н. э. С 1959 г. С. М. Казиев является начальником экспедиции по изучению городища Кабала — столицы Кавказской Албании.

С целью выявления и изучения древних памятников С. М. Казиев объездил всю территорию республики. Он автор более 40 научных работ, опубликованных в центральных и республиканских научных изданиях. Особого внимания заслуживают «Раскопки курганов в Степанакертском районе» (Изв. Азерб. ФАН СССР, 3, 1939), «Родовой строй в древнем Азербайджане (эпоха меди и бронзы)» (Изв. Азерб. ФАН СССР, 12, 1944), «Альбом кувшинных погребений Мингечаура» (Баку, 1960), ряд статей-отчетов, посвященных археологическим раскопкам Мингечаура, «Отчет археологических раскопок Варданлы» (Баку, 1956), «Об археологических и исторических памятниках Казахского и Акстафинского районов», «Историко-археологическое обследование городища Кабала» (Изв. Азерб. ФАН СССР, 1, 1945) и др. Диапазон научных интересов юбиляра очень широк. Его научные работы охватывают огромный период — от ранней бронзы вплоть до позднего средневековья.

С. М. Казиев относится к тем немногочисленным археологам республики, которые сами прокладывали пути и создавали базу для современных археологических исследований в Азербайджане.

С. М. Казиев много сил и знаний отдал подготовке молодых кадров. Долгое время он читал курс лекций по археологии в Азербайджанском государственном университете. Большинство археологов республики в той или иной степени являются учениками С. М. Казиева, а некоторые из них под его руководством написали и успешно защитили кандидатские диссертации и ныне ведут самостоятельные научные исследования. Все археологи и этнографы Азербайджана, особенно молодые кадры, обращаясь к этому человеку щедрой души и заботливому учителю, получают ценные методические и научные советы.

Большую организаторскую способность проявил он не только в научной, но и в партийной работе. В годы Великой Отечественной войны по поручению партии и правительства С. М. Казиев вел организационную и политико-воспитательную работу среди населения, участвовал в ликвидации диверсантов. Высоко отметив заслуги С. М. Казиева, Советское правительство наградило его орденом «Знак Почета», медалями «За оборону Кавказа», «За трудовое отличие», «За доблестный труд» и Почетной грамотой Верховного Совета АзербССР за образцовое выполнение государственного задания.

Товарищи по работе и многочисленные ученики от всей души поздравляют Салиха Мустафа оглы Казиева в связи с 75-летним юбилеем и желают ему бодрости, доброго здоровья, долгих лет жизни и больших творческих успехов.

И. А. Бабаев

Публикации

Н. Н. ДИКОВ

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ КАМЧАТКИ

В течение последних нескольких лет значительно расширились наши сведения о первобытном прошлом Крайнего Северо-Востока СССР, и в частности Камчатки. В 1962 г. там были обнаружены мезолитическая и раннеолитическая культуры¹. Теперь же, после полевых исследований в 1964—1967 гг., можно с уверенностью говорить о наличии там и верхнего палеолита².

Следы палеолита обнаружены в центре Камчатского полуострова, на южном берегу старичного Ушковского озера, узкой проточкой соединяющегося с р. Камчаткой (рис. 1). Они приурочены к 4-метровой надпойменной террасе сартанско-осташкинского возраста. Русловая фация ее рыхлых отложений состоит из галечника (слегка окатанные вулканические бомбы) и тонкозернистого серого песка (слои 38, 37). Пойменная фация (слои 1—36), общая мощность которой достигает 2,6 м, образована супесчано-суглинистыми горизонтально-слоистыми отложениями, заключающими в себе восемь культурных горизонтов широкого хронологического диапазона — от пережиточного, самого позднего неолита до палеолита (рис. 2).

Исчерпывающее литологическое и палинологическое описание всего стратиграфического разреза через Ушковский многослойный памятник уже дано в специальной работе, написанной в соавторстве с геологами Н. А. Шилов и А. В. Ложкиным³. Напомним здесь только, что в стратиграфическом отношении этот памятник абсолютно безупречен: все его культурные слои четко разделены стерильными прослойками (в частности, прослойками вулканических пеплов), и возможность перемешивания культурных слоев здесь совершенно исключена.

Приведенные в названной статье палинологические данные Ушковского разреза демонстрируют очень выразительную динамику развития растительности и климата: от каменистой тундры верхнего плейстоцена к кустарничко-моховой тундре нижнего голоцена, а затем к березово-ольховниковым лесам с участием хвойных в среднем голоцене, после которых в верхнем голоцене распространяется светлохвойная тайга.

Привязка к определенным палеоклиматическим уровням Ушковского разреза служит надежной основой датировки его культурных слоев.

Так, явно позднеолитический по характеру находок слой I (рис. 2) относится к верхнему голоцену; неолитический слой II с треугольными в сечении острообушковыми теслами и асимметричными горбатыми ножа-

¹ Н. Н. Диков. Новые данные по археологии северо-востока Сибири. VII МКАЭН, М., 1964.

² Его же. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки. ИКНСДВ, 17, М., 1967.

³ Н. А. Шилов, Н. Н. Диков, А. В. Ложкин. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки. Там же.

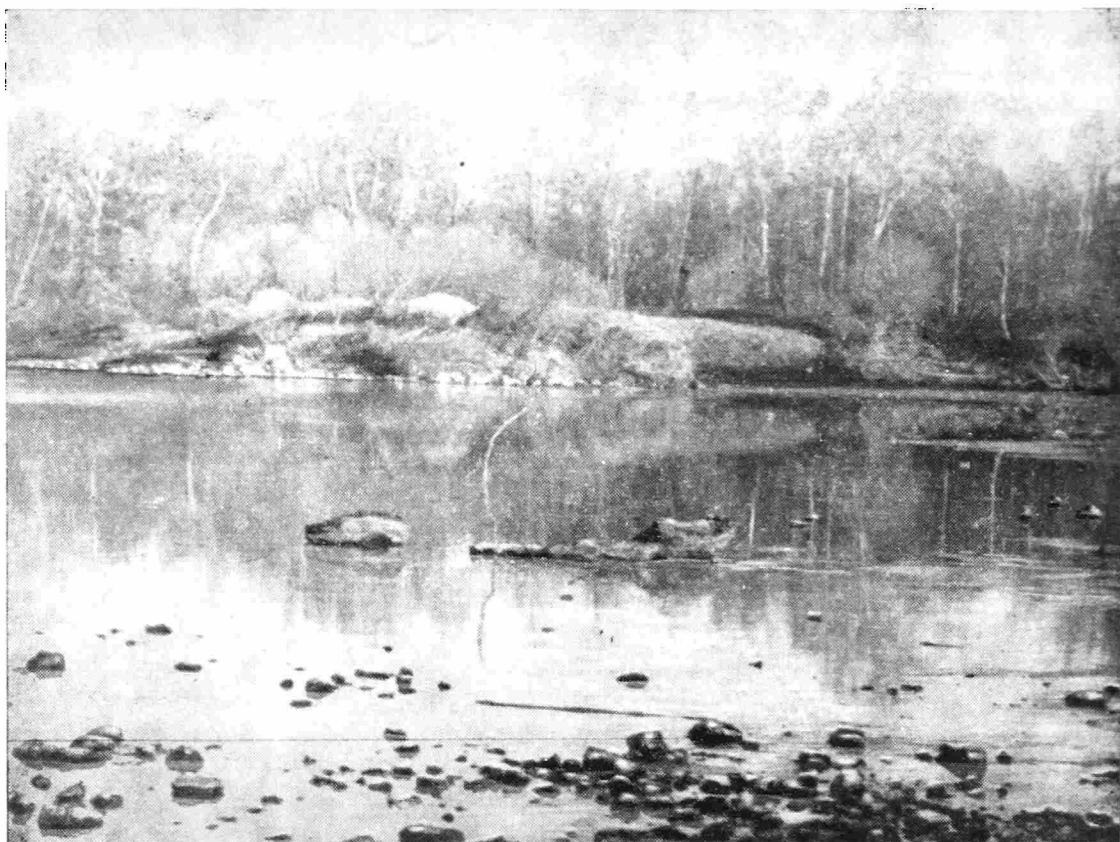

Рис. 1. Вид на первую палеолитическую стоянку на Каменном мысе

ми находится на среднеголоценовом уровне (на глубине 0,8—0,9 м); слой III, тоже неолитический (на глубине 1,15 м), с трехгранными наконечниками стрел соответствует самому началу климатического оптимума на границе среднего голоцена с нижним; слой IV (на глубине 1,25 м), отделенный от слоя III толстой прослойкой вулканического пепла и характеризующийся обилием ножевидных пластинок и наконечниками стрел ромбического сечения, относится к нижнему голоцену и, очевидно, может рассматриваться как мезолитический.

Остальные культурные слои лежат еще глубже и приурочены к четырем уровням нижней толщи пойменных отложений: слой V — на глубине 1,7 м, слой V-a — 1,8—1,9 м, слой VI — 2,0—2,05 м, слой VII — 2,2 м, слой VIII — на глубине 2,35 м. Все они связаны с ледниковыми верхнеплейстоценовыми уровнями террасы. Тем самым определяется их безусловно позднепалеолитический мадлено-азильский возраст по схеме европейской хронологии.

Исследование вещественных остатков из этих плейстоценовых слоев в чисто археологическом аспекте подтверждает, как мы увидим ниже, такую датировку и дает возможность ее уточнить.

По характеру находок плейстоценовые культурные слои соответствуют двум определенно отличающимся друг от друга культурно-историческим этапам.

К более древнему этапу относится слой VII (в слое VIII пока находок нет), к более позднему — слои V, V-a, VI. Эти культурные слои вскрыты уже на довольно значительной площади. Наиболее глубокие VII и VIII слои раскопаны на площади в 180 м² на стоянке Ушки-I, на Каменном мысе. Слои V, V-a, VI вскрыты на площади 654 м² на трех ушковских стоянках: Ушки-I, Ушки-II и Ушки-IV. Заметим, кстати, что эти раскопки дали уже более 1200 каменных изделий плейстоценового возраста (не считая отщепов и ножевидных пластин).

В слое VII на Каменном мысе оказались следы погребения на стоянке открытого типа с несколькими кострищами. В V и VI слоях мы встретились с более сложными хозяйственно-бытовыми комплексами в виде различного рода жилищ.

Рассмотрим основные из этих комплексов последовательно.

Погребение VII слоя оказалось на стоянке Ушки-I, на восточной стороне Каменного мыса. Могильная яма была вырыта на глубине 2,2 м с уровня тонкой прослойки песка (слой 28) и имела округлые очертания в плане, достигая 1,8 м в поперечнике. Прорезая все лежащие ниже рыхлые слои и углубляясь на 20—30 см в плотный слой вулканических бомб, она достигала глубины в 70 см (рис. 3, I—III). Выброс из ямы состоял из земли и грубоокатанных камней и имел форму неправильного кольца диаметром около 4 м, невысоким валом (до 10—30 см высотой) окружавшего яму. Значительная площадь вокруг могилы (около 50 м²), выброс и сама могила были посыпаны ярко-красной охрой (слой 27), заполняющая яму мешаная земля тоже содержала комки охры и угольки. Особенно много охры оказалось на дне могилы. Здесь она сплошь покрывала каменное ложе покойника и то небольшое, что осталось от него, толстым (почти 5 см) слоем. На дне ямы в слое охры среди камней сохранилось большое количество мелких плоских каменных (агамальтолитовых и янтарных) бус, судя по их расположению и следам сношенности на них, украшавших одежду, и шлифованных подвесок, а также альбитовых резцевидных орудий и проколов (рис. 4, 18—55). Кости погребенного под воздействием грунтовых вод полностью сгнили. Судя по расположению бус (всего их 881 шт.) и больших камней на дне могилы (рис. 3, I), покойник был, вероятно, уложен в скорченном виде, с подогнутыми ногами, возможно, лицом на север (рис. 3, II). На месте его головы сохранилось большое скопление бусин, напитых, очевидно, на шапку погребенного. Если погребенный лежал лицом действительно так, как мы изображили на схеме (рис. 3, II) (т. е. лицом к северу; не исключено, хотя и маловероятно, что к югу), то его спина была подперта большим, глубоко внедренным в дно могилы камнем (длиной 41, шириной 30, высотой 25 см; см. рис. 3, I, 1). Другая массивная глыба

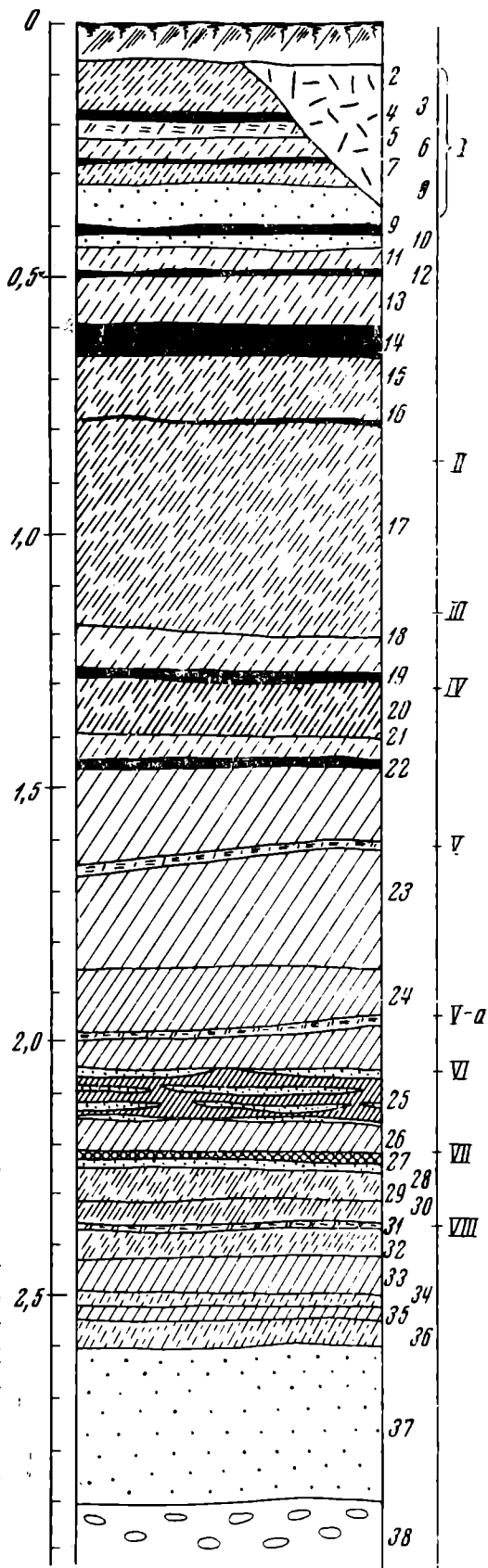

Рис. 2. Стратиграфия северо-восточной части Первой стоянки (по Н. А. Шило, Н. Н. Дикову, А. В. Ложкину)

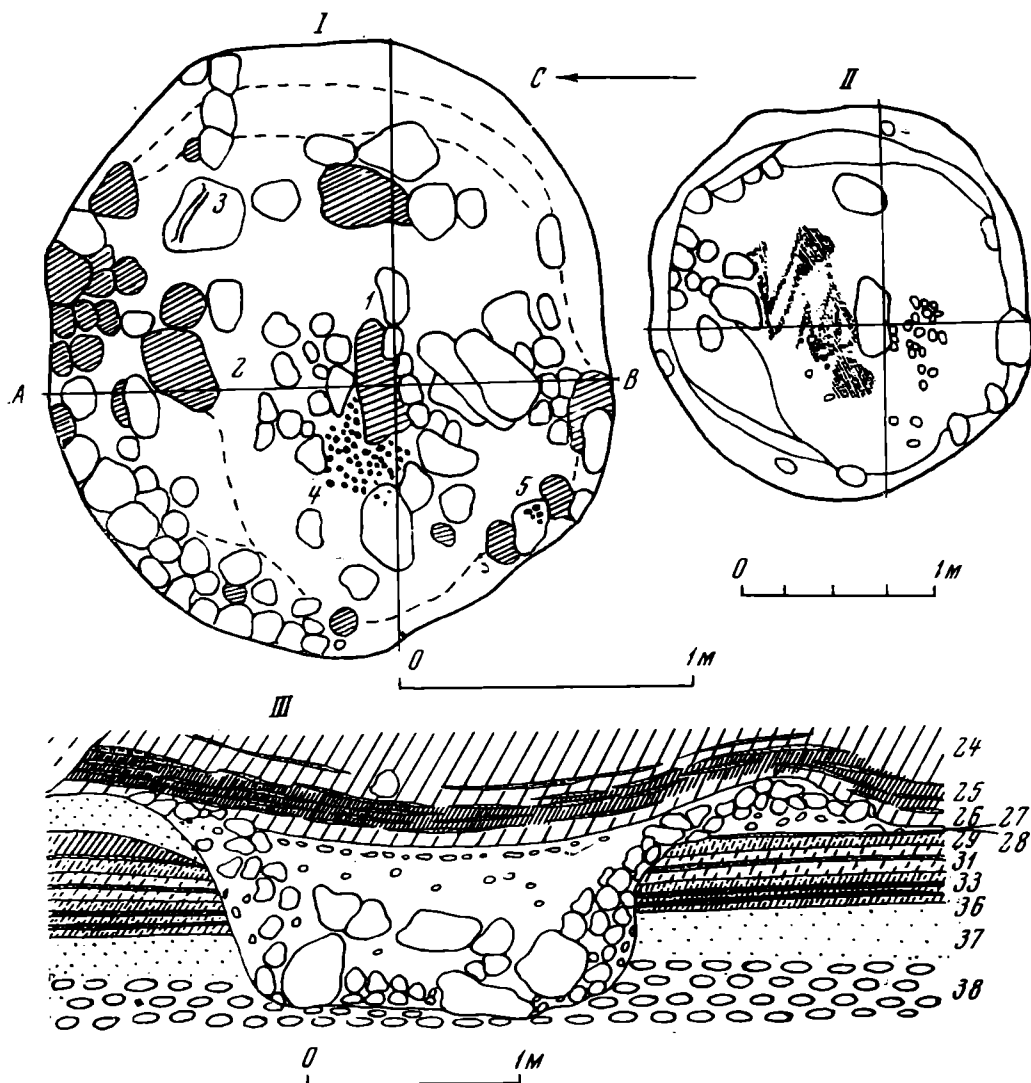

Рис. 3. Палеолитическое погребение

I — план могильной ямы (камни нижнего уровня заштрихованы); *1, 2* — большие камни, вдетренные в дно могилы; *3* — камень в виде терки; *4* — скопление каменных бус (от шапки погребенного?); *5* — ромбическая подвеска из бус; *II* — предполагаемое положение погребенного; *III* — разрез через погребение по линии *A—B*

камня лежала тогда со стороны груди (рис. 3, *I, 2*). Голова в любом случае была окружена тоже довольно крупными камнями. Большой камень наподобие терки (рис. 3, *I, 3*) находился чуть выше покойника в его ногах. Часть бусин, подвесок и резцевидных острий по какой-то еще неясной причине находились по краям дна ямы и даже на ее бортах. Особенно удивительно, что одно скопление из бусин (их 20 шт.), сохранившееся на борту ямы, располагалось ромбом (рис. 3, *I, 5*), напоминая своеобразную подвеску, очевидно украшавшую одежду. Не исключено поэтому, что какие-то одежды или их части были брошены в могилу и вокруг покойника.

Создается впечатление, что после совершения погребения в яму сгребли обратно часть выброса вместе с углями из зажженного на ее северо-восточном краю большого костра, заложили погребенного сверху несколькими принесенными со стороны большими камнями (один наподобие терки), после чего засыпали погребальную площадку охрой. Очень похоже на то, что могила была засыпана не плотно, и в ней оставались пустоты между большими камнями и под ними. После того как погребенный сгнил, она значительно просела. Очевидно, этим можно объяснить довольно заметный на вертикальном разрезе через погребение прогиб над ней слоистых песчано-суглинистых напластований (рис. 3, *III*).

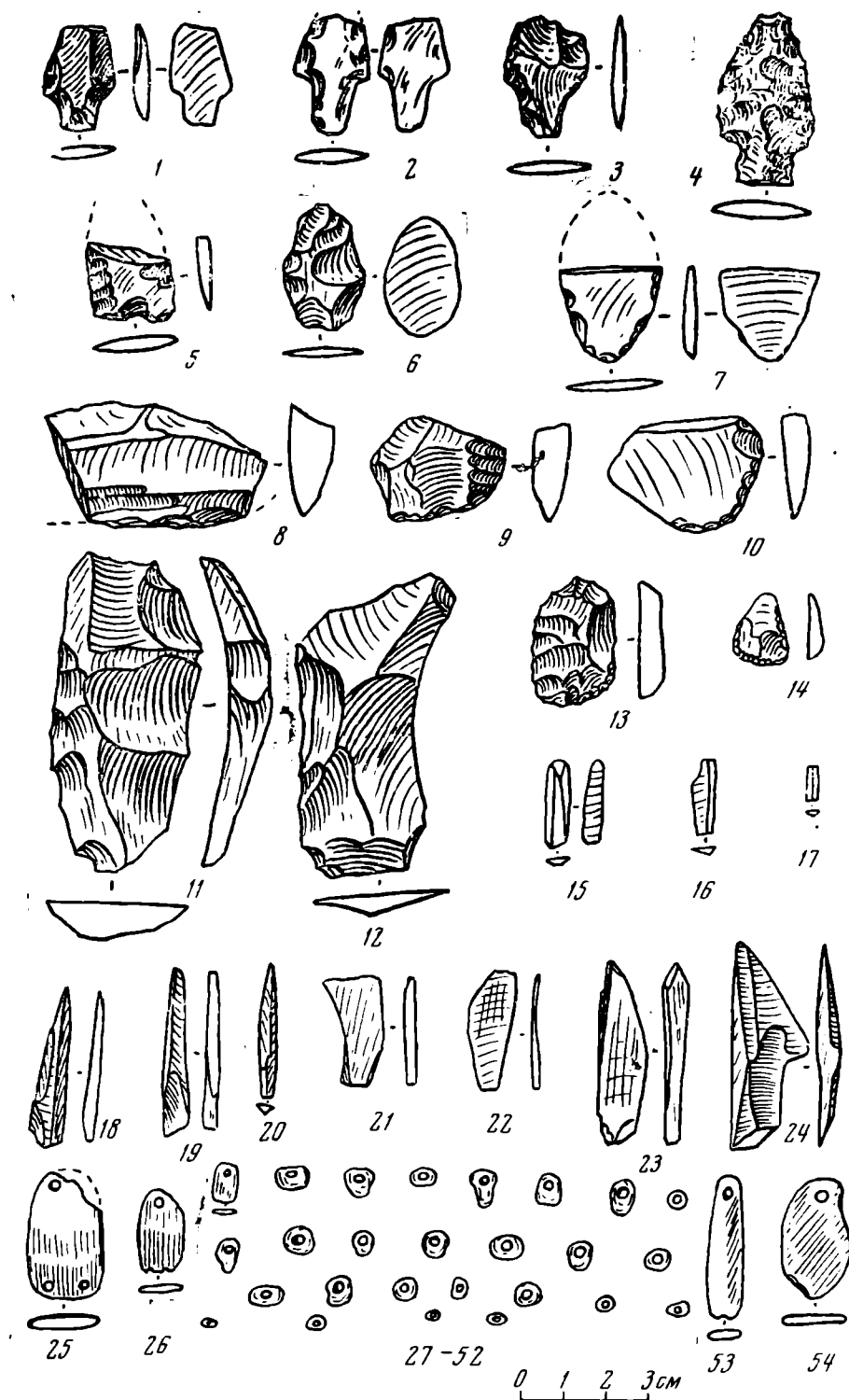

Рис. 4. Каменные изделия нижнего палеолитического комплекса
1—17 — из культурного слоя стоянки; 18 — 55 — из могильной ямы

В непосредственной близости от могилы остались следы трех кострищ, частично перекрытые выбросом из могильной ямы, а из вещей — две тонкие кремневые микропластинки (рис. 4, 15, 17) и маленький черешковый метательный наконечник из базальтового отщепа, обработанный круто и только с одной стороны (рис. 4, 3), общим своим примитивным обликом отдаленно напоминающий наконечники японского докерамического комплекса Такеи II и Арая⁴.

⁴ Сэридзава Тёсукэ. Япония в каменном веке. «Сэки дэидай-но нихон», Токио, 1960, табл. 94, 95; Serizawa Chosuke and I kawa Fumiko. The Oldest Archaeological Materials from Japan. AP, II, 2, Hong-Kong, 1960, рис. 8; Накамура. Культура докерамического периода севера центральных районов. В об. «Ниппоно ко-

К востоку от могилы в 1964 и 1965 гг. было исследовано еще девять кострищ VII слоя. Снова попались два таких же базальтовых черешковых наконечника (рис. 4, 1, 2) и один кремневый двусторонне обработанный отжимной ретушью, несколько более крупный, чем все остальные — около 4 см в длину (рис. 4, 4). Там же оказались два обломка и один целый наконечник плоской и широкой листовидной формы, очень маленьких размеров (3—4 см), тоже в общем близкие таким же примитивным односторонне обработанным наконечникам комплекса Такеи II (рис. 4, 5—7) ⁵.

Остальные изделия с временной стоянки VII слоя — маленькие концевые скребки (рис. 4, 13, 14), боковые скребки (рис. 4, 8—10) и отщепы (рис. 4, 11, 12) — дополняют этот древнейший камчатский комплекс менее выразительным материалом. Он состоит, таким образом, если рассматривать его в целом, из различных, преимущественно черешковых, метательных наконечников, резцевидных острий, боковых и концевых скребков, отщепов, а также из каменных шлифованных бус и подвесок. Отмеченное выше частичное сходство с некоторыми элементами докерамических культур Такеи и Арая, датируемых примерно XV тысячелетием до н. э. ⁶, соответствует глубокой древности описанного комплекса, восходящей к камчатскому верхнему плейстоцену и не противоречит его геологической датировке по палинологическим данным. Радиоуглеродный анализ углей из заполнения могильной ямы позволил определить возраст ушковского палеолитического комплекса из VII слоя в $14\ 300 \pm 200$ (ГИН) и в $13\ 600 \pm 250$ (ГИН) лет, что полностью совпадает с ранее предложенной нами датировкой ⁷.

Наличие в этом комплексе сравнительно мелких метательных наконечников, казалось бы, противоречит такой датировке. Но это противоречие кажущееся и основано на традиционном представлении о том, что в верхнем палеолите еще будто бы не было лука и стрел. Факты, однако, свидетельствуют о весьма раннем употреблении лука и стрел в Старом Свете. Достаточно вспомнить хотя бы мадренские изображения охотников с луками в пещерах Испании ⁸ и совершенно такие же, как ушковские, каменные наконечники стрел из испанской позднепалеолитической пещеры Парпальо ⁹. Таким образом, нет почвы для сомнений в позднепалеолитическом возрасте VII культурного слоя Ушковской стоянки.

В вышележащих палеолитических слоях V и VI были исследованы остатки семи различных жилищ. Все они раскопаны на Первой, Второй и Четвертой Ушковских стоянках, почти все (кроме стоянки № 2) приурочены к основанию суглинка (слой 24), подстилаемого слоистыми, песчано-суглинистыми отложениями (слой 25). Но степень сохранности жилищ различная, и каждое из них конструктивно чем-то отличается от остальных. Весьма примечательно наличие среди них не только полуземлянок, к тому же весьма неглубоких, но и целиком наземных шалашей. Кроме того, у некоторых из них сохранились очаги, у других только углесто-золевые огнища. Наконец, они различаются формой и размером. Рассмотрим их последовательно.

Жилище 1, на северо-восточной стороне Первой стоянки. Имеет вид неглубокой землянки неправильной подчетыреугольной формы в плане, с коридорообразным входом с западной продольной стороны, с кольцевым

когаку», 1, Сэндоки дзидай. Токио, 1965, рис. 53, 10, 11; Т о з а в а. Культура докерамического периода Канто. Там же, рис. 47, 6.

⁵ Сэри дз а в а Т ё с у к е. Ук. соч., табл. 94.

⁶ S. Suqichaga and M. Tosa wa. Preceramic Age in Japan. «Acta asiatica», Токуо. 1960.

⁷ Н. Н. Диков. Открытие палеолита на Камчатке. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Баку, 1965, стр. 47.

⁸ С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 288, 289.

⁹ Luis Garsia, Pericot. La cueva del Parpalló (Gandia). Madrid, 1942.

очагом из крупных камней и со столбами, поддерживающими кровлю, следы которых в виде ямок выявлены как в середине (вокруг очага), так и вдоль стен (рис. 5, 1).

В очаге жилища скопился мощный слой золы и угля с мелкими обожженными остатками костей различных животных, птиц, рыб. Вся эта углисто-зольная масса образует три отличающихся по плотности и составу фракции. А с внешней стороны очага, под камнем, прилегающим снаружи к очажному кольцу, четко видны семь тонких углистых прослоек, разделенных тонкими стерильными прослойками серо-желтого суглинка. В этом чередовании углистых и стерильных прослоек — бесспорное свидетельство определенной периодичности обитания людей в жилище.

Жилище 2, на западном приподнятом краю той же Первой стоянки, на глубине 70—90 см в основании серовато-желтого суглинка, заменяющего здесь вследствие приподнятости скалистого цоколя террасы слой 15—37. Жилище было, очевидно, целиком наземным в виде шатра или чума с большим многосекционным каменным очагом. К сожалению, уцелела только часть этого жилища, остальное смыто, и поэтому можно только предполагать, что оно имело округлые очертания и было не менее 4—5 м в поперечнике (рис. 5, 2).

С юго-восточной стороны от этого жилища сохранилась очажная ямка чашевидной формы диаметром 60 см, заполненная угольками, пережженными осколками костей, каменными отщепами и некоторыми другими орудиями.

Жилище 3, на юго-западной стороне Первой стоянки. Жилище наземное, очевидно, такое же, как и предыдущее. От него сохранился только очаг, сложенный из камней, и незначительные следы углистой прослойки вокруг (рис. 5, 3).

Жилище 4, рядом с остатками жилища 3 с юго-западной стороны. От этого наземного жилища типа шатра или чума сохранилось углистое пятно неправильных очертаний площадью в 12 м². Вход был, очевидно, в виде коридора, с юго-западной стороны. Посредине находились следы очага в виде округлого в плане скопления золы и угольков и нескольких горелых (около 15 см в поперечнике) камней (рис. 5, 4).

Жилище 5, на Четвертой стоянке. Подобно предыдущему представляло собой целиком наземное сооружение округлых очертаний в плане, более 5 м в поперечнике. Очажное пятно (без камней), около 70 см в поперечнике, находилось не в центре жилища, а несколько ближе к его северному краю (рис. 5, 5).

Жилище 6, на Четвертой стоянке, в 30 м к северо-востоку от жилища 5. Представляет собой слегка углубленную (на 25—30 см) сравнительно небольшую (4 м в поперечнике) полужемлянку округлых очертаний в плане, с кольцевым очагом из камней в середине. Не исключено, что вход был с северо-западной стороны, разрушенной сезонными наводнениями. Пол этого жилища двуслойный, и в каждом слое имеется свой каменный очаг. Верхний углистый слой пола отделяется от нижнего стерильной прослойкой супеси (10—20 см толщиной), соответствующей, ко-

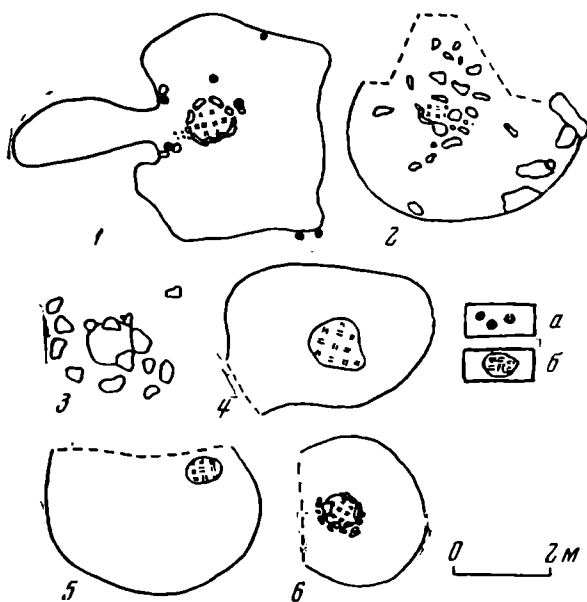

Рис. 5. Планы палеолитических жилищ
а — ямки от столбов; б — очажное пятно

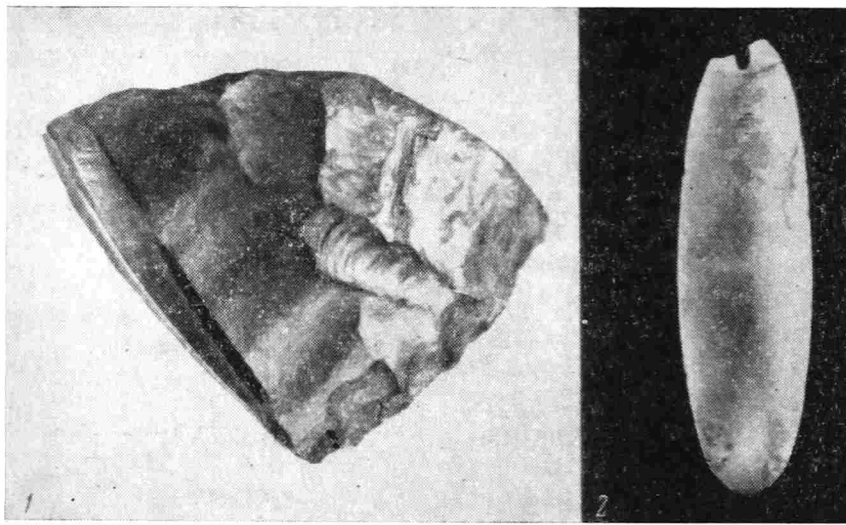

Рис. 6

1 — кремневый клиновидный нуклеус из жилища 3; 2 — стеатитовая подвеска из жилища 3

нечно, относительно длительному перерыву в заселении жилища, — не менее, чем в несколько лет. Более частые и многочисленные углистые прослойки, зафиксированные по краям очага, соответствуют, очевидно, сезонному ритму обитания (рис. 5, 6).

Жилище 7, на стоянке Ушкп-2. Его остатки, почти начисто разрушенные паводковыми водами, весьма неопределенные. Выявлены четыре маленькие ямки 15—25 см в поперечнике, возможно от столбов, следы костра и довольно значительное количество каменных изделий и отщепов вокруг него.

Во всех жилищах пол представлял собой более или менее интенсивное углистое пятно, постепенно сходящее на нет к периферии.

Кроме оставленных или потерянных готовых каменных изделий, на полу каждого из жилищ всегда разбросаны многочисленные отходы производства: отщепы, осколки, точильные камни, следы костей съеденных животных, комки охры.

Весь каменный инвентарь из жилищ и вообще из слоев V, V-a и VI распадается на четыре основных группы.

В первую, наиболее характерную, группу входят клиновидные нуклеусы, или «нуклеусы-скребки», некоторые из них продолговатые гобийского типа (рис. 6, 1; 7, 4, 5; 8, 7, 14, 15) вместе со сколотыми с них микропластинками (рис. 7, 6—8). Изделия этого рода широко распространены в позднем палеолите от Енисея до Японии, встречаются они и в Арктической Америке, причем наиболее древние из них обнаружены там на о. Анангула, на восточном краю алеутской цепи островов, а также на стоянке Хилли-Лейк на Аляске¹⁰.

К этой группе изделий примыкают и так называемые лыжеподобные сколы (рис. 7, 9, 10; 8, 9, 10), снятые с ударной площадки длинных клиновидных нуклеусов с целью ее оживления. Эти довольно часто встречающиеся весьма специфические сколы типичны для докерамических культур Японии¹¹.

¹⁰ Н. Н. Диков. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных. ИКНСДВ, 8, Магадан, 1964; W. Laughlin. Eskimos and Aleuts: Their Origins and Evolution. «Science», 142, 3513, 1963; D. D. Anderson. Akmak: an Early Archaeological Assemblage from Onion Portage, Alaska. Braun University, 43, 1967, рис. 15; R. A. McKeenan, J. P. Cook. Prehistory of Healy Lake, Alaska. VIII, International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Tokyo — Kyoto, 1968.

¹¹ H. Befu and C. Chard. Preceramic Cultures in Japan. American anthropologist, 62, 5, October, 1960.

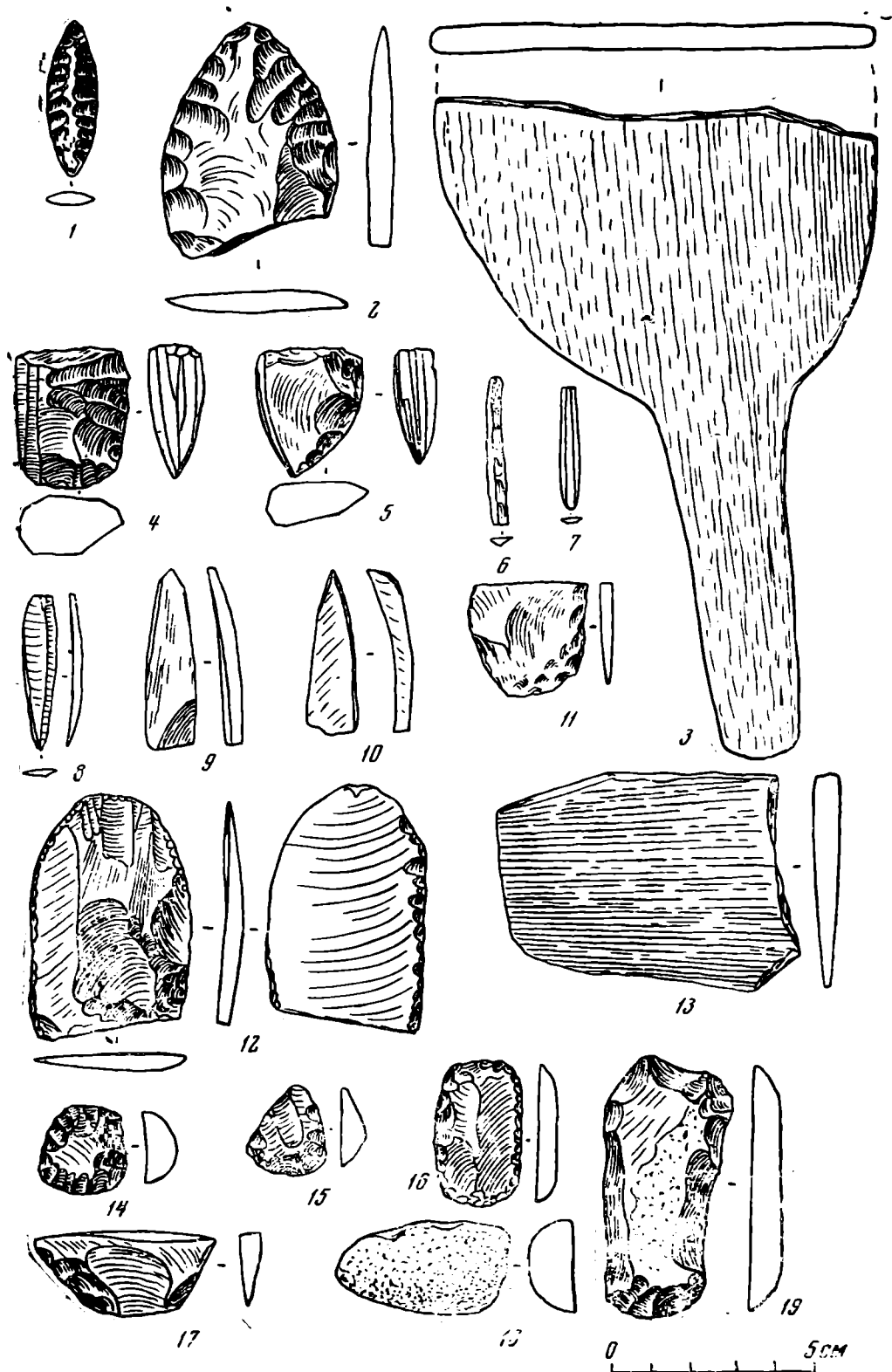

Рис. 7. Каменные и костяное (3) изделия из жилища 1 на Каменном мысе

Вторую группу составляют наконечники стрел листовидной продолговатой формы, оформленные двусторонней отжимной ретушью (рис. 8, 1—6). Они имеют много общего с наконечниками докерамической культуры Уэнодайра на о. Хонсю¹² и с некоторыми разновидностями наконечников типа «лерма» древнекордильерской традиции в Северо-Западной Америке¹³. Наиболее полное сходство они имеют с наконечниками со

¹² S. Sugichara and M. Tosawa. Ук. соч., рис. 3, 17—32.

¹³ R. B. Butler. The Old Cordilleran Culture in the Pacific Northwest. «Occasional Papers in the Idaho State Museum», 5, Pocatello, 1961.

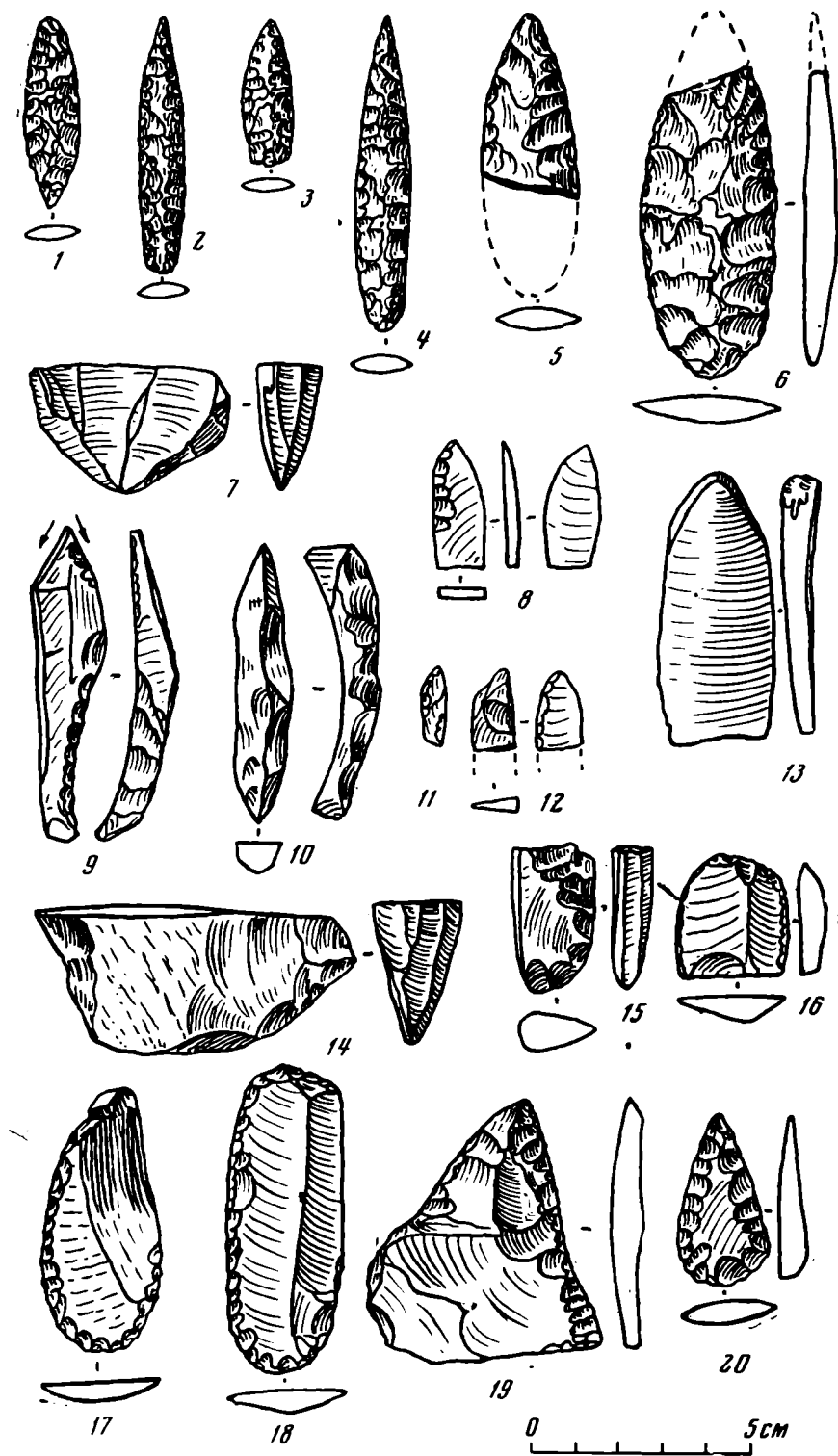

Рис. 8. Каменные изделия из V и VI слоев Ушковских стоянок 1, 2 и 4.

стоянки Хилли-Лейк на Аляске¹⁴. Вместе с тем довольно близкие по форме лавролистные двусторонне обработанные наконечники давно известны в позднем палеолите или раннем мезолите Забайкалья (Батайская яма)¹⁵, Прибайкалья (Верхоленская гора)¹⁶, хотя там они несколько иных очертаний.

¹⁴ R. A. McKennan, J. P. Cook. Ук. соч.

¹⁵ А. Р. Okladnikov. Paleolithic Sites in Trans-Baikal. Asian Perspectives, 1960, IV, 1—2, Hong-Kong, 1961, рис. 6.

¹⁶ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 587—589, рис. 298, 4; М. П. Аксенов. Археологические исследования на многослойном памятнике Верхоленская гора в 1963—1965 гг. «Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг.». Иркутск, 1966, стр. 9—11.

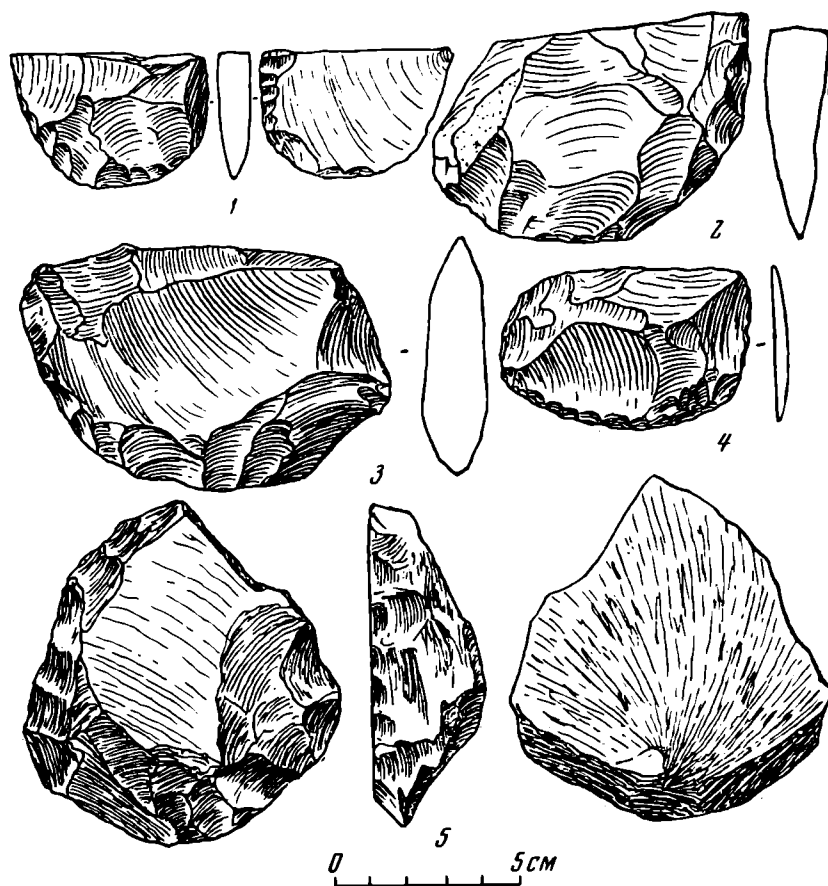

Рис. 9. Каменные скребла-ножи и скребла со стоянок 1 и 4

Третья, самая обширная группа изделий состоит из ножей разных типов. Это и обработанные двусторонней отжимной техникой листовидные (рис. 7, 2; 8, 6; 10, 1, 2), и «полулунные» ножи с овальным лезвием (рис. 9, 1, 2), схожие с ножами Верхоленской горы¹⁷, и ножи на тонких и широких пластинчатых отщепах — остроконечные и закругленные (рис. 7, 12; 8, 19), и весьма необычные для сибирского палеолита ножи в виде ретушированных по краю плиток глинистого сланца (рис. 7, 13).

Четвертую группу образуют скребла-ножи (рис. 9, 3, 4) и скребки разных типов: концевые на длинных пластинах (рис. 7, 17, 18), а также маленькие и короткие (рис. 8, 16) двусторонние скребки (рис. 7, 16, 19) и, наконец, миниатюрные округлые, треугольные и трапециевидные (рис. 7, 14, 15). Большая часть их находит аналогии в южно-сибирском позднем палеолите и даже в таких отдаленных, но связанных с ним памятниках, как стоянка Талицкого в Прикамье¹⁸.

Наконец, к пятой группе относятся грубые ударные орудия, небрежно оформленные, зачастую трудно отличимые от грубых нуклеусов (рис. 10, 3) и массивные скребловидные отщепы (рис. 9, 5).

Весь этот набор изделий, составляющих единый комплекс культурных слоев V, V-а и VI, сделан из самых различных пород камня, но преимущественно из серого и зеленого кремнистого сланца, бурого и желтого кремня, халцедона, вулканического туфа, различных разновидностей обсидиана, базальта и глинистого сланца. Особо мягкие породы камня вроде стеатита шли на изготовление подвесок-украшений. Одна из них, грибо-

¹⁷ Г. И. Медведев. Место культуры Верхоленской горы и археологическая периодизация Прибайкалья. ВИСДВ, Новосибирск, 1961, рис. 3, 24; М. П. Аksenov. Ук. соч., рис. 6, 2: 10, 11.

¹⁸ О. Н. Бадер. Палеолит Урала и его место в древнейшей истории Евразии. «Четвертичный период и его история». М., 1965, стр. 135—139, рис. 2.

видной формы, другая, овальная (рис. 6, 2), были найдены среди остатков жилища № 3.

Отмеченные выше типологические аналогии отдельным компонентам комплекса находок из V—VI слоев отнюдь не свидетельствуют о его сходстве с той или иной упомянутой культурой в целом. Данный камчатский верхнеплейстоценовый комплекс, вероятно, является своеобразным порождением длительного местного развития и поэтому не находит себе полного тождества ни в одной из окружающих его культур: ни на Алдане, ни в других более западных районах Сибири, ни в Японии. Ему почти совсем чужда техника скалывания пластин от призматических нуклеусов, крайне редки в нем и резцы. Можно говорить об его относительном сходстве с этими культурами лишь в отдельных чертах, хотя в целом он тяготеет все же больше к южносибирскому позднему палеолиту и раннему мезолиту, чем к японским докерамическим индустриям. Именно южносибирские аналогии имеют для него наиболее определенное датирующее значение. Близкое сходство его во многих отношениях с такими памятниками, как Кокорево III на Енисее и стоянка Федяево на Ангаре, относящимися к самому концу сартанского оледенения¹⁹, позволяет отнести к этому времени зафиксированный V—VI слоями Ушковских стоянок заключительный этап развития камчатского палеолита. Это хорошо согласуется с палинологическими данными Ушковского разреза и с радиоуглеродной датировкой V слоя — $10\,360 \pm 350$ лет (Mo 345)²⁰. Вместе с тем это заставляет сомневаться в совершенно парадоксальном результате определения возраста другого образца угля из VI слоя в $21\,100 \pm 900$ лет (ГИН-186).

Рассмотренные нами здесь два верхнеплейстоценовых культурных комплекса охватывают в общей сложности последние 4—5 тысяч лет ледниковой эпохи. Несмотря на отличия в типах жилья, метательных наконечников (сначала черешковые, а потом узкие листовидные) и вообще в технике, оба они не только по хронологическому положению, но и по характеру каменной индустрии типично палеолитические в том понимании, какое сложилось о палеолите Северной Азии.

Так же, как и у позднепалеолитического населения Южной Сибири, основой жизни обитателей Ушковских палеолитических становищ было не только рыболовство, ради которого они, очевидно, и поселились на берегу самого рыбного не замерзающего озера, но также и охота. Скорее всего они охотились уже с помощью метательных стрел на сравнительно небольших животных вроде северного оленя. Для их каменного инвентаря

¹⁹ З. А. Абрамова. О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея. СА, 1966, 3, стр. 15, 16.

²⁰ А. П. Виноградов, А. Л. Девирц, Э. И. Добкина, Н. Г. Маркова. Определение абсолютного возраста по С¹⁴. Сообщение 5, «Геохимия», 1966, 10.

характерно типичное для сибирского палеолита сочетание крупных и грубых ударных и скребловидных изделий с тонкими микролитическими пластинками. Им были известны весьма тонкие, можно сказать ювелирные, приемы обработки мягкого камня, из которого они искусно выделывали бусы, бисер, подвески для украшения своей одежды.

Для того чтобы выяснить происхождение камчатского палеолита, необходимо представить прежде всего тот широкий палеогеографический фон, в условиях которого он развивался. Затем надо учесть и роль в возникновении этой культуры, процесса первоначального заселения человеком обширных земель Северо-Восточной Азии и Америки, который, конечно, не мог так или иначе не затронуть Камчатку.

В эпоху максимального развития последнего оледенения, которое совпало со временем максимальной, так называемой гримальдийской, регрессией Мирового океана, Камчатка входила в обширную приледниковую зону, протянувшуюся от Северной Европы через всю Сибирь к Северной Америке (рис. 11). С последней она была тесно связана широким тысячекilометровым мостом суши на месте нынешнего Беринговского и Чукотского морей. Более удобная, чем теперь, прямая сухопутная связь осуществлялась тогда и по северному краю нынешнего Охотского моря между Амуром, Сахалином и Японскими островами с одной стороны и с Камчаткой — с другой²¹. Единство этой обширной, не разделенной как теперь морями, приледниковой территории было, однако, относительным. Расчлененность его горами, покрытыми ледниками, создавала условия для изоляции отдельных групп населения и культур уже в палеолите, а их первоначальный оседлый характер во многом этому способствовал. Способствовал этому и сам характер перемещений населения, которые, как нам уже приходилось отмечать²², в то время всегда были чрезвычайно медленными и неосознанными. Первоначальное заселение Камчатки в этих условиях должно было проходить из областей, лежащих где-то к юго-западу от Охотского моря, через сушу, которая тогда была на его месте. Медленное распространение людей оттуда на северо-восток — на Камчатку, Чукотку и далее по Беринговой суше — привело в конечном счете к заселению Америки.

Сначала была заселена Аляска. Несколько позднее, когда ненадолго образовался коридор между лаврентьевским и кордильерским ледниковыми щитами, люди проникли по нему и на юг Северной Америки. Возможно, что они распространились в этом направлении еще тогда, когда этот коридор был не сквозным, и, таким образом, первым землепроходцам Америки пришлось преодолеть перемычку материкового льда. Короче говоря, мы возвращаемся к ранее высказанному нами предположению о проникновении человека в Америку тогда, когда вход в нее был весьма затруднен и людям приходилось преодолевать для этого сам ледник. Северо-Американский ледник сыграл, согласно этой гипотезе, роль своего рода клапана: оказавшись за его южной стороной, люди уже не могли да и не хотели выбраться обратно на север и, находясь в длительной изоляции, выработали там совершенно оригинальные культуры наконечников сандия, клонис, фолсом²³.

При таких трудных условиях переселения в заледниковую Америку туда могла проникнуть, вероятнее всего, только незначительная группа

²¹ D. M. Hopkins. Cenozoic History of the Bering Sea Land Bridge. «Science», 129, 3362, 1959; Р. Флинт. Ледники и палеогеография плейстоцена. М., 1963; Д. В. Наливкин. Яркая страница в геологической истории Азии. «Природа», 8, 1960; T. L. Rewe, D. M. Hopkins, J. L. Giddings. The Quaternary Geology and Archaeology of Alaska. «The Quaternary of the United States». Princeton, New Jersey, 1965, стр. 355—374; Mishimura Saburo. Origin of the Japan Sea as Viewed from the Evolution and Distribution of Marine Fauna. II. Тпкю Караку, 1964, 75; Ю. Г. Решетов. Природа земли и происхождение человека. М., 1966, стр. 348.

²² Н. Н. Диков. Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения. «Записки Чукотского краеведческого музея», I, Магадан, 1958, стр. 6.

²³ Н. Н. Диков. По следам древних костров. Магадан, 1960, стр. 6, 7.

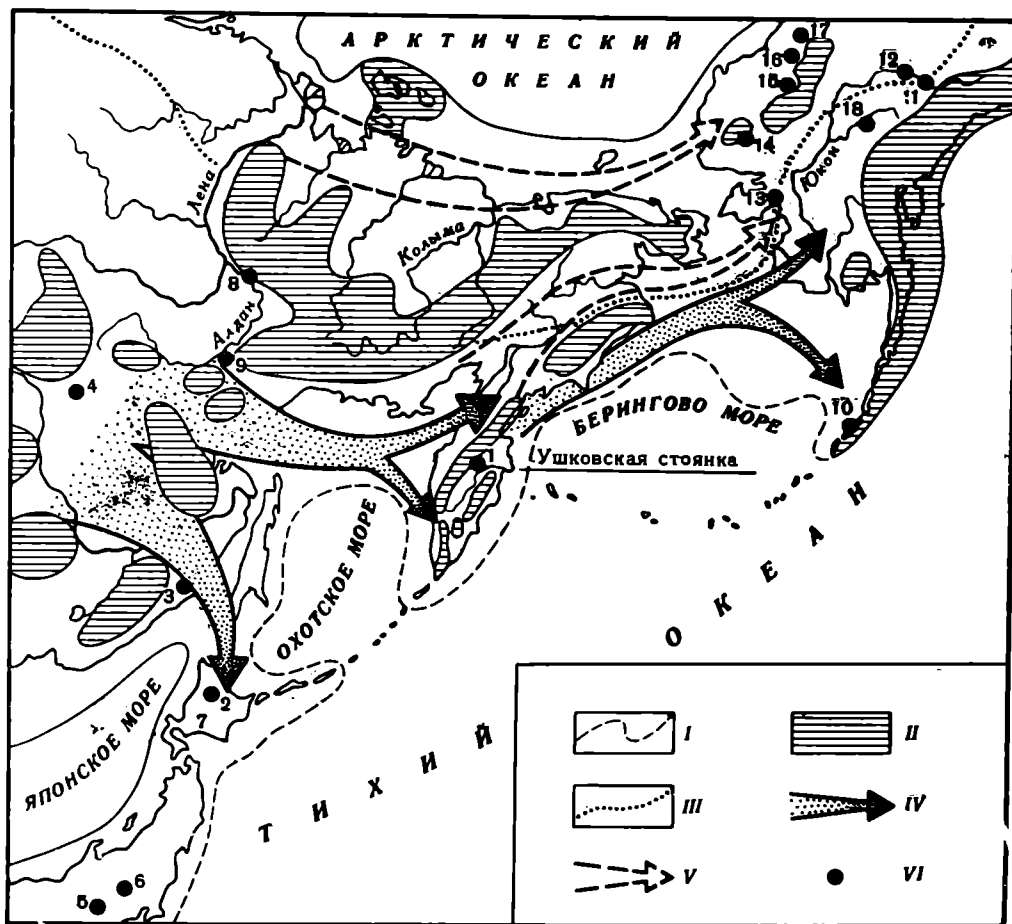

Рис. 11. Схема распространения культуры в верхнем палеолите во время гримальдийской регрессии океана (палеогеографическая основа по Д. М. Гопкинсу, В. И. Громову, Д. В. Наливкину, Г. Л. Пейве, Мисмуро Сабуро, С. В. Томпрдиаро, Ю. Г. Решетову)

I — контуры древней суши; *II* — оледенения; *III* — граница между арктической флорой и тайгой; *IV* — археологически подтвержденное направление распространения верхнепалеолитической культуры; *V* — предполагаемые направления распространения верхнепалеолитической культуры; *VI* — палеолитические и мезолитические стоянки (1 — Ушковские, 2 — Сиратаки, 3 — Устиновка, 4 — Филимошки, 5 — Уэнодайра, 6 — Такси, 7 — Тачикава, 8 — Ихине, 9 — Дюктайская пещера, 10 — Клюэн, 11 — стоянка на р. Пелли, 12 — стоянка у Даусона, 13 — Палисады, 14 — Оний-Портедж, 15 — Когрук, 16 — Первая Анактувук, 17 — Бри-тиш-Маунтен, 18 — Хилли-Лейк)

населения. И то, что так именно и было, подтверждают исследования групп крови, осуществленные Г. Ф. Дебецом, на основании которых он тоже пришел к заключению о происхождении коренного населения Америки от какой-то одной небольшой группы населения²⁴.

Рост населения вызывал его распространение из того же района, лежащего к юго-западу от Охотского моря (вероятно, со стороны Приморья), и в юго-восточном направлении по сухопутному мосту через Сахалин на Хоккайдо и далее на юг Японских островов²⁵. Интересно, что и там люди оказались в примерно таких же условиях изоляции, как и в ледниковой Америке. Правда, эта изоляция была вызвана другими причинами (образованием проливов) и наступила позднее — в начале голоцена. Но результат был таким же: распространяясь на юг в теплые области, люди развили культуру метательных наконечников типа Уэнодайра и Тачикава (наибо-

²⁴ Г. Ф. Дебец. Антропология Сибири и проблема заселения Америки. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов и сообщений). Иркутск, 1960.

²⁵ Не исключено, что одновременно или даже значительно раньше Японские острова заселялись и с юга по другому ледниковому сухопутному мосту со стороны Южной Кореи. В этом отношении заслуживает внимания гипотеза Фумико Икавы, доложенная на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио в 1968 г.

лее древние их образцы датируются в 15 000 лет²⁶, и с тех пор в отличие от Южной Сибири, где такие наконечники в эту пору нетипичны и известны только на позднепалеолитической или раннемезолитической стоянке Верховенская гора и в Забайкалье²⁷, в Японии они продолжают бытовать вплоть до неолита и позднее.

Проблема происхождения самых древних японских наконечников еще не решена. Можно выдвинуть гипотезу их привнесения с северо-запада, со стороны Приморья, где в последние годы открыты и исследованы культуры типа Тадушинской (Устиновка). Их исследователь А. П. Окладников рассматривает эти древнейшие приморские культуры как исходную базу возникновения древнейших докерамических культур Японии²⁸. В таком случае и камчатские палеолитические наконечники происходят от той же пока еще во многом проблематичной культуры Приморско-Амурской области и имеют, таким образом, общий с японскими источник происхождения. Однако не совсем исключено, что они были изобретены на Японских островах и появились оттуда на Камчатке благодаря более поздней диффузии. Как бы то ни было, эти распространившиеся в Японии и на Камчатке позднепалеолитические наконечники придают этим культурным областям черты своеобразия, выделяя южные дальневосточные территории, включая Забайкалье, из североазиатской культурной зоны в качестве особой культурной подзоны.

Другие признаки свидетельствуют о дальнейшей локальной дифференциации последней, говорят, в частности, о том, что на Камчатке палеолит отличается заметным своеобразием и по сравнению с японскими одновременными ему докерамическими культурами. На Камчатке, в отличие от Японии, весьма слабо развита палеолитическая индустрия пластин, и, как следствие этого, там почти нет резцов, подобных японским. Своеобразие камчатского палеолита и в том, что там в ходу сланцевые ножи (в слое VI). Своеобразие Камчатской палеолитической культуры обусловлено ее тушиковым географическим положением (в миниатюре это Америка или Япония), труднодоступностью этого района, древней заселенностью (очевидно, с гримальдийского времени), относительной оседлостью его населения.

Похоже, что дальнейшее изучение палеолита Сибири приведет к выделению все новых и новых его локальных вариантов. На Енисее и Ангаре эта работа уже проделана З. А. Абрамовой, где ею уже выявлен ряд локальных культур²⁹. Особая позднепалеолитическая культура — сумнагинская (голоценового возраста) обнаружена на Алдане³⁰. Нами открыта ушковская на Камчатке. И дальше к востоку, в Северной Америке, уже исследовано несколько восходящих к палеолитическому времени локальных культурных традиций: на о. Анангула в цепи Алеутских островов и на р. Кобук (стоянка Онион-Портедж), древнекордильерская традиция, традиция Бритиш-Маунтен на севере Аляски (с такими местонахождениями, как Когрук, Палисады, слой Бритиш-Маунтен в Энгигшиаке, а также Хилли-Лейк на Аляске³¹).

²⁶ S. Sugichara and M. Tosawa. Ук. соч.; R. Morlan. The Preceramic Period of Hokkaido an Outline. «Arctic anthropology», IV, 1, 1967.

²⁷ А. П. Окладников. Ук. соч.

²⁸ А. П. Окладников. Древнее поселение на р. Тадуши у дер. Устиновки и проблема Дальневосточного мезолита (в связи с раскопками 1964 г.) Четвертичный период Сибири, М., 1966.

²⁹ З. А. Абрамова. О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея. СА, 1966, 3.

³⁰ Ю. А. Мочанов. Палеолит Алдана (предварительное сообщение). Сб. научных статей, IV. Якутск, 1966.

³¹ W. N. Irving. A Provisional Comparison of some Alaskan and Asian Stone Industries. Prehistoric Cultural Relations between the Arctic and Temperate Zones of North America. Arctic Institute of North America «Technical Paper», II, 1962; R. S. MacNeish. Investigations in Southwest Yukon. «Archaeological Excavations, Comparisons and Speculations», 62, 2, 1964; R. McKennan, J. P. Cook, Ук. соч.; D. D. Anderson. Ук. соч.

Все эти культуры настолько отличны друг от друга в целом, что черты их сходства далеко не всегда объясняются их этническим родством. Чаще всего, очевидно, наличие в них отдельных сходных элементов (наконечники, «гобийские нуклеусы», резцы) является результатом обычной в конце палеолита диффузии³². При этом сходные элементы распространяются за пределы различных культур, например, наконечники типа «лерма» проникают в пределы древней кордильерской культуры, которая не знает, однако, клиновидных нуклеусов, а клиновидные нуклеусы — в область северо-западной традиции микропластинок, куда не распространяются эти наконечники. Так что чаще можно говорить об общей направленности этой диффузии на северо-восток, в Америку, а в некоторых случаях, возможно, и обратно, и реже — об определенной генетической связи целых культурных комплексов.

Конец палеолита на Камчатке ознаменован выселением или вымиранием населения, оставившего следы своего обитания в VII—V слоях Ушковской стоянки. В вышележащих слоях этого памятника обнаружены совсем иные культуры, генетически не связанные с палеолитом. Полностью исчезают клиновидные и появляются призматические нуклеусы, прежние плоские и узкие листовидные наконечники сменяются наконечниками иных форм — ромбического и треугольного сечения, начинается абсолютное господство техники ножевидных пластин.

Что случилось с палеолитическими обитателями Камчатки? Вымерли ли они от голода и эпидемий, подобно юкагирам XVIII в., или они вымерли вследствие изменения экологической обстановки при переходе от ледникового времени к голоцену? Или успели уйти в Америку по остаткам Беринговской суши — ее южный край существовал, как предполагается, еще в начале голоцена³³. Такой уход вероятен, так как на Камчатке (во всяком случае, на Ушках) палеолит кончается сравнительно рано, 10 000 лет назад — значительно раньше, чем на Алдане, где он в трансформированном виде голоценовой сумнагинской культуры длился до V тысячелетия до н. э., вероятно, действительно дольше, чем в других местах Сибири.

Новая камчатская культура, сменившая палеолитическую, характеризуется обилием больших пластин, резцами и двусторонними наконечниками с сужающимся черешком и ромбическим сечением. Вероятно, у нее, так же как и у палеолитической культуры, общий источник к юго-западу от Охотского моря, где еще в неолите в IV—III тысячелетии до н. э. сохранились остатки так называемой новопетровской культуры пластин³⁴. Весь комплекс признаков послепалеолитической камчатской культуры никак не связан с известным там палеолитом и свидетельствует о каких-то резких изменениях на этнической карте Северо-Востока в послепалеолитическое время. Полметра пустой супеси скрывают от нас по меньшей мере два тысячелетия немой истории этого переходного периода. Судя по характеру соседних культур, в частности сумнагинской на Алдане, в это время на северо-востоке Азии широко внедрялась техника ножевидных пластин и резцов. Возможно, в этом техническом субстрате продолжают еще жить технические традиции, проникающие со стороны о-вов Хоккайдо и Сахалина еще в начале голоцена, когда эти острова, а с ними и Японские соединялись с материком.

Но все же решающими и определяющими теперь должны были стать контакты Камчатки через ее северные границы. В начале голоцена Охотское море приобретает свои нынешние очертания, залив Шелехова напол-

³² Г. П. Григорьев. Миграции, автохтонное развитие и диффузия в эпоху верхнего палеолита. VII МКАЭН, М., 1964.

³³ Д. В. Наливкин. Яркая страница геологической истории Азии. «Природа», 1960, 8.

³⁴ А. П. Окладников. Археология долины реки Зеи и среднего Амура. СА, 1966, 1; А. П. Деревянко. Новопетровская культура (культура пластин) на среднем Амуре. СА, 1965, 3.

няется водой и теперь единственной связью Камчатского полуострова с материком становится узкий перешеек на севере. Дорога на Камчатку из Сибири и южных областей советского Дальнего Востока идет отныне только через Чукотку. Камчатский полуостров становится на некоторое время своего рода резервуаром влияний, идущих преимущественно только со стороны Чукотки. В результате ли переселения племен или диффузии одних только вещей в культурный комплекс послепалеолитической Камчатки проникают северные элементы (ромбические, а затем и треугольного сечения наконечники стрел)? Более южные же влияния на культуру Камчатки начинают носить спорадический характер. Теперь они переносятся туда только через Курильские острова и потому находятся в прямой зависимости от степени развития мореходных средств.

Таким образом, в голоцене при переходе от палеолита к неолиту для Камчатки наступает резкий перелом в ориентации и связях ее культуры. Отныне ее исторические судьбы еще теснее смыкаются с историческим развитием Сибири, органической частью которой она является.

N. N. Dikov

LE PALEOLITHIQUE SUPERIEUR DE LA KAMTCHATKA

Résumé

Institut complexe Nord-Est de recherches scientifique, section sibérienne de l'Académie des Sciences de l'URSS Magadan.

Les traces du paléolithique supérieur sont explorés au centre de la presqu'île de Kamtchatka sur le bord du lac «Ouchkovskoiè» qu'un étroit dégorgeant réunit à la rivière, de Kamtchatka. Elles coïncident avec la partie inférieure, de pleistocène, du dépôt qui se trouve dans la terrasse de quatre mètres, ayant l'âge de Sartan. Elles sont recouvertes au-dessus par des couches culturelles holocénées mésolithiques et néolithiques.

La couche VII est reportée à la première étape, la plus ancienne. On y a trouvé des traces de sépulture et d'une station temporaire, dans laquelle ont été découverts douze traces de bûches, des pointes de flèches en pierre, avec entes et des éclats. L'âge de cet ensemble est de 14300 ± 200 ans.

Les couches V et VI se rapportent à la deuxième étape. Elles sont creusées sur une superficie de 654 mètres carrés sur trois stations: «Ouchki I», «Ouchki II», «Ouchki III». Là ont été récoltés non seulement des traces de bûches isolées, mais aussi des restes de sept habitations diverses. Les pointes de lances sont ici foliformes et travaillées de deux côtés.

Les données paléontologiques datent cette étape du paléolithique de la Kamtchatka de la fin même du pleistocène. La date radiocarbone est de 10360 ± 360 ans.

Л. М. ЛИТОВЧЕНКО

ТЕЛЬМАНСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА (II культурный слой)

Развитие представлений о хронологической последовательности памятников и в связи с этим углубление понимания процесса развития первобытной культуры в Восточной Европе тесно связано с успехами изучения палеолита в Костенках. Открытие и исследование многослойных стоянок в центре Русской равнины, и особенно пятислойной Тельманской стоянки (Костенки VIII), сопровождалось острой дискуссией, в результате которой и в связи с общими послевоенными успехами исследований палеолита в Европе в сознании исследователей укоренился конкретно-исторический подход к изучению палеолита¹.

В результате послевоенных исследований Тельманской стоянки под руководством А. Н. Рогачева накопился большой материал, характеризующий разные стороны жизни и культуры древнейшего населения нашей страны. Под верхним культурным слоем, который П. П. Ефименко в свое время характеризовал как памятник с кремневым инвентарем самой начальной поры верхнего палеолита, на большой глубине были обнаружены четыре значительно более древних культурных слоя (Ia, II, III и IV) с типичным верхнепалеолитическим инвентарем.

Наиболее широко исследован за последние годы второй культурный слой Тельманской стоянки. В этом слое были вскрыты остатки верхнепалеолитического поселка из пяти жилищ. Жилища имели округлую или овальную форму, были очень незначительно углублены в суглинок и имели по одному очагу в центре. Границы жилищ прослеживались по границам скопления культурных остатков, представленных большим количеством расщепленного кремня, в том числе и готовыми орудиями из кремня; костяными поделками и мелкими обломками и осколками костей животных;

¹ Первоначальный спор исследователя Тельманской стоянки П. П. Ефименко с С. Н. Замiatным и П. И. Борисовским о датировке верхнего слоя этого памятника (П. П. Ефименко. Новая палеолитическая стоянка в Костенках. БКИЧП, 6—7, 1940, стр. 46—48, 129) вскоре перерос в дискуссию об «ориньякском» или «солютрейском» начале в развитии верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе (П. И. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. Материалы по четвертичному периоду СССР. 2. 1950, стр. 85; П. И. Борисовский. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины. МИА, 59, 1957, стр. 180—181). Открытие второго культурного слоя рассматривалось П. И. Борисовским как подтверждение точки зрения универсальности французской схемы эпох верхнего палеолита, согласно которой ориньяк, солютре, мадлен и азиль рассматривались в качестве всеобщих ступеней развития техники обработки кремня (П. И. Борисовский. Палеолит Украины. МИА, 40, 1953, стр. 396—398, 403). С новой точки зрения по этому вопросу выступил А. Н. Рогачев, которому удалось доказать глубокую древность памятников костенковско-стрелецкой культуры, установить ее сосуществование с другими своеобразными культурами и вместе с тем развить и расширить выводы В. А. Городцова об этнографических особенностях верхнепалеолитических культур и своеобразии процесса развития культуры в эпоху верхнего палеолита в отдельных регионах Европы (А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону..., МИА, 59, 1957, стр. 118—134).

большим количеством костного и древесного угля и мелкими кусочками охры.

Время этого поселения определяется его достаточно ясным геологическим и стратиграфическим положением внутри стоянок Костенковско-Боршевского района палеолитических местонахождений. Это время А. Н. Рогачевым определяется в общих чертах средней порой эпохи верхнего палеолита². Мы хорошо знаем серию более поздних памятников мадленского времени. С другой стороны, известны и более древние памятники ориньякского времени, в частности третий и четвертый культурные слои Тельманской стоянки.

В настоящей работе описывается и анализируется кремневый инвентарь второго культурного слоя Тельманской стоянки, изучение которого в свете успехов изучения палеолита в Центральной и Западной Европе позволяет шире и глубже рассмотреть как вопросы о датировке этого многослойного памятника, так и его значение в освещении важных проблем развития верхнепалеолитической культуры на Русской равнине и вообще в Европе.

Кремневый инвентарь этого поселения богат и поражает своеобразием, а также высокой техникой расщепления и вторичной обработки кремня. Для изготовления орудий использовали черный меловой кремень с легким

Таблица 1

Жилище	Расщепленный кремний, кварцит, сланец, обсидиан, шт.	Орудия (в шт. и % от общего количества расщепленного материала на поселении и по жилищам)	Расщепленный кремний без вторичной обработки, шт.	Расщепленный кварцит без вторичной обработки, шт.	Расщепленный сланец без вторичной обработки, шт.	Расщепленный обсидиан без вторичной обработки, шт.
Всего на поселении	22340	2061 9,2	20143	112	23	—
Северное	6074	619 10,2	5421	15	19	—
Южное	9470	755 8,0	8711	3	—	1
Юго-восточное	2001	236 11,8	1746	18	1	—
Восточное	1994	248 12,4	1744	2	—	—
Западное*	2801	203 7,3	2521	74	3	—

* Западное жилище вскрыто не полностью.

налетом голубоватой патины. Такого кремня не было ни в верхних, ни в нижних культурных слоях Тельманской стоянки. Следует отметить, что как заготовки, так и сами орудия, обнаруженные на поселении, за редким исключением, отличаются небольшими размерами.

Характерной особенностью этого кремневого инвентаря является то, что самую многочисленную группу орудий составляют микроострия с притупленным ретушью краем и что при наличии большого количества разнообразных резцов здесь встречено очень мало скребков.

Ввиду полной идентичности кремневого инвентаря, собранного на территории поселения, состоящего из остатков пяти жилищ, описание его дается в целом, а количественная характеристика по отдельным жилищам дается в приводимых ниже таблицах.

² А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону..., стр. 123.

Таблица II

Типы орудий	Всего на поселении, шт. и % от общего количества орудий	Орудия по жилищам, шт. и % от общего количества орудий для каждого жилища				
		северное	южное	юго-восточное	восточное	западное
Скрепки	51 2,5%	10 1,6%	15 2,0%	14 5,9%	6 2,4%	6 3,0%
Концевые	45	8	13	13	6	5
на пластинах	36	7	8	11	6	4
на отщепах	9	1	5	2	—	1
Высокой формы	2	—	1	1	—	—
Овальные на отщепах	4	2	1	—	—	1
Резцы	497 24,1%	89 14,4%	166 22,0%	61 25,8%	83 33,3%	98 48,3%
Боковые	169	24	55	31	36	23
косо ретушированные	82	17	22	14	17	12
прямо ретушированные	53	5	19	13	10	6
рабочий край образован косым резцовым сколом и ретушированным краем пластины	21	1	13	2	4	1
на отщепах	13	1	1	2	5	4
Угловые	171	20	66	15	21	49
на углу сломанных пластин	151	17	56	14	21	43
рабочий край образован косым резцовым сколом и краем пластины	11	3	7	—	—	1
на углу сломанных отщепов	9	—	3	1	—	5
Срединные	61	12	19	9	9	12
простые	23	5	5	3	6	4
на углу пластины	33	7	12	4	3	7
на отщепах	5	—	2	2	—	1
Срединные многофасеточные	53	21	15	4	7	6
простые	43	18	15	2	6	2
на углу пластины	8	2	—	2	—	4
на отщепах	2	1	—	—	1	—
Комбинированные	43	12	11	2	10	8
боковые угловые	18	7	3	1	5	2
боковые срединные	13	1	5	1	4	2
угловые срединные	8	—	3	—	1	4
угловые срединные многофасеточные	3	3	—	—	—	—
боковые срединные многофасеточные	1	1	—	—	—	—
Проколки	25 1,2%	3 0,5%	8 1,1%	7 3,0%	5 2,0%	2 1,0%
с хорошо выделенными жальцами	13	—	3	7	1	2
с плохо выделенными жальцами	3	1	1	—	1	—
с совсем не выделенными жальцами	9	2	4	—	3	—
Пластины с ретушью по краям (целые и обломки)	418 20,3%	118 19,1%	138 18,3%	56 23,7%	60 24,2%	46 22,6%
С ретушированными выемками	87	31	25	8	18	5
по одному краю	39	11	7	7	10	4
по обоим краям	33	9	14	1	8	1
с одной продолговатой выемкой	15	11	4	—	—	—

Типы орудий	Всего на поселении, шт. и % от общего количества орудий	Орудия по жилищам, шт. и % от общего количества орудий для каждого жилища				
		северное	южное	юго-восточное	восточное	западное
Ножевидные	321	86	104	48	42	41
с ретушью со спинки	281	72	87	47	41	34
с ретушью с брюшка	27	11	9	1	1	5
с противоположащей ретушью	13	3	8	—	—	2
С частичной крутой ретушью по краям	10	1	9	—	—	—
Пластины с подтеской с брюшка	8	—	—	8	—	—
Пластины усеченные	0,4%	—	—	3,4%	—	—
косо	15	2	6	2	5	—
прямо	0,7%	0,3%	0,8%	0,8%	2,0%	—
вогнуто	11	2	4	2	3	—
Трапеции	3	—	2	—	1	—
с ретушью	1	—	—	—	1	—
Орудия с чешуйчатой подтеской с брюшка	9	6	3	—	—	—
с ретушью	0,4%	1,0%	0,4%	—	—	2
Отщепы с ретушью	5	—	3	—	—	1,0%
со спинки	0,2%	—	0,4%	—	—	—
с брюшка	108	10	24	31	35	8
с ретушью	5,2%	1,6%	3,2%	13,1%	14,1%	3,9%
с ретушью краем (целые и обломки)	83	7	20	24	27	5
с ретушью краем (целые и обломки)	25	3	4	7	8	3
Микроострия с притупленным ретушью краем (целые и обломки)	892	376	383	40	53	40
с ретушью краем (целые и обломки)	43,3%	60,7%	50,7%	17,0%	21,4%	19,7%
Край, противоположный притупленному, не обработан	14 целых (ц.)	7 ц.	4 ц.	1 ц.	1 ц.	1 ц.
Край, противоположный притупленному, оформлен мелкой ретушью	206 обломков (обл.)	82 обл.	104 обл.	6 обл.	6 обл.	8 обл.
Край, противоположный притупленному, оформлен ретушью у одного или обоих концов	21 ц.	15 ц.	3 ц.	2 ц.	1 ц.	—
На конце плоская поперечная подправка с брюшка	132 обл.	50 обл.	60 обл.	3 обл.	12 обл.	7 обл.
Один из концов косо усечен крутой ретушью	83 ц.	41 ц.	24 ц.	10 ц.	5 ц.	3 ц.
С частично притупленным крутой ретушью краем	239 обл.	107 обл.	92 обл.	4 обл.	17 обл.	19 обл.
Острия гравейт	14 ц.	9 ц.	2 ц.	2 ц.	—	—
Сегменты	54 обл.	13 обл.	35 обл.	5 обл.	1 обл.	—
с ретушью	8 ц.	—	6 ц.	—	2 ц.	1 ц.
с ретушью	41 обл.	19 обл.	19 обл.	2 обл.	1 обл.	—
с ретушью	38 обл.	21 обл.	12 обл.	1 обл.	3 обл.	1 обл.
с ретушью	25 ц.	11 ц.	6 ц.	4 ц.	4 ц.	—
с ретушью	2 ц.	—	2 ц.	—	—	—
с ретушью	15 обл.	1 обл.	14 обл.	—	—	—
Микропластины с мелкой ретушью по краям (целые и обломки)	14	—	—	14	—	—
с ретушью	0,7%	—	—	5,9%	—	—
с ретушью	15	5	7	2	—	1
с ретушью	0,7%	0,8%	0,9%	0,8%	—	0,5%
Скребловидные орудия	3	—	2	1	—	—
с ретушью	0,1%	—	0,3%	0,4%	—	—
Кусочек сланца со следами шлифования	1	—	—	—	1	—
с ретушью	0,05%	—	—	—	0,4%	—
Итого орудий	2061	619	755	236	248	203

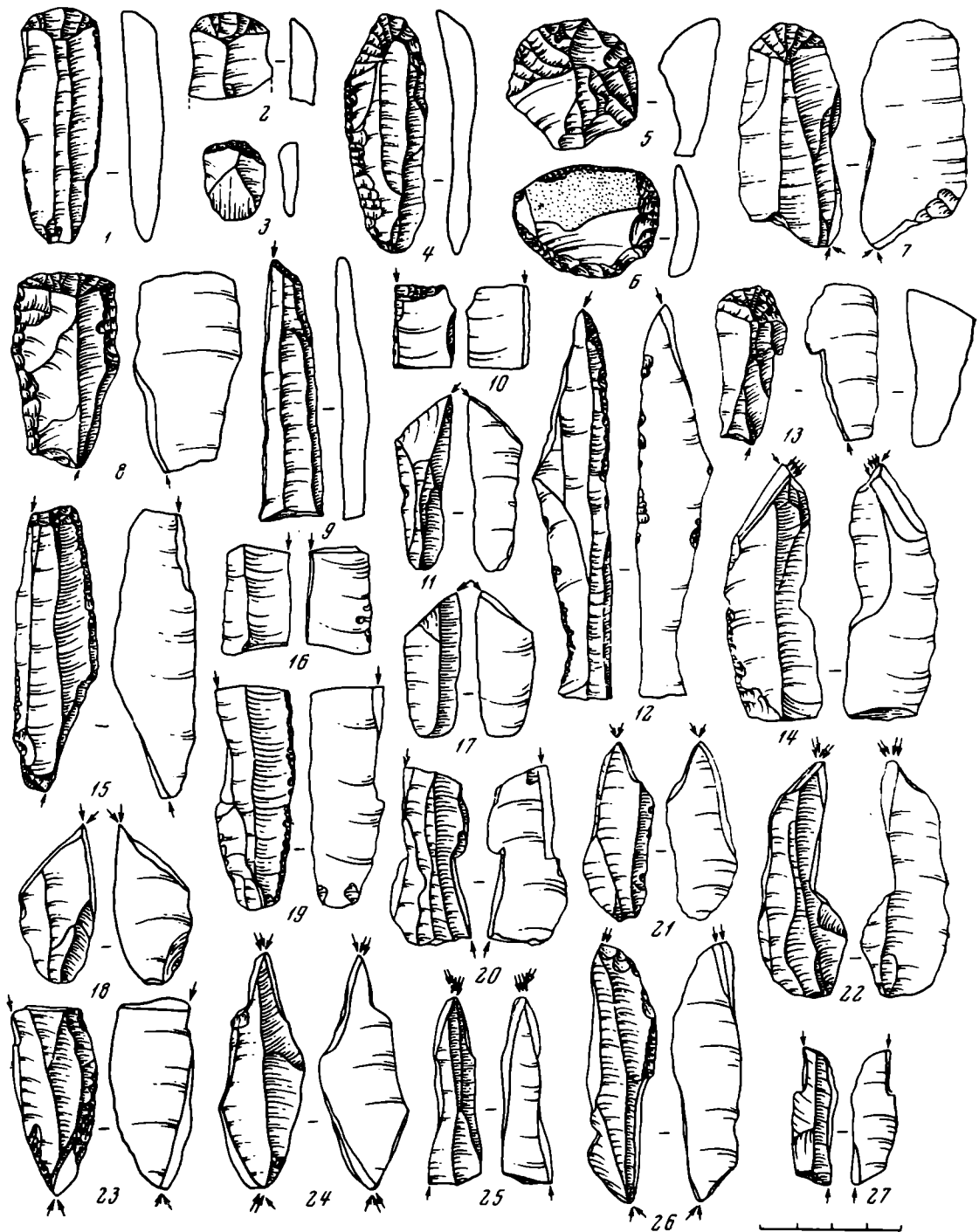

Рис. 1. Кремневые орудия второго культурного слоя Тельманской стоянки
 1—6 — скребки; 7—8, 13 — скребки-резцы; 9—12, 15 — боковые резцы; 16—17, 19—20 —
 угловые резцы; 18, 21 — срединные резцы; 14, 22, 24 — срединные многофасеточные резцы;
 23, 25—27 — комбинированные резцы

Скребков в инвентаре Тельманского поселения мало (см. табл. II). Представлены они преимущественно концевыми скребками на пластинах, ретушированных и неретушированных по краям (рис. 1, 1, 2). Ретушь чаще всего неполная, оформляет один или оба края пластины со спинки, очень редко ретушь с брюшка или противоположная. Рабочий край скребков слегка вышуклый.

Следует отметить, что восемь концевых скребков сочетаются с резцами различных типов на противоположных концах пластин (рис. 1, 7, 8, 13). Своеобразную группу среди концевых скребков на пластинах в инвентаре юго-восточного жилища представляют собой три скребок, имеющих заметно вытянутый, асимметричный рабочий край (рис. 1, 4). Некоторые конце-

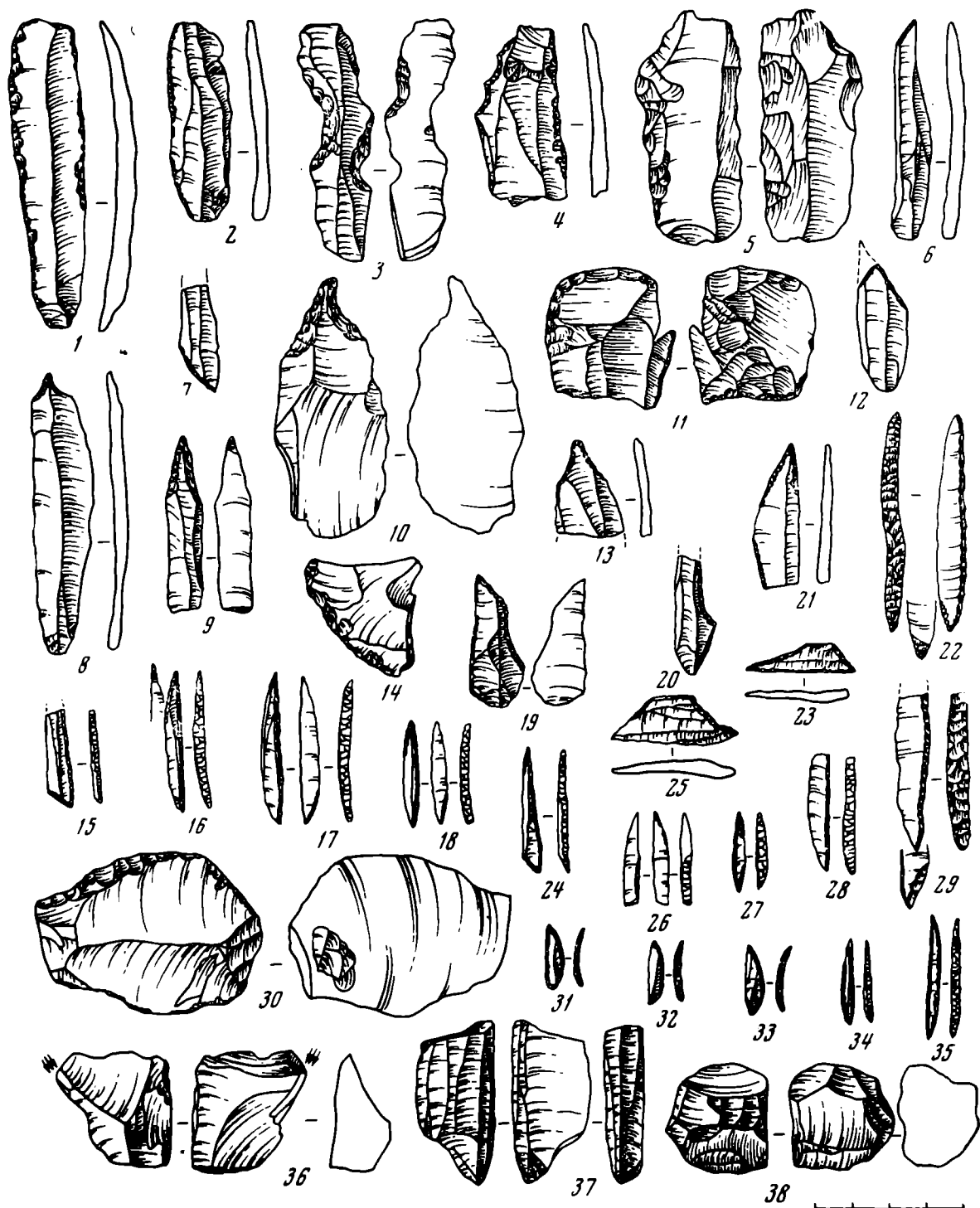

Рис. 2. Кремневые орудия второго культурного слоя Тельманской стоянки

1—2 — ножевидные пластины; 3—4 — пластины с выемками; 5 — пластина с глубокой подтеской с брюшка; 6, 12 — усеченные пластины; 7 — пластина с частичной крутой ретушью по краю; 8—10, 13, 19, 21 — проколки; 11 — орудие с чешуйчатой подтеской; 14 — отщеп с ретушью по краю; 15—18, 24, 26—28, 34, 35 — микроострия; 20 — пластина с выемкой у конца; 22, 29 — острия типа граветт; 23, 25 — трапеции; 30 — скребло; 31—33 — сегменты; 36—37 — вторичные ядрища; 38 — призматическое ядрище

вые скребки сделаны на отщепах, иногда ретушированных по краям. Имеется один пластинчатый скребок высокой формы, сочетающийся с угловым резцом (рис. 1, 13), и один скребок на толстом небольшом отщепе округлой формы, рабочий край которого сходен с рабочим краем скребка высокой формы на пластине (рис. 1, 5). Обнаружены также овальные скребки на отщепах, рабочий край которых оформлен ретушью по всему овалу или по длинным сторонам овала (рис. 1, 6).

В инвентаре Тельманского поселения имеется очень много разнообразных резцов (см. табл. II). Изготовлены они почти все на пластинах, неред-

ко ретушированных по одному или обоим краям со спинки. Характер ретуши тот же, что и по краям концевых скребков. Больше всего на поселении обнаружено боковых и угловых резцов, гораздо меньше срединных, срединных многофасеточных и комбинированных резцов.

Среди боковых резцов на пластинках различаются косо ретушированные (рис. 1, 9), прямо ретушированные (рис. 1, 10), есть и такие, рабочий край которых образован резцовым сколом, косо секущим пластину, край пластины ретуширован со спинки (рис. 1, 11, 12). Преобладает группа резцов, косо ретушированных. Среди боковых резцов 11 двойных (рис. 1, 15). Боковых резцов на отщепах очень мало.

Столь же многочисленную группу составляют угловые резцы. Среди них различаются резцы на углу сломанных пластинок и (очень редко) отщепов (рис. 1, 16, 19) и резцы, рабочий край которых образован косым резцовым сколом и краем пластины (рис. 1, 17). Обращает на себя внимание, что большинство угловых резцов сделано на пластинках без ретуши по краям, чего не наблюдается у боковых резцов. Двойных угловых резцов найдено 18 штук (рис. 1, 20).

Срединных резцов обнаружено на поселении гораздо меньше, чем угловых и боковых. Среди них различаются срединные резцы на углу пластины (рис. 1, 18) и простые (рис. 1, 21) (преобладают первые). Большинство резцов сделано на пластинках без ретуши по краям. Имеется два двойных экземпляра. Срединных резцов на отщепах очень мало.

Далее по количеству следуют срединные многофасеточные резцы (рис. 1, 25). В их числе имеются и срединные многофасеточные на углу пластины (рис. 1, 22). Рабочие края образованы чаще тремя, реже четырьмя резцовыми сколами. Подавляющее большинство многофасеточных резцов (41 из 53) сделано на неретушированных массивных пластинках, многие из них лишены удобной режущей кромки (рис. 1, 14), поэтому они вряд ли могли использоваться по своему прямому назначению. Скорее всего, они были вторичными ядрищами, с которых скалывались приемами резцового скола многочисленные микропластины, представленные большим числом в инвентаре Тельманского поселения. Среди многофасеточных срединных резцов три экземпляра двойные (рис. 1, 24).

Кроме того, в инвентаре Тельманского поселения имеются комбинированные резцы, которые представляют собой сочетание двух различных типов резцов на противоположных концах одной и той же пластины. Следует заметить, что на этих орудиях повторяются только описанные выше типы резцов. Среди них преобладает группа боковых угловых резцов (рис. 1, 27), затем следуют срединные боковые (рис. 1, 26) и срединные угловые (рис. 1, 23), угловые срединные многофасеточные (рис. 1, 25) и боковые срединные многофасеточные.

Комбинированные резцы сделаны в основном на пластинках как ретушированных, так и неретушированных. Комбинированных резцов на отщепах всего четыре экземпляра.

На поселении обнаружено очень много резцовых сколов со следами предыдущей ретуши и без нее.

В инвентаре Тельманского поселения имеются в небольшом количестве проколки (см. табл. II). Изготовлены они на пластинках, преимущественно не ретушированных по краям. Среди них различаются проколки с хорошо выделенными жальцами, плохо выделенными и совсем невыделенными жальцами. Первые большинство. Их жальца оформлены крутой, реже полукрутой ретушью, причем некоторые из них являются срединными (рис. 2, 8), а некоторые имеют клювовидную форму (рис. 2, 10). Последних насчитывается семь штук. Острия проколки с плохо выделенными или совсем невыделенными жальцами оформлены по-разному: крутой, полукрутой или мелкой ретушью, иногда ретушь комбинированная, как правило, со спинки. Среди них четыре проколки боковые (рис. 2, 19), остальные срединные (рис. 2, 9, 13, 21).

В инвентаре второго культурного слоя Тельманской стоянки очень много пластин с ретушью (см. табл. II). Среди них наиболее архаическим элементом верхнепалеолитической техники являются пластины с ретушированными выемками, широкими и узкими, расположенными по одному или по обоим краям пластины (рис. 2, 3). В тех редких случаях, когда выемки расположены совсем рядом, они образуют зубчики (рис. 2, 4). Обычно пластины с выемками имеют неровные очертания самой заготовки. Выемки оформлены преимущественно крутой ретушью со спинки, очень редко с брюшка, на некоторых экземплярах наблюдается комбинация этих приемов. Сюда же можно отнести и пластины с одной продолговатой выемкой у верхнего или у нижнего конца пластины, оформленной крутой ретушью со спинки (рис. 2, 20).

Большой серией представлены ножевидные пластины с приостряющей ретушью по краям, главным образом со спинки (рис. 2, 1, 2). Длина целых экземпляров 4—8 см, редко 10—12 см. Ретушь оформляет в подавляющем большинстве один, реже оба края пластины, она преимущественно мелкая и ровная, чаще всего неполная. Такие пластинки могли употребляться в качестве ножей, причем не исключена возможность, что очень мелкая ретушь образовалась на этих пластинах во многих случаях естественным путем в процессе работы. Несколько нарушая порядок описания инвентаря, отметим, что для тех же целей могли использоваться и отщепы, ретушированные со спинки, реже с брюшка (рис. 2, 14). Характер ретуши такой же, как и на пластинах, но найдены они в гораздо меньшем количестве (см. табл. II).

Десятком экземпляров представлены в инвентаре обломки пластин с частичной крутой ретушью по краям (рис. 2, 7).

Обращает на себя внимание небольшая серия пластин, обнаруженных лишь на территории юго-восточного жилища. Все эти пластины толстые и имеют по краям глубокую подтеску с брюшка, образующую волнистый край пластины (рис. 2, 5). Назначение этих орудий неясно, так как отсутствует удобное рабочее лезвие.

Кроме того, на поселении обнаружены в небольшом количестве усеченные крутой ретушью пластины, при этом боковая ретушь есть лишь на одном экземпляре. У большинства косо усечен верхний конец пластины (рис. 2, 6, 12), причем характерно, что у многих острый конец поврежден. Вероятно, эти орудия употреблялись в качестве проколов или острий.

Среди орудий, обнаруженных на поселении, следует отметить пять трапецевидных (см. табл. II). Сделаны они на пластинах, по форме являются неравносторонними (рис. 2, 23, 25). Боковые стороны этих трапеций оформлены крутой ретушью, основание — мелкой приостряющей ретушью со спинки, вершина без ретуши. Остальные напоминают трапецевидные орудия и пластинки с незаконченной обработкой. Судя по тому, как тщательно оформлены ретушью их острые концы, можно предполагать, что эти орудия использовались в качестве проколов или острий. Но возможно также употребление их в качестве вкладышей составных костяных и деревянных орудий.

В инвентаре поселения имеется пять орудий с чешуйчатой подтеской с брюшка. Все они сделаны на отщепах и имеют одно или два рабочих лезвия (рис. 2, 11).

Самая многочисленная группа орудий в инвентаре Тельманского поселения — микроострия с притупленным крутой ретушью краем (табл. II). Заготовками для них были тонкие узкие микропластины и довольно часто треугольные в сечении резцовые сколы. Эти орудия показывают необычайно высокую и совершенную технику расщепления и ретуширования кремня. Удивительно малые размеры заготовок для микроострий свидетельствуют о том, что они не могли быть получены от обычных ядрищ. В качестве ядрищ в этих случаях использовались пластины и отщепы, от которых приемом резцового скола получали микропластины столь малых

размеров. Подавляющее большинство их имеют длину 25—30 мм при ширине 3—4 и толщине 1,5—2 мм. Имеется значительное количество и более мелких микроострий, длиной до 15 мм при ширине 1,5—2 и толщине 1 мм. Но есть и более крупные экземпляры, длиной до 50 мм при ширине 6 и толщине 3—4 мм. Правда, таких немного.

Общее у всех микроострий то, что один край у них притуплен крутой ретушью. Зато другой край в различных случаях оформлен по-разному. Имеются микроострия, у которых другой край ретушью вообще не оформлен (рис. 2, 28). Есть микроострия, у которых по всему другому краю нанесена мелкая ретушь со спинки, хорошо оформляющая оба острых конца (рис. 2, 35). У некоторых микроострий ретушь нанесена со спинки или с брюшка по другому краю лишь у обоих концов, а иногда только на одном конце, нижнем или верхнем (рис. 2, 17, 27, 34). На некоторых экземплярах встречается всевозможная комбинация этих двух приемов (рис. 2, 18). Есть и такие, у которых один конец оформлен поперечной плоской подправкой с брюшка, иногда дополненной мелкой ретушью со спинки у одного из концов, у обоих или по всему краю (рис. 2, 16). Обнаружены микроострия с косо усеченным крутой ретушью нижним или верхним концом. На некоторых экземплярах, кроме того, имеется ретушь со спинки по всему другому краю или только у верхнего конца (рис. 2, 15, 24).

Среди микроострий встречаются экземпляры в виде микроострий с незаконченной обработкой, у них один край притуплен крутой ретушью не полностью, а частично у одного или обоих концов. При этом другой край оформлен также по-разному, как и у экземпляров с краем, полностью притупленным крутой ретушью (рис. 2, 26). Возможно, что край их либо не закончен обработкой, либо в данном случае крутой ретушью он выравнялся.

Среди микроострий с краем, притупленным ретушью, своими более крупными размерами выделяются несколько экземпляров. Их длина 58—60 мм при ширине 7—8 и толщине 4 мм. Они скорее напоминают острия граветт (рис. 2, 22, 29), но ретушью оформлены так же, как и различные микроострия.

Поразительно многообразие приемов и очень высокая техника обработки микроострий. Наличие огромного количества микроострий в инвентаре Тельманского поселения — основная характерная особенность его.

Микроострия с краем, притупленным ретушью, имеются в инвентаре многих верхнепалеолитических стоянок, обнаруженных в нашей стране и за рубежом. И перед всеми исследователями стоял и стоит вопрос о назначении этих многочисленных орудий. Судя по тому, как тщательно обработаны и заострены их концы, именно они являлись рабочим краем. Существуют различные мнения специалистов на этот счет. Одни предполагают, что микроострия могли использоваться как инструменты для татуировки³, другие — как проколки, сверла, режущие орудия или вкладыши для охотничьих орудий (наконечников)⁴. Кстати, немногие из микроострий Тельманского поселения имеют следы употребления их в качестве проколки⁵. Наконец, может быть, прав и А. Н. Рогачев в своем предположении, что наиболее миниатюрные, игловидные формы микроострий Тельманского поселения были частями рыболовных крючков. В общем вопрос о назначении многочисленных микроострий остается неясным.

Столь же неясен вопрос о назначении совершенно своеобразной и очень интересной серии микроострий, обнаруженных на территории юго-восточного жилища Тельманского поселения. Мы имеем в виду 14 миниатюрных

³ Ф. Ласогге. La Gravette. 1960. стр. 184.

⁴ М. Д. Гвоздовер. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Галицкого. Уч. зап. МГУ, 158, М., 1952; П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 268—269, 336—339.

⁵ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону..., стр. 54—55.

сегментов (рис. 2, 31—33) длиной 13—17 мм при ширине 4 и толщине 1 мм. Тонкой крутой ретушью у них притуплен дугообразный край сегмента. По другому, прямому краю имеется мелкая ретушь со спинки (семь сегментов), у двух сегментов такая ретушь оформляет лишь один конец, а у остальных прямой край вообще не обработан. В профиль все сегменты имеют выпуклую спинку и соответственно вогнутое брюшко.

Очень мало в инвентаре поселения микропластин с мелкой, чаще всего неполной ретушью по одному или по обоим краям (см. табл. II).

Остается назвать три скребловидных орудия на толстых отщепах (рис. 2, 30) и небольшой кусочек сланца со следами шлифования, обнаруженный на территории восточного жилища.

Из всего сказанного следует, что кремневый инвентарь Тельманского поселения изготовлен в основном на пластинах, которые скалывались с призматических ядрищ. Те 45 ядрищ, которые были обнаружены на поселении, оказались совсем маленькими, сработанными до предела. Среди них имеются одноплощадочные, двухплощадочные со скошенными и параллельными площадками, а также многоплощадочные (рис. 2, 38). Лишь в единственном экземпляре найдено рядом с северной границей западного жилища крупное ядрище из кремневого желвака, на котором сохранилась еще большая часть корки. От ядрища были отделены несколько пластин и отщепов. Характерно, что в инвентаре отсутствуют отщепы с желвачными корками, а подавляющее большинство ресщепленных кремней составляют мелкие отщепы и мельчайшие чешуйки кремня, получившиеся при ретушировании орудий (табл. III). Это заставляет предполагать, что на поселении производились уже завершающие операции по изготовлению орудий.

Многочисленные микроострия, как уже отмечалось выше, были получены не от обычных призматических ядрищ, а от вторичных ядрищ из пластин и отщепов приемом резцового скола. В инвентаре девять бесспорно вторичных ядрищ, несущих на себе следы очень узких параллельных небольших сколов (рис. 2, 37). Кроме того, часть срединных многофасеточных резцов, а именно те, которые не имеют удобного рабочего края, тоже были, очевидно, вторичными ядрищами (рис. 1, 14; рис. 2, 36).

Кроме отщепов и чешуек обнаружено много пластин, являющихся заготовками для пластинчатого инвентаря поселения (см. табл. III). Подавляющее большинство их небольшого размера, с параллельными краями. Ударные площадки почти отсутствуют, ударные бугорки очень небольшие.

Заготовками для микроострий служили многочисленные микропластины, имеющиеся в инвентаре, миниатюрные и тонкие, с параллельными краями (см. табл. III). Как отмечалось выше, в качестве заготовок для микроострий использовались часто резцовые сколы, которые обнаружены на поселении в огромном количестве.

Кроме кремня жители Тельманского поселения использовали кварцит и сланец, правда, в очень небольшом количестве, обнаружен даже один маленький обсидиановый отщеп (см. табл. I).

И наконец, на поселении обнаружены три отбойника из крупных галек, на которых хорошо видны следы использования их в качестве орудия для расщепления кремня.

При изучении кремневого инвентаря Тельманского поселения нетрудно убедиться в сходстве и тождественности этого инвентаря всех пяти жилищ второго культурного слоя Тельманской стоянки.

Описанные орудия либо были изготовлены жителями одной общины, которые построили для себя одинаковые жилища, либо община эта длительное время обитала на поселении и перестраивала поселок, но условия залегания культурных остатков и характер культурного слоя на территории всех жилищ вполне сходны.

Во втором культурном слое Тельманской стоянки совершенно отсутствуют какие-либо элементы так называемой солютрейской техники, характерные для инвентаря верхнего культурного слоя нашей стоянки с круг-

лой полуземлянкой⁶. Необходимо отметить также отсутствие на орудиях поселения так называемой ориньякской ретуши, оформляющей некоторые орудия в двух нижележащих культурных слоях Тельманской стоянки⁷. Ретушь на орудиях поселения обычно мелкая и ровная.

Если строго учесть техническую, типологическую и статистическую стороны кремневого инвентаря Тельманского поселения, то близких ана-

Таблица III

Расщепленный материал без следов вторичной обработки	Всего на поселении, шт. и % от общего количества расщепленного материала без вторичной обработки	По жилищам, количество расщепленного материала без вторичной обработки для каждого жилища				
		северное	южное	юго-восточное	восточное	западное
Ядрища кремневые:	55	10	22	10	4	9
	0,3%					
одноплощадочные	9	4	2	1	1	1
двухплощадочные	21	2	10	4	1	4
многоплощадочные	16	—	10	1	2	3
вторичные	9	4	—	4	—	1
Отщепы:	15598	3801	7180	1435	1247	1935
	76,9%					
Кремневые	15516	3767	7177	1416	1247	1909
меловой кремь	15475	3767	7149	1405	1247	1907
цветной кремь	41	—	28	11	—	2
Кварцитовые	58	15	2	18	—	23
Сланцевые	23	19	—	1	—	3
Обсидиановые	1	—	1	—	—	—
Пластины и их обломки:	2002	463	824	162	242	311
	9,9%					
Кремневые	1980	463	823	162	240	292
меловой кремь	1979	463	822	162	240	292
цветной кремь	1	—	1	—	—	—
Кварцитовые	22	—	1	—	2	19
Микропластины и их обломки:	1505	819	385	59	68	174
	7,4%					
кремневые	1473	819	385	59	68	142
кварцитовые	32	—	—	—	—	32
Резцовые сколы	1119	362	304	99	185	169
кремневые:	5,5%					
со следами предыдущей ретуши	699	139	170	23	47	41
без ретуши	420	223	134	76	138	128
Итого:	20279	5455	8715	1765	1746	2598
	90,8%					

логий ему, к сожалению, пока не найти ни на соседних территориях Восточной Европы, ни в Закавказье, ни в Центральной и Западной Европе. Нам также неизвестны памятники, в которых был бы аналогичный набор орудий и в качественном и в количественном отношении. Поэтому о культурной принадлежности Тельманского поселения к какой-то группе памятников говорить пока трудно. Остается искать отдаленные аналогии, поэтому обращаемся к памятникам, в инвентаре которых имеются микроострия.

В Костенковско-Боршевском палеолитическом районе рядом с Тельманской стоянкой находится Александровская верхнепалеолитическая стоян-

⁶ П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.). МИА, 59, 1957.

⁷ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону..., стр. 56—61.

ка (Костенки IV) ⁸. В инвентаре верхнего горизонта этого памятника имеются микроострия с притупленным ретушью краем, небольшая их часть похожа на наши микроострия. Но микроострия Александровской стоянки в своей основной массе более крупные по размеру, и среди них много таких, у которых край, противоположный притупленному, оформлен мелкой ретушью у обоих концов со спинки, а посередине с брюшка, чего совершенно не встретишь среди микроострий Тельманского поселения. Кроме того, в инвентаре Александровки много микропластин с притупленным ретушью краем и закругленными концами, что также совершенно отсутствует в нашем инвентаре. Что же касается прочего инвентаря, то он различен на этих двух памятниках: в Александровке много листовидных острий, обработанных ретушью солжурейского типа, большое количество скребков, резцы в основном срединные, имеются скребла и т. д.

Микроострия, похожие на наши, были обнаружены в Амвросиевском костыще ⁹. Но там нет такого разнообразия в оформлении этих орудий, представлены лишь микроострия, у которых край, противоположный притупленному, или вообще не оформлен ретушью, или оформлен мелкой ретушью лишь у конца. Никаких других орудий со следами вторичной обработки в Амвросиевском костыще не обнаружено, инвентарь же Амвросиевской палеолитической стоянки ¹⁰ не имеет ничего общего с инвентарем второго культурного слоя Тельманской стоянки.

Единичные экземпляры микроострий, похожих на микроострия Тельманского поселения, имеются в коллекции палеолитической стоянки Молодово V (6-й слой) ¹¹. Но микроострий там обнаружили очень мало, а кремневый инвентарь этой стоянки в остальном различен с тельманским инвентарем.

Микроострия, у которых край, противоположный притупленному, никак не обработан, имеются в инвентаре палеолитической стоянки Девис-Хврели ¹². Но кроме них там обнаружено много микроострий, имеющих не прямой притупленный ретушью край, а слегка вышуклый, представлены микроострия с косо усеченным под тупым углом к притупленному краю концом (на Тельманском поселении у некоторых микроострий косо усечен один конец под острым углом к притупленному краю), много микропластин с притупленным краем и закругленными концами, одним или обоими. В Девис-Хврели обнаружены сегменты, но они более крупные, чем сегменты Тельманского поселения, к тому же их основания, т. е. прямые края, не обработаны мелкой ретушью. В остальном набор орудий в инвентаре грузинской стоянки также различен с нашим инвентарем. Там имеются косо ретушированные боковые резцы, но почти нет угловых, причем резцы сделаны не на пластинах, много скребков на отщепах и коротких сечениях пластин, много нуклеидных форм и т. д.

Таким образом, на территории Восточной Европы и в Закавказье среди известных нам палеолитических стоянок нет таких, кремневый инвентарь которых был бы аналогичен инвентарю второго культурного слоя Тельманской стоянки. Что же касается микроострий, обнаруженных на вышеуказанных памятниках, то они не отличаются таким многообразием оформления, как микроострия Тельманского поселения.

Принимая во внимание наличие в тельманском инвентаре микроострий с притупленным краем, среди которых имеются более крупные экземпляры, близкие к остриям типа граветт, обращаемся в поисках аналогий этому инвентарю к памятникам перигорской культуры, исследованной во Фран-

⁸ А. Н. Рогачев. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. МИА, 45, 1955.

⁹ П. И. Борпсковский. Палеолит Украины, стр. 330—352.

¹⁰ Там же, стр. 352—362.

¹¹ О. П. Черныш. Палеолитична стоянка Молодове V. Київ, 1961.

¹² С. Н. Замятин. Палеолит Западного Закавказья. Сб. МАЭ, XVII, М.—Л., 1957.

дии. Среди различных периодов перигорской культуры наиболее приемлемым для нас в смысле поиска аналогий инвентарю Тельманского поселения является «Périgordien III», согласно классификации Пейрони (1946)¹³, так как инвентарь стоянок, принадлежащих к другим периодам перигорской культуры, слишком отличен от тельманского инвентаря, чтобы можно было отыскивать черты сходства между ними. К третьему периоду перигорской культуры относят инвентарь французских стоянок Верхнее Ложери Восточное (слои В и В¹) и Верхнее Ложери Западное (слой В)¹⁴. В инвентаре слоя В стоянки Ложери Восточное так называемым руководящим ископаемым являются острия микрограветт, среди которых некоторые экземпляры очень похожи на микроострия Тельманского поселения. Таковы микроострия, у которых край, противоположный притупленному, никак не обработан. Но среди острий типа микрограветт французской стоянки есть и такие, у которых притупленный край слегка изогнут. Кроме того, там много различных микропластин: усеченных, с выемками, зубчатых с притупленным краем и просто микропластин с притупленным краем. Такие типы микроинвентаря отсутствуют на Тельманском поселении. В инвентаре французской стоянки процент скребков по сравнению с резцами гораздо выше, чем на нашей стоянке. Кроме концевых скребков на пластинах там много скребков на отщепах. Среди резцов Верхнего Ложери Восточного большинство боковых (часто двойные), мало срединных, нет угловых. Имеются проколки на пластинах, напоминающие наши клювовидные, но процент их, так же как и у нас, невелик. Имеются пластины с продолговатой, круто ретушированной выемкой на конце. Такие орудия встречены и на Тельманском поселении. На французской стоянке обнаружены трапеции, напоминающие тельманские. Они также неравнобедренны, их боковые стороны оформлены крутой ретушью, но основания их, в отличие от таковых, на Тельманском поселении, не обработаны. В инвентаре французской стоянки имеются пластины с косо усеченными обоими концами в форме треугольника, но их нет в нашем инвентаре.

То же самое нужно сказать и об инвентаре слоя В¹ этой же стоянки. Следует добавить только, что здесь скребков на отщепах уже больше, чем на пластинах, а среди резцов появляются очень миниатюрные, близкие к резцам типа ноай (Noailles).

Что же касается инвентаря слоя В стоянки Верхнее Ложери Западное, то его различия с инвентарем Тельманского поселения проявляются в количестве скребков, преобладающих на французской стоянке над количеством резцов, среди скребков почти половина сделана на отщепах, а также имеется довольно высокий процент зубчатых форм орудий.

Таким образом, различия между инвентарем указанных западноевропейских стоянок и инвентарем Тельманской стоянки слишком велики, чтобы можно было принять вывод П. П. Ефименко о принадлежности инвентаря второго культурного слоя Тельманской стоянки к перигорской культуре¹⁵.

Не имеет под собой достаточного основания и вывод П. П. Ефименко о том, что кремневый инвентарь второго культурного слоя Тельманской стоянки обнаруживает черты, свойственные южному, так называемому гримальдийскому типу позднепалеолитической культуры (гроты Гримальди в окрестностях Ментоны на берегу Средиземного моря)¹⁶.

Свою мысль П. П. Ефименко подкрепляет тем, что в инвентаре Тельманского поселения имеются своеобразные неправильные пластинки с зубчатым краем. На самом же деле это всего лишь пластинки с выемками.

¹³ D. Peyrony. Une mise au point au sujet de l'Aurignacien et du Périgordien. BSPF, 1946. 7/8

¹⁴ Sonnevile-Bordes. Le paléolithique supérieur en Périgord. I, 1960.

¹⁵ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 314—317.

¹⁶ П. П. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. Материалы по четвертичному периоду СССР, стр. 81—89.

расположенными в очень редких случаях так близко друг к другу, что создается впечатление зубчатости края пластинки. Далее П. П. Ефименко отмечает наличие в нашем инвентаре характерных для гримальдийской культуры скребков, часто подтреугольной формы, суживающихся к основанию посредством ретуши. Но это ведь совершенно не характерно для скребков Тельманской стоянки, так как последние сделаны в основном на пластинках с параллельными краями, и вообще их очень мало (2,5%). Наконец, Ефименко отмечает как особо интересный факт наличие в инвентаре Тельманского поселения трапеций, которые он считает небольшими наконечниками (один угол этих трапеций использовался в качестве черешка). Такие орудия составляют в нашем инвентаре 0,4%. Инвентарь гримальдийских гротов в основном резко отличается от тельманского инвентаря¹⁷.

Совершенно очевидно, что инвентарь второго культурного слоя Тельманской стоянки принадлежит к особой, очень своеобразной верхнепалеолитической культуре, пока представленной единственным памятником, что, без сомнения, объясняется недостаточной изученностью территории. Эта культура, назовем ее «костенковско-тельманская», могла быть строго локализована территориально, так же как, например, представленные рядом памятников столь же оригинальные костенковско-стрелецкая культура в Восточной Европе, селетская культура в Центральной Европе и перигорская культура в Западной Европе. Это лишний раз подтверждает, что конкретно-исторический процесс развития верхнепалеолитической культуры совершался своеобразно в различных регионах Европы.

L. M. Litovtchenko

LES NOUVEAUX MATÉRIAUX SUR LA STATION PALÉOLITHIQUE TELMANSKAIA

Résumé

On donne dans cet article la description et l'analyse du mobilier en silex de la deuxième couche culturelle de la station paléolithique Telmanskaia. Les objets sont fendus avec une technique remarquable originale et très développée qui se laisse aussi sentir dans le travail réitéré du silex. L'auteur conteste l'affirmation de P. P. Efimenko concernant l'appartenance de ce mobilier à la culture de Périgord ou à celle de Grimaldi; il considère ce mobilier comme appartenant à une culture spéciale superpaléolithique, représentée jusqu'à présent par un seul et unique monument et nommée «culture kostenkovsko-telmanskaia»; cette culture a existé indépendamment des autres sur le territoire de l'Europe Est.

¹⁷ L. Villeneuve. Les grottes de Grimaldi (Baoussé Rousse). Historique et description. I, 1, 1906.

И. ЛОЗЕ

НОВЫЙ ЦЕНТР ОБРАБОТКИ ЯНТАРЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

Восточное побережье Балтийского моря еще в середине прошлого века прославилось замечательными находками янтарных украшений каменного века. Наиболее примечательна юодкрантская коллекция, в состав которой входят 434 янтарных предмета с Куршской косы в Литве¹. Коллекция удивляет богатством и многообразием форм янтарных изделий. Основной ассортимент украшений составляют цилиндрические пронизы, пуговицы с V-образным сверлением отверстий, трапецевидные и топорообразные подвески, кольца, шайбы, лунницы, стилизованные изображения человеческих фигурок. Разнообразие типов этих украшений позволяло исследователям неоднократно высказывать предположение о принадлежности их к различным по времени культурам каменного века на этой территории (поморская, культура шарообразных амфор)².

Не меньшей известностью пользуется палангская коллекция, состоящая из 153 предметов, часть которой также относится к каменному веку³. В этой коллекции, происходящей, как это недавно установлено, в основном из болотистых районов реки Швянтойи, встречаются украшения, близкие изделиям юодкрантской коллекции⁴. Это позволяет их отнести к тем же культурам юго-восточной Прибалтики, к которым принадлежат и изделия из Юодкранте.

Наиболее многочисленная коллекция янтарных изделий на восточном побережье Балтийского моря собрана в 50-х годах при исследовании стоянки Сарнате, расположенной в Западной Латвии⁵. Она состоит из 387 предметов, подвесок, пуговиц с V-образным сверлением, пронизей, кружков и фигурок (головка лося). Коллекция датируется по керамике стоянки, что позволяет отнести ее в отличие от двух предшествующих к культуре раннего неолита на территории Западной Латвии⁶.

Во всех этих коллекциях помимо украшений имеются полуфабрикаты, сырье и отходы производства, свидетельствующие о местной обработке янтаря на этой территории.

До недавнего времени на восточном побережье Балтийского моря были известны в основном два центра добычи и обработки янтаря эпохи неолита:

¹ R. Klebs. Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens. Beiträge zur Naturkunde Preussens, herausgegeben von der physikalisch-oekonomischen Gesellschaft zu Königsberg, 1882, 5.

² L. Kilian. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955, стр. 557—558; Ed. Sturm. Der ostbaltische Bernsteinhandel in der vorchristlichen Zeit. Commentationes Balticae. I. 1953. Bonn, 1954, стр. 168—169.

³ В. Тагвудас. Senoves gintarinis papuošalu rinkinys. Gimtasai Kraštas, 1937, 1(13), 45—46.

⁴ Автор благодарен Р. Римантене за любезно предоставленные данные по истории коллекции.

⁵ Л. В. Ванкина. Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР). В кн.: Древние городища и поселения. Таллин, 1955, стр. 149.

⁶ В соответствии с принятой Л. Ванкиной в последнее время датировкой.

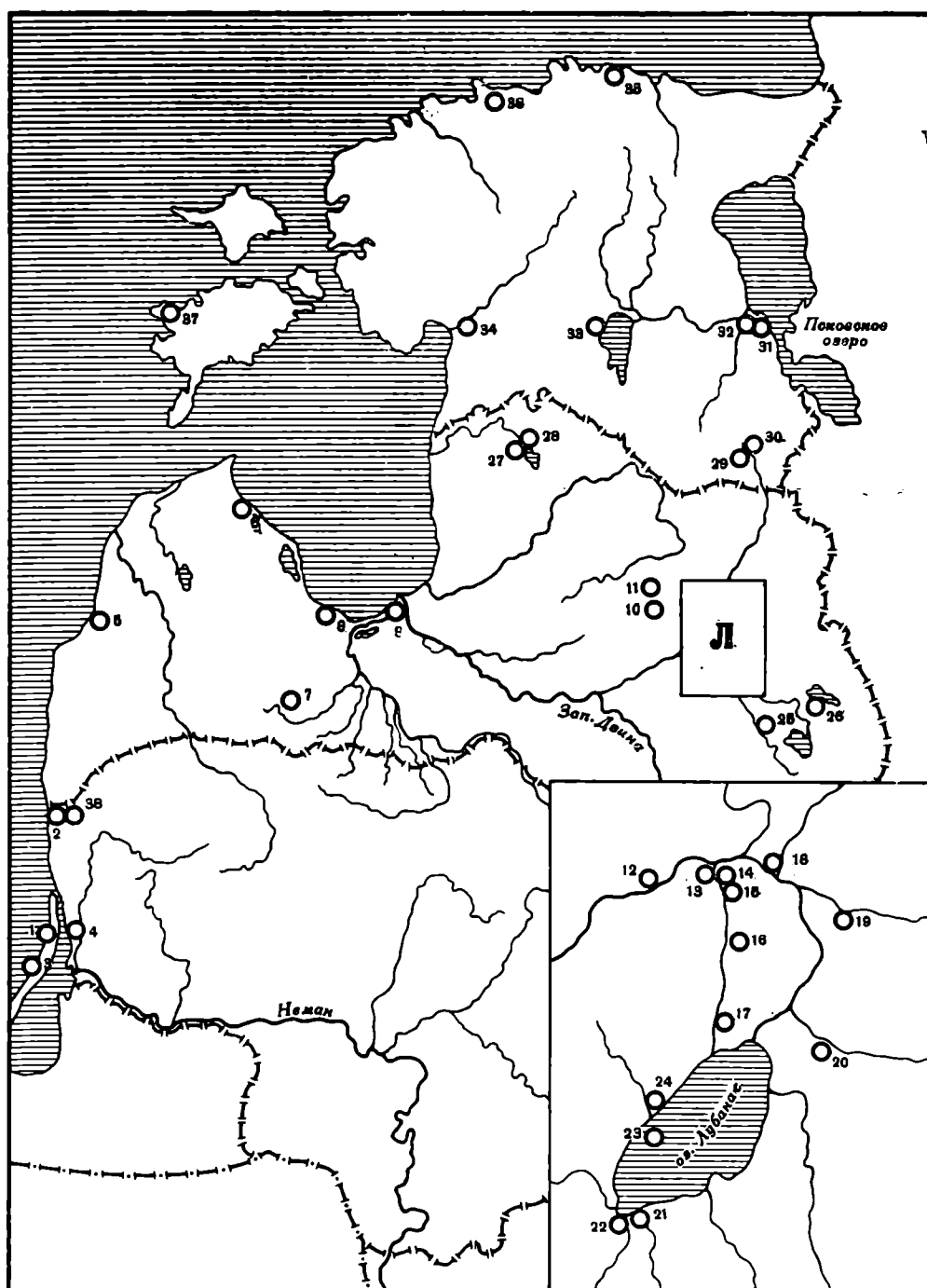

Рис. 1. Карта распространения янтарных изделий Восточной Прибалтики в каменном веке

1 — Юодкранте, 2 — Паланга, 3 — Пярвална, 4 — Смяльте, 5 — Сарнате, 6 — Пурциемс, 7 — Леяс-Цискас, 8 — Лапмежциемс, 9 — Дубулты, 10 — Виранес Звейниекс, 11 — Гала-Юканы, 12 — Личагалс, 13 — Абайне I, 14 — Абора I, 15 — Абора II, 16 — Найннекте, 17 — Эйни, 18 — Лагажа, 19 — Циестиня, 20 — Ича, 21 — Сулька, 22 — устье р. Малмута, 23 — отмель о. Лубанас, 24 — Асне, 25 — Лейманишки, 26 — Крейчи, 27 — Риннюкалнс, 28 — Буртниеку Звейниекс, 29 — Тамула, 30 — Вилла, 31 — Кулламяги, 32 — Акали, 33 — Валма, 34 — Пярну, 35 — Кунда Ламмасмяги, 36 — Ягала, 37 — Ундва, 38 — Швянтои

район Куршской косы и Паланги в Литве и Сарнате в Западной Латвии⁷ (рис. 1).

Исследованиями последних трех лет в восточной части Латвии — Лубанской низменности, расположенной в 200 км от морского побережья, собрана новая коллекция янтарных изделий эпохи неолита⁸. Она состоит из

⁷ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на реке Модлоне и другие стоянки в Чароозерском районе Вологодской области. МИА, 20, 1951, стр. 28—29.

⁸ И. Лозе. Новый центр обработки янтаря в эпоху неолита в Восточной Прибалтике. Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1965 г. Рига, 1966, стр. 12—13.

870 янтарных изделий и полуфабрикатов, а также из нескольких тысяч кусков янтаря, обнаруженных при исследовании ряда стоянок Лубанской низменности (Сулька, Найниексте, Пиестиня, Абора I, Асне, Лагажа, Эйни и др.). Янтарные изделия коллекции делятся на несколько групп, так как исследуемые стоянки принадлежат к различным по времени и особенностям культурам каменного века Восточной Латвии (типичная ямочно-гребенчатая керамика, керамика типа Пиестиня и более поздний комплекс со шнуровой керамикой).

Таким образом, новейшими исследованиями в Лубанской низменности обнаружен новый центр обработки янтаря эпохи неолита Восточной Прибалтики (рис. 1). Изучение материалов этого центра представляет особый интерес, так как новые данные позволяют установить развитие основных типов янтарных изделий на определенной территории со времени развитого неолита до эпохи ранней бронзы.

Наиболее ранние янтарные украшения в Лубанской низменности связываются с типичной ямочно-гребенчатой керамикой, датруемой серединой и началом второй половины III тысячелетия до н. э. Янтарные изделия из торфяниковых стоянок этой культуры Сулька и Абора II (70 изделий) представлены пятью типами: подвесками, пуговицами с V-образно просверленными отверстиями, цилиндрическими пронизками, кольцами и фигурками животных.

Подвески, сопровождающие ямочно-гребенчатую керамику, делятся на две группы. Одну из них составляют симметричные каплевидные (рис. 2, 3, 4) и плоские округлые подвески (рис. 2, 1, 2), вторую — асимметричные, из необработанных кусочков янтаря неправильных форм (рис. 2, 5).

Для пуговиц с Y-образно просверленными отверстиями в основном характерно обоюдовыпуклое поперечное сечение, что позволяет их отнести к так называемым линзовидным формам, характерным для ранне-неолитических памятников прибрежной части Прибалтики (стоянки типа Сарнате).

Другой вид янтарных украшений — короткие пронизы, изготовленные в виде правильного или неправильного цилиндра со сквозным узким отверстием (рис. 2, 12—14). Одна из пронизей имеет шаровидную форму (рис. 2, 15).

Янтарные кольца, сопровождающие типичную ямочно-гребенчатую керамику, имеют широкое отверстие в центре. Для них свойственно выпуклое поперечное сечение и утонченный наружный край (рис. 2, 6—8). Фигурки из янтаря на стоянках с типичной ямочно-гребенчатой керамикой Лубанской низменности представлены двумя фрагментами: головкой лося из стоянки Абора II (рис. 2, 10) и головкой болотного бобра из стоянки Сулька (рис. 2, 11).

Обнаруженные на стоянке Сулька пластинчатые трапецевидные подвески, округлые пуговицы с выпуклой поверхностью не могут быть с большой степенью достоверности отнесены к культуре ямочно-гребенчатой керамики, так как они найдены в самых верхних горизонтах культурного слоя вместе с пористой керамикой.

Аналогичные по форме янтарные изделия — плоско-овальные подвески, кольца, пронизы, шарообразные бусины, по-видимому, имеют довольно широкий ареал распространения в культуре ямочно-гребенчатой керамики, так как отдельные их находки обнаружены в памятниках этого типа на территории Эстонии⁹ и Финляндии¹⁰. Пуговицы с V-образными отверстиями не свойственны для территории Финляндии¹¹.

⁹ Л. Ю. Я н и т с. Поселения эпохи неолита и эпохи раннего металла в приустье реки Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959, стр. 280—281.

¹⁰ T. E d g r e n. Jäkärälä — Gruppen en-Västrinsk kulturgrupp under Ingre Steinalder. SMYA, Helsingfors, 1960, рис. 14, C; 21, M; V. L u h o. Kokemäen Pispan kivi-kautinen asuinpaikka. Suomen Museo, LXVIII, Helsinki, 1961, рис. 19.

¹¹ A. Ä y r ä p ä ä. Die Verbreitung des Bernsteins im Kammkeramischen Gebiet. SMYA, 45, Helsinki, 1945, стр. 16.

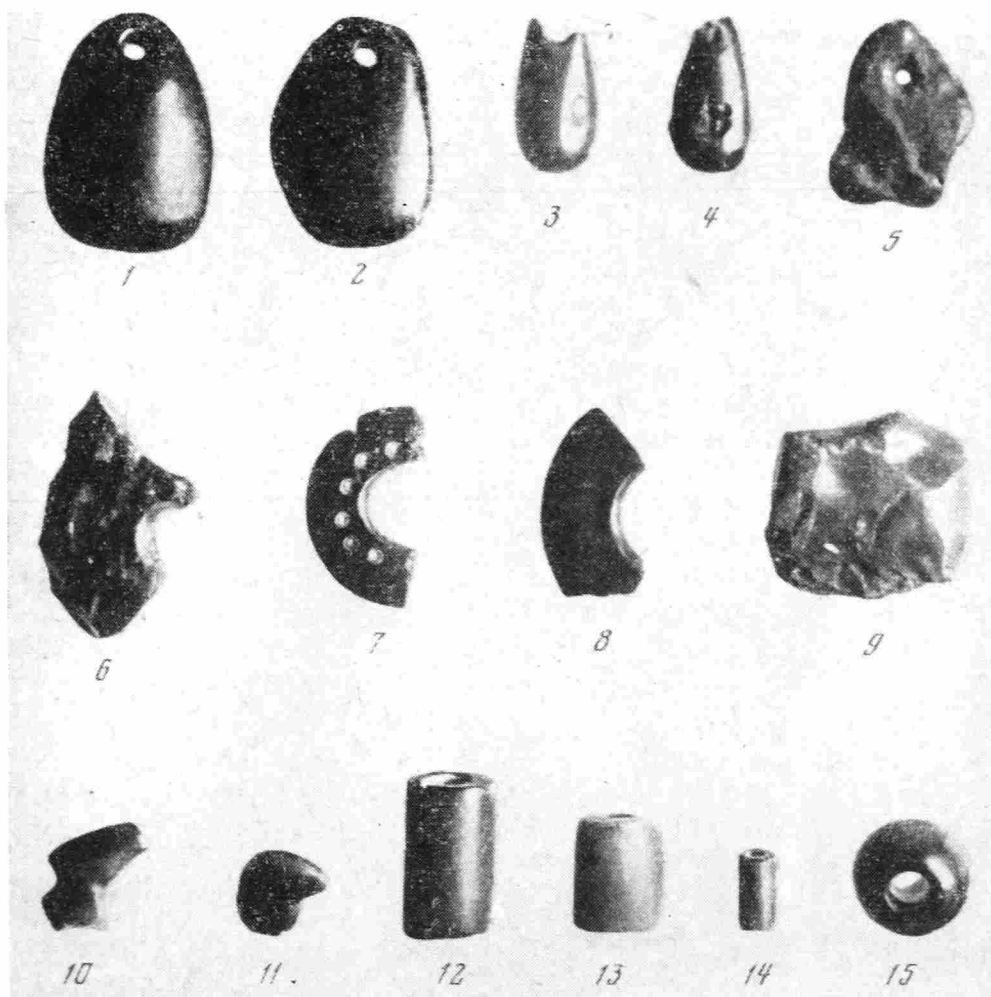

Рис. 2. Янтарные изделия культуры ямочно-гребенчатой керамики (Лубанская низменность)

1—5 — подвески, Сулька, 6—8 — кольца, Сулька, 9 — полуфабрикат пуговицы, Сулька, 10, 11 — головки фигурок животных — лося и болотного бобра, Абора II и Сулька, 12—15 — пронизи, Сулька

Новейшие материалы из торфяниковых стоянок Найниексте и Пшестиня (свыше 300 изделий) позволяют выделить на этой территории следующую по времени за типичной ямочно-гребенчатой керамикой ступень развития янтарных украшений. Этот новый комплекс янтарных изделий сопровождается керамикой с пористой массой (так называемой керамикой типа Пшестиня), датируемой второй половиной III тысячелетия до н. э. В последнее время керамика этого типа выделена в самостоятельную группу, отличающуюся от ямочно-гребенчатой керамики в Эстонии и Финляндии¹².

В целом для керамики данной группы свойственны те же типы украшений, что и для типичной ямочно-гребенчатой керамики: подвески, цилиндрические пронизи, пуговицы с V-образным отверстием, кольца и фигурки птиц. Однако некоторые типы украшений имеют отличия. В первую очередь это наблюдается в подвесках, изготовленных исключительно из пластинок трапециевидной формы. По характеру линии среза нижнего края этот вид украшения может быть разделен на две группы. Первую из них составляют подвески с прямым (рис. 3, 6, 7, 8) основанием, вторую — с вогнутым (рис. 3, 4, 5). Отдельные экземпляры подвесок этой группы имеют волнистые края или насечки по краю.

¹² Ф. А. Загорский. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии. Автореф. канд. дис. Рига, 1967, стр. 17—19.

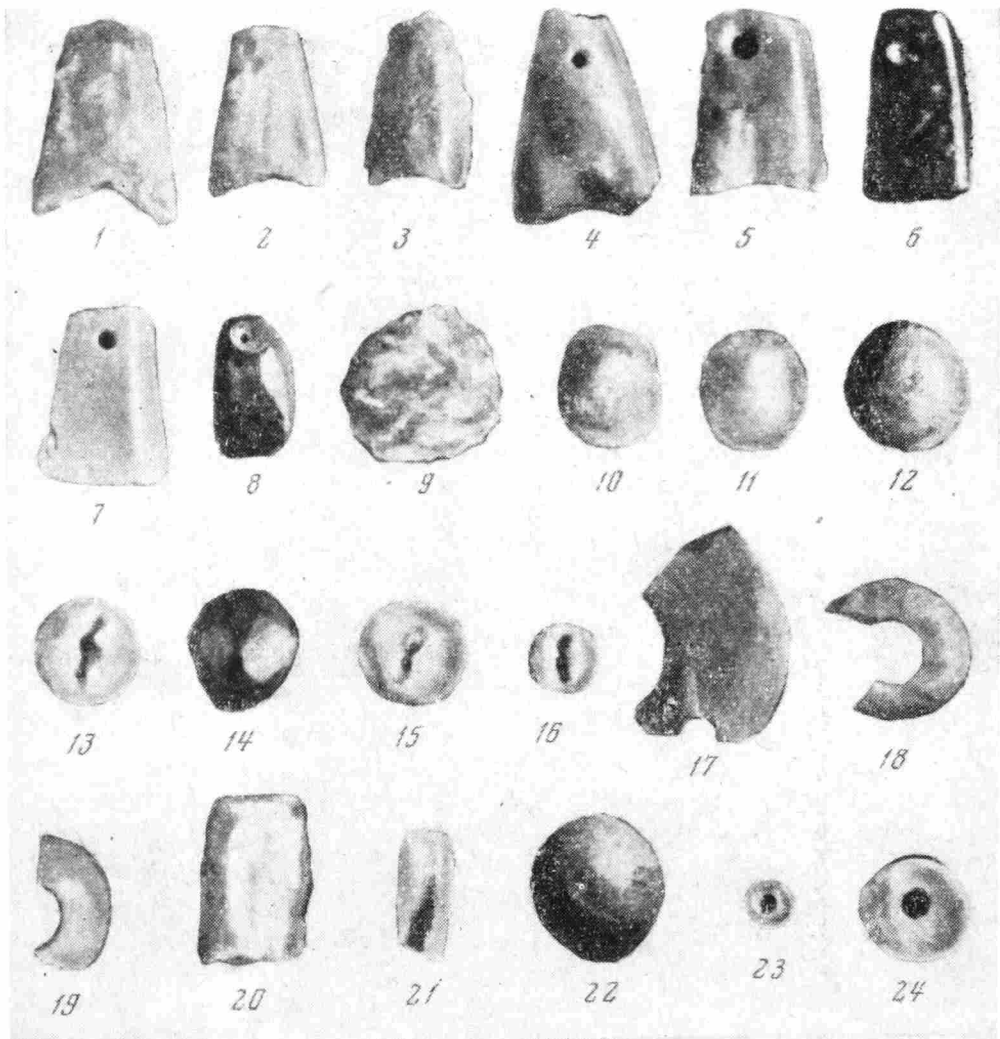

Рис. 3. Янтарные изделия культуры пористой керамики восточнолатвийского типа, стоянка Найниексте (Лубанская низменность)

1—3 — полуфабрикаты трапециевидных подвесок, 4—8 — пластинчатые трапециевидные подвески, 9—11 — полуфабрикаты пуговиц, 12—16, 22 — пуговицы с V-образно просверленными отверстиями, 17—19 — кольца, 20, 21 — полуфабрикаты пронизей, 23, 24 — пронизи

Цилиндрические пронизи составляют вторую, наиболее крупную группу изделий, сопровождающих керамику типа Пиестиня. Пронизи этой культуры характеризуются изящными, утонченными формами с расширенной, округлой в сечении средней частью (рис. 3, 21). Отдельные экземпляры пронизей изготовлены в виде плоских кружков с аккуратными отверстиями посередине (рис. 3, 23, 24).

Пуговицы с V-образными сверлинами имеют округлую (рис. 3, 13, 15, 16) или овальную (рис. 3, 10, 14) форму. Поперечное сечение у них плоско-выпуклое или обоюдовыпуклое (линзовидное). Янтарные кольца, связываемые с этой группой керамики, имеют угловатое или выпуклое поперечное сечение и утонченный наружный край (рис. 3, 17—19). На стоянке Найниексте обнаружена фигурка водоплавающей птицы (утки).

Помимо янтарных поделок среди находок со стоянок Найниексте и Пиестиня заслуживают внимания также полуфабрикаты изделий, брак и отходы производства, позволяющие восстановить процесс обработки янтаря. Изучение этих материалов позволяет установить строгую закономерность в изготовлении отдельных типов украшений. При изготовлении пуговиц с V-образно просверленными отверстиями (рис. 3, 9, 14) и трапециевидных подвесок (рис. 3, 1—3) шлифовка предшествовала сверлению отверстий,

тогда как при изготовлении цилиндрических пронизок (рис. 3, 20) и колец (рис. 2, 6) она завершала процесс.

Янтарные изделия, сопровождающие керамику типа Пиестиня, имеют больший ареал распространения, чем украшения, встречающиеся вместе с ямочно-гребенчатой керамикой. Так, пластинчатые трапециевидные подвески хорошо представлены в юодкрантской коллекции с юго-восточного побережья Балтийского моря¹³, на стоянке Кончанское под Новгородом¹⁴ и в погребениях на стоянке Сахтыш на Верхней Волге¹⁵. Отдельные экземпляры подобных подвесок обнаружены в свайном поселении на р. Модлоне¹⁶. Сопровождающие эту группу керамики тонкие пронизы с расширенной средней частью встречены еще только на территории Верхней Волги¹⁷, что говорит о более узком их распространении по сравнению с предшествующим типом украшений.

Пуговицы с V-образно просверленными отверстиями, известные также из юодкрантской¹⁸ и сарнатской¹⁹ коллекций, не характерны для северного побережья Балтики, несмотря на то что отдельные их экземпляры проникли в северные области европейской части СССР (стоянки на р. Модлоне и Белом озере)²⁰.

Янтарные кольца, сопровождающие керамику типа Пиестиня, мало отличаются от подобных изделий, характерных для культуры ямочно-гребенчатой керамики, что не позволяет дифференцировать их хронологию. Однако ареал их распространения охватывает не только северное, но и юго-восточное побережье Балтийского моря²¹.

Таким образом, новый археологический материал свидетельствует, что в эпоху развитого неолита на территории Восточной Прибалтики изделия из янтаря широко употреблялись уже носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Расцвет обработки янтаря на территории Лубанской низменности наблюдается в эпоху позднего неолита — в первой половине II тысячелетия до н. э. Памятники этого времени в Восточной Латвии характеризуются смешанным керамическим комплексом, представленным помимо поздней керамики типа Пиестиня текстильной и шнуровой керамикой.

Новые материалы (450 изделий) с ряда стоянок позднего неолита (Абора I, Асне, Лагажа и Эйни) позволяют выделить характерные для этого времени типы янтарных изделий. Среди них основное место занимают подвески, пуговицы с V-образным сверлением отверстий, цилиндрические пронизы, а также «срединные» или «концевые» части для скрепления ожерелий, фигурные украшения и изображения (последние встречаются значительно реже).

Подвески поздненеолитического времени делятся на две группы: одну из них составляют асимметричные (рис. 4, 4), а вторую — удлиненные по форме подвески, иногда со слегка скошенным нижним краем (рис. 4, 6). Изделия этого вида имеют ту же особенность: отверстия у них проходят через верхнюю и боковую стороны.

В виде исключения встречены единичные экземпляры подвесок пластинчатой (рис. 4, 3) и каплевидной формы, некоторые из них близки по

¹³ R. Klebs. Ук. соч., табл. VI, 5, 9.

¹⁴ Н. Рерих. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. ЗОРСА РАО, V, 1, СПб., 1903, табл. I, 1, 3, 5 и т. д.

¹⁵ Материалы Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР. Автор благодарен руководителю экспедиции Д. А. Крайнову за предоставленную возможность ознакомиться с материалами.

¹⁶ А. Я. Брюсов. Ук. соч., рис. 9, 12, 13.

¹⁷ Материалы Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР.

¹⁸ R. Klebs. Ук. соч., табл. II, 2—4, 9.

¹⁹ Л. В. Ванкина. Ук. соч., стр. 147.

²⁰ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 195, 196, рис. 100.

²¹ T. Edgren. Ук. соч., рис. 14, C; А. Аугрэйя. Ук. соч., стр. 18; R. Klebs. Ук. соч., табл. IV, 6, 8.

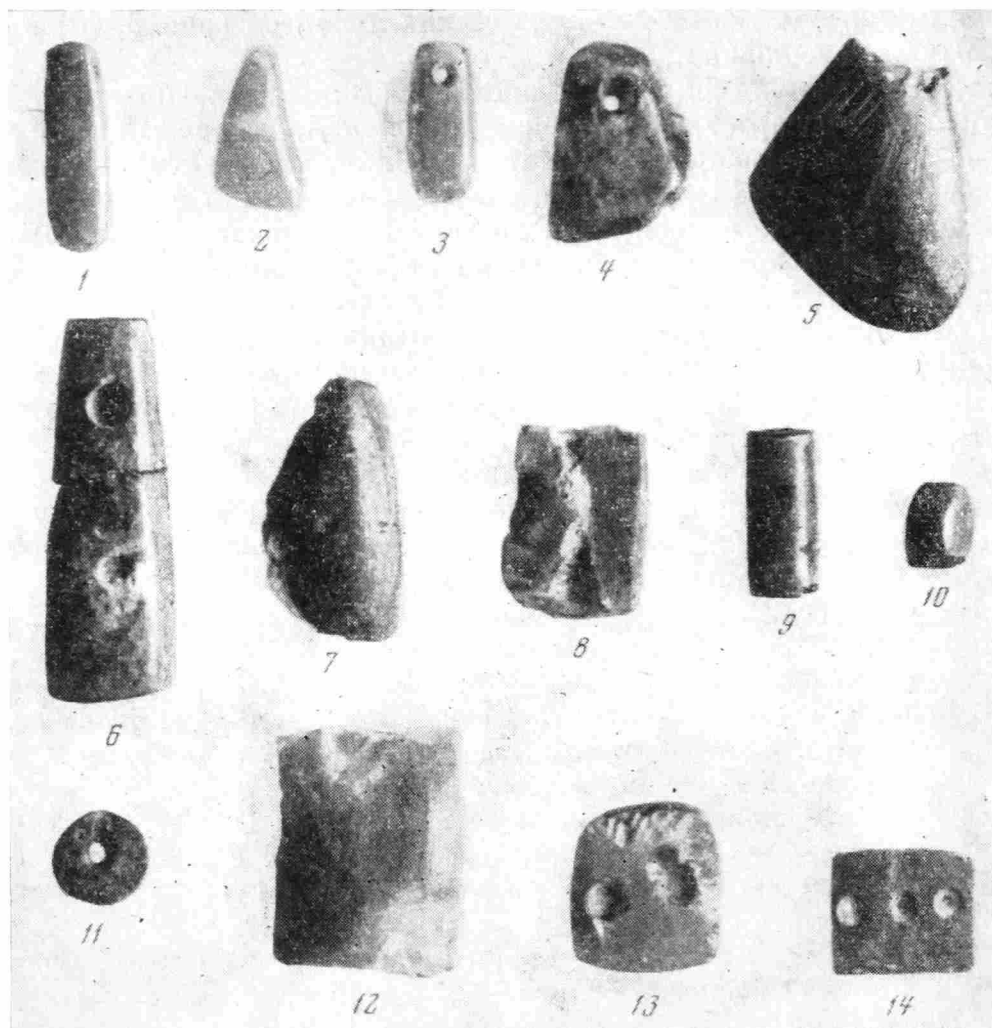

Рис. 4. Поздненеолитические янтарные изделия, стоянка Лбора I (Лубанская низменность)

1—7 — подвески, 8 — полуфабрикат пронизи, 9—11 — пронизи, 12 — полуфабрикат пуговицы, 13 — пуговица с незаконченными V-образными сверлениями, 14 — пуговица

форме к подвескам топовидным (рис. 4, 2) и долотовидным (рис. 4, 1).

Пуговицы с V-образным сверлением отверстий из поздненеолитических памятников также подразделяются на две группы, одну из которых составляют округлые, а другую — четырехугольные по форме (рис. 4, 13, 14). Последняя группа делится на мелкие подгруппы, среди которых выделяются прямоугольные и почти квадратные пуговицы с округленными углами. Для обеих групп пуговиц, как округлых, так и четырехугольных, характерно плоско-выпуклое поперечное сечение, аккуратно отшлифованная поверхность и небрежно обработанная внутренняя сторона, нередко покрытая естественной патиной.

Пронизи из поздненеолитических памятников Лубанской низменности имеют преимущественно цилиндрическую форму с округлым поперечным сечением (рис. 4, 9). Некоторые пронизи имеют бочкообразную и кольцеобразную форму (рис. 4, 11).

Особую, но немногочисленную группу изделий составляют «срединные» и «концевые» части, служившие для скрепления ожерелий и состоящие из пронизок, пуговиц и подвесок. Эти предметы изготовлены в виде усеченного конуса (с поперечными и продольными отверстиями), плоского кружка (с двумя отверстиями посередине) и прямоугольника (с боковыми сверлениями).

Новую для поздненеолитических стоянок Восточной Латвии категорию изделий представляют фигурные украшения и изображения, относящиеся к предметам культового назначения.

Фигурные украшения сделаны в виде сердцевидных и грибовидной подвески с боковыми сверлениями. Поверхность изделий украшена мельчайшими сверлениями. Одна большая сердцевидная подвеска в нижней части имеет ряд V-образных сверлений для прикрепления к ней подвесок меньших размеров. К фигурным изображениям относятся два предмета, обнаруженные в погребении на стоянке Абора I. Одно из них — в виде сильно стилизованной змеевидной фигурки с отчетливо очерченными глазами и ртом; другое — в виде более массивной подвески с выемкой в нижней части.

Поздненеолитические янтарные изделия из Лубанской низменности имеют параллели в материалах юодкрантской коллекции, что указывает на некоторую общность приемов изготовления украшений в этих двух восточноприбалтийских центрах обработки янтаря. В первую очередь мы имеем в виду пуговицы округлых и прямоугольных форм с плоско-выпуклым поперечным сечением, богато представленные в упомянутой коллекции²². Такие же параллели имеют цилиндрические пронизи²³.

Среди поздненеолитических изделий из Лубанской низменности наиболее оригинальны подвески симметрических форм с отверстиями, проходящими через боковую и верхнюю стороны. Подобные изделия не имеют параллелей на соседних территориях. Аналогичные по форме подвески, но с боковыми сверлениями отверстий в последнее время обнаружены на Среднем Днепре, в могильнике Стрелица²⁴.

Описанный нами материал в целом свидетельствует о различии комплексов янтарных изделий, сопровождающих отдельные культуры рассматриваемой территории (рис. 5). Однако для всех названных культур как развитого, так и позднего неолита характерно преобладание подвесок как основной формы янтарных украшений этого центра обработки янтаря. Преобладание подвесок характерно и для юго-восточного побережья Балтийского моря, тогда как на южном побережье, в частности в ютландском центре обработки янтаря, преобладают пронизи²⁵.

Второй наиболее характерный тип украшений из лубанского центра обработки — пуговицы с V-образным сверлением отверстий. Они получили широкое распространение и на юго-восточном побережье Балтийского моря в культурах шарообразных амфор²⁶ и в поморской²⁷. Они не свойственны культурам ютландского центра обработки янтаря.

Третий наиболее типичный вид украшений из неолитических стоянок в Лубанской низменности представляют цилиндрические пронизи, составляющие количественно меньшую группу по сравнению с двумя упомянутыми типами украшений.

Таким образом, новый центр обработки янтаря эпохи неолита характеризуется преобладанием подвесок и большой их дифференциацией, в то время как пуговицы с V-образным сверлением отверстий и цилиндрические пронизи более малочисленны.

Новые материалы, добытые в Лубанской низменности, позволяют заново пересмотреть некоторые вопросы, связанные с изучением янтарных украшений на восточном побережье Балтийского моря. В первую очередь это касается вопроса о распространении янтаря и изготовленных из него изделий в культуре гребенчатой керамики. Как известно, этот вопрос неоднократно рассматривался в литературе и получил отражение в специальных исследованиях, среди которых особого упоминания заслуживают

²² R. Klebs. Ук. соч., табл. II, 3, 17, 19—21.

²³ Там же, табл. I, 6, 10.

²⁴ Материалы Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР. Автор благодарен руководителю экспедиции И. И. Артеменко за любезно предоставленную возможность ознакомиться с новейшими материалами.

²⁵ P. V. Glob. Danske Oldsager. II. Yngre Stenalder. København. 1952, стр. 88.

²⁶ Ed. Sturms. Der Bernsteinschmuck der östlichen Amphorenkultur, Rheinische Forschungen zur Vorgeschichte, 5. Documenta Archaeologica Wolfgang La Baume dedicata. Bonn, 1956, стр. 13—20.

²⁷ L. Kilia n. Haffküstenkultur und Ursprung, стр. 57—58.

Основные типы янтарных изделий	Развитый неолит Гребенчато-ямочная керамика	Керамика типа пестиня	Поздний неолит Комплекс со шнуровой керамикой
Пуговицы с углубленным отверстием			
Цилиндрические пронызки			
Подвески			
Фигурные украшения			
Изображения			
Кольца			
Прочие типы изделий			

Рис. 5. Основные типы янтарных украшений эпохи неолита (Лубанская низменность)

статьи А. Эйрпя²⁸. Им обобщены все данные о распространении янтаря на этой территории и сделан вывод о проникновении янтаря в эти культуры в основном с юго-восточного побережья Балтийского моря²⁹. Этому же мнению придерживались и другие исследователи, в том числе Эд. Штурмс³⁰ и А. Брөггер³¹. Однако некоторые исследователи, как, например, М. Эберт, допускали возможность проникновения янтарных изделий в северо-западные области России (Кончанское) из более восточного центра³².

Новый материал из Лубанской низменности в сопоставлении с янтарными изделиями из соседних областей позволяет утверждать, что в эпоху развитого неолита этот центр обработки янтаря имел немаловажное значение в распространении янтарных изделий. Например, возможно, что пластинчатые трапециевидные подвески проникли на территорию Верхней Волги (могильник на стоянке Сахтыш)³³ и в Новгородскую область (Кончанское)³⁴ именно из лубанского центра обработки янтаря, территориально расположенного ближе, чем юго-восточное побережье Балтийского моря. На Верхней Волге (Сахтыш) встречаются также утонченные пронизи с расширенной средней частью³⁵, широко представленные среди находок из Лубанской низменности. Не исключена возможность, что наряду с янтарным сырьем изделия из него или по крайней мере модели проникали в более отдаленные от Лубанской низменности области (стоянки на реке Модлоне и озере Белом)³⁶. По-видимому, выгодное географическое расположение нового центра обработки янтаря, находившегося в непосредственной близости от крупной речной магистрали — Даугавы (Зап. Двина), послужило стимулом развития межплеменных связей не только с добывающими янтарь прибрежными племенами, но и с верхнедвинскими и верхневожскими племенами.

Наконец, не исключено, что янтарь и изготовленная из него продукция могли проникнуть также в северо-восточную Прибалтику и на сопредельные территории — в Южную Финляндию (шаровидные бусины, подвески округло-плосковатой формы)³⁷.

Таким образом, не обязательно считать, что юго-восточное побережье Балтийского моря было единственным центром, снабжавшим янтарными изделиями всю территорию распространения культуры ямочно-гребенчатой керамики и близких ей по времени культур, как это делалось ранее³⁸. Более правдоподобным кажется предположение о расположении этого центра не на самой периферии ареала распространения в Прибалтике ямочно-гребенчатой керамики, а в областях, расположенных ближе к центру.

Материалы вновь открытого центра обработки янтаря в Восточной Латвии представляют большой интерес для исследования распространения янтаря в поздненеолитических культурах восточного побережья Балтийского моря. Этот вопрос неоднократно рассматривался в литературе. Известностью пользуются работы Эд. Штурмса, посвященные изучению янтарных украшений юго-восточной Прибалтики и обмена янтарем на территории распространения культур шарообразных амфор и шнуровой керамики³⁹. Обилие находок янтарных изделий на этой территории позволи-

²⁸ A. Äyräpä. Die Verbreitung..., стр. 10—25; его же. Neue Beiträge zur Verbreitung des Bernsteins in kammkeramischen Gebiet. «Šwiatowit», XXXIII, 1960, стр. 235—247.

²⁹ A. Äyräpä. Die Verbreitung..., стр. 23.

³⁰ Ed. Sturms. Der ostbaltische Bernsteinhandel..., стр. 177.

³¹ A. Brögger. Den arktiske stenalderi Norge. Christiania, 1909, стр. 110—111.

³² RU, VII, стр. 22.

³³ Материалы Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР.

³⁴ Н. Рерих. Некоторые древности..., табл. I, 1—3, 5, 21.

³⁵ Материалы Верхневолжской экспедиции.

³⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история..., стр. 195, 196, рис. 100.

³⁷ V. Luho. Kokemäen Pispan..., рис. 19; T. Edgren. Jäkärälä — Gruppen..., рис. 14, C, 21, r.

³⁸ A. Äyräpä. Die Verbreitung..., стр. 23.

³⁹ Ed. Sturms. Der ostbaltische Bernsteinhandel..., стр. 168.

до исследователям высказать предположение о том, что именно эти культуры особенно богаты янтарем⁴⁰. Этим районам противопоставлялись бедные янтарными находками северо-восточные территории Прибалтики. Малое количество находок изделий на этих территориях объяснялось не только прекращением обмена янтарем в поздненеолитическую эпоху⁴¹, но и малым распространением его к северу от центра размещения культур шнуrowой керамики⁴².

Новейшие материалы, добытые в Лубанской низменности, не подтверждают этих гипотез. Они как раз свидетельствуют о расцвете обработки янтаря в эпоху позднего неолита.

В эпоху позднего неолита янтарные изделия из Лубанской низменности в противоположность украшениям развитого неолита распространены на территориях, наиболее удаленных от нового центра обработки янтаря (могильник Стрелица на Среднем Днепре), что, по всей вероятности, указывает на возросшую роль этого центра в снабжении янтарными украшениями соседних районов, несмотря на наличие таких центров на юго-восточном побережье, как районы Куршской косы и Паланги.

Изложенный нами материал позволил четко выделить три основные стадии развития янтарных изделий эпохи неолита в северо-восточной части Прибалтики. Значение этих материалов не ограничивается определением их принадлежности к одному или нескольким культурно-хронологическим комплексам. Они служат также отправной точкой при разработке вопросов, касающихся распространения янтарных изделий и их хронологии на смежных с Лубанской низменностью территориях. Сказанное относится к материалам юодкрантской коллекции и к материалам клада из с. Кончанского Новгородской области. Если первые из них в свете новых данных можно связать с различными культурными комплексами (по крайней мере три напластования), то последние представляют собой более или менее чистый комплекс украшений развитого неолита.

I. Losé

UN NOUVEAU CENTRE DU TRAVAIL DE L'AMBRE A L'EPOQUE NÉOLITHIQUE DANS LE PAYS BALTIQUE EST

Résumé

On connaissait jusqu'à nos jours, sur le littoral Est de la Baltique, deux centres du travail de l'ambre à l'époque néolithique: c'est la région de la langue Kourchskaia et de Palanga (Lituanie) et Sarnate (partie Ouest de la Lettonie). Au cours des fouilles de ces dernières années, a été découvert un nouveau centre du travail de l'ambre, situé dans la partie Est de la Lettonie, sur la basse contrée de Lubana. Une collection est rassemblée, comprenant plus de 870 articles en ambre — tout faits ou semifabriqués, de même que plusieurs milliers d'éclats et de morceaux naturels d'ambre.

L'étude des matériaux du nouveau centre du travail d'ambre découvre toute son importance dans la propagation des articles en ambre vers le Nord et le Nord-Est par rapport au pays Baltique Est; cela permet de reviser la thèse, produite antérieurement, sur le littoral Sud-Est de la Baltique comme l'unique région qui fournissait d'ambre les vastes étendues de l'Europe Est.

⁴⁰ Там же, стр. 177—178.

⁴¹ Л. Ю. Я н и т с. Поселения эпохи неолита..., стр. 284.

⁴² А. А у г ä р ä ä. Die Verbreitung..., стр. 16.

В. Г. ЗБЕНОВИЧ

ДРЕВНЕЙШИЕ МЕДНЫЕ ТОПОРЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Среди древнейших металлических изделий на территории Центральной и Юго-Восточной Европы особое место занимают проушные медные топоры. Сейчас известны сотни этих орудий, встреченных при раскопках энеолитических поселений и могильников, вкладах, однако чаще всего — в качестве случайных находок. Большой вес, значительные размеры топоров и многообразие их форм убедительно свидетельствуют о широких масштабах добычи и обработки меди на территории балкано-карпатского рудного района уже на сравнительно ранних этапах эпохи энеолита.

Типология проушных медных топоров сейчас разработана достаточно полно благодаря целому ряду специальных исследований¹.

Выделяются два основных типа этих изделий: топоры-молоты и так называемые топоры-мотыги. К первому типу относятся орудия сравнительно небольших размеров с удлиненной передней (рубящей) частью и коротким массивным обушком. Второй тип представляют большие орудия с двумя противоположными рабочими краями (лезвиями) — поперечным (топор) и продольным (мотыга). Топоры-мотыги (в литературе они часто называются «топорами с крестовидным сечением») заметно преобладают в количественном отношении. Исследователями высказаны различные мнения по поводу функционального назначения топоров-мотыг. Их считают, например, орудиями для добычи медной руды², сельскохозяйственными орудиями³, оружием⁴. Представляется, однако, более вероятным, что они не были узко специализированными изделиями, а имели широкое и разностороннее применение.

Тот факт, что большое количество проушных медных топоров найдено на территории Трансильвании, где имеются богатые месторождения меди, в свое время привел многих археологов к выводу о трансильванском происхождении всех изделий этого типа⁵. Однако исследования последних лет показали, что существовали и иные центры их производства; один из них, в частности, находился на территории Словакии⁶.

¹ J. Driehaus. Zur Datierung und Herkunft donauländischer Axttypen der frühen Kupferzeit. «Archaeologia Geographica», 1/3, Hamburg, 1952, стр. 1—8; M. V. Garašanin. Schaftlochhäxte aus Kupfer in den Sammlungen serbischer Museen. 34, Berlin, 1954, стр. 61—76; F. Schubert. Zu den südosteuropäischen Kupferäxten. «Germania», 2, Berlin, 1965, стр. 274—295.

² F. Pulszky. Die Kupferzeit in Ungarn. Budapest, 1884, стр. 69.

³ В. Миков. Медни бравди-копачи от България. Изследования в памет на Карел Шкорпил. София, 1961, стр. 369—384.

⁴ D. Berciu. Contribuții la preistoria Transilvaniei. «Apulum», I, Cluj, 1939—1942, стр. 25.

⁵ M. Roska. Über die Herkunft der kupfernen Hacken, Axthacken, Hammeräxte und Pickelhacken vom ungarischen Typus. Közlemények. II, 1, Kolozsvár, 1942, стр. 59—68; M. V. Garašanin. Ук. соч.

⁶ M. Novotná. Medené nástroje a problém najstaršej ťažby medi na Slovensku. SA, III, Bratislava, 1955, стр. 70—100.

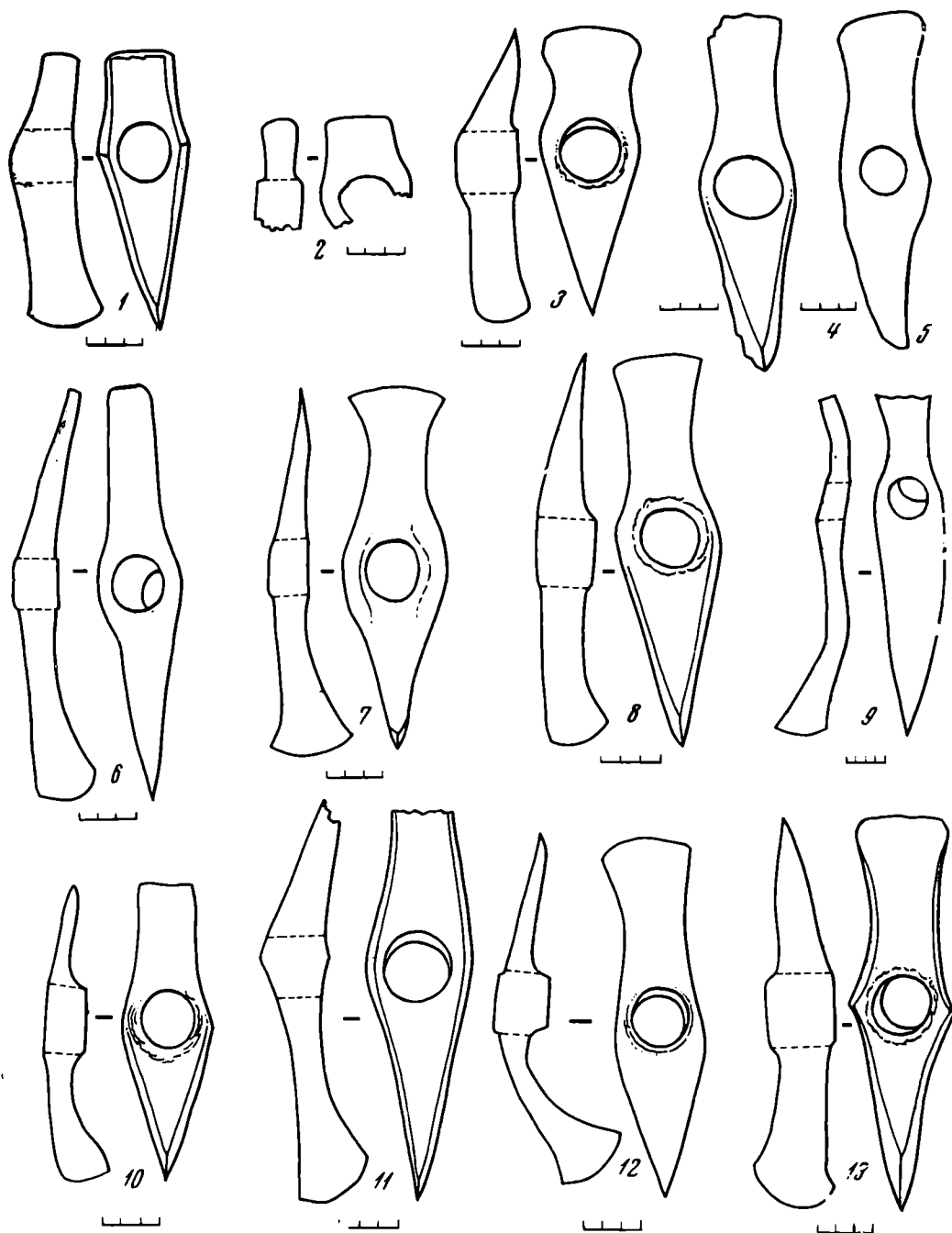

Рис. 1. Сводная таблица медных топоров с территории Украины

1 — Березовская ГЭС; 2 — с. Росохач; 3 — с. Гоноривка; 4 — с. Возилы; 5 — с. Севериновцы; 6 — с. Давидовцы; 7 — с. Большое Залесье; 8 — с. Германовка; 9 — с. Коршев; 10 — с. Милеев; 11 — г. Каменец-Подольский, урочище Татариска; 12 — с. Рынгач; 13 — с. Городница

Из этих районов готовые изделия распространялись к югу и востоку. Они обнаружены на территории Югославии⁷, Болгарии⁸, Румынии⁹, Польши¹⁰. Будучи найденными в надежных стратиграфических условиях, медные топоры являются хорошим источником для установления хронологического соотношения между различными культурами эпохи энеолита, занимавшими подчас весьма отдаленные друг от друга районы.

⁷ M. Garašanin. Ук. соч.

⁸ В. Миков. Ук. соч.

⁹ D. Berciu. Ук. соч.; A. Vulpe, Cu privire la cronologia topoarelor de aramă cu brațele «in cruce». SCIV, 1964, 4, стр. 457—466.

¹⁰ L. Graba-Lęska, W. Szymański. Znaleźisko topora miedzianego w miejscowości Konicmosty, pow. Pińczów. WA, XXIV, 1—2, Warszawa, 1957, стр. 88, рис. 2.

Рис. 2. Медные топоры разных типов с территории Украины
 1 — с. Гоноривка; 2 — с. Рынгач; 3 — Березовская ГЭС; 4 — с. Большое
 Залесье; 5 — г. Камень-Подольский, урочище Татариска

В этой связи большой интерес представляют энеолитические проушные топоры западного происхождения, найденные на территории СССР¹¹.

До недавних пор были известны восемь топоров (рис. 1), обнаруженные еще в предвоенные годы в западных областях Украины — Тернопольской (Росохач, Возилов, Гермаковка), Ивано-Франковской (Городница, Коршев), Хмельницкой (Севериновцы), Черновицкой (Давидовцы, Милев). Еще один топор был найден у с. Чимшиля на юге Молд. ССР. Рисунки этих топоров приведены в недавней статье Т. Сулимирского, посвященной вторичной публикации замечательного клада медных изделий из с. Городница, в составе которого был найден топор-мотыга¹². Значение последней находки весьма велико, так как Городницкий клад был обнаружен на трипольском поселении в расписном трипольском сосуде, что, несомненно, указывает на связь клада с поселением. Все остальные упомянутые

¹¹ В настоящей статье не упоминаются энеолитические медные топоры кавказского происхождения, найденные на территории европейской части СССР.

¹² T. Sulimirski. Copper Hoard from Horodnica on the Dniester. «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», XCI, Wien, 1961, стр. 91—97.

топоры являются случайными находками, хотя следует отметить, что происходят они со сравнительно небольшой территории, занятой в эпоху энеолита трипольскими племенами¹³.

В последние годы на территории Украины было обнаружено еще пять медных топоров, причем некоторые из них, несомненно, связаны с памятниками трипольской культуры. Приводим описание этих топоров¹⁴.

1. Топор-молот (рис. 2, 3) обнаружен в 1964 г. при раскопках трипольского поселения у Березовской ГЭС на р. Южный Буг (Гайворонский район, Кировоградская область)¹⁵. Он находился на глубине 0,51 м от современной поверхности, на 0,2 м выше глинобитного наземного жилища (площадки) № 7, разрушенного при вспашке и, несомненно, происходит с этой площадки. Топор хорошей сохранности; поверхность его покрыта темно-зеленой патиной. Вес топора 0,7 кг, длина 13 см, причем $\frac{2}{3}$ длины приходится на переднюю часть орудия. Лезвие топора плавно закруглено, ширина его 4 см. Задняя часть орудия укорочена и несколько скошена назад к массивному утолщенному обушку шириной 3,5 см. Проушина для рукоятки округлая, диаметром 2,8 см. Верхняя часть топора у проушины несколько утолщена. На боках (по диаметру проушины) четко выделяются чуть закругленные ребра, ширина топора в этом месте достигает 3,7 см. Вокруг обушной части топора на верхней и нижней его плоскостях хорошо заметны напльвы металла, а вокруг отверстия — подтреугольные вмятины.

Металлографический анализ показал, что топор был отлит по восковой модели в разъемной глиняной форме (проушина получена в процессе литья), а затем подвергнут дополнительной проковке для устранения литейных пороков — швов, заусенцев и т. п. Лезвие топора было проковано особенно сильно и тщательно.

2. Топор-мотыга (рис. 2, 4) найден в 1954 г. в с. Большое Залесье Каменец-Подольского района Хмельницкой области. Обстоятельства находки неизвестны¹⁶.

Сохранность топора хорошая. В длину он достигает 20 см, причем обе его части симметричны относительно проушины и слегка опущены. Лезвия топора и мотыги плавно закруглены и имеют хорошо выраженные закраины; ширина первого 4, второго 5 см. Проушина овальной формы, диаметр ее 3—3,3 см. Бока топора у проушины расширены (до 5,5 см) и плавно закруглены. На верхней плоскости у проушины имеется невысокий ободок, для выделения которого мастером было выбито вокруг проушины кольцевое углубление.

Металлографический анализ показал, что топор был отлит в двусторонней форме со вставным стержнем, а затем дополнительно обработан горячей ковкой. По мнению Н. В. Рындиной, изучавшей орудие под бинокулярным микроскопом, оно употреблялось в качестве мотыги, о чем говорят следы на его поверхности.

3. Топор-мотыга (рис. 2, 5) найден в 1953 г. при рытье ямы для столбов электропередачи на окраине г. Каменец-Подольского (урочище Татариска)¹⁷. В этом месте на плато высокого берега р. Смотрич находится большое трипольское поселение, и хотя топор найден вне жилища, значительная глубина находки (более 1 м) говорит о том, что он вполне может относиться к культурному слою поселения.

¹³ Там же, стр. 94, 95.

¹⁴ Спектральный анализ, проведенный Е. Н. Черныхом в лаборатории ИА АН СССР, показал, что все пять топоров изготовлены из чистой меди. Metalлографический анализ проведен Н. В. Рындиной в лаборатории спектрального и структурного анализа при кафедре археологии МГУ.

¹⁵ Искренне благодарю автора раскопок В. П. Цыбескова за предоставленную мне возможность опубликовать топор.

¹⁶ Каменец-Подольский краеведческий музей, инв. № 673.

¹⁷ Там же, инв. № 663.

Орудие сохранилось неполностью (рабочая часть мотыги отсутствует). Обе его части симметричны относительно проушины и несколько опущены, образуя выступы на верхней и нижней плоскостях орудия у отверстия. Лезвие топора слегка скошено вниз и плавно закруглено. Боковые грани у проушины слегка расширены и ребристы. Проушина круглая, диаметр ее 3,5 см. Длина сохранившейся части орудия 22 см.

Металлографический анализ показал, что изделие было отлито в двусторонней форме со вставным стержнем и затем дополнительно обработано горячей ковкой для устранения литейных швов. Н. В. Рындина считает, что лезвие мотыги не было сломано в процессе работы. Отсутствие его — это результат литейного брака, по какой-то причине не исправленного мастером в процессе последующей проковки.

4. Топор-мотыга (рис. 2, 2) происходит из с. Рынгач Новоселицкого района Черновицкой области. В 1958 г. жителями села был найден глиняный сосуд, в котором находилось восемь медных топоров. Сосуд был разбит на месте находки, а топоры впоследствии переплавлены. Сохранился лишь один из них, который спустя три года был передан сотруднику Черновицкого краеведческого музея Б. А. Тимощуку¹⁸. На месте, где был найден клад, Б. А. Тимошук обнаружил обломки трипольского сосуда. Это обстоятельство, подтвержденное рассказом очевидцев находки, не вызывает сомнения в том, что клад был обнаружен в типичном трипольском горшке из отмученной глины. Топор хорошо сохранился. Длина его 19 см. Передняя часть орудия плавно изогнута, лезвие шириной 4 см слегка закруглено. Задняя часть (мотыга) расширена и имеет хорошо выраженные закраины. Круглая проушина (диаметром 3 см) снабжена втулкой, которая снизу выступает на 1 см, а на верхней плоскости выделяется в виде невысокого бортика.

Металлографический анализ показал, что топор отлит в форме со вставным стержнем и затем обработан горячей ковкой для устранения пороков литья.

5. Топор-мотыга (рис. 2, 1) найден в с. Гоноривка Новоселицкого района Черновицкой области¹⁹ при добыче глины на глубине 0,4 м и передан находчиком сотруднику Черновицкого краеведческого музея Б. А. Тимощуку²⁰. Топор хорошей сохранности. Длина его 15 см. Неширокое (2,7 см) вертикально поставленное лезвие слегка закруглено, горизонтально расположенное (мотыга) — расширено (5 см). Проушина имеет форму овала (диаметр 3,2—3,5 см). Вокруг нее на верхней и нижней плоскостях орудия имеется невысокий, слегка уплощенный борттик. Топор был отлит в двусторонней форме со вставным стержнем, а затем доработан горячей ковкой.

Итак, на территории Украины и Молдавии обнаружено 15 медных проушных топоров (пятнадцатый происходит из знаменитого Карбунского клада), связанных с памятниками трипольской культуры даже в том случае, когда они являются случайными находками. В этой серии выделяются орудия разных форм, что позволяет разделить ее на ряд хронологических групп. Наиболее архаичен медный топор-молот из Карбунского клада²¹ с простым нерасчлененным профилем. Ближайшие аналогии ему можно найти в памятниках северной части Балканского полуострова и в Восточной Словакии. Так, весьма сходный по форме топор-молот был найден вместе с другими медными изделиями на поселении в Плочнике (Сербия)²². Относится он к поздней фазе культуры Винча (Винча-Плочник).

¹⁸ Черновицкий краеведческий музей, инв. № 788.

¹⁹ Там же, инв. № 859.

²⁰ Приношу искреннюю благодарность Б. А. Тимощуку за разрешение опубликовать топоры из Рынгача и Гоноривки.

²¹ Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. СА, 1963. 1, стр. 139, рис. 2, 2.

²² М. Grbič. Pločnik, Äneolithische Ansiedlung. Beograd, 1929, стр. 15, рис. 100.

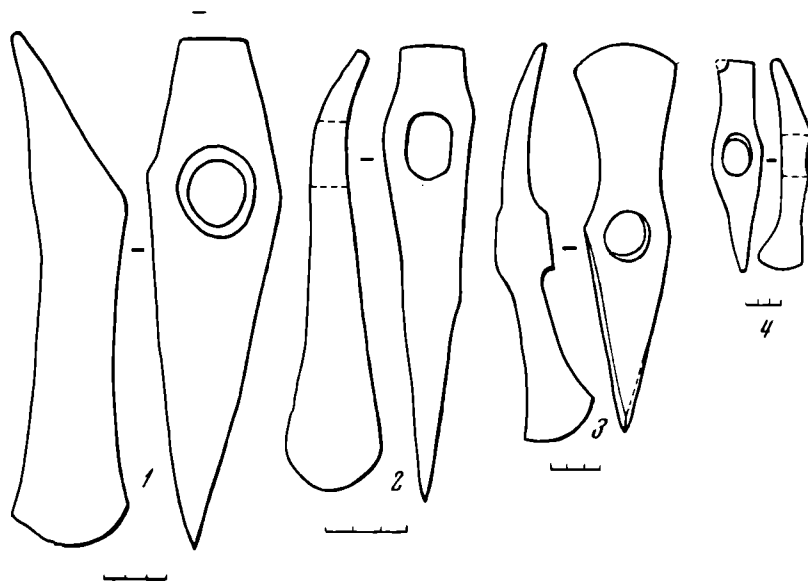

Рис. 3. Медные топоры с территории Румынии и Болгарии

1 — Кукутени; 2 — Хотница; 3 — Брад; 4 — Ариушт

Аналогичный топор выявлен при раскопках могильника тисаполгарской культуры в Тибаве (Словакия)²³. Как считает большинство исследователей, указанные культуры синхронны культуре Кукутени А (Триполье В/І — по классификации Т. С. Пассек). По-видимому, и поселение Карбуна, где был найден клад с медным топором, следует отнести к самому концу раннего этапа Триполья или даже к началу среднего Триполья (этап В/І)²⁴.

Более развитую форму имеет топор-молот со скошенным обухом, найденный на поселении у Березовской ГЭС. Это поселение относится к начальному этапу развитого Триполья²⁵. Таким образом, хронологический разрыв между топором из Карбунского клада (тип Горика — по классификации Ю. Дрихауза) и топором с Березовской ГЭС (тип Видра) весьма невелик, а возможно, они бытовали одновременно. На территории Юго-Восточной Европы известны топоры типа Видра, найденные в четких стратиграфических условиях. Такой топор происходит, в частности, из слоя культуры Кукутени А на эпонимном поселении (пункт Четэцуя). Автор раскопок М. Петреску-Дымбовица относит топор к поздней фазе этапа Кукутени А²⁶ (рис. 3, 1).

С территории Болгарии происходит топор-молот типа Видра, обнаруженный в жилище № 2 поселения в с. Хотница²⁷ (рис. 3, 2). Судя по керамике, найденной вместе с топором, он относится к начальной фазе культуры Гумельница (этап Гумельница А). К этапу В/І этой же культуры относится топор подобной формы, обнаруженный на поселении в Тею (Румыния)²⁸.

Таким образом, датировка топора-молота с поселения у Березовской ГЭС подтверждается находками аналогичных орудий в круге культур Кукутени А — Гумельница А2 — В/І, синхронных этапу В/І трипольской культуры.

²³ S. Šiška. Pohrebisko tiszapolgarskej kultury v Tibave. SA, XII, 2, 1964, рпс. 17, 11.

²⁴ К близкому выводу пришел и Л. С. Клейн. Об источниках медного импорта раннетрипольской культуры. ВЛГУ, 20, 4, Л, 1964, стр. 133—136.

²⁵ В. П. Цыбесков. Трипольское поселение возле Березовской ГЭС. КСОГАМ. Одесса, 1964, стр. 30—32.

²⁶ M. Petrescu-Dîmbovița. Evolution de la civilisation de Cucuteni à la lumière nouvelles fouilles archéologiques de Cucuteni — Băiceni. Rivista di Scienze Preistoriche, XX, 1, Firenze, 1965, стр. 161, рис. 3.

²⁷ Н. Ангелов. Селищна могила при с. Хотница. Сб. «Изследования в чест на акад. Д. Дечев», София, 1958, стр. 395, рис. 7.

²⁸ A. Vulpe. Ук. соч., стр. 458.

Среди топоров-мотыг, несомненно, связанных генетически с топорами-молотами типа Видра, наиболее древнюю группу составляют орудия, слабо профилированные и лишенные втулки (тип Ариушт). К этой группе относятся, в частности, топоры из сел Гоноривка, Давидовцы, Большое Залесье (рис. 1, 3, 6, 7). В литературе широко распространено ошибочное мнение о том, что топоры-мотыги типа Ариушт относятся уже к началу бронзового века и принадлежат культуре Шнекенберг²⁹. Основано это мнение на якобы бесспорной находке топора (рис. 3, 4) в слое культуры Шнекенберг на поселении Ариушт (Румыния)³⁰. Однако на этом же поселении обнаружен слой с расписной керамикой культуры Кукутени, основательно нарушенный поздними ямами. На это обстоятельство обращает внимание А. Вульпе, совершенно справедливо относящий топор из Ариушта к культуре Кукутени этапа А — АВ³¹. Подтверждает эту датировку и топор типа Ариушт, найденный на поселении культуры Кукутени (этап А) во Флорештах (Румыния)³².

Таким образом, по аналогии с топорами-мотыгами из Ариушта и Флорешт, мы относим ряд орудий, найденных на территории Украины, к этапам В/І и отчасти В/ІІ трипольской культуры. Для датировки большой группы топоров с хорошо выраженной втулкой (рис. 1, 8, 10, 12, 13), представляющих собой следующую ступень в типологическом ряду (тип Ясладань по Ю. Дрихаузу), большое значение имеет уже упоминавшийся топор из Городницы (рис. 1, 13). Он был найден вместе с другими медными изделиями в трипольском сосуде из отмученной глины³³. Форма сосуда (высокий биконический горшок с удлиненной шейкой) и его роспись в виде распадающейся спирали имеют ближайшие аналогии в керамике трипольских поселений Поднепровья, относящихся к концу этапа В/ІІ. Совершенно аналогичный сосуд был найден в слое этапа В/ІІ на поселении Незвиско в Верхнем Поднепровье³⁴. Такая датировка топора типа Ясладань из Городницы (и других пунктов) подтверждается материалами с территории Румынии. Надежно датирован, в частности, топор, обнаруженный в жилище на поселении Брад (рис. 3, 3), относящемся к культуре Кукутени (фаза АВ, соответствующая этапу В/ІІ трипольской культуры)³⁵. В целом топоры типа Ясладань, составляющие около 70% общего количества топоров-мотыг, обнаруженных в Юго-Восточной и Центральной Европе³⁶, тесно связаны с бодрогкерештурской энеолитической культурой, занимавшей часть территории Венгрии, Румынии и Словакии. Культура эта по времени соответствует концу раннего (А), развитому (АВ) и началу позднего (В) периодам культуры Кукутени³⁷, т. е. следует полагать, что отдельные топоры типа Ясладань могут быть связаны с памятниками конца этапа В/І и начала этапа С/І трипольской культуры.

Судя по материалам с территории Румынии, эволюция энеолитических проушных топоров-мотыг завершается орудиями типа Тыргу-Окна (небольшие топоры с длинной втулкой)³⁸, пока не найденными на территории СССР. Они относятся к памятникам культуры Кукутени этапа В (Триполье С/І — γ/І). Мнение А. Вульпе, считающего, что топоры типа Тыргу-Окна

²⁹ J. Driehaus. Ук. соч., стр. 7.

³⁰ M. Roska. A. kettős ellentett élű Vörösrézesákány stratigrafiai hilyzete erdélyben. АЕ. XLII. Budapest, 1928, стр. 48.

³¹ A. Vulpe. Ук. соч., стр. 460.

³² A. Florescu. Toporul de aramă cu două tăşuri în cruce de la Floreşti. SCIV. 3—4, 1954, стр. 595—598.

³³ T. Sulimírski. Ук. соч., табл. 1, 6.

³⁴ Е. К. Черныш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднепровье. МИА, 102, 1962, рис. 26, 7.

³⁵ A. Vulpe. Ук. соч., стр. 457, 458.

³⁶ J. Driehaus. Ук. соч., стр. 7.

³⁷ J. Vognar-Kutzián. The Copper Age Cemetery of Tiszapolgar — Basatanya. ААН. XLII. Budapest, 1963, стр. 542.

³⁸ A. Vulpe. Ук. соч., стр. 461, 463.

присущи поздне трипольской культуре в ее усатовском варианте³⁹, не подтверждено вескими доказательствами и не может быть принято. На поздне трипольских памятниках этапа С/II — γ/II не обнаружено ни одного проушного топора.

Итак, сейчас можно связать воедино разрозненные, одиночные находки медных топоров на территории Украины и Молдавии, поставить их в определенный культурно-хронологический контекст, сделать надежным археологическим источником. Подводя итоги сказанному выше, мы приходим к выводу о том, что медные проушные топоры различных типов появляются в ареале трипольской культуры уже на сравнительно ранних ступенях ее развития (переход от этапа А к В/І — начало этапа В/І); это позволяет считать их древнейшими металлическими топорами на территории европейской части СССР. Бытуют они вплоть до начала позднего триполья, указывая на постоянные контакты трипольских племен со своими западными соседями, достигшими значительных успехов в обработке меди. При этом трипольцы, несомненно, пользовались посредничеством племен — носителей культуры Гумельница, с которыми у них издавна существовали прочные двусторонние связи⁴⁰.

Контакты с населением балкано-карпатского района, безусловно, способствовали развитию трипольской металлургии. Возможно даже, что некоторая часть топоров-мотыг изготовлялась самими трипольцами по завезенным образцам из импортного металла. Здесь, однако, решающее слово должны сказать методы точных наук.

V. G. Zbénovitch

A PROPOS LES PLUS ANCIENNES HACHES MÉTALLIQUES SUR LE
TERRITOIRE DE LA PARTIE EUROPÉENNE DE L'URSS

Résumé

Eu publiant cinq haches en cuivre à trou, trouvées pendant les dernières années en Ukraine, l'auteur les rapporte, de même que toutes les trouvailles précédentes de ces outils, à la culture de Tripolié.

On a procédé à une comparaison typologique et chronologique des plus anciennes haches en cuivre à trou, trouvées sur le territoire de la partie Européenne de l'URSS, avec des articles analogues des cultures énéolithiques de l'Europe Sud-Est. En résultat de cet examen, l'auteur conclut que les haches en cuivre apparaissent dans la culture de Tripolié au commencement de l'étape B/I et existent jusqu'au commencement de l'étape C/I, ce qui témoigne des contacts réguliers des habitants de Tripolié avec leurs voisins occidentaux ayant atteint des progrès considérables dans le travail du cuivre, c'est à dire, avec les tribus des cultures de Goumelnitsy et autres.

³⁹ Там же, стр. 461.

⁴⁰ Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельницы в СССР. КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 17, 18.

МУСТАМАНДИ ШАЙБАИ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ХАДДЕ
(АФГАНИСТАН)

Проблема культуры и искусства кушанской державы имеет огромное историческое значение; она затрагивает такие кардинальные вопросы, как роль, характер и источник греко-римских влияний, роль местной среды в переработке этих влияний, значение нивелирующего воздействия буддийских идеологических канонов. Одним из памятников, позволяющих подойти к решению этих проблем, является Хадда, где обнаружено огромное число превосходных скульптур, в основном III—IV вв. Район Хадды изучался европейскими исследователями еще в XIX в., но они интересовались в основном монетами¹. Лишь после раскопок французской экспедиции Ж. Барту (1926—1928 гг.)² археологи всего мира познакомились с богатейшим собранием гипсовых скульптур. Некоторые из них остались на месте — в ступах, другие хранятся в Кабульском музее и в музее Гиме в Париже. Раскопки французских исследователей коснулись только части памятников, расположенных в районе Хадды. Со времени окончания работ Ж. Барту никто больше не интересовался этим районом Афганистана, исследования которого еще никак нельзя считать законченными³.

Район Хадды представляет собой большую зеленую равнину, окруженную со всех сторон мощными горными хребтами. Здесь сосредоточены многочисленные памятники, о существовании которых сообщают и письменные источники.

Достаточно обратиться к описаниям путешествий китайских пилигримов, посетивших долину Джелалабада между V и VII вв. н. э., чтобы удостовериться в важном значении Хадды, которая была тогда достаточно крупным центром⁴.

¹ A. Court. Mémoires inédites du général Court. Paris, 1827; E. Jacquet. Mémoires sur les découvertes archéologiques faites dans l'Afghanistan par le Dr. Honigberger. IA, 1834, 1836, 1839; E. Gerard. Mémoires sur les topes et antiquités de l'Afghanistan. IRAS. III. 1835; E. Jacquet. Notices sur les découvertes archéologiques faites par Nattin Honigberger en Afghanistan. IA, 1836, II; 1837, IV; 1839, VII; W. Moorcroft — G. Trebeck. Travels in Peshawar, Kabul, Kunduz and Borhara. Londres, 1841; H. H. Wilson. A Descriptive Account of the Antiquities and Coins of Afghanistan: with a Memoir on the Buildings Called Topes by Ch. Masson. London, 1841; Ch. Masson. Topes and Sepulchral Monuments of Hadda. London, 1841.

² J. Barthoux. Les fouilles de Hadda. Stupa et sites, texte et dessins. MDAFA. IV, Paris, 1933.

³ В 1965 г. археологическая экспедиция университета Киото под руководством С. Мицуно работала в Лалме, несколько южнее Хадды, и в некоторых местах долины Джелалабада. Были сделаны интересные открытия, но результаты пока еще не опубликованы.

⁴ Fa Hsien, Foe Kwo Ki. Trad. A. Remusat, Paris, 1836; Hsuan Tsang. Ta t'ang Si Yu Ki, Trad. S. Beal, Si Yu Ki. Buddhist Records of the Western World. London, 1884.

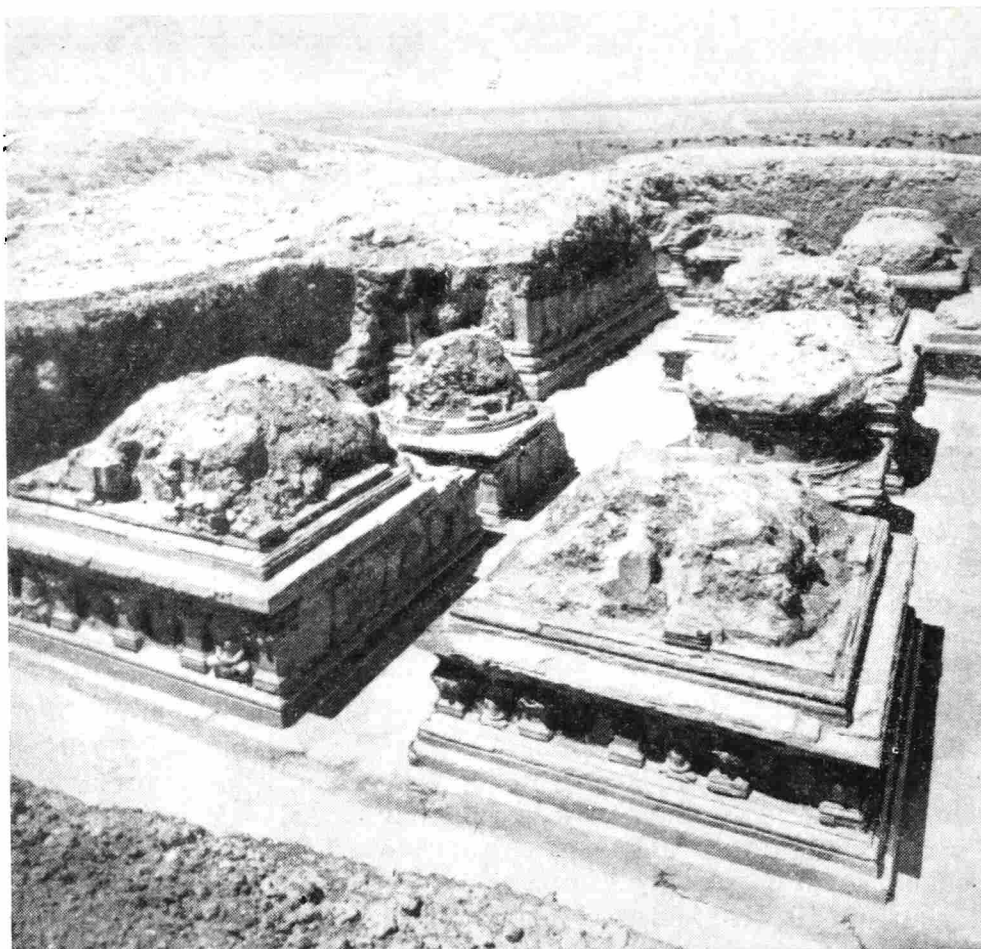

Рис. 1. Общий вид раскопок 1966 г.

Со ступы Khaesta (на языке пушту «чудесный»), которую в 1877 г. исследовал В. Симпсон⁵, сейчас хорошо видна вся долина Джелалабада. Среди полей и современных каналов еще заметны постаменты древних памятников, многочисленные ступы (вокруг ступы Khaesta их можно насчитать около 15) и другие частично разрушенные остатки древности.

Здесь в 1966 г. и начала работу Афганская археологическая экспедиция.

Предварительные исследования заставили нас обратить внимание на один из холмов к северо-востоку от Хадды. Это место сейчас называют Тепе Ид⁶, ранее же оно называлось Тепе Шотор (холм Верблюда). Своим прежним названием он обязан, по-видимому, горбу на вершине холма, который скрывал, несомненно, остатки какого-то строения. Несколько зондажей в различных местах холма подтвердили это. Высота Тепе Шотор около 20 м над уровнем плоскогорья Хадды.

Первый сезон раскопок продолжался около 40 дней (март — апрель).

Работа была начата с вершины холма, где были вскрыты и расчищены 13 ступ, размеры сторон которых составляют от 1,50 до 2,50 м (рис. 1). В некоторых из них до сих пор сохранились различные скульптуры, обычно статуи с изображением Будды или маленькие рельефы, иллюстрирующие эпизоды из его жизни (рис. 2—5). Ступы, сохранившиеся до второго или в редких случаях до третьего уступа, покоятся на площадке

⁵ W. Simpson. Buddhist Architecture. Jelallabad, 1879—1880; его же. On the Identification of Nagarahara with Reference to the Travels of Hiouen-Tsang. JRAS, нов. сер., XII, 1881; его же. The Classical Influence in the Architecture of Indus Region and Afganistan. JRI, 3, сер. 11, 31 Dec. 1893.

⁶ Тепе-Ид означает «холм торжеств», он являлся местом, где во время религиозных праздников собиралось население поселка на молитву.

Рис. 2. Будда в позе созерцания. Штукочный рельеф основания ступы

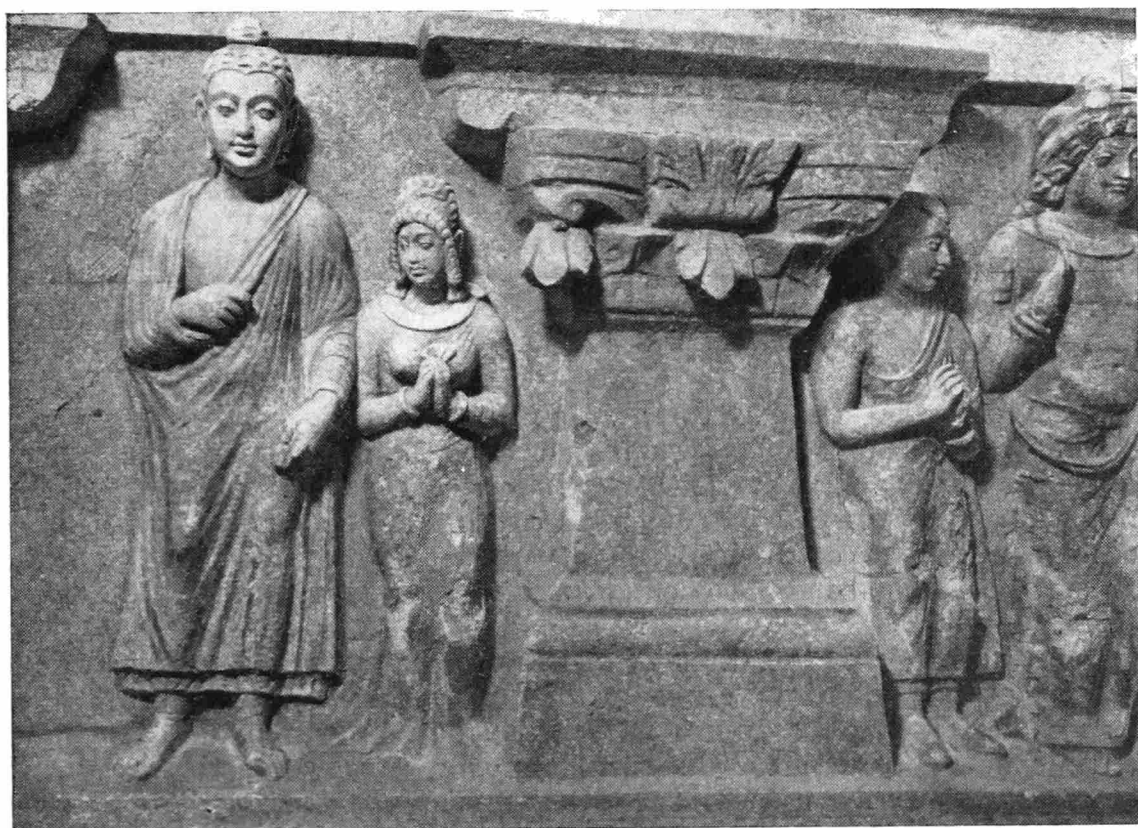

Рис. 3. Скульптурные изображения будд с дароносцами

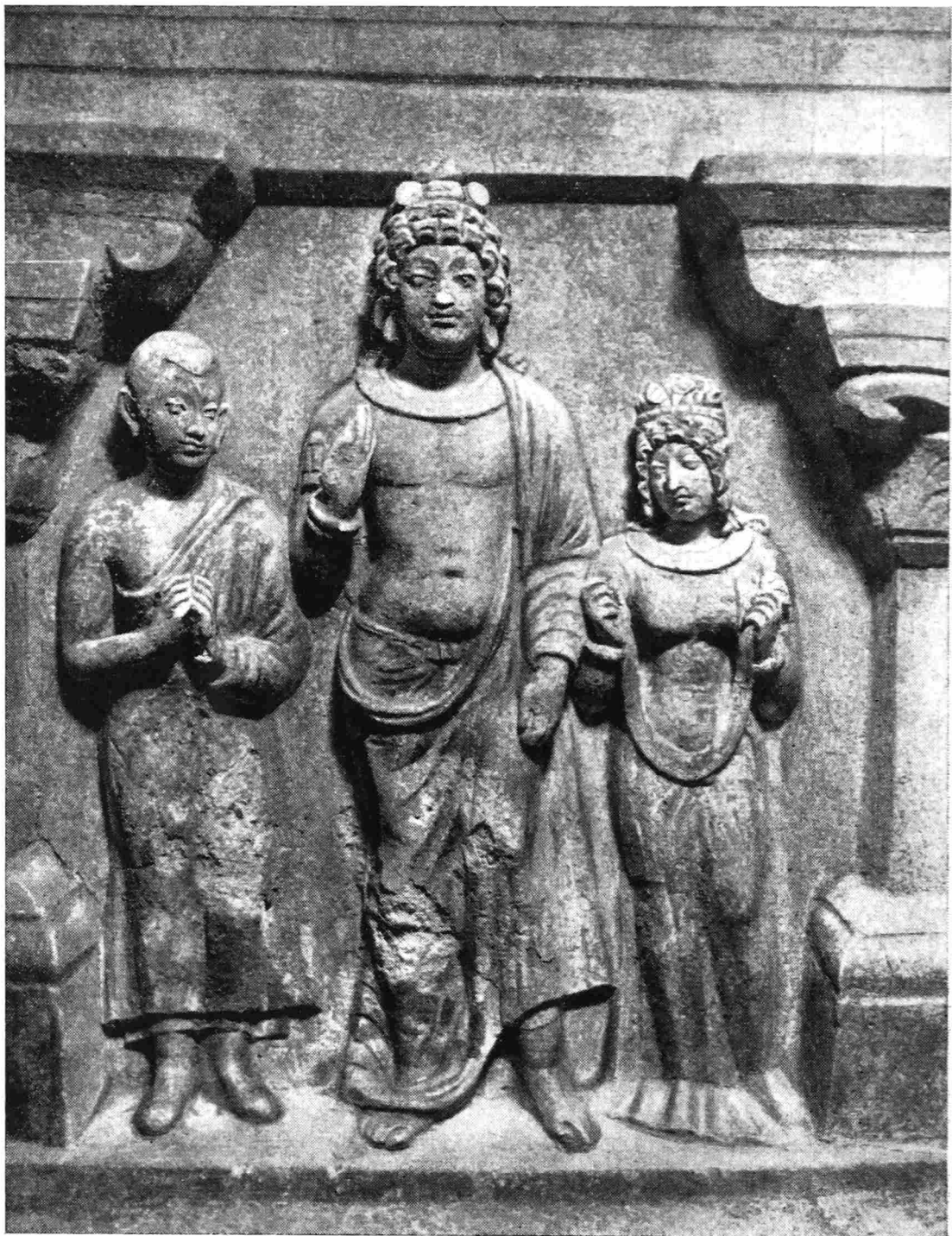

Рис. 4. Бодисатва с дароносцами. Цветной шпук

из гипса толщиной от 15 до 25 см. Параллельно этой площадке на расстоянии 15 м с восточной и северной сторон проходит стена, покрытая росписью по гипсу. Удалось обнаружить два последовательных слоя. Стена имеет выступы размером $68 \times 43 \times 42$ см, служащие как бы подпоркам. Так же как и стена, они покрыты слоем гипса. Около выступов (в настоящее время их найдено четыре) обнаружено значительное количество пепла и угля.

Стены некоторых ступ были покрыты росписью, остатки которой можно еще различить. Хорошо сохранились лишь два рисунка. На одной из ступ изображен стилизованный цветок. Но другой рисунок более интересен и очень реалистичен. Он воспроизводит голову человека с усами, слегка повернутую на три четверти. Оба рисунка одноцветны. Ступа с рисунком, изображающим голову человека, находится на западном склоне

Рис. 5. Будда, сидящий на троне, украшенном змеями (терракота)

Рис. 6

холма. Она покоится на гипсовом полу и окружена с востока и севера стенами из гипса.

С южной стороны, возможно, находилась гипсовая ниша, теперь разрушенная. Здесь кроме остатков нимбов, выполненных в красном и черном цвете, и фигур (вероятно, Будды) можно различить четыре последовательных слоя росписи, состоящих каждый из глиняной подгрунтовки, покрытой гипсом и расписанной.

В отличие от росписи находки полностью или частично сохранившихся скульптур более многочисленны. Не останавливаясь на полном описании находок, дадим краткую характеристику скульптур, представляющих наибольший интерес.

Рис. 7

Рис. 8

Большинство найденных скульптур гипсовые, выполнены в технике, известной для центра Хадды, но есть и терракотовые, на описании их мы и остановимся.

Голова юноши (рис. 6, 1, 2; инв. 9, 1) сохранилась полностью, повреждены лишь детали головного убора. Волосы почти не видны из-под головного убора, выступает лишь несколько локонов, концы которых завиты в спираль. Рельефный головной убор вычурный, надвинут на верхнюю часть лба. Он состоит как бы из нескольких слегка вышуклых долек, которые охватывают голову с затылка и сходятся на лбу, где концы их соединены пряжкой. Дольки головного убора разграничиваются слегка изгибающейся каймой. Пряжка прямоугольная с параллельными бороздками. Самая верхняя часть головного убора, судя по фрагментам, была чем-то украшена.

Черты лица обладают необычайной тонкостью и выполнены уверенной рукой мастера, с большим художественным вкусом. Линии бровей едва обозначены и сходятся к прямому, чисто греческому носу (во всяком случае очень отличающемуся от формы носа на лицах Будды). Глаза широко раскрыты, рот пропорционален и очерчен мягкими, округлыми линиями, линии профиля также мягко округлены.

В нежных и ясных чертах лица, однако, нет неподвижности, присущей лицу Будды, которое, обладая чистотой и правильностью, всегда остается безжизненным. На лице сохранились еще остатки светлой краски.

Следующий экземпляр — часть головы, очень похожей на предыдущую (рис. 7, инв. А, 44). Правая сторона головы разрушена, на левой же сохранилось несколько локонов. Они более тугие и тяжелые, но выполнены таким же способом, как и описанные выше. Восстановить головной убор трудно из-за плохой сохранности. Видны две ленты, чуть свернутые, и элементы какого-то украшения. Возможно, что это вообще был не головной убор, а просто две повязки с нашивками. Как и в первом случае, хорошо видны остатки краски.

Следующая голова (рис. 8, инв. А, 43) также плохой сохранности. Лицо разрушено полностью. Остались лишь затылочная часть и уши. Большие размеры этого фрагмента дают основание полагать, что он остался от скульптуры, размером значительно превосходившей все другие до сих пор найденные в Хадде. То, что такая скульптура существовала, доказывают находки других фрагментов, также значительных размеров и из того же материала.

Прическа греческого типа, в виде аккуратно лежащих волнами волос. Пышная прядь, очень тщательно уложенная, выступает перед правым ухом. Две повязки, проходившие, по-видимому, через лоб, охватывают голову. Судя по сохранившимся налечкам, верхняя повязка была чем-то украшена. Так же как и описанная выше голова юноши, это была, по-видимому, голова христианина. На примере этого образца можно проследить технику изготовления подобных скульптур. Внутреннее ядро состояло из дерева, теперь, естественно, раскрошившегося и окаменевшего, вокруг него плотная глиняная масса, и, наконец, наружный слой (толщ. 2—4 см), в котором непосредственно отформованы детали фигуры.

Рис. 9

Голова пятой фигуры (рис. 9, инв. 9, 2) сохранилась частично (лоб, часть левой щеки, частично глаз, волосы). Прическа в виде правильных волн, идущих от лба к затылку, подчеркнутых изогнутыми складками. Почти абсолютно круглый и немного рельефный след на верхушке головы заставляет думать о паличии *usnisa* (уснизы). Глаз удлиненной формы полузакрыт. Возможно, что голова Будды.

Следующая голова (рис. 10, инв. В, 10) интересна исполнением и композицией некоторых деталей. Фигура, которой она принадлежала, была повернута на три четверти и немножко наклонена вправо. Это хорошо видно при установке головы в ее первоначальном положении, что возможно сделать благодаря сохранившемуся фрагменту основания, к которому она при-

Рис. 10

креплен. К зрителю повернута левая сторона головы, детали ее выполнены особенно тщательно. Волосы в виде локонов, очень четко обозначенных и аккуратно уложенных, идут ото лба к затылку. Пряди волос волнистые, и каждая заканчивается тонкой спиралью. Лоб несколько выпуклый. Линия бровей очень чистая и заканчивается четкой линией у носа, чуть изогнутого, в профиль. Разрез глаз обычный. Рисунок губ слегка изогнутый, особенно линия верхней губы, губы сомкнуты. Если рассматривать голову в фас, то можно заметить некоторую асимметрию лица, но эта асимметрия обусловлена поворотом головы. В общем композиция превосходная и обнаруживает большой художественный вкус и мастерство ее исполнителя.

Уже на других образцах, найденных в Хадде, было замечено, что поворот головы вправо сопровождается смещением уснизы (*usnisa*) влево. В данном случае это наблюдение подтверждается. Усниза (*usnisa*), кроме того, смещена к затылку. Скорее всего, это голова христианина, во всяком случае не Будды.

Описанные скульптуры объединяет особая манера моделирования, стремление к нежным и мягко округлым формам, гармоничной композиции. Хотя эти модели и происходят из буддийской «среды», но они резко отличаются от характерных для буддизма образов и выделяются в особую группу скульптуры. Возможно, здесь есть какие-то отголоски греческого влияния. Трудно делать определенные выводы до завершения работ, но благодаря материалам, полученным в ходе наших раскопок, можно вновь ставить вопрос о местной, не буддийской струе в скульптуре Хадды. В этой связи особенно ценным будет сопоставление новых находок с памятниками другого важнейшего культурного центра кушанской державы — древней Бактрии, где местные черты особенно ярки.

Moustamandi Chaibai

NOUVELLES EXPLORATIONS ARCHÉOLOGIQUES À KHADDA
(AFGHANISTAN)

Résumé

L'auteur de l'article, archéologue d'Afghanistan, publie les résultats des fouilles à Khadda (Afghanistan Sud) — un des célèbres centres bouddhiques de l'antiquité. Sur la colline de Tépé-Chotor, en 1966, ont été ouverts treize stoupâs. On y découvre des traces de peinture, une grande quantité de sculptures, entièrement ou partiellement conservées.

L'auteur s'arrête sur une analyse détaillée des sculptures en terre cuite.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ и Б. Г. ПЕТЕРС
**КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ КОНЦА IV — НАЧАЛА III ВВ. ДО Н. Э.
ОКОЛО ДОНУЗЛАВА**

В 1964—1965 гг. Институтом археологии АН СССР были организованы три экспедиции, проводившие исследования на дне Черного моря около Донузлава¹. Работы вели в открытом море, на расстояниях 140—180 м от берега, на глубине 4—5 м. Разведками была обследована площадь

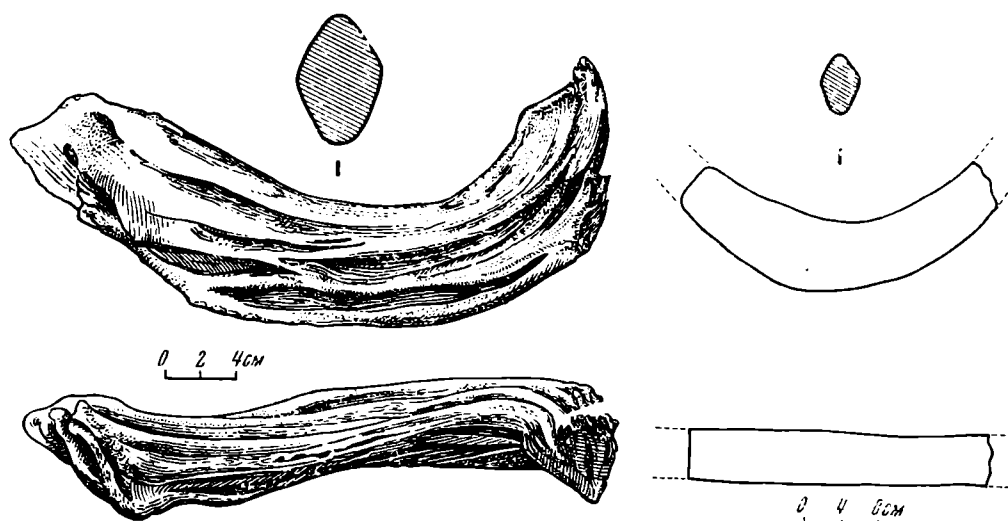

Рис. 1. Деревянные части корабля, поднятые со дна моря в 1965 г.

свыше 7000 м². Кроме того, был заложен 41 раскоп глубиной (от поверхности морского дна) от 2 до 4 м. Из раскопов было вынуто более 5000 м³ грунта.

В результате этих работ были обнаружены остатки кораблекрушения, рассеянные на пространстве примерно 140 м в длину и около 90 м в ширину. С морского дна были подняты небольшая часть груза, а также очень скромные остатки древнего корабля (рис. 1). От деревянных частей его уцелели только дугообразный обломок шпангаута (размером 34 × 6, 5 × 5 см) и несколько кусков досок бортовой обшивки. От металлических частей сохранилось несколько бронзовых гвоздей (рис. 2) и кусков листовой свинцовой облицовки (рис. 3 и 4). Толщина этих листов около 1 мм. Было найдено девять таких листов, все они скомканы и имеют рваные очертания; размеры наибольшего из них 60 × 50 см. Многие листы были пробиты гвоздями, отпечатки шляпок которых диаметром до 1,6 см остались на обшивке. Расстояния между отверстиями от гвоздей — 4,5—7,5 см; иногда такие дыры расположены рядами. Наибольший из найденных гвоздей достигает в длину 28,5 см.

¹ О предшествовавших экспедиции находках водолазов, а также о вопросах организации и техники произведенных работ см. В. Д. Блаватский и Б. Г. Петерс. Подводные археологические работы в районе Евпатории. КСИА АН СССР, 109, 1967, стр. 73 сл.

Были обнаружены также бесформенные куски песчаника, внутри которых находились остатки деревянных или металлических предметов. При вскрытии одного из таких песчаников был обнаружен топор корабельного плотника (рис. 5). Деревянная рукоять 40 см длиной и 2,5 см толщиной сохранилась очень хорошо, а железный топор был полностью разрушен коррозией. Однако от него осталась своего рода форма из песчаника, позволившая отлить в ней гипсовый слепок утраченного предмета (рис. 6 и 7). Достоинно внимания, что аналогией донузлавской находке может служить другой топор корабельного плотника, от которого тоже сохранилась только «каменная форма», обнаруженная в 1953 г. подводной археологической экспедицией в районе Канн².

Перечисленные находки — это все, что уцелело от древнего корабля, погибшего около Донузлава. От груза корабля сохранилось большое число амфорных черепков и 20 целых или почти целых гераклеийских амфор (рис. 8, 9). На амфорах были клейма, относящиеся к пяти группам.

Первая группа мастерской Евопида³ (рис. 10 и 11) с английским клеймом на горле:

ΕΥΩΠ
ΙΔΑ

Форма всех амфор одинаковая, высота их от 63 до 66 см, емкость около 10,5 л. Было обнаружено семь таких амфор.

Вторая группа мастерской Хиона⁴ (отнесенная Б. Н. Граковым ко II группе), также с английским клеймом на горле

ΧΙΩ
палица
ΝΟΣ

Найдены две таких амфоры (рис. 12 и 13). Форма обеих одинакова, высота 64,7 см.

Третья группа с рельефным клеймом на горле ΜΙΚΟ'... Найдено две таких амфоры; емкость одной из них 10,25 л. Следует отметить, что клейма в каждой из трех групп, несомненно, исполнены одним штампом.

Имеются еще две амфоры с различными английскими клеймами. Одна из них с круглым
X I
клеймом O .

На другой амфоре неполностью отгиснутое неразборчивое клеймо, на котором видны только
..ΙΟ
последние буквы двух строк ..ΙΟ .

Емкость последней амфоры составляет 10,3 л.

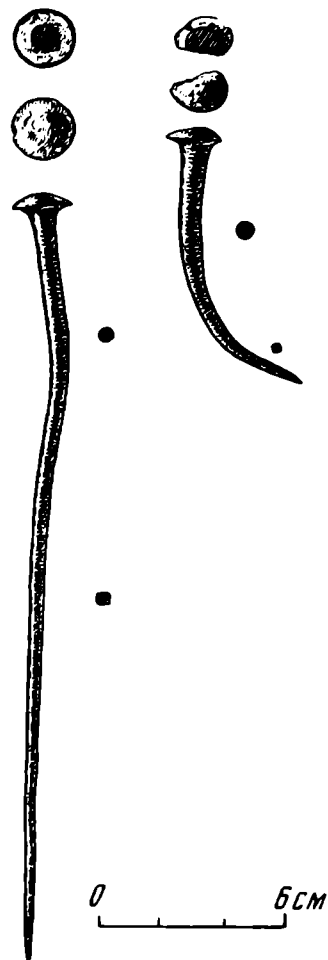

Рис. 2. Бронзовые гвозди, поднятые со дна моря

² G. Barnier. Découvertes d'outils antiques au fond de la mer. Atti del II Congresso Internazionale de Archeologia Sottomarina. Albenga, 1958, стр. 310 сл., рис. 9 — 15.

³ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагория. МИА, 57, 1956, стр. 150. Помимо клейма из Фанагория, клейма Евопида были также найдены в Ольвии — два, в Керкинитиде и Херсонесе — по одному (Е. М. Придик и Б. Н. Граков. IOSPE, III).

⁴ Одно аналогичное клеймо Хиона, скорее всего боспорского происхождения, было опубликовано: ОАК, 1869, стр. 216, № 233; Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках, горлышках и черепицах Эрмитажного собрания, Пг., 1917, стр. 126, № 167. Второе клеймо, найденное в Ольвии, издал Б. Н. Граков. Английские клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. ГИМ. I, 1926, стр. 191, 205, № 63. Наконец, третье клеймо из Херсонеса включено в IOSPE, III.

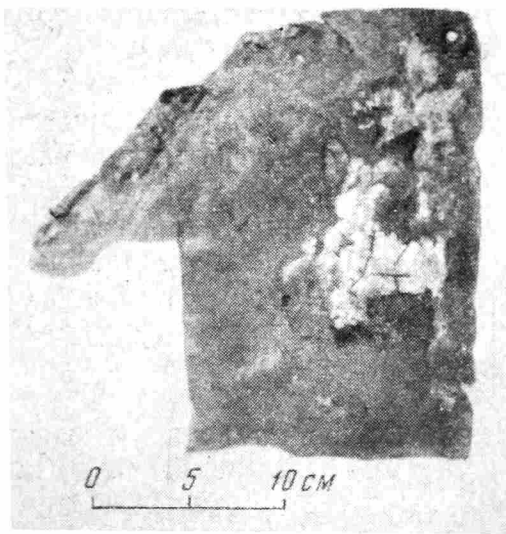

Рис. 3. Кусок свинцового листа от обшивки корабля

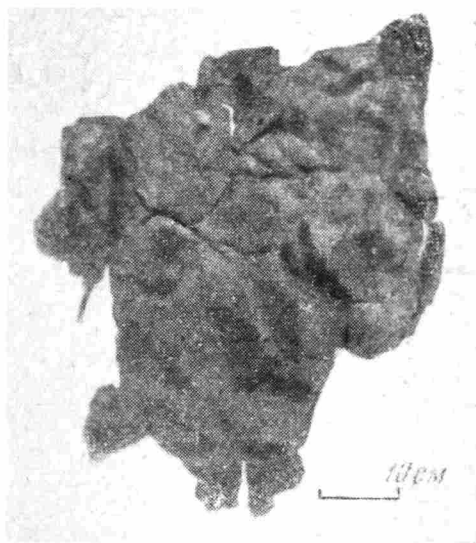

Рис. 4. Кусок свинцового листа от обшивки корабля

Судя по формам, все гераклейские амфоры можно отнести к концу IV — началу III в. до н. э.⁵ Этой дате не противоречат и оттиснутые на них клейма, а равно и фрагмент чернолакового килика со штампованным орнаментом, найденный на том же участке. Все эти находки определяют время гибели корабля и позволяют заключить, что он шел с грузом из Гераклеи Понтийской.

Свидетельство Мемнона⁶ о кораблях, посланных гераклеотами на помощь Лисимаху против Антигона сына Деметрия, показывает, что гераклейский военный флот в начале III в. до н. э. не уступал по своим качествам эскадрам эллинистических государств Средиземноморья. Конечно, у нас нет оснований безоговорочно утверждать гераклейскую принадлежность нашего корабля. Однако такая возможность отнюдь не исключена. Во всяком случае, как ни незначительны остатки донузлавского корабля, но все же и они позволяют говорить о высоком уровне торгового кораблестроения в том городе, где он был сооружен, возможно Гераклее.

Основанием для такого утверждения является наличие у донузлавского корабля обшивки из свинцовых листов, что требовало немало труда и стоило довольно дорого⁷. О применении свинцовой обшивки, прибывавшейся к корпусу корабля по мере изготовления, мы читаем у Афиней⁸, когда он описывает сооружение грандиозной ейкосоры Гиерона сиракузского. Свинцовую обшивку имели также античные торговые корабли большой грузоподъемности, обнаруженные на дне Средиземного моря. Таков, например, корабль, затонувший во второй половине III в. до н. э. около

⁵ И. Б. Зеев ст. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 134, 158, табл. XXII, 45.

⁶ Мемн. 8, 5—6.

⁷ Правда, в античную эпоху свинец стоил сравнительно дешево. Так, в 259 г. до н. э. цена таланта (около 25,9 кг) свинца была 2 драхмы 4 обола (M. Vesnier. *Plumbum*. DAGR, IV, Paris, 1904, стр. 513), т. е. одна тонна свинца стоила примерно 103 драхмы. Однако следует принять во внимание, что свинец имеет большой (11,3—11,5) удельный вес и его требуется очень много для обшивки большой поверхности судна. Так, обшивка корабля, обнаруженного около Гран-Конлюэ, весила 20 т (J. Y. Cousteau. *Fish Men Discover a 2200-year-old Greek Ship*. «The National Geographic Magazine», CV, 1, 1954, стр. 16). Таким образом, цена одного лишь материала для подобной обшивки должна была составить около 2000 драхм, т. е. треть таланта. Кроме того, нужно принять во внимание расходы по изготовлению из свинца довольно тонких больших листов для обшивки дна, бортов и палубы судна (если донузлавский корабль в этом отношении не отличался от корабля Гран-Конлюэ).

⁸ Athen. Deipn. V, 40.

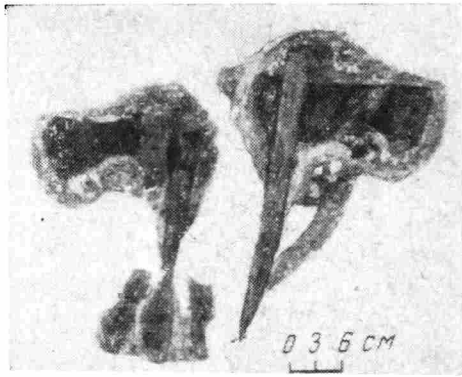

Рис. 5. Кусок песчаника, внутри которого находились остатки топора корабельного плотника

там на небольшой глубине. Условия кораблекрушения вызвали сильнейшее разрушение судна, усугубленное последующими штормами.

В античное время в районе Донузлава корабли, по всей видимости, погибали неоднократно. Об этом говорят найденные на дне моря обломки амфор VI в. до н. э. с росписью в виде полос коричневого лака, а также амфор римского времени.

Исследования античных торговых кораблей, затонувших в Средиземном море, производившиеся в последнее время, значительно обогатили наши представления о размерах и характере грузов вина¹², которое было одним из основных предметов морской торговли. Эти новые данные важны не только сами по себе. Косвенным образом они проливают свет на один очень существенный вопрос, связанный с полевой археологией: археолог, раскопав античное городище и найдя большое количество различных амфорных клейм, обычно не может сказать, как велики были партии вина (или масла). Частичную помощь в этом, возможно, оказало бы сличение клейм, оттиснутых на амфорных ручках и горлах; ведь, по всей вероятности, каждая из партий амфор, хотя бы в основном, клеймилась одним и тем же штампом. Но и таким путем, разумеется, совершенно невозможно произвести хотя бы самые приблизительные подсчеты.

Не приходится говорить о том, как важно для экономической истории античного мира установить даже самые примерные масштабы импорта вина, например, в Северное Причерноморье. Между тем недавно добытые сведения о грузах античных торговых кораблей, совершавших рейсы в Средиземное море, разумеется, рискованно распространять на торговлю с Понтом, и особенно внутривосточную. Поэтому остатки груза

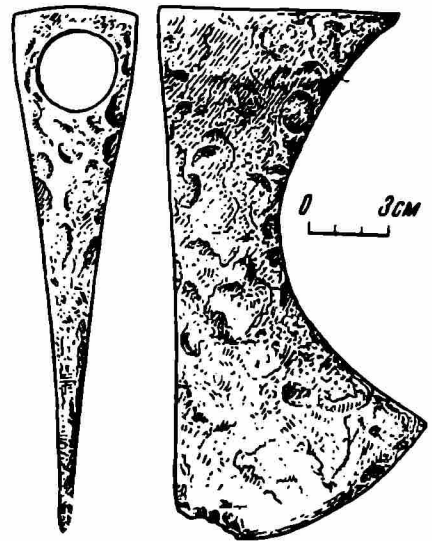

Рис. 6. Реконструкция топора корабельного плотника (без рукояти)

⁹ F. Benoit. L'épave du Grand Congloué à Marseille. XIV Supplément à «Gallia». Paris, 1961, стр. 169, рис. 84, табл. XXIX.

¹⁰ N. Lamboglia. La Nave Romana di Albenga. Fouilles Sous-marines en Ligurie et en Provence. Bordighera, 1953, стр. 209, рис. 62.

¹¹ F. Benoit. Premiers résultats des fouilles sous-marines: Architecture navale et tonnage des navires à l'époque hellénistique et romaine. Atti del II Congresso Internazionale di Archeologia Sottomarina. Albenga, 1958, стр. 347.

¹² N. Lamboglia. La nave romana di Albenga. Fouilles sous-marines. Bordighera, 1953, стр. 153 сл.; F. Benoit. L'épave du Grand Congloué à Marseille, стр. 162 сл.

Рис. 7. Реконструкция топора корабельного плотника

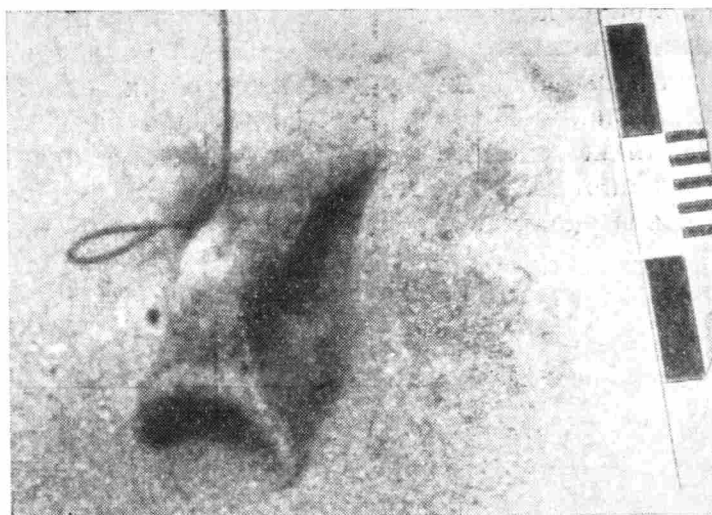

Рис. 8. Горло амфоры, занесенной песком на дне Черного моря около Донузлава (1965 г.)

донузлавского корабля, как ни мало от него сохранилось, в настоящее время являются довольно существенным археологическим источником. Они позволяют, хотя бы примерно, наметить, как многочисленна могла быть партия амфор с одинаковым клеймом на корабле, направлявшемся из Гераклеи в Северный Понт в IV—III вв. до н. э. Выше мы уже говорили о

Рис. 9. Амфора на дне Черного моря около Донузлава (1965 г.)

том, что вероятная грузоподъемность донузлавского корабля была 3000 амфор¹³. Если на донузлавском корабле все амфоры имели бы только одно из пяти клейм, найденных нами, то тогда размеры отдельной партии не могли быть более 600. Однако гораздо более вероятно, что число различных клейм на амфорах было значительно больше, ведь до нас в сущности дошли жалкие остатки груза. Другими словами, размеры одинаково клейменных ге-

¹³ В соответствии с этим находятся и данные письменных источников (D o-mosth. a L a c r. XXXV, 18).

раклейских партий амфор были сравнительно небольшими¹⁴. Конечно, это пока единичное и во многом неясное свидетельство. Если оно в дальнейшем при исследовании других затонувших гераклейских кораблей получит подтверждение и уточнение, то тогда и находки английских клейм на городищах станут гораздо более содержательным историческим источником.

Конечно, выводы, которые намечаются теперь для гераклейских амфор, нельзя распространять на амфоры из других центров, например из Родоса.

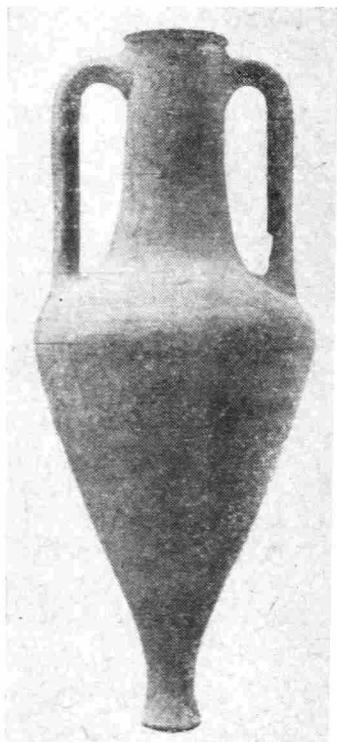

Рис. 10. Амфора из мастерской
Евопида

Рис. 11. Амфора из мастерской
Евопида

Вернемся еще раз к вопросу о размерах груза торгового корабля. Три тысячи амфор примерно отвечают годовой продукции вина обычного виноградника раннеэллинистического времени. Так, согласно Катону¹⁵, виноградник в 100 югеров величиной должен дать в год 160 мехов вина, т. е.

¹⁴ Достоинно внимания, что согласно III тому IOSPE, составленному Е. М. Придином и Б. Н. Граковым, находки одинаковых гераклейских клейм в любом из городов Северного Причерноморья обычно довольно малочисленны. Так, отмечены только четыре случая находок свыше семи одинаковых клейм. В Ольвии — это 16 клейм Архелая, 11 — Дионисия и 9 — Евридама; в Пантикапее — 8 клейм Архелая. Случаев же находок от четырех до семи одинаковых клейм отмечено только три (в Ольвии, Херсонесе и Пантикапее). Подавляющее же большинство однородных клейм обнаружено в количестве от одного до трех в каждом из городов и иных мест находок. Приведенные подсчеты производились студентом Ю. Виноградовым.

Как ни относительны попытки статистических расчетов на основе общего числа предметов, найденных на городищах, однако в данном случае мы все же можем сказать, что число гераклейских клейм, обнаруженных в северопонтийских городах, по меньшей мере не противоречит нашим предположениям, сделанным на основе изучения груза донузлавского корабля.

¹⁵ Cato. XI, 1.

примерно 84 000 л, или 3200 амфор. Немного большее количество вина — около 90 000 л — должен был дать один из клеров Гераклеийского полуострова, согласно убедительным расчетам С. Ф. Стржелецкого¹⁶. Таким образом, за вычетом годовых потребностей в вине владельца виноградника, его семьи и работников, с участка могло поступить в продажу около 3000 амфор, т. е. количество, примерно отвечающее грузу торгового корабля.

В силу этого наличие амфор с клеймами различных мастерских на дон-узлавском корабле, по всей видимости, не было вызвано необходимостью

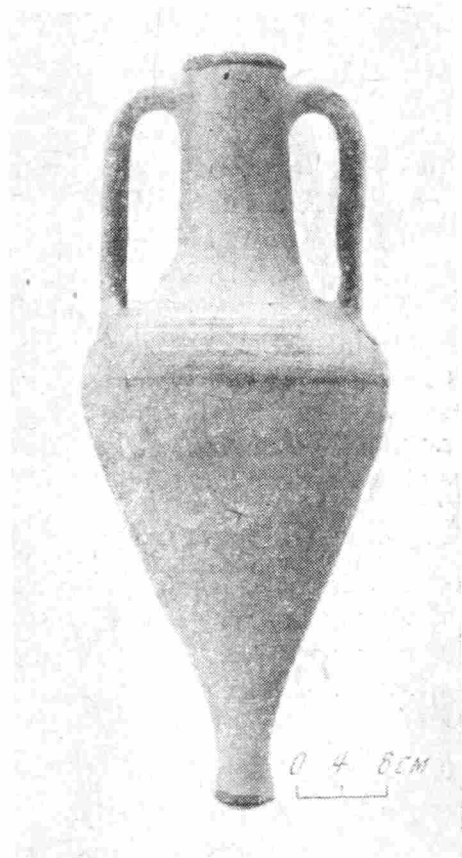

Рис. 12. Амфора из мастерской Хиона

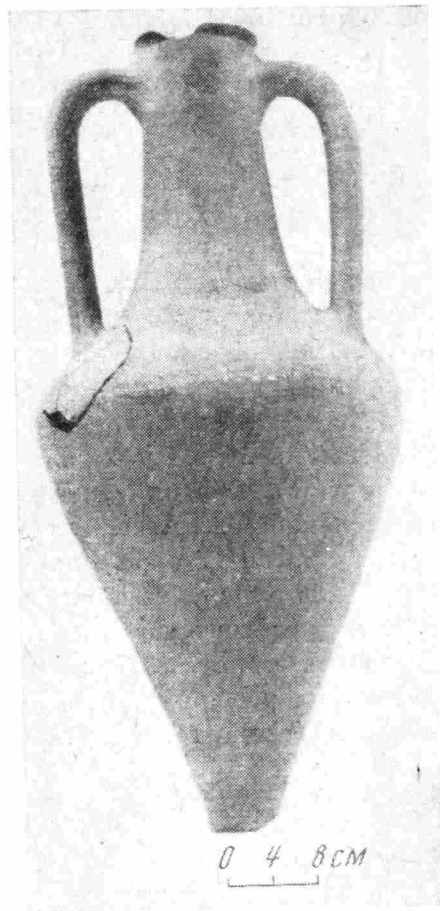

Рис. 13. Амфора из мастерской Хиона

пользоваться продукцией нескольких виноградников для того, чтобы полностью загрузить корабль вином. Более вероятным представляется иное объяснение. Нам недоступны данные о производственной мощности гончарных печей Гераклеи в эллинистический период. Однако с некоторой долей вероятности можно воспользоваться сведениями о херсонесских гончарных печах того же времени, тем более потому, что Херсонес был апоикией Гераклеи. Наибольшие по размерам из известных нам печей III—II вв. до н. э. были раскопаны: первая в 1900 г.¹⁷, площадью для обжига около $5\frac{1}{2}$ м², и вторая из мастерской, открытой в 1955—1957 гг.¹⁸, площадью около 7,3 м². Маловероятно, чтобы при обжиге такие тяжелые сосуды, как амфоры, можно было ставить более чем в один ряд. Учитывая это обстоятельство, можно рассчитать, что эти печи в один обжиг могли дать сравнительно небольшую продукцию — примерно 60 и 75 амфор. Такие

¹⁶ С. Ф. Стржелецкий. Клery Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961, стр. 152.

¹⁷ К. К. Косцюшко-Валюженич. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году. ИАК, 2, СПб., 1902, стр. 39, табл. 1.

¹⁸ В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, 1958, 4, стр. 144 сл.

скромные отдельные партии амфор, выпускаемые после каждого обжига владельцами гончарных эргастериев, даже если на рынок поступало сразу несколько партий, конечно, не могли удовлетворить ежегодной потребности в таре для вина, поступавшего с «обычного» виноградника. В силу этого хозяин виноградника, по всей видимости, разливал вино в амфоры, изготовленные в различных эргастериях.

V. D. Blavatsky, B. G. Peters

LE NAUFRAGE PRÈS DE DONOUZLAV (FIN DU IV — COMMENCEMENT DU
III S. AVANT NOTRE ÈRE)

Résumé

En 1964—1965, près du littoral Ouest de la Crimée, ont été effectuées les recherches sous-marines ayant pour objet les épaves d'un ancien naufrage. On a découvert quelques débris de couples et de planches, des clous en bronze, des fragments de feuilles en plomb pour le doublage et des morceaux de grès, contenant à l'intérieur différents objets; dans l'un de ces morceaux se trouvait une hache de charpentier du navire au manche en bois bien conservé. La hache en fer a été détruite par la corrosion, mais dans sa «forme» de pierre, on a fondu une moule, de même que pour la hache de Cannes. La partie conservée de la cargaison consiste en nombreux tessons aussi: que en vingt amphores entières d'Héraclée. Ces amphores portent les estampilles des fabricants Evopide et Hion (le nom de chacun d'eux est imprimé avec une même estampille) et quatre autres estampilles mal conservées. Le caractère des formes et des estampilles permettent de les dater de la fin du IV s. ou du commencement du III s. avant n. è., ce qui détermine aussi l'époque de la perte de ce navire qui allait d'Héraclée, chargé de vin. Le fait suivant correspond à la présence sur notre navire des amphores de différentes fabriques: la majorité écrasante des estampilles identiques de provenance héracléenne sont récoltées dans le Pont Nord en une quantité insignifiante. Tout cela nous permet de poser la question concernant l'échelle relativement restreinte des ateliers d'Héraclée pour la fabrication des amphores.

В. И. КАДЕЕВ

ИМПОРТНЫЕ СВЕТИЛЬНИКИ I—IV ВВ. ИЗ ХЕРСОНЕСА

Среди множества светильников I—IV вв., найденных при раскопках Херсонеса Таврического, имеются такие, которые с уверенностью можно отнести к числу импортных. Об этом свидетельствуют их внешнее оформление, техника изготовления, глина и, наконец, сигнатуры на донышках. Являясь одной из массовых находок, эти светильники довольно надежно датируются, а следовательно, могут служить в свою очередь хорошо датированным источником при решении целого ряда вопросов и в процессе раскопок, и при последующем изучении археологических комплексов и материалов.

В настоящей статье делается попытка выделить среди многочисленных херсонесских светильников импортные из определенных центров, устанавливается по возможности их датировка и на этой основе высказываются некоторые соображения о направлениях внешней торговли Херсонеса в I—IV вв.¹

К числу импортных светильников I в. следует отнести два светильника без ручек с ромбовидными носиками и волютами, покрытые красной облицовкой. У одного из этих светильников на щитке 10-лепестковая розетка², а у другого — виноградная лоза³. На донышках обоих светильников надпись — «ROMANESIS»⁴. Светильники с этой надписью известны не только в Херсонесе, но и в Пантикапее⁵, Малой Азии⁶, Афинах, Италии, Далмации, Африке и на островах Эгейского моря⁷. Происходят они из гончарной мастерской, существовавшей на Книде во второй половине I — начале II в. и экспортировавшей светильники во все эти районы⁸.

К I веку следует отнести краснолаковые светильники, имитирующие италийские, с небольшим округлым носиком, отделенным от щитка прямой линией. Ручка у светильников довольно массивная и получена в одной форме с щитком. Почти все светильники этого типа имеют одинаковый диаметр (7 см), но различные изображения на щитке. Встречаются экземпляры совсем без изображений. Все светильники изготовлены из коричне-

¹ Статья написана на основе изучения херсонесских светильников в коллекциях Эрмитажа и Херсонесского музея.

² Гос. Эрмитаж, инв. № X.1895.110; О. Ф. Вальдгауэр. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, стр. 33, табл. XIV, 159.

³ Гос. Эрмитаж, инв. № X.1895.109; О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 35, табл. XV, 171.

⁴ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., табл. А. 171.

⁵ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 48, табл. XXXIII, 316.

⁶ Там же, стр. 35, табл. XV, 170.

⁷ J. Perlzweig. Lamps of the Roman Period. «Athenian Agora». VII, Princeton, 1961, стр. 4.

⁸ Там же, стр. 4 сл. Впервые на книдское происхождение этих светильников указал Уолтерс. H. Walters. Catalogue of the Greek and Roman Lamps in the British Museum. London, 1914, стр. XXXVI, его же. History of Ancient Pottery. I, 1905, стр. 108.

Рис. 1. Самосские светильники I в.

1 — светильник с изображением воина (ГХМ, инв. № 1539); 2 — светильник с овами по плечикам (ГХМ, инв. № 33379); 3 — светильник без орнаментации (ГХМ, инв. № 15956)

во-розовой слоистой глины с множеством мельчайших блессток слюды (серицита). На поверхности их обычны остатки красного лака, совершенно аналогичного лаку, известному по самосской краснолаковой посуде. Таким образом, как по глине, так и по облицовке на поверхности светильники этого типа напоминают краснолаковую посуду самосского производства (*vasa samia*)⁹. Следовательно, можно говорить о том, что светильники рассмотренного типа также относятся к изделиям самосского производства. Часть самосских светильников из Херсонеса представлена обломками¹⁰,

⁹ T. Wiegand. H. Schrader. Priene. Berlin, 1904, стр. 441 сл.; T. Knipowitsch. Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus den Griechenstädten an der Nordküste des Schwarzen Meeres. I. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage, Materialien zur römisch-germanischen Keramik, IV, 1929, стр. 13; Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 293.

¹⁰ ГХМ, инв. № 16007, 19046, 1202, 941, 958 и др.

по есть и целые экземпляры. Один из них имеет изображение воина или гладиатора на щитке и овы по плечикам (рис. 1, 1)¹¹; другой с овами по плечикам, но без изображения на щитке (рис. 1, 2)¹²; еще один светильник вообще не украшен (рис. 1, 3)¹³.

Одна из отличительных черт самосских светильников этого типа — довольно крупная ручка с большим отверстием, высоко поднятая над щитком светильника, изготовленная в одной форме со щитком. На плечиках у носика одна или две рельефные точки. На доньшках некоторых светильников встречаются сигнатуры мастерских в виде букв «А»¹⁴, «Т»¹⁵, заключенных в окружность, или в виде босой правой ступни¹⁶ (рис. 2, 1—3). Последняя сигнатура на светильнике напоминает клейма, хорошо известные на краснолаковой самосской посуде I в.¹⁷ Судя по сигнатурам и отличиям в технике исполнения, можно предположить, что в Херсонес в течение I в. экспортировали свою продукцию несколько керамических мастерских, существовавших на Самосе. Следовательно, в Херсонес ввозилась не только самосская краснолаковая посуда, но и светильники. Этот экспорт очевидно, продолжался и во II в., на что указывают обнаруженные в Херсонесе самосские светильники с сердцевидными носиками, датруемые не ранее II в. (рис. 3)¹⁸.

Среди херсонесских светильников рубежа I—II вв. встречаются довольно крупные экземпляры диаметром 8 см с сердцевидным носиком и орнаментом на плечиках в виде гроздьев и листьев винограда¹⁹. Эти светильники покрыты ярко-красным лаком по ангобу, который, вероятно, и придает светильникам столь яркий цвет. Светильники этого типа изготавливались в Эфесе, где существовала керамическая мастерская, работавшая на экспорт²⁰. Кроме Херсонеса эфесские светильники были обнаружены в Афинах²¹.

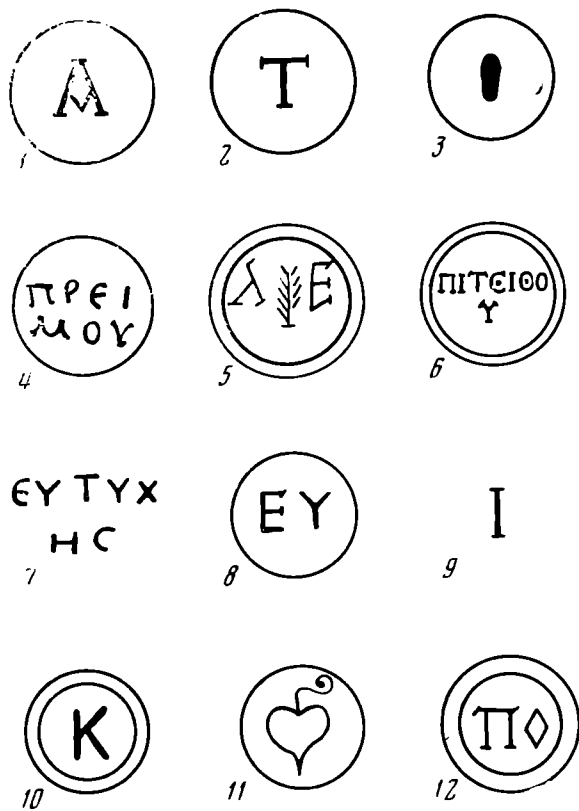

Рис. 2. Сигнатуры на доньшках импортных светильников

1—3 — сигнатуры самосских мастерских;
4—12 — сигнатуры аттических мастерских

¹¹ Там же, инв. № 1539.

¹² Там же, инв. № 33379.

¹³ Там же, инв. № 15956.

¹⁴ Там же, инв. № 958.

¹⁵ Там же, инв. № 941, 19046.

¹⁶ Там же, инв. № 1209.

¹⁷ Наличие одинаковых клейм на светильниках и посуде может свидетельствовать о том, что посуда и светильники изготавливались в одних и тех же мастерских. Такие факты нередки в римском и восточногреческом производствах. S. Loeschke. Lampen aus Vindonissa. Zurich, 1919, стр. 251; H. Menzel. Antike Lampen in römisch-germanischen Zentralmuseum zu Mainz, 1954, стр. 4 сл.

¹⁸ Коллекция ГХМ, инв. № 1662.

¹⁹ Гос. Эрмитаж, инв. № X, 1899. 44. О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 49, табл. XXXIV, 327.

²⁰ J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 6.

²¹ Там же, № 155—204.

Возможно, что из этого же центра происходят еще несколько светильников, выполненных в той же технике, т. е. покрытых ярко-красным лаком по ангобу. Среди них однотипный с описанным выше светильник с изображением петуха на щитке и овами по плечикам, но меньшего диаметра²² и светильник без орнамента с округлым чуть выступающим носиком²³, а также несколько обломков²⁴.

Однако Эфес не был единственным центром Малой Азии, откуда в Херсонес поступали светильники в I—II вв. Несомненно из малоазийского центра происходят светильники с клеймами мастерских в виде ступни. На одном из таких светильников (диаметром 7,6 см) изображен сражающийся с козлом (?) Эрот в фригийском колпаке с копьем в руке. По плечикам светильника нанесены овы, носик сердцевидный, а ручка изготовлена в одной форме со щитком. На дне светильника клеймо в виде босой

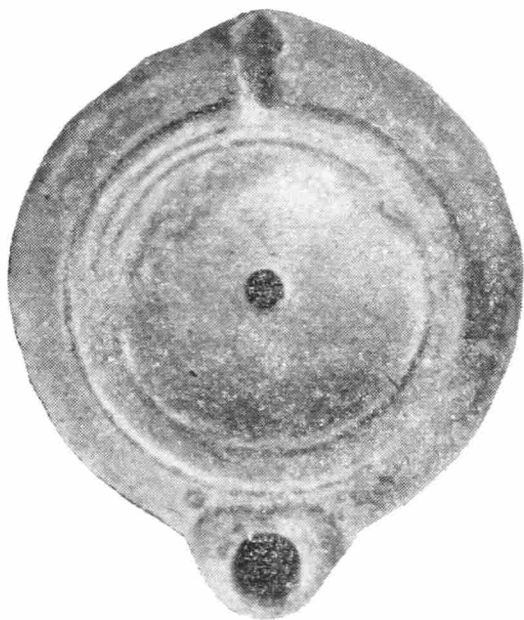

Рис. 3. Самосский светильник II в. (ГХМ, инв. № 1662)

левой ступни²⁵. Другой малоазийский светильник с округлым выступающим носиком, без ручки и без изображений на щитке и плечиках. Поверхность его покрыта облицовкой с оранжевым оттенком, напоминающей пергамскую краснолаковую посуду. На дне светильника клеймо в виде босой правой ступни²⁶. К малоазийским светильникам, вероятно пергамского круга, следует отнести краснолаковый светильник с бурым оттенком и металлическим блеском. На его щитке изображение льва влево, а по плечикам расположены овы. Носик небольшой, круглый, отделенный от щитка прямой линией. Ручка желобчатая, изготовлена отдельно и прикреплена к светильнику после его формовки (рис. 4). На дне клеймо в виде правой ступни²⁷.

Вероятно, из Малой Азии происходят довольно крупные светильники диаметром 9,5 см с двумя выступающими носиками-сердечками, чуть возвышающимися над щитком, и без ручки. Плечики у этих светильников гладкие или с насечкой в рубчик, а на шейках носиков — выпуклые точки. Светильники покрыты коричнево-бурой облицовкой с пятнами и потеками, напоминающими пергамскую краснолаковую посуду²⁸. О. Ф. Вальдгауэр датировал светильники этого типа III в. и считал их изделиями южнорусского производства²⁹. Однако они не имеют аналогий в местном производстве и очень напоминают керамическую продукцию пергамского круга.

Среди светильников I—II вв. из Херсонеса встречаются также изделия италийских керамических мастерских. Из них происходят два светильника. Первый со следами красного лака и изображением Геракла с яблоками Гесперид на щитке, на его дне клеймо в виде надписи HERMAT³⁰. Дати-

²² О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 49, табл. XXXIV, 322.

²³ ГХМ, инв. № 32715.

²⁴ Коллекция ГХМ, инв. № 1016, 1678.

²⁵ Коллекция ГХМ, инв. № 1595. Херсонесский сборник, II, Севастополь, 1927, стр. 202, рис. 2, 1.

²⁶ Коллекция ГХМ, инв. № 8468.

²⁷ Коллекция ГХМ, инв. № 1480.

²⁸ ГХМ, инв. № 3103/11; Гос. Эрмитаж, инв. № X. 1899, 45.

²⁹ О. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 53, табл. XXXIX, 393.

³⁰ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 42, табл. XXVI, 252; табл. А, 252.

руется он не позднее I в. Другой светильник конца I — начала II в. с вытянутым носиком без ручки и облицовки. На дне его рельефное клеймо АРРЮ³¹. Оба клейма принадлежали известным италийским мастер-

Ф

ским и встречались на светильниках, найденных в Риме³².

По-видимому, к италийским следует также отнести найденный в Херсонесе светильник I в. с двумя носиками, рельефной розеткой на щитке и двумя выступами в виде лошадиных голов³³. Подобные светильники делались с ручками в виде рельефного листа и считаются изделиями кампанского производства³⁴. Это не исключительная находка для Херсонеса. Еще К. К. Косцюшко-Валюжинич в одном из своих отчетов упоминал о том, что в складе древностей было несколько ручек от подобных светильников³⁵.

Среди импортных светильников III—IV вв. большую группу составляют светильники из Аттики. В свое время они были определены как позднегреческие, но центр их производства долгое время оставался невыясненным³⁶.

Раскопки последнего времени позволили выяснить, что изготавливались эти светильники в Афинах и в Аттике, а оттуда в значительных количествах поступали на рынки различных областей материковой Греции, островов Эгейского моря, Малой Азии, Египта и Северного Причерноморья. Вершиной аттического экспорта глиняных светильников был IV в., а затем наступил упадок, вызванный различными причинами и в том числе сильной конкуренцией со стороны малоазийских и северо-африканских мастерских³⁷.

По глине и технике исполнения среди аттических светильников из Херсонеса можно выделить четыре группы: 1) светло-желтые из хорошо отмученной глины с тонкими стенками, что делает их очень легкими; 2) светло-коричневые из более грубой глины, но с ангобом на поверхности; 3) светло-коричневые толстостенные с ангобом, имеющим зеленоватый оттенок, очень тяжелые; 4) коричнево-бурые с такой же облицовкой на поверхности или без нее. Последняя группа датируется не ранее IV в. Очевидно, различия среди светильников обусловлены не только их разновременностью и происхождением из разных мастерских, но и различными источниками получения глины, так как в Херсонес поступали аттические светильники более чем из 10 мастерских. Число мастерских устанавливается на основании сигнатур на донышках светильников. Сигнатуры представлены отдельными буквами греческого алфавита — Е, I, К, П, начальными буквами имен — ЕΥ, ΠΟ и, наконец, надписями с именами

Рис. 4. Малоазийский светильник пергамского круга (ГХМ, инв. № 1480)

³¹ Там же, стр. 58, табл. XLIII, 461; табл. А, 461

³² СП., XV, 2, 1899, стр. 798, 823, № 6309, 6474.

³³ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Гаврическом в 1903 г. ИАК, 16, СПб., 1905, стр. 49, рис. 7; О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 40, табл. XXIII, 221.

³⁴ M. L. Bernhard. Lampki starożytne. Warszawa, 1955, табл. LIII. Иного мнения придерживается М. П. Ваулина, которая считает этот светильник квидским. М. П. Ваулина. Торговые сношения Северного Причерноморья с Квидом. СА, 1959, 1, стр. 82.

³⁵ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Ук. соч., стр. 49.

³⁶ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 59 сл., табл. XLIV, XLV, XLVI.

³⁷ M. L. Bernhard. Ук. соч., стр. 173 сл.; J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 67 сл.

владельцев керамических мастерских в именительном и родительном падежах — ΕΥΤΥΧ/ΗΣ, ΠΡΕΙΜ/ΟΥ, ΠΙΡΕΙΘΟΥ.

В III в. в Херсонес поступали аттические светильники с сигнатурой ΠΡΕΙΜΟΥ (рис. 2, 4). В этой мастерской делались довольно крупные светильники диаметром 9 см из светло-желтой глины с очень тонкими стенками³⁸. На их щитках мелкая насечка из линий, лучами расходящихся от

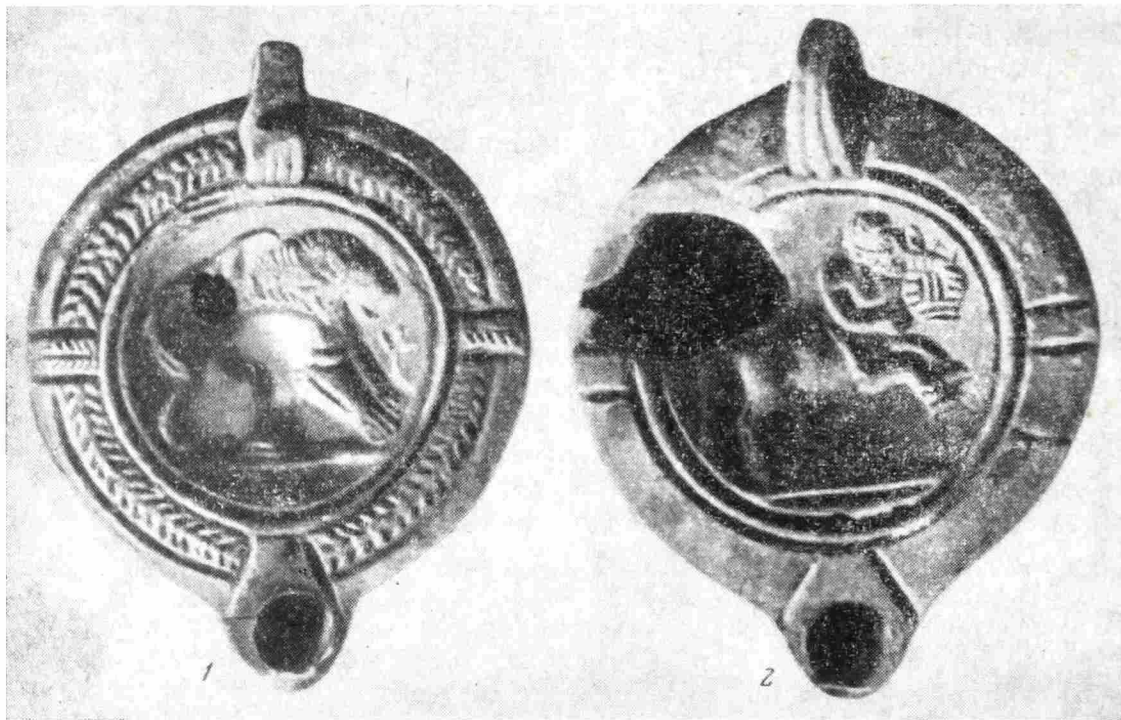

Рис. 5. Аттические светильники

1 — светильник III в. (ГХМ, инв. № 969); 2 — светильник IV в. (ГХМ, инв. № 4789)

центра, а по плечикам — рельефный орнамент в виде виноградных гроздей³⁹. Мастерская ΠΡΕΙΜΟΥ принадлежала к числу крупных мастерских Аттики III в., ее продукция известна не только в Афинах, но и в Коринфе, Спарте и на Делосе⁴⁰.

К этому же времени относятся светильники из желтой глины диаметром 8 см с изображением сидящего льва вправо на щитке и стилизованной ветвью по плечикам (рис. 5, 1). Подобное изображение на щитке хорошо известно на аттических светильниках из Афин⁴¹ и Коринфа⁴². На дне херсонесского светильника сигнатура в виде врезных греческих букв Λ и Η, а между ними ветвь (рис. 2, 5)⁴³. Аналогичная сигнатура неоднократно встречалась на аттических светильниках и принадлежала керамической мастерской, существовавшей в Аттике в первой половине III в.⁴⁴. Монеты,

³⁸ К. К. Косцюшко-Валюжинич и М. И. Скубетов. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 г. ИАК, 42, СПб., 1911, стр. 10, рис. 13; ГХМ, № 3291/11, 1710/13.

³⁹ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., табл. XLIV, 472.

⁴⁰ J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 48 сл. Сигнатуру ΠΡΕΙΜΟΥ, но в несколько ином начертании букв имела одна из керамических мастерских Коринфа, выпускавшая светильники. О. Бронир считает, что аттическая мастерская была филиалом этой коринфской. О. Вронер. *Terracotta Lamps. Corinth, IV, 2*, Cambridge, 1930, стр. 111 сл.

⁴¹ J. Perlzweig. Ук. соч., табл. 21, 970.

⁴² О. Вронер. Ук. соч., табл. XVIII, 1217.

⁴³ Коллекция ГХМ, инв. № 969.

⁴⁴ J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 145. По мнению Р. Хакена, буквы Υ и Η сигнатуры являются начальными буквами имен владельцев керамической мастерской. Он датирует светильники с вариантом подобной сигнатуры второй четвертью III в. R. Haken. *Roman Lamps in the Prague National Museum and in other Czechoslovak Collections. Praha, 1958*, стр. 99.

обнаруженные в одной могиле со светильником из Херсонеса, подтверждают датировку⁴⁵.

Одной из крупных аттических мастерских III в. по производству светильников была мастерская, имевшая сигнатуру ΠΡΕΙΘΟΥ в двух вариантах — врезном и рельефном. При этом замечено, что врезные сигнатуры появляются после 267 г.⁴⁶ Светильники из этой мастерской хорошо известны в Афинах, Милете и Северном Причерноморье⁴⁷. На их щитке насечка из тонких линий, лучами расходящихся от центра, как у светильников из мастерской ΠΡΕΙΜΟΥ, но нет орнамента по плечикам. Встречаются такие светильники и в Херсонесе, но с сигнатурой ΠΤΕΙΘΟΥ (рис. 2, 6)⁴⁸. Глина у них светло-желтая, ничем не отличается от глины светильников с сигнатурой ΠΡΕΘΟΥ, диаметр 8 см, что тоже совпадает с размерами светильников из мастерской ΠΡΕΙΘΟΥ. Следовательно, можно полагать, что херсонесские светильники с сигнатурой ΠΤΕΙΘΟΥ происходят из аттической мастерской ΠΙΡΥΘΟΥ, но в сигнатуру вкралась ошибка при изготовлении одного из штампов по вине резчика.

Вероятно, к аттическим относятся светильники III в. с сигнатурой ΑΡΧΕ/ΠΟΛΙ/ΔΟΣ, по глине технике исполнения и изображениям ничем не отличающиеся от них. Это два светильника из светло-желтой глины диаметром 7,6 см с изображениями 24-лепестковой розетки. Сатира и Менады на щитках и со стилизованной ветвью и двойными волютами по плечикам. На дне обоих светильников врезная надпись в три строки — ΑΡΧΕ/ΠΟΛΙ/ΔΟΣ⁴⁹.

Среди аттических светильников, найденных в Херсонесе, имеются экземпляры III в. без сигнатур. Диаметр их 6,8 см, сделаны они из желтой глины с изображением рельефного полумесяца на щитке и точками по плечикам⁵⁰. Аналогичные светильники хорошо известны из раскопок на Афинской агоре и датируются не позднее первой половины III в.⁵¹

Не позднее III в. светильники диаметром 8 см из светло-коричневой глины с ангобом и насечкой из тонких линий, лучами расходящихся от центра, на щитке и виноградной лозой по плечикам⁵². По внешнему виду эти светильники не отличаются от светильников из мастерской ΠΡΕΙΜΟΥ и, вероятно, одновременны им.

К этому же времени относятся несколько светильников диаметром 8,5 см с различными изображениями на щитках, но в остальном одинаковой формы и оформления. На одном из них, опубликованном О. Вальдгауэром⁵³, на щитке изображены старик на ложе и мужчина с женщиной на полу. По плечикам расположен рельефный орнамент в виде розеток, состоящих из точек. На щитке другого светильника изображены старик со старухой⁵⁴. В остальном он ничем не отличается от первого. На щитке третьего светильника этого типа изображены сражающиеся гладиаторы⁵⁵. Все три светильника, вероятно, происходят из одной аттической мастерской.

К III в. следует отнести несколько целых и многочисленные обломки светильников диаметром от 7,7 до 8 см из светло-желтой глины с очень

⁴⁵ В этой могиле (№ 48/1910 г.) не было монет позднее 230 г.

⁴⁶ J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 47.

⁴⁷ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 60, табл. XLV, 474; J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 47.

⁴⁸ Коллекция ГХМ, инв. № 972.

⁴⁹ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 60, табл. XLV, 482, 483; табл. А, 462, 483.

⁵⁰ ОАК за 1897 г., СПб., 1900, стр. 116, рис. 229; ГХМ, инв. № 1234.

⁵¹ H. S. Robinson. Pottery of the Roman Period. «Athenian agora», V, Princeton, 1959, стр. 57, табл. 45, 1, 66.

⁵² ГХМ, инв. № 32594, № 2219/12.

⁵³ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 61, табл. XLVI, 485.

⁵⁴ Этот светильник происходит из раскопок К. Э. Гриневича 1928 г. В настоящее время он утерян и сохранился только негатив за номером 2863 в негатеке ГХМ.

⁵⁵ ГХМ, инв. № 943.

тонкими стенками и рельефным изображением гальметты (?) или раковины (*Pecten*) на щитке и без орнамента по плечикам⁵⁶.

Часть аттических светильников из Херсонеса датируется второй половиной III — первой половиной IV в. Именно к этому времени относятся светильники с надписями ВРОМΙΟΣ, ΕΥΤΥΧΗΣ, ΕΥ, Ι, Κ, Π.

С сигнатурой ВРОМΙΟΣ известен лишь один светильник из красновато-желтой глины диаметром 7,4 см. На его щитке изображен петух, который отбивается от собак. По плечикам орнамент в виде стилизованной ветви. Все изображения довольно расплывчатые⁵⁷. Аттическая керамическая мастерская с этой сигнатурой существовала во второй половине III — первой половине IV в.⁵⁸. Херсонесский светильник датируется, по-видимому, IV в.

Сигнатуры ΕΥΤΥΧΗΣ и ΕΥ (рис. 2, 7, 8) принадлежали одной из крупнейших керамических мастерских Аттики и представляют собой различные модификации сигнатуры ΕΥΤΥΧΗΣ⁵⁹. Светильники с этими сигнатурами производились в течение второй половины III — первой половины IV в.⁶⁰. В Херсонесе обнаружены 11 светильников из этой мастерской из них 8 с сигнатурой ΕΥ⁶¹ и 3 с надписью ΕΥΤΥΧΗΣ⁶². Все эти светильники из желтой и светло-коричневой глины имеют довольно толстые стенки. Диаметр светильников 8—9 см; изображения на щитках светильников самые разнообразные: бюст Афины в шлеме, Эрот, играющий на свирели, кентавр с палицей, дельфин с трезубцем, два сражающихся воина, розетка и др. По плечикам светильников различная орнаментация, и только отдельные экземпляры без орнамента. Линии изображений и орнамента на всех светильниках очень четкие, чувствуется рука умелого мастера. Несмотря на различные изображения, все светильники имеют общие черты в манере исполнения. Исключение составляет светильник с изображением двух сражающихся воинов, который отличается от остальных формой, орнаментацией по плечикам и исполнением⁶³. По-видимому, этот светильник происходит не из аттической мастерской.

Встречаются в Херсонесе светильники с сигнатурой Ι (рис. 2, 9), сделанные из светло-желтой глины, с тонкими стенками. Диаметр светильников 7,8 см, на щитках изображены 24-лепестковая розетка, а по плечикам орнамент в виде стилизованной ветви⁶⁴. Внешне их трудно отличить от светильника с сигнатурой ΑΡΧΕ/ΠΟΛΙ/ΔΟΣ⁶⁵. Сигнатура Ι встречается в двух вариантах — врезном⁶⁶ и рельефном⁶⁷. Точнее количество этих светильников установить трудно, так как в большинстве случаев они встречаются в обломках⁶⁸; происходят они из второстепенной аттической кера-

⁵⁶ ГХМ, инв. № 946, 947, 953, 16605 и др. В Аттике встречались светильники с изображением раковины. S. E. Basset. *The Cave at Vari: VI. The Terra-cotta lamps.* AIA, 1903, VII, 3, стр. 346.

⁵⁷ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 61, табл. XLVI, 484.

⁵⁸ J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 30.

⁵⁹ Еще одной модификацией этой сигнатуры является Ε. Эта сигнатура встречается не ранее второй четверти IV в. J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 34.

⁶⁰ J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 24.

⁶¹ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. ИАК, 4, СПб., 1902, стр. 102; О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 60, табл. XLV, 476; ОАК за 1893 г., СПб., 1895, стр. 67, 68; ОАК за 1896 г., СПб., 1898, стр. 195, рис. 574; ГХМ, № 1710/10; А. Л. Рубинштейн. Светильники Херсонеса. Архив ГХМ, дело № 300, лист. 54.

⁶² К. К. Косцюшко-Валюжинич и М. И. Скубегов. Ук. соч., стр. 23; О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 60.

⁶³ Г. Д. Белов, С. Ф. Стрелецкий, А. Л. Якобсон. *Квартал XVIII. (Раскопки 1941, 1947, 1948 гг.)*. МИА, 34, 1953, стр. 191, рис. 40.

⁶⁴ Коллекция ГХМ, инв. № 16490, 954.

⁶⁵ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., табл. XLV, 483.

⁶⁶ Коллекция ГХМ, инв. № 16490.

⁶⁷ Там же, инв. № 954.

⁶⁸ Только в Херсонесском музее их около десятка: инв. № 237, 21242, 23685, 23688, 23701, 23702 и др.

мической мастерской, работавшей во второй половине III — первой половине IV в.⁶⁹ Херсонесские светильники этого типа датируются III в.⁷⁰

Из другой аттической мастерской происходят светильники диаметром 8 см, сделанные из светло-коричневой глины, покрытые ангобом. На щитке — насечка из линий, лучами расходящихся от центра, и рельефным орнаментом по плечикам. На дне сигнатура в виде буквы К (рис. 2, 10)⁷¹. Аналогичные аттические светильники встречались и с другими сигнатурами (ΕΥ, ΠΡΕΙΜΟΥ), а также и без них. Следовательно, светильники этого типа поступали в Херсонес из нескольких керамических мастерских. Это может свидетельствовать о довольно широком спросе на эти предметы. Сигнатура К принадлежала одной из небольших аттических мастерских второй половины III — первой половины IV в.⁷² Херсонесский светильник с сигнатурой К, вероятно, сделан не позднее III в., так как он ничем не отличается от светильников этого типа, датируемых III в.

Из других аттических светильников этого времени можно указать на светлоглиняный светильник диаметром 7,6 см с рельефной 16-лепестковой розеткой на щитке и сигнатурой Π на донышке⁷³, а также на светильник с изображением овцы влево на щитке и с рельефными двойными волютами по плечикам и сигнатурой в виде листа в круге (рис. 2, 11)⁷⁴. Обе сигнатуры принадлежали аттическим мастерским, функционировавшим во второй половине III — первой половине IV в.⁷⁵ Однако светильник с розеткой датируется не позднее III в.⁷⁶

К аттическим светильникам IV в. относятся светильники диаметром 7 см, сделанные из светло-коричневой глины, без облицовки⁷⁷ и с корпчнво-красной облицовкой⁷⁸, с изображением головы быка на щитке; на дне рельефные концентрические окружности. К этому же времени относится светильник из светло-коричневой глины диаметром 7,3 см. На его щитке помещено изображение Эрота с тирсом и свирелью, а на дне — рельефное кольцо⁷⁹. На первый взгляд этот светильник напоминает светильники с Эротом, происходящие из мастерской ΕΥΤΥΧΗΣ. Но при детальном изучении оказалось, что он отличается глиной, размерами и менее отчетливым изображением.

IV в. датируется аттический светильник из светло-коричневой глины диаметром 8 см, с изображением на щитке кентавра с корзиной и без орнамента по плечикам (рис. 5, 2). На дне светильника два концентрических кольца⁸⁰. Аналогичный светильник, но с очень расплывчатым изображением был найден в Керчи⁸¹.

Аттическим светильником IV в. является светильник, от которого сохранилась часть щитка с изображением медведя влево. Изготовлен он из розовой глины с довольно толстыми стенками⁸². Аналогичный светильник опубликован у О. Вальдгауэра⁸³. Происходят эти светильники из крупной мастерской IV в., имевшей сигнатуру СТР (начальные буквы имени

⁶⁹ J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 24.

⁷⁰ Они встречаются с монетами первой половины III в.

⁷¹ Коллекция ГХМ, инв. № 1701/10.

⁷² J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 24, 40.

⁷³ Херсонесский сборник. II, Севастополь, 1927, стр. 218; А. Л. Рубинштейн. Ук. соч., лист 53. В настоящее время светильник утерян.

⁷⁴ ГХМ, инв. № 1524. К. К. Косцюшко-Валюжинич и М. И. Скубетов. Ук. соч., стр. 8, рис. 8.

⁷⁵ J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 24.

⁷⁶ В могиле 48, где был найден светильник, не было монет позднее 230 г. (Херсонесский сборник, II, Севастополь, 1927, стр. 218).

⁷⁷ ГХМ, инв. № 967.

⁷⁸ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 59, табл. XLIV, 469.

⁷⁹ Там же, стр. 60, табл. XLV, 479.

⁸⁰ Коллекция ГХМ, инв. № 4789.

⁸¹ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 61, табл. XLVI, 488.

⁸² Коллекция ГХМ, инв. № 1471.

⁸³ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 61, табл. XLVI, 490.

СТРАТОЛАОС)⁸⁴. ◇ Святильники из этой мастерской обнаружены не только в Афинах⁸⁵, но и в других районах Аттики⁸⁶, в Коринфе⁸⁷.

Не ранее чем ко второй половине IV в. относятся аттический святильник с рельефным изображением на щитке бюста Афины в шлеме влево и стилизованной ветвью на плечиках. На дне святильника сигнатура в виде буквы E⁸⁸. Эта сигнатура появляется на аттических святильниках не ранее второй четверти IV в. и существует позднее⁸⁹.

К числу еще более поздних аттических (вторая половина IV—V в.) относятся святильники диаметром 6,8—7 см очень небрежной работы, со следами пережога, покрытые буро-красной облицовкой. На одном из них помещено изображение Эрота и Психеи на щитке и довольно крупные угловатые овы по плечикам⁹⁰, а на другом изображение не сохранилось⁹¹. На дне обоих святильников одинаковая врезная сигнатура Π ◇, заключенная в двойную неправильную окружность (рис. 2. 12). Подобная сигнатура принадлежала второстепенной аттической мастерской второй половины IV—V в.⁹²

К концу IV — началу V в. относятся еще несколько аттических святильников из Херсонеса, известных по публикации О. Ф. Вальдгауэра⁹³. Это обломок святильника диаметром 8 см с изображением двух обезьян, сидящих за трапезой у стола⁹⁴, святильник с темно-красной облицовкой диаметром 7,8 см с изображением двух рыб на щитке и двойными волютами по плечикам⁹⁵ и святильник диаметром 8,6 см с изображением маски на щитке и несколькими врезными мелкими окружностями по плечикам⁹⁶. Святильники с изображением двух рыб на щитке, кроме Херсонеса, известны в Афинах⁹⁷ и Коринфе⁹⁸.

Кроме описанных выше святильников несомненно аттического производства, возможно аттическими являются святильники с сигнатурой ΜΑΡΚΟΥ, воспроизводившие фор-

Рис. 6. Малоазийский святильник IV—V вв. (ГХМ, инв. № 1032)

⁸⁴ В тексте каталога О. Ф. Вальдгауэра ошибочно указана сигнатура ETP (стр. 61), в таблице же сигнатур под № 490 клеймо изображено правильно. О керамической мастерской СТРАТОЛАОС см. J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 25.

⁸⁵ Там же. Ук. соч., стр. 25.

⁸⁶ S. E. Vasset. The Cave at Vari: VI. Terra-Cotta Lamps, стр. 348.

⁸⁷ O. Vroon. Ук. соч., табл. XXXIII, 1396, 1397.

⁸⁸ Коллекция ГХМ, инв. № 23042. Датируется этот святильник монетой императора Валента. О сигнатуре сообщал А. Л. Рубинштейн. В настоящее время дно святильника загипсовано, и сигнатура не видна.

⁸⁹ J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 34; Р. Хакен датирует святильники с этой сигнатурой серединой III в., но эта дата не подтверждается ни афинскими, ни херсонесскими материалами. R. Haken. Ук. соч., стр. 101.

⁹⁰ Коллекция ГХМ, № 1703/13.

⁹¹ Там же, № 2480/10.

⁹² J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 25, 48.

⁹³ Все они найдены с монетами императора Феодосия.

⁹⁴ О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 61, табл. XLVI, 489.

⁹⁵ Там же, табл. XLVI, 492.

⁹⁶ Там же, стр. 62, табл. XLVII, 494.

⁹⁷ J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 37.

⁹⁸ O. Vroon. Ук. соч., табл. XIX, 1283, 1284.

му и изображения изделий из Аттики⁹⁹. Из мастерской МАРКОУ происходит светильник из светло-желтой глины с бюстом Афины на щитке и овами по плечикам, ничем не отличающийся от аттических образцов¹⁰⁰.

Кроме аттического импорта в IV—V вв. в Херсонес ввозились светильники малоазиатского и североафриканского производств¹⁰¹.

Малоазиатские светильники этого времени представлены образцами из светлой глины, диаметром 6,5—7,5 см, без изображений на щитке, но с рельефным орнаментом в виде виноградной лозы по плечикам. Носики

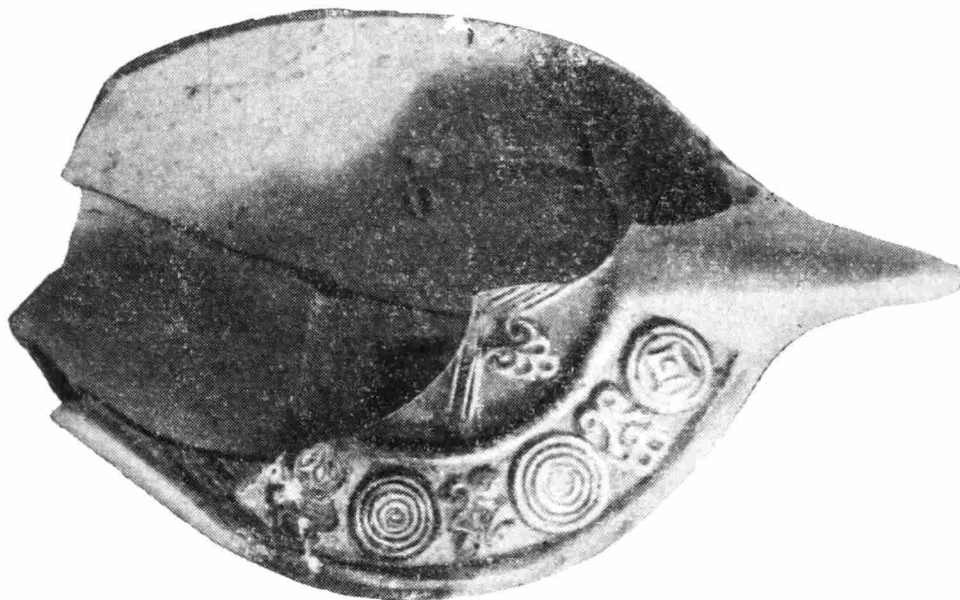

Рис. 7. Североафриканский светильник IV—V вв. (ГХМ, инв. № 740)

у светильников округлые выступающие, с каннелюрами на шейке (рис. 6). На доньшках клейма в виде правой и левой ступни, заключенные в окружность¹⁰². Изредка встречаются светильники такого типа с рельефной розеткой на щитке¹⁰³.

Светильники североафриканского производства овальной формы, с вытянутым носиком и ручкой без отверстия. Глина темно-красная, а на поверхности красная облицовка с металлическим блеском. На щитке и по плечикам орнамент в виде геометрических фигур в сочетании с растительными стилизованными мотивами. В Херсонесе эти светильники в большинстве случаев найдены в обломках, не позволяющих полностью восстановить размеры (рис. 7)¹⁰⁴.

Наше описание не исчерпывает всех импортных светильников первых веков нашей эры из Херсонеса. Их несомненно, значительно больше, но нам пришлось ограничиться описанием светильников, происходящих из более или менее установленных центров их производства. Среди импортных светильников имеются образцы с сигнатурами в виде греческих АΦΦΙΑΝΟΥ, ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΠΛΑΤΩΝΟΣ) и негреческих имен (ΧΟΛΧΗΡΣ, ΧΟΧΟΡΓ), отдельных греческих букв; имеются

⁹⁹ ОАК за 1896 г., СПб., 1898, стр. 185; О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., табл. XXXIII, 312; табл. А, 312. Весьма возможно, что в этой мастерской изготовляли подражания аттическим изделиям, так как до сих пор ни в Афинах, ни в других районах Аттики имя этого мастера не встречено.

¹⁰⁰ К. К. Косцюшко-Валюжинич и М. И. Скубетов. Ук. соч., стр. 50 сл.

¹⁰¹ О малоазиатских и североафриканских светильниках см. Н. Menzel. Ук. соч., стр. 90 сл., рис. 77, 78; J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 9 сл., табл. 10.

¹⁰² Коллекция ГХМ, инв. № 1032, 1199, 8843 и др.

¹⁰³ Херсонесский сборник, стр. 202, рис. 2, 2. В одной могиле с этим светильником обнаружены римские монеты конца IV — начала V в.

¹⁰⁴ Коллекция ГХМ, инв. № 740, 35610.

импортные светильники и без сигнатур. Однако в настоящее время еще нет возможности установить место их производства.

Изучение позднеантичных импортных светильников из Херсонеса показывает, что Херсонес в течение I—IV вв. поддерживал постоянные торговые связи с различными центрами Средиземноморья, Малой Азии, а возможно, и Италии.

В I—II вв. Херсонес поддерживал торговые связи с о-вами Кипром и Самосом, Пергамской областью, Эфесом и еще несколькими анонимными центрами Малой Азии, откуда в Херсонес поступали краснолаковые светильники. Весьма вероятно, что в это же время существовали какие-то связи с Италией, и в частности с Римом и Кампаньей. Из Малой Азии светильники продолжали ввозиться и в III в.

В III—IV вв. у Херсонеса существовали оживленные торговые связи с Афинами и Аттикой, где в это время было очень развито производство керамических светильников. Более десяти аттических мастерских поставляли в Херсонес свою продукцию вплоть до V в. Некоторые типы аттических светильников пользовались значительным спросом и поступали одновременно из нескольких мастерских.

В конце IV—V в. наряду с аттическим импортом в Херсонесе вновь появляются светильники малоазийского производства, а затем и североафриканских центров, конкурировавших с Аттикой¹⁰⁵.

V. I. Kadéiev

LAMPIONS DE CHERSON IMPORTÉS AUX I—IV SIÈCLES DE NOTRE ÈRE

Résumé

L'étude des lampions de Cherson a démontré que l'on y importait, au cours des I—II siècles de notre ère, des lampions peints au vernis rouge de Cnide, de Samos, d'Ephèse, de Pergame, de certains centres anonymes d'Asie Mineure, parfois de l'Italie.

Parmi les lampions importés aux III—IV siècles de notre ère, un groupe nombreux est composé de ceux qui venaient de l'Attique d'où l'on recevait la production de plus de dix ateliers céramiques. A côté des lampions attiques, on continuait à cette époque l'importation des flambeaux de l'Asie Mineure.

Vers les siècles IV—V de notre ère, des lampions venus des centres de l'Afrique Nord apparaissent aussi à Cherson.

¹⁰⁵ J. Perlzweig. Ук. соч., стр. 69.

Н. Б. НЕМЦЕВА

РАСКОПКИ АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА ХОДЖА МАШАД В САЯТЕ НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА

Один из уникальнейших памятников средневекового зодчества, так называемый «двойной мавзолей» Ходжа Машад расположен у северной окраины селения Саят (юг Таджикистана) на территории действующего мусульманского кладбища, в 1,5—2 км от правобережья р. Кафирниган.

К настоящему времени сохранились квадратно-купольные приземистые усыпальницы (14,5 × 14,5 м, высотой 13 м), соединенные между собой сквозным сводчатым айваном (рис. 1).

Мавзолеи сооружены из жженого светло-кремового кирпича (28 × 28 × 5 см), хорошего обжига. Обе постройки снаружи и в интерьере декорированы кирпичной фигурной кладкой и терракотовыми изразцами. Особенно выделен главный (южный) фасад памятника (рис. 2). В центре фасада (на оси айвана) находится портал, сохранившийся примерно на одну треть своей высоты. Небольшого выноса (50 см) пилоны, шириной в 2,2 м, обрамляют глубокую (3,5 м) порталную нишу, щипец которой как бы делит айван на две части. Лицевые стороны пилонов по периметру обведены двойным декоративным перекрещенным «жгутом» из кирпичиков овального сечения.

Среднюю часть П-образной рамы портала, судя по остаткам на западном плане, заполняла стилизованная арабская вязь, выложенная из терракотовых изразцов на розовато-сером фоне ганча с лёссом (ганчак).

По бокам портала расположены мавзолеи, увенчанные невысокими ступенчатыми куполами. Южные фасады мавзолеев декорированы различно. Стена западного мавзолея разбита неглубокими декоративными нишами, выложенными фигурной кладкой. Стена восточного облицована спаренным кирпичом с вертикальными вставками-перемычками. Верх четверика ornamentирован сложным трехчастным бордюром: в центре — полоса из кирпичей, установленных на угол плашмя, снизу и сверху проходит лента из кирпичей, уложенных на ребро наискось. Другие фасады мавзолеев декорированы одинаково — спаренным кирпичом в сочетании с вертикальными перемычками.

Оба помещения усыпальниц заполнены надгробными сооружениями. В западном их 23, в восточном 19, они ориентированы с севера на юг. Надгробники однотипны, двух- или трехступенчатой формы, иногда с треугольным навершием, сложены из кирпича, сверху оштукатурены ганчем. В западном мавзолее имеется стрельчатая михрабная ниша, декоративно оформленная терракотовыми изразцами.

Севернее усыпальниц на высоту 4—5 м сохранились оплывшие руины сырцового портала, обращенного на север, и фрагменты стен трех помещений из сырцового кирпича и пахсы, примыкавших к нему с востока и запада. Сырцовые руины как бы замыкают «прямоугольник» невысоких лёссовых валов, вытянутых по сторонам от «двойного мавзо-

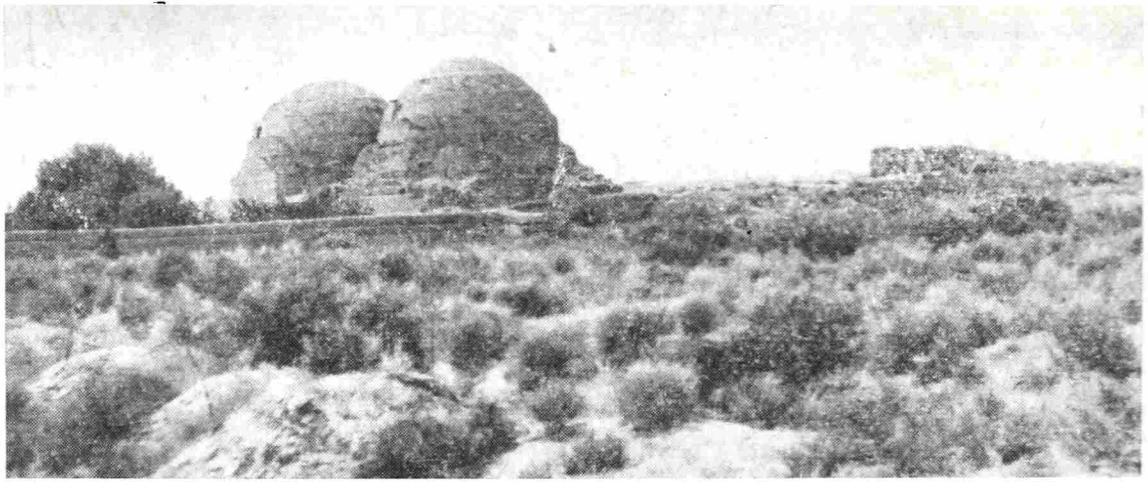

Рис. 1. Современное состояние архитектурного памятника Ходжа Машад (общий вид)

лея». Микрорельеф внутри «прямоугольника» значительно нарушен современными могильными холмами, но местами можно еще уловить следы планировки отдельных помещений.

Удаленный от крупных современных культурных центров «двойной мавзолеей» довольно долго находился в забвении. Упомянутый в печати еще в конце XIX в.¹ памятник лишь с 1947 г., в результате работ Вахшского отряда Согдийско-Таджикской экспедиции, попадает в поле зрения ученых, становится предметом исследований и публикаций. Вначале появляются краткие упоминания о мавзолеях Ходжа Машад в общих статьях по итогам указанной экспедиции², а в 1950 г. выходят две работы А. М. Беленицкого, посвященные описанию памятника, с фотографиями и обмерным планом³.

Своеобразие планировочной композиции двух спаренных мавзолеев, а также различные приемы декоративного убранства южного фасада позволили А. М. Беленицкому предположить, что усыпальницы разновременны. Восточный мавзолей был понят как первоначальный (X в.), к которому позже, в XI—XII вв., был пристроен западный мавзолей и объединяющий их айван с порталом по южному фасаду⁴.

Совершенно иная точка зрения была высказана М. М. Дьяконовым. При обследовании памятника в 1950 г. он обратил внимание на перевязку кладки внешней оболочки купола восточного мавзолея с порталом и предположил, что мавзолеи построены одновременно. Стилистический анализ остатков надписи на восточном пилоне портала позволил ему датировать памятник первой половиной XII в.⁵

В 1959 г. мавзолеи были детально обмерены и обследованы архитектором С. Г. Хмельницким. В процессе этих работ было сделано весьма важное заключение, что сырцовые руины севернее мавзолеев Ходжа Машад синхронны последним и некогда составляли с усыпальницами еди-

¹ Лелленгаль. Маршруты по Гиссарскому и Кабадианскому бекствам. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. VII, СПб., 1894, стр. 358.

² А. Ю. Якубовский. Работы Согдийско-Таджикской археологической экспедиции 1947 г. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 52; А. П. Колпачков. Археологические памятники на юге Таджикистана. Сообщения Тадж. ФАН СССР, I, Сталинабад, 1947, стр. 37; его же. Страницы из истории Кабадиана. Сообщения Тадж. ФАН СССР, XXXI, Сталинабад, 1951, стр. 85.

³ А. М. Беленицкий. Мавзолей у селения Саят. МИА, 15, 1950, стр. 207—209; его же. Мавзолей у селения Саят. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 134, 138.

⁴ А. М. Беленицкий. Мавзолей у селения Саят. МИА, 15, стр. 209.

⁵ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953, стр. 269.

Рис. 2. Центральная часть южного фасада мавзолеев Ходжа Машад с полуразрушенным порталом в середине

ный архитектурный комплекс. По микрорельефу местности и сохранившимся остаткам С. Г. Хмельницкий уловил общую схему плана сооружения и отождествил его с медресе. При этом, не высказывая своего отношения к соображениям М. М. Дьяконова относительно одновременности мавзолеев, автор в принципе сохранил предложенную А. М. Беленицким периодизацию и датировку⁶.

В 1965 г. памятник был вновь обмерен и исследован в связи с намеченной Министерством культуры Таджикистана реставрацией⁷. Впервые здесь были проведены археологические работы, в результате чего получен чрезвычайно интересный материал, позволивший по-новому понять первоначальный архитектурный облик и назначение сооружения.

У стен «двойного мавзолея» было заложено девять шурфов, которые показали, что обе усыпальницы со сводчатым айваном посередине представляют собой единое сооружение, одного архитектурного замысла и строительного периода.

При условии разновременности усыпальниц следы пристройки центрального сквозного айвана к восточному мавзолею (согласно предложенной А. М. Беленицким периодизации) на участках стыка были бы неизбежны. Но даже внешний осмотр памятника, в частности обследование южного портала, где в результате разрушений сверху обнажилась черновая кладка в местах стыка айвана с четвертиками мавзолеев, показал, что оба пилона конструктивно связаны с телом каждой из усыпальниц и никаких признаков пристройки не имеют. К такому же выводу приве-

⁶ С. Г. Хмельницкий. Архитектурный комплекс Ходжа Машад в селе Саят. Ленинградский инженерно-строительный институт, доклады к XXII научной конференции, Л., 1965, стр. 34—38; его же. От конструкции к орнаменту. «Искусство таджикского народа», 3, Душанбе, 1965, стр. 57—58.

⁷ Работы велись сотрудниками СНРПСБ Министерства культуры УзССР в составе архитекторов А. Зайнутдинова, Х. И. Мамышева и Х. Мирусмановой, а также археологами Н. Б. Немцовой и Е. Д. Салтовской по договору с Министерством культуры Таджикистана.

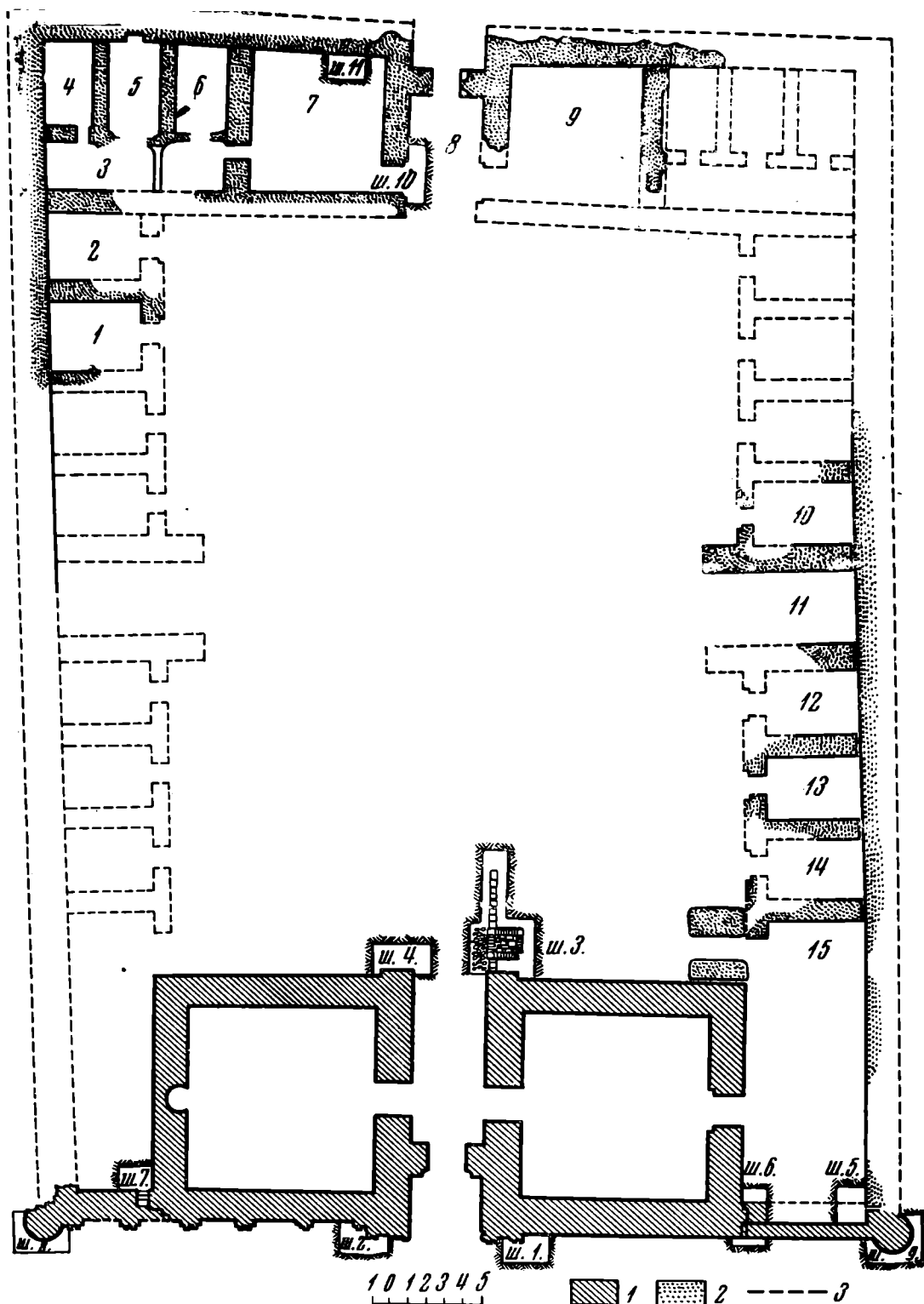

Рис. 3. План комплекса Ходжа Машад:

1 — часть памятника, выстроенная из жженого кирпича; 2 — вскрытая и местами сохранившаяся часть памятника (помещения 8, 9), выстроенная из кирпича-сырца и пахсы; 3 — схема графической реставрации всего сооружения

ли и результаты шурфовки у портала на стыках его с четвериком (шурфы № 1 и 2, рис. 3). Один уровень основания стен обоих мавзолеев, конструктивная связь пилонов портала со смежными частями четвериков исключают возможность их пристройки.

Еще более убедительные данные в этом плане были получены при обследовании северного фасада «двойного мавзолея» (шурфы № 3 и 4).

Соответственно пилонам южного портала, центральный айван с северной стороны был оформлен небольшими выступами — пилястрами по внутренним углам мавзолеев (как и южные, разрушены сверху). Шири-

на пилястров 1,75 м, глубина выноса 28 см. Эти выступы — пилястры — чисто декоративный элемент. Не являясь конструктивной, несущей частью, они как бы логически завершают выход айвана с северной стороны, создавая определенное архитектурное членение всего фасада.

При условии разновременного строительства зданий, наличие пилястра на восточном мавзолее (первоначальном — по А. М. Беленицкому) было бы лишено всякого смысла. Возможность считать его пристройкой теперь исключена. Один горизонт декоративной спаренной кладки на четверике и на пилястре, общий уровень основания стен на всем их протяжении, один формат и цвет кирпича, оттенок патины времени на лицевой стороне и, наконец, конструктивная перевязка кладки выступа с массивом четверика не вызывают сомнений в единовременном происхождении зданий. Об одновременности строительства свидетельствует и конструктивная связь щипца южного портала со стенами обоих мавзолеев. Все перечисленные выше признаки одного строительного периода в равной мере относятся и к щипцу. Равная 2 м по всему периметру толщина стен обеих усыпальниц исключает возможность наращивания стен со стороны айвана.

Совершенно новое представление о памятнике, о его первоначальном облике дали результаты шурфовки у внешних углов мавзолеев со стороны южного фасада (шурфы № 5—9). Как показало вскрытие, южный фасад «двойного мавзолея» с восточной и западной сторон продолжали массивные стены — крылья с круглыми в основании гильдеста по углам.

Шурфами № 7, 8 выявлено западное крыло, протяжением в 5, толщиной в 2 м, сохранившееся на высоту до 1,6 м, конструктивно связанное с мавзолеем. На конце его сохранилось основание гильдеста (3—5 рядов кладки), диаметром 2,1—2,15 м.

К восточному мавзолею на интересующем нас участке в настоящее время без связи с четвериком примыкает ремонтная стенка толщиной в 80 см, построенная на остатках древней. Первоначальная стена была обнаружена шурфом № 6. Сохранилась она на 2—3 ряда в основании и в виде рваного выступа на остальную высоту — 95 см. Стенка эта, как и западная, была перевязана с мавзолеем и, что показательное, имела ширину 2 м, уже известную по другим частям памятника. Протяжение этого крыла 7,5 м (т. е. на 2,5 м длиннее западного). В западном крыле, на стыке его с мавзолеем, со стороны двора была устроена лестница шириной в 64 см для подъема наверх, от нее расчищены три деформированных ступени. Возможно, такая же лестница была и на восточном крыле. Шурфами № 5 и 9 (рис. 3) была вскрыта почти вся окружность гильдеста восточного крыла. Переложённая сверху во время ремонта вместе со стеной, эта гильдеста сохранилась на высоту 1,5—2 м. Диаметр ее основания 2,25—2,30 см, ствол кверху утоньшается, следы декора отсутствуют.

Гильдеста вплотную примыкает к массивной пахсовой стене, уходящей на север и являющейся, как показали исследования, внешней стеной всего архитектурного комплекса, включавшего обе существующие усыпальницы и руины сырцового строения.

Благодаря археологическим вскрытиям у стен «двойного мавзолея» выявлена конструктивная и логическая связь обеих построек. Выяснилось, что мавзолеи построены одновременно. Центральная сводчатая арка — айван — своим архитектурным и декоративным оформлением на всем протяжении (пилоны портала, щипец, выступы пилястров северного фасада) связана с четвериками обеих усыпальниц и представляет с ними одно целое.

Боковые стены-крылья с гильдеста по углам завершают композицию главного фасада. Схема этой композиции проста и лаконична: слабо развитый портал посередине между двумя квадратно-купольными объемами и симметрично расположенные от него боковые стены с гильдеста.

Это известный по многим памятникам средневековья принцип поперечно-осевого построения, связанный с решением одной из сторон (или четырех сторон) сооружений с открытым внутренним двором (медресе, мечети, караван-сарай). Такая схема построения, но уже более развитая и усложненная, получила широкое распространение в XIV—XVII вв. (медресе, мечети Бухары, Самарканда, Хивы и других городов Средней Азии).

Зарождение этой композиции можно наблюдать в архитектурном комплексе Султан-Саодат в Термезе, который по планировке является прямой аналогией нашему памятнику.

Исследования 1965 г. показали, что два стоящих рядом домонгольских мавзолея этого комплекса, соединенные между собой айваном-пештаком и считавшиеся так же, как и мавзолеи Ходжа Машад, одновременными, связаны между собой общими фундаментами, построены по единому плану и в один строительный период⁸. Этот факт принципиально важен для понимания происхождения «двойного мавзолея» в Саяте.

Если в комплексе Султан-Саодат два спаренных мавзолея с айваном посередине представляют собой самостоятельное объемно-планировочное решение, то в комплексе Ходжа Машад те же две спаренные усыпальницы с айваном между ними дополнены боковыми «крыльями» с гульдаста по углам и включены как составная часть в крупное прямоугольное сооружение, как будет показано ниже, с открытым внутренним двором.

Архитектурно-декоративная общность того и другого произведения средневековых зодчих, один принцип объемно-пространственного и планировочного построения, их территориальная и хронологическая близость позволяют не только говорить о принадлежности памятников к одной северотохаристанской архитектурной школе, но и наглядно иллюстрируют процесс формирования поперечно-осевой композиции, ставшей впоследствии каноном для решения одной из сторон сооружений с открытым дворовым пространством.

Караханидские мавзолеи Султан-Саодат не единственные аналогии памятнику в Саяте. В том же комплексе Султан-Саодат имеется еще три пары более поздних мавзолеев (XVI в.) той же композиции. В приамударьинской группе сырцовых строений домонгольского времени имела сырцовая мечеть идентичной планировки, состоящая из двух подквадратных помещений и открытого айвана между ними⁹. Еще более отдаленным по времени прототипом подобного планировочного решения, чем указанные памятники района Термеза, является мечеть X в. в Мешхеде¹⁰. Здесь то же поперечно-осевое расположение двух купольных помещений по сторонам открытого центрального айвана.

Археологическими исследованиями 1965 г. произведены частичные вскрытия сырцовой части памятника, расположенной севернее «двойного мавзолея». Действующее мусульманское кладбище, занимающее всю территорию памятника, позволило вести раскопки на ограниченных участках путем траншей вдоль стен, которые угадывались в микрорельефе. Вскрывали часть восточной стороны двора, часть западной и западное крыло северной. В результате удалось выявить общую схему плана всей постройки и подтвердить предположения относительно его характера. Выяснилось, что это было большое прямоугольное сооружение (68 × 48 м) с внутренним открытым двором (42 × 31 м), застроенное по периметру помещениями (рис. 3).

⁸ Г. А. Пугаченкова. Новые материалы по архитектуре ансамбля Султан-Саодат. «Строительство и архитектура Узбекистана», 9, 1965, Ташкент, стр. 40.

⁹ Н. М. Бачинский. Сырцовые здания древнего Термеза. Тр. АН УзССР, сер. 1. Термезская археологическая экспедиция. II, Ташкент, 1945, стр. 216, 217, рис. 19.

¹⁰ A. Godard. Khorasan, Athar-e Iran, IV, 1, Paris, 1949, pls. 108.

Прямоугольник двора по трем наружным фасадам был обведен мощной (толщина не менее 2 м в основании) пахсовой стеной, сохранившейся под культурным слоем на 2,5—3 м, а с четвертой (южной) стороны замыкался описанным выше мавзолейным комплексом.

Помещения двора были сложены из сырцового кирпича $28 \times 28 \times 5$ см, одного размера с жженым кирпичом мавзолеев. Наиболее четкая планировка была выявлена в восточной стороне двора. Строго по ее центру был обнаружен глубокий (сохранился на 8 м), открытый во двор айван (рис. 3, 11) шириной в 4 м. Южнее айвана частично расчищено три (12, 13, 14), а севернее одна (10) прямоугольные худжры и расположенный в северо-восточном углу памятника смежно с мавзолеем небольшой ($16,2 \times 7$ м) открытый дворик (15). Размеры худжр $(3,5—3,4) \times 5,3$ м, ширина стен и проемов 1,2 м.

Входной проем дворика, расположенный в северо-западной части, имеет ширину 1,5 м, оформлен пристроенными к нему массивными пилонами, сохранившимися в высоту на 2,5—3 м от основания. Значение и роль этих пилонов до полного вскрытия остаются не вполне ясными. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что если продлить оборванную на 8 м стену восточного айвана до конца указанных пилонов, то глубина его будет точно соответствовать глубине айвана между двойным мавзолеем — 9,5 м. Возможно, выходя за плоскость стен худжр, пилоны подчинялись своими размерами выступам стен восточного айвана, являя собой элементы архитектурного членения дворового фасада. Графическая разбивка не раскопанного участка восточной стороны двора на равные отрезки в $3,5 + 1,2$ м (ширина худжр и стен между ними) позволяет уместить севернее айвана четыре худжры. Все это дает основание предполагать симметричность решения плана всей восточной стороны.

Территория западнее сырцового портала не имела достаточно четко выраженного микрорельефа, что заставило сосредоточить раскопки именно на этом участке. Вскрытие выявило квадратное помещение 7, аналогичное сохранившемуся 9, со стороной в 7,5—7,8 м, и три прямоугольные худжры (4, 5, 6) размером $4,6 \times (2,7—2,9)$ м, замкнутые с юга коридорообразным помещением 3 (см. план).

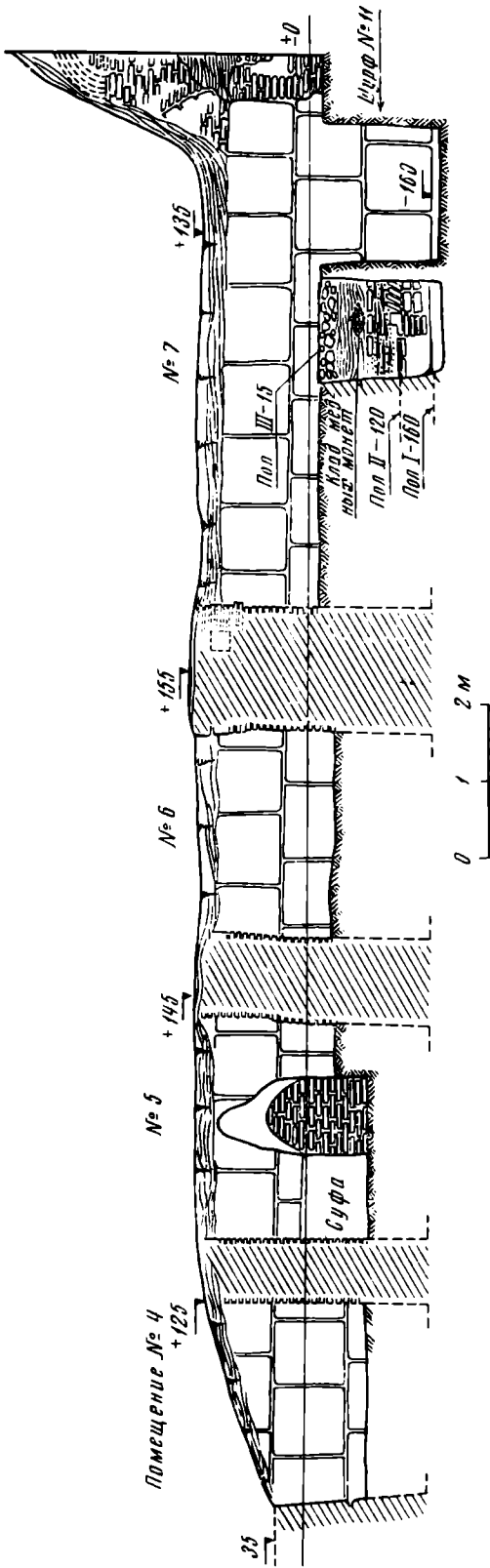
Шурфом № 10 было установлено, что предвратное помещение сырцового портала 8 было открытым во двор айваном, аналогичным вскрытому по восточной и известному по южной стороне. Ширина всех трех — 4 м, глубина северного, вскрытого до пределов 7 м, не исключает и здесь глубины в 9,5 м.

Худжры были перекрыты сводами системы вертикальных отрезков, пяты которых сохранились. Квадратное помещение 7, на восточной стене имеющее конструктивный трюп в виде эллиптической перспективной арки — формы, совершенно идентичной подкупольным конструкциям восточной усыпальницы, было перекрыто куполом (рис. 4 и 5).

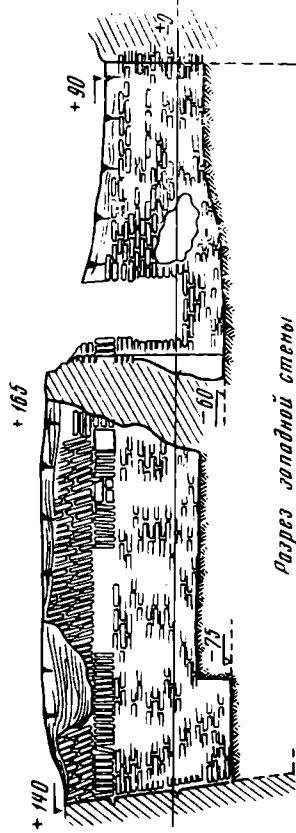
Незначительные вскрытия были проведены по западной стороне двора. На участке, смежном с коридорообразным помещением 3, вдоль западной пахсовой стены выявлены две прямоугольные худжры (1, 2), размером $(3,75—3,90) \times 4,30$ м. Это дало основание уже до полного вскрытия предполагать симметрию в решении плана всего двора.

Центральный айван по обеим сторонам, по-видимому, был застроен худжрами, две из которых частично вскрыты. Различные продольные размеры худжр западной и восточной стороны двора (4,3 и 5,3 м) вполне согласуются с общей планировкой постройки, подчиняясь разной длине стен — крыльев с гульдаста по южному фасаду.

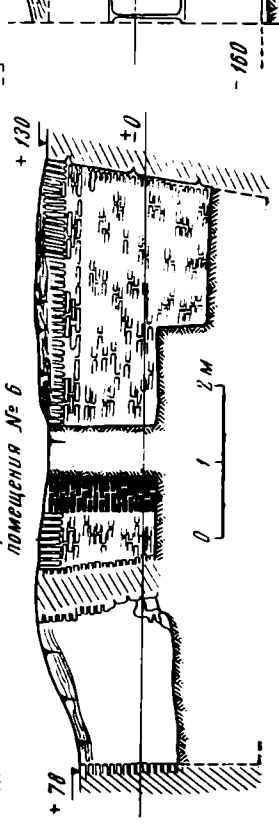
Раскопками получены достаточно полные данные, чтобы говорить об архитектурно-планировочных особенностях всего памятника. Совершенно ясно, что южный мавзолейный комплекс планировался сразу как часть всей постройки с внутренним открытым двором, составляя одну из ее сто-

Разрез восточной стены помещения № 6

Разрез западной стены помещения № 6

Разрез восточной стены помещения № 7

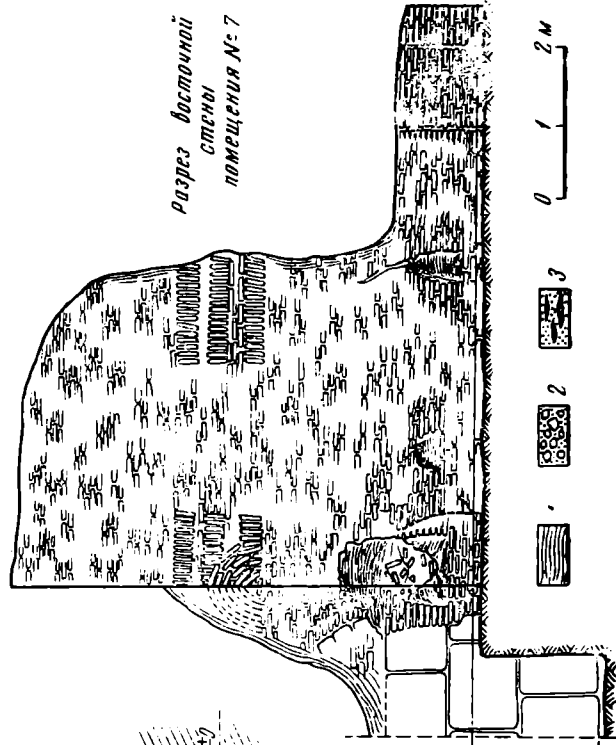

Рис. 4. Разрезы помещений, вскрытых в северо-западной части двора:

1 — натечно-надувные слои; 2 — завал кирпича-сырца; 3 — вольноугольные линии

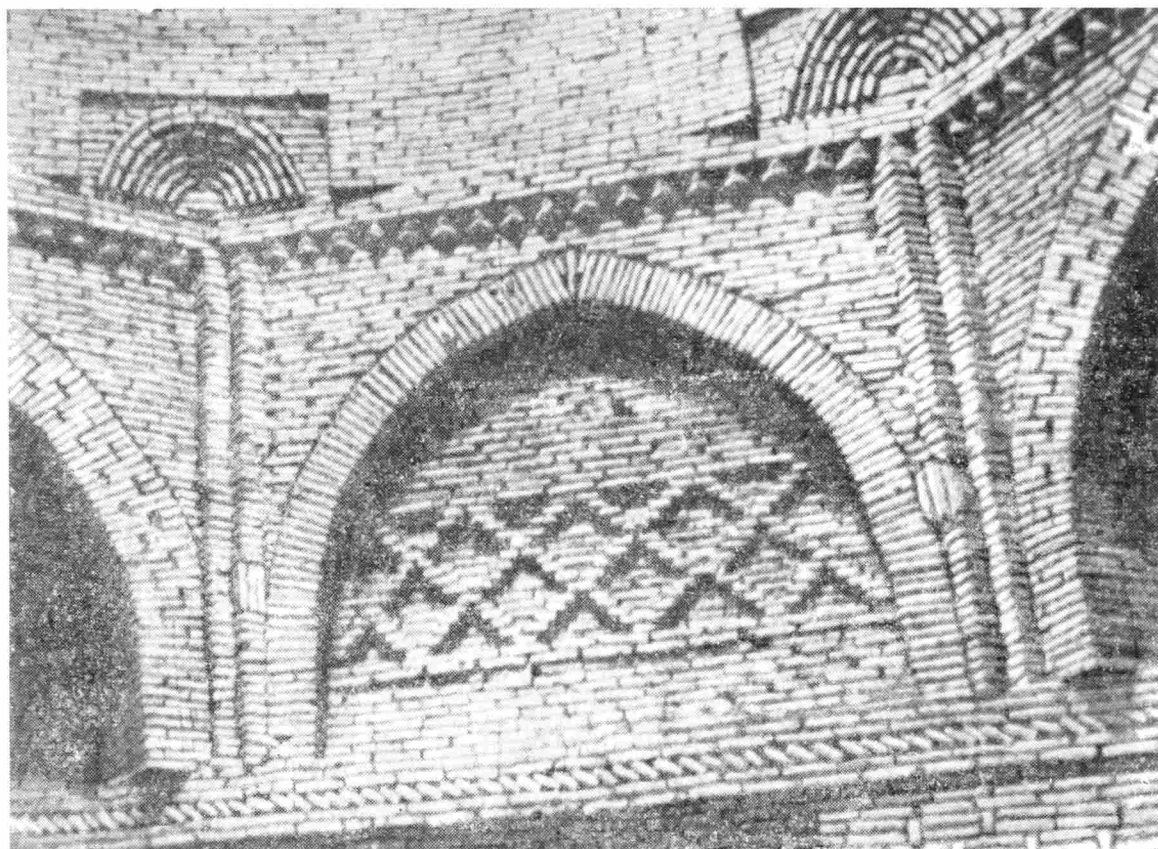

Рис. 5. Подкупольные конструкции восточной усыпальницы

рон. Несмотря на разнообразие строительного материала (жженный и сырцовый кирпич, пахса), характерного для зодчества Средней Азии данной поры, и большое разнообразие конструктивных, декоративных и архитектурных приемов, наблюдается общность всех частей сооружения, их подчинение и зависимость друг от друга. Это хорошо видно в решении общего плана, представляющего собой прямоугольную постройку крепостного характера с открытым внутренним двором. Здесь четко выражен единый планировочный и композиционный замысел. Единство композиции дворовых фасадов в первую очередь определялось четырьмя открытыми айванами по центральным осям. Противолежащие стороны построены на основе «зеркального» отражения. Если восточная и западная стороны двора были застроены одним рядом худжр, то северная, в сущности, повторяла южную. Сырцовый портал с айваном и два примыкающих с боков квадратных помещения северной стороны в принципе соответствовали планировке двух усыпальниц с айваном посередине, хотя в общей композиции южная сторона (мавзолейная) была доминирующей.

Выявленная раскопками схема плана памятника являет собой известный и в принципе сложившийся к периоду развитого средневековья на арабском Востоке и в Средней Азии тип сооружения с открытым двором и четырехайванной композицией. В дальнейшем именно эта основа планировки, но значительно усложненная становится характерной для крупных общественных зданий (мечеть, медресе, караван-сарай).

Один из этапов еще окончательно не завершеного процесса сложения такого типа постройки наблюдается, как нам кажется, в архитектурном комплексе Ходжа Машад. Особенно показателен в этом отношении южный фасад с различным декоративным оформлением плоскостей стен. Именно свидетельством незаконченности эволюции сооружений такого типа объясняется, как нам кажется, эта неоправданная для единовременной постройки «фантазия» средневековых зодчих.

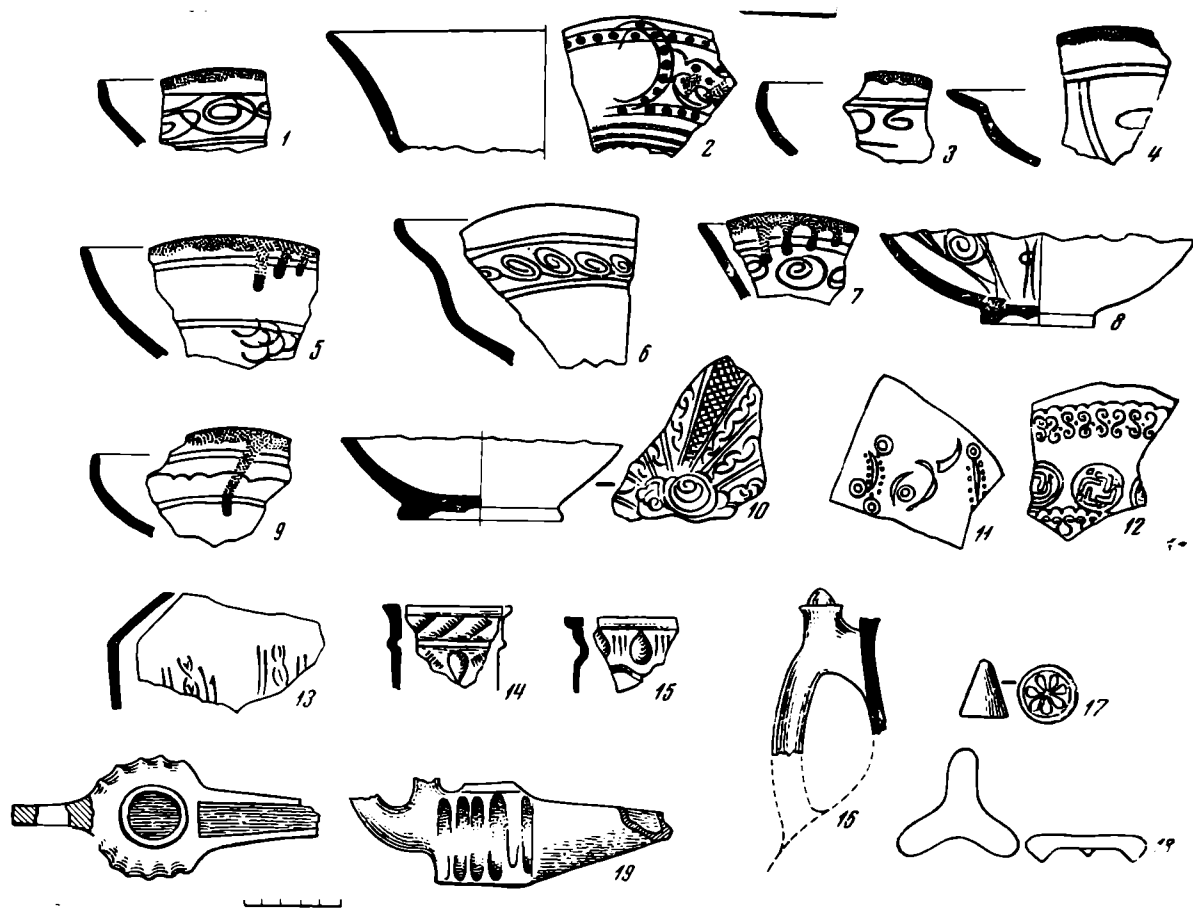

Рис. 6. Керамика XII — начала XIII в.

Касаясь вопроса назначения исследуемого сооружения и времени его функционирования, коротко остановимся на стратиграфии культурных наслоений в дворовой части постройки.

Как выяснилось в процессе наших работ, памятник возведен на материке, представляющем собой увлажненную супесь (отложения р. Кафирниган). Стены всего сооружения (сырцової части и мавзолеев) построены без фундаментов и возводились с одного уровня. Первоначальный пол, выявленный у основания стен, представлял собой естественный утопанный грунт.

Культурный слой внутри постройки (мощность 2—2,5 м) содержит следы интенсивного обживания. Стратиграфия его в разных частях памятника различна. Сравнительно однороден культурный слой восточной стороны двора. Грунт здесь на всем протяжении рыхлый, с большим содержанием бытовой керамики, костей, угля, зольников, прослоек органического перегноя, соломы. Значительно сложнее стратиграфия северной стороны двора, где в помещениях обнаружены крупные завалы кладки сводов и куполов, отмечены следы двух строительных и хронологических периодов.

Комплекс керамики, связанный со временем строительства сооружения и основным этапом его существования, получен главным образом с уровня полов и наслоений над полом. Наиболее характерными формами являются открытые сосуды типа небольших блюд, мисок, пиал, коса с прямым венчиком, слегка вогнутым внутрь, или с перегибом по плечу на невысокой кольцевой ножке (рис. 6, 1—4, 10). Полива светлая (белая, кремоватая, желтая, светло-салатовая), тонкая, шероховатая, невысокого качества, нанесена, как правило, на внутреннюю сторону сосуда. Снаружи — светло-кремовый ангоб, иногда полива нанесена лишь по бортику и корпусу сосуда. По краю венчика — светло-зеленая или светло-голубая

полоса с подтеками. Гравированный орнамент составляют кольцевые пояски по сгибу плечика или ленты, заполненные спиралевидными завитками или цепочкой желтых или буро-коричневых выпуклых кружков.

Характерно и радиальное распределение рисунка; прямые или зигзагообразные гравированные радиальные линии образуют сектора с редкими расплывчатыми зелеными или голубыми пятнами.

К этому же комплексу относятся сосуды аналогичных форм, такой же орнаментации, но выполненные в другой цветовой гамме: посуда покрыта темно-голубой поливой, по краю венчика нанесена темно-синяя кайма с подтеками, внутренняя поверхность сосуда украшена гравированными линиями или лентами со спиральями аналогичных мотивов (рис. 6, 5—9). Посуда описанных типов находит широкие аналогии в памятниках предмонгольского периода (XII—начало XIII в.) на территории Шапа, Усрушаны, Ферганы, Термеза, Хульбука, Туткаул-Тепе и других местах¹¹.

К этому же времени относится группа тонкостенной неполивной керамики (более всего кувшины), орнаментированной гравировкой, штампом, налепами или их сочетанием. Обжиг черепка отличный, до светло-кремового или серого цвета. Предельно стилизованный рисунок гравированного или нарезного орнамента составляют прямые линии, завитки, кружки, точки, сетки, ленты (рис. 6, 11—15).

Ручки сосудов в большинстве случаев сверху украшены конусовидными или круглыми налепами (рис. 6, 16). Наиболее близкие аналогии этой посуде имеются в комплексах из Старого Термеза¹², Нисы, Мерва¹³.

Датировка керамики нижнего горизонта подтверждается и нумизматическими данными. Три медные монеты, найденные в восточном айване близ уровня пола, относятся к концу XII—началу XIII в.¹⁴, что в комплексе с керамикой определяет время строительства и основного этапа функционирования памятника пределами XII—начала XIII в. Это вполне согласуется с датировкой памятника XII в. А. Ю. Якубовским и М. М. Дьяконовым, основанной на стилистических особенностях арабской надписи южного портала¹⁵.

Архитектурно-декоративные приемы, представленные более всего на южном фасаде, имеют прямые аналогии в северо-хорасанских памятниках XII в. (туркменская мечеть Талхатан-Баба, караван-сарай Дая-Хатын, мавзолей Мухаммеда-ибн-Зейда¹⁶).

При раскопках северной части двора обнаружены явные следы некоторой реконструкции, связанной со вторым периодом жизни памятника. В частности, был заложен первоначальный проем, ведущий из айвана 8 (см. план) в помещение 7, и пробит новый в той же стене, но с уровня 1,40 м от основания ее. В помещении 3 с этого же уровня была возведена тонкая (25—30 см) глинобитная перегородка.

¹¹ Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. Тр. ТашГУ, нов. сер., 172, Ташкент, 1960, стр. 142; В. А. Шишкин. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза. Тр. АН УзССР, сер. I, Ташкент, 1945, стр. 111, 112; Л. Н. Мережин. Керамика XII—начала XIII в. из старого Термеза. Тр. ТашГУ, нов. сер., 172, Ташкент, 1960, стр. 85; Э. А. Юркевич. Археологические работы в зоне затопления Нурекской ГЭС в 1961 г. Сб. Археологические работы в Таджикистане, 9, 1961. Тр. ИИ АН ГаджССР, 42, Душанбе, 1964, стр. 123, рис. 4.

¹² В. А. Шишкин. Ук. соч., стр. 115, рис. 16; Л. Н. Мережин. Ук. соч., табл. на стр. 179, рис. 1, 25.

¹³ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1962, стр. 402.

¹⁴ Определение монет произведено М. Н. Федоровым, за что автор выражает ему свою признательность.

¹⁵ А. Ю. Якубовский. Работы Согдийско-Гаджикской археологической экспедиции. М.—Л., 1947, стр. 52; М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 269.

¹⁶ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI, М., 1958, стр. 254, 239, 306.

В южной, «мавзолейной», части к этому строительному периоду, возможно, относится упомянутая выше ремонтная стена «восточного» крыла с гильдаста.

Время ремонтных работ на памятнике и второго периода его функционирования определяется серединой или первой половиной XV в. Основанием для этого служит комплекс бытовой керамики из верхнего культурного слоя (кобальтовая и черная растительная или геометрическая роспись по белому фону) и клад медных монет времени правления Улугбека¹⁷.

Наиболее сложным оказался вопрос о функциональном назначении памятника.

Как уже говорилось, С. Г. Хмельницким было высказано предположение, что это медресе. Главным аргументом для отождествления ему послужили формально-планировочные данные сооружения — открытый двор, худжры по его периметру и наличие двух купольных помещений по сторонам от входа (имелись в виду мавзолеи), якобы присущие только медресе¹⁸. При этом сравнение проведено с отдаленными по времени и типологически сложившимися медресе Бухары и Самарканда XV—XVII в.

Известно, однако, что в планировочном отношении медресе как архитектурно сложившийся тип здания на определенном этапе своего развития были очень сходны с рабатами и ханака¹⁹. В частности, домонгольский караван-сарай с городища Ал-Аскер, рабат около Дахистана в Южной Туркмении²⁰, иранский караван-сарай XVII—XIX вв. рабати-Сенхас²¹ имеют близкие формально-планировочные признаки. Здесь налицо прямоугольный двор, застройка его по периметру, наличие двух симметрично расположенных купольных помещений общего назначения. И, наоборот, если судить строго, близкое по времени медресе в Харджирде (конец XI в.)²² имеет мало общего с канонизированным типом медресе и с памятником в Саяте. Более того, медресе, рабаты и ханака на первых порах своего существования мало чем отличались функционально. Широкое распространение религиозного подвижничества (дервишизма) в период развитого средневековья (X—XII вв.) вызвало появление связанных с этим движением в исламе обителей отшельников, ханака, под которые в первое время приспособлявали рабаты.

Слово рабат-рибат встречается уже в коране. «Рибат-алхайл» — рибат коней, по объяснению автора XII в., — место, где привязывали коней²³.

Первоначально рабаты строились в пограничной полосе мусульманской империи и предназначались для газпев (борцов за веру). Позже, когда война за веру утратила свое значение, рабаты превратились в обители отшельников, в странноприимные дома, т. е. в ханака²⁴.

В период развитого средневековья, в связи с ростом городов и интенсивным развитием экономической жизни, они проявляются уже в совершенно новом качестве, приобретают новое содержание. Это торговые пун-

¹⁷ Клад обнаружен в шурфе № 11, заложенном в помещении 7 на уровне 1 м выше основания стены, сдан в Институт истории и археологии АН ТаджССР.

¹⁸ С. Г. Хмельницкий. Архитектурный комплекс Ходжа Машад в селе Саэт, стр. 38.

¹⁹ A. Godard. L'origine de la madrasa de la mosquée et du caravansaraie a quatre iwans. «Ars Islamica», XV—XVI, 1951, стр. 4, 5; Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 340, 341; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Соч. II, 1, М., 1963, стр. 202.

²⁰ Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., рис. на стр. 220 и 233.

²¹ A. Perce. Bridges Fortifications and Caravansaraies, II, London, New York, 1938—1939, стр. 1250, рис. 447.

²² A. Godard. L'origine de la madrasa de la mosquée et du caravansaraie..., рис. 2.

²³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 202.

²⁴ Еггоже. Ислам. Соч., VI, М., 1966, стр. 116.

кты — караван-сарай в городах²⁵ или перевалочные пункты на важных торговых караванных путях.

Нередко рабаты играли роль военной крепости, сторожевого пункта в пограничных районах; там стояли войска или останавливались временно, чтобы похоронить убитых и вылечить раненых²⁶. Что касается медресе, то первоначально различия между медресе как закрытым учебным заведением и ханакой как обителью подвижников также не было. Подвижничество и ученость, как и в других религиях (христианство, буддизм, манихейство), в исламе соединялись в одном лице. И только позже стали строить здания, специально предназначенные для обучения, с кельями для студентов и аудиториями для занятий²⁷.

Функциональная близость и взаимосвязь трех указанных видов средневековых строений, наблюдавшаяся в процессе их сложения, в дальнейшем определила в значительной мере принцип их планировки, отразилась на формировании архитектурного типа.

Слабая изученность домонгольских рабатов, ханака, медресе на территории Средней Азии в настоящее время еще не позволяет полностью проследить их генезис. В XIV в. и позже мы сталкиваемся уже с определенными архитектурными типами этих зданий с четко выраженным функциональным различием. Наибольший интерес в генетическом отношении представляют ханака.

Как было показано выше, ханака своим происхождением связана с рабатом — постройкой с открытым внутренним двором. Близка рабатам она, видимо, была на первых порах и как архитектурное сооружение.

В XIV — XVII вв. на территории Мавераннахра (Бухара, Самарканд и другие города) наблюдается уже два различных вида этих строений. Закрытое здание с центральным залом и худжрами или галереями по сторонам (Бухарские ханака Файзабад, ханака Багаутдина, Яр-Атталыка XVI — XVII вв. и, видимо, не раскопанная полностью ханака Мухаммад Султана в комплексе Гур-Эмир XIV в.).

В тимуридское время, как замечает Г. А. Пугаченкова, оформляется такое планировочное решение ханака, которое в XVI — XVII вв. зодчие Бухары приняли за образец²⁸. Одновременно в XVI — XVII вв. продолжают широко бытовать открытые дворовые постройки с худжрами по периметру (ханака халифа Худайдод и др.), наиболее прямо связанные с ранними ханака. Все это делает ненадежной ссылку на характер плана при определении функций памятника в Саяте. Вопрос этот значительно сложнее.

Историко-географическое положение памятника делает еще более сомнительным предположение о медресе. К XII в. на территории Средней Азии и Ирана медресе были достаточно распространены. Однако средневековые авторы, перечисляя медресе того времени, местом их нахождения указывают крупнейшие города Востока, такие как Мерв, Нишапур, Багдад, Дели, Синд²⁹, Газну, Бухару, Самарканд³⁰ и др. Не случайно и отсутствие на территории Средней Азии именно этой категории построек среди многочисленных памятников зодчества домонгольской поры, дошедших до наших дней.

Все это, видимо, говорит о том, что специальные высшие духовные школы строились не так уж часто, преимущественно в крупных политических и культурных центрах. И, по меньшей мере, странным было бы

²⁵ Ибн-Хауналь. Китаби-Месалли ва л Мемалли. МИТТ, I, М.—Л., 1939, стр. 182.

²⁶ Там же, стр. 237, 308.

²⁷ В. В. Бартольд. Ислам, стр. 112.

²⁸ Г. А. Пугаченкова. Архитектурные заметки. Искусство зодчих Узбекистана, I, Ташкент, 1962, стр. 198.

²⁹ МИТТ, I, стр. 33, 47.

³⁰ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 226.

видеть огромное, великолепной работы медресе в Саяте, на берегу Кафирнигана, примерно в 100 км от ближайшего крупного средневекового города (Термез, Кобадиян).

В связи с вопросом о назначении памятника необходимо остановиться на южном мавзольном комплексе, функциональное назначение которого и доминирующее архитектурно-композиционное положение не вызывают сомнений. Это подчеркнуто главная часть памятника.

Обе усыпальницы с самого начала, как показали наши наблюдения, выполняли свои прямые функции погребальных помещений и, судя по форме надгробных камней, уже в XII в. были заполнены могилами. Западный мавзолей, учитывая наличие михраба, видимо, на каком-то этапе служил зиарат-ханой.

Наличие усыпальниц в сооружениях с рассмотренным планом в равной мере не присуще ни медресе, ни караван-сараям или рабатам, ни ханака в их сложившейся форме, но известны случаи, когда в виде исключений погребения в них совершались. Например, в Бухарском медресе Мири-Араб (XVI в.) и Самаркандском медресе Мухаммед-Султана (XIV в.) отдельные помещения были использованы как усыпальницы, однако это было их вторичное назначение.

Известны случаи погребения и в караван-сараях, но из-за слабой изученности этого вида памятников мы располагаем только письменными данными. В частности, Ал-Макдиси сообщает, что в двух фарсах от Мерва есть рабат, в нем маленькая гробница, якобы с головой Ал-Хусейна ибн Али³¹. Около Абиверда он же называет два рабата, построенные на средства Абу-и-Касим-ал-Михали: «Он послал туда некоторое число (людей) и много оружия. Назначил для них известные вакфы, вырыл колодцы... Могила его находится там»³².

В другом источнике говорится о рабате с соборной мечетью в округе Дахистана. «Он пограничная крепость против гузов и там могила Али-ибн-Саккари»³³. Ар-Равенди сообщает о рабате Сангбаст, построенном правителем Туса и похороненном там³⁴. В рабате Кара-Тегин (X в.) был похоронен строитель рабата, управляющий Исфиджабом при Наср б. Ахмеде и его сын³⁵.

По некоторым известиям, в караван-сараях Рабат-и-Малик на дороге из Самарканда в Ходжент (к северу от Джизака) похоронен сам устроитель рабата хан Шемс-ал-Мульк (XI в.)³⁶.

При очень развитом в средневековом мусульманском Востоке культе умерших (именно это время отмечено появлением большого количества мавзолеев) естественным было стремление увековечить память о себе и желание быть похороненным при возводимой постройке. Относилось это, как видно из приведенных примеров, не только к сооружениям культового порядка, но в равной мере и к рабатам. Введение почитаемой гробницы в караван-сарай и создание некоторого дополнительного культа вокруг нее не нарушало общего ритма жизни в таких сооружениях. Что касается ханака, то, как известно, располагались они главным образом у мазаров или у сложных мемориальных комплексов и наиболее тесно связаны с погребальным культом.

Данные, полученные в процессе исследований архитектурного комплекса Ходжа Машад, пока далеко не полны, но уже позволяют говорить, что помещения двора постоянно обживались. Большое количество

³¹ Ал-Макдиси. Извлечение из «Асханат-Такасим фи марифат ал акалим». МИТТ, I, стр. 204.

³² Там же

³³ Худуд-ал-алем. Анонимное персидское географическое сочинение. МИТТ, I, стр. 217.

³⁴ Ар-Равенди. Рахад-ас-Судур. МИТТ, I, стр. 352.

³⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., I, стр. 233.

³⁶ Там же, стр. 278.

костей животных, разного назначения бытовая керамика, найденная в наслоениях, каменные жернова, предметы печного припаса от керамических печей свидетельствуют о небольшом, но вполне самостоятельном хозяйстве. Подобные хозяйства возникали, как правило, при очень почитаемых мазарах и были связаны с определенным религиозным обрядом, в который входило обязательное угощение путников³⁷. Существовали они преимущественно на средства вакфа, устраивались обычно в ханака при мавзолеях (Зенги-ата) или в специально отведенных помещениях сложных мавзолейных комплексов (Халим-хана в Туркестанском комплексе Ходжа-Ахмада Ясеви).

Как сообщают старожилы селения Саят, у мавзолеев Ходжа Машад еще недавно готовили «халим» (начало XX в.), а в одной из сырцовых худжр северной части комплекса жил шейх. Где точно он жил не указывается, но, возможно, в северо-восточном крыле, где и сейчас три стены большого купольного помещения сохранились на высоту парусов. Показательно также, что никто из местного населения памятник в Саяте не связывает с медресе.

Легенда, услышанная от стариков, ясности в понимании функций комплекса не вносит, она относится только к усыпальницам. По легенде отец убил двух своих сыновей за то, что они предались «врагу», и на месте их могил за одну ночь выросли два купола. Обращает на себя внимание сообщение, что «купола выросли за одну ночь», т. е. и в легенде говорится, что мавзолей построены одновременно.

Все приведенные выше данные исключают, на наш взгляд, возможность отождествления исследуемого памятника с медресе. Характер планировки строения домонгольского времени явно не достаточное для этого основание.

Учитывая все приведенные выше доводы, можно думать, что это скорее сложный мемориальный комплекс с функциями ханака, включавший какие-то очень почитаемые гробницы, кельи и другие подсобные помещения для паломников.

Крепостной тип постройки лишь свидетельствует о прочности архитектурных традиций, связывавших средневековые ханака с раннемусульманскими рабатами.

Нельзя отрицать и некоторое несомненное сходство плана и композиции главного фасада памятника в Саяте с позднесредневековыми медресе Бухары и Самарканд. По чисто формальным признакам исследуемое сооружение, по всей видимости, являет собой одно из звеньев в сложной цепи формирования архитектурного типа медресе.

N. B. Niemtseva

LES NOUVELLES DONNÉES CONCERNANT LE COMPLEXE
ARCHITECTURAL KHODJA MACHAD À SAIOT,
AU SUD DU TADJIKISTAN

Résumé

L'article est consacré à un des plus originaux monuments de l'architecture médiévale de l'Asie Centrale — au complexe mémorial Khodja Machad.

Les données, obtenues en résultat des recherches archéologiques en 1965, ont permis de résoudre d'une tout autre façon une série de problèmes liés à l'architecture et à l'histoire de ce monument. Il a été établi, en particulier, que deux mausolées, conservés jusqu'à nos jours, avaient composé jadis l'un des côtés d'un grand édifice au préau ouvert, élevé pendant une période de construction. A été aussi fixée la date de la construction du monument: fin du XII — début du XIII ss. On examine de même dans cet article les problèmes généraux concernant la genèse et l'évolution des bâtiments au préau clos.

³⁷ Известны по мавзолеям Ходжа-Ахмада Ясеви в Туркестане, мавзолею Сейфад-дина Бахарзи в Бухаре, мавзолею Зенги-ата под Ташкентом и целому ряду других.

Д. А. АВДУСИН

**СМОЛЕНСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ РАСКОПОК
1966 И 1967 гг.**

В 1966 и 1967 гг. основным объектом работ Смоленской экспедиции Московского гос. университета и Смоленского Областного краеведческого музея был раскоп в пределах города на ул. Соболева вблизи Днепровских ворот крепости, начатый в 1964 г. и расширенный в 1965 г.¹ Раскопками открыто много сооружений, найдено большое количество вещей, среди которых — четыре берестяные грамоты. Грамоты № 4, 5 найдены в 1966 г., № 6, 7 — в 1967 г.²

Все четыре грамоты написаны на толстой бересте, хотя она и была заранее приготовлена для письма путем удаления внешнего грубого слоя.

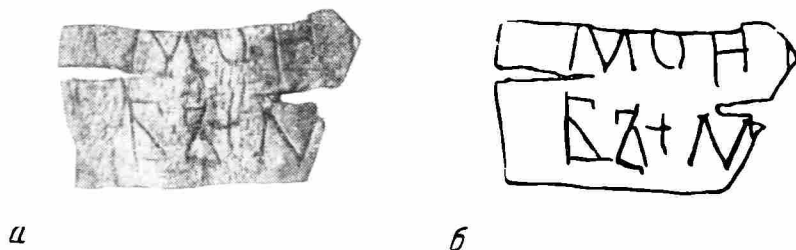

Рис. 1. Грамота № 4
а — фото; б — прорись

Текст, как обычно, расположен на внешней поверхности бересты, свернувшейся теперь в трубку³.

Грамота № 4 (рис. 1, а, б) найдена в квадрате 38 на глубине 402—407 см, что соответствует 11 ярусу, предварительно датируемому 1270—1281 гг.⁴ Размеры грамоты 33 × 19 мм. Левая сторона обрезана, остальные три оборваны. На грамоте шесть читаемых букв и остатки седьмой. Они расположены в две строки. В верхней строке — буквы М, О, И, поврежденные обрывом сверху, и вертикальная черточка от буквы, почти уничтоженной обрывом справа. В нижней строке остались непотревоженные буквы Б, Ы и слегка поврежденная буква М. Почерк четкий, уверенный.

¹ Д. А. Авдусин. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 г. СА. 1966, 2; его же. Работы Смоленской археологической экспедиции. Сб. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967; его же. Смоленская экспедиция. Сб. «Археологические открытия 1967 г.». М., 1968.

² Прориски грамот для нашей статьи выполнены М. Н. Кисловым, фотографии — С. Т. Бочаровым.

³ Как обычно, во избежание растрескивания с грамот со стороны, противоположной тексту, нами был снят ряд слоев, чтобы уменьшить толщину бересты и придать ей большую эластичность.

⁴ Дендрохронологические даты проводятся по образцам, взятым в 1964 г. В настоящее время Н. Б. Черных изучает значительно более многочисленные спилы 1965—1968 гг. и уточняет датировки ярусов.

Оснований для палеографического анализа мало. Петли букв Б, Ы — треугольные, в букве Ы правый стержень уменьшен, в буквах М — острые углы, что, по Л. В. Черепнину, является признаками XI—XII вв.⁵ Но некоторые из этих признаков сохраняются и в XIII в., что видно из новгородских грамот, например, № 334, 344, 347⁶. Таким образом, палеографические данные не противоречат дендрохронологической дате.

Разделить грамоту на слова не представляется возможным. Можно лишь предположить, но не доказать, что верхние буквы образуют притяжательное местоимение «мой».

Грамота № 5 (рис. 2, а, б) найдена в луже в 99 квадрате, у южной стенки раскопа после сильного дождя, а поэтому стратиграфическая увяз-

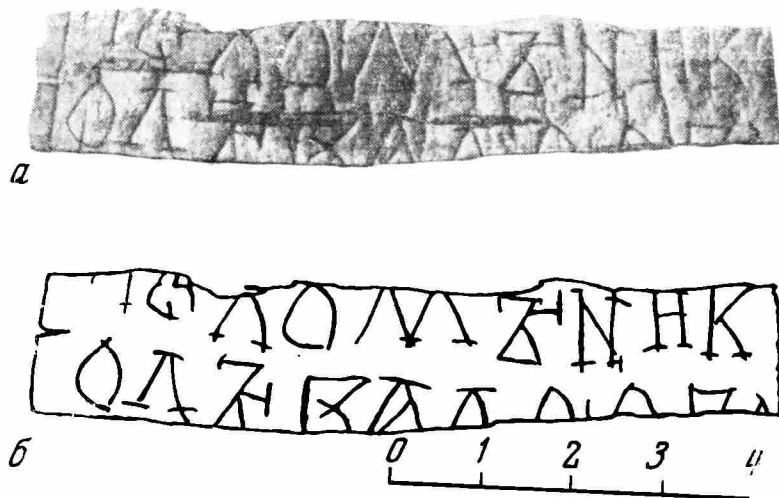

Рис. 2. Грамота № 5

а — фото; б — прорись

ка затруднена. Скорее всего она относится к 14 ярусу, но может быть — к 15 (предварительная дата 1177—1181 гг.). Размеры грамоты 81 × 17 мм. Ее боковые стороны ровно обрезаны, сверху и снизу — обрывы. На грамоте сохранились две строчки надписи. Буквы в верхнем левом углу повреждены, но читаются; буквы нижнего правого угла восстанавливаются предположительно. Почерк четкий.

Буква Ы имеет внизу треугольник; правый стержень маленький. М имеет отсечку не только на правой мачте, но и в центральном углу. Буква А имеет треугольный кузов с отсечкой, петля еще не оплыла, как это бывает в грамотах, начиная с XIII в. Буква К написана без отрыва правой части от левой. Эти скудные палеографические данные, еще более затрудненные поврежденностью ряда букв, все же могут говорить о дате более ранней, чем XIII в.

Разделить грамоту на слова можно так:

(Ц)ЕЛОМЫ НИКОЛЫ ВАЛ(ОЮВА)...

Первая буква повреждена, но по начертанию она не может быть буквой Ч. Видимо, смоленскому говору, как и новгородскому, было присуще цоканье. Как широко оно было распространено — покажут находки новых грамот.

Грамота № 5 начинается словом «челом». Это частое начало новгородских писем на бересте.

Анализ новгородских грамот показывает, что древнейшие из них (с 17 яруса — 1177—1161 гг.) начинаются словом «покланяние» (в формах пкланѣние, покланание, а также с опиской — поклаанание грамоты

⁵ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 161.

⁶ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.

№ 87, 163, 379), которое уже в 16 ярусе сосуществует с другой формой этого же слова, а позднее оно решительно вытеснено разными видами слова «поклон». Можно вспомнить, что смоленская грамота № 1 начинается также «поклоном». Видимо, это было вежливое приветствие равного равным. В новгородских грамотах оно встречается более 50 раз. (Грамоты с таким началом распределяются по ярусам следующим образом: 3 яр.— 2; 4 яр.— 3; 6 яр.— 7; 7 яр.— 5; 8 яр.— 8; 9 яр.— 9; 10 яр.— 5; 11 яр.— 2; 12 яр.— 4; 13 яр.— нет; 14 яр.— нет; 15 и 16 яр.— по 2; 17 яр.— 3). Обращение типа «такой-то бьет челом такому-то» на новгородской бересте встречается вдвое реже. (Грамоты с «челобитием» распределяются по ярусам следующим образом: 4 яр.— 8; 5 яр.— 4; 6 яр.— 6; 7 яр.— 2; 8 яр.— 2; 9 яр.— 4; 10 яр.— 1; 11 яр.— 1. Всего 28 грамот). Наиболее древняя грамота с таким обращением относится к рубежу XIII и XIV вв. (грамота № 290, 10 или 11 ярус). В 20 из этих грамот адресат назван «господином», что говорит уже не столько о формуле вежливости, сколько о более высоком общественном положении адресата по сравнению с положением автора письма. В двух из них (№ 301, 310) адресат назван посадником с указанием имени и отчества. Девять грамот (№ 94, 97, 140, 157, 297, 306, 307, 313, 362) адресованы «господам», с указанием их имен, причем семь из них — имена исторически известных посадников. Восьмого (грамота № 307) А. В. Арциховский считает посадничьим сыном. Далее следует серия грамот, где упоминается батя (т. е. отец), который был посадником и ему следует «бить челом»; Семен, который был свидетелем важного акта уплаты серебра одним новгородцем другому; посадничий сын; двое сыновей посадника; сын, обращающийся к «госпоже-матери» — жене посадника. Все адресаты этих грамот названы господами. Имеется шесть грамот, адресованных «господам» без упоминания имени. Лишь шесть грамот с «челобитьем», называя имя адресата, не называют его господином.

Все эти новгородские грамоты наводят на мысль, что «челобитье господину» является не просто униженной формой обращения холопа к феодалу или низшего по положению к высшему, а формой официального титулования чиновников (и притом, видимо, высших) Новгородской республики. Эта мысль подкрепляется грамотой № 243, содержащей челобитье «господину Новгороду».

В таком случае упомянутые в грамоте «сыны посадничьи» были не просто детьми посадника, но и новгородскими чиновниками. Грамота, адресованная им (№ 370), начинается «поклоном», но в конце автор письма спохватился и добавил обязательное «челобитье». Случай, когда сын посадника со временем сам становился посадником, хорошо известны в новгородской истории. Эту должность, вероятно, нельзя было занять, не имея административного опыта, и вряд ли будет ошибкой предположить, что посадники определяли своих сыновей на государственную службу.

«Челом битие ко госпоже матери от Онцифора» не противоречит предположению об обязательной формуле обращения. В более позднее время есть немало примеров, когда жена носила титул мужа. Такой порядок можно предположить и здесь.

Появление формулы «челом бью» в начале XIV в. можно связать для Новгорода с концом двоевластия республики и князя, с сосредоточением власти в руках посадников, с образованием новых органов и разветвленной системы государственного аппарата, происшедших в Новгороде на рубеже XIII и XIV вв.⁷

Итак, смоленская грамота № 5 начинается «челобитьем». Судя по ее дате (конец XII — начало XIII в.), форма обращения «бью челом» здесь встречена раньше, чем в Новгороде. Стоит упомянуть, что в словаре Срез-

⁷ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 174.

невского иллюстративный материал к словам «чело», «челобитье» датируется XIV в. и позже.

Со времени первого упоминания в летописях Смоленск являлся вечевым городом и остатки вечевого правления еще долго, даже в XV в., прослеживаются в смоленской истории. Но с 1054 г. в Смоленске известны князья. Нет оснований думать, что вече отдало князю свою власть без боя. Летописи сохранили упоминания об этой борьбе. Конец XII в. был ознаменован в Смоленске усилением борьбы смолян против князя. В 1186 г. «въстань бысть в Смоленьске промежи князьямъ Давидом и смоляныи». В этих событиях П. В. Голубовский, уделивший немалое внимание истории смоленского веча, видит эпизод борьбы смоленского веча с князем⁸.

Таким образом, исторический фон появления смоленского «челобитья» сходен с соответствующим фоном новгородской истории. Но малочисленность

фактов не позволяет сделать здесь решительный вывод. Вряд ли можно даже предположить, каково было общественное положение Николы Валоюва на основании начала адресованного ему письма.

Имеющееся в этой грамоте имя Никола в таком написании встречается на бересте впервые. Для письменных документов того времени обычна форма «Микола». В. Л. Янин сообщил мне, что это имя в той же форме, которая встретилась на смоленской грамоте, есть на печатях⁹.

Третье и последнее слово грамоты, читаемое предположительно, может означать прозвище Николы — Валоюв.

Грамота № 6 (рис. 3, а, б) представлена лишь очень маленьким обрывком (25 × 15 мм), содержит единственную букву, по-видимому, М. Эта буква несоразмерно велика по сравнению с буквами других смоленских грамот. Почерк неуверенный, нечеткий, что позволяет предположить, что эта буква могла быть единственной на всей грамоте (если бы она дошла до нас в целом виде).

Внизу левой мачты этой буквы — две отсечки, середина буквы острая, но этих признаков для датировки недостаточно. Стратиграфически грамота также плохо датируется ввиду неясности залегания слоев в месте ее находки (квадрат 63, пласт 23, глубина 448 см).

Грамота № 7 (рис. 4, а, б) найдена в 81 квадрате в 15 ярусе (пласт 23, глубина 454 см), что по предварительной датировке соответствует 1177—1181 гг. Размеры грамоты 85 × 50 мм. Левая сторона обрезана ровно, правая — небрежно. Вверху и внизу обрывы. На грамоте 5 строчек над-

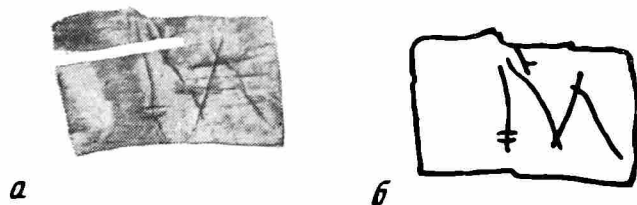

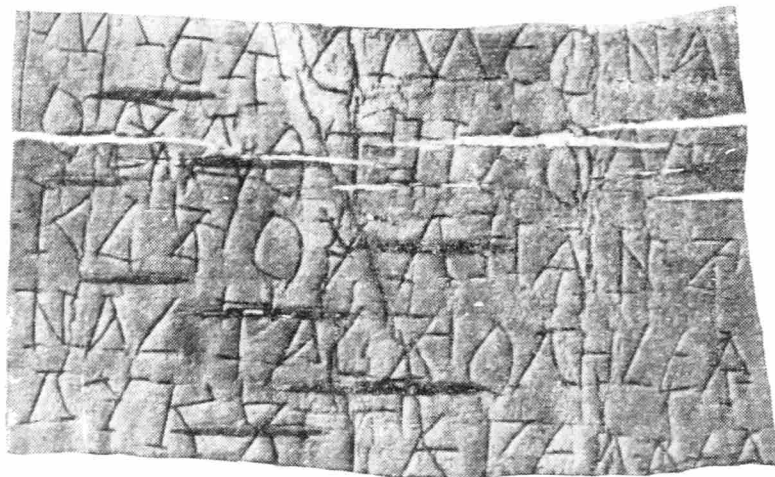
Рис. 3. Грамота № 6
а — фото; б — прорись

⁸ П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, стр. 219.

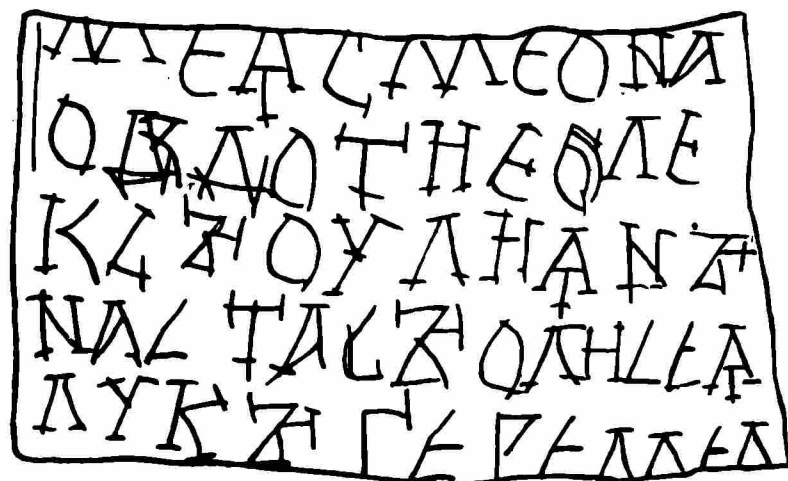
⁹ Это имя в форме «Никула» встречено на вислой печати Святослава Ярославича, княжившего в Чернигове в 1054—1073 гг. и в Киеве в 1073—1076 гг. Печать опубликована в кн.: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. I. Л., 1930, стр. 118—122, рис. 63. Имя «Никола» встречено на вислых печатях внука Святослава Ярославича Святослава Ольговича, княжившего в Новгороде в 1136—1138 гг. и 1139—1141 гг. Один экземпляр изображен у Н. П. Лихачева а. Сфрагистический альбом. Табл. XLIX. 14. Второй экз. находится в ГИМ'е. Опись печатей, № 31. Третий экз. найден в Новгороде и находится в материалах Новгородской археологической экспедиции. Четвертый и пятый экз. найдены в Новгороде на городище и находятся в Новгородском музее, инв. № 11128 (находка 1957 г.) и 12410 (находка 1958 г.). Печать с именем «Никола» найдена в Новгороде в 1953 г. и опубликована. В. Л. Янин. Труды Новгородской археологической экспедиции МИА, 55. 1956, стр. 158—159, табл. V, № 43. Приношу искреннюю благодарность В. Л. Янину за эти сведения.

писи. Буквы верхней и нижней строчек частично повреждены, но читаются легко.

Ряд букв этой грамоты сохраняет ранние признаки. Так, А имеет треугольный кузов, Д — заканчивается треугольниками по бокам, И — несимметрично, у М — заостренная середина, у Ы — правый стержень уменьшенных размеров. Все это, по Л. В. Черепнину, — признаки XI—XII вв.¹⁰

а

б

Рис. 4. Грамота № 7

а — фото; б — прорись

Но ряд других букв уже имеет более поздние признаки. Так, в грамоте встречено К, в котором левая часть написана отдельно от правой, в букве А средняя палочка опущена вниз за строчку, У имеет сплошную правую линию¹¹, У пишется через ОУ, и через У, последнее написание — признак, встречающийся с XII в. и позже. Таким образом, поздние признаки, наблюдающиеся в грамоте, видимо, возникли совсем незадолго до ее написания, и палеографическую дату следует считать близкой к стратиграфической, т. е. конец XII в.

¹⁰ Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 161.

¹¹ Написания ѵ и У весьма близки к новгородской грамоте № 348 (сер. XIII в.). А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1958—1961 гг. М., 1963, стр. 35 и вклейка на стр. 40—41.

Разделись грамоту на слова можно так:

...моя Смеопа
Овдопие Оле
ксы Оулияны
Настасы Олисея
Луку Геремея

Это перечень имен. От первого имени сохранилось лишь окончание, оно могло принадлежать, например, слову ОлѠороме (форма имени Варфоломей, встречающаяся в Новгородских грамотах, например, в 391)¹². Смеопа — Семен. Это имя хорошо известно и по новгородским берестяным грамотам и по надписям на вещах¹³ и в летописях. Овдопия — Авдопя — имя, еще не встречавшееся на бересте. В этом слове писец сделал ошибку — пропустил букву В, но тут же заметил пропуск и написал эту букву поверх уже написанного Д. Имя Олекса встречено в новгородских грамотах. А. В. Арциховский, комментируя грамоту, пишет, что это обычная новгородская форма имени Алексей, теперь же можно сказать, что не только новгородская. В одном месте береста оказалась, видимо, мало пригодной для письма, и писец дважды подправлял писалом правую сторону О, отчего здесь образовалось три линии. Оулияна — женское имя Ульяна. На новгородской бересте его в этой форме нет, но есть в форме Оулиааниц. Настасья — частое имя на новгородских грамотах. Оно там встречается в формах Настасья, Ностасия, Ностасья. Имя Олисей встречено в новгородской грамоте № 288. А. В. Арциховский пишет, что это новгородское произношение имени Елисей. Видимо, опять не только новгородское. Имя Лука написано через У, в отличие от Ульяны, написанной через ОУ. В Новгороде даже в более поздних грамотах Лука пишется через ОУ: Лоука. Нижняя часть букв последнего слова на нашей грамоте повреждена, но читается оно легко — Геремея — (Еремея). Окончание этого имени такое же, как в первом слове этой грамоты. Возможно, что первое имя тоже читалось как Геремей, но в таком случае они вряд ли были бы употреблены без прозвищ, чтобы отличить одного Еремея от другого.

Грамота № 7 вряд ли представляла собой коллективное письмо. Среди грамот Новгорода есть коллективные письма, но они адресованы либо «от всех сирот» (грамота № 370), либо коллективный автор назван общим именем, например, «Шижняие» (грамота № 361) или «крестьяне из Избоищ» (грамота № 307), но писем, начинающихся с перечня авторов, нет. Новгородская грамота № 307 адресована группе лиц, но каждый адресат назван господином, а мужчины — и по отчеству. Грамота № 391 тоже адресована группе лиц, но имена адресатов стоят не в родительном падеже, как в смоленской грамоте, а в дательном: «...к Доманицю, и ко Лахну, и ко Евану, и к Олексе...».

Грамота № 298, которую А. В. Арциховский назвал избирательным бюллетенем, содержит ряд имен, но они написаны с отчествами и в винительном падеже.

Нет оснований считать смоленскую грамоту долговой записью или списком повинностей по типу, например, новгородских грамот № 138 или № 320, так как после каждого имени в них указывается что именно обязано выплатить данное лицо, чего нет в нашей грамоте.

Наиболее вероятно, и в 1968 г. это подтвердилось находкой неповрежденной грамоты с аналогичным текстом, что грамота № 7 представляет

¹² Там же, стр. 94.

¹³ Грамоты № 98, 133, 186, 363, 364. Надпись на кадушке. В. Л. Янин. Я послал тебе бересту..., М., 1963, стр. 145.

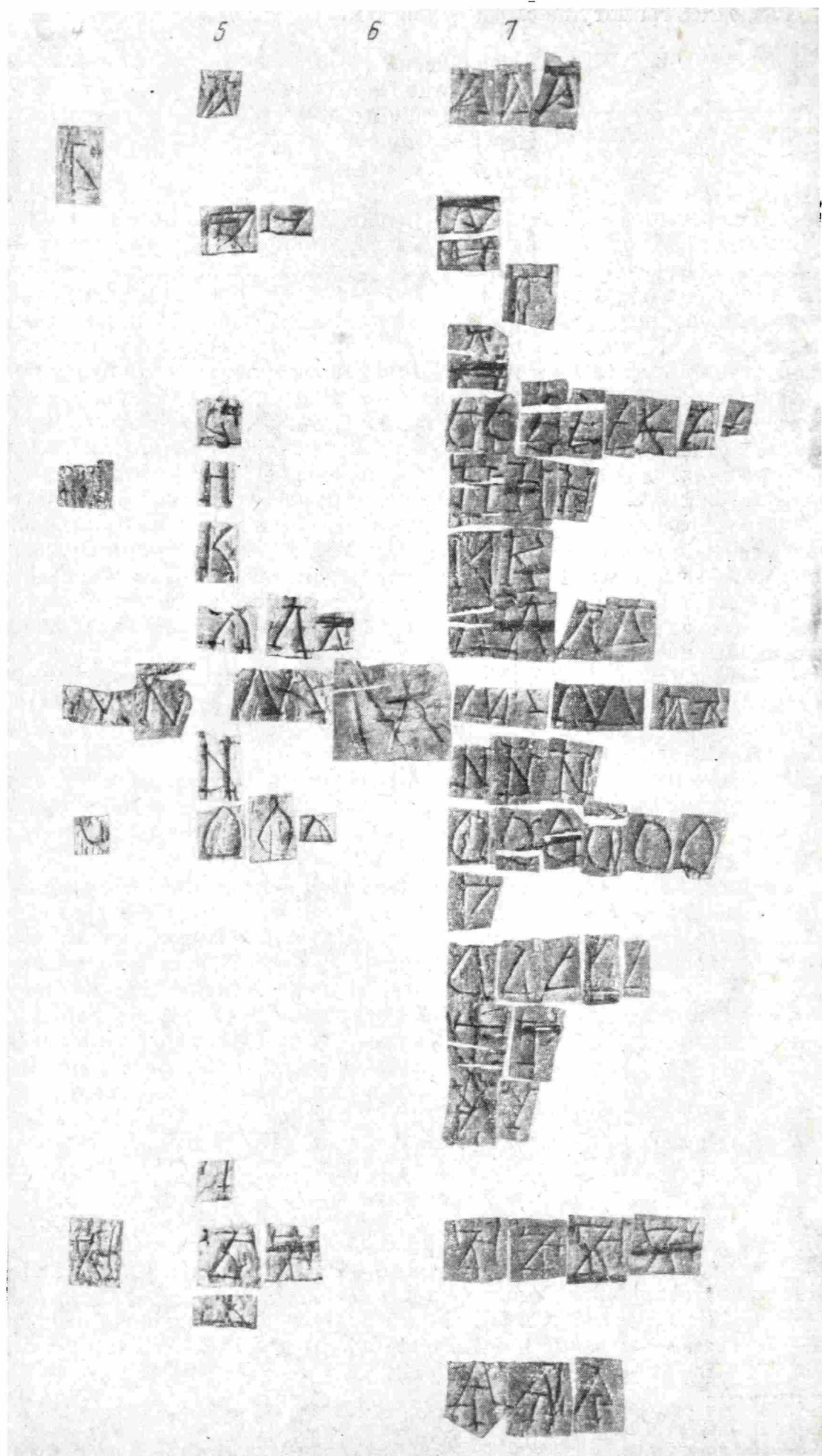

Рис. 5. Палеографическая таблица грамот № 4, 5, 6, 7

собой синодик — запись с именами умерших, или запись с именами здравствовавших для поминания во время богослужения.

Палеографическая таблица публикуемых грамот представлена на рис. 5.

Число смоленских грамот невелико, но они уже сообщают некоторые подробности городского быта в домонгольской Руси.

D. A. Avdoussine

LES CHARTES DE SMOLENSK SUR ECORCE DE BOULEAU TROUVÉES
PENDANT LES FOUILLES DES ANNÉES 1966—1967

Résumé

On a trouvé à Smolensk, en 1966 et 1967, quatre chartes sur écorce de bouleau (NN 4—7). La charte N 4 porte six lettres lisibles et les restes d'une septième. La charte N 5 représente un fragment de lettre qui commence par le mot «tchéлом». C'est un commencement fréquent des chartes sur écorce à Novgorod, qui pouvait s'employer comme une apostrophe officielle aux employés gouvernementaux. La charte de Smolensk N 6 ne contient qu'une lettre. Dans la charte N 7 sont énumérés les noms suivants: «Семène, Avdotia, Olexa, Ouliana, Nastassia, Olicey, Louca, Guéréмéу». Cette charte représente évidemment une liste de noms des défunts ou bien des vivants pour les dire pendant la messe.

La charte N 4 est trouvée dans la couche du XIII siècle; de numéro 5 est daté évidemment du XII siècle; la charte N 6 n'a pas de données pour fixer sa date; le numéro 7 est daté du XII siècle.

М. В. МАЛЕВСКАЯ

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ДРЕВНЕГО НОВОГРУДКА

За последние годы поливная керамика древней Руси, долго остававшаяся неразработанной, обрела своего исследователя. Посвященная ей монография Т. И. Макаровой¹ и ряд других ее работ² значительно облегчили дальнейшую работу над этим интересным материалом. Изучение поливной керамики из домонгольских слоев 37 русских городов на фоне керамики Византии и Ближнего Востока позволили Т. И. Макаровой поставить и разрешить ряд вопросов поливного дела на Руси, начиная с места и времени его возникновения. Данная ею характеристика двух основных этапов развития поливной керамики с их специфическими особенностями помогает определить место и значение поливной посуды Новогрудка.

На территории окольного города древнего Новогрудка, где раскопками Ф. Д. Гуревич были открыты остатки больших богатых домов городской знати XII — первой половины XIII в., сопровождавшиеся многочисленным и разнообразным инвентарем³, найдено значительное количество обломков столовой поливной посуды — горшков, крышек, кувшинов, чаш, блюд, миниатюрных сосудов и других форм. За семь полевых сезонов (1956—1963 гг.) на площади около 1400 м² в культурном слое мощностью от 1 до 3 м обнаружено 180 фрагментов поливной керамики⁴. Они принадлежат не менее чем 50 сосудам, из которых частично восстановить удалось только 13⁵.

Поливная керамика Новогрудка сделана из глины двух сортов: цветной, дающей после обжига красный или серый черепок (62%), и белой, дающей после обжига белый или розовый черепок (38%) (см. табл. 1).

Применение в Новогрудке двух сортов глины, в то время как в других городах в XII—XIII вв. использовалась обычно лишь цветная глина, составляет одну из особенностей поливной керамики Новогрудка. Эта особенность сближает ее в некоторой степени с керамикой Киева⁶, Вышгорода⁷ и Волыня⁸, где наряду с цветной глиной использовалась и белая.

¹ Т. И. Макарова. Поливная посуда. САИ, Е1-38, М., 1967.

² Т. И. Макарова. О происхождении поливной посуды на Руси. СА, 1963, 2, стр. 246—250; ее же. Поливная керамика древнего Любеча. СА, 1965, 4, стр. 230—237; ее же. О производстве писанок в древней Руси. Сб. «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 141—145.

³ Ф. Д. Гуревич. Об Окольном городе летописного Новгородка X—XIII вв. СА, 1962, 1, стр. 241—252; ее же. О жилищах окольного города Новогрудка. КСИА АН СССР, 87, 1962, стр. 70—73; ее же. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. КСИА АН СССР, 99, 1964, стр. 97—102. Пользуюсь случаем привести благодарность Ф. Д. Гуревич за предоставленную для исследования поливную керамику Новогрудка.

⁴ В данной работе рассматривается посуда только русского производства.

⁵ Обломки многих сосудов из построек, погибших в пожаре, после их разборки и инвентаризации оказались разбросанными на большой площади и с трудом поддаются восстановлению.

⁶ Т. И. Макарова. Поливная посуда, стр. 51.

⁷ Там же, стр. 52.

⁸ Там же, стр. 54.

Однако если в Киеве белая глина, примененная для изготовления поливной посуды, одинакова с серой⁹, то в Новогрудке, как показал петрографический анализ, красноглиняная и белоглиняная керамика принадлежит к двум различным группам (см. приложение I)¹⁰. В глине одной из них (красножгущейся) содержатся карбонатные частицы, зерна отощителя, представленные кварцем, полевым шпатом и кислым плагиоклазом, плохо окатаны и в большинстве шлифов достигают размера 2 мм при преобладающей фракции 0,3 мм и менее; количество его колеблется от 25 до 35%. В другой группе (беложгущейся) карбонатные примеси отсутствуют, зерна отощителя, имеющего кварцевый состав, хорошо или средне окатаны и не превышают 1 мм; количество отощителя колеблется от 25 до 30%.

Из анализа следует, что цветная глина, примененная для поливных изделий, использовалась также для изготовления всей бытовой неполивной керамики Новогрудка. Однако если в последней черепок в изломе большей частью серый или трехслойный, то в поливной керамике он

почти всегда красный, что зависит от иных условий обжига, производившегося, видимо, в окислительной среде. Значительное преобладание красного черепка отличает поливную керамику Новогрудка от поливной керамики других городов, где, как правило, преобладает серый черепок. Из анализа следует также, что и белая глина, примененная для поливной и неполивной керамики, имела одинаковое качество, только в неполивной керамике она использовалась значительно реже, чем цветная.

Совпадение сортов глины поливной и неполивной керамики позволяет сделать существенный вывод о местном производстве поливных изделий.

Керамика Новогрудка покрыта свинцово-кремнеземной поливой¹¹ зеленого (58%), желтого (10,4%) и коричневого (31,6%) цветов, по рецепту относительно одинаковой с поливой изделий других городов Руси. Больше половины фрагментов покрыты поливой только снаружи (57%), остальные — с двух сторон и лишь несколько обломков — только внутри. Полива большей частью прозрачная, но встречается полупрозрачная и глухая, содержащая значительное количество окиси олова. Сопоставление результатов спектрального анализа поливы с цветом черепка дало очень интересный и важный результат: поливой, содержащей заметное количество окиси натрия (от 0,4 до 2,5%), покрыты сосуды с красным черепком (13 из 20 подвергшихся анализу). Поливой же, содержащей лишь следы окиси натрия, покрыты сосуды с белым и розовым черепком (6) и только один с серо-красным. Такая закономерность позволяет говорить о наличии двух групп изделий, в связи с чем представляется целесообразным рассмотреть каждую из них отдельно, назвав одну красноглиняной (в которую войдут и несколько фрагментов с серым черепком), а другую белоглиняной (с включением фрагментов с розовым черепком).

Группа I. Красноглиняная керамика

Несмотря на то, что многие формы красноглиняной посуды (так же, как и белоглиняной) полностью не реконструируются, можно отметить, что ассортимент ее довольно разнообразен. Правда, некоторые виды из-

⁹ Там же, стр. 51, Прим. 19.

¹⁰ Петрографический анализ глины выполнен в Лаборатории археологической технологии ЛОИА Г. М. Ковнурко.

¹¹ Спектральный количественный анализ выполнен в Лаборатории археологической технологии ЛОИА Д. В. Наумовым.

Таблица 1
Соотношение керамики по цвету черепка

Цвет черепка	Количество	%	Группы
Красный	90	58	I
Серый	7	4	
Белый	49	31,1	II
Розовый	10	6,9	

делий представлены всего одним или двумя экземплярами, и лишь немногие образуют группы одинаковых по форме предметов. К последним относятся преимущественно те, которые распространены и в неполивной бытовой керамике. Перейдем к их описанию.

Горшки (рис. 1, 1—5) составляют, по-видимому, наибольшую группу посуды, хотя частично восстановить удалось только четыре экземпляра. Все они небольшие (диаметр венчика 10—13 см, диаметр дна 7—10 см, высота 8—9 см), более приземистые, чем обычные неполивные горшки, и отличаются от них очень маленьким, слегка отогнутым наружу венчиком. Днище одного из горшков имеет вогнутую форму и отпечаток оси круга. Каждый горшок покрыт двухсторонней поливой — желтой, зеленой и два — коричневой.

Крышки (рис. 1, 7—10) представлены четырьмя обломками, из которых два свидетельствуют о наличии в Новогрудке поливных сосудов больших размеров, чем описанные выше горшки. Один из них принадлежит большой головке с глухой зеленой поливой (рис. 1, 7), а другой — крышке диаметром 18 см с двухсторонней коричневой поливой и волнистыми линиями (рис. 1, 10). Крышки найдены в керамических комплексах XII в.

Своеобразны сосуды, близкие к биконическим (рис. 1, 15, 16), не встречающиеся в обычной гончарной посуде. Оба они сделаны из глины, содержащей менее крупные примеси и в меньшем количестве, чем тесто горшков и крышек. Один из них покрыт с двух сторон коричневой поливой, а другой — буро-зеленой. Последний напоминает по форме биконический сосуд с желтой поливой, найденный в Слободке¹².

Сосуд с вертикальными стенками, слегка расширяющимися книзу (рис. 1, 17), с зеленой поливой также не имеет аналогий среди неполивной керамики Новогрудка. Качество глины сближает его с двумя предыдущими сосудами.

Особый интерес представляют два сосуда, воспроизводящие формы византийской посуды, но без росписи. Это — открытое блюдо и чаша на поддоне.

Открытое блюдо с горизонтально отогнутыми краем и низким поддном (рис. 1, 12) сделано из глины с незначительным количеством примесей и покрыто с двух сторон зеленой непрозрачной поливой, местами отколовшейся. Диаметр венчика равен 22 см, диаметр поддона 5,2 см, высота 9 см. Подражание византийским формам, в частности открытым блюдам, имеет место на Руси лишь в первый период развития поливного дела только в Киеве (в X—XI вв.) и позже нигде не встречалось. Киевские блюда несколько отличались от византийских простой плоской формой венчика (вместо «рельсовидного»)¹³. Именно этот признак присущ Новогрудскому блюду. Это позволяет предполагать, что мастер, его изготовлявший, был знаком с киевскими образцами. Обломки блюда найдены в постройке № 12 первой половины XII в. — расписанной фресками повалуше¹⁴ — и за ее пределами.

Чаша на поддоне (рис. 1, 14), в отличие от блюда, сделана из очень грубой глины (с примесью дресвы), неравномерного обжига (верхняя часть черепка — красная, а нижняя — серая). Полива ее также необычна: снаружи она голубовато-зеленая с пятнами нерастворившегося красителя, местами переходящая в вишневую, внутри — вишневая. По составу поливы, в которой обнаружены лишь следы окиси натрия, чашу следовало бы рассматривать вместе с белоглиняной керамикой, но использование для ее изготовления цветной глины заставило включить ее в рассматриваемую группу. По форме своей чаша не идентична византийским (немного выше и несколько иного профиля), но, несомненно, воспроизводит чаши с верти-

¹² Т. И. Макарова. Поливная керамика, табл. XVIII, 4.

¹³ Там же, стр. 15, рис. 1.

¹⁴ Ф. Д. Гуревич. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке, стр. 97—

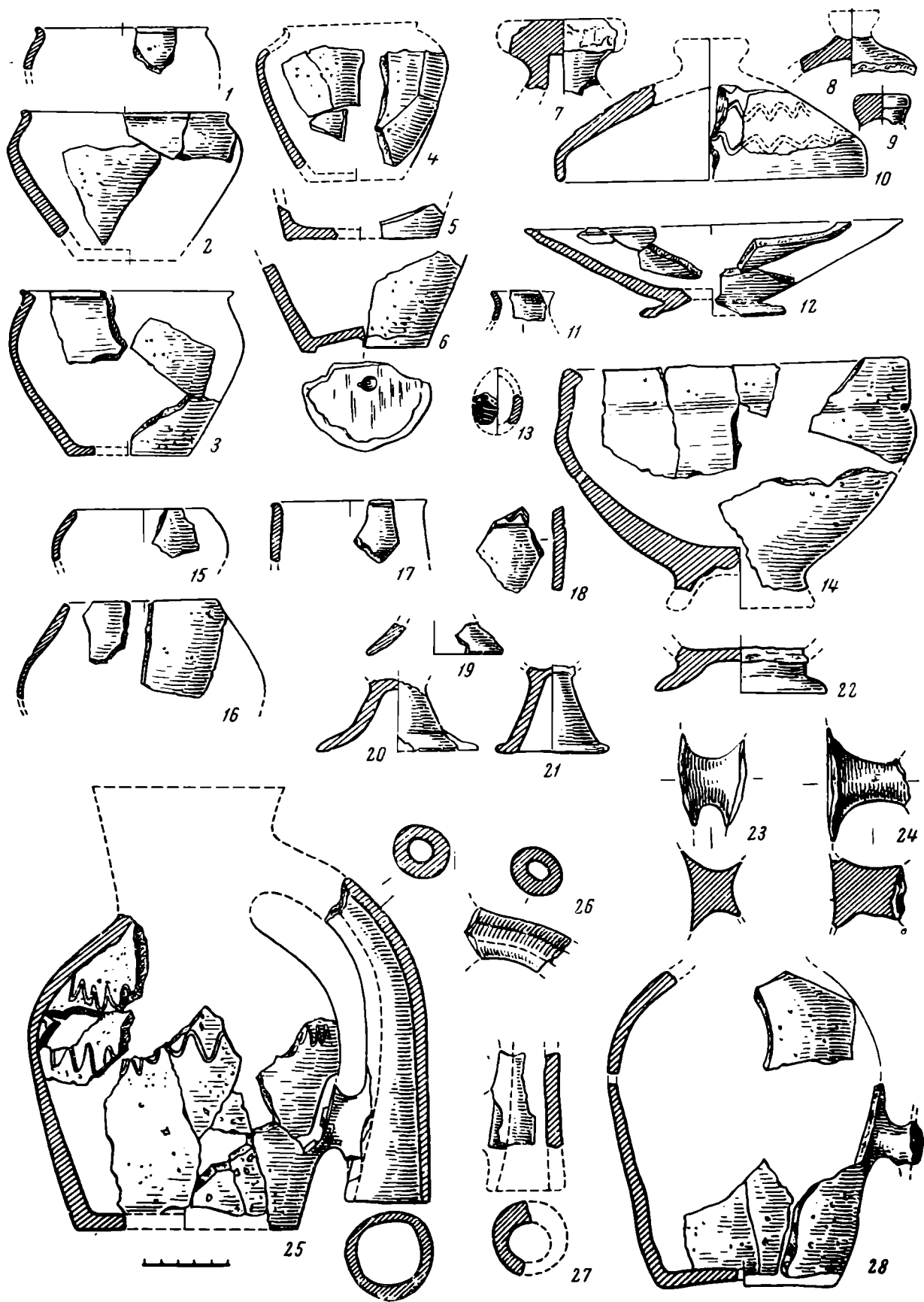

Рис. 1. Красноглиняная поливная керамика Новоградка

1, 7, 11, 12, 16—18, 21—22, 26 — с зеленой поливой; 2, 6, 27 — с желтой поливой; 3—5, 10, 15, 19—20, 23—25, 28 — с коричневой поливой; 14 — с голубовато-зеленой — снаружи и вишневой — внутри; 13 — писанка с желтым рисунком по черному фону

кальным бортом¹⁵. Чаша обнаружена в срубной постройке № 10 второй половины XII в. Возможно, что к другой чаше относится поддон с глухой желто-зеленой поливой (рис. 1, 22).

Необычны высокые поддоны (3 экз.), назначение которых окончательно выяснить не удалось (рис. 1, 19—21). Это полые конусовидные основания изделий, верхняя часть которых не сохранилась (высота 4 и 4,5 см, диаметр основания от 7 до 9,5 см). Один поддон покрыт глухой зеленой поливой со значительным содержанием окиси олова (см. приложение II, анализ 743—66), два другие — коричневой. Можно предположить, что они являются основаниями светильников, если вспомнить, что среди светильников так называемого «киевского типа» известны и поливные¹⁶. Однако киевские светильники имеют цилиндрическое, а не конусовидное основание (стояк). Значительно ближе к новгородским находкам светильник, найденный в Старой Рязани¹⁷, который «по форме существенно отличается от киевских светильников»¹⁸ не только конструкцией верхней части, но и конусовидностью поддона. Отсутствие светильников среди неполивной керамики Новгородка заставляет высказать и другое предположение: поддоны могли служить ножками (стояками) кубков или блюд, воспроизводивших формы деревянной столовой посуды, известной по новгородским находкам¹⁹. Особенно похож на стояки деревянной посуды поддон с широким основанием (рис. 1, 20).

Исключительный интерес представляют сосуды с полой ручкой, их обломки принадлежат не менее чем 6 экземплярам (рис. 1, 23—28). Их серийность тем более удивительна, что они пока не имеют себе аналогий среди поливной и неполивной керамики древней Руси. К сожалению, форму этих сосудов не удалось восстановить полностью, так как не найдены обломки их верхних частей.

Наиболее сохранившийся сосуд (рис. 1, 25) имеет основной объем, напоминающий тулово невысокого кувшина с широким дном. Особенно его является полая ручка, верхний конец которой выходил, вероятно, отверстием в горло, а нижний в виде раструба прикреплен к придонной части тулова. Сосуд украшен по плечикам волнистыми линиями и покрыт снаружи прозрачной коричневой поливой (см. приложение II, анализы 731—66—749—66). Обломки его найдены в постройке № 5 (пятистенке) второй половины XII в. От другого аналогичного сосуда сохранились фрагменты тулова с характерной деталью, соединявшейся с полой ручкой (рис. 1, 28). Этот сосуд отличается от других сосудов рассматриваемой группы своим розовым (слегка красноватым) черепком, но по структуре глины, а также по содержанию в поливе окиси натрия (2,5%) он должен быть отнесен к данной группе керамики. Покрывающая сосуд коричневая прозрачная полива отличается от поливы первого сосуда значительно более светлым тоном. Сосуд найден в постройке № 12, расписанной фресками второй половины XII в. К сосудам рассматриваемого типа принадлежат также два фрагмента полых ручек с желтой (рис. 1, 27) и желто-зеленой (рис. 1, 26) поливой. Еще от двух аналогичных сосудов сохранились две детали, соединяющие тулово с полой ручкой, обе покрытые коричневой поливой (рис. 1, 23, 24). На одной из них хорошо различим в разрезе с одной стороны большой диаметр внутренней части тулова, а с другой маленький (около 4 см) — внутренней части раструба (рис. 1, 23).

Каково было назначение описанных выше сосудов, определить трудно, тем более, что отсутствует их верхняя часть. Возможно, что они могли

¹⁵ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, 17, 1950, стр. 112, рис. 75, I и стр. 114, рис. 70.

¹⁶ М. К. Каргер. Древний Киев. 1, М.—Л., 1958, стр. 451; Т. И. Макарова. Поливная керамика, стр. 51.

¹⁷ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, стр. 127, рис. 93.

¹⁸ М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 451, прим. 5.

¹⁹ Б. А. Колчин. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962 гг.). КСИА АН СССР, 99, 1964, стр. 12, 13, рис. 4, 5—10.

служить для каких-то целей алхимии, хотя на внутренних стенках не сохранилось следов какого-либо вещества. Можно предположить также, что они играли роль шутейных сосудов на пирах знати, что до некоторой степени подтверждается обнаруживанием их в наиболее богатых постройках (№ 5 и 12).

В рассматриваемую группу изделий из цветной глины следует включить еще два фрагмента с серым черепком. Один из них принадлежит миниатюрному сосуду с диаметром венчика 3,5 см и двухсторонней зеленой поливой (рис. 1, 11). Другой — писанке, по черному фону которой желтой глазурью нанесен рисунок в виде фигурных скобок (рис. 1, 13). Рисунок исполнен в технике пастелажа, т. е. не кистью, а при помощи трубчатого инструмента типа льячки²⁰. Эту писанку по качеству поливы фона с характерным металлическим блеском Т. И. Макарова относит к писанкам первой группы, производство которых она связывает с Новгородом²¹.

Группа II. Белоглиняная керамика

Ассортимент изделий из белой глины менее характерен и заметно отличается от ассортимента красноглиняной керамики.

Основным типом здесь являются кувшины, фрагменты от которых относятся не менее чем к пяти экземплярам, но ни один из них не удалось восстановить полностью. Наиболее сохранившийся кувшин с прозрачной зеленой поливой (только снаружи) имеет широкое днище (диаметр 15 см), слегка округлые стенки и почти вертикальное в сохранившейся части горло (рис. 2, 1). Оригинальна его орнаментация, состоящая из валика с косыми наколами у основания горла, многорядной волны на плечиках и нескольких рядов парных горизонтальных линий с полушаровидными выступами на тулове. Аналогичную орнаментацию, но с полушариками меньшего размера, имеет фрагмент плечиков другого сосуда, видимо, тоже кувшина (рис. 2, 6). От третьего сохранилось лишь горло в виде раструба, характерное для многих поливных кувшинов древнерусских городов (Любеча, Чернигова, Слободки, Киева и др.)²². Особенно близко напоминает оно по форме горло кувшина из Друцка, также покрытое желто-зеленой поливой²³. Фрагменты других кувшинов очень незначительны. Возможно, что к ним же относятся обломки стенок с различной орнаментацией, так как именно кувшины наиболее богато декорировались (рис. 2, 3—5). Фрагменты кувшинов найдены в культурном слое XII в.

Другую категорию белоглиняной керамики составляют миниатюрные сосуды, похожие на обычные неполивные горшки. Один из них, высотой 5,5 см, покрыт с двух сторон непрозрачной желтой поливой, содержащей окись сурьмы (рис. 2, 10, анализы 726—66 и 747—66). Он найден в постройке № 4 первой половины XIII в. Другой, с розовым черепком и горизонтальными линиями, покрыт зеленой поливой только снаружи. Имеются обломки еще трех миниатюрных сосудов с зеленой поливой.

Найден также один фрагмент сосуда с вертикальным горлом, довольно большого диаметра (16 см), покрытый двухсторонней зеленой поливой (рис. 2, 7). Украшающий его валик с косой насечкой является широко распространенным приемом орнаментации поливной керамики.

Фрагмент плоского борта с прозрачной коричневой поливой, обнаруженный в постройке № 5, мог принадлежать тарелке с широким горизонтально отогнутым бортом (рис. 2, 11).

Заканчивая описание белоглиняной посуды, отметим один маленький, но уникальный фрагмент сосуда с подглазурной полихромной росписью,

²⁰ Т. И. Макарова. О производстве писанок на Руси, стр. 141.

²¹ Т. И. Макарова. Там же, стр. 142—144.

²² Т. И. Макарова. Поливная посуда, табл. XIII, 7, 10; XVIII, 6, XIX, 8.

²³ Там же, табл. XXIV, 8.

найденный в культурном слое XII в. Роспись в виде широкой белой полосы и двух узких пурпурно-коричневых нанесена по темно-зеленому фону кроющей поливы и составляет, вероятно, часть свободного рисунка, характерного как для немногочисленных фрагментов расписной посуды, так и для поливных плиток с надглазурной росписью²⁴. Роспись на новгородском обломке, как и на других изделиях, выполнена в технике пастилажа. Полихромная подглазурная роспись представляет большую редкость в керамике древней Руси. При раскопках Новгорода было найдено

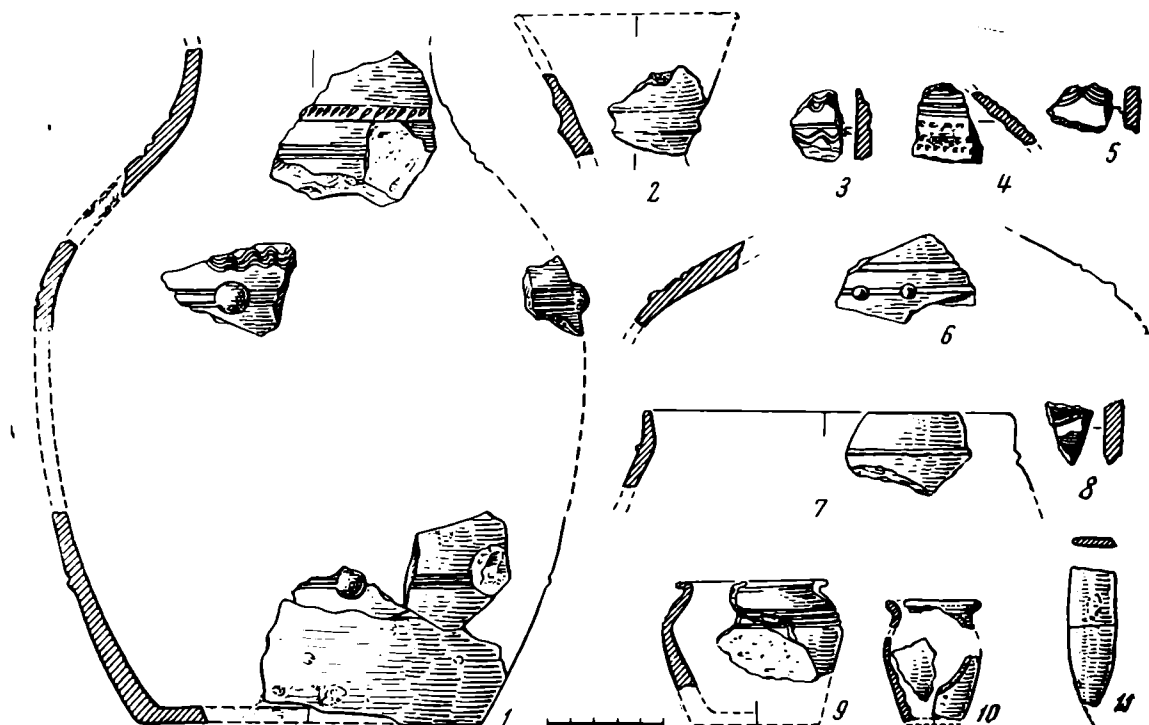

Рис. 2. Белоглиняная поливная керамика Новгорода

1—7, 9 — с зеленой поливой; 10 — с желтой поливой; 11 — с коричневой поливой; 8 — с полихромной росписью

несколько аналогичных фрагментов, в том числе один еще более уникальный²⁵. Можно предположить, что именно с Новгородом следует связывать происхождение сосуда, которому принадлежит описанный выше обломок, так как это было уже отмечено в отношении писанки.

Сопоставление изделий из двух разных сортов глины показывает, что и ассортимент их различен. Из красножгущейся глины изготавливали горшки, крышки, сосуды, близкие по форме к биконическим, чаши и блюда, подражающие византийским образцам, светильники (или кубки) и сосуды с полой ручкой и раструбом, обращенным вниз. Из беложгущейся глины сделаны лишь кувшины, миниатюрные горшочки и сосуд с вертикальным горлом. Этот существенный факт является еще одним неоспоримым свидетельством о наличии в Новгороде двух различных групп изделий поливной керамики.

Сосуды одной из них сделаны из цветной глины, дающей после обжига красный и редко серый черепок, покрыты свинцово-кремнеземной зеленой, желтой и коричневой поливой с заметным содержанием окиси натрия, и ассортимент их довольно разнообразен. Сосуды другой группы сделаны из белой глины, дающей после обжига белый, редко розовый черепок, покрыты поливой зеленого и желтого цветов (коричневая встретилась лишь один раз), содержащей лишь следы окиси натрия, и ассортимент их очень ограничен.

²⁴ Т. И. Макарова. Поливная посуда, табл. XIII, 7, 10; XVIII, 6, XIX, 8.

²⁵ Там же, табл. XIV, 6.

Сомневаться в том, что обе группы изделий изготавливались в самом Новогрудке, не приходится. Об этом красноречиво говорит целый ряд признаков. Во-первых, применение той же глины, что и для всей новогрудской посуды без поливы; во-вторых, наличие на некоторых фрагментах красноглиняной и белоглиняной неполивной посуды пятен поливы, что свидетельствует о совместном изготовлении ее поливными изделиями²⁶; в-третьих, сходство некоторых видов обычной гончарной посуды с формами поливной керамики (горшки, крышки, кувшины, сосуды с вертикальным горлом); в-четвертых, ряд специфических особенностей новогрудской поливной керамики, выделяющих ее среди керамики других городов Руси.

К специфическим особенностям новогрудской поливной керамики относятся следующие: 1) применение двух сортов глин, что в XII—XIII вв. встречается довольно редко; 2) высокий процент красночерепковой керамики вместо широко распространенной серой, что говорит об особых условиях обжига; 3) большое количество изделий с коричневой поливой, которая в большей части городов в посуде совсем не применялась; 4) своеобразный ассортимент посуды и наличие форм, не имеющих себе аналогий (сосуды с полой ручкой и некоторые другие).

Все это неоспоримо свидетельствует об изготовлении поливной керамики обеих групп в самом Новогрудке и позволяет предположить существование двух различных мастерских, следы которых пока не обнаружены.

Производство поливной керамики в Новогрудке могло возникнуть на базе мастерских по изготовлению поливных плиток, как это убедительно доказано Т. И. Макаровой в отношении возникновения производства поливной посуды в Киеве. Как известно, в Новогрудке раскопками М. К. Каргера открыты остатки церкви Бориса и Глеба XII в., в которой обнаружены сохранившиеся на месте участки пола из разноцветных майоликовых плиток²⁷. Поэтому едва ли можно сомневаться в наличии в Новогрудке мастерской по производству плиток. Анализы глины и поливы двух зеленых плиток с красным черепком, найденных при раскопках Окольного города, показали их сходство с глиной и поливой, примененными в посуде. Однако широкий ассортимент изделий, изготовленных не менее чем в двух мастерских, и большое их количество склоняют к мысли, что производство поливной посуды в Новогрудке возникло как самостоятельное, а не побочное. Его организация в таком виде вполне закономерна для рубежа XI—XII в., ознаменовавшегося, как показала на широком материале Т. И. Макарова, выделением «производства поливной посуды и бытовых изделий от производства архитектурной поливной керамики»²⁸. Это, в свою очередь, стало возможным благодаря замене редкой белой глины, применявшейся в конце X—XI в., обычными гончарными глинами, дающими после обжига цветной черепок²⁹. Организация производства поливной посуды в Новогрудке была вызвана потребностями городской знати, заселившей Окольный город на рубеже XI—XII вв. и сосредоточившей в своих обширных постройках многочисленные предметы роскоши как местного, так и иноземного происхождения³⁰.

Парадная поливная посуда занимала, видимо, здесь почетное место рядом с керамикой, расписанной люстром, русскими и восточными стеклянными сосудами, причерноморскими амфорами и другой посудой. Об-

²⁶ Такое же наблюдение сделано Т. И. Макаровой в отношении керамики Любеча. Т. И. Макарова. Поливная керамика древнего Любеча, стр. 235.

²⁷ М. К. Каргер. Раскопки храма Бориса и Глеба в Новогрудке Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 167.

²⁸ Т. И. Макарова. Поливная посуда, стр. 59, 60.

²⁹ Там же, стр. 61.

³⁰ Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на наличие в Новогрудке культурных напластований конца X—XI в., поливной керамики этого времени не обнаружено.

наружение максимального количества поливной посуды в двух наиболее богатых постройках (№ 5—43 фрагмента и № 12—22 фрагмента), одной из которых была повалуша с фресковой росписью, свидетельствует об определенной ее ценности. В других домах Окольного города она была обнаружена в меньшем количестве (см. табл. 2).

Таблица 2

Размещение керамики по времени и комплексам

Время	№ построек	Количество	%
Первая половина XII в.	12, 18	34	21,8
Вторая половина XII в.	5, 7, 8, 10, 16	64	41
Первая половина XIII в.	4, 9	11	7
XII—XIII вв.	Вне комплекса	47	30,2

В заключение необходимо подчеркнуть, что в существовавшем в Новогрудке поливном производстве прослеживаются, с одной стороны, традиции поливного дела городов Поднепровья, и в первую очередь Киева, а с другой — наблюдаются некоторые связи его с керамическими изделиями близлежащих городов: Волковыска, Гродно и Друцка.

С Киевом, как уже отмечалось, новогрудскую керамику объединяет применение двух сортов глины, частично одинаковый ассортимент посуды (горшки, крышки, кувшины, светильники), подражание византийским блюдам, сходство некоторых орнаментальных приемов.

Общность черт керамики Новогрудка с керамическими изделиями Волковыска и Гродно не может быть достаточно прослежена в связи с крайне незначительным количеством материала в этих городах. Однако один весьма существенный признак бросается в глаза — это применение в Волковыске и Гродно поливы коричневого и вишневого цвета³¹, не встречающейся в посуде (а только в плитках) других городов. С Друцком поливную керамику Новогрудка связывает применение цветной и белой глины, использование в качестве примеси дресвы и некоторые формы сосудов.

Можно предположить, что дальнейшее накопление материала позволит выявить и другие черты, объединяющие поливную керамику Новогрудка, Волковыска и Гродно, общность культуры которых уже обращала на себя внимание исследователей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Петрографический анализ поливной и неполивной керамики Новогрудка

Микроскопическому исследованию подверглись 13 образцов красноглиняной и 9 образцов белоглиняной керамики.

При анализе керамики первой группы (красноглиняной) установлено, что продукты обжига глины содержат мельчайшие равномерно рассеянные карбонатные частицы, вследствие чего обожженная глина анизотропна. Карбонатные минералы отсутствуют в некоторых образцах керамики с коричневой поливой.

Зерна отошителя плохо окатаны. В большинстве шлифов их размеры достигают 2 мм, но в каждом отдельном шлифе таких обломков немного; подавляющее большинство зерен имеет размеры 0,3 мм и менее. Отошитель во всех случаях представлен кварцем, полевым шпатом и кислым плагиоклазом. В некоторых шлифах встречаются обломки кварцевого и кварц-полевошпатового песчаника и алевrolита. Кро-

³¹ Т. И. Макарова. Поливная посуда, стр. 56; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, 1954, стр. 61.

ме того, обнаружены биотит, скопления тонкозернистого карбоната и кристаллический кальцит. Количество отощителя в керамике первой группы колеблется от 25 до 35%.

Керамика второй группы (белоглиняная), в отличие от первой, не содержит карбонатных примесей, и обожженная глина изотропна (неполивная керамика) или очень слабо двупреломляет вследствие повторного обжига (поливная керамика).

Резко преобладают зерна отощителя хорошей или средней окатанности, не превышающие 1 мм в поперечнике. Выделить преобладающую фракцию невозможно. Отощитель имеет кварцевый состав, обломки палевых шпатов очень редки. Количество отощителя в керамике второй группы 25—30%.

Г. В. Ковнурко

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Количественный спектральный анализ поливной керамики Новогрудка

Полива переданных в лабораторию спектрального анализа 20 образцов керамики для определения химического состава оказалась свинцово-кремнеземной с высоким содержанием окиси свинца (55—63%).

По содержанию в поливе окиси натрия вся керамика была четко разбита на две группы. К первой группе поливы с содержанием окиси натрия от 0,4 до 2,5% отнесено 13 образцов керамики (6 коричневых, 3 зеленых, 3 желтых и 1 желто-зеленый). Вторая группа поливы с содержанием окиси натрия лишь в следах представлена 7 образцами (3 зеленых, 2 желтых, 1 коричневый и 1 голубовато-зеленый с внешней стороны и вишневый — с внутренней).

Красители, примененные для окрашивания поливы, были следующие: для коричневой поливы служили сочетания окислов свинца, железа и марганца; для зеленой — окись свинца с окисью меди; для желтой — окись свинца и в одном случае окись свинца с окисью сурьмы. Двуокись олова, примененная как глушитель стекла — поливы, наблюдалась в зеленой и желтой поливе (2—4%). Из 7 образцов коричневой поливы только в двух была определена двуокись олова (0,9—1,3%).

Деление поливной керамики на две группы по содержанию окиси натрия в поливе совпало с разделением ее на те же группы по цвету черепка.

Спектральный количественный анализ поливы и черепка, %

Шифр лаборатории	Предмет	Кремнезем	Окись натрия	Окись калия	Окись кальция	Окись магния	Окись алюминия	Двуокись титана	Окись железа	Окись марганца	Окись свинца	Окись меди	Двуокись олова	Окись сурьмы	Группа поливы и глины
731—66	Коричневая полива сосуда с полноручкой	Основа	2	—	2,1	0,5	1,3	0,1	2	0,2	58	Сл.	0,9	—	I
749—66	Красный черепок того же сосуда		0,3	7	9	5	20	0,8	7	0,2	Сл.	»	Сл.	—	I
743—66	Зеленая полива поддона		2	—	Сл.	0,1	1,2	0,1	1,5	0,1	59	2,5	4	—	I
726—66	Желтая полива миниатюрного сосуда		Сл.	—	0,6	Сл.	1,5	0,3	2	Сл.	63	0,4	Сл.	0,4	II
747—66	Белый черепок того же сосуда		»	3	0,8	0,7	20	1,6	3	»	Сл.	Сл.	»	—	II

Керамика, полива которой содержит окись натрия, оказалась красной, а керамика с поливой, не содержащей окиси натрия, — белой (кроме двух — розовой и серой). Такое резкое отличие в цвете керамики объясняется наличием большого количества окислов железа в красноглиняной керамике, что было определено в результате дополнительного анализа черепка. Кроме значительного содержания окислов железа, в красноглиняной керамике наблюдалось повышенное содержание окислов кальция, магния и окиси калия.

CÉRAMIQUE A GLAÇURE DU NOVOGROUDOK ANTIQUE

Résumé

Dans l'article il est question de la céramique à glaçure des fouilles de la cité antique russe Novogroudok en 1956—1963. 180 fragments trouvés pour la plupart dans les ruines de riches bâtiments du XII — de la première moitié du XIII s. ont été étudiés.

Les résultats de l'examen des formes de vases, de l'analyse pétrographique de la pâte d'argile et de l'analyse spectrale de la glaçure ont permis de partager toute la céramique à glaçure de Novogroudok en deux groupes.

Le premier groupe de céramique — en argile rouge (62%) — comprend poteries, couvercles, vases dont la forme s'approche à biconique, coupes, plats, lampes (ou bocaux?) et les vases uniques à l'anse creuse; tous sont recouverts de glaçure jaune, verte ou brune au plomb et à la silice au teneur considérable de l'oxyde du sodium (dess. 1).

Le deuxième groupe de céramique — en argile blanche (38%) — contient des cruches de très petites poteries et un vase au col vertical qui sont recouverts de glaçure au plomb et à la silice des mêmes couleurs mais qui ne contiennent que les traces de l'oxyde de sodium (dess. 2).

Tout un nombre d'indices communs pour la céramique à glaçure et pour celle sans glaçure de Novogroudok aussi bien que les particularités spécifiques dont la céramique à glaçure de cette ville se distingue de celles des autres villes de la Russie antique prouve que la vaisselle à glaçure des deux groupes était fabriquée dans la ville même de Novogroudok et permet de supposer l'existence de deux ateliers différents.

А. А. КОНОВАЛОВ

ИЗУЧЕНИЕ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА МЕДНЫХ СПЛАВОВ ИЗ НОВГОРОДА

Спектрографическому исследованию был подвергнут 131 образец проволоки — важнейшего полуфабриката для ювелирных изделий из раскопок в Новгороде в 1957—1958 гг.¹. Изученные образцы следующим образом распределяются по строительным ярусам:

Ярусы	25	24	23	22	21	20	19	18	18/17	17	
Пробы	2	1	—	2	—	3	2	1	1	10	
Ярусы	17/16	16	16/15	15	15/14	14	14/13	13	13/12	—	
Пробы	4	4	3	15	4	26	3	8	10	—	
Ярусы	12	12/11	11	—	11/10	10	10/9	9	8	8/7	7
Пробы	8	1	7	—	1	7	2	5	2	1	1

Из таблицы видно, что на ярусы XI в. (25—21) приходится 5 образцов, XII в. (20—16/15)—25, XIII в. (15—11)—82, XIV в. (11/10—7)—19².

Из частотных гистограмм (рис. 1), где представлен характер распределения концентраций важнейших примесей к меди: олова, свинца, цинка, железа, серебра, сурьмы, висмута, мышьяка, никеля, марганца (в 13 пробах встречен кобальт, в 53 — золото) — встречающихся в изученных нами предметах, видно, что основным легирующим материалом были олово, свинец и цинк. Причем свинец и олово преобладают.

На роль легирующих претендуют в единичных случаях мышьяк в пробе № 50 (1%), сурьма в пробах № 59; 116 (1%; 1,5%) и железо в пробе № 11 (2%). Сурьма и мышьяк не имеют самостоятельного значения как лигатуры, так как проб, в которых эти элементы представлены свыше 1%, встречено незначительное количество. Признать железо как лигатуру к меди мы не можем из-за высокой точки его плавления (1535°). Попадание его в сплавы может быть вызвано использованием медноколчеданных руд, богатых этим элементом³.

¹ Анализы производились автором совместно с Е. Н. Черныхом и Т. Б. Барцевой в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР, методом, применяющимся в этой лаборатории с 1960 г. (Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 27—34).

² Сравнивая размещение по строительным ярусам взятых нами для анализа образцов проволок с приведенными таблицами распределения проволок (151 образец) по строительным ярусам в статье Рындиной (Н. В. Рындиной. Технологии производства новгородских ювелиров X—XV вв. МИА, 117, 1963, стр. 210), мы видим, что картина очень похожа. Можно полагать, что полученная нами значительная разница в количествах образцов, встреченных в ярусах XI—XIV вв., отражает действительно существовавшее количественное различие материала в этих хронологических группах.

³ Е. Н. Черных. К химической характеристике металла ингульского клада. СА, 1966, 1, стр. 145.

Неоднородность минерального сырья, примененного для выплавки меди, подтверждается наличием различных химических групп. Химическая группа — это «совокупность родственных по своему рудному источнику образцов металла (изделий), набор примесей в котором обусловлен их переходом из руд»⁴. Подтверждением служат двухвершинная гистограмма железа, а также наличие небольшой группы образцов, в металле которых не содержится висмут. Об этом же говорят кобальт и золото.

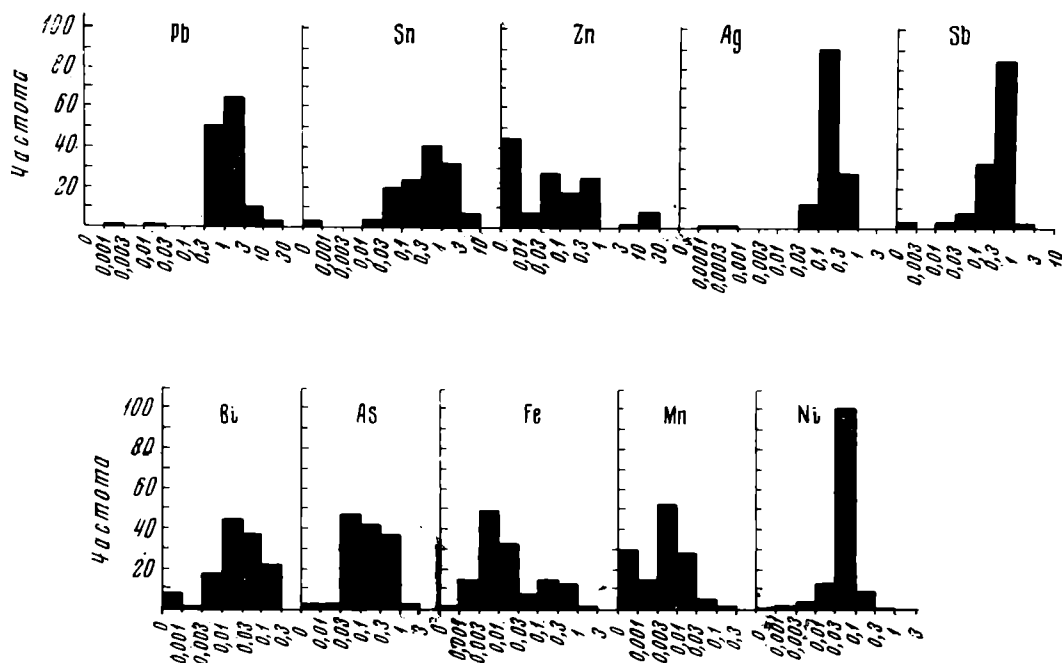

Рис. 1. Частотная гистограмма распределения важнейших элементов-примесей в меди новгородских проволок

Все перечисленное выше позволяет сделать предположение, что новгородские ювелиры пользовались для изготовления проволок металлом, происходящим из различных рудных источников. Сравнительно небольшое количество анализов, довольно сложные металлургические группы (искусственные сплавы определенного типа), в значительной степени сгладившие некоторые примеси к меди, не дают нам пока возможности решать вопрос о местонахождении этих источников.

Как уже отмечалось, анализируемый материал представляет довольно сложные сплавы. Поэтому перед нами стоит задача выяснить, во-первых, какой набор сплавов был у ювелиров в интересующее нас время и, во-вторых, одинаковыми ли рецептами пользовались ювелиры различных племен для изготовления украшений.

Поскольку изготовление украшений из полуфабрикатов, таких, как проволока, не требовало от ювелира постоянного поиска новых сплавов, отвечавших повышенным рабочим качествам (как это имело место при изготовлении орудий труда и оружия), мы вправе предположить, что сложившиеся на определенных территориях наборы сплавов употреблялись ювелирами в течение длительного времени⁵. Изменения, происходившие в наборе сплавов, могли быть вызваны различными причинами, например исчерпыванием рудного источника, прекращением торговых связей, захватом территории враждебными племенами, изменением технологии произ-

⁴ Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры. СА, 1968, 2, стр. 96.

⁵ Однако не вызывает сомнения, что ювелиры при изготовлении различных предметов учитывали те или иные качества получаемых сплавов. Бесспорно, добывая в разных концентрациях олово, цинк и т. д., они стремились к улучшению литейных качеств, повышению механических свойств и т. д. Существенным, по-видимому, для них было и получение сплавов с определенной цветовой гаммой.

водства и т. д. Эти причины могли заставить ювелиров отказаться от традиционных рецептов в изготовлении украшений и вырабатывать новые. Таким образом, выявление места сложения традиций тех или иных типов сплавов дает возможность решать вопрос о взаимоотношениях разных племен, населявших Восточную Европу в конце I — начале II тысячелетия.

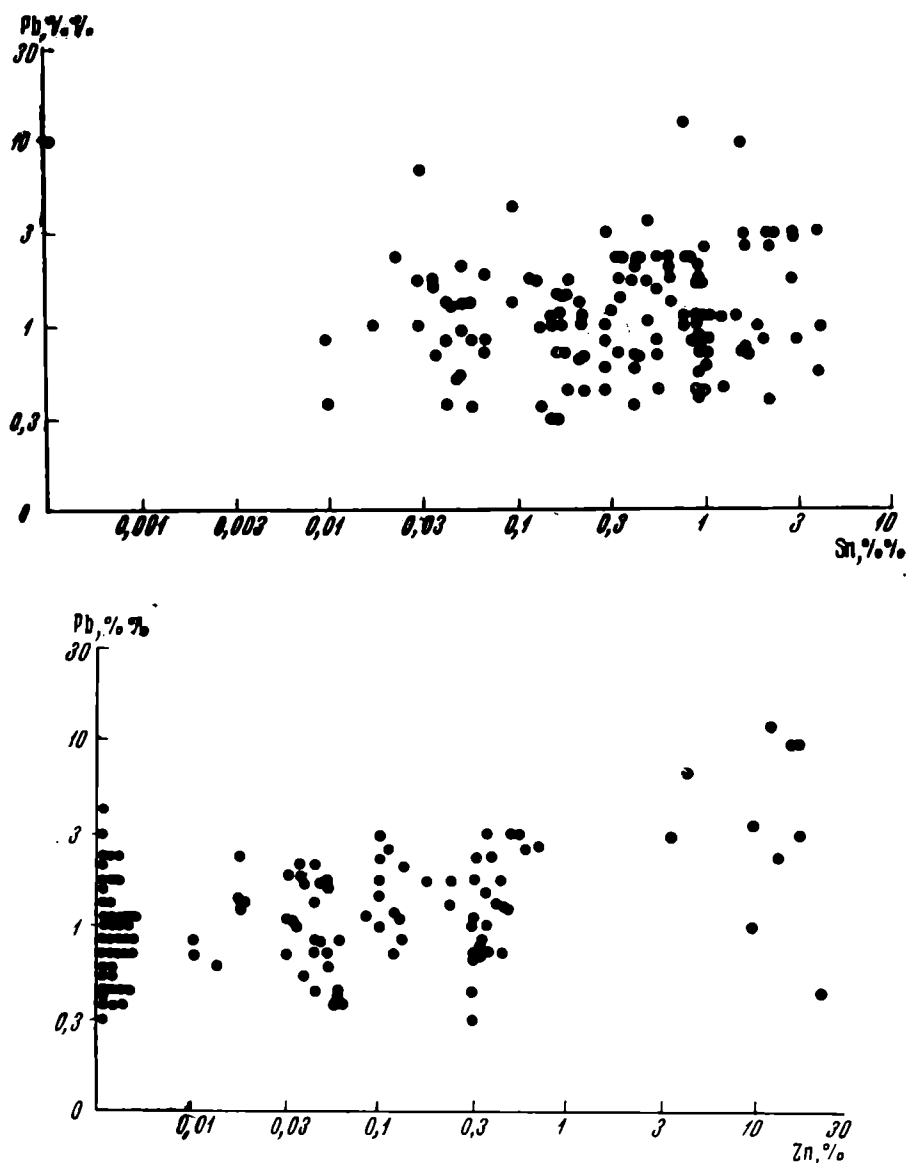

Рис. 2. Корреляционные графики

а — график свинец — цинк; б — график свинец — олово. В двух пробах олово и цинк отсутствуют, а содержание свинца 0,001 и 0,01%

Для выявления наборов сплавов, которыми пользовались ювелиры, необходимо выяснить, какие примеси к меди являются искусственными и начиная с какой концентрации их можно таковыми считать. Искусственными добавками к меди, как мы отмечали, являются свинец, олово и цинк.

Свинец, за исключением двух проб, встречен в концентрации от 0,3 до 14% (см. гистограмму распределения концентраций свинца), что заставляет нас считать его специально и постоянно добавляемым компонентом к сплавам.

Частотная гистограмма цинка трехвершинна. Причем отсутствие образцов с концентрацией от 1 до 3% свидетельствует о том, что металл новгородских проволок делится на две группы. Первая, большая группа содержит цинк от 0,01 до 0,8%. В эту группу входят образцы проволоки, медь которой не легирована цинком. Цинк в эту группу попадал как из руды, так и при добавлении к выплавляемой меди лома латуниных вещей. Во вто-

рой группе (10 проб) концентрация цинка колеблется от 3 до 25%, что свидетельствует об искусственном прибавлении его к меди. Эта небольшая группа проволок, легированных цинком, довольно четко выявляется и на корреляционном графике Pb — Zn (рис. 2, а), причем мы видим, что в этой группе из 10 проб в 8 концентрация свинца колеблется от 2,5 до 10%⁶, в то время как в 76 пробах с концентрацией цинка от 0,01 до 0,6% свинец лишь в 12 пробах содержится от 2,5 до 4%. Таким образом,

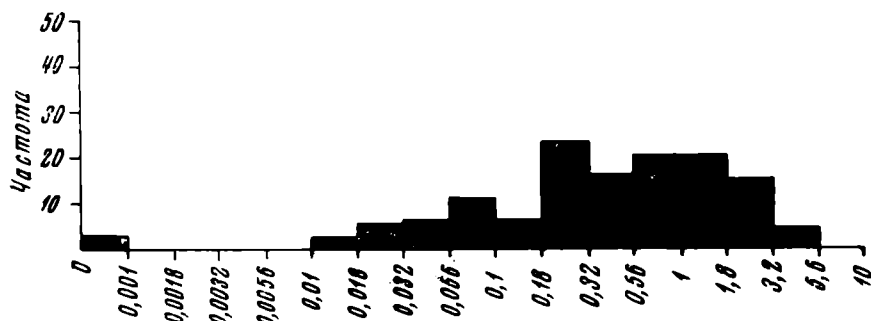

Рис. 3. Частотная гистограмма ($1/4$ математического порядка) распределения концентраций олова в меди новгородских проволок

выявляется интересный технологический прием, применявшийся новгородскими ювелирами: при добавлении к меди цинка они повышали и концентрацию в ней свинца.

Гистограмма олова не дает пока нам возможности четко определить границу искусственной добавки олова. Однако на основании корреляционного графика Pb—Sn можно предположить, что граница между искусственными прибавками олова и ее естественными соединениями лежит где-то между концентрациями 0,09—0,2%. Наше предположение уточняет более чувствительная гистограмма ($1/4$ математического порядка) распределения концентраций олова и меди новгородских проволок (рис. 3), на которой граница между лигатурной частью и естественными соединениями находится между концентрациями 0,1—0,18%. Это наше наблюдение еще требует проверки на большой серии анализов. Пока же мы условно примем границу искусственной добавки олова к меди с 0,3%, что очень четко определяется по материалам I тысячелетия⁷.

Итак, искусственные или лигатурные прибавки к меди олова, свинца и цинка можно считать с 0,3; 0,3 и 3% соответственно.

Учитывая сказанное выше, мы видим, что большинство анализируемых образцов проволок (см. приложение) представляют собой сплавы⁸, подобные тем, которые были выделены для I тысячелетия⁹. Однако корреляционные графики Pb — Sn, Pb — Zn (рис. 2, а, б) показывают, что в исследуемых нами образцах имеется довольно значительная группа, где свинца больше 0,3%, а олова и цинка соответственно меньше 0,3 и 1%. Тем самым специфика новгородского материала заставляет нас выделить новый тип сплава — свинцовистые бронзы. Итак, анализируемый нами материал можно разбить на семь групп, из которых шесть представляют сплавы и одна — «чистую» медь¹⁰:

⁶ Концентрации олова в этих пробах размещаются следующим образом: в семи пробах — 0,9 — 5,5%, в двух — 0,025 — 0,03%, в одной пробе олова не обнаружено.

⁷ Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева. Ук. соч., стр. 98.

⁸ Небольшим количеством представлена «чистая» медь.

⁹ Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева. Ук. соч., стр. 98.

¹⁰ Работая с многокомпонентными сплавами I тысячелетия, Е. Н. Черных и Т. Б. Барцева впервые выделили шесть типов сплавов, употребляющихся в то время на территории Восточной Европы. Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева. Ук. соч., стр. 98. Выделение VII типа сплавов вызвано специфической особенностью новгородского материала. Представленная схема распределения материала по металлургическим группам не окончательна, с получением данных о новых типах сплавов она будет пополняться.

I — томпак, полутомпак, латунь (по современной металлургической номенклатуре) — Cu + Zn + (Pb). Обязательное условие: Zn > 3%, Sn < 0,3%; II — многокомпонентный сплав Cu + Zn + Sn + (Pb). Обязательное условие: Zn > 3%, Sn > 0,3%, Zn > Sn; III — многокомпонентный сплав Cu + Sn + Zn + (Pb). Обязательное условие: Sn > 1%, Zn > 3%, Sn > Zn; IV — оловянистые бронзы — Cu + Sn + (Pb). Обязательное условие: Sn > 0,3%, Zn < 1%; Sn > Zn; V — свинцовистая бронза — Cu +

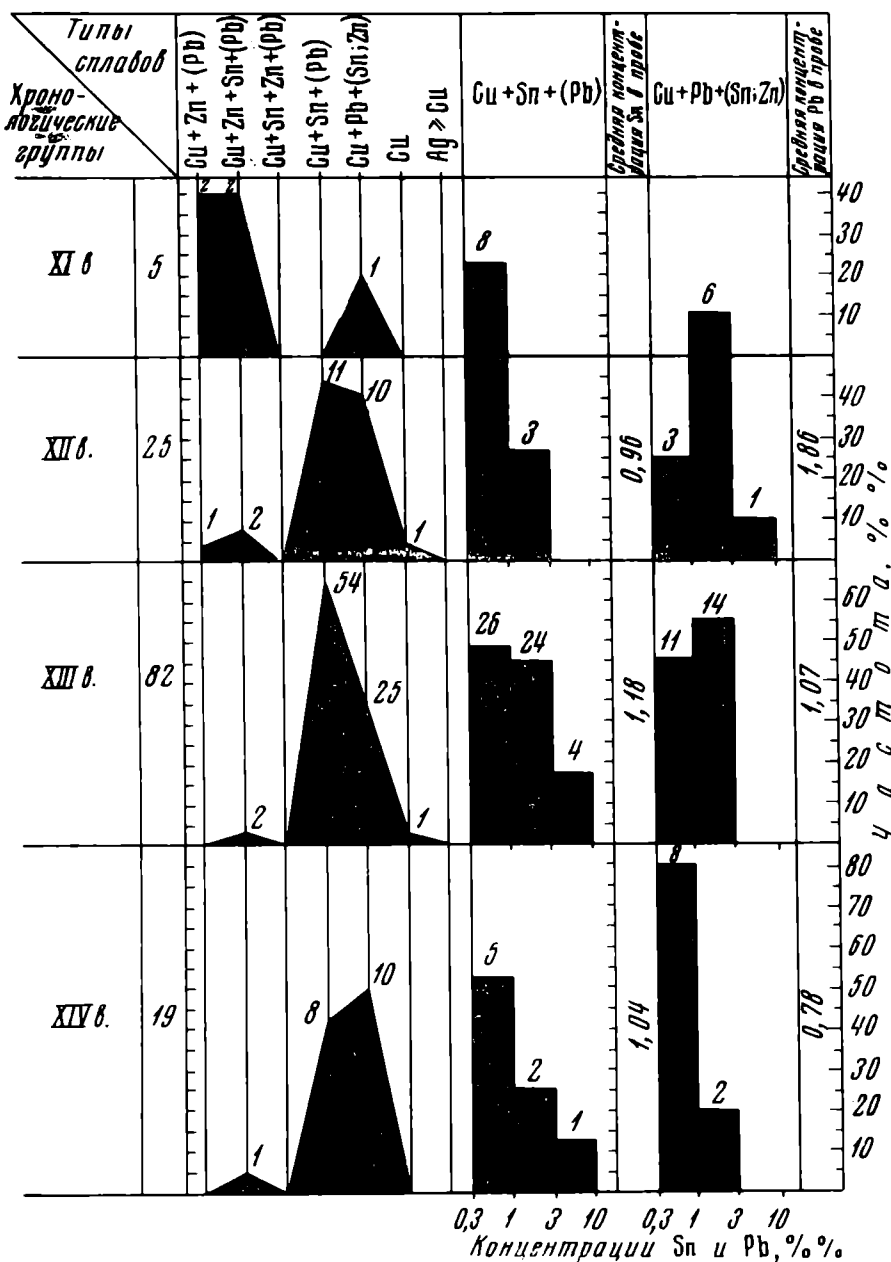

Рис. 4. Сравнительная характеристика сплавов меди по хронологическим группам

Pb + (Sn, Zn). Обязательное условие: Pb > 0,3%, Pb > Sn < 0,3%, Pb > Zn < 1%; VI — «чистая» медь. Содержание каждой примеси меньше 1, а олова меньше 0,3%; VII — билон. Обязательное условие: Ag >= Cu. Очень важна сравнительная характеристика распределения типов сплавов по хронологическим периодам. Исследуемый материал разбит в хронологическом порядке на четыре группы (рис. 4). Мы видим, что постоянно встречающимся сплавом являются свинцовистые бронзы (V тип). Самую многочисленную группу сплавов составляют оловянистые бронзы (IV тип), металл XI в. отличается от последующих групп наличием сплавов

I и II типов и отсутствием оловянистых бронз. Наличие сплавов I типа в металле XII в. роднит его с металлом XI в. Небольшое различие отмечается в группах XIII и XIV вв. Здесь, несмотря на полное совпадение типов сплавов, употреблявшихся в это время, мы наблюдаем увеличение

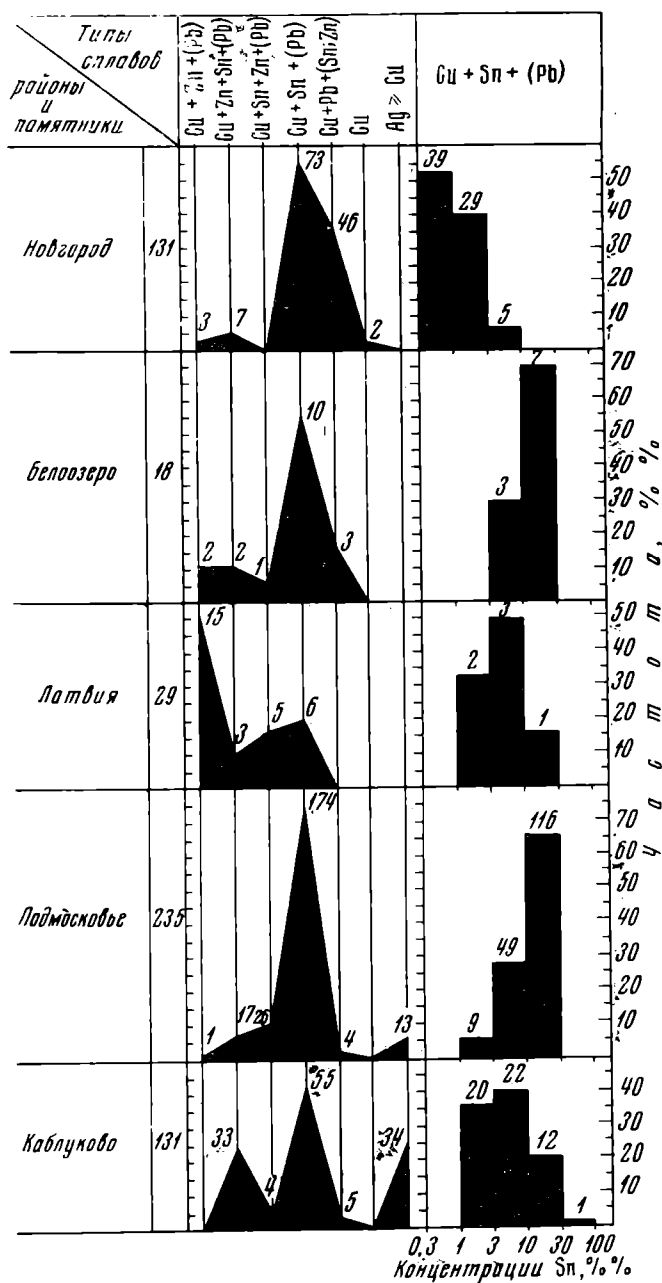

Рис. 5. Сравнительная характеристика сплавов меди для ряда памятников

ставлены сплавы I и II типов. Анализ двух проволок показали, что они изготовлены из «чистой» меди (рис. 5).

Какие же сплавы бытовали на других территориях? Чем они отличаются от новгородских? Выяснить это мы сможем после накопления результатов исследования древнейших предметов с территории Восточной Европы. Но уже сейчас мы можем высказать некоторые соображения. Так, изученные нами 235 предметов из подмосковных курганов (XII—XIV вв.) в основном изготовлены из оловянистых бронз (73,8), только небольшое количество предметов — из сплавов I, II, III, VII типов¹¹. В отличие от новгородских сплавов в Подмосковье мы имеем лишь незначительное ко-

удельного веса сплавов IV типа. Наши наблюдения подтверждаются изменениями концентраций основных лигатур свинца и олова в оловянистых и свинцовистых бронзах (рис. 4). Так, в свинцовистых бронзах XII в. содержание свинца в основном колеблется в пределах от 1 до 3% (только в одном случае зафиксировано наличие сплава с концентрацией свинца 5,5%). В XIII в. сохраняется преобладание сплавов с концентрацией свинца 1—3%. Однако начиная с этого времени растет количество сплавов с концентрацией свинца 0,3—1%. В XIV в. сплавы с этой концентрацией преобладают. К этому необходимо добавить, что средняя концентрация свинца в пробе сплавов этого типа имеет тенденцию к уменьшению. Так, если в XII в. среднее содержание свинца в пробах 1,86%, то в XIV в. — 0,78%. Концентрация же олова в пробе оловянистых бронз не претерпевает существенного изменения.

Из сказанного выше видно, что основными типами сплавов, из которых изготавливались новгородские проволоки, были оловянистые (56,8%) и свинцовистые (34%) бронзы (рис. 5). Наибольшим количеством пред-

¹¹ А. А. Коновалов. Медные сплавы подмосковных курганов. ВМГУ, IX, 2, 1969, стр. 60—77.

личество свинцовистых сплавов (в Подмоскowie — 1,2, в Новгороде — 34%) и небольшую группу многокомпонентных сплавов III типа (11,8%). Кроме того, даже характер распределения концентраций олова в сплавах IV типа (оловянистые бронзы) Новгорода и Подмоскowie говорит о значительном отличии их друг от друга. Так, если в Новгороде большинство проволок, изготовленных из оловянистых бронз, имеет концентрации олова 0,3—3% (68 из 73), то в Подмоскowie, наоборот, — от 3—30% (165 из 174). Причем средняя концентрация олова в пробе в Новгороде — 0,8%, а в Подмоскowie — 10,4%. Еще более четкое различие в размещении сплавов дают анализы 23 образцов витых браслетов из подмосковских курганов, изготовленных из проволоки (III тип сплавов — 2 пробы, IV тип — 21). Как в Новгороде, так и в Подмоскowie в этом случае мы имеем дело с однородным материалом.

Отличается новгородский материал и от латвийского металла этого времени (X—XIII вв.), характерной чертой которого является преобладание сплавов I типа¹², и от украшений из кривических курганов у дер. Каблуково (конец XI—XII в.) на правом берегу р. Вори.

Некоторое сходство новгородского металла отмечается с металлом изделий из Белоозера¹³.

Итак, основными сплавами, которыми пользовались новгородские ювелиры для изготовления проволоки, были оловянистые и свинцовистые бронзы. Причем свинцовистые бронзы использовались начиная с самого раннего времени. Наличие такого же типа сплава среди материала Белоозера заставляет нас отметить, что он бытовал на значительной территории. Отсутствие же сколько-нибудь значительной группы предметов, изготовленных из сплавов этого типа в Подмоскowie, и полное отсутствие их в проанализированных предметах из Латвии подчеркивает своеобразие рецептов, используемых новгородскими ювелирами. Причем интересно отметить, что свинцовистые бронзы в XIV в. занимают ведущее положение среди сплавов. К тому же времени средняя концентрация свинца в пробе сплавов этого типа значительно сокращается. Объяснить подобное явление сокращением сырьевых источников, т. е. нехваткой свинца, нельзя, так как именно на это время падает наибольшее распространение таких сплавов. О значительных запасах свинца свидетельствуют продолжающееся изготовление свинцовых печатей, а также сообщения летописи о покрытии и ремонте свинцовой кровли Софийского собора под 1333, 1341, 1396 гг., Георгиевского собора в Юрьевом монастыре под 1345 г.¹⁴ и т. д. Об этом же говорит и находка в слоях XIV в. большого куска свинца (четверть круглой чушки) в 151,3 кг из Польши¹⁵, на основании чего В. Л. Янин заключает, что «Ганза отнюдь не владела монополией на ввоз в Русь свинца»¹⁶. Все это показывает, что на новгородском рынке имелось довольно значительное количество свинца, получаемого из различных источников. А это как нельзя лучше объясняет увеличение удельного веса сплавов V типа в это время. Таким образом, понижение концентрации свинца в сплавах, по-видимому, можно связать с какими-то изменениями в самой технологии изготовления проволоки.

О динамике сложения собственно новгородских наборов сплавов свидетельствует наблюдение над выделенными нами хронологическими группами (рис. 4). Прежде всего необходимо отметить, что исследуемый нами материал на ранних этапах (XI в.) по своему составу напоминает

¹² Результаты спектрального анализа взяты из кн.: Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 139.

¹³ Пользуюсь случаем принести благодарность Е. Н. Черныху за любезно предоставленные результаты анализов этих вещей.

¹⁴ НПЛ, М.—Л., 1950, стр. 311, 345, 353, 357.

¹⁵ В. Л. Янин. Находка польского свинца в Новгороде. СА, 1966, 2, стр. 324.

¹⁶ Там же, стр. 326

Спектральные анализы проволок из раскопок в Новгороде (%)

№ анализа	Шифр лабор.	Cu	Pb	Sn	Fe	Zn	Al	Sb	Bi	Co	As	Mn	Au	Ni
1	1	Осн.	0,7	0,5	0,035	0,06	0,05	0,2	0,07	—	0,5	-0	< 0,001	0,03
2	2	»	> 2,0	0,08	0,008	0,035	0,8	0,1	0,05	—	0,23	0,006	~ 0,003	0,035
3	3	»	2,0	0,14	0,005	0,06	0,13	0,3	0,035	—	0,11	0,005	—	0,03
4	4	»	10,0	1,9	0,16	10,0	0,04	0,017	—	—	0,06	0,007	—	0,0025
5	5	»	0,8	0,045	0,003	0,15	0,15	0,2	0,007	—	0,05	0,003	—	0,04
6	6	»	~ 5,0	0,1	0,008	?	0,2	0,3	—	—	0,07	0,01	—	0,08
7	7	»	2,5	0,025	0,11	16,0	0,13	0,014	—	0,002	0,15	0,03	—	0,004
8	8	»	0,8	1,9	0,5	0,3	0,13	0,3	—	—	0,05	0,015	> 0,003	0,06
9	9	»	0,01	—	2,0	—	0,0001?	—	0,0025	—	—	0,04	—	—
10	10	»	2,5	0,5	0,8	0,45	0,15	0,3	0,007	—	0,03	0,02	?	0,04
11	11	»	1,2	1,2	0,003	0,15	0,25	0,45	0,04	—	0,15	—	—	0,05
12	12	»	10,0	—	0,7	~20,0	0,13	—	—	—	0,01	0,01	—	0,013
13	13	»	14,0	0,9	0,1	14,0	0,15	0,07	—	—	0,08	0,02	< 0,001	0,016
14	14	»	1,0	5,5	0,5	19,0	0,45	0,2	0,01	—	0,08	0,02	—	0,05
15	15	»	2,0	0,22	0,017	0,5	0,1	0,6	0,025	—	0,08	0,02	—	0,04
16	16	»	2,0	0,04	0,003	0,3	0,5	0,4	0,007	—	0,1	~ 0,001	—	0,03
17	17	»	2,0	0,03	0,02	0,25	0,13	0,3	0,018	—	0,12	0,013	—	0,03
18	18	»	0,6	0,06	0,005	—	0,2	0,25	0,003	—	0,15	0,01	—	0,05
19	19	»	1,3	0,35	0,012	0,13	0,45	0,25	0,007	—	0,09	0,01	~ 0,03	0,04
20	20	»	2,5	0,5	0,01	0,35	0,3	0,4	0,008	—	0,09	0,006	—	0,07
21	21	»	2,0	0,15	0,01	0,2	0,25	0,3	0,03	—	0,1	0,01	< 0,001	0,05
22	22	»	0,8	0,22	0,02	0,13	0,3	0,4	0,15	—	0,8	0,002	~ 0,001	0,04
23	23	»	3,0	3,0	0,35	4,0	0,2	0,5	0,011	0,03	0,15	0,007	—	0,04
24	24	»	2,5	0,8	0,002	—	0,13	0,4	0,15	—	0,8	0,005	< 0,001	0,05
25	25	»	2,0	0,07	0,012	0,04	0,13	0,45	0,018	—	0,1	0,003	~ 0,003	0,04
26	26	»	1,5	0,07	0,007	0,016	0,13	0,25	0,015	—	0,1	0,003	—	0,03
27	27	»	0,9	0,07	0,003	0,05	0,13	0,3	0,03	—	0,1	0,005	—	0,05
28	28	»	1,5	0,05	0,005	0,5	1,0	0,35	0,25	—	0,14	—	< 0,001	0,045
29	29	»	1,0	0,9	0,003	—	0,1	0,4	0,02	—	0,05	0,006	—	0,03
30	30	»	1,2	0,25	0,01	—	0,5	0,35	0,02	—	0,16	0,008	—	0,1
31	31	»	2,0	0,5	0,004	—	0,13	0,6	0,016	—	0,07	0,01	—	0,035
32	32	»	2,3	0,06	0,003	0,04	0,13	0,3	0,018	—	0,18	0,01	—	0,07
33	33	»	2,0	1,0	0,008	—	0,2	0,35	0,05	—	0,16	0,003	—	0,05
34	34	»	0,8	0,06	0,01	—	0,08	0,2	0,015	—	0,08	—	< 0,001	0,02
35	35	»	2,5	0,4	0,005	—	0,25	0,25	0,017	—	0,07	0,01	—	0,045

Продолжение

№ ана-лиза	Шифр. лабор.	Cu	Pb	Sn	Fe	Zn	Ag	Sb	Bi	Co	As	Mn	Au	Ni
36	40	Осн.	1,5	0,1	0,07	0,25	0,13	0,3	0,12	--	0,9	0,01	<0,001	0,025
37	41	»	8,0	0,03	0,008	5,0	0,2	0,3	0,1	0,005	0,4	--	~0,001	0,035
38	42	»	2,3	0,8	0,002	--	0,15	0,25	0,24	0,001	0,09	--	--	0,05
39	43	»	2,5	0,9	0,006	0,5	0,13	0,35	0,2	--	0,5	0,004	>0,003	0,045
40	44	»	3,0	0,3	0,009	0,6	0,15	0,5	0,04	--	0,07	0,003	--	0,35
41	45	»	1,7	0,2	0,009	0,4	0,13	0,4	0,02	--	0,15	0,015	--	0,06
42	46	»	0,9	0,7	0,004	--	0,2	0,4	0,025	--	0,1	--	--	0,04
43	47	»	3,0	2,0	0,005	--	0,13	0,27	0,04	--	0,2	--	~0,003	0,12
44	48	»	0,8	0,25	0,009	0,35	0,3	0,7	0,05	--	0,2	0,01	<0,001	0,05
45	49	»	2,3	0,5	0,3	0,15	0,13	0,45	0,16	--	0,5	0,002	>0,001	0,11
46	50	»	0,8	0,7	0,55	0,06	0,2	0,5	0,15	--	1,0	0,015	>0,001	0,05
47	51	»	1,0	0,16	0,004	0,035	0,2	0,45	0,025	--	0,2	0,008	<0,001	0,04
48	52	»	1,2	1,1	0,3	0,09	0,13	0,45	0,1	--	0,7	0,015	--	0,04
49	53	»	0,5	1,2	0,025	--	0,15	0,4	0,016	--	0,2	0,005	?	0,05
50	54	»	2,5	0,8	0,003	0,02	0,15	0,4	0,02	--	0,09	--	?	0,05
51	55	»	1,8	0,7	0,002	0,02	0,6	0,6	0,03	--	0,2	0,003	Очень много	0,11
52	56	»	0,6	5,0	0,005	0,045	0,15	0,6	0,15	--	0,6	0,003	~0,003	0,09
53	57	»	2,7	1,1	0,02	0,8	0,15	0,7	0,018	--	0,15	0,003	--	0,05
54	58	»	2,7	2,5	0,035	0,7	0,13	0,6	0,02	--	0,1	0,006	--	0,1
55	59	»	0,9	1,2	0,015	--	0,5	1,0	0,018	--	0,2	0,008	<0,001	0,06
56	60	»	0,8	2,0	0,02	--	0,15	0,5	0,009	--	0,09	0,005	--	0,04
57	61	»	2,0	0,4	0,012	0,1	0,15	0,3	0,016	--	0,1	0,009	>0,01	0,05
58	62	»	1,2	1,8	0,5	0,3	0,2	0,55	0,015	--	0,1	0,035	>0,003	0,06
59	63	»	1,1	0,6	0,009	0,035	0,2	0,5	0,01	--	0,1	0,005	--	0,06
60	64	»	1,7	2,0	0,01	0,12	0,13	0,5	0,15	--	0,7	0,008	~0,001	0,06
61	65	»	0,5	1,1	0,003	--	0,3	0,45	0,03	--	0,35	--	<0,001	0,04
62	66	»	1,2	0,9	?	--	0,2	0,35	0,016	--	0,12	?	--	0,04
63	67	»	3,0	2,5	0,013	0,6	0,25	0,45	0,02	0,003	0,06	--	--	0,07
64	68	»	0,9	0,8	0,004	--	0,4	0,4	0,025	--	0,09	0,002	--	0,06
65	69	»	0,9	3,3	0,05	0,35	0,25	0,45	0,015	--	0,08	0,005	--	0,06
66	70	»	2,3	1,0	0,03	0,05	0,2	0,25	0,02	--	0,07	0,2	--	0,06
67	71	»	1,5	0,8	0,003	--	0,3	0,5	0,016	--	0,09	0,007	--	0,09
68	72	»	0,7	1,1	0,009	--	0,5	0,25	0,13	--	0,4	0,01	~0,001	0,05
69	73	»	1,0	2,3	0,13	0,4	0,2	0,25	0,08	--	0,16	0,007	?	0,05
70	74	»	2,0	0,6	0,003	0,04	0,2	0,25	0,01	--	0,09	0,003	--	0,04
71	75	»	0,8	0,5	0,023	0,3	0,15	0,3	0,08	--	0,3	0,01	~0,01	0,05
72	76	»	0,7	0,3	0,005	0,015	0,6	0,3	0,1	--	0,5	0,004	~0,001	0,04

№ ана-лиза	Шифр. лабор.	Cu	Pb	Sn	Fe	Zn	Ag	Sb	Bi	Co	As	Mn	Au	Ni
73	77	Осн.	0,9	1,0	0,1	—	0,2	0,25	0,008	—	0,1	0,001	—	0,02
74	78	»	0,7	0,5	0,1	—	0,2	0,25	0,05	0,002	0,4	0,005	—	0,05
75	79	»	0,9	0,9	0,003	—	0,3	0,6	0,16	—	0,3	0,003	—	0,04
76	80	»	0,6	1,0	0,1	—	0,2	0,4	0,03	—	0,07	0,005	—	0,05
77	81	»	3,0	2,5	0,2	~20,0	0,1	0,15	0,04	0,003	0,08	0,02	?	0,015
78	83	»	1,0	1,0	0,003	—	0,3	0,22	0,02	—	0,08	0,003	—	0,05
79	85	»	1,2	0,18	0,02	—	0,15	0,5	0,11	—	0,7	0,01	—	0,07
80	86	»	1,2	1,0	0,01	—	0,2	0,25	0,04	—	0,15	0,02	—	0,05
81	87	»	0,45	1,0	0,01	0,07	0,2	0,4	0,03	—	0,5	0,004	?	0,04
82	88	»	0,9	0,3	0,35	0,4	0,4	0,5	0,08	?	0,7	0,005	~0,003	0,05
83	89	»	0,9	0,01	0,1	0,05	0,1	0,25	0,2	—	0,03	0,03	—	0,025
84	90	»	0,8	2,0	0,08	0,01	0,15	0,2	0,06	—	0,45	0,003	—	0,025
85	91	»	0,5	0,3	0,01	0,07	0,4	0,6	0,12	—	0,5	0,004	<0,001	0,07
86	92	»	1,6	0,4	0,008	0,02	0,5	0,5	0,01	—	0,06	0,005	—	0,07
87	93	»	1,0	0,8	0,01	0,3	0,6	0,45	0,1	0,001	0,4	0,003	~0,001	0,1
88	94	»	1,0	0,25	0,01	—	0,2	0,4	0,07	?	0,4	0,003	?	0,05
89	95	»	2,0	3,0	0,1	0,06	0,3	0,5	0,08	—	0,35	0,008	?	0,05
90	96	»	1,8	0,04	0,13	0,06	0,5	0,25	0,15	—	0,08	0,05	<0,001	0,05
91	97	»	0,4	0,16	0,02	—	0,3	0,22	0,008	—	0,5	0,01	<0,001	0,08
92	99	»	0,5	0,25	0,004	0,05	0,15	0,09	0,02	—	0,07	0,002	>0,01	0,012
93	100	»	2,5	0,4	0,001	?	0,12	0,3	0,03	—	0,08	—	—	0,08
94	101	»	0,4	0,05	0,003	0,07	0,2	0,09	0,05	—	0,09	0,003	>0,01	0,015
95	102	»	1,5	0,06	0,002	0,05	0,2	0,3	0,02	—	0,08	?	—	0,04
96	103	»	1,5	0,5	0,003	—	0,2	0,4	0,05	—	0,16	0,009	—	0,05
97	105	»	0,6	0,06	0,002	—	0,3	0,04	0,02	—	0,015	—	>0,01	0,008
98	106	»	0,4	0,07	0,02	0,07	0,05	0,04	0,02	0,002	0,05	0,005	>0,01	0,006
99	107	»	0,8	0,2	0,02	0,4	0,07	0,5	0,05	?	0,6	—	—	0,05
100	108	»	4,0	0,6	0,02	10,0	0,1	0,2	—	0,015	0,04	—	<0,001	0,012
101	109	»	0,9	0,08	0,003	0,07	0,1	0,02	0,09	—	0,5	0,004	<0,001	0,05
102	110	»	1,5	0,25	0,03	0,5	0,15	0,4	0,18	?	0,6	0,004	~0,03	0,04
103	111	»	0,4	0,01	0,002	—	0,06	0,08	0,02	—	0,07	—	<0,03	0,004
104	112	»	0,8	1,5	0,001	0,03	0,09	0,25	0,003	—	0,06	—	<0,03	0,03
105	113	»	1,2	1,0	0,02	0,03	0,15	0,3	0,004	—	0,06	0,015	—	0,05

Продолжение

№ ана-лиза	Шифр лабор.	Cu	Pb	Sn	Fe	Zn	Ag	Sb	Bi	Co	As	Mn	Au	Ni
110	118	Оср.	1,0	0,3	0,003	0,15	0,1	0,5	0,08	--	0,8	--	~0,003	0,04
111	119	»	3,0	3,5	0,002	0,1	0,15	0,5	0,018	--	0,15	?	>0,1	0,04
112	120	»	0,8	0,4	0,008	0,35	0,2	0,5	0,03	0,003	0,45	0,006	?	0,04
113	121	»	1,0	0,03	0,004	0,1	0,2	0,18	0,15	--	0,2	--	<0,003	0,02
114	122	»	0,5	1,0	0,003	--	0,15	0,4	0,009	--	0,12	0,001	--	0,04
115	123	»	0,3	0,2	0,005	--	0,2	0,5	0,04	--	0,4	0,001	~0,001	0,05
116	124	»	0,9	1,0	0,1	0,01	0,1	0,22	0,03	--	0,15	--	--	0,05
117	125	»	0,5	0,22	0,01	0,3	0,1	0,2	0,035	--	0,35	0,002	--	0,04
118	127	»	3,0	3,0	0,009	0,4	0,09	0,4	0,02	?	0,07	--	--	0,06
119	128	»	2,5	0,7	0,002	0,1	0,15	0,3	0,02	--	0,08	0,002	?	0,07
120	129	»	0,45	2,5	0,003	--	0,1	0,45	0,005	--	0,09	0,001	~0,01	0,08
121	130	»	0,5	0,7	0,01	--	0,08	0,5	0,004	--	0,07	0,002	--	0,06
122	131	»	1,0	0,2	0,002	?	0,1	0,35	0,01	--	0,08	0,002	--	0,04
123	132	»	1,2	1,5	0,003	--	0,2	0,5	0,015	--	0,14	?	>0,01	0,05
124	133	»	0,8	0,08	0,13	--	0,1	0,23	0,05	--	0,75	0,003	--	0,05
125	134	»	0,001	?	0,003	--	0,0003	--	--	--	--	0,002	--	0,0015
126	135	»	0,4	0,5	0,001	--	0,06	0,45	0,008	0,004	0,12	?	--	0,1
127	136	»	1,7	0,2	0,002	0,1	0,07	0,2	0,01	--	0,05	--	--	0,015
128	137	»	1,0	0,02	0,002	0,1	0,1	0,15	0,1	--	0,2	0,008	--	0,01
129	138	»	0,8	0,25	0,01	0,05	0,2	0,25	0,07	--	0,5	0,005	>0,001	0,05
130	139	»	2,0	1,0	0,3	--	0,3	0,6	0,07	--	0,5	--	--	0,05
131	141	»	0,5	1,5	0,2	25,0	0,2	0,4	0,02	0,02	0,4	0,03	>0,001	0,15

латвийский (ср. рис. 4 и 5)¹⁷. Известно, что Новгород в XI в. был тесно связан с прибалтийско-финскими племенами и что часть его населения в это время составляла чудь¹⁸. О тесных связях бояр Неревского конца с карелами свидетельствуют сообщения берестяных грамот¹⁹. Еще более красноречиво об этих связях, особенно в раннее время, говорят находки украшений, найденных в слоях X—XI вв.²⁰ Например, булавки с крестообразными и треугольными головками, характерные для эстов²¹. Все это не исключает возможности использования наряду с импортом вещей и рецептов прибалтийских ювелиров. В правильности такого предположения убеждает и бесспорно местное изготовление полуфабрикатов²².

Хотя сплав I типа и продолжает существовать, но наряду с этим появляется новый тип сплава — оловянистые бронзы, и получают большее распространение свинцовистые бронзы. Оба этих сплава в последующие века становятся ведущими. Это позволяет нам считать XII в. временем сложения собственно новгородского набора сплавов. Постоянный рост города, сглаживание «традиционных межплеменных связей, распространение в XII—XIII вв. украшений, характерных только для городского населения»²³, — вот, на наш взгляд, те причины, которые способствовали формированию набора сплавов, постоянно употреблявшихся в XIII—XIV вв. для изготовления украшений (по крайней мере для изготовления проволоки).

Исследование химического состава других категорий вещей из Новгорода даст нам возможность проверить высказанные предположения, а также получить более полную картину истории освоения сплавов новгородскими ювелирами.

A. A. Konovalov

ETUDE DE LA COMPOSITION CHIMIQUE DES ALLIAGES DE CUIVRE TROUVÉS À NOVGOROD-LA-GRANDE

Résumé

La composition chimique des alliages de cuivre a été étudiée d'après la méthode spectrale sur des morceaux de fil se rapportant aux XI—XIV ss. et récoltés pendant les fouilles à Novgorod-la-Grande (131 épreuves en tout).

Le métal analysé se subdivise en sept groupes dont six représentent des alliages métallurgiques composés et un seul n'est que de cuivre «pur». Les types principaux des alliages, pour les siècles XII—XIII, sont des bronzes à étain; tandis qu'au XIV s. nous trouvons le bronze à plomb. Au XI s. on employait surtout des alliages surcomposés.

Les matériaux analysés ont donné la possibilité d'observer de dynamisme de la composition des ingrédients pour les alliages, caractéristique surtout pour Novgorod-la-Grande et ayant un recueil de recettes original.

¹⁷ Отсутствие многокомпонентных сплавов III типа, а также оловянистых бронз не дает нам возможности считать это важнейшей отличительной чертой новгородских сплавов XI в. от прибалтийских. Небольшое количество анализов предостерегает нас от категоричных выводов. Лишь дальнейшее исследование раннего материала даст нам возможность без оговорок ответить на этот вопрос. Однако уже сейчас, на наш взгляд, мы можем отметить, что основной отличительной чертой новгородского материала является наличие свинцовистых бронз, которые не известны в Прибалтике ни в I, ни во II тысячелетии.

¹⁸ В. Я. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 374—375.

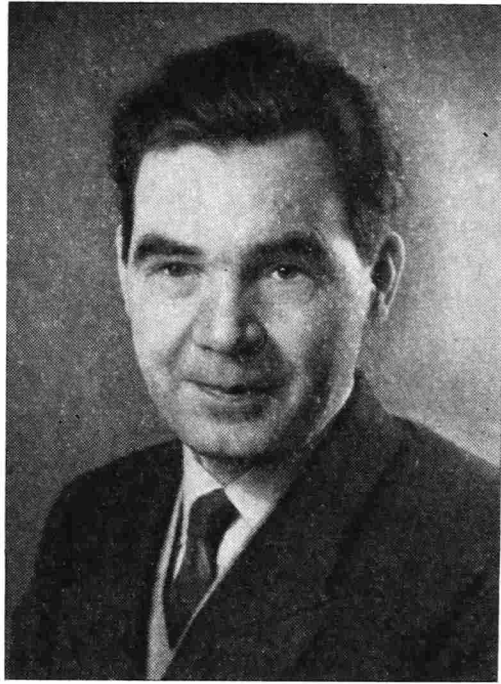
¹⁹ А. А. К о н о в а л о в. Географические названия в берестяных грамотах. СА, 1967, 1, стр. 90.

²⁰ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, 65, 1959, стр. 261.

²¹ Там же, стр. 238—240.

²² К выводу о местном производстве большинства украшений приходит и Н. В. Рындина. Н. В. Р ы н д и н а. Ук. соч., стр. 266.

²³ М. В. Седова. Ук. соч., стр. 261.

ПАМЯТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА ЛЯПУШКИНА

23 сентября 1968 г. от нас навсегда ушел Иван Иванович Ляпушкин — крупнейший археолог-славист, труды которого составят эпоху в истории славянской археологии.

Иван Иванович родился 4 ноября 1902 г. в слободе Савруха Самарской губернии (ныне Куйбышевский обл.) в семье крестьянина-кузнеца. В 1914 г. он поступил в школу, однако в 1920 г. вынужден был прервать учение. В 1920—1924 гг. Иван Иванович работал школьным учителем, инструктором школ в Поволжье и Фергане, а в 1924—1926 гг. служил в рядах Красной Армии. В 1927 г., окончив подготовительные курсы, Иван Иванович поступил на историческое отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена и в 1930 г. окончил его «с рекомендацией на научную работу». Тяжелое заболевание (туберкулез) не позволило Ивану Ивановичу остаться в Ленинграде, и он уехал преподавать историю на Южный Урал, в г. Мпасс.

В 1935 г., вернувшись в Ленинград, Иван Иванович поступил в аспирантуру ГАИМК — ИИМК, где с 1937 г. начал работать под руководством М. И. Артамонова над темой «Славяно-русские поселения на Дону и Тамани по археологическим данным» и в 1940 г. защитил ее в качестве кандидатской диссертации. В июне 1941 г. в связи с резким обострением туберкулеза Иван Иванович выехал из Ленинграда в Поволжье и в 1943 г. присоединился к Елабужской группе ИИМК, с которой в 1945 г. вернулся в Ленинград. 7 июня 1961 г. Иван Иванович защитил докторскую диссертацию.

Как явствует из этой краткой биографии, Иван Иванович пришел в археологию лишь в возрасте 33 лет, в 1935 г. И, начиная с этого момента, вся его деятельность была посвящена разработке единой большой и важной темы — истории славян Восточной Европы накануне и в процессе сложения древнерусского государства. Иван Иванович продуманно и целеустремленно двигался в своей работе от более узких тем к более широким, от известного к неизвестному, сосредоточив все внимание на узловых проблемах.

В своей кандидатской диссертации и ряде работ довоенного времени Иван Иванович доказал ранее высказанные М. И. Артамоновым положения о том, что славяне появились как серьезная сила в степном Подонье

и на Тамани лишь в конце X в., а не были здесь, как считали многие исследователи, автохтонным населением.

Позднее, в 1949—1951 гг., в связи с работами Волго-Донской экспедиции Иван Иванович вновь вернулся к этой теме и уточнил ряд своих положений, а также выдвинул подтверждающую ныне гипотезу о разделении салтовской культуры Подонья (т. е. культуры ближайших соседей славян на юго-востоке) на две культуры — аланскую и болгарскую.

Расширяя область своих исследований, Иван Иванович начал в 1940 г. заниматься вопросом появления славян на территории Днепровского лесостепного левобережья — одной из важнейших составных частей Киевской Руси. Сплошное обследование бассейна реки Ворсклы, полевые изыскания на уже известных ранее памятниках других районов левобережья и планомерные раскопки отдельных поселений, относящихся к различным культурно-хронологическим группам, дали Ивану Ивановичу огромный археологический материал, тщательное изучение которого привело его к убеждению, что славяне в эпоху железа на территории Днепровского левобережья впервые появились не ранее рубежа VII—VIII вв. и что в этой области в эпоху железа существовали три периода прочной оседлости (скифская эпоха VII—III вв. до н. э., черняховская культура III—IV вв. и славянские и салтовские памятники VIII—X вв.), генетически связанные друг с другом.

Подробно анализируя добытый им археологический материал и рассматривая его на широком фоне других археологических культур Восточной и Центральной Европы, Иван Иванович в двух монографиях («Городище Новотроицкое», МИА, № 74, 1958, и «Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа», МИА, № 104, 1961) твердо обосновал ряд положений, чрезвычайно важных для истории всего славянства, среди которых следует отметить положение о единой и монолитной общеславянской культуре VI—VII вв., о том, что накануне образования государства первичной социально-экономической ячейкой восточного славянства была уже не большая патриархальная семья, не родовая община, а община соседская, состоящая из отдельных небольших семей, ведущих довольно обособленное хозяйство, о достаточно высокой по уровню своего развития славянской культуре в Восточной Европе в VIII—IX вв., на базе которой и сложилась культура древнерусского государства.

Одновременно Иван Иванович выдвинул также ряд серьезно обоснованных гипотез. Среди них гипотеза о заселении Днепровского левобережья славянами с запада, о движении части славянских племен в VI—VII вв. из Подунавья на правобережное среднее Поднепровье.

Особо следует отметить, что уже в 1956 г. Иван Иванович в печати высказал предположение, устно сформулированное им в специальном докладе еще в 1953 г., что ранние славянские памятники VI—VII вв. существуют на территории к западу от Днепра. Чрезвычайно интересна смелая гипотеза Ивана Ивановича о первоначальном членении единой славянской культуры до великого расселения славян не на западный и восточный варианты, как полагают многие исследователи, а на северный и южный. Ряд интересных предположений выдвинул Иван Иванович и в отношении археологических памятников эпохи раннего железа и римского времени.

Уже после кончины Ивана Ивановича вышла в свет его последняя, обобщающая работа «Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства», МИА, № 152, 1968, в которой он дает сводку огромного археологического материала по истории славянства, развивает и подробно обосновывает ряд выдвинутых им ранее положений и гипотез и дает широкую и достоверную картину истории и жизни славян Восточной Европы. В этой же работе Иван Иванович предполагает, что в верхнем Поднепровье, ранее заселенном балтами, славяне появляются лишь в VIII—IX вв. и что достоверные погребальные памятники северо-восточ-

ного славянства следует искать не среди длинных курганов и сопок, а среди маленьких круглых курганов VIII—IX вв.

В целом можно сказать, что Иван Иванович создал стройную концепцию исторического развития славянства в VI—IX вв., решил вопрос о соотношении славянской культуры VI—IX вв. со многими более ранними и синхронными культурами оседлого населения Восточной Европы и наметил основные пути дальнейшего изучения славянства.

Иван Иванович блестяще раскопал ряд памятников эпохи железа и среди них Новотроицкое городище, до сих пор единственное целиком раскопанное и образцово опубликованное славянское поселение, ставшее ныне источником, без которого не может обойтись ни одно серьезное исследование по истории славянства накануне и в процессе образования государств.

Не занимаясь специально теоретическими изысканиями, Иван Иванович попутно сделал очень многое для понимания того, что такое «археологическая культура», и для разработки вопроса о соотношении археологической культуры и этноса.

Все сказанное выше не исчерпывает значения Ивана Ивановича для советской археологии.

Иван Иванович был ученым, который всегда говорил правду — правду, основанную на анализе всех доступных фактов, на применении продуманной методики изучения этих фактов, на длительном вынашивании своих предположений, на проверке этих предположений в спорах и беседах с коллегами. Чтобы сформулировать осторожно и кратко какой-либо вывод, Иван Иванович тщательно прорабатывал огромный материал. Но зато уже однажды «выстраданную» истину Иван Иванович защищал упорно и бесстрашно, ни разу не покрывив душой.

В ряде работ наших археологов многие самые ценные положения и гипотезы возникли в результате бесед с Иваном Ивановичем, на основе метких замечаний и указаний, на которые он был так щедр, или же в результате чтения его работ. И не раз многие скороспелые идеи отбрасывались, не выходили в свет, не приносили вреда, потому что мысль о том, что поспешность и недобросовестность не укроются от глаз Ивана Ивановича, останавливала исследователей. Все мы, коллеги, друзья и товарищи Ивана Ивановича, всегда чувствовали на себе его критический взгляд, боялись его строгой оценки. Высоко ценили мнение Ивана Ивановича и многие зарубежные археологи.

Во всех тех, кто в то или иное время был учеником или сотрудником Ивана Ивановича или просто часто общался с ним, живет его честное и требовательное отношение к долгу ученого, к науке, научному факту, методике исследования. Многие из нас, археологов-славистов, сознательно или бессознательно применяют его приемы исследования, работают в русле тех идей и проблем, которые разрабатывались и намечались в первую очередь им, в нас живет его цельный образ, дисциплинирующий всю нашу научную работу.

И поэтому можно сказать, что многие из нас — ученики школы Ивана Ивановича Ляпушкина, школы острых и узловых проблем, тщательно исследуемых с привлечением всех доступных фактов и на базе продуманной методики, школы смелых, но обоснованных гипотез.

Группа товарищей

ПАМЯТИ ХАРРИ АЛЬБЕРТОВИЧА МООРА

2 мая 1968 г. археологов Эстонии постигла незаменимая утрата: после тяжелой, продолжительной болезни оборвался жизненный путь Харри Альбертовича Моора, доктора исторических наук, академика Академии наук Эстонской ССР, профессора, заслуженного деятеля науки Эстонской ССР. В его лице эстонская, а тем самым и вся советская археология потеряла не только выдающегося ученого, лучшего знаатока древнейшей истории Советской Прибалтики, но и замечательного человека — скромного, глубоко гуманного, преданного своей науке и своему народу.

Х. А. Моора родился 2 марта 1900 г. в Эхавере Йыгеваского района Эстонской ССР. С 1920 по 1925 г. он был студентом Тартуского университета и изучал археологию, историю, этнографию и историю искусства. Основанную тогда впервые при Тартуском университете кафедру археологии занимал видный финский ученый А. М. Тальгрэн, вдохновлявший своих слушателей широтой выдвигаемых им проблем. Такая широта мысли вместе с глубоким знанием материала стали характерными и для исследований Х. А. Моора. Подготавливая молодых эстонских археологов, А. М. Тальгрэн взял на себя и общую организацию археологического изучения Эстонии. При университете был основан Кабинет археологии, который руководил полевой практикой студентов, работами по учету и описанию памятников, подготовкой их охраны.

Во всех этих работах активно участвовал Х. А. Моора, который уже тогда выделялся среди студентов своей даровитостью и обширными познаниями. В 1921 г. А. М. Тальгрэн взял его себе в помощники в Кабинет археологии на должность консерватора. Первые свои научные статьи, созданные на основе семинарских работ, Харри Альбертович опубликовал, будучи еще студентом.

После окончания Университета со степенью магистра философии Х. А. Моора был оставлен при Университете для подготовки докторской диссертации. Это — капитальный двухтомный труд по памятникам раннего железного века Латвии до середины I тысячелетия н. э. («Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr.» I—II, Tartu, 1929, 1938), где материал охвачен на деле значительно шире, так что эта работа является по названному периоду основной для всей Прибалтики.

С 1927 г. Х. А. Моора был привлечен к педагогической деятельности при Университете. С 1930 г. он стал исполнять обязанности профессора и заведующего Кабинетом археологии, в 1938 г., после защиты докторской диссертации, его избрали ординарным профессором археологии, а в 1940 г. и деканом философского факультета.

Со студенческих лет Х. А. Моора включился в работу научных обществ и организаций. Временно входил он в состав редакции «Исторического журнала», позже был членом правления Эстонского народного музея (теперь Государственный этнографический музей), и пр.. Особенно же тесно его деятельность была связана с Ученым эстонским обществом, членом правления которого он был с 1926 г., а председателем с 1936 г. и до конца существования этого общества. В 20—30-х годах он часто бывал в научных целях за границей: в Восточной Пруссии, Скандинавии, а также в Советском Союзе, где он работал в музеях Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов.

За этот период как в местных изданиях, особенно в изданиях Ученого эстонского общества, так и некоторых зарубежных появляется ряд статей Х. А. Моора по отдельным вопросам археологии Прибалтики. Из обобщающих работ по древнейшей истории Эстонии отметим «Die Vorzeit Estlands (Tartu, 1932) и основную часть изданного под его же редакцией I тома «Истории Эстонии» («Eesti Ajalugu» I. Tartu, 1935). Под редакцией Х. А. Моора и при значительном его участии в 1939 г. был опубликован сборник статей по итогам впервые проведенных на территории Эстонии систематических раскопок городищ («Muistse Eesti linnused», с резюме «Les fortresses préhistoriques de l'Estonie». Tartu, 1939).

После восстановления советского строя в Эстонии в 1940 г. Х. А. Моора некоторое время занимал должность заместителя министра просвещения, но вскоре мы видим его опять при Тартуском государственном университете как профессора — руководителя кафедры археологии. Перед Харри Альбертовичем, который уже и раньше внимательно следил за методикой и достижениями советской науки, стояла теперь задача перестроить археологические исследования в Эстонии на основах марксистско-ленинского понимания исторического развития. Работа была прервана фашистской оккупацией Прибалтики. Оккупационными властями Х. А. Моора был переведен в Таллин на место исполняющего обязанности директора Исторического музея.

После освобождения Эстонии Х. А. Моора вернулся на свое место профессора при Тартуском государственном университете, которое он занимал до 1950 г. В 1948—1949 гг. он был также деканом историко-филологического факультета.

С основанием Академии наук ЭССР и Института истории при ней Х. А. Моора в 1947 г. был приглашен на место заведующего сектором археологии (позже — археологии и этнографии) этого института. В 1957 г. его избирают действительным членом Академии наук Эстонской ССР.

Работе в секторе археологии и этнографии Института истории Х. А. Моора посвятил всю остальную часть своей жизни. Под его энергичным руководством уже на первой сессии ИИМК, посвященной вопросам археологии Советской Прибалтики (Ленинград, 1949), выступили все молодые работники сектора, а Харри Альбертович в своем докладе изложил основные задачи, стоящие перед археологами Прибалтики. Вторая сессия по той же тематике состоялась в 1951 г. в Тарту, где организатором ее был сам Х. А. Моора. Вскоре он опубликовал и первые сводные работы по древнейшей истории Эстонии, дающие новую периодизацию и марксистскую переоценку ее (в однотомнике «Истории Эстонской ССР» 1952 г., II изд. 1958 г., в I томе трехтомника в 1955 г. на эстонском, в 1961 г. — на русском языке).

Х. А. Моора не отказывал в своей помощи никому, кто в ней нуждался. Когда после войны кадры эстонских этнографов сильно сократились, он взял на себя ответственную задачу руководства и этой отраслью науки. Он

вел при университете семинар по этнографии Прибалтики для молодых специалистов и как член ученого совета Эстонского народного музея принимал самое активное участие в направлении его деятельности. В дальнейшем, когда при секторе археологии Института истории была организована небольшая группа этнографов, под его редакцией и при его сотрудничестве были изданы сводные работы этнографического содержания «Эстонская народная одежда XIX и начала XX века» (1957, на эстонск. яз.; 1960, на рус. яз.) и «Abriss der estnischen Volkskunde» (Таллин, 1964), предназначенный главным образом для участников VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 г.

Значительно сократилось после войны число археологов и в Латвийской ССР. Х. А. Моора и здесь поспешил на помощь. Он принял участие в составлении и редактировании соответствующих глав «Истории Латвийской ССР» (Рига, 1952) и написал сводную работу о первобытно-общинном строе и раннем феодальном обществе на территории Латвийской ССР (на латышском языке. Рига, 1952). Х. А. Моора был руководителем, неотъемлемым консультантом и оппонентом многих латышских, а также и литовских археологов.

Под руководством Х. А. Моора работа сектора археологии и этнографии велась в тесном контакте с соответствующими институтами как Академии наук СССР, так и академий Прибалтийских союзных республик, в сессиях которых он активно участвовал. В составе советских делегаций он принимал участие в международных конгрессах доисторических и раннеисторических наук в Гамбурге и Праге, являясь членом их постоянного совета, а также во II Международном конгрессе финно-угроведов в Хельсинки в 1965 г.

Постепенно расширяется и углубляется тематика исследований как самого Харри Альбертовича, так и руководимого им сектора. Вопросы расселения древних племен Прибалтики уже давно привлекали его внимание. Открывшиеся с основанием Академии наук ЭССР более широкие возможности для проведения раскопок были использованы для исследования поселений и городищ, от которых можно было ожидать много новых материалов для разрешения этих вопросов. Крупнейшие раскопки производил Харри Альбертович на городище Лыхавере Вильяндиского района. Они были начаты уже в 1936 г. и закончились после некоторого перерыва в 1962 г. В ходе работ Х. А. Моора неизменно развивал и уточнял методику раскопок и делился своим опытом с сотрудниками сектора. В 1955 г. под главным редакторством Х. А. Моора вышел сборник «Древние поселения и городища», в котором он дает обобщение о городищах Эстонии, связывая их с отдельными этапами социально-экономического развития местного населения. К вопросу о городищах уже всей Прибалтики Х. А. Моора возвращается и позднее, в частности в докладах и лекциях, прочитанных им за рубежом (см. «Einige Ergebnisse der Burgbergforschung im Ostbaltikum», Suomen Museo, Helsinki, 1967). Х. А. Моора еще детальнее вникает в вопросы развития экономики и социальных отношений в Прибалтике. О развитии земледелия он докладывает на II Международном конгрессе финно-угроведов в Хельсинки 1965 г. («Zur älteren Geschichte des Bodenbaues bei den Esten und ihren Nachbarvölkern», Congressus secundus Internationalis Fenno-ugristarum. II). Синтез этих исследований дан в таких замечательных работах, как статья Х. А. Моора «К вопросу об историко-культурных под областях и районах Прибалтики» (совместно с Х. А. Моора, СЭ 1960, 3), и в его последнем, законченном перед самой смертью труде «Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в XIII в. (возникновение феодализма в Прибалтике)».

Много внимания уделил ученый изучению вопросов этнической истории эстонского народа и других народов Прибалтики. Он со всей энергией принимал участие в работе, созданной для этой цели в 1955 г. Институтом этнографии и Институтом истории материальной культуры АН СССР

«Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», настойчиво втягивая в общую работу представителей смежных дисциплин — этнографов, лингвистов, фольклористов, антропологов Эстонии. Вскоре под редакцией Х. А. Моора вышел сборник статей «Вопросы этнической истории эстонского народа» (Таллин, 1956, отдельно на эстонском и на русском языках) с ведущей статьей его самого о сложении эстонского и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Сборник, обративший на себя внимание как в союзной, так и в зарубежной печати, был награжден первой правительственной премией Эстонской ССР. По той же тематике последовали статья Х. А. Моора «О древней территории расселения балтийских племен» (СА, 1958, 2) и новый сборник статей «Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений» (Таллин, 1965).

Вся научная деятельность Х. А. Моора отличается замечательной систематичностью. Во всех его трудах, будь то крупные или мелкие, сочетается глубокая продуманность со строгой логичностью и ясностью изложения. Он решает каждый вопрос не иначе, как с привлечением возможно более широкого материала, нередко опираясь на достижения других отраслей наук, в которые он вникает. Но многосторонность его познаний дает ему возможность и в ограниченном материале открывать новые проблемы.

Такое же отношение к работе он старался передать и своим ученикам. Обладая превосходными педагогическими способностями, он всегда считал одной из своих основных задач подготовку молодого поколения археологов (и этнографов). Он тяжело переживал исключение этих дисциплин из программы Тартуского университета и свой уход оттуда. Однако его педагогическая деятельность на этом не прекратилась. Он перенес ее в сектор археологии и этнографии, где систематически готовил молодых сотрудников. Обсуждение работ в секторе всегда носило характер настоящих семинаров. Х. А. Моора, до крайности требовательный к самому себе, был требователен и к представляемым ему на обсуждение работам, но в то же время он щедро, без всякого мелкого «авторского самолюбия» делился со своими сотрудниками всеми своими познаниями и всеми новыми идеями — а их было у него всегда в изобилии, — направляя их от изучения конкретного материала к широким обобщениям. Можно смело говорить о «школе Х. А. Моора», которую прошло не только молодое поколение археологов, но из которой всегда было что черпать и старшим коллегам. Ее влияние сказывается и на работах по другим дисциплинам (языковедение, этнография, антропология и пр.), с которыми Х. А. Моора имел контакт.

Смерть унесла Х. А. Моора, когда его творческие силы и умение достигли высшей степени и перед ним стояли новые задачи и замыслы. Еще за неделю до смерти он диктовал дополнения к своей последней рукописи. Но к начатой им «Археологии Эстонии» он успел написать только введение. На очереди стояла монография об исследованиях Лыхавереского городища, известного по хроникам как крепость эстонского старейшины Лембиту, павшего в бою с немецкими рыцарями.

На воспитанном им новом поколении эстонских археологов лежит ответственная задача продолжать работу так, чтобы быть достойным памяти своего незабываемого учителя и руководителя.

М. Х. Шмидехельм

Заметки

В. И. КРАСКОВСКИЙ

КАМЕНКА — НОВАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БЛИЗ ОДЕССЫ

Среди позднепалеолитических памятников Одесской области только известная Большая Аккаржа и впервые публикуемая Каменка располагают богатым по количеству и разнообразию форм кремневым инвентарем.

Стоянка Каменка находится в 45 км к северо-западу от Одессы, на левом берегу впадающей в Черное море почти пересохшей речки Барабой. Стоянка была открыта мною в 1964 г. возле села Каменки (бывшее местное название Мангейм), в 700 м от северной его окраины, на мысу, что образован излучиной русла в верховьях долины Барабой. Привожу геологическую характеристику последней, составленную геологом В. С. Новодран (Одесса). Река Барабой, впадающая в Черное море, закладывалась в эпоху великих четвертичных оледенений, врезав свое коренное ложе в отложения мезотического возраста. В настоящее время вследствие пересыхания р. Барабой представляет собой балку со слабо выраженным руслом и многочисленными запрудами. Правый берег р. Барабой выше и круче левого и сложен последовательно снизу вверх: комплексом мезотических песчано-алеврито-глинистых отложений; понтическими известняками, часто образующими уступы протяжением до 100 м и высотой 1,0—1,5 м, из-под которых вытекают источники с хорошей питьевой водой. Верхне-среднеплиоценовые отложения представлены скифскими краснобурыми глинами. Очень часто скифские глины отделяются от понтических известняков прослоями и линзами песка с карпатской (кремневой, кварцевой и яшмовой) галькой. Все эти породы перекрываются эолово-делювиальными лёссами и лёссовидными суглинками. По левому берегу коренные породы в непосредственной близости не обнажаются, они отходят далеко к водоразделам. Делювиальные отложения верхнечетвертичного возраста по правому склону прислонены или только частично закрывают коренные породы. По левому пологому склону они довольно мощным непрерывистым шлейфом покрывают все подстилающие их породы, вместе с тем препарируют погребенный рельеф. В настоящее время делювий частично перекрывает аллювиальные отложения р. Барабой, которые (мощностью 5—6 м) представлены песчано-глинистыми отложениями, содержащими окатанные обломки местных пород и карпатскую гальку (кремнисто-кварцево-яшмовую). В районе стоянки Каменки делювиальный шлейф по левому песчаному склону перекрывает первую надпойменную террасу р. Барабой. Несмотря на значительный размыв, скрытая под делювием первая надпойменная терраса довольно заметно выражена в рельефе. Она прослеживается вдоль склона на протяжении 350—400 м и вверх по склону на 250—300 м. Делювиальный шлейф, где разместилась стоянка, очень полого спускается к пойме.

Территория древнего поселения имеет уклон (1—3°) в западном и южном направлениях, приподнята над поймой на 3—9,5 м.

Стоянка находится под садом и угодьями колхоза «Красная горка». Разведочными шурфами определены стратиграфия почвенного покрова и глубина залегания культурных остатков. В стенках шурфов прослеживались почвенные горизонты различной степени сохранности и мощности. Многократная вспашка смешала перегнойный и переходный горизонты на глубину до 0,50 м. Нижняя граница последнего проходит на 0,50, 0,75, и 0,90 м от дневной поверхности, понижаясь с приближением к бровке погребенной террасы. Ниже уровня вспашки можно наблюдать постепенную смену переходного горизонта лёссовидными суглинками.

Кремневый инвентарь происходит от сборов после вспашки. Единичные экземпляры добыты из лёссовидного суглинка на глубине 0,53 и 0,66 м. Видимо, основная масса инвентаря залегала в переходном горизонте почвы до глубины 0,50 м. Вероятно, культурные остатки первоначально были погребены в толще лёссовидного суглинка, накопленного делювиальными процессами. Однако с началом почвообразования разрушенные продукты аккумулятивного горизонта сносились в пойму, а иллювиальный горизонт, углубляясь, достиг уровня залегания инвентаря памятника.

Нашими обследованиями 1964—1966 гг. с площади распространения 38 тыс. м² получено 1235 палеолитических кремней (почти все собраны на поверхности). Судя по остаткам окатанной и желвачной корки, сырьё добывалось из днестровских галечников. Ближайшие из них расположены возле районного центра Беляевка, в 20 км от стоянки. Использовался меловой, мелкозернистый, полупрозрачный, светло- и темносерый кремль. Степень патинизации различная.

Не исключена возможность того, что отдельные кремни, собранные на стоянке, имеют древнепалеолитический и мезолитический возраст. Но основная масса кремневого материала (1203 экз.) монолитная, бесспорно позднепалеолитическая. Это нуклеусы, пластины, пластинчатые отщепы, отщепы, орудия и отходы производства. Можно наблюдать подготовку нуклеусов (расколотые желваки и гальки), а также различные стадии их сработанности — от начальной до предельной. Нуклеусов 164 (13,6%), среди них можно выделить призматические одно- и двухплощадочные — 106 экз., подпризматические одно- и двухплощадные — 20, кубические — 3, конические — 18, клиновидные — 4, дисковидные — 1 и атипичные — 12 экз. (рис. 1). 39 нуклеусов дополнительно подправлены ретушью по краю ударной площадки и превращены в нуклеидные орудия. Негативы от сколов на нуклеусах соответствуют характеру пластинок и отщепов.

Орудий 230 экз. (19% всего кремневого инвентаря). Наиболее многочисленны концевые скребки (33 экз.; рис. 3, 1—19, 21—23). В большинстве случаев они короткие и широкие. Следует упомянуть один типичный ладьевидный скребок и три двойных концевых скребка (рис. 3, 21). К скребкам примыкают 12 скребловидных орудий, изготовленных из кусков кремня (рис. 3, 20, 24), и 15 выемчатых орудий, изготовленных из пластинок, сечений пластинок и из отщепов, имеющих ретушь вдоль рабочего края (рис. 2, 21—31). Резцов 22 экз. (рис. 3, 25—33). В большинстве своем они близки к нуклеидным формам (рис. 3, 27—30), изготовлены из крупных кусков кремня случайных форм и частично из сечений пластинок. Среди резцов встречаются также боковые (8 экз.), боковые со скошенным ретушированным концом (2 экз.), угловые на сечениях небольших пластинок (3 экз.) и срединные многофасеточные (3 экз.).

К резцам мы относим и шесть орудий на небольших мысообразных выступках кусков кремня. Налицо несколько комбинированных орудий: скре-

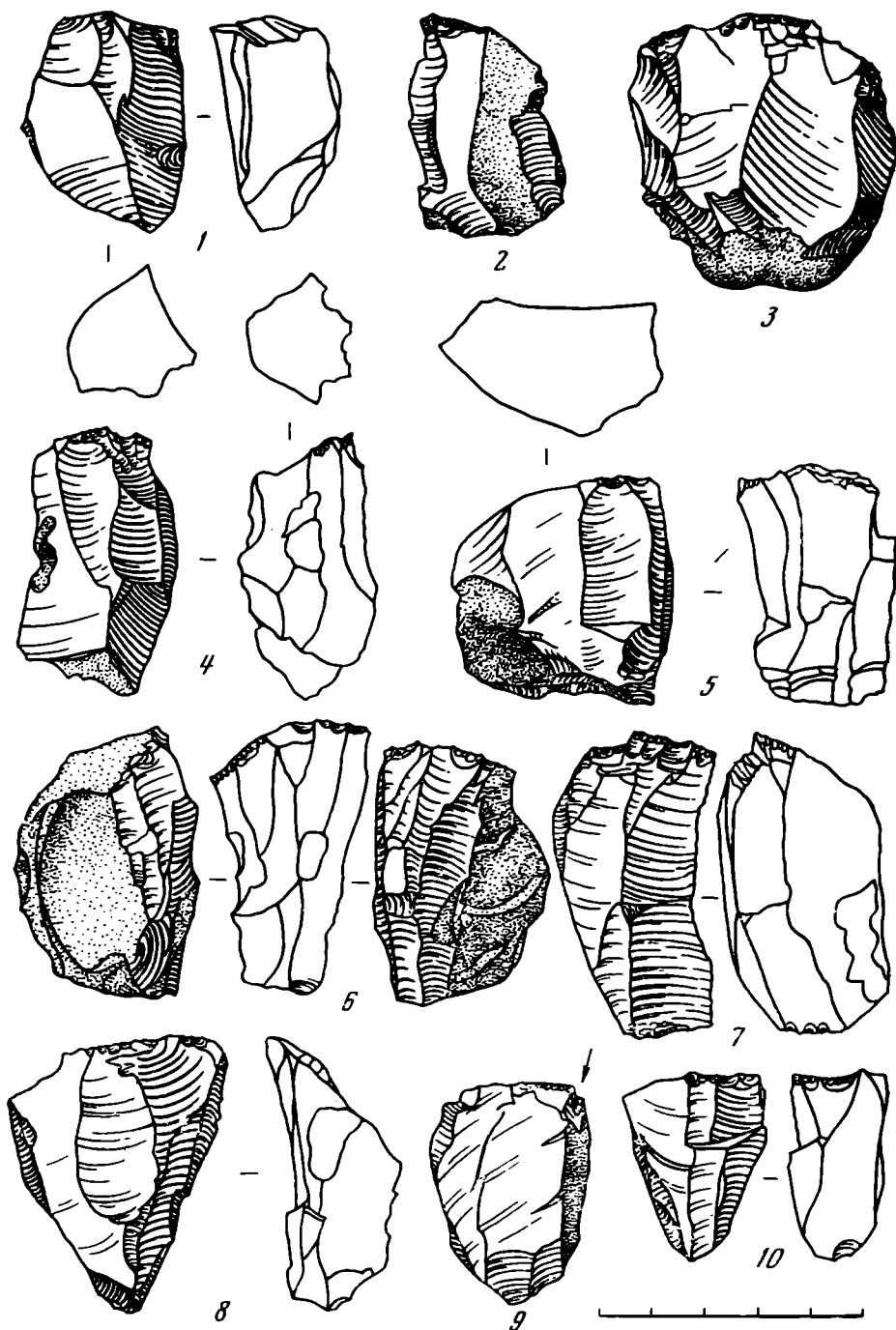

Рис. 1. Каменка. Нуклеусы

бок — срединный резец, скребок — желобчатая стамеска, скребок — острие со скошенным концом.

Удлиненных пластин 152 экз. (13%; рис. 2, 2—17). Среди них целых только 24 экз.; они достигают 4—9 см длины. Основная масса — фрагменты пластинок: некоторые из них носят следы ретуши по краю. Отщепов 159 экз. (13%, рис. 2, 1, 18—20). Они частично отколоты в результате первичной оббивки кремневых желваков и галек (21 экз.), а главным образом сколоты с нуклеусов (138 экз.). В поперечнике они имеют 1,3—4,5 см; один достигает 6,8 см. Типологически промежуточное положение между пластинками и отщепами занимают пластинчатые отщепы, их 60 экз. (5%). Техниккой скалывания и ограничением спинки они подобны пластинкам, но отличаются от последних укороченными размерами.

Упомянем еще четыре гальки из мелкозернистого песчаника, которые, судя по следам ударов на концах и узкой стороне, использовались в ка-

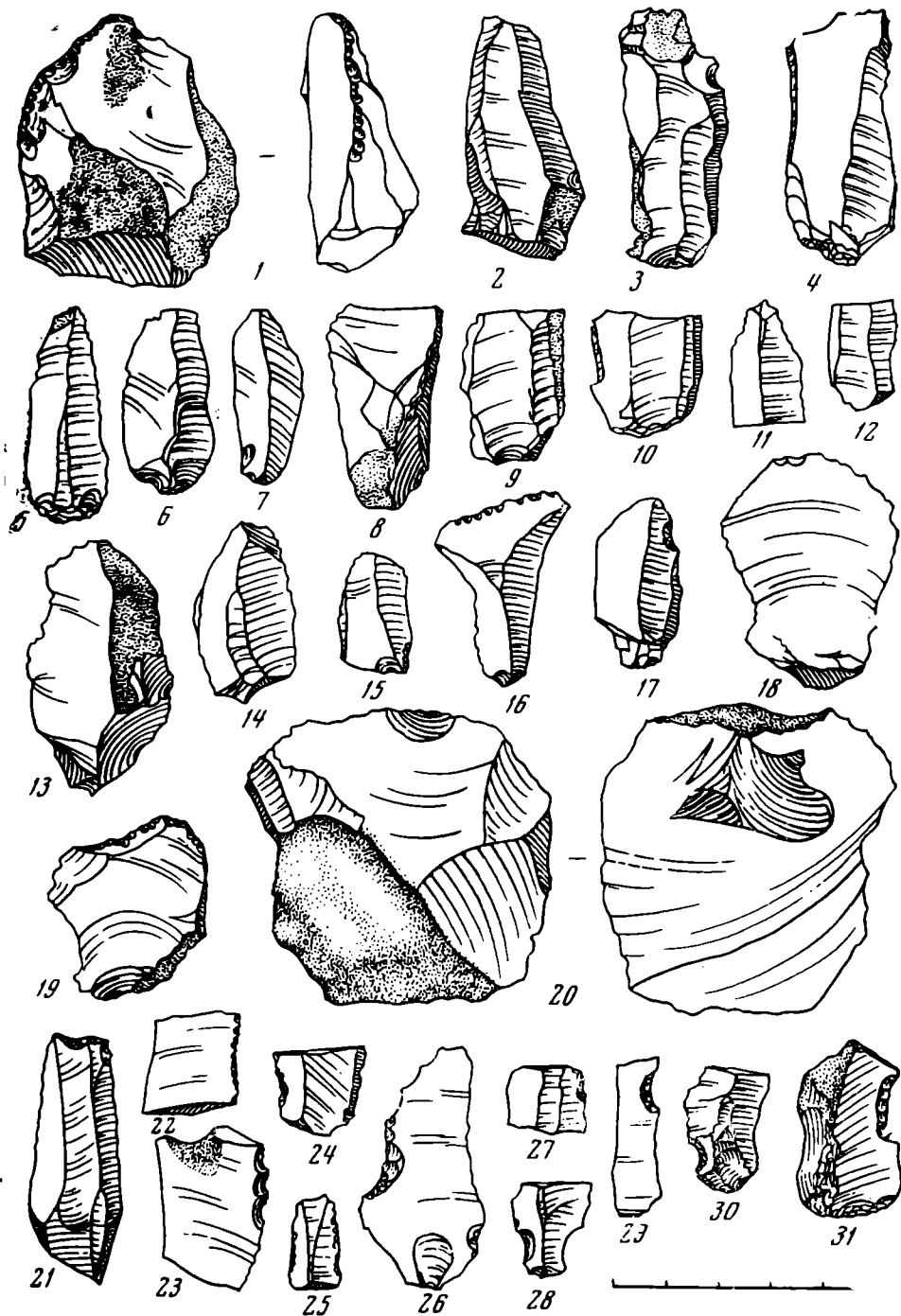

Рис. 2. Каменка. Пластины (2—17), отщепы (1, 18—20), пластины с ретушью и выемчатые орудия (21—31)

честве отбойников. Подобный отбойник обнаружен и на стоянке Большая Аккаржа. Аналогии этим орудиям прослеживаются также в стоянке Молдова V (VIII горизонт)¹. К отбойникам можно отнести и нуклеидный кусок кремня, имеющий несколько участков звездчатой забитости. Две продолговатые гальки, также из мелкозернистого песчанка, светлорыжевого цвета и окатанный плоский кусок плотного понтического известняка бурого цвета, судя по сглаженным поверхностям, служили терочниками.

Сравним теперь материалы Каменки и Большой Аккаржи.

1. Обе позднепалеолитические стоянки открытого типа являются местом первичного раскалывания кремня.

2. Процент нуклеусов по отношению к общему количеству кремней: Каменка — почти 14%, Большая Аккаржа — 3%.

¹ О. П. Черниш. Палеолитична стоянка Молдова V. Київ, 1961, стр. 43.

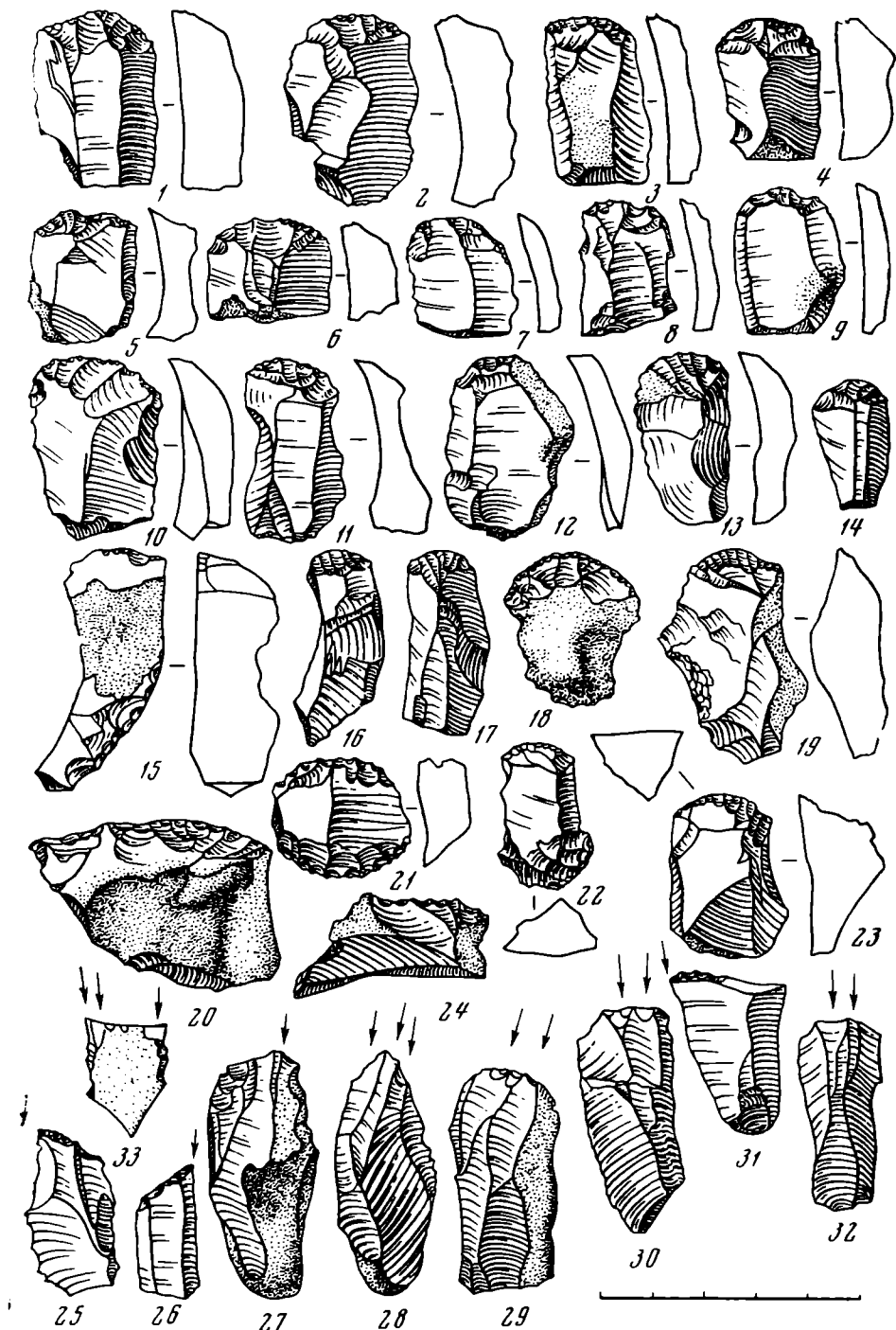

Рис. 3. Каменка. Концевые скребки (1—19, 21—23), скребловидные орудия (20—24) резцы (25—33)

3. Длина нуклеусов: Каменка — 3—6 см, есть экземпляры свыше 7 см; Большая Аккаржа — 3—5 см, свыше 6 см отсутствуют.

4. Большая Аккаржа: ударная площадка нуклеусов расположена к плоскости скалывания под острым углом; Каменка: то же лишь у $\frac{2}{3}$ нуклеусов, у остальных — под прямым углом.

5. Каменка: много нуклевидных орудий и наличие орудий на нуклеусах; Большая Аккаржа: почти полное отсутствие нуклевидных орудий.

6. Каменка: почти полное отсутствие пластинок с притупленным краем; Большая Аккаржа: эти пластинки — наиболее многочисленная, ведущая форма орудий.

7. Процент орудий по отношению к общему количеству кремней: Каменка — 19, Большая Аккаржа — около 3.

8. Резцы Каменки в основном изготовлены на нуклевидных кусках кремня; резцы Большой Аккаржи — на сломанных пластинках и отщепах, редко встречаются нуклевидные, многофасеточные.

Приведенное сравнение свидетельствует о том, что в материалах Каменки и Большой Аккаржи отсутствует сходство и что памятники эти различны по происхождению и возрасту. Они относятся в общем к концу позднего палеолита, причем Каменка древнее Большой Аккаржи.

Позднепалеолитический комплекс Каменки выразительно представляет выявленную на нем культуру. Поиски аналогов для него уводят далеко за пределы Одесской области. Набором инвентаря с внешне архаическими чертами, обилием нуклевидных орудий типа рабо (скобелей), резцами различных типов на неопределенных кусках кремня, набором концевых и двойных скребков на укороченных сечениях пластин Каменка тяготеет к таким памятникам, как Костенки II, Костенки III, Студеница, Кирилловская (нижний культурный слой) и ряд других, которые в разных вариантах представляют раннемадленское время. Интересно отметить, что стоянка Амвросиевка как бы объединила в себе черты Каменки и Большой Аккаржи: с одной стороны, нуклеусы, превращенные в рабо, наличие нуклевидных орудий, атипичность и архаизм резцов; с другой — широкое применение пластинок с притупленным краем. Наличие характерных признаков двух различных памятников в третьем можно положить в основу хронологического ряда Каменка — Амвросиевка — Большая Аккаржа на пути развития позднего палеолита Северного Причерноморья.

Нашими разведками 1964 г. в 2,5 км от Каменки, близ с. Васильевка, тоже на левом берегу Бараболя, обнаружено позднепалеолитическое местонахождение Васильевка I, доставившее кремневый инвентарь, очень близко напоминающий Каменку. По соседству обнаружено еще шесть пунктов, сохранивших следы пребывания позднепалеолитических людей.

И. Р. СЕЛИМХАНОВ, Р. М. ТОРОСЯН

МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРЕВНЕЙШИХ МЕТАЛЛОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ

За последние годы отмечается все возрастающая роль анализа древних металлов в решении некоторых весьма важных для археологии вопросов. Как на яркий пример укажем на территорию Закавказья, где ряд памятников III тысячелетия до н. э. в свое время был неправильно отнесен к энеолитическим, а вся культура их определена «куро-аракским» энеолитом¹. Проведенный позже количественный спектральный анализ металлических предметов, найденных на этих памятниках, равно как и других объектов металлургического производства — литейных форм, шлака, остатков литья, показал существование уже в III тысячелетии до н. э. достаточно развитой ступени медной металлургии, когда металл получался путем его выплавки из руд и минералов². Исследования показали также, что уже в это время на территории Закавказья производились медно-мышьяковые сплавы, и поэтому отнесение памятников III тысячелетия к меднокаменной эпохе явилось ошибочным.

Основываясь на результатах этого анализа, ряд видных исследователей пересмотрели свою прежнюю точку зрения, перенесли «энеолитические» памятники Закавказья к эпохе ранней бронзы³. В то же время еще немало

¹ Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и кур-аракский энеолит. ВГМГ, XII, 1964.

² И. Р. Селимханов. К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа. СА, 1960, 2, стр. 89—102.

³ А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры. КСИА АН СССР, 1963, 93, стр. 3—14; К. Д. Кушнарёва, Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. СА, 1963, 3, стр. 10—24.

недоразумений продолжает вносить неправильное осмысливание отдельными археологами результатов анализов древних металлических изделий, что также объясняется недостаточными познаниями в области металлургии, геологии и геохимии. Особенно это относится к найденным в нахичеванском Кюль-Тепе металлическим изделиям, отнесенным на основании результатов их анализа к энеолиту⁴. Разумеется, нельзя определять эпоху памятника лишь на основании данных химического или спектрального анализа найденных там металлических предметов.

Известно, например, что предметы из меди без намеренных приплавов встречаются и в бронзовом веке, а отдельные находки мелких предметов из меди еще не доказывают принадлежность изучаемого памятника к меднокаменной эпохе. Кроме того, во время длительного пребывания в почве или вне ее в древнем медном сплаве происходят физико-химические процессы, ведущие к количественным изменениям в его химическом составе, которые неравномерны для присутствующих примесей⁵.

В результате этого процентное соотношение элементов-примесей в древних медных сплавах может даже не совсем отвечать его первоначальному составу. Это тем более относится к металлам, определение химического состава которых производилось на основании анализа проб, отобранных из образованных солей этих металлов или же их окислов (обычно красно-бурого цвета).

Однако вернемся к вопросу определения эпохи нижнего, т. е. 1-го, слоя поселения на холме Кюль-Тепе в Нахичевани, для определения энеолитического времени которого решающим было признано изучение химического состава найденных там семи металлических изделий. Напомним, что первоначальный анализ проб, отобранных с поверхности зеленых наслоений солей, показал присутствие в трех из них 0,2; 0,4 и 0,7% мышьяка, а в четырех остальных он отсутствовал. На этих данных основано неправильное мнение, что «эти предметы изготовлены из чистой меди» (так как якобы в тех предметах мышьяк является естественной примесью руды). а следовательно, весь рассматриваемый культурный слой относится к «энеолиту»⁶. Проведенный же в лаборатории Института истории АН АзербССР количественный спектральный анализ проб, отобранных с более глубокой зоны предметов, представляющих собой смесь окислов бурого цвета, показал присутствие в двух из них более 1% мышьяка, а один содержит даже 1,6% никеля⁷.

Полученные результаты показывают, что металлы IV тысячелетия до н. э. на территории Закавказья являются продуктом довольно развитой для того времени медной металлургии. Разумеется, подобная металлургия меди не могла существовать в энеолите.

Сказанное выше подтверждают результаты исследования металлических предметов, найденных недавно археологом Р. М. Торосяном в поселении Техута. Оно находится в 3 км к югу от г. Эчмиадзина, на невысоком естественном холме. Во время раскопок поселения были обнаружены круглые в плане жилища (2,5—3,5 м в диаметре) и подсобные сооружения — ямы. Стены построены из прямоугольного сырцового кирпича с примесью рубленой соломы (размер кирпичей 10×30×40 см). Полы и стены покрыты глиняной обмазкой, на которой местами сохранились остатки красной краски, по-видимому, охры. На полу в центре одного жилища находился небольшой камень с односторонней гладкой поверхностью со следами грубой обработки. Вокруг этого камня обнаружены недоделанные каменные и костяные изделия, что указывает на существо-

⁴ О. А. Абибуллаев. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане. СА. 1963, 3, стр. 157—168.

⁵ E. R. Caley. Analysis of Ancient Metals. «Pergamon Press», LTD, 1964.

⁶ О. А. Абибуллаев. Ук. соч.

⁷ И. Р. Селимханов. Металлургия Закавказья в IV—III тысячелетиях до н. э. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (Тезисы докладов)», Баку, 1965, стр. 19—21.

вание в то время на данном месте мастерской. Восточнее рассматриваемого камня находились остатки хозяйственного очага в виде скопления угольков, а у стены — остатки культового очага.

Орудия, найденные в жилищах, изготовлены из камня (кремня, обсидиана, базальта), кости и изредка из металла.

Из кремня и обсидиана сделаны ножевидные пластинки с односторонней или двусторонней обработкой, а также резцы, проколки и др.

Костяные предметы — проколки, шилья, мотыги, скребки и др. изготовлены из трубчатых костей животных. Большой интерес представляют мотыга и рукоятка кремневого ножа, сделанные из костей.

Идентичные каменные и костяные изделия найдены во многих ближневосточных памятниках, в том числе в северомесопотамских раннеземледельческих культурах.

Керамику Техута по составу глины можно разбить на три основные группы: 1) сосуды из глины с примесью песка; 2) сосуды из глины с примесью соломы; 3) сосуды из относительно чистой глины.

1. Сосуды с примесью песка изготовлены от руки, имеют очень грубо обработанную поверхность, на которой видны крупные зерна песка. В отдельных случаях поверхность этих сосудов «облицована» тонким слоем сравнительно чистой глины, иногда заглаженной и несколько залощенной. Но, несмотря на подобную «отделку», поверхность сосудов этого типа осталась очень грубой и бугристой. В результате неравномерного обжига их поверхность имеет разные оттенки цветов, от темно-коричневых до светло-красных. Характерно, что на внешних и внутренних поверхностях некоторых из них сохранились следы тканей, запресовавшихся на глине.

2. Сосуды с примесью соломы также изготовлены от руки. Они имеют сравнительно хорошую лощеную ровную и гладкую поверхность. В изломе цвет их ровный. Внешняя поверхность облицована тонкой глиной, которая была предварительно перемешана с рубленой соломой. Цвет этой группы сосудов желтый, коричневый и темно-красный.

3. Образцы третьей группы керамических изделий резко отличаются от массовой керамики, обнаруженной в Техута. Они изготовлены очень аккуратно, хорошо обожжены и до блеска залощены. Цвет их поверхности кремовый, розовый и красный. Следует полагать, что они попали в Техут из позднехалафских и северообейдских памятников.

Наибольший интерес представляет расписная керамика, которая по своим мотивам и узорам близка позднехалафской и обейдской. Как на внешних, так и на внутренних поверхностях этих сосудов красными, коричневыми и черными красками вычерчены волнистые, зигзагообразные линии, висячие полукруги, ромбы и треугольники с сетчатым заполнением. Сравнительное изучение археологических объектов Техута, имеющих аналогии с «энеолитическими» памятниками Древнего Востока и Армении, дает возможность датировать это поселение V—IV тысячелетиями до н. э.

До настоящего времени в Техуте были найдены три металлических предмета. Два из них — это обломки «шильев» (одно с ушком). Третий предмет по виду напоминает плоский ножик, но он мог также служить и наконечником копья (рис. 1).

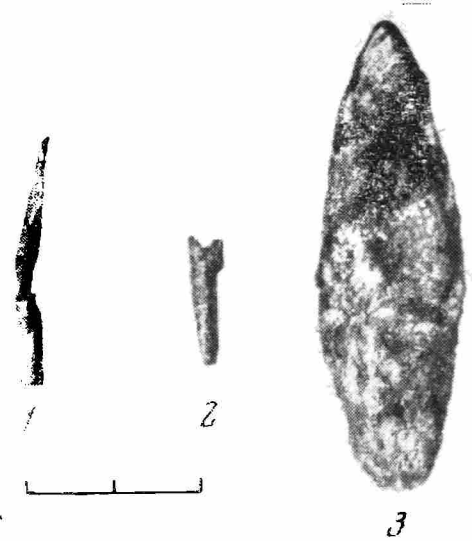

Рис. 1. Металлические изделия из Техута (V—IV тыс. до н. э.)

1 — обломок шила с ушком; 2 — обломок четырехгранного шила; 3 — плоский нож

«Обломки шпльев» оказались в таком окисленном состоянии, что изучение их микроструктуры очень затруднительно. Тем не менее предположение, что оба они представляют собой фрагменты одного и того же шила, что микроструктурой их не подтверждается (рис. 2).

В несколько лучшем состоянии оказался «ножик»; его микроструктура показала кованный некристаллизованный металл.

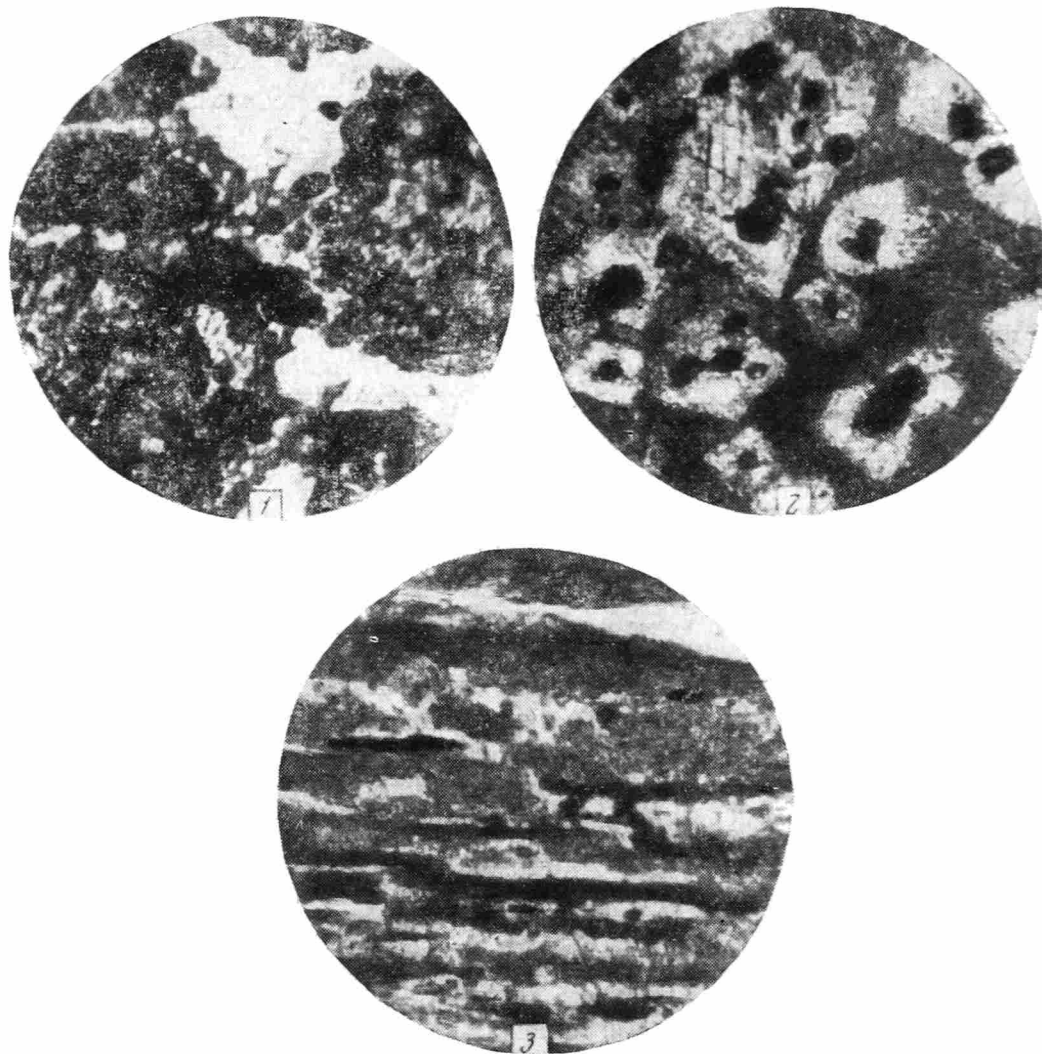

Рис. 2. Микроструктура металлических изделий из Техута.

I — обломок четырехугольного шила; *II* — обломок шила с ушком; *III* — нож

Плохое состояние «обломков» заставило нас ограничиться анализом лишь одного из них. Отобранная проба состояла из металла с его окислами. В «ножке» же из-за столь малой величины и массы мы не решились трогать металлическую часть, ограничившись анализом его зеленой «патины». Количественный спектральный анализ показал следующие данные процентного содержания элементов:

Таблица 1

	Cu	Sn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P	Рис. N
Обломок шила	Основа	0,02	0,07	3,6	0	0,18	0	0,025	0,1	0	0,05	0	2/1
Ножик	»	0,01	0,01	5,4	0	0,001	0	0	0,002	0	1,1	0	2/3

Мы видим здесь повышенные примеси мышьяка при незначительных примесях остальных характерных элементов.

Значит, в V—IV тысячелетиях до н. э. уже применялись медно-мышьяковые сплавы, а не чистая медь. Содержание 3,6 и 5,4% мышьяка явно говорит о его намеренном внесении в медь. Следовательно, уровень металлургических познаний у населения Закавказья V—IV тысячелетий до н. э. был уже довольно высоким, если не считать металлические предметы привозными ввиду того, что еще не были найдены какие-либо другие изделия, которые бесспорно доказывали бы их местную технологию.

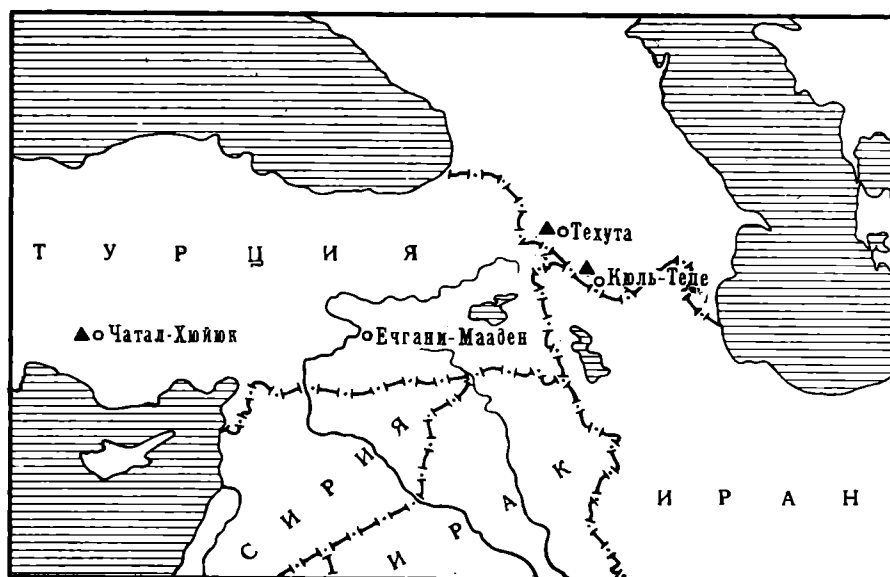

Рис. 3. Карта древнейших металлических находок в Закавказье и Малой Азии

Таким образом, несомненен факт бытования в V—IV тысячелетиях до н. э. медно-мышьяковых, а не чисто медных предметов.

В течение длительного времени металлические предметы из Тепе-Сялк в Иране (4500—4000 лет до н. э.) считались наиболее древними. Это были и медные изделия, и серебро⁸.

За последние годы на территории Ирака, Турции и Ирана металлические предметы найдены на более ранних памятниках, начиная от IX тысячелетия до н. э.⁹ Результаты их исследования вносят серьезные коррективы в представления о первом появлении металла и началах металлургии.

Чрезвычайно интересны находки металлических изделий в многослойном «неолитическом» поселении в Чатал-Хюйюк на плоскогорье Конья в Турции¹⁰. Они были найдены в погребениях горизонта «VI», датированном второй половиной VII тысячелетия до н. э. Раскопки показали ограниченное использование в быту населением этого периода керамических изделий; основным материалом для изготовления посуды служило дерево, употреблялись и плетеные корзины. Obsidianовые предметы также представлены широко.

Найденные там металлические изделия состоят из бусин, колечек, привесок из меди и свинца, а также кусочков «руды», найденных в одном из

⁸ T. A. Wertime. Man's First Encounter with Metallurgy. «Science», December 4, 1964, 146, 3649, стр. 1257—1267.

⁹ C. S. Smith. Metallographic Study of Early Artifacts Made from Copper. Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, Massachusetts, U.S.A. Paper presented at XI International Congress of the History of Science, Poland, August 24—29, 1965.

¹⁰ J. Mellaart. Excavations at Calal Hüyük, 1963, Third Preliminary Report, AS, XIV, 1964.

жилш. Автор раскопок Д. Меллаарт передал четыре обломка медных бусин и «руды» на исследование в лабораторию Венского Доисторического Института, где они были подвергнуты спектральному анализу с грубой количественной оценкой содержания примесей¹¹.

Результаты этого анализа, которые мы цитируем из литературы, см. на таблице 2.

Таблица 2

Объект исследования	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe
Проба 1	Основа	0	?	0	?	0	Сл.	0	0	?	0	Сл.
Проба 2	»	0	?	0	?	0	»	0	0	?	0	»
Проба 3	»	0	?	0	?	0	»	0	0	?	0	»
Проба 4	»	0	0	0	0	0	»	0	0	0	0	?
«Руда» (шлак)	»	0	0	Сл.	Сл.	0	?	0	0	Сл.	Сл.	Основа

Авторы исследования утверждают, что бусины изготовлены из самородной меди и это якобы доказывается содержанием в них следов серебра и присутствием мышьяка, никеля, свинца при отсутствии в спектрах линий сурьмы, цинка, висмута и кобальта¹². Однако к данному выводу следует отнестись с большой осторожностью. Как мы отметили выше, из-за плохого состояния металла исследованных бусин приходится считаться с резким изменением количественного содержания элементов-примесей. Некоторые малые примеси металлов при этом могут вообще исчезнуть из сплава.

Изучение микрошлифа пробы 4 показало, что в ней отсутствует металлическая фаза; она состояла из продуктов окисления первоначального металла: внутренняя часть — из красно-коричневой окиси меди, а наружная — из основных медных карбонатных солей неопределенного состава. По строению кристаллов можно заключить, что бусина была изготовлена из медной полоски, которая была завернута спирально.

Сомнения в том, что бусины были изготовлены из самородной, а не из металлической меди, вызываются также результатами исследования пробы, представленной автором раскопок как «руда». Напомним, что она была найдена при раскопках в помещении, где отсутствовали какие-либо следы производства плавки руд.

Исследование, проведенное в Венском институте, показало, что эти «кусочки руды» фактически представляют собой шлак от плавки медной руды. Например, часть кусочков при небольшом увеличении шлифа показала гладкую поверхность сплава с темной пористой подкладкой, что с самого начала указывает на шлак, а не на руду. Снимок же слоя красного расплава, произведенный через бинокулярную лупу с 25-кратным увеличением, также показал характерную пористость, так что естественное минералообразование полностью исключается. Кроме того, и другие петрографические исследования подтвердили, что изучаемые объекты представляют собой металлургический шлак.

Следовательно, на поселении конца VII тысячелетия до н. э. если даже и использовалась самородная медь, то, несомненно, уже существовал металлургический процесс получения меди и, разумеется, свинца. А это означает, что древнейшее использование самородной меди и плавки руд, датировавшееся ранее V—IV тысячелетиями до н. э.¹³, теперь отодвигается более чем на 2000 лет назад.

¹¹ H. Neuninger, R. Pittioni, W. Siegl. Frühkeramikzeitliche Kupfergewinnung in Anatolien. «Archaeologia Austriaca», 35, Wien, 1964.

¹² Присутствие мышьяка, никеля и свинца отмечено знаком вопроса.

¹³ R. J. Forbes. Studies in Ancient Technology. IX, Leiden, 1964, стр. 28—30.

Что же можно сказать о происхождении металлических изделий из Техута? Прежде чем ответить на этот вопрос, напомним, что выяснение источников сырья руд и минералов, из которых был получен древний металл, остается нерешенной задачей науки. Вопросы происхождения древнего металла также должны рассматриваться в свете геологических и геохимических понятий, но нередко они ошибочно решаются без учета процессов формирования отдельных минералов различных зон месторождений. При этом первоначальные месторождения рассматриваются в том же состоянии, как они представлены в настоящее время, что является одной из основных причин ошибочных выводов.

В свое время отдельными исследователями была высказана точка зрения о происхождении медно-мышьяковых предметов из местной самородной меди¹⁴. Однако и это мнение прежде отрицалось¹⁵.

В. А. Пазухин¹⁶, под руководством которого проведены замечательные исследования в этом направлении, также считает происхождение их из самородной меди невероятным.

Значит, для рассматриваемых металлических изделий из Техута можно говорить о происхождении мышьякового металла не из самородной меди и уж во всяком случае не из «окисленной мышьяковой руды», которая в зонах окисления отсутствует. Если не предполагать привоза металла из соседних районов Ближнего Востока, то это доказывает, видимо, существование уже в V—IV тысячелетиях до н. э. довольно развитой медной металлургии. Но для окончательных заключений о местной технологии металлических изделий следует продолжать поиски каких-либо других объектов, доказывающих их местное происхождение. К таким объектам относятся шлак, литейные формы, руды, минералы и остатки литья. Если названные предметы были привозными, то по аналогии с Чатал-Хюйюком подобные находки на памятниках IV тысячелетия до н. э. не исключены.

¹⁴ Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. *Бронзы древней Грузии*. Тбилиси, 1959. стр. 10—14.

¹⁵ И. Р. Селимханов. Ук. соч.

¹⁶ В. А. Пазухин. О происхождении древней мышьяковистой меди. ИАН СССР, 1. 1964, стр. 151—165.

Ю. В. ДЕРЕВЯГИН

СЕЛИЩЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СЕЛЕ ПРИСТАННОМ

В 1964 г. Д. С. Худяковым, Т. Г. Белолипецовой и автором статьи на берегу Волги у северной окраины с. Пристанного Саратовского района Саратовской области было обнаружено разрушенное селище. Фрагменты керамики встречались вдоль берега Волги от левого края оврага вверх по течению реки на расстоянии 300 м. За несколько лет юные краеведы М. Красичков, И. Хлынцов, Л. Сердобинцев, В. Пугаев и др. собрали на поверхности памятника более тысячи обломков глиняной посуды ручной лепки, а также несколько кремневых орудий, костяных и бронзовых изделий. Ежегодно после весеннего паводка вода смывала культурные остатки верхнего слоя и обнажала нижние слои, размывала и разрушала береговую линию; поэтому весь археологический материал был перемешан. В ходе обследования селища нами найдено более 400 венчиков и несколько десятков плоских донцев. Большая часть обломков принадлежит сосудам банкообразной формы, меньшая — сосудам острореберной

формы. Большинство венчиков с прямым или с отогнутым наружу краем, но встречаются также и с загнутым внутрь краем. Толщина стенок сосудов от 0,5 до 1,6 см. В изломе черепки черные, реже желтые. Поверхность черепков черная, серая, желтая или красная. В состав теста

Рис. 1

1, 5—9, 11—14 — керамика; 2—4 — кремневые орудия; 10 — костяная проколка

глиняных сосудов входит шмот, толченый камень, песок, толченая ракушка. В тесте одного венчика с отогнутым наружу краем имеются кусочки красной охры и толченая ракушка. Поверхность этого фрагмента желтая, в изломе черепок черный. Большинство обломков глиняной посуды без орнамента. Несколько фрагментов орнаментировано мелкозубчатым штампом. На одном из них в нижней части сосуда нанесен узор из параллельных линий, выполненных мелкозубчатым чеканом и вдавлениями палочки (рис. 1, 1). Этот сосуд имеет слабо выраженное доньшко. На двух других обломках мелкозубчатым чеканом оттиснут узор в виде елочки. Аналогичный орнамент, выполненный мелкозубчатым штампом, встречается на сосудах в раннесрубных погребениях близ с. Ровное в Саратовской области в кург. № 3, погр. № 1 и 3 и в кург. № 4, погр. № 14¹. Один фрагмент орнаментирован параллельными линиями веревочного штампа (рис. 1, 5). Подобный орнамент имеется на сосуде, найденном в раннесрубном погребении № 4 из кург. № 29 II Бережновского могильника². Несколько фрагментов посуды орнаментировано по плечикам линиями, образующими треугольники (рис. 1, 6). Аналогичная орнаментация сосудов встречается на Втором Сусканском поселении в Среднем Поволжье³, а также на сосуде срубного погребения № 3 из кург. № 35 I Бережновского могильника в Нижнем Поволжье⁴. На одном из обломков кроме прочерченных линий, образующих треугольники, нанесен узор из коротких вдавлений, сделанных концом палочки (рис. 1, 9). Точно такой же узор имеется на сосуде из срубного погребения № 1 из кург. № 9 близ с. Бережновки⁵. На одном из венчиков узор, выполненный оттиском трубочки (рис. 1, 7). Срез венчика орнаментирован нарезками, образующими треугольники. В состав теста этого глиняного обломка подмешана толченая ракушка. Орнамент, выполненный оттисками трубочки, имеется на сосуде в срубном погребении № 8 из кург. № 8 Ровненского могильника⁶. Такой же орнамент встречается и в погребении андронов-

¹ И. В. С и н и ц ы н. Древние памятники Саратовского Заволжья. Археологический сборник. Саратов, 1966, стр. 30, рис. 6, 1, 5; стр. 40, рис. 12, 4.

² И. В. С и н и ц ы н. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 41, рис. 14, 7.

³ Н. Я. М е р п е р т. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958, стр. 84, рис. 4, 2.

⁴ И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 89, рис. 24, 12.

⁵ И. В. С и н и ц ы н. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 113, рис. 44, 7.

⁶ И. В. С и н и ц ы н. Древние памятники Саратовского Заволжья, стр. 32, рис. 7, 2.

ской культуры (погр. 17, мог. 2) могильника Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане⁷. Орнамент в виде заштрихованного треугольника обнаружен на одном из обломков глиняного сосуда (рис. 1, 11). Подобный узор имеется на андроновских сосудах из могильника Тасты-Бутак 1⁸. Один из венчиков украшен круглыми неглубокими ямами (рис. 1, 8), аналогичными узору на керамике с поселения срубной культуры Быково 1⁹. К наиболее позднему этапу срубной культуры относится керамика, имеющая налепной валик, украшенный косыми углублениями или перекрещивающимися нарезками (рис. 2, 1, 2). Аналогичная валиковая керамика встречается в позднесрубных памятниках в погр. № 3 кург. № 15 у с. Быково¹⁰ и на Муранском поселении¹¹. Кроме указанного орнамента некоторые обломки имеют ногтевые вдавления или неопределенные знаки (рис. 2, 5). Некоторые обломки сосудов орнаментированы чеканом, образующим квадратные углубления (рис. 3, 4) подобно узору на сосуде из срубного погребения № 2 кург. № 4 близ с. Новой Молчановки¹². На многих обломках зубчатым штампом проведены продольные и наклонные борозды (рис. 3, 2). Подобный орнамент на сосудах встречается на поселениях эпохи бронзы в Куйбышевском Поволжье¹³.

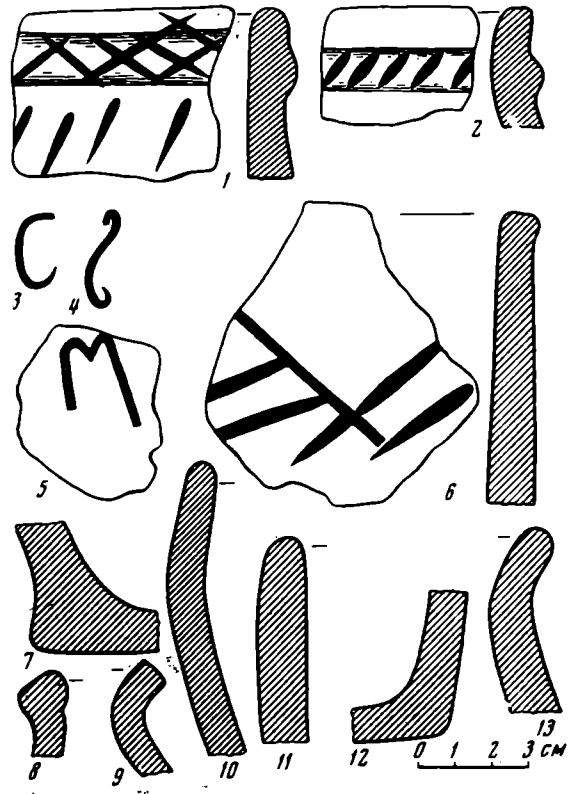

Рис. 2

1, 2, 5—13 — керамика; 3—4 — бронзовые крючки

На селище нами собраны и кремневые орудия. К ним относится прежде всего скребок, сделанный из белого кремня (рис. 1, 3). Такие же концевые скребки были найдены в северной части селища Быково 1¹⁴. Т. Б. Попова относит эту часть селища к эпохе ранней бронзы. Найдены также кремневый скребок черного цвета (рис. 1, 2) и кремневая чешуйка из дымчатого полупрозрачного кремня (рис. 1, 4).

Из костяных изделий имеются две костяные проколки с обломанным концом (рис. 1, 10) и обломок костяного «тупика». Подобные «тупики» известны среди находок на Максютковском поселении срубной культуры¹⁵.

Кроме описанных выше предметов на селище подобраны бронзовые рыболовные крючки (рис. 2, 3, 4), обломки точильных камней, кремневые и кварцитовые отщепы.

Весь комплекс находок на разрушенном селище в с. Пристанном указывает на длительное пребывание здесь людей эпохи бронзы. Первыми

⁷ В. К. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. МИА, 120, 1962, стр. 172, табл. L, 51.

⁸ Там же, стр. 171, табл. XLIX, 46.

⁹ Т. Б. Попова. Памятники срубной культуры в окрестностях села Быково. МИА, 78, 1960, стр. 272, рис. 3, 12.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 78, 1960, стр. 209, рис. 15, 14.

¹¹ Е. А. Алихова. Памятники срубной культуры. МИА, 80, 1960, стр. 114, рис. 4, 4.

¹² И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 131, рис. 49, 5.

¹³ Н. В. Трубникова. Некоторые поселения эпохи бронзы в Куйбышевском Поволжье. МИА, 42, 1954, стр. 30, 31, рис. 7 и 8.

¹⁴ Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 273, рис. 4, 1.

¹⁵ И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА. XI, 1949, стр. 202.

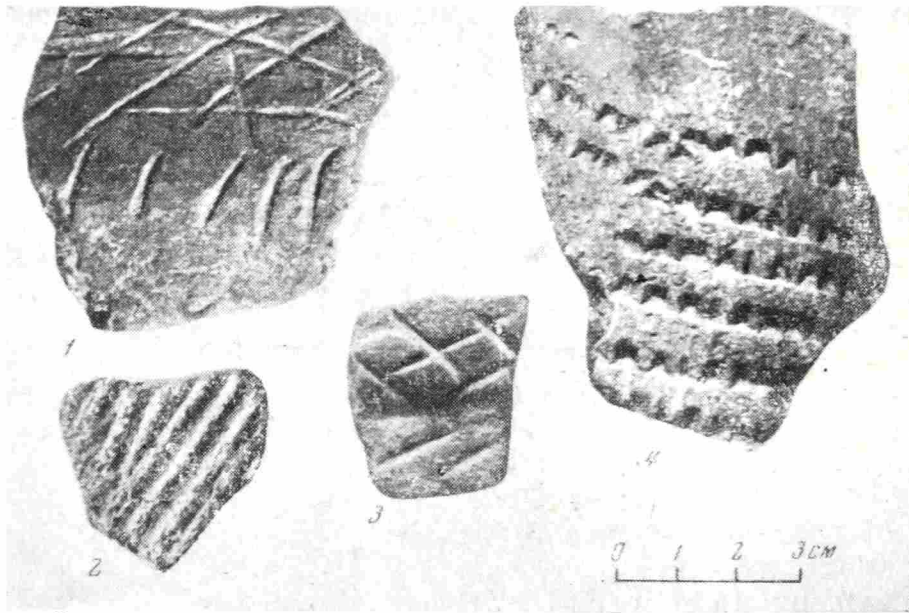

Рис. 3

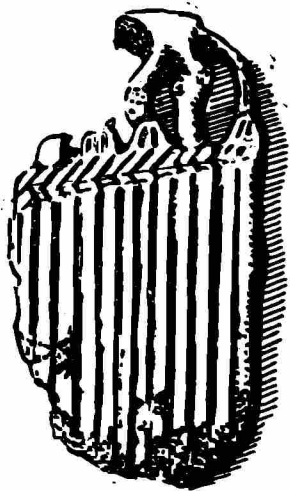
1—4 — керамика

жителями селища были племена раннесрубной культуры (начало II тысячелетия до н. э.). Затем здесь жили в эпоху развитой (середина II тысячелетия до н. э.) и позднесрубной культуры (конец II—начало I тысячелетия до н. э.).

Ю. В. ТИТОВ

БРОНЗОВЫЕ УКРАШЕНИЯ СО СТОЯНКИ ЗОЛОТЕЦ Х

При раскопках стоянки Золотец Х, открытой в 1959 г. в низовье р. Выг Беломорского района Карельской АССР, был найден обломок отлитого из бронзы изделия, не имеющего себе аналогий не только в памятниках Карелии, но и в памятниках других областей. Вероятнее всего, это обломок украшения (рисунок). Он представляет собой плоскую пластину $6 \times 3 \times 0,2$ см. В верхней части пластины видно изображение драконообразной фигуры с изогнутым торсом, с двумя трехпальными конечностями и удлиненной тупой мордой, на которой ясно проступают глазные впадины. Задняя часть изображения не сохранилась. Рядом видна нижняя часть трехпальной конечности и тупая морда другого такого же изображения.

Обломок бронзового украшения со стоянки Золотец Х

Нижняя часть украшения отделена от верхней орнаментом из двух рядов коротких насечек, поставленных под углом друг к другу. Она напоминает собой гребень, но зубья этого «гребня» не прорезаны, а только намечены нарезками с одной стороны. Обратная сторона пластины гладкая.

Поселение Золотец Х относится к эпохе развитой бронзы и датируется по высотным данным и поздней асбестовой керамике началом I тысячелетия до н. э. Найденное при его раскопках бронзовое украшение явно не местного производства. Драконообразное существо, изображенное на нем, заставляет предположить его восточное происхождение.

ВЕРХНЕМУЛЛИНСКАЯ НАХОДКА ТОПОРОВ-КЕЛЬТОВ

В июне 1965 г. учащийся Верхнемуллинской школы П. Келль принес в Пермский областной краеведческий музей два кельта. Оба орудия были найдены в пос. Верхние Муллы Дзержинского района г. Перми. Удалось установить, что в момент находки оба кельта лежали рядом в нижней части размыва низкой надпойменной террасы р. Мулянки, примерно в

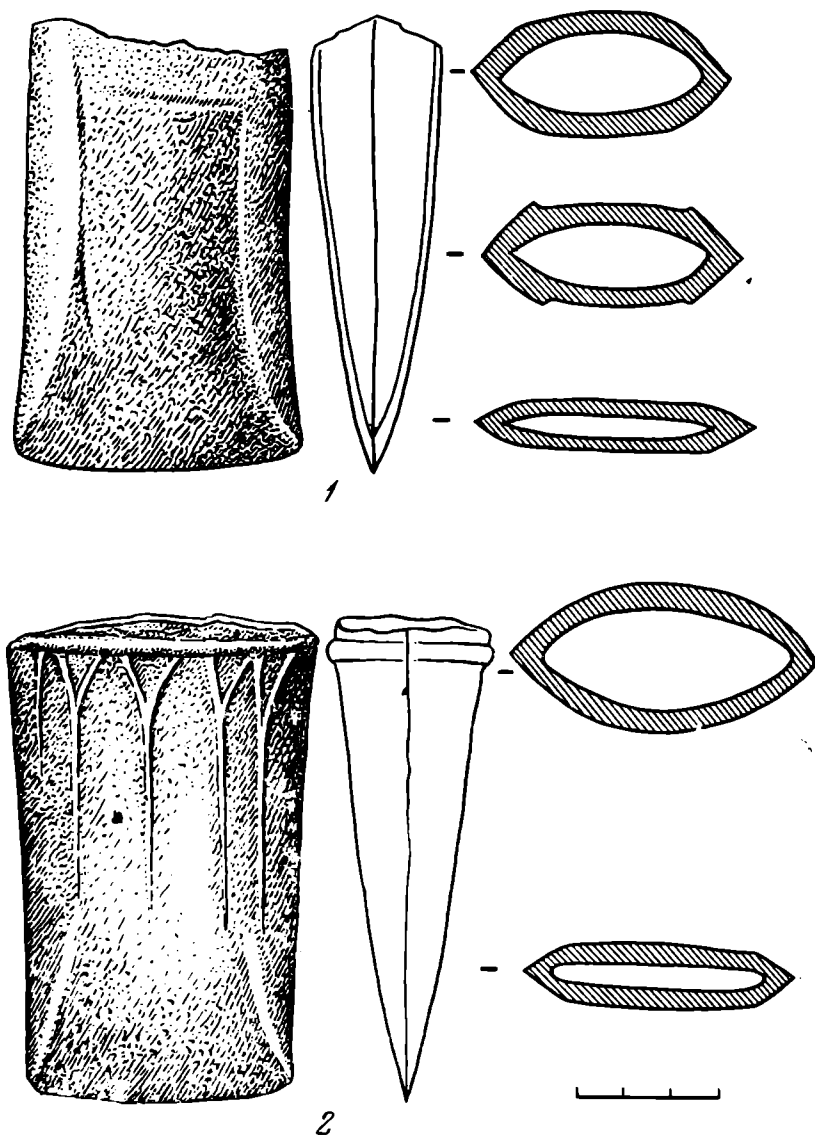

Рис. 1. Верхнемуллинские кельты

75 м выше впадения в нее речки Пыш и в 0,5 м над тогдашним урезом воды. Кельты лежали на поверхности плотного желтого суглинка. Край берегового обрыва возвышался над местом находки примерно на 3,5 м. Нам кажется, что орудия первоначально вряд ли могли находиться на этой глубине. Скорее всего они сползли при размыве террасы к подножью последней из разрушенной водою могилы.

Первый кельт относится к так называемому «турбинскому» типу этих орудий (рис. 1, 1). Он шестигранный в среднем сечении, с округло-овальной втулкой, отчетливо выражена ребристость орудия. Высота кельта 93, ширина втулки 53, ширина лезвия 57, глубина втулки 80 мм. В соотношении ширины втулки и лезвия соблюдены турбинские пропорции: втулка уже лезвия. Однако разница между ними невелика. Обычно

на кельтах из Турбина она прослеживается более отчетливо. Верхнемурлинский кельт в плане приближается к прямоугольнику. Следы орнаментации нечетки. Металл при отливке кельта недолит до края литейной формы, что часто прослеживается и на турбинских кельтах. Это видно из неровного верхнего края орудия и пропорционально небольшой высоты его. Отливка некачественная, пористая. На рис. 2 приведены аналогии этому кельту из материалов Турбинского могильника, который расположен от места находки всего лишь в 20—25 километрах.

Другой кельт несомненно ананьинского типа (рис. 1, 2). Его втулка и верхняя часть имеют линзовидное сечение. В нижней части он шести-

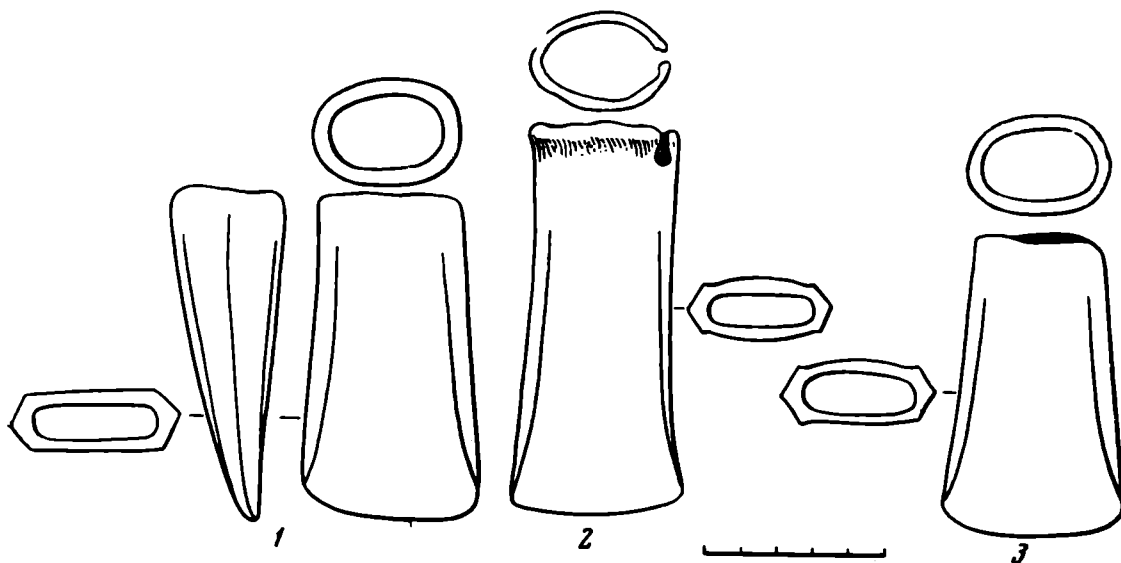

Рис. 2. Кельты из Турбинского могильника
1 — шифр ТурбI/273; 2 — ТурбI/408; 3 — ТурбI/1822

гранен, хотя ребро выражено по сравнению с первым кельтом менее четко. Высота кельта 98, ширина по втулке 62, ширина лезвия 52, глубина втулки не превышает 78 мм. Кельт орнаментирован с каждой стороны пятью спускающимися вниз рельефными линиями. Четыре из них в верхней части раздваиваются и упираются в валик кельта. Орнамент на обеих сторонах кельта сходен и отличается лишь деталями. Качество отливки плотное, хорошее.

Аналогий этому кельту сравнительно немного. Ближе всего по форме, пропорциям и орнаменту ему соответствуют кельты из Зуевского могильника ананьинской культуры (рис. 3, 2—5). Для них характерно линзовидное или шестигранное сечение и пропорции, соответственные кельтам ананьинской культуры — втулка их шире лезвия или равна ему. Но особенно близок орнамент — те же спускающиеся вниз и раздвоенные вверху рельефные линии. Наибольшее типологическое сходство из приведенных нами аналогий по форме и орнаментации обнаруживает кельт из могилы № 37 (рис. 3, 3) Зуевского могильника¹. Укажем, однако, что в других памятниках ананьинской культуры таких близких аналогий нет.

Лабораторией спектрального анализа ИА АН СССР был произведен спектральный анализ металла обеих находок. Результаты его представлены в таблице.

Анализы показывают, что оба кельта фактически являются медными. Лишь медь кельта турбинского типа, легированная оловом до 0,85%, мо-

¹ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Материалы ГАИМК; 2, Л., 1933, стр. 11, табл. 1, 9.

жет в какой-то степени претендовать называться бронзой. Кельт же ананьинского типа изготовлен из очень чистой меди с незначительным количеством примесей.

Последний кельт по набору примесей к меди отчетливо связывается с местными медистыми песчаниками. Медь эта широко распространена среди многих культур Поволжья и Приуралья². Широкие анализы металла ананьинской культуры не делались. Поэтому оценить степень сходства металла этого кельта с другими изделиями этой культуры сейчас невозможно.

Тип кельта	Cu	Sn	Pb	Fe	Ag	Sb	Bi	As	Mn	Au	Ni
Турбинский	Основа	0,85	0,05	0,15	0,01	0,005	0,008	0,05	0,007	0,001	0,007
Ананьинский	»	0,005	—	0,05	0,004	—	—	?	—	—	0,0025

Металл кельта турбинского типа более сложен, и месторождения руд для его выплавки не могут быть определены с той же легкостью. Е. Н. Черных была проведена работа над анализами металла Турбинского могильника. Больше всего соответствий металл этого кельта имеет среди изделий I группы (оловянистые бронзы), предположительно связанной с восточными (сибирскими) рудными источниками. Однако сходство это неполное. Поэтому мы ограничимся лишь выводом о том, что химический состав решительно отвергает происхождение металла кельта из местных прикамских руд.

Верхнемуллинская находка, демонстрирующая сосуществование (повидимому, весьма кратковременное) кельтов раннеананьинского и турбинского типов, подтверждает скорее взгляды, высказывавшиеся в советской археологической литературе в 40—50-х годах, когда было принято считать, что сейминско-турбинские кельты и копья послужили типологической основой для ананьинских орудий сходных форм. Яснее всего эти взгляды были выражены А. В. Збруевой³ и поддержаны Б. Г. Тихоновым⁴. Их же ранее придерживался и О. Н. Бадер⁵.

В последние годы дата сейминско-турбинских древностей была опущена О. Н. Бадером до XVI в. до н. э. и ограничена началом XIV в.⁶ Между памятниками этого типа и ранним ананьинским образовался разрыв примерно в 600 лет. Одним из оснований такого занижения хронологии явилось неправомерное удревнение даты Бородинского клада. Однако специальное исследование даты Бородинского клада⁷ и отчасти Сейминского и Турбинского могильников не подтвердили фактических оснований подобного удревнения. Хронологически лимитирующими для сейминско-турбинских памятников, если основываться на признании для них в качестве импульсивных некоторых восточных центров, должны быть древности ананьинского Китая, которые датируются в самом широком значении, даже если смешивать различные хронологические системы, временем от XIV до XI в. до н. э.⁸ Не выдерживает критики и дата Бородина —XVI—

² Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы, М., 1966, стр. 73—75, 140—142, табл. XIV.

³ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 95, 108, 109.

⁴ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 41—42.

⁵ О. Н. Бадер. Усть-Гайвинский могильник и Подгремячинское местонахождение. УЗ. ПГУ, IX, 3, Харьков, 1953.

⁶ О. Н. Бадер. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964, стр. 148.

⁷ В. А. Сафронов. О дате Бородинского клада. Доклад на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР 13 ноября 1965 г.

⁸ В. Karlgren. Some Weapons and Tools of the Jin Dynasty. BMFEA, 1945, 17; H. Dubs. The Date of the Shang Period, T'oung, Pao, XL, 1951.

XV вв. Балканские и дунайские аналоги заставляют датировать клад не ранее XIV—XIII вв., а может быть, и XIII в. до н. э.

Появляясь в Прикамье и Приуралье, по-видимому, в XIV в. до н. э. население, оставившее могильники типа Турбина, Сеймы и Усть-Гайвы, дает начало местным традициям в изготовлении кельтов и втульчатых копий. Их отражение мы и видим в ананьинской культуре. Сказанным мы стремимся показать, что совместная находка этих кельтов не случайна, она не противоречит общему процессу развития металлических форм в Приуралье, а подтверждает его, иллюстрируя сосуществование в некий момент кельтов турбинского и ананьинского типов.

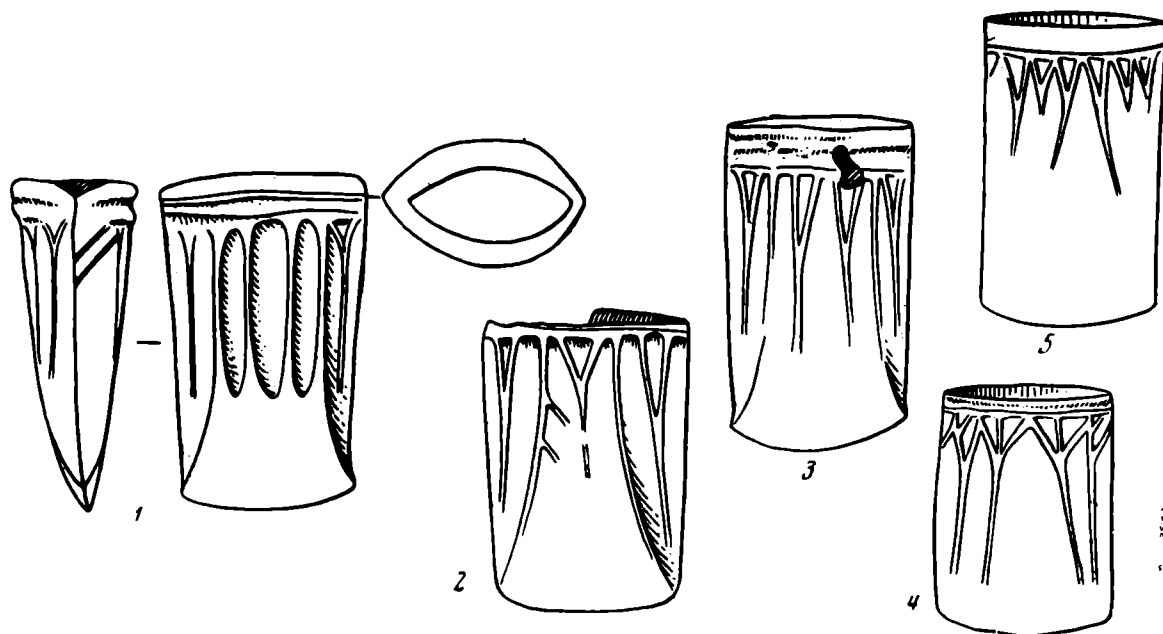

Рис. 3. Кельты из Дербеденевского клада и Зуевского могильника

1 — Дербеденевский клад; 2 — Зуевский могильник, мог. 1; 3 — то же, мог. 37; 4 — то же, мог. 144; 5 — то же, мог. 72

К сожалению, пока не существует детально разработанной хронологии различных типов турбинских и ананьинских кельтов. Некоторые из упоминаемых нами ананьинских кельтов Зуевского могильника А. В. Збруева приводила для демонстрации их генетической связи с сейминско-турбинскими орудиями.⁹ Этим как будто признавался ранний возраст ряда погребений Зуевского могильника. Однако основную часть могил этого памятника А. В. Збруева относит к эпохе среднего ананьина (V—III вв. до н. э.), не упоминая о ранних.¹⁰ Следует помнить, однако, что могил в могильнике 220 и это один из самых больших некрополей культуры. Поэтому мы вправе ожидать среди его захоронений и более древних.

О достаточно раннем возрасте приведенных орудий Зуевского могильника свидетельствует один из кельтов Дербеденевского клада¹¹, определяющего собой, по-видимому, конец эпохи бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. В форме этого кельта можно видеть несомненные черты, предвосхищающие появление здесь собственно ананьинских кельтов (рис. 3, 1). Та же линзовидная втулка, более широкая, чем лезвие, свисающие рельефные валики. В одном случае они даже раздваиваются в верхней части. Отличие в том, что на центральных плоскостях дербеденевского кельта имеются глубокие бороздки, отделяющие полосы друг от друга.

⁹ А. В. Збруева. Ук. соч., стр. 109, табл. XXIII, 10—13.

¹⁰ Там же, стр. 29, 42.

¹¹ Хранится в историческом музее г. Уфы, инв. № БКМ / ИО-3045/3.

Этой же чертой он отличается от верхнемуллинского кельта. Итак, вероятно, верхнемуллинское и зувские орудия невозможно, исходя хотя бы из этих предварительных соображений, отрывать от начала ананьинской культуры в Прикамье.

Что касается кельта турбинской формы, то здесь вопрос решается несколько легче. В своих ранних работах О. Н. Бадер считал, что неорнаментированный кельт из Усть-Гайвы предшествует ананьинским кельтам. Однако в последние годы, как мы уже писали, он изменил свои взгляды на характер развития этих форм и объявил неорнаментированный упрощенный кельт наиболее ранним орудием этой категории.¹² По мере развития он, по мысли О. Н. Бадера, усложняется за счет формы и орнамента, приходя к кельтам со свисающими треугольниками и ромбами.

Однако проверка этой гипотезы методом горизонтальной стратиграфии показала, что последняя ошибочна. В самой нижней части Турбинского могильника на его северной периферии лежали не кельты развитых форм с богатой орнаментацией, а неорнаментированные орудия упрощенных форм¹³. Один из них приводится нами на рис. 2, 2 (мог 84). Вероятнее всего, процесс развития форм кельта шел от сложного к упрощенному. Значит, и верхнемуллинский кельт должен происходить из позднейшей серии орудий этого типа. Напомним читателю, что последняя находка отличается от турбинских форм тем, что у нее соотношение между размерами лезвия и втулки несколько отличается от турбинского и приближается к ананьинскому. Этот факт также не противоречит позднему возрасту первого верхнемуллинского кельта.

Предварительно же мы можем отнести верхнемуллинские кельты к переходному времени от поздней бронзы к раннему железу. В абсолютных цифрах находка может быть датирована рубежом II—I или началом I тысячелетия до н. э.

¹² О. Н. Б а д е р. Древнейшие металлургии..., стр. 146.

¹³ Е. Н. Ч е р н ы х. К изучению металлургии.

В. И. САРИАНИДИ

ТЕРРАКОТОВАЯ ГОЛОВКА С УЛУГ-ТЕПЕ И ЕЕ МЕСОПОТАМСКИЕ ПРОТОТИПЫ

В первый же раскопный сезон 1967 г. на поселении Улуг-Тепе около Душака, в слоях времени Намазга III была найдена терракотовая головка женской статуэтки. Она вылеплена от руки из глины красного цвета, хорошего качества и обжига. Схематичное «птичье» лицо украшено нацарапанными миндалевидной формы глазами с наклепными зрачками — стиль хорошо известный для южнотуркменистанской терракоты первой половины III тысячелетия до н. э. Тем больший интерес представляет довольно сложная наклепная прическа, резко контрастирующая с примитивно вылепленным, едва намеченным лицом. Спереди от лба к затылку прочерчена прямая линия, своего рода пробор, разделяющий волосы на две пряди; лицо с обеих сторон обрамлено своеобразной «укладкой» в виде двух рядов локонов. Именно эта прическа выделяет головку с Улуг-Тепе среди всех известных из Южного Туркменистана. Действительно, все статуэтки времени Намазга I—II, как правило, не имеют причесок, и лишь единичные экземпляры, происходящие из Геокюрского оазиса, сохранили высокие головные уборы. Только начиная с периода Намазга III в Южном Туркменистане появляются терракотовые статуэтки, головки которых

украшены налепными косами, s-образными завитками¹ и даже рядами горизонтальных валиков — буклей².

Все эти стилистические новшества можно было бы полностью отнести за счет творчества местных короoplastов, однако ряд данных как будто бы предостерегает от столь прямолинейного вывода. В самом деле, именно в период Намазга III отмечаются бесспорные эламо-месопотамские влияния в мелкой терракотовой пластике Южного Туркменистана³, что особенно ярко прослеживается в появлении ранее вообще неизвестных статуэток «воинов»⁴. Последние, хотя пока и не находят параллелей в месопотамской терракоте, по форме близко напоминают золотой шлем Мескаламдуга из гробниц Ура⁵.

Еще в большей степени на это указывает и рассматриваемая головка с Улуг-Тепе. Ее прическа, не находящая абсолютно никаких местных прототипов, вместе с тем обнаруживает убедительные аналогии в антропоморфной скульптуре Месопотамии, и в первую очередь в хорошо известной головке из святилища Э-анна в Уруке⁶.

Если сравнивать их между собой, то на первый взгляд здесь нет ничего общего. С одной стороны, великолепная урукская головка — шедевр реалистического искусства Месопотамии, а с другой — условно трактованное лицо статуэтки с Улуг-Тепе, в котором вообще с трудом прослеживаются человеческие черты. Но именно на фоне этого разительного контраста особенно выпукло проступает то сходство, которое дает право сопоставлять их между собой. Это в первую очередь касается одинаковой формы причесок — пробор, идущий от лба к затылку, тщательно уложенные волосы, образующие прямую горизонтальную линию над лбом, и два ряда волнистых локонов, обрамляющих лицо. Сходство настолько прямое, что не оставляет сомнений в правомерности сопоставления их между собой.

В свою очередь, каменная головка из Урука, по мнению специалистов, является продуктом чисто месопотамской художественной школы⁷, так что можно предполагать стилистическое влияние, идущее из Двуречья в среду южнотуркменистанских короoplastов. Это предположение находит теперь убедительное подтверждение и в терракотовой пластике Месопотамии. Имеется в виду головка, найденная на поверхности селения Чоха Маами в бассейне р. Днала⁸, которая по своему художественному исполнению занимает как бы промежуточное положение между реалистической головкой из Урука и предельно условной с Улуг-Тепе (рис. 1). Здесь опять-таки показательна в первую очередь специально нарисованная прическа в виде прямого пробора и «укладки» из двух рядов локонов, обрамляющих лицо с обеих сторон. Уже Дж. Оатс тонко подметила эту характерную стилистическую деталь, которая имеется на лицевых рисунках начиная с керамики самарского времени и продолжается вплоть до каменных головок Хафаджа и Урука⁹. Видимо, подобная характерная форма прически имеет в Месопотамии глубокие корни, что свидетельствует о сложении этого стиля именно в среде местных короoplastов. Вместе с тем лишь головки с Урука, Чох Маами¹⁰ и Улуг-Тепе имеют прямые проборы и «укладку» из

¹ В. М а с с о н. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, рис. 27; В. И. С а р и а н и д и. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. САИ, Б 3—8, М., 1965, стр. 33, табл. XX, 4; XXIV, 2.

² Фонды Ашхабадского музея.

³ В. М а с с о н. Ук. соч., стр. 424—426; В. И. С а р и а н и д и. Ук. соч., стр. 37.

⁴ И. Х л о п п и н. К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана. СЭ, 1960, 5, стр. 93

⁵ В. И. С а р и а н и д и. Ук. соч., стр. 38.

⁶ M. M a l l o w a n. Early Mesopotamia and Iran. London, 1965, стр. 50.

⁷ S. L l o y d. The Art of the Ancient Near East. London, 1961, стр. 43.

⁸ I. O a t e s. First Preliminary Report on a Survey in the Region of Mandali and Badra. XXII. Baghdad, 1966, стр. 56—58.

⁹ I. O a t e s. Ук. соч., стр. 57, табл. II, III, IV.

¹⁰ Там же.

двух рядов локонов, и эта стилистическая деталь протягивает вполне определенную линию связи между ними.

Очевидно, что есть все основания считать головку с Улуг-Тепе предметом, изготовленным под воздействием месопотамской короластики. Не противоречат этому и хронологические рамки — обе головки из Месопотамии относятся к периоду не позднее Урук III¹¹, а экземпляр с Улуг-Тепе датируется временем никак не раньше периода Джемдет Наср. Однако остаются не вполне ясными конкретные формы этого воздействия,

Рис. 1.

а — мраморная головка из Урука; б — терракотовая головка из Чоха Маами; в — терракотовая головка с Улуг-Тепе

хотя анализ головки с Улуг-Тепе дает основания для предварительных выводов.

Судя по археологическим данным, туркменистанская статуэтка не является импортом из далекой Месопотамии, а вышла из рук местного короласта. Особенно важно то, что при ее изготовлении мастер все внимание уделил трактовке прически в ущерб более тщательной отделке самого лица. Хотя мы и не знаем, как выглядела вся статуэтка, но очевидно, что в целом именно этот признак имел главное значение в ее общем иконографическом образе.

Как полагают, мраморная головка из Урука принадлежала статуе почти в человеческий рост, установленной в храме. В таком случае статуэтка в Чох Маами может рассматриваться как огрубленная терракотовая копия, имевшая более массовое распространение на периферии городских центров Месопотамии¹². В еще более переработанном виде выглядит статуэтка с Улуг-Тепе, у которой лишь прическа указывает на возможные месопотамские прототипы. Можно поставить вопрос, не является ли головка с Улуг-Тепе копией с уже переработанной копии, так или иначе попавшей в пределы Южного Туркменистана. Местные короласты, переработав ее под свой стиль, вместе с тем продолжали точно копировать наиболее характерную иконографическую деталь, а именно прическу. В конце концов аналогичную картину мы наблюдаем и на головках «воинов», лица которых переданы настолько условно, что лишь четко моделированные глаза ука-

¹¹ Там же, стр. 59.

¹² Вообще же каменные мужские и женские головки с «укладкой» и рядами локонов особенно часто встречаются в храме VI Хафаджа. Н. Frankfort. *More Sculpture from the Diyala Region*. OIP, LX, 1943, Chicago, табл. 12, E; 13, A; 21 a; его же. *Sculpture of the Third Millennium b. c. from Tell Asmar and Khafajah*. OIP, XLIV, Chicago, 1940.

зывают на сходство с человеческой натурой, зато боевые шлемы их изготовлены с завидной тщательностью и пластичностью. Очевидно, не творческая незрелость сказывается в обобщенной трактовке лиц этой категории южнотуркменистанских статуэток, а в превую очередь их целевое назначение. Все атрибуты, имевшие главное значение в иконографии самого образа статуэток, как правило, выполнены с большой тщательностью и подлинно высоким мастерством. И недаром коллекция мелкой терракотовой пластики, и особенно статуэтки «воинов», не только не уступает лучшим образцам терракот Ближнего Востока, но в ряде случаев превосходит их.

Нам остается теперь наметить тот путь, по которому осуществлялось предполагаемое влияние коропластики Месопотамии на южно-туркменистанскую. Очевидно, что в любом случае это направление не могло миновать территории Древнего Ирана. До сих пор памятники, расположенные на наиболее коротком пути через центральный и северо-восточный Иран, не давали материалов периода Урук — Джемдет Наср, что вызывало вполне понятное недоумение у исследователей¹³. Более обнадеживающие данные имеются на юго-западе Ирана, в Хузистане — области, непосредственно примыкающей к бассейну р. Диала, где, кстати, и располагается поселение Чоха Мами, на котором обнаружена расписная керамика, типичная для такого памятника, как Али Кош в Хузистане¹⁴. Очевидно, что юго-западный Иран мог быть тем промежуточным пунктом, куда легче и скорее всего могли проникнуть статуэтки месопотамского типа. К этому следует добавить, что средне-азиатские статуэтки обнаруживающие месопотамо-эламские параллели, решительно преобладают на поселениях юго-восточной Туркмении, где они появляются вместе с проникновением сюда керамики, так называемого геоксюрского стиля. В свою очередь сам геоксюрский комплекс материальной культуры (расписная керамика, типы погребальных склепов-толосов) как будто находит наиболее яркие аналогии в области распространения «buff culture», в первую очередь в юго-западном Иране¹⁵. Хотя и в самой общей форме, указанная связь между этими двумя древними областями представляется в настоящее время наиболее вероятной. Однако и в этом случае получается своего рода «воздушный мост», так как до сих пор неизвестны соответствующие материалы в промежуточной зоне. Правда, имеются отрывочные свидетельства о наличии керамики типа Урук-Джемдет Наср далее на юго-восток вдоль побережья Персидского залива¹⁶, а по материалам раскопок поселения Тали Иблис, здесь отмечаются сильные воздействия именно в период Джемдет Наср¹⁷, однако этих данных еще недостаточно для сколько-нибудь определенных заключений. Как бы то ни было, если появление новых по стилю статуэток в Южной Туркмении носило не однократный характер, то преимущественно южное направление (из Южной Месопотамии через Элам в юго-восточную Туркмению) представляется в настоящее время наиболее вероятным.

¹³ R. D y s o n. Problems in the Relative Chronology of Iran. R. Erich. Ed. Chronologies in Old World Archaeology. London — Chicago, 1965, стр. 219.

¹⁴ I. O a t e s. Ук. соч., стр. 53.

¹⁵ В. И. С а р п а н и д и. Ук. соч. стр. 30.

¹⁶ A. S t e i n. Archaeological Reconnaissances in North Western India and South-Eastern Iran. London, 1937.

¹⁷ Устное сообщение руководителя раскопок И. Колдуэлла.

**БУДДИЙСКАЯ СТАТУЭТКА ИЗ АК-КАЛА
(СРЕДНЯЯ АМУДАРЬЯ)**

Летом 1967 г. Амударьинским отрядом Института истории АН ТуркмССР при рекогносцировочном изучении левобережья среднего течения Аму-Дарьи было обследовано городище Ак-Кала¹, расположенное в 10—12 км северо-западнее райцентра Карабекаул на окраине поселка «Пионер» (колхоз «Ленинизм»). Памятник сильно пострадал от времени

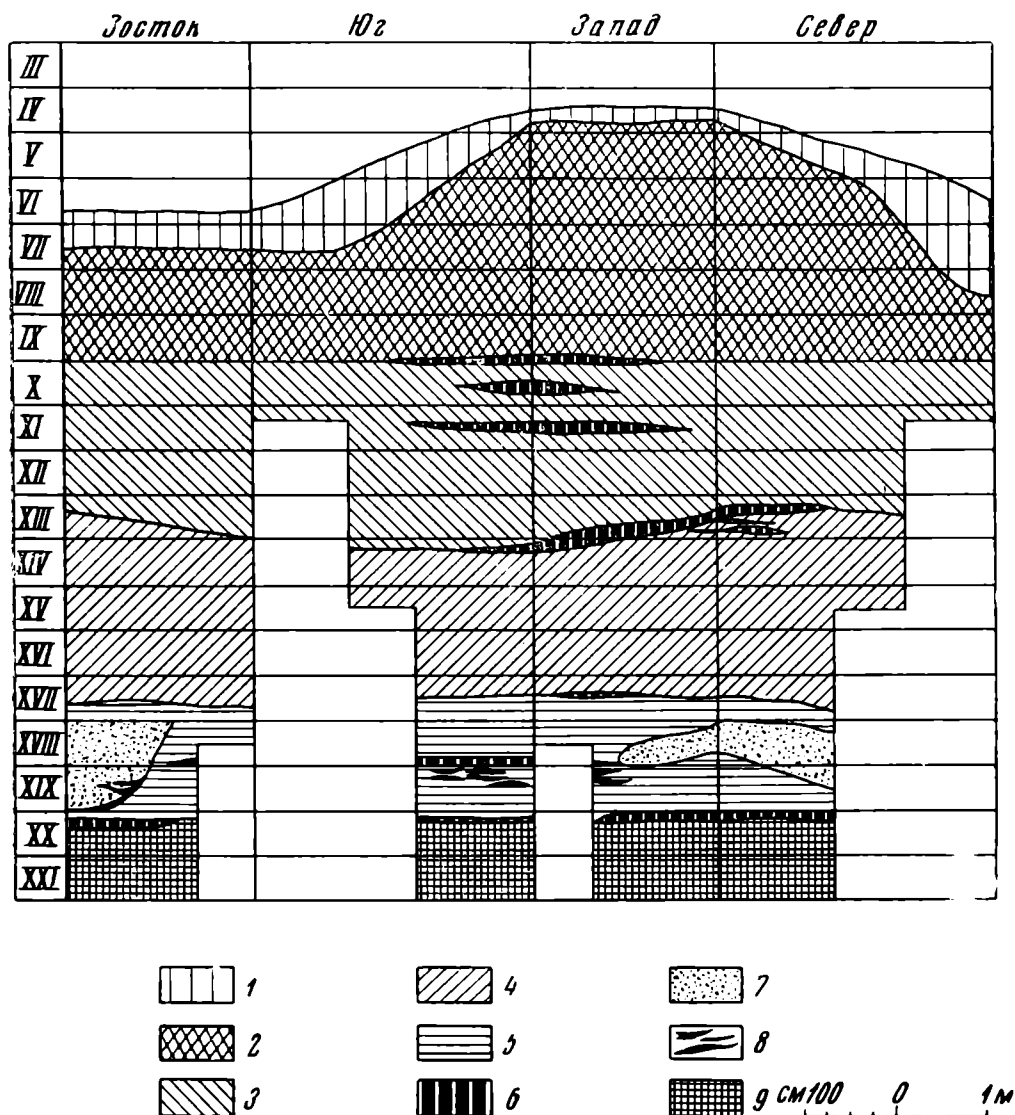

Рис. 1. Ак-Кала. Шурф

1 — пушонка; 2 — пахса; 3 — завал; 4 — культурный слой без архитектурных остатков; 5 — мусорный слой; 6 — селитроносные прослойки; 7 — песок; 8 — зола; 9 — материк

и, главным образом, от позднейшей деятельности человека — поверхность его неровная, в многочисленных рытвинах и всхолмлениях, края обрывистые. Все это сильно исказило первоначальный его облик; тем не менее основные черты былой планировки угадываются довольно четко. Ак-Кала имела в плане форму неправильного прямоугольника (приблизительно 65×45 м), ориентированного длинной осью З — СЗ — В — ЮВ. Четырех-

¹ Памятник впервые был осмотрен в 1949 г. XVI отрядом ЮТАКЭ (А. А. Росляков).

угольник основного массива по периметру был обнесен стеной, остатки которой наиболее хорошо прослеживаются на западном фасае. По углам располагались мощные башни, сложенные из кирпичей разных размеров. Небольшие размеры памятника и характер его планировки позволяет предполагать, что перед нами укрепленная сельская усадьба.

Собранная на поверхности керамика в массе своей относится к периоду раннего средневековья, с незначительной примесью фрагментов более раннего времени.

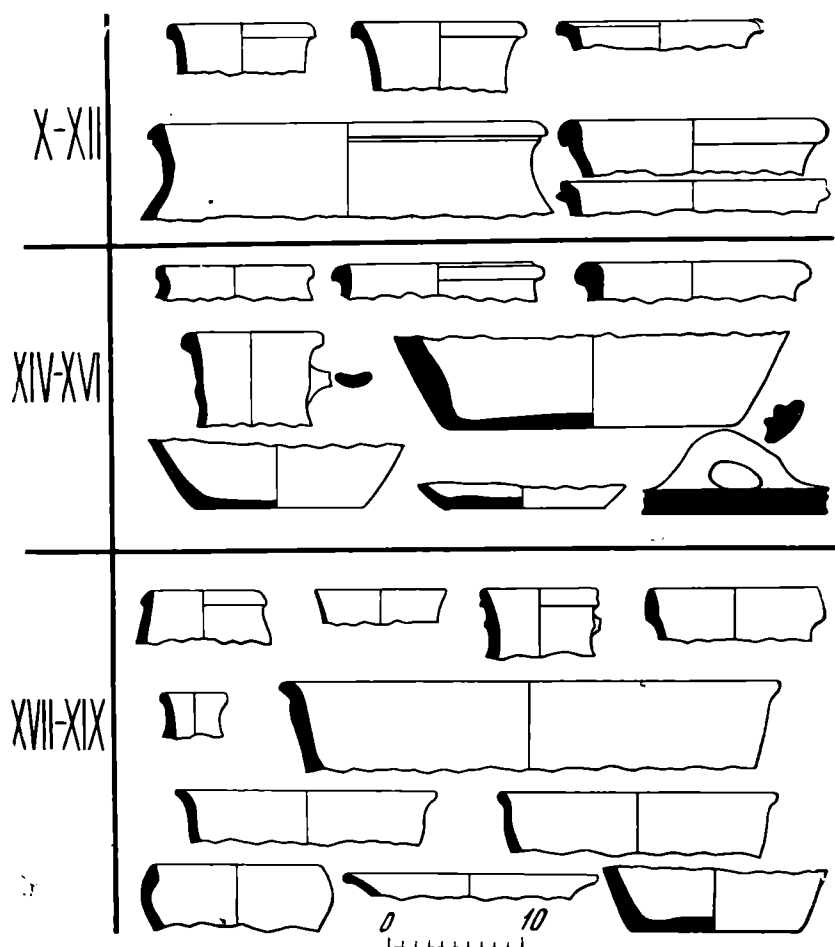

Рис. 2. Керамика из шурфа

Для уточнения стратиграфии памятника на оплыве одного из крупных древних зданий был заложен шурф размерами 3×2 м, доведенный до XXI яруса². Культурный слой в месте заложения шурфа достигает мощности 8 м (рис. 1). Стратиграфическое изучение культурных напластований позволило выделить четыре мощных слоя, соответствующих длительным периодам существования памятника.

Нижний культурный пласт (с начала XX яруса до начала XVII) состоит из чередующихся прослоек земли, золы и песка без каких-либо архитектурных остатков. Он обильно насыщен керамикой. Основная ее масса хорошей ремесленной выделки. Черепок в изломе светло-коричневый, ангоб светло-серый или кремовый. По сильно фрагментированным обломкам трудно судить о формах сосудов, тем не менее можно отметить наличие кувшинов, крупных тазообразных сосудов, глубоких чаш с плавно отогнутым наружу венчиком. Имеются также небольшие уплощенные чаши типа мелких тарелок и фрагмент венчика тонкостенного (0,2 см) бо-

² I—III яруса — воздушные. Отсчет ярусов велся с высшей точки холма, возвышающейся над окружающей равниной на 9 м.

кала, покрытого плотным красно-коричневым ангобом с вертикальным полочатым лощением (рис. 2).

Ввиду неразработанности керамической шкалы для районов Средней Аму-Дарьи возникают большие трудности при датировке этой керамики. Однако на основании сопоставления с материалами других памятников этого района и более отдаленных аналогий считаем возможным предварительно датировать данный керамический комплекс II—III вв.

Помимо керамики в нижнем слое часто встречаются кости животных. Найдены два фрагмента железных криц, свидетельствующих о существовании на городище металлообрабатывающего производства.

Мощность второго слоя колеблется от 1,5 до 2 м. Это однородный пласт светло-желтой, средней плотности глины с относительно редкими включениями фрагментов керамики (рис. 2).

В вышележащем слое (XIII—X ярусы) прослеживаются мелкие прослойки, иллюстрирующие постепенное накопление культурных напластований. Изредка встречаются отдельные участки плотной глины с включениями самана, возможно являющихся продуктом разрушения каких-то архитектурных сооружений. Керамики в этом слое немного, и она маловыразительна. Наиболее часто встречаются фрагменты кувшинов и горшкообразных сосудов.

Выше X яруса расположены остатки монументального строения или платформы, относящиеся к четвертому, последнему периоду обитания. Здесь зафиксирован слой плотной глины со значительной примесью самана. В этом слое изредка встречаются невыразительные фрагменты крупных толстостенных сосудов.

Керамика трех верхних строительных периодов близка к материалам из зачистки западного фаса внешней стены и может быть датирована ранне-средневековым временем.

Стратиграфическое изучение культурного слоя на разных участках памятника позволило говорить о его существовании на протяжении длительного времени без значительных перерывов. Нижний культурный пласт Ак-Калы может быть датирован II—III вв. Три верхних слоя относятся к периоду раннего средневековья³.

Среди археологического материала Ак-Калы наибольший интерес представляет терракотовая статуэтка, найденная у подножья юго-восточной башни. Статуэтка изображает сидящего мужчину (рис. 3). Поза фронтальна. Согнутые в локтях руки покоятся на скрещенных и поджатых к туловищу ногах. Ладони вложены одна в другую. У сидящего мощный торс с подчеркнутой грудной мускулатурой, сильно втянутый живот. Лицо округлое, полное. Глаза большие, удлиненные, с припухлыми верхними веками. Рот маленький, нос приплюснутый, удлиненные уши с шариками серег. На широкий лоб надвинут корonoобразный головной убор. Передняя его часть состоит из трех арочек, пространство между которыми заполнено крупными рельефными кружками. Внутри центральной маленькой арочки помещена фигура в виде треугольника и венчающего его вершину диска. Своими концами арочки опираются на охватывающий голову рельефный ободок, состоящий из чередующихся «точек и тире». Подобное устройство, по-видимому, имели и боковые стороны, однако с полной уверенностью судить об этом нельзя из-за плохого качества оттиска. Тонкие одежды плотно облегают торс и лишь на руках и ногах драпируются мягкими косыми складками. На шее — ожерелье из трех крупных шариков на двойной ленте. Через грудь наискось перекинута массивная цепь.

³ Уточнение датировки каждого из них в настоящее время не представляется возможным.

Рис. 3. Статуэтка бодисатвы

так как нижние слои этого памятника относятся ко II—III вв. Верхней датой изготовления статуэтки (или, по крайней мере, штампа для ее изготовления), исходя из стилистических особенностей, является IV столетие. Для более позднего времени в Средней Азии характерно широкое распространение совершенно иных по типу терракотовых статуэток. В V—VIII вв. культовые образки, в том числе и буддийские, изготовлялись в виде плоских терракотовых плиток с оттиснутыми на них изображениями различных божеств⁴. Примером позднего буддийского «образка» может служить терракотовая плитка с изображением Будды, найденная на Караул-Тепе в Тохаристане (VIII в.)⁵.

Район среднего течения Амударьи в первых веках нашей эры входил в состав Кушанского государства, что подтверждается археологическими данными, в частности многочисленными находками медной разменной монеты кушанской эмиссии. Покровительство кушанских правителей буддизму и использование Амударьи в качестве важной трассы международной торговли способствовали распространению буддийской идеологии среди населения этих территорий. На Амударье для первых веков нашей эры известны буддийские памятники Айртама⁶, Термеза⁷, небольшая глиняная модель ступы найдена в Джанбас-Кала⁸. Новая находка расширяет круг этих памятников.

⁴ В. А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962, стр. 40—41; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана. М., 1965, стр. 161.

⁵ Там же, рис. 155.

⁶ М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Ташкент, 1933.

⁷ Т. В. Грек, Е. Г. Пчелина, Б. Я. Ставиский. Кара-Тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964.

⁸ С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, стр. 161.

Фигурка бодисатвы найдена не в крупном городском центре, связанном с международной торговлей, а в небольшом сельском поселении, жители которого занимались земледелием и ремеслом. Это наряду с фактом несомненного ее местного изготовления указывает на довольно широкое распространение буддизма среди коренного населения.

Статуэтка из Ак-Калы представляет значительный интерес как важная веха в процессе воплощения идей буддизма в мелкой терракотовой пластике. В Индии мелкие буддийские статуэтки и многофигурные рельефные композиции исполнялись в камне. Для Средней Азии характерна традиция изготовления культовых фигурок из терракоты. Местные мастера, следуя этой традиции и стремясь удовлетворить новые запросы населения, начинают изготавливать буддийские культовые предметы в привычном для них материале.

Статуэтка бодисатвы наглядно иллюстрирует один из ранних этапов этого процесса. По стилистическим признакам она не отличается от подобных каменных изделий Гандхары⁹. Не исключено даже, что исходным образцом для изготовления этой фигурки послужила привозная каменная статуэтка.

Терракота из Ак-Калы не имеет аналогий в коропластике Средней Азии. Известные по литературе буддийские образки резко отличаются от нее по стилю и датируются более поздним временем. Они характеризуют следующий этап в развитии местной буддийской иконографии.

⁹ J. Marshall. The Buddhist Art of Gandhara. Cambridge, 1960.

И. ФОДОР

СКИФСКИЕ И САРМАТСКИЕ МЕЧИ С СЕГМЕНТОВИДНЫМ ПЕРЕКРЕСТЬЕМ

К. Ф. Смирновым в кург. № 10 Быково I, в погр. № 10, был найден меч, который имеет кольцевидное навершие и, по мнению автора раскопок, прямое перекрестье¹. Инвентарь погребения кроме этого меча содержал четыре бронзовые тонкие полусферические бляшки, кремневое огниво, каменный оселок с отверстием, бронзовый гвоздь с плоской шляпкой, лепной яйцевидный горшок и стеклянные бусы². Погребение было датировано К. Ф. Смирновым среднесарматским временем (I в. до н. э. — I в. н. э.)³.

Для датировки, как видим, меч имеет определяющее значение. Перекрестье данного меча, по замечанию Б. Н. Гракова, было неправильно понято К. Ф. Смирновым. При более детальном осмотре выяснилось, что перекрестье не прямое, а сегментовидное. Это не сразу заметно, так как оно сильно окислено и плохо сохранилось. На данном рисунке ясно видна его сегментовидная форма (рис. 1). Таким образом, здесь представлена совершенно уникальная находка, так как другие сарматские мечи с сегментовидным перекрестьем пока не найдены. Такие перекрестья встречаются только на скифских мечах. До настоящего времени их известно девять. К сожалению, они в большинстве случаев были найдены не в датированных комплексах, а случайно, поэтому их датировка крайне трудна. Три из них имеют брусковидное навершие.

¹ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 78, 1960, стр. 200, рис. 11.

² Там же, стр. 200—201, рис. 11, 12.

³ Там же, стр. 202.

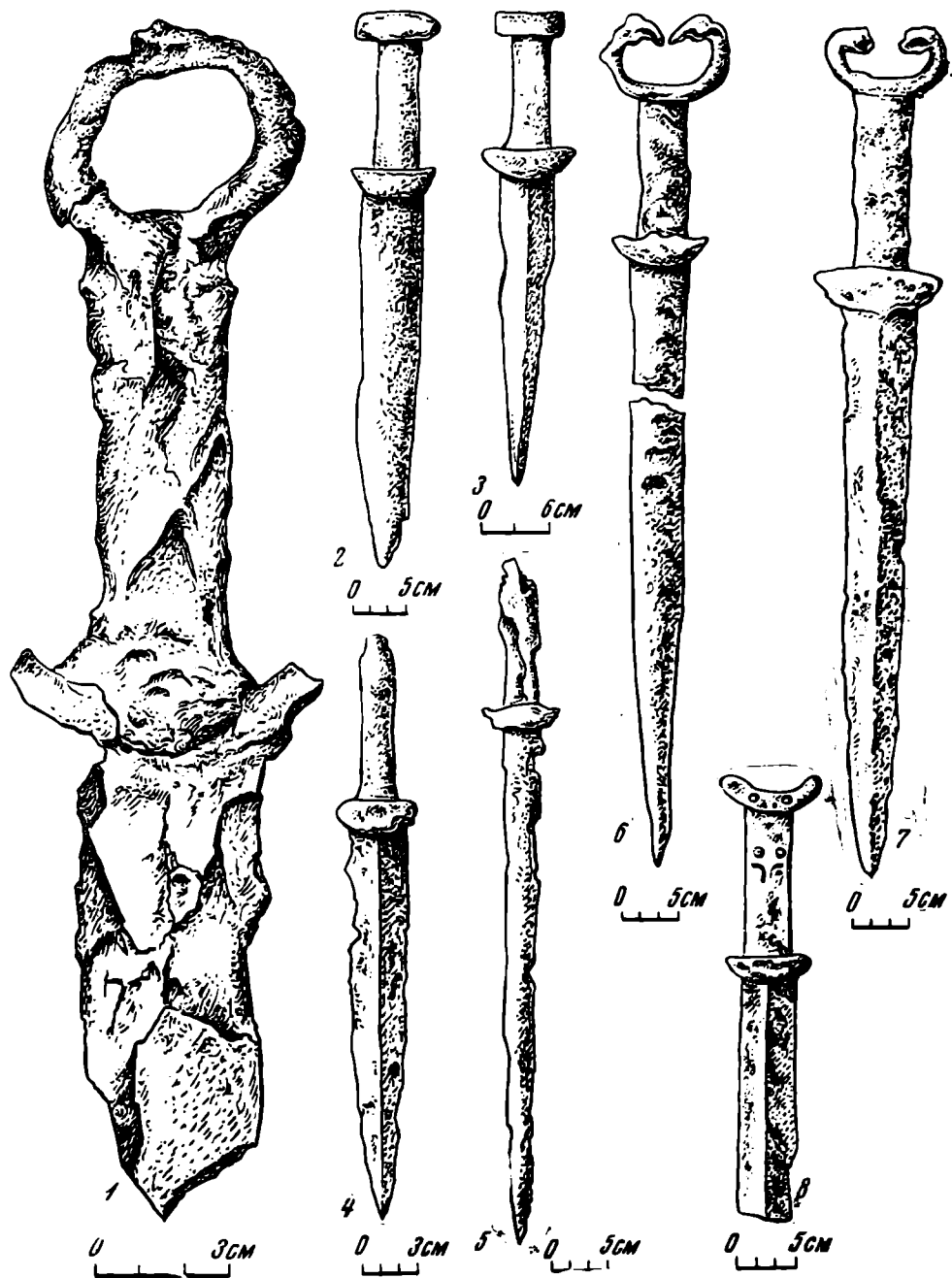

Рис. 1.

1 — Меч с кольцевидным навершием из кург. № 10, Быково I; 2 — меч с сегментовидным перекрестьем и брусковидным навершием (место находки неизвестно); 3 — меч из Венгрии VI—V вв. до н. э. (случайная находка); 4 — акинак V—IV вв. до н. э. с городища Кузина Гора (Курская обл.); 5 — меч из Трансильвании VI—V вв. до н. э. (случайная находка); 6 — акинак с зооморфным навершием из с. Гамарня Каневского р-на; 7 — меч из б. Роменского уезда; 8 — меч из с. Волковцы (случайная находка)

Первый меч — случайная находка, и о его датировке ничего определенного сказать нельзя⁴ (рис. 2). Второй был найден в Венгрии и относится к VI—V вв. до н. э.⁵ (рис. 3). Третий экземпляр, найденный у с. Арданово под Мукачево, датируется примерно этим же временем⁶. У двух акинаков навершия не сохранились. Один из них, найденный на Кузиной Горе⁷, Р. Ф. Ворониной датируется V—IV вв. до н. э.⁸

⁴ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. М., 1964. табл. 18, рис. 4.

⁵ J. Hampe l. Szkithiai emlékek Magyarországon. AE. XIII, 1893. 387 old. Itábla. 2 ábra.; Р. Ф. Воронина. О некоторых кинжалах и акинаках Курской области. МИА, 113, стр. 7.

⁶ Не издан, хранится в Ужгородском музее.

⁷ Л. Е. Алпхова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962, рис. 6.

⁸ В. Ф. Воронина. Ук. соч., стр. 132.

(рис. 4). Второй происходит из Трансильвании и является случайной находкой. Он может быть датирован VI—V вв. до н. э., так как в начале IV в. до н. э. скифы были вытеснены из Трансильвании кельтами⁹ (рис. 5).

Один акинак с антенным навершием в виде орлиных голов был найден у с. Гамарня Каневского района¹⁰ (рис. 6). Он может быть датирован по аналогии с акинаком из Журовки¹¹, который относится к первой половине V в. до н. э.¹² Два акинака с сегментовидным перекрестьем и волютным навершием были найдены в Роменском уезде¹³ (рис. 7), один — у с. Староселье¹⁴.

Нам самым интересным представляется меч, найденный при случайных обстоятельствах у с. Волковцы¹⁵ (рис. 8). От всех остальных он отличается тем, что имеет совершенно нехарактерное для скифских мечей серповидное навершие. Сказать что-нибудь определенное о его датировке нельзя, ведь в скифских комплексах мечи с серповидным навершием не были найдены. Такое навершие характерно для сарматских мечей, которые были распространены с рубежа IV—III вв. до н. э. до конца прохоровского периода¹⁶. Но появились они еще в IV в. до н. э.¹⁷ Видимо меч из с. Волковцы отражает сарматское влияние формой навершия и поэтому наиболее вероятная его датировка — вторая половина IV в. до н. э.

Таким образом, кинжалы и акинаки с сегментовидным перекрестьем встречаются у скифов довольно редко и хронологические границы их бытования — VI—IV вв. до н. э. Вполне вероятно, что они изредка встречались и во второй половине IV в. до н. э. (см. меч из с. Волковцы). Во всяком случае можно предполагать, что они наиболее характерны для VI и V вв. до н. э., хотя продолжают существовать у скифов до конца IV в. до н. э. и, как доказывает меч из Быково, встречаются также и у сарматов. Однако датировка его, данная К. Ф. Смирновым, вряд ли может быть приемлема: ведь сегментовидное перекрестье встречается только на скифских кинжалах и акинаках, и меч из Быково, безусловно, отражает скифское влияние, которого, естественно, не могло быть в среднесарматское время. Вероятнее всего, данный меч датируется более ранним временем. Неправильная кольцевидная форма навершия указывает на то, что меч относится ко времени появления кольцевидных наверший, которые, по мнению М. И. Ростовцева, развились из антенных наверший скифских акинаков¹⁸.

Появление кольцевидных наверший относится к концу III и началу II в. до н. э.¹⁹ Кажется, что наиболее вероятная датировка для меча из Быково — вторая половина или конец III в. до н. э.

Можем предполагать, что кинжалы и мечи с сегментовидным перекрестьем дожили до этого времени и в Скифии. Перекрестье быковского меча, по всей вероятности, является подражанием скифскому, но это пока единственная находка меча данного типа у сарматов.

⁹ M. Roska. Der Bestand der skythischen Altentümmer Siebenbürgens. ESA, XI, Helsinki, 1937, стр. 202, рис. 6.

¹⁰ А. И. Мелюков а. Ук. соч., табл. 20, рис. 13.

¹¹ Там же, табл. 20, рис. 12.

¹² Там же, стр. 55.

¹³ ДП, II, Киев, 1899, табл. II, 56, второй меч не издан, хранится в ГКИМ.

¹⁴ А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, III, СПб., 1894, табл. VII, 5.

¹⁵ ДП, II, табл. II, 55.

¹⁶ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1—10, М., 1963, стр. 34.

¹⁷ Там же

¹⁸ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области раннего и позднего эллинизма. МАР, 37, Пг., 1918, стр. 40.

¹⁹ М. Г. Мошкова. Ук. соч., стр. 34.

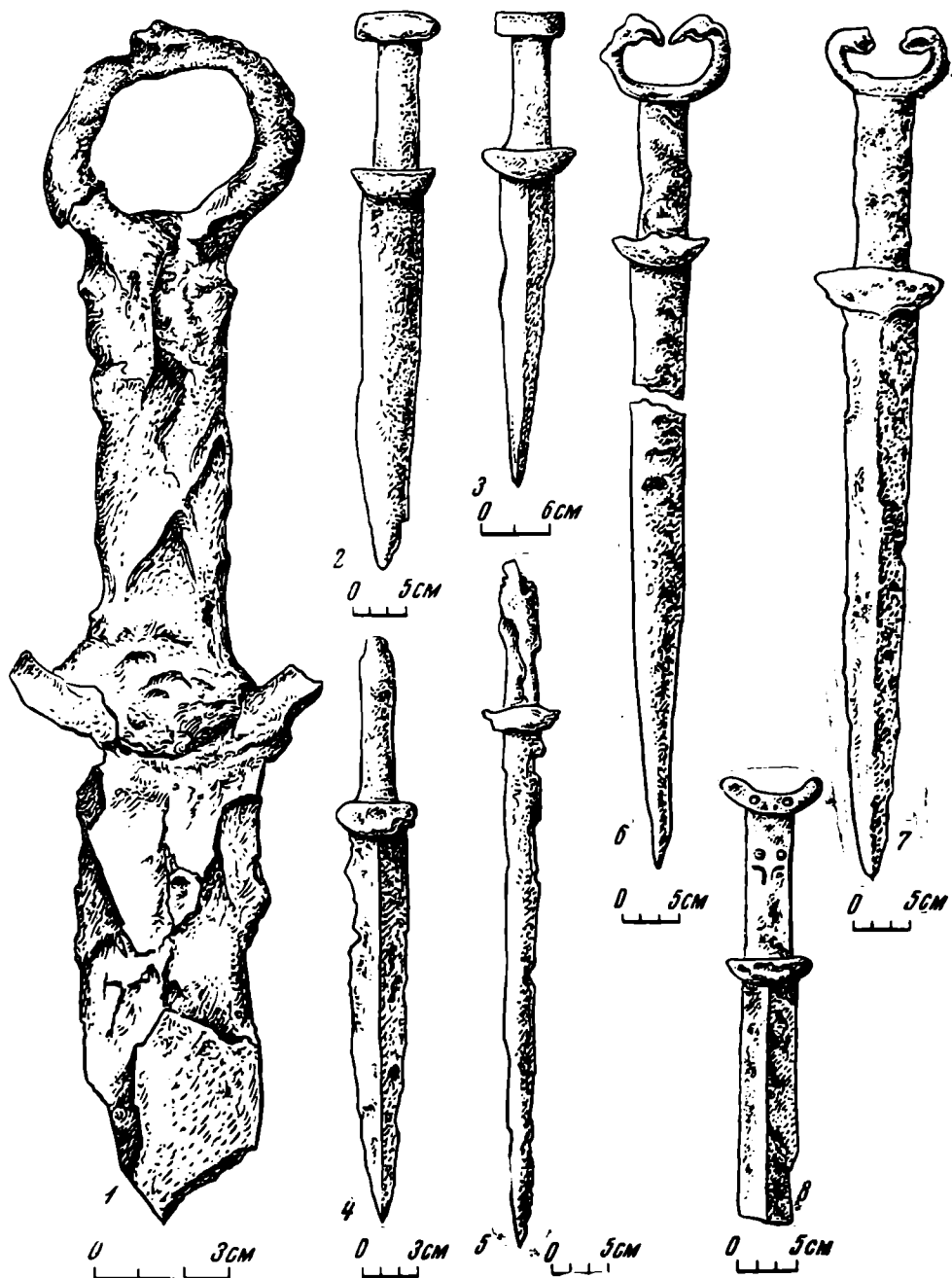

Рис. 1.

1 — Меч с кольцевидным навершием из кург. № 10, Быково I; 2 — меч с сегментовидным перекрестьем и брусковидным навершием (место находки неизвестно); 3 — меч из Венгрии VI—V вв. до н. э. (случайная находка); 4 — акинак V—IV вв. до н. э. с городища Кузина Гора (Курская обл.); 5 — меч из Трансильвании VI—V вв. до н. э. (случайная находка); 6 — акинак с зооморфным навершием из с. Гамарня Каневского р-на; 7 — меч из б. Роменского уезда; 8 — меч из с. Волковцы (случайная находка)

Первый меч — случайная находка, и о его датировке ничего определенного сказать нельзя⁴ (рис. 2). Второй был найден в Венгрии и относится к VI—V вв. до н. э.⁵ (рис. 3). Третий экземпляр, найденный у с. Арданово под Мукачево, датируется примерно этим же временем⁶. У двух акинаков навершия не сохранились. Один из них, найденный на Кузиной Горе⁷, Р. Ф. Ворониной датируется V—IV вв. до н. э.⁸

⁴ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. М., 1964. табл. 18, рис. 4.

⁵ J. Hampré. Szkithiai emlékek Magyarországon. AE. XIII, 1893, 387 old. Itábla. 2 ábra.; Р. Ф. Воронина. О некоторых киялах и акинаках Курской области. МИА, 113, стр. 7.

⁶ Не издан, хранится в Ужгородском музее.

⁷ Л. Е. Алпхова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962, рис. 6.

⁸ В. Ф. Воронина. Ук. соч., стр. 132.

(рис. 4). Второй происходит из Трансильвании и является случайной находкой. Он может быть датирован VI—V вв. до н. э., так как в начале IV в. до н. э. скифы были вытеснены из Трансильвании кельтами⁹ (рис. 5).

Один акинак с антенным навершием в виде орлиных голов был найден у с. Гамарня Каневского района¹⁰ (рис. 6). Он может быть датирован по аналогии с акинаком из Журовки¹¹, который относится к первой половине V в. до н. э.¹² Два акинака с сегментовидным перекрестьем и волютным навершием были найдены в Роменском уезде¹³ (рис. 7), один — у с. Староселье¹⁴.

Нам самым интересным представляется меч, найденный при случайных обстоятельствах у с. Волковцы¹⁵ (рис. 8). От всех остальных он отличается тем, что имеет совершенно нехарактерное для скифских мечей серповидное навершие. Сказать что-нибудь определенное о его датировке нельзя, ведь в скифских комплексах мечи с серповидным навершием не были найдены. Такое навершие характерно для сарматских мечей, которые были распространены с рубежа IV—III вв. до н. э. до конца прохоровского периода¹⁶. Но появились они еще в IV в. до н. э.¹⁷ Видимо меч из с. Волковцы отражает сарматское влияние формой навершия и поэтому наиболее вероятная его датировка — вторая половина IV в. до н. э.

Таким образом, кинжалы и акинаки с сегментовидным перекрестьем встречаются у скифов довольно редко и хронологические границы их бытования — VI—IV вв. до н. э. Вполне вероятно, что они изредка встречались и во второй половине IV в. до н. э. (см. меч из с. Волковцы). Во всяком случае можно предполагать, что они наиболее характерны для VI и V вв. до н. э., хотя продолжают существовать у скифов до конца IV в. до н. э. и, как доказывает меч из Быково, встречаются также и у сарматов. Однако датировка его, данная К. Ф. Смирновым, вряд ли может быть приемлема: ведь сегментовидное перекрестье встречается только на скифских кинжалах и акинаках, и меч из Быково, безусловно, отражает скифское влияние, которого, естественно, не могло быть в среднесарматское время. Вероятнее всего, данный меч датируется более ранним временем. Неправильная кольцевидная форма навершия указывает на то, что меч относится ко времени появления кольцевидных наверший, которые, по мнению М. И. Ростовцева, развились из антенных наверший скифских акинаков¹⁸.

Появление кольцевидных наверший относится к концу III и началу II в. до н. э.¹⁹ Кажется, что наиболее вероятная датировка для меча из Быково — вторая половина или конец III в. до н. э.

Можем предполагать, что кинжалы и мечи с сегментовидным перекрестьем дожили до этого времени и в Скифии. Перекрестье быковского меча, по всей вероятности, является подражанием скифскому, но это пока единственная находка меча данного типа у сарматов.

⁹ M. Roska. Der Bestand der skythischen Altentümmer Siebenbürgens. ESA, XI, Helsinki, 1937, стр. 202, рис. 6.

¹⁰ А. И. Мелюкова. Ук. соч., табл. 20, рис. 13.

¹¹ Там же, табл. 20, рис. 12.

¹² Там же, стр. 55.

¹³ ДП, II, Киев, 1899, табл. II, 56, второй меч не издан, хранится в ГКИМ.

¹⁴ А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, III, СПб., 1894, табл. VII, 5.

¹⁵ ДП, II, табл. II, 55.

¹⁶ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1—10, М., 1963, стр. 34.

¹⁷ Там же

¹⁸ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области раннего и позднего эллинизма. МАР, 37, Пг., 1918, стр. 40.

¹⁹ М. Г. Мошкова. Ук. соч., стр. 34.

Из сказанного выше следует также, что весь комплекс погр. № 10 кург. № 10 датируется тем же временем, что и меч. Такой датировке не противоречат ни комплекс, ни погребальный обряд могильника. Погр. № 10, так же как и все остальные семь сарматских погребений кург. № 10, является впускным. Основные могилы кургана — срубные погребения. Впускные сарматские погребения обособлены друг от друга, поэтому по стратиграфии нельзя определить их относительную хронологию. Погр. № 10 является парным: захоронение мужчины и женщины. Ориентировка захоронений ССВ—ЮЮЗ, головой на ЮЮЗ²⁰. Эта ориентировка очень распространена и в прохоровское время²¹.

Яйцевидные сосуды, которые найдены в погр. № 10, встречаются очень часто в III—II вв. до н. э. Упомянутый яйцевидный горшок почти тождествен по форме с прохоровским горшком из Бережновки I (кург. № 35, погр. № 10)²². Остальные вещи комплекса в нашем случае не могут быть датирующими.

Все сарматские погребения кург. № 10 К. Ф. Смирнов датирует средне-сарматским временем, за исключением погр. № 15, которое относит к III—II вв. до н. э.²³. Судя по комплексу, погр. № 10 тоже можно отнести примерно к этому же времени.

²⁰ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 199—201.

²¹ М. Г. Мошкова. Ук. соч., табл. 1—4.

²² Там же, табл. 7, 30.

²³ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 202.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

НАХОДКИ ИЗ СЕЛА ПИКОВКИ

Древняя история населения Нарымского Приобья до сих пор изучена очень слабо. Локализуемая в этом районе кулайская культура эпохи раннего железа¹ характеризуется главным образом бронзовыми зоо- и антропоморфными фигурами, выполненными в стиле ажурного литья в глиняных или земляных односторонних формах, а также своеобразными крупными трехлопастными втульчатymi наконечниками стрел и копий². Пока еще неизвестно, какие типы керамики, жилищ и прочие формы материальной культуры были свойственны кулайским племенам. По сути дела, из-за недостатка материала основные элементы кулайской культуры пока не выявлены, а установленный для нее ареал распространения в пределах лесной зоны Среднего Приобья весьма приблизителен.

В этой связи особую важность приобретает введение в научный оборот нового материала из районов Среднего Приобья, который поможет решить вопросы генезиса, культурной специфики и внешних связей племен названной территории.

В указанном аспекте несомненный интерес представляет находка металлических предметов в поселке Пиковка Верхне-Кетского района Томской области на правом берегу Нарымской Оби ниже устья р. Кети. К ним относятся следующие предметы: серебряный медальон с изображением бюста парфянского царя, (рис. 1, 1), скульптурное объемное изображение го-

¹ В. Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье. МИА, 35, 1953, стр. 223.

² И. М. Мягков. Находка на горе Кулайке, Тр. ТКМ, I, Томск, 1927; его же. Древности Нарымского края. Тр. ТКМ, II, 1927, табл. 1; В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени. МИА, 35, табл. XI—XII; его же. Усть-полуйское время... рис. 1; Р. А. Ураев. Кривошеинский клад. Тр. ТОКМ, V, Томск, 1956.

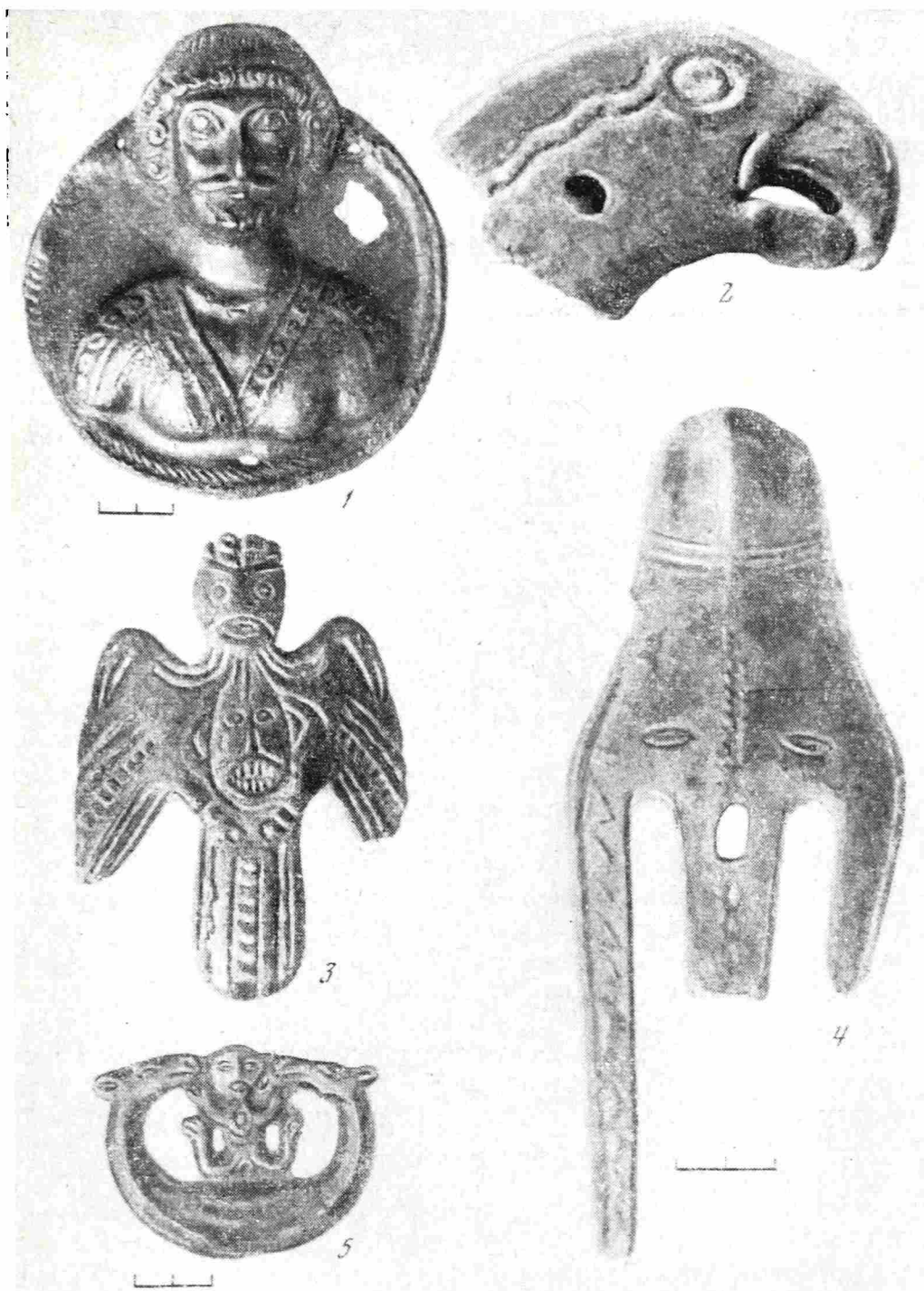

Рис. 1. Вещи из пос. Пиковка

1 — серебро; 2—5 — бронза

ловы хищной птицы (рис. 1, 2), два плоских птицевидных изображения (рис. 1, 3, 4), изображение пары сопоставленных лоспных головок с антропоморфной фигурой между ними (рис. 1, 5) и бронзовое зеркало (рис. 2). Остановимся несколько детальнее на характеристике каждой вещи.

1. Серебряный медальон овальной, почти круглой формы (рис. 1, 1) покрыт темной патинной. На нем рельефно изображен мужчина, лицом в фас. Голова его обрамлена вьющимися волосами, разделенными на ряд прядей. Небольшая курчавая борода доходит почти до ушей. Длинные усы слегка нависают над ртом и смыкаются с бородой. Одет он в открытый на груди кафтан, края и рукава которого украшены полосами с узором из круглых розеток, передающих, вероятно, нашитые на матерью бляшки. На остальную часть кафтана нанесен узор, трактуемый, очевидно, орнамент или фигурную выработку ткани. На шее мужчины ожерелье, на

голове — диадема. По краю медальона идет обрамление в виде двойного жгута. Сбоку, около головы, пластина медальона пробита.

Аналогичное изделие, доставленное в Государственный Эрмитаж из Хanty-Мансийского музея, опубликовано Р. В. Кинжаловым. По его мнению, оно представляет собой портретное изображение одного из парфянских царей и датируется I в. до н. э.³ Сходство издаваемого нами и опубликованного Р. В. Кинжаловым предметов настолько значительно, что их хронологическая синхронность несомненна.

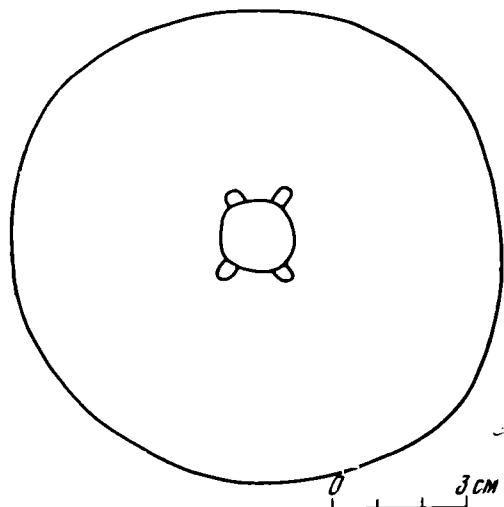

Рис. 2. Бронзовое зеркало из Пиковки

лульской культуры⁵. Это указывает, очевидно, на хронологическое соответствие или близость между рассматриваемым изделием и приведенными аналогиями. Близкие по форме и технике исполнения изображения обнаружены в ряде мест Нарымского Приобья и Тобольского Прииртышья⁶.

3. Плоскостное изображение птицы с головой человека и личиной на груди (рис. 1, 3). Голова птицы имеет вертикальное членение и завершается некоторым подобием короны или хохолка. Глаза переданы кружками с точкой в центре и по своей конфигурации напоминают глаза филина. Рот имеет овальную форму, что приближает его по внешнему виду к форме рта человека. Крылья и хвост птицы украшены орнаментом в виде волнистых и прямых линий, а также поперечной насечки, имитирующей, возможно, пестроту оперенья. Орнаментированное поле здесь несравненно больше, чем в рассмотренном выше случае, хотя расположение элементов орнамента в основном подчинено естественным формам передаваемого объекта и не нарушает его пропорций. К особенностям описываемой вещи отнесется симметричное изображение в передней части крыльев пары голов птиц с длинными шеями и клювами, вероятно, уток или гусей. На груди птицы находится изображение личины с раскрытым ртом и подчеркнута выделенными зубами. Контуры носа обрисованы двумя штрихами, а верхняя часть головы также двумя штрихами разделяется на три части. Уши переданы очень схематично двумя дугообразными линиями. Такой прием изображения ушей наблюдается на бронзовых антропоморфных ажурных изделиях кулайского типа⁷. То же можно сказать относительно расчленения лба вертикальными линиями. Подобный прием встречается на антропоморфных поделках кулайского облика⁸, а в более раннее время известен

³ Р. В. Кинжалов. Серебряная пластина с изображением парфянского царя. СА, 1959, 2, стр. 207.

⁴ А. В. Збруева. Галкинское городище. МИА, 1, 1940, табл. II, 17.

⁵ В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени, табл. I, 1; X, 1, 2.

⁶ И. М. Мягков. Древности Нарымского края, табл. II, 7—9; Сборы Усовых, д. Генина Слободчиковской вол. Колл. ГИМ.

⁷ И. М. Мягков. Древности Нарымского края, табл. III, 1.

⁸ Там же, табл. III, 1, 2.

на самусьских антропоморфных изображениях⁹. Под личиной, под углом друг к другу, расположены лапы птицы, имеющие кольчатое завершение (рис. 1, 3). Аналогичная трактовка лап представлена в зверином стиле I тысячелетия до н. э.¹⁰, что указывает на довольно раннюю дату рассматриваемого изделия. В развитом зверином стиле I тысячелетия н. э. подобный прием передачи лап уже не встречается. Для уточнения датировки этой фигуры (рис. 1, 3) важное значение имеет сопоставление отдельных ее деталей со стилистическими особенностями изображения птицевидных идолов Истяцкого клада. Так, наличие головок птиц на крыльях (рис. 1, 3) перекликается с подобными же композициями у птиц Истяцкого клада¹¹. Глубокоочерченный овал личины на груди наблюдается у рассматриваемого изображения (рис. 1, 3) и на поделках из Истяцкого клада¹². Последний, благодаря наличию в его составе изображения Артемиды и китайского зеркала эпохи Цинь, датируется концом III—первой половиной II в. до н. э. Эта дата как определяющая может быть принята и для рассматриваемой фигуры.

Стилистический анализ публикуемого птицевидного изображения приводит к интересным выводам. Сочетание в образе птицы черт человека и филина, по-видимому, подтверждает точку зрения А. В. Шмидта о том, что наиболее древние птицевидные изображения имели голову человека¹³.

4. Другое изображение хищной птицы в фас с узкими длинными опущенными крыльями (рис. 1, 4) стилистически отличается от первого. Оно выполнено довольно схематично. Личина на груди птицы символически обозначена парой глаз и ртом в виде овального отверстия. Орнаментация состоит из двух волнистых линий посредине тулова, легких насечек на крыльях и четырех параллельных линий на шее, образующих своеобразный пояс. В целом изображение выглядит довольно примитивным и максимально упрощенным. Близкие по стилю изображения птиц представлены в Мурлинском и Истяцком кладах¹⁴. Особенно близка, почти тождественна, фигурка из Мурлинского клада, также имеющая на тулове отверстие. Датировка этого клада устанавливается по наличию в его составе бронзового кинжала с бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием в пределах IV—III вв. до н. э.

5. Изображение двух лосиных головок, обращенных мордами друг к другу, между которыми находится сидящая антропоморфная фигурка с поднятыми кверху руками и ногами (рис. 1, 5). На груди ее схематично показаны внутренние органы. Композиция объемна и тщательно изготовлена. Полных аналогий данному изображению нам неизвестно. Однако композиция в виде сопоставленных зооморфных головок известна среди бронзовых фигурок второй половины I тысячелетия до н. э. из лесного Приобья и Урала¹⁵.

Надо полагать, что описываемое изображение — продукт творчества местных мастеров. В пользу последнего мнения говорит специфика передачи отдельных деталей. Представленное у антропоморфной фигуры (рис. 1, 5) схематическое изображение внутренних органов, а также трехпалость рук и ног свойственны звериному стилю лесной полосы Западной

⁹ В. И. М а т ю щ е н к о. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томп. СА, 1959, 4, рис. 7; его же. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV. СА, 1961, 4, рис. 1.

¹⁰ А. В. З б р у е в а. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, табл. XXVI, 2, 3; И. М. М я г к о в. Древности Нарымского края, табл. III, 8; С. С. Ч е р н и к о в. Загадка золотого кургана. М., 1965, табл. XXI.

¹¹ В. Н. Ч е р н е ц о в. Бронза усть-полуйского времени, табл. XXI, 7, 8, 10, 11.

¹² Там же, табл. XXI, 7.

¹³ А. В. Ш м и д т. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сб. МАЭ, VI, 1927.

¹⁴ В. Н. Ч е р н е ц о в. Бронза усть-полуйского времени, табл. XI, 5; XXI, 7.

¹⁵ Там же, табл. VI, 17; А. В. З б р у е в а. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, табл. XXXII, 5.

Сибири и Урала¹⁶. Обрамление человеческой личины или фигуры головами оленя или птицы, обращенными в одну сторону, известно среди находок из Нарымского края¹⁷. Следует отметить также реализм в передаче головок лосей. Их очертаниям приданы характерные черты головы самки лося, выражающиеся в подчеркивании крупных слегка отвислых губ, горбатости носа и округло вытянутой формы ушей. Сам сюжет лося широко представлен в изобразительном искусстве племен лесного Приобья и Урала, начиная с эпохи бронзы и до средневековья. Наконец, техника отливки описываемого изображения из Пиковки, при которой на изделии образуются плоские грани (рис. 1, 5) была распространена в лесной зоне Западной Сибири и Приуралья в I тысячелетии до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э.¹⁸. Взятые в комплексе перечисленные выше особенности довольно убедительно свидетельствуют о местном производстве рассматриваемой вещи.

К хорошо известным вещам относится и найденное в Пиковке бронзовое дисковидное зеркало (рис. 2) диаметром 10 см. Оно принадлежит к типу кнопочных зеркал (по классификации С. В. Киселева), представленных среди древностей II и III стадий тагарской культуры¹⁹.

Учитывая, что хронология предметов звериного стиля для Западной Сибири разработана слабо, в основу датировки всего комплекса из Пиковки следует положить дату медальона с портретом парфянского царя (рис. 1, 1), т. е. I в. до н. э. Этой датировке не противоречит широкий хронологический диапазон бытования остальных рассматриваемых предметов. Время аналогий зеркалу (рис. 2) и изображению с двумя лосиными головками (рис. 1, 5) согласуется с датой медальона — около I в. до н. э. Близки этому времени и аналогии фигурам птиц и птицевидных изображений. Хронологическая и отчасти стилистическая близость трех последних поделок (рис. 1, 2, 4) подчеркивается волнистой орнаментацией, общей для этих фигур. Отсутствие вещей, уводящих в I тысячелетие н. э., и приведенная выше аргументация позволяют считать, что комплекс находок из пос. Пиковка (рис. 1, 2) датируется временем около рубежа нашей эры — I в. до н. э.

Стилистический анализ части вещей из Пиковки позволяет поставить некоторые вопросы относительно кулайской культуры. Детали птицевидного изображения (рис. 1, 3) дают основание полагать, что традиции кулайского литья и, по-видимому, сами ажурные изображения существовали по крайней мере до рубежа нашей эры. Ажурные изображения в Нарымском Приобье, бытовавшие в I тысячелетии до н. э. вместе со сплошными зоо- и антропоморфными фигурами, вероятно, постепенно заменялись последними и в течение первой половины I тысячелетия н. э. окончательно вышли из употребления. В чистых комплексах второй половины I тысячелетия они уже не встречаются. Было ли вызвано изменение звериного стиля постепенной эволюцией идеологии одних и тех же племен или здесь имело место некоторое изменение этнического состава — покажут дальнейшие исследования.

Наличие вещей южного происхождения — зеркала (рис. 2) и медальона (рис. 1, 1) указывает на широкие торговые связи кулайских племен конца I тысячелетия до н. э. с более южными лесостепными племенами Обь-Енисейского междуречья, а через посредников и с государствами Ближнего Востока, в частности с Парфией.

¹⁶ В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени, табл. XIV—XVI; XVIII—XXIV, 1, 3.

¹⁷ И. М. Мягков. Древности Нарымского края, табл. IV, 1, 2.

¹⁸ В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени, табл. X, 1; А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА РАО, VIII. СПб., 1906, рис. 103, 380; В. А. Гордцов. Подчеремский клад. СА, II, 1937, табл. III, 4.

¹⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, стр. 117; его же. Тагарская культура. Тр. САРАНИОН, IV. М., 1929, стр. 265, рис. 47; А. М. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917.

Своеобразие набора вещей из Пиковки, включающего антропо- и зооморфные изображения, а также зеркало, сближает его с коллекциями из жертвенных мест Среднего Приобья типа Кулайки²⁰, где в основном также преобладали зоо- и антропоморфные изделия. Это позволяет считать, что пиковские находки происходят из какого-нибудь святилища. Древнее население Нарымской Оби при выполнении религиозных обрядов использовало как специально изготовленные вещи местного производства, так и импортные изделия, облик которых в какой-то степени удовлетворял предъявляемым для этой цели требованиям.

²⁰ Л. А. Ермолаев. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914; И. И. Мягков. Находка на горе Кулайка; его же. Древности Нарымского края, табл. I—III; Р. А. Ураев. Ук. соч.

Е. А. ПАХОМОВ

О ТЕХНИКЕ ЧЕКАНКИ МЕДНЫХ МОНЕТ В ЗАКАВКАЗЬЕ В КОНЦЕ XII — ПЧАЛЕ XIII вв.

Мне уже неоднократно приходилось отмечать наступление на Переднем Востоке в начале XI в. своеобразного серебряного монетного кризиса. Это явление особенно ярко выразилось в Закаспии и Закавказье. Уже в первой половине XI в. в Закаспии последние серебряные дирхемы чеканятся из серебра с большим количеством лигатуры, а во второй четверти того же века они вовсе перестают выпускаться, заменяясь медью, лишь слегка смазанной серебром. То же самое происходит и в закавказских эмирствах. Здесь монета сначала тоже теряет правильность формы, пробы и веса, а затем окончательно уступает место меди или, точнее, медным сплавам. Прекращается вывоз монеты из Закавказья на север, что имело место в очень обширных размерах в IX—X вв. Даже в самом Закавказье медная монета сравнительно слабо переходит границы отдельных государств. Исключением являются лишь те государства, которые тесно связаны между собою вассальными или полувассальными отношениями.

Однако население, давно привыкшее к денежному обращению, требовало для потребностей местных рынков значительных сумм и в результате пришлось чрезвычайно усилить выпуск меди. Я не буду касаться здесь монетного обращения атабекских государств, расположенных к югу от Закавказья, как владения зенгидов, ортукидов и др., и остановлюсь лишь на чекане непосредственно Закавказья. Материалом для этого служили многочисленные монеты и клады как из случайных находок, так и из раскопок. Богатую информацию дали клады восточной Грузии (главным образом в окрестностях Тбилиси, Дманиси, Рустави и др.), археологические исследования старой Ганджи, работы в Оренкале, очень крупные клады из окрестностей Дербенда и т. д.

Анализ этих материалов позволил установить различие в технике и в приемах, которые стали применяться на различных монетных дворах в целях перевода возможно большего количества металла (меди с некоторыми примесями) в денежные знаки. Рассмотрим наиболее характерные из них.

В Ширване (вероятно, в Шемахе) и в эмирстве Дербендском расплавленный металл разливали на плоской поверхности небольшими отливками, рассчитанными каждая на наложение одного оттиска штампа. Перед штамповкой их предварительно еще расплющивали, чтобы сделать пластинку желаемой толщины. Последняя колебалась обычно в пределах от 0,8 до 2,5 мм. Диаметр пластинок различной формы, иногда приближав-

шейся к кругу, а иногда угловатой, имел от 5,0—6,0 мм и доходил порою до 30,0—35,0 мм. Этот прием применялся вплоть до первой трети XIII в.

В соседней с Ширваном Грузии дело происходило немного иначе. Расплавленный металл разливался довольно крупными отливками тоже по плоскости, и полученные пластинки, возможно доделывавшиеся дополнительно отковкой, снабжались столькими ударами штампа, сколько могло поместиться на их поверхности. Число их доходило иногда до 5—6 и даже более. Если пластинка была не сплошной, а разлившийся металл образовывал как бы отдельные участки, соединенные между собою перешейками, то после чеканки такую сложную пластинку иногда ломали, приурочивая разломы к этим перешейкам. Толщина таких монетных знаков при Тамаре и Георгии Лаше бывает обычно около 2,0—2,5 мм. Наибольшие же размеры их, при крайне неправильной форме, достигали до 6,0—8,0 см и более. Иногда монетки из таких крупных пластинок вырезали фигурки правильных форм. Так, имеются вырезки в виде полумесяцев, рыбок, прямоугольных пластинок с ушком, как бы для подвески, птицы, что-то вроде навершия знамени и т. д. Налет на Тифлис хорезмшаха султана Джалал-ад-дина не принес никаких изменений. Подобная техника в Грузии господствовала до царствования Русуданы, при которой медь принимает более или менее правильную форму, а затем вскоре вновь появляется серебро.

Совершенно иначе дело шло в пределах владений ильдегизидов и их вассалов. Здесь первым этапом для выделки монеты являлась отливка брусков, длину которых установить пока не удалось. Их сечение представляло трапецию, соответствующую размеру сечений будущих монет. Затем этот брусок проковывался до нужной толщины, превращаясь, таким образом, в пластинку, а из последней специальной круглой выбивалкой вырезались до половины толщины пластинки монетные кружки. После этого пластинка разламывалась, и разлом проходил частью по прорезу, сделанному выбивалкой, частью вне его. Благодаря этому монетный кружок имел лишь приблизительно округлую форму, причем в разрезе представлял трапецию, верхняя сторона которой была миллиметра на два меньше нижней. Это происходило потому, что края трубки-выбивалки были скошены с обеих сторон и разруб не доводился до нижней стороны пластинки умышленно, чтобы монетная пластинка не застряла в выбивалке. Диаметры выбивалок были разнообразны, но, по-видимому, группировались в несколько более или менее определенных калибров для изготовления кружков различного диаметра. Только после отлома полувырезанных кружков от пластинки на них выбивался штамп. Этот прием выделки монеты был характерен для времени последних ильдегизидов, главным образом Абу-бекра и Узбека. Однако применялись и его варианты. Так, первоначальный брусок не расплющивался до толщины монеты, а лишь слегка выравнивался сверху молотом и затем рубился той же выбивалкой на части, причем опять разруб не доводился до нижней поверхности бруска и недорубленная часть просто разламывалась, после чего на поверхности получившегося обрубка накладывались штампы, почти не менявшие его формы. Таких брускообразных монетных знаков в ильдегизидских монетных кладах встречается много. Наряду с этим применялось еще большее упрощение: брусок, слегка уплощенный, разрубался на части выбивалкой или другим инструментом и пускался в обращение в качестве монетного знака без малейших следов чекана. Кроме выпуска этих плотных монет ильдегизидские монетные дворы пускали в обращение немало очень тонких монеток неправильной формы, толщиной не свыше одного миллиметра, выделанных без применения выбивалок.

Замечательно, что не все вассалы ильдегизидов применяли одинаковую со своими сюзеренами технику. К сожалению, ряд групп этих вассалов еще недостаточно выявлен. Только о меликах Ахара мы можем говорить с полной уверенностью. Их крупные монеты, снабженные именами, в качестве сюзеренов ильдегизидов Абу-бекра, Узбека и хорезмшаха Джалал-

ад-дина, тоже чеканились на кружках, изготовленных с применением очень крупных выбивалок, но внутренние края последних были не скошенными, а почти вертикальными.

Группа монет того же времени, но неизвестно из какого города происходящая и битая эмиром, имя которого читается не вполне ясно, чеканена техникой, близкой к описанной выше, т. е. из бруска, шириною 12—15 и толщиной 3,0—3,5 мм, при выбивалке диаметром 14/16 до 16/18.

Таковы в общем главнейшие типы технических приемов выделки монетных кружков в Закавказье в конце XII и первых годах XIII в, позволяющие с первого взгляда, без прочтения даже надписей, определить с монетой какого из закавказских государственных образований и какого времени мы имеем дело.

Л. А. ГОЛУБЕВА

КЕМСКИЕ КУРГАНЫ

Кема впадает в Белое озеро с запада. В ее нижнем течении на левом берегу, у дер. Болтинской, расположена самая северная из исследованных в Белозерье курганная группа. В настоящее время она почти целиком разрушена песчаным карьером. В 1927 г. М. Е. Арсакова раскопала здесь 5 насыпей¹. Полусферические курганы высотой от 0,35 до 1 м, окруженные ровиками с перемычками, содержали погребения в могильных ямах. В четырех курганах было по одному погребению; в пятом косяк не сохранился. Скелеты лежали на спине, головой на запад, с вытянутыми руками. Судя по находкам гвоздей в головах и у ног и по древесному тлену, захоронения были совершены в гробах. Особенностью погребального обряда являются следы кострищ, отчетливо выделявшиеся углистыми пятнами на сером песке могильных насыпей.

М. Е. Арсакова вела раскопки колодцем 4 × 4 м. Когда кострища не попадали целиком в раскоп, устраивался подбой для выяснения их границ. Размеры кострищ от 1,20 × 1 м до 3 × 1 м; толщина угольного слоя 0,1—0,2 м. В одном из кострищ, которое Арсакова назвала очагом, были найдены зуб лошади и каменное долото; в другом — мелкие пережженные человеческие (?) кости.

Следы кострищ обнаруживались на уровне горизонта или в насыпи, на глубине 0,30—0,7 м в зависимости от высоты кургана. Кострища перекрывали могильную яму. Об этом свидетельствует приложенный к отчету разрез кургана № 1. В кургане № 5 углистый слой залегал на глубине 0,3 м от поверхности, а могильное пятно показалось на 0,1 м ниже. Очевидно, костры раскладывались после захоронения, для совершения тризны. По окончании обряда кострища засыпались, а насыпь доводилась до нужной высоты.

Судя по инвентарю, все погребения были мужскими. В первом кургане справа, у бедра покойного, был нож.

Во втором кургане около правого бедра скелета находились нож и топор, а на груди — три западноевропейские монеты плохой сохранности.

В третьем кургане на нижней челюсти обнаружена монета (сломанная). Очевидно, она была положена в рот покойного. Около левого бедра лежал наконечник копья, завернутый в бересту, у правой ступни — топор с обломанным лезвием.

¹ М. Е. Арсакова. О раскопках курганов Кемской группы, расположенных на левом берегу р. Кемы около дер. Болтинской Кемского р-на Череповецкого округа, произведенных летом 1927 г. Архив ЛОИА 168, № 117/1927. Краткое упоминание о раскопках М. Е. Арсаковой сообщает В. И. Равдоникас, см. W. J. R a u d o n i k a s. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm. 1930. Вещи из раскопок Арсаковой хранятся в Череповецком краеведческом музее.

В четвертом кургане на груди скелета лежало семь мелких бронзовых пуговиц с кусочками ткани и четыре западноевропейские монеты, у правого бедра — топор с обломанным лезвием, у правой ноги — монета и горшочек, сделанный на ручном круте, с волнистым и линейным орнаментом по всему тулову. Венчик слегка отогнут наружу; плечики высокие, округлые; диаметр венчика 0,14 м, дна — 0,08 м; высота 0,1 м.

Ножи, найденные в погребениях, крупные, с длинными и широкими лезвиями, характерными для начала XII в. Топоры — типа рабочих — не противоречат этой дате; наконечник копья втульчатый, длиной 0,2 м (форма мне неизвестна).

Из девяти монет, найденных при раскопках, определены две. Обе монеты германские, одна — утрехтского епископа Вильгельма (1054—1076), другая — Бруно Фрисландского (1038—1057)². Судя по монетам и инвентарю, дата погребений — конец XI — начало XII в. Монеты, найденные в кемских курганах, играли роль «обола» мертвых. По данным В. М. Потина³, в IX—XII вв. обычай класть покойнику монету в рот, в руку или на грудь был распространен в основном на северо-западе древней Руси (в частности, в юго-восточном Приладожье) и в Волго-Окском междуречье. Он известен также в Гнездове, Шестовицах, Чернигове, Седневе.

В. М. Потин считает, что этническая атрибуция этого обряда в описываемое время не славянская, а финская или прибалтийская; возможно, скандинавская, поскольку такой обычай известен в Бирке.

Наличие вещей в столь поздних мужских погребениях, обертывание их берестой, кострища над могильными ямами напоминают финские погребения конца XI—XII вв. юго-восточного Приладожья. Я имею в виду курганы на Ояти, раскопанные А. М. Линевским в 1949 г.⁴ Характерные для этого района в X—середине XI в. ритуальные очаги в курганах с трупосожжениями или трупоположениями в насыпи или на горизонте сменились кострищами над могильными ямами. В мужских погребениях присутствуют овальные кресала, рабочие топоры, реже — наконечники стрел и копий. Ориентировка погребенных — южная, восточная и западная.

Возможно, что и кемские курганы у Белого озера оставлены выходцами из юго-восточного Приладожья. Для белозерской веси были характерны бескурганые захоронения.

² В. М. Потин. Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории древней Руси. Тр. Гос. Эрмитажа. IX, Л., 1967, № 327.

³ В. М. Потин. О находках монет в погребениях древней Руси IX—XII вв. Доклад 18/V 1966 г. на Секции нумизматики сессии Отделения историч. наук и Ин-та археологии, посвященной итогам полевых исследований 1965 г., в Москве.

⁴ А. М. Линевский. Отчет о раскопках курганов XI в. по р. Ояти в Ленинградской области в 1949 г. Архив ИА АН СССР № 400. Кург. № 3 в урочище Гарянки; кург. № 4 и 5 в урочище Круглицы; кург. № 8 и 12 у с. Гай.

А. В. СМОЛЯК

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ОБРЯДАХ ЛОЖНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ У НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА

В археологической литературе сведения о кенотафах довольно немногочисленны, отрывочны и случайны. При нахождении археологами кенотафов полностью отсутствует возможность детального описания обрядов, связанных с этим явлением, и обычно лишь констатируются факты нахождения подобных захоронений. В этой связи определенный интерес представляют материалы о погребальных обрядах народов нижнего Аму-

ра, связанных с теми случаями, когда люди не могут по тем или иным причинам похоронить умершего родственника.

Материалы по данному вопросу собирались нами в 1958, 1960—1963 гг. среди нанайцев — в с. Падали, Кондон, Верхняя Эконь, Сикачи-Алян, Найхин и др. и у ульчей. Этот обычай остался в основном в памяти представителей старшего поколения; информаторами у нанайцев были лица из родов Тумали (Герасим Тимофеевич, 66 лет, из с. Падали, Тимофей Антонович, 54 года, из с. Эконь), Наймука (Александра Михайловна, 77 лет, из Кондона), Актанка (Екатерина Григорьевна, 55 лет, из с. Сикачи-Альяна, Киле (Гэюкэ, 67 лет, из Найхина).

Все эти люди сообщали нам сведения об обрядах, имевших место давно, когда они были еще детьми, т. е. эти обряды относятся к 1920—1930 гг. Лишь рассказ Тимофея Антоновича Тумали из Верхней Эконь относится к 1939 г. (он рассказывал об обряде, виденном им в с. Туссер).

Сведения всех информаторов были почти совершенно одинаковы, несмотря на то, что перечисленные лица жили в разных, удаленных друг от друга местах. Это дает основание говорить, что описанный ниже обряд был распространен у всех групп нанайцев (мы не собрали данных у жителей из районов Тунгуска и Кур).

Суть обряда такова: если утонул человек и тело его не нашли, нанайцы делали куклу из черемуховых веток или багульника (багульник употреблялся для этих целей чаще; этот низкорослый кустарник постоянно использовался и во время шаманских камланий) размером в полметра, реже в метр и более; ее одевали в одежду утонувшего и над нею совершали все те обряды, которые полагались в случае реальных похорон утопленника. После похорон совершался комплекс поминальных обрядов.

Нанайцы — жители низовых селений, в частности Кондона, устраивали похороны кукол в случае смерти уехавшего из дома человека (например, умер во Владивостоке или Ленинграде).

Особенно широко эти обряды были распространены у ульчей и у жителей «промежуточных» селений между нанайцами и ульчами (селения Карги, Калиновка). Здесь это явление сохранилось до сегодняшнего дня. В с. Калиновка в 1961 г. подобный обряд (с погребением куклы из багульника и захоронением при этом большого количества личных вещей умершего и провизии «на дорогу») был совершен в отношении Герасима Алексеевича Гаиль, 1928 г. рождения, умершего в Якутии, его близкими родственниками.

Большое количество могил-кенотафов появилось у низовых нанайцев и ульчей во время Великой Отечественной войны. В 1947 г. автору этих строк пришлось присутствовать в с. Булава на обряде больших поминок по погибшему на фронте в 1944 г. ульчу А. Ангин. Его мать узнала о гибели сына в 1945 г.; был совершен обряд погребения куклы¹ из багульника в присутствии многочисленных родственников. После «похорон» мать устраивала в течение двух лет ежемесячно обряд малых поминок, а через два года состоялись большие поминки, на которые собралось более 100 человек родственников и односельчан. Как и во время обычных больших поминок, в течение целого дня готовились кушанья на костре и тут же у могилы расставлялись, чтобы душа могла поесть. К концу дня началась трапеза всех присутствующих. Затем разожгли большой костер, на который положили носильные вещи умершего, наряду с заново купленными и сшитыми специально для больших поминок, а также множество всевозможных кушаний.

¹ Прежде во время подобных обрядов шаман «разыскивал» душу утонувшего или умершего не дома и «вкладывал» ее в куклу. В отношении погибших на фронте во время Отечественной войны этого не делали: шаман говорил, что они не могут разыскать душу, находящуюся где-то страшно далеко и среди душ многих других убитых.

Ульчи считали раньше, что душа умершего после смерти вплоть до больших поминок находилась в промежуточном мире альдамбули; в это время родственники заботились о душе, регулярно ее «кормили» во время малых поминок. Во время больших поминок душа уходила в загробный мир, и всякая связь с нею была в дальнейшем уже невозможна. Вот почему в 1947 г. во время больших поминок по А. Ангину, на которые собрались его фронтовые друзья и друзья детства, по окончании всех действий, когда в доме состоялась трапеза, один из друзей начал тост словами: «Сегодня мы проводили в последний путь нашего дорогого товарища...». В настоящее время большие поминки устраивают без помощи шаманов. В с. Аури до сих пор стоит намогильный памятник с красной звездочкой, поставленный еще до войны родителями ульчского юноши, умершего во время учебы в Ленинграде в Институте народов Севера.

Похороны куклы из багульника имели место в 1955 г. в с. Колочом, после того как родители (род Уды) узнали о том, что их сын утонул в Охотском море. Куклу из багульника они хоронили в срубе, так как утонувший был близнецом, а близнецов ульчи хоронили в срубах. В начале 1950-х годов в с. Булава произошла настоящая трагедия: утонула в Татарском проливе во время охоты на морского зверя целая бригада из семи человек, людей молодых и сильных. Семья каждого из утонувших устраивала похороны куклы из багульника со всеми традиционными обрядами. В 1962 г. у одного из ульчей, учителя, утонул маленький ребенок, тело которого не нашли. Учитель, разумеется, не стал устраивать старые обряды, но не считаясь с его желаниями, это сделали, сообразуясь с традициями, его старики-родственники.

Таким образом, если у нанайцев обряд погребения куклы, в случае невозможности похоронить тело, представляет собой совсем недавнее прошлое, то у ульчей эти обряды живут до настоящего времени.

Подобные обряды существовали и у нивхов; если кто-то умер вдали от дома, они делали куклу из багульника и либо хоронили ее в могиле (те нивхские роды, которые не сжигали умерших), либо сжигали на костре вместе с одеждой. Об этом нам рассказывали в 1958 г. нивхи Фунтик Хирлэнг из с. Вайда, Аполлон (род Твабин) из с. Мачула, а также Кумыс Дехаль из с. Пад. По словам последнего, куклу из багульника делали не всегда, иногда хоронили или сжигали на костре только одежду умершего.

Много обрядов совершалось во время или вскоре после Великой Отечественной войны. Несколько женщин-нивхов из с. Пад рассказали нам о том, что они в 1944—1946 гг. «хоронили» рубашку либо галстук погибшего на фронте мужа, затем устраивали ежемесячно малые поминки в течение года, а потом большие.

Старый нивх Хидюн (род Твабин) из с. Вайда в 1965 г. рассказал об обряде, сделанном им в 1926 г., когда умер на Сахалине, в больнице г. Александровска, его брат. Хидюн смог поехать туда лишь на следующий год. Могилу на большом городском кладбище он не нашел. Тогда он срезал там палку длиной в 0,5 м, взял в больнице вещи, оставшиеся от умершего, приехав домой, он сделал куклу длиной 20 см из багульника (он назвал ее Чхнай) и одел ее в одежду умершего. На кладбище при стечении родственников и односельчан на большом костре кукла вместе с палкой, срезанной на кладбище, была сожжена (этот род обычно сжигал умерших). После сожжения Хидюн сделал маленький домик раф, куда поставил деревянную куколку так, как обычно делали нивхи после сожжения умерших. Поминки около домика устраивались после «похорон» в течение трех дней, затем ежемесячно, а через год были устроены большие поминки.

Описанные обряды позволяют считать обряд погребения кукол в случае невозможности похоронить тело умершего общим для всех народов нижнего Амура.

Критика и библиография

А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества. Издательство «Высшая школа». М., 1968 г., 208 стр. Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для студентов исторических факультетов

В университетах и педагогических институтах Советского Союза преподавание истории первобытного общества как отдельного предмета началось лишь около 35 лет назад. Тогда же приступили к подготовке университетских учебников по истории первобытного общества. Первый такой учебник был написан В. И. Равдоникасом¹. Он сыграл большую роль в подготовке кадров советских историков. По этому учебнику учились многие тысячи студентов. Несколько лет тому назад был издан добротный, серьезный учебник Ю. В. Кнышенко². И наконец, рецензируемая книга представляет третий советский учебник истории первобытного общества³.

Перед А. И. Першицем, А. Л. Монгайтом и В. П. Алексеевым стояла очень трудная задача. За последние 10 лет история первобытного общества, и особенно проблема периодизации первобытной истории, этапов развития первобытной семьи, становления человеческого общества, оживленно обсуждается как в советской, так и в зарубежной исторической науке. Многие положения советской науки о первобытности, еще сравнительно недавно считавшиеся общепризнанными, теперь оспариваются, причем оспариваются советскими же учеными, стоящими на позициях марксизма-ленинизма⁴. Таким образом, многое оказывается шатким, спорным, еще недостаточно устоявшимся. А с другой стороны, не прекращаются наскоки буржуазных ученых на советскую науку о первобытном обществе. В этом отношении показательна появившаяся совсем недавно резко враждебная рецензия известного американского генетика Т. Добжанского на книгу Ю. И. Семенова «Как возникло человечество»⁵.

Авторы современного университетского учебника, резко выступая против реакционных буржуазных концепций, не могут, разумеется, нарисовать розовую, идиллическую картинку современного состояния науки о первобытности. Было бы грубой ошибкой пытаться внушить студентам, что все здесь гладко, ясно, бесспорно, пытаться обойти многообразие взглядов и интерпретаций. Но не меньшей ошибкой было бы попытаться заменить целостное последовательное изложение предмета мозаикой разных точек зрения, каждая из которых имеет де право на существование.

¹ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, I. Л., 1939; II. Л., 1947.

² Ю. В. Кнышенко. История первобытного общества и основы этнографии. Ростов-на-Дону, 1965.

³ Сюда надо еще добавить выпущенные за последние 30 лет рядом университетов и педагогических институтов учебно-методические пособия по истории первобытного общества, принадлежащие перу В. К. Никольского, Т. Д. Белановской, Д. Е. Хайтуна и ряда других исследователей. Они были рассчитаны главным образом на студентов-заочников данного учебного заведения, выходили небольшими тиражами и поэтому имели сравнительно ограниченное распространение. Перечень их см. в книгах: Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская и А. А. Любимова. Советская археологическая литература. Библиография, 1941—1957. М.—Л., 1959, стр. 58—61 и 574—575; Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина и А. А. Любимова. Советская археологическая литература. Библиография, 1918—1940. М.—Л., 1965, стр. 64—66.

⁴ Ю. Аверкнева, А. Першиц, Л. Файнберг, Н. Чебоксаров. Еще раз о месте материнского рода в истории общества. СЭ, 1963, 3, стр. 200—205; Н. А. Бутинов. Письмо в редакцию, СЭ, 1965, 3; В. Р. Кабо, Письмо в редакцию. Там же, стр. 185—186; По поводу писем Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо. Там же, стр. 187—190.

⁵ «Man», нов. сер., 3, I, London, 1968. Ср. Тр. VII МКАЭН, IV, М., 1967, стр. 455—461.

Мы видим, что трудности, стоящие перед авторами учебного пособия по истории первобытного общества, очень велики. Поэтому любая книга на эту тему, выпущенная в настоящее время, вызовет разочарование ряда читателей. В ней усмотрят и положения, энергично оспариваемые многими достаточно авторитетными исследователями, и расплывчатость, обтекаемость по некоторым важным вопросам. Такие упреки, несомненно, будут брошены и авторам рецензируемой книги.

Но все же следует признать, что А. И. Першиц, А. Л. Монгайт и В. П. Алексеев в общем успешно справились со своей задачей и сделали максимум возможного для преодоления стоявших перед ними трудностей. Они создали ценный, полезный учебник по истории первобытного общества, заостренный против реакционной буржуазной науки, насыщенный большим, продуманно систематизированным фактическим материалом. Учебник не грешит безапелляционным догматизмом; авторы отмечают спорность, неразработанность ряда проблем, расхождения во мнениях. Авторы не стремятся навязать свою точку зрения как единственно приемлемую. Но учебник не грешит и всеядностью. Мы не найдем в нем бессистемной мозаики разных племен и культур, разных форм хозяйства и семейных отношений. В основе учебника лежит марксистско-ленинская концепция о закономерности исторического процесса, о последовательных, закономерных этапах развития первобытнообщинного строя.

Удачно то, что в авторском коллективе представлены и этнограф, и археолог, и антрополог. Это обеспечило равномерное и всестороннее освещение предмета. Между тем мы помним, что в учебнике В. И. Равдоникаса археологическая часть превалировала над этнографической, а в известных книгах М. О. Косвена по истории первобытной культуры этнография превалировала над археологией и антропологией.

Мне представляются правильными и обоснованными основные, принципиальные положения, развиваемые в рецензируемой книге. В частности, авторы убедительно трактуют ранний палеолит как особый своеобразный ранний период истории первобытного общества, период действия и естественного отбора и исторических закономерностей (стр. 34). Очень убедительно и свежо критикуется буржуазная теория «пре-сапиенса», обосновывается и защищается положение о неандертальской стадии развития физического типа человека (стр. 48—50). Совершенно справедливо говорится о материнском роде как о форме организации общества, сменившей первобытное человеческое стадо (стр. 70—74), и о патриархате как о форме общественных отношений, в большинстве случаев более поздней, чем материнский род (стр. 170—177). Столь же справедливо и положение о групповом браке как о форме, из которой позднее развился парный брак (стр. 99—102). Четкость основных, принципиальных положений удачно сочетается с большим конкретным антропологическим, археологическим и этнографическим материалом, приводимом в учебнике.

К сожалению, в рецензируемой книге, как и во многих подобных обобщающих трудах, встречаются досадные неточности. Их не так уж много, но их следовало бы избежать. Перечислю некоторые. Снова повторяется имеющее некоторое распространение, но ошибочное утверждение, что для позднего палеолита в отличие от предшествующих эпох характерно широкое применение специализированных каменных орудий для производства орудий (стр. 7). В действительности и в древнем палеолите, как и в позднем, были широко распространены каменные орудия, служившие для изготовления орудий. Не говоря уже об отбойниках и ретушерах, значительная часть древнепалеолитических рубящих и режущих орудий использовалась для изготовления орудий из дерева.

Неандерталец был открыт в Тешик-Таш не в 1939 (стр. 49), а в 1938 г.

Нет оснований говорить о сходстве в отдельных случаях вместительных жилищ австралийцев с позднепалеолитическими жилищами Европы (стр. 86).

Устарело утверждение о том, что в Японии до сих пор не обнаружено находок, относящихся к палеолиту или мезолиту (стр. 120). За последние 10 лет в Японии открыт и изучен ряд бесспорных палеолитических памятников⁶.

На некоторых страницах (121, 166) археологические памятники и культуры, расположенные в основном на территории Пакистана, безоговорочно отнесены к территории Индии.

Жаль, что нигде не сказано о новаторских и очень важных для каждого историка первобытного общества трасологических и экспериментальных исследованиях С. А. Семенова, посвященных первобытной технике⁷.

В заключение настоящей краткой рецензии я хотел бы остановиться на двух принципиальных вопросах, возникающих в связи с рассмотрением университетского учебника такого типа.

Полагаю, что рецензируемая книга значительно бы выиграла, если бы в ней были больше подчеркнуты вопросы развития науки, научного предвидения, планомерного

⁶ Tatsuo Sato and Jutaka Sakaguchi. The Nya Industry and other Palaeolithic Remains in Japan. «Quartar», 14, 1962—1963; Chosuka Serizawa. A Lower Palaeolithic Industry from the Sozudai Site. Reports of the Research Institute for Japanese Culture. I, Sendai, 1965.

⁷ С. А. Семенов. Первобытная техника. М.—Л., 1957; е г о ж е. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

заполнения белых пятен в наших познаниях. Археология и палеоантропология дают богатейшие и эффектные материалы для показа триумфов ищущей науки. Открытие Е. Дюбуа в 1891 г. остатков питекантропа на Яве, открытие А. П. Окладниковым в 1938 г. остатков неандертальца в Средней Азии, открытие В. И. Канивцом и Б. И. Гуслицером в 1960 г. палеолита на Крайнем Севере, на берегу р. Печоры, как и множество других подобных открытий, не были случайной находкой удачливого антрополога или археолога. Исходя из теоретических предположений, развитых во многих исследованиях, названные ученые систематически, целеустремленно искали определенный материал в определенных районах и в конечном счете нашли то, что искали. Эти вопросы, имеющие огромное воспитательное значение, было бы весьма целесообразно поставить в учебнике, рассчитанном в первую очередь на учащуюся молодежь. Следовало бы одновременно указать и на то, какие принципиально важные палеоантропологические и археологические находки могут быть сделаны в ближайшие годы и в каких районах.

Второй вопрос касается иллюстраций. Рецензируемая книга в общем неплохо иллюстрирована. Многие рисунки являются свежими и впечатляющими. Но в учебнике такого рода более полезны были бы специально составленные для него сводные таблицы рисунков и фотографий, последовательно характеризующие рассматриваемые темы. Такие таблицы, быть может, были бы менее привлекательны, но они содержали бы столь же важный учебный материал, как и сам текст учебника. Хороший пример в этом отношении показывают современные французские учебники по смежным отраслям науки⁸.

В целом книга А. И. Першица, А. Л. Монгайта и В. П. Алексеева представляет собой бесспорную удачу. Она поможет многим тысячам начинающих историков овладеть важным и интересным разделом исторической науки.

П. И. Борисковский

⁸ A. Leroi-Gourhan, G. Bailloud, J. Chavaillon, A. Laming-Emperaire. La Préhistoire. Paris, 1966.

Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса (Академия наук Украинской ССР. Институт археологии), «Наукова думка», Киев, 1964, 194 стр. печатного текста, тираж 870, ц. 1 руб.¹

Названная здесь книга Э. И. Соломоник состоит из краткого предисловия и восьми глав: I. Декреты и почетные надписи (№ 1—13), II. Письма (№ 14), III. Посвящения (№ 15—19), IV. Агонистические каталоги и списки имен (№ 20—22), V. Строительные надписи (№ 23—27), VI. Надгробия (№ 28—58), VII. Латинские надписи (№ 59—73), VIII. (№ 74—108), заключения («Значение новых надписей для истории Херсонеса»), различных указателей (1. Греческие и римские имена, 2. Географические и этнические названия, 3. Имена богов, 4. Государственные учреждения, должности, звания, 5. Почетные звания, привилегии, 6. Прочие термины), «Списка сокращений», «Принятых обозначений» (в публикациях эпиграфических памятников). Почти все публикуемые в книге надписи сопровождаются фотографиями памятников.

«Новыми» в книге Э. И. Соломоник названы эпиграфические памятники Таврического Херсонеса, в своей основной массе не вошедшие во второе издание «Греческих и латинских надписей северного берега Черного моря» (IosPE) В. В. Латышева, непосредственно исследованные автором книги в эпиграфическом лапидарии Херсонесского музея (создан в 1957—1958). Проверка фондовых и архивных материалов, паспортизация и каталогизация памятников дали автору возможность выявить «новые» памятники: «Их удалось сложить из разрозненных фрагментов, найденных в разное время и на большом расстоянии друг от друга (см. № 7, 14, 21)» (стр. 4). Естественно, что в числе «новых» оказываются и некоторые опубликованные в IosPE надписи, не прочтенные и не восстановленные издателем, но интерпретированные и тем самым введенные в научный обиход автором рассматриваемой здесь книги (см. 4, 15, 44, 66; ср. IosPE 597, 642, 715, 749).

Значительно преуменьшая свои заслуги перед исторической наукой, автор так характеризует свою задачу: «Если нам удалось убедительно датировать, прочитать и истолковать хотя бы часть новых надписей, мы будем считать свою задачу выполненной» (стр. 5). Несомненно, автору удалось сделать гораздо больше этого, и неизбежно фрагментарная история Таврического Херсонеса, как и всего Северного Причерноморья, в результате предпринятых Э. И. Соломоник исследований обогатилась новыми фактами.

В книге Э. И. Соломоник исследовано 108 эпиграфических памятников, в хронологическом отношении располагающихся в пределах восьми веков существования Таврического Херсонеса (IV до н. э.— IV в. н. э.) как независимого, полузависимого

¹ I. I. Rusu. Реу: Ella Isaakovna Solomonik. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Київ, 1964, SCIV, 1965, 4, стр. 831—834.

и вполне зависимого государства. Большинство памятников — это надгробные памятники с эпитафиями. Многие из них — мраморные «вставки» (ἐμβολαί) в известняковые плиты. Возникновение такого типа памятников в Херсонесе автор объясняет нехваткой мрамора как импортного материала. Тут мимоходом можно заметить, что в то же самое время (доримский период), например, в Ольвии положение с этим материалом едва ли существенно отличалось от положения в Херсонесе, а насколько мы можем судить на основании имеющихся публикаций, в Ольвии, как в прочих греческих городах Причерноморья, преобладал другой тип надгробных памятников. Вполне возможно, что тип надгробий (ἐμβολαί) был традиционным уже ко времени основания Херсонеса и в таком смысле надо понимать «живучесть традиции», о которой пишет автор (стр. 181). Введенные в научный обиход автором рассматриваемой книги херсонесские эпитафии обогащают древнегреческую антропонимию новыми личными собственными именами (ср. Μαρκῶ гинеконим на основе андронима Marcus? Лепетные имена Ποπρίας и Τεττία, а также, в частности, севернопричерноморскую и херсонесскую антропонимию. Автор обращает внимание на новый класс надгробий, в котором эпитафии не вырезаны резцом, а написаны кистью (ср. № 30). Таких надгробий найдено было немало при исследовании башни Зенона в 1960—1961 гг., и они должны быть опубликованы в специальной статье Э. И. Соломоник в 4-м выпуске записок Херсонесского музея. Автором отмечены, вероятно, наиболее древние образцы эпитафий с формулой ἐνθάδε[κεῖται] (№ 49 — «позднееэллинистическое время») и заслуживающие внимания образцы эпитафий римского времени с формулой [ἐνθάδε]κεῖται (с орфографией κεῖμε, № 50, 51). Один из опубликованных фрагментов обнаруживает остаток эпитафии довольно редкого в Северном Причерноморье типа с дательным падежом множественного числа [ὁ τοῦ θεῖος] Φορμ[ίων]... [...] οἱς (№ 45). В смысле собственно лингвистических особенностей опубликованные в книге Э. И. Соломоник надписи не дают чего-либо нового. Обычной для эллинистическо-римской эпохи является орфография, свидетельствующая о монофтонгизации йотированных дифтонов: αἱε, εἱι (графически εἱ = ι). Весьма остроумной является догадка автора (см. № 44) о метрическом (соотв. стихотворном) характере фрагмента... θναύτα Παλαχιδόν π., а также определение такого же характера фрагмента № 58, где этот характер подсказывают формы ἐλεούσαις (sic!) и βροχαιεύης (ионизм!). Менее вероятным представляется в этой последней надписи восстановление имени бога солнца [Ἡλιε], только в качестве подходящего субъекта к предикату ἐλεούσαις, тем более что ἐλεούσαις можно еще толковать как множественное число существительного ἐλεούσις («пришествие»). Очень интересны соображения автора, возникшие на основании изучения новых херсонесских эпитафий, о связях этого города-государства с Южным Причерноморьем, Киммерийским Боспором, Фракией (в широком смысле) и Ближним Востоком (см. аналогично для № 57 — надгробия римского времени из Пальмиры). Раздел посвященных надписей (III) открывается фрагментом постамента какой-то статуи (к сожалению, не указывается, какой именно след ноги сохранился на верхней плоскости постамента: свидетельствует ли он в пользу того, что статуя была мраморная, или бронзовая?) с остатком надписи... γουαί ... ἀβαφα ... Автор производит очень смелое восстановление, в результате которого во второй строке появляется дорийская (как и следовало ожидать в Херсонесе) форма имени богини плодородия (или, точнее, богини — покровительницы земледелия): Δάματρι. Это, конечно, одна из возможных. Однако, по нашему мнению, можно было бы учесть и другие варианты реконструкции. Так, принимая ту же основу восстановления, мы могли бы вместо формы Δάματρι подставить именительный или какой-либо косвенный падеж собственного имени Δάματριος(=Δημήτριος). В таком случае отпало бы все рассуждение автора (стр. 49) о культе Деметры в Херсонесе. Само собой разумеется, что мы не настаиваем именно на варианте Δάματριος, Δάματριου вместо Δάματρι, но хотим подчеркнуть, то пренебрегая вероятности в пользу предложенного автором чтения не очень значительный, от чем нельзя не сказать. Учитывая это замечание, мы с большой осторожностью ипцен ваем сказанное автором в «Заключении» о культѣ Деметры в Херсонесе (стр. 182). Пожалуй, не очень убедительным оказывается одно то обстоятельство, что надпись бы ла вырезана на стенке мраморной чаши (№ 16), для определения ее «культного» характера, поскольку в остатках этой надписи нет ничего, указывающего на адресат дедикации. Чрезвычайно трудно также восстановить не столько форму (№ 24, стр. 66—67), сколько смысл надписи на известняковой плите из башни Зенона, надписи, состоящей всего из четырех букв: ΔΙΟΣ. Наиболее интересной здесь оказывается аналогия с graffito на канфаре. Однако и эта аналогия не раскрывает первоначального смысла обеих надписей. Мы могли бы согласиться, скорее, с тем, что в этой надписи шла речь именно о посвящении (как в Ios PE 1², 438), но не можем согласиться с утверждением (стр. 66): «Такая надпись могла быть вырезана на какой-либо постройке (храме, башне, стене) и обозначать ее название». Наиболее интересным, по нашему мнению, является толкование, которое дает Э. И. Соломоник 13-строчной надписи, хранящейся ныне в Херсонесском музее (№ 1, стр. 7—15). Сохранившаяся на этом памятнике часть первоначального текста позволяет сделать вывод о том, что речь идет о декрете в честь какого-то херсонесита, оказавшего услуги своим согражданам в трудное для них время. Этот декрет по ряду признаков автор сближает со знаменитым декретом в честь Диофанта (Ios PE, 1⁴, 352, а также 353). Это сближение представляется достаточно убедительным. Особенно интересно в этом декрете чтение девятой

строки:] «ἐπὶ Ναπιτῶν φρούριον»). Автор допускает два чтения среднего слова *Ναπιτῶν*, (род. п. множ. ч. предполагаемого этнонима *Ναπίτας* или *Ναπίτης* и *Ναπίταν* (вин. п. ед. ч. того же самого этнонима в качестве названия укрепленного пункта или крепости). Здесь автор использует «Географический словарь» Стефана Византийского, в котором имеется следующая чрезвычайно важная для интерпретации данной строки статья: *Νάπις, κώμη Σκυθίας. ὁ οἰκίστωρ Ναπίτης ἢ Ναπίτης ἢ κώμη. καὶ Ναπίται ἐθνικόν*. Если перевести эту статью буквально, получится: «Напис — село Скифии. Житель — Напат или напит — село. И напитки — этноним». Очевидно, что при таком чтении остаются неясности: напат и напиток — синонимические варианты катойконима? Как еще кроме «Напис» называется скифское село? Может быть, переписчик «Словаря» допустил перестановку слов, искажающую общий смысл статьи, например: «Житель напат или напиток. Село и этникон — Напиты». А может быть, неясность проистекает всего лишь из-за неправильной пунктуации издателя, например, точку надо было поставить после катойконима «напит». Тогда получится хотя и неуклюжая, но более ясная в отношении смысла фраза: «Село и Напиты (как и) этноним», т. е. «село называлось еще Напиты, так же, как и народность». Автор книги предпочитает подвергнуть атетезе или просто зачеркнуть разделительный союз «или». И, кажется, напрасно. Противопоставление *Ναπίτης ἢ Ναπίτης* вполне естественно для древнегреческой этнической ономастики, о чем сколько упоминает и автор книги («суффиксы —ιτης, —ατης — могли чередоваться», стр. 13). Чаще всего суффикс —ιτης (не —ατης, —ητης!) использовался для образования катойконима от топонима, как, например, ἡ Χερρόνησος, ἡ Χερσόνησος ὁ Χερρονησίτης, ὁ Χερσονησίτης. Перифрастически ἡ πόλις (= τὸ ἄστυ) Χερσόνησος назывался еще ἡ τῶν Χερρονησίων (Χερσονησιτῶν, Χερσονησιτῶν, Χερσονησιτῶν) πόλις и т. п. Синонимом катойконима Χερσονησίτης и пр. был Χερσονήσιος и пр. и, возможно, Χερρονησιώτης (у римлян *Cherronensis*). В других случаях (в частности, аналогичных рассматриваемому здесь) суффикс —ιτης оказывался единственно возможным для образования катойконима, например, ἡ Μέμφις ὁ Μερφιτης. Таким образом, в надписи № 1 наиболее правдоподобным представляется чтение: ἐπὶ Ναπιτῶν φρούριον. Но в таком случае требует объяснения отсутствие определенного артикля (τὸ) перед *Ναπιτῶν* (= *Ναπιτῶν*). Отсутствие его должно было равняться наличию неопределенного местоимения, например, ἐπὶ Ναπιτῶν τιῶν φρούριόν τι. Смысл словосочетания ἐπὶ Ναπιτῶν φρούριον можно передать примерно так: «Против какого-то укрепления напитков». Если это правильное чтение и правильное понимание, мы не можем разделить уверенности автора в отношении предложенного в его книге истолкования данной надписи как единственно возможного. Вполне правдоподобным можно признать свидетельство древних авторов о переселении (ираноязычных) скифских племен с востока на запад. Однако нельзя согласиться с таким утверждением: «Плиний помещал напеев в Азии, а, по свидетельству Стефана Византийского и новой надписи, они жили в Таврике» (стр. 13). Надо полагать, что κώμη Σκυθίας не равнозначно «κώμη Ταυρικῆς». Локализация напитков и Напиды в Крыму возможна была бы только на основании каких-то дополнительных фактов, которыми мы в настоящее время не располагаем. Микроэтноним «напиты», так же как «айгиалиты» (позже ялиты, название, лежащее в основе топонима Ялита, современная Ялта), мог быть греческого происхождения и восходить к нарицательным *νίπη* и *νίπος*².

Можно считать вполне закономерной связь, как восходящую (>), так и нисходящую (<), между этнонимом и ойконимом (в данном случае названием населенного пункта), например, Рим > римляне (*Roma* > *Romani*) и Персеполис < персы (*Περσέπολις* < *Πέρσαι*). Последний случай в древнем мире был, по-видимому, нехарактерным. И даже не только в древнем мире, ср. Черкасы (Черкасы) Киевской области на Днепре, ведущие свое происхождение от этнонима «черкесы». Таким образом, высказанное автором на стр. 13 предположение о том, «что многие скифские топонимические названия происходят от этниконов», представляется нам необоснованным, поскольку оно построено на «подобозвучиях»: «напы — напитки», «палы — Палакион», «Илурат — Гелуры» (*Heruli*)³, «Хабей — неизвестный этникон». Что касается Киммерика (*Κιμμερικὴ κώμη* или *Κιμμερικόν* у Страбона XI, 494) и Киммерия (*Κιμμέριον*, Птолемей III, 6,6, Помпоний Мела I, 19, Г. Плиний Секунд Старший VI, 6, 6), то ссылка на них (стр. 13, № 20) не является доказательной, так как их нельзя считать «скифскими топонимическими названиями». Мы не можем также разделить оптимизм автора в отношении установления прежде неизвестных названий скифских племен и тем более в отношении «сложной и далеко не решенной проблемы их этногенеза». Мы полагаем, что без надежных чисто лингвистических фактов нельзя даже близко подойти к этой злополучной проблеме, а не то что «решать» ее.

Очень остроумны и поучительны соображения автора относительно фрагмента № 44. Достаточно убедительны здесь доказательства в пользу того, что «Палакион» и «Палакион» могли быть в греческой передаче вариантами одного и того же топонима Таврического полуострова. Можно, конечно, согласиться с тем, что названный топоним в обоих своих вариантах обязан происхождением собственному имени (антропо-

² См. H e n g u and R. K a h a n e. *Four Graeco-Romance Etymologies*. «*Romance Philology*», XIX, 2, November, 1965, стр. 261—262.

³ На стр. 12 «елуры». У Стефана Византийского «*Ἐλουροι*», очевидно, метатеза. Едва ли можно считать несомненным факт их пребывания на Керченском полуострове.

ниму) Палак (*Πάλακος*), но и здесь под большим сомнением остается ссылка на непосредственную связь ойконима с предполагаемым этнонимом «Палы» стр. 94). Поскольку из истории Боспорского государства нам известны династы с именем Савромат⁴, которое, очевидно, не может не восходить к этнониму «савроматы», мы склонны были бы скорее усматривать связь между «палами» (палаками?) и «Палаком», чем между этим уникальным этнонимом и ойконимом в указанных его вариантах.

Еще несколько замечаний. Как пример очень смелой реконструкции можно привести № 27. На основании одной целой буквы (Т) и остатка какой-то другой буквы справа от нее автор восстанавливает в общих чертах почти всю надпись: «Такой-то, пожертвовавший на колонны столько-то динариев» (стр. 74).

Как представительница редкого класса эпитафических памятников, привлекает внимание надпись № 14. Уникальное женское имя, как уже упоминалось выше, читается на надгробии № 30.

Значительный исторический интерес представляют 14 римских надписей на латинском языке (№ 59—73) и среди них особенно № 59 на алтаре с посвящением Немесиде Хранительнице (Спасительнице).

Книга Э. И. Соломоник «Новые эпитафические памятники Херсонеса» является наиболее значительным достижением в области публикации античных эпитафических памятников Северного Причерноморья за последние 50 лет.

А. А. Белецкий

⁴ Из династии Тибериев Юлиев:
Савромат I (93/4—123/4 н. э.),
Савромат II (174/5—210/11 н. э.),
Савромат III (229/30—232/3 н. э.),
Савромат IV (275/6 н. э.).

Anton Tociк, *Slawisch-Awarisches gräberfeld in Holiare, archaeologica slovacica — catalogi, tomus 1*. Bratislava, 1968.

Работа А. Точика, директора Института археологии Академии наук Словакии в Нитре, «Славяно-аварский могильник в Голяре», является первым томом нового источниковедческого издания «Археология Словакии — каталог».

Работа состоит из небольшого авторского введения, каталога 785 погребений с 37 рисунками-схемами погребений в тексте и 88 таблицами фотографий внешнего вида могильника, погребений и сопровождающего инвентаря.

Во введении автор говорит о топографии могильника, расположенного к востоку от населенного пункта Голяр, по дороге к Бодце. За сезоны 1952—1955 гг. раскопано 785 погребений, и примерно 300 находится под домами, садами или разрушено карьером.

Прямоугольные могилы, иногда с закругленными углами, располагаются неправильными рядами. Большинство погребений представляет собой труположения, ориентированные головой на северо-запад (единична ориентировка С-С-З, З, Ю-В, З-С-З, С, З-Ю-З). В 26 могилах мы видим погребения с конем (в 25 случаях конь находится слева от своего хозяина и ориентирован точно так же, а в одном случае конь погребен с противоположной ориентировкой). Интересно, что 26 погребений с нарушенным положением костяка автор рассматривает как разрушенные ритуально (в трех случаях перемещен череп, в 10 — верхняя часть туловища и в 13 — тазовые кости или нижние конечности). Сопровождающий инвентарь представлен украшениями (серьги, аграфы, инкрустированные стеклом, бронзовые и серебряные детали поясных наборов), туалетными принадлежностями и керамикой.

По инвентарю и на основании стратиграфических наблюдений автор выделяет ранний, промежуточный и поздний периоды, но в тексте приводит примеры погребений, относящихся к различным периодам.

Для раннего периода выделены погребения 68, 82, 232, 370, 463, 509, 630 и 694. Датированными вещами являются крупные серебряные серьги с подвеской из крупного дутого шарика, украшенного выступающими полушариями и цепочками зерни, или литые серебряные луновидные, типа Мартыновки. Среди поясных наборов следует отметить тонкие штампованные с геометрическим орнаментом поясные накладки и наконечники, небольшие штампованные золотые треугольные и свинцовые накладки, безусловно свидетельствующие о германских влияниях (п. 370, табл. XI). Среди керамики преобладает лепная, хотя имеются и экземпляры керамики дунайского типа, сделанной на медленной вращающемся гончарном круге.

К переходной группе автором отнесены погребения 2, 134, 177 и 248, хотя погребение 248, на наш взгляд, должно входить в группу погребений позднего периода.

Типичными примерами погребений позднего периода автор считает 115, 316, 613, 615, 623 и 774, но количественно это, конечно, наиболее многочисленная группа.

Отличительным признаком, как и для всех древностей аварской эпохи, являются бронзовые литые украшения поясов (пряжки, накладки и наконечники) с растительным или звериным орнаментом, причем пояса с изображением растительных побегов и круглых завитков количественно преобладают. Керамика представлена сосудами развитых форм «дунайского типа», украшенными линейно-волнистым орнаментом, изготовленными на медленно или быстро вращающемся гончарном круге. В единичных случаях мы имеем клейма на донцах. В погребении 623 находился неорнаментированный сосуд из желтой глины.

Данная работа является полной публикацией могильника Голяр, что нужно расценить как очень важный факт. Если учесть, что за последнее время вышел ряд детальных исследований по отдельным могильникам этого времени, расположенным в Словакии и Венгрии¹, то нужно сказать, что издание каждого могильника увеличивает ценность предыдущих изданий. Особенную же ценность издание этого материала представляет для изучения проблемы возникновения Веллкоморавского царства и выяснения взаимоотношений между аварами и славянами.

В. Ковалевская

¹ Z. Cilinská. Slawisch-Awarisches gräberfeld in Nove Zámky. «Archaeologica Slovaca», VII, Bratislava, 1966; I. Kovrig. Das awarenzeitliche gräberfeld von Alattyán. «Archaeologia Hungarica», XL, Budapest, 1963; N. Fertich. Das Awarenzeitliche Gräberfeld von Pilismarót Basaharc. «Studia Archaeologica», 11, Budapest, 1965.

R. E. Ewart Oakeshott. *The Sword in The Age of Chivalry*. London, 1964. 152 стр. + 134 рис. 48 табл. (несколько замечаний о современном западноевропейском историческом оружии).

С тех пор как оружиеведение выделилось в самостоятельную научную дисциплину, в этой области знания продолжительное время задавали тон представители немецко-австрийской школы, а издававшийся в Германии «Zeitschrift für historische Waffenkunde» в течение 50 лет выполнял роль монопольного международного органа историков-оружиеведов. Вторая мировая война привела не только к временному прекращению этого издания¹, но и к радикальному обновлению и перестановке научных сил в самом историческом оружиеведении. Немецкая наука, запятанная писаниями и действиями отдельных реакционных ученых², утратила свой прошлый высокий авторитет еще до полного крушения гитлеровского рейха.

Сразу после окончания войны в ряде стран Европы и Америки стали интенсивно развиваться собственные военно-исторические и оружиеведческие знания. Этот процесс сопровождался появлением особых обществ, институтов, музеев и множеством специализированных и периодических изданий. В 1957 г. музейные сотрудники из разных государств, работающие в области оружия и военного дела, основали Международную ассоциацию музеев оружия и военной истории (ИАММ). В настоящее время в эту организацию входит около 200 гражданских и военных музеев из 50 стран всех континентов (включая и СССР), и по числу членов она едва ли не самая обширная Ассоциация, осуществляющая международное научное и культурное сотрудничество под эгидой ЮНЕСКО³. Каждые три года Ассоциация созывает конгрессы оружиеведов и военных историков, в июне 1966 г. очередной, IV конгресс состоялся в Москве и Ленинграде.

О все возрастающей популярности оружиеведения свидетельствует тот факт, что эта дисциплина вышла за пределы кабинетов коллекционеров и ученых и вместе с другими гуманитарными науками все глубже проникает в досуг и образование рядового человека. Собираем и изучением старинного оружия и военного снаряжения занимается сейчас множество людей⁴. Бурные технические преобразования.

¹ Возобновлено в 1955—1958 гг. в Берлине под названием «Mitteilungen der Gesellschaft für historische Kostüm — und Waffenkunde», а с 1959 г. выходит в ФРГ под названием «Waffen und Kostümkunde».

² Характерен в этом отношении пример живущего в Западной Германии археолога и оружейника П. Паульсена, в годы войны орудовавшего в музеях Польши и в оккупированных районах СССР в чине оберштурмфюрера СС (A. Nadolski. Ancient Polish Arms and Armour. «The Journal of the Arms and Armour Society». IV, 2, London, 1962, стр. 38, примеч. 2).

³ Ассоциация включает большинство художественных и исторических музеев мира, хранящих выдающиеся коллекции оружия. Членами Ассоциации (примерно 25%) являются также и военно-исторические музеи. Информацию о всех этих учреждениях см. в справочнике: Repertory of Museums of Arms and Military History. Copenhagen, 1960.

⁴ В мае 1965 г. в Турине состоялся I Международный конгресс любителей старинного оружия и военной истории.

острые военно-политические конфликты, борьба народов, катастрофы и победы, неуязвимое мастерство древних оружейников — все это способно увлечь огромную аудиторию. С каждым годом ширится фронт научных исследований и возрастает объем информации. К настоящему времени, по нашим подсчетам, в странах Европы и Америки ежегодно публикуется (не считая каталогов и справочников) около 20 монографий и до 150 статей по истории оружия.

По темпу и размаху развития исторического оружиеведения в послевоенный период среди зарубежных стран на первое место выдвинулась Англия. Это кажется несколько неожиданным, однако коллекционирование и изучение старинного оружия имеет в этой стране давние традиции. Спокойный, деловой стиль исследований, отсутствие националистических увлечений, источниковедческая точность — таковы характерные особенности современных английских исследований по истории оружия. В числе недавних и к тому же прекрасно выполненных в полиграфическом отношении британских публикаций этого рода следует особо отметить определитель средневековой (в том числе и военной) утвари⁵, лучшее из имеющихся к настоящему времени издание вышивного ковра из Байе⁶, обстоятельные оружиеведческие монографии К. Блера и Дж. Хейворда⁷, фундаментальный каталог оружия коллекции Уоллеса⁸. Не довольствуясь публикацией новых работ, в Англии стали перепечатывать библиографические редкие, но не устаревшие труды основоположников оружиеведения. В Англии же выходят три специализированных журнала обществ историков и коллекционеров оружия⁹.

Типичной для достигнутого ныне уровня британской оружиеведческой мысли является монография Р. Э. Оукшотта «Меч в эпоху рыцарства». Знакомство с этой работой полезно не только для военных историков, но и для археологов и музееведов.

Автор книги «Меч в эпоху рыцарства» не профессиональный научный работник. Он принадлежит к числу людей, которые с юношеских лет занимаются коллекционированием и изучением оружия и под влиянием этого увлечения самостоятельно становятся исследователями в области любимого дела. При этом Р. Э. Оукшотт сумел избежать частого в таких случаях дилетантизма и зарекомендовал себя как автор серьезных научных и научно-популярных работ по истории оружия¹⁰.

У Оукшотта, посвятившего свыше 25 лет исследованию мечей, имеются серьезные предшественники и фундаментальные работы. В это число входит необычная по своей научной долговечности книга норвежца Яна Петерсена, который на основании анализа почти 2000 скандинавских находок эпохи викингов создал типологическую схему мечей¹¹, ставшую для современных специалистов разных европейских стран своеобразным «эсперанто». Лучшей публикацией 500 мечей романского и готического периода является монография датчанки Ады Брун-Гофмейер. Последняя составила подробный каталог вещей и датировала их иногда с точностью до четверти века¹². Поскольку Р. Э. Оукшотт в своей новой работе рассматривает мечи того же периода, что и А. Брун-Гофмейер, т. е. 1050—1550 гг., мы с интересом ожидали, что нового может он сказать о предмете, который, после того что уже было сделано, казалось, не требовал столь скорой повторной разработки¹³. Положение осложняется еще и тем, что традиционное типологическое мечеведение вступает ныне в полосу кризисных перемен, связанных с расчисткой и прочтением клейм на клинках. Книга Оукшотта, однако, лишняя раз убедила нас в том, что говорить о ликвидации уже разработанной классификации мечей или подвергать сомнению ценность самого типологического метода не приходится. Более того, этот метод может быть вновь усовершенствован, так сказать, по свежим следам недавно выполненных исследований.

Рецензируемая книга состоит из введения и следующих глав: мечи первой группы (1050—1350 гг.), мечи второй группы (1350—1550 гг.), формы наверший, перекрестья, рукоять и ножны. В приложении помещен небольшой раздел о надписях

⁵ London Museum Catalogues, 7, Medieval Catalogue, London, 1954.

⁶ The Bayeux Tapestry. New York, 1957 (подготовлено в Англии).

⁷ C. Blair. European Armour. London, 1958; А. Н. К и р п и ч н и к о в. Рец. История европейского средневекового доспеха. «Военно-исторический журнал». 1, 1961, стр. 114—115; е г о ж е. European and American Arms. London, 1962; J. F. Hayward. The Art of the Gunmaker, I—II, London, 1962—1964.

⁸ Wallace Collection Catalogues: I. Mann. Arms and Armour, I—II, London, 1962.

⁹ «The Journal of the Arms and Armour Society» (выходит с 1953 г.); «The Journal of the Society of Archer-Antiquaries» (с 1957 г.); «Journal of the Token Society of Great-Britain» (с 1965 г.).

¹⁰ R. E. Oakeshott. The Archaeology of Weapons. London, 1960; е г о ж е. A Knight and His Armour. London, 1961; е г о ж е. A Knight and His Horse. London, 1962; е г о ж е. A Knight and His Weapons. London, 1964.

¹¹ J. Petersen. De norske vikingesverd. Kristiania, 1919.

¹² A. Bruhn-Hoffmeyer. Middelalderens tveæggede svaerd, I—II, København, 1954.

¹³ Ряд наблюдений о типологии мечей высказаны Оукшоттом еще в книге «The Archaeology of Weapons», однако в полном виде они сформулированы лишь в рецензируемой монографии.

на клинках и список использованной литературы. Р. Э. Оукшотт описывает и репродуцирует много неопубликованных вещей (русский материал ему, к сожалению, совершенно незнаком). Понимание текста облегчено многочисленными авторскими рисунками, причем многие из них представляют документально точные перерисовки с древних миниатюр, печатей и надгробий. Содержание и стиль рецензируемой книги отличаются значительным единством, поэтому нет нужды разбирать каждую главу отдельно. Ограничимся суммарной характеристикой.

Р. Э. Оукшотт лишь бегло останавливается на каролингских мечах, свои усилия он сосредоточил на клинках XI—XVI вв., когда они были в основном у всех западноевропейских воинов. Автор при этом ни на минуту не забывает, что имеет дело с оружием знати. Во введении Р. Э. Оукшотт обещает читателю, что «меч будет изображен как весьма благородное оружие, которое некогда имело высокое значение в умах людей и выполняло в их руках важную жизненную функцию» (стр. 11). В дальнейшем автор действительно постоянно отмечает воинские достоинства своего предмета, однако основное внимание он уделяет его типологии и хронологии.

Р. Э. Оукшотт попытался представить меч как сложный инструмент, элементы которого развиваются в пропорциональном единстве, но по разным правилам и законам и с разным темпом. Автор также стремится показать и объяснить различные обстоятельства, под воздействием которых эти элементы могли меняться и обновляться. Здесь Р. Э. Оукшотт отходит от традиционного понимания меча как обязательно единого и одновременно целого и делает решительный шаг в сторону детальной характеристики его отдельных частей. При этом учтены и тактическая целостность оружия, и его эстетические качества, и техническая изменчивость изделий во времени и пространстве.

Метод типологической раскладки вещи на составные части в общем не нов, но в данном конкретном случае он оказался весьма плодотворным. Суть этого метода состоит в том, что Р. Э. Оукшотт классифицирует как сами мечи целиком, так и отдельно их части: навершия и перекрестья.

В зависимости от функции средневековые мечи подразделяются на две большие группы: рубящие (1050—1350 гг.) и колющие (1350—1550 гг.). Что касается более точных изысканий, то сами клинки в пределах этих двух периодов казались оружьеведом типологически инертными. Преодолевая такой традиционный подход, Р. Э. Оукшотт обнаружил внутри двух упомянутых групп 20 (не считая подтипов) стандартных серий вещей, одинаковых по очертаниям лезвий и общим пропорциям. Клинки разных типов отличались друг от друга длиной, шириной, расположением дола, и, как следствие, пропорциями своих рукоятей. Упомянутые отличия порой почти незаметны и улавливаются лишь при тщательном сопоставлении. Человек, который проделал такую работу, несомненно, глубоко вжил в свое дело и обладает верным глазом точного вещеведа и аналитика. Хотелось бы, однако, чтобы принципы выделения типов вещей были обоснованы более глубоко, чтобы объективные признаки, на которых базируется схема классификации, были обязательно раскрыты и перечислены. При изучении клинков Р. Э. Оукшотт допустил нарочитую множественность типов, ибо некоторые из них можно слить вместе (что, впрочем, отмечает и сам автор). Как типолога, его можно упрекнуть и в том, что он ограничивается описательными примерами (что сделано очень компетентно), но не приводит полной статистики всех известных ему материалов. Читателю хотелось бы также знать, являются ли одинаковые серии вещей партией единовременного товара, изделия ли это, вышедшие из рук одного мастера, или речь идет об общеевропейских одинаковых технических образцах. Надо надеяться, что исследователь в будущем сможет обстоятельнее ответить на эти вопросы.

Отмеченные недостатки меньше замечаются в главах о перекрестьях и навершиях. Классификация этих чутких к веяниям времени деталей по своей отчетливости и выразительности самоочевидна. Особое внимание Р. Э. Оукшотт уделяет навершиям (35 типов), справедливо считая их наиболее подвижной и изменчивой частью меча. По мнению исследователя, 9 из 10 раннесредневековых клинков (в основном первой группы) были оснащены линзовидными (950—1250 гг.) и диско-видными (1150—1400 гг.) навершиями. Преобладание этих форм объясняется их удобством и практичностью. Приводит Р. Э. Оукшотт и другие типы наверший и выделяет 11 основных типов перекрестий. Последние в своем развитии были более стабильными, чем навершия, и держались иногда столетиями.

Р. Э. Оукшотт тщательно фиксирует даты оружия. Он замечает, что практичнее и доступнее искать не время изготовления меча (хотя и это важно), а период его использования, причем этот последний, по его мнению, не превышает обычно полстолетия. Более узкая дата возможна в редких случаях. В отношении дат автор весьма осторожен. Однако ему можно верить, когда он высказывает свои заключения о том, что, например, мечи, предназначенные для рубки двумя руками, употреблялись в 1240—1350 гг. (тип XIII и подтип XIIIА), а тяжелый колющий меч (тип XVIIА, вес 2,2 кг) был в употреблении с начала XIV по середину XV в. и наряду с ударным оружием использовался против мощного пластинчатого доспеха.

Итак, основное достоинство рецензируемого произведения Р. Э. Оукшотта мы видим в том, что он при помощи раскладки целого на части и внимательного анализа этих частей разработал гибкую систему типологического и хронологического

определения мечей. Эта типология предстает не застывшей и формальной, а функциональной, развивающейся, с обилием взаимозаменяющихся деталей. Данная в книге классификация мечей удачно названа рабочей. Пользуясь схемой Р. Э. Оукшотта, можно, по-видимому, правильно определить и датировать тот или иной меч, и не страшно, если при сличении деталей могут возникнуть несовпадение дат и технические различия, указывающие на одновременность частей оружия. Дело исследователя — выбирать здесь истинную и наиболее правдоподобную хронологию. Типология мечей Р. Э. Оукшотта, несомненно, имеет прикладное значение и поможет более точно определить старинного белого оружия. В целом монография Р. Э. Оукшотта, несмотря на отмеченные выше недостатки, будет способствовать новым практическим и познавательным успехам в той области оружейведения, которая всякий раз объявляется хорошо изученной и тем не менее всякий раз приносит неожиданные открытия.

Книгу «Меч в эпоху рыцарства» завершает в качестве приложения небольшой раздел о надписях на мечах. Здесь в основном излагаются уже известные сведения, причем отмечается, что специалисты все настойчивее начали приводить исследования клейм мечей. Авторская позиция изложена при этом в следующих словах: «Большинство надписей, сделанных в течение ранней части рассматриваемого периода (X—XII вв. — *Авт.*), состоит из ясно читаемых и более или менее имеющих смысл, по меньшей мере понятных слов, но надписи среднего периода 1225—1325 гг. кажутся невозможными для интерпретации. Это вызывает большое огорчение, поскольку подавляющее большинство прекраснейших и красиво выполненных и начертанных надписей были нанесены на клинки, изготовленные именно между этими датами» (стр. 139). Мы, однако, полагаем, что расшифровка мечевых надписей, которые можно оценить как новый и важный исторический источник, не невозможно. Эти исследования будут особо эффективными, если примут международный характер и вовлекут оружейников, археологов и лингвистов.

Воспользовавшись этой рецензией, хотелось бы сделать и следующее замечание. До самой последней поры русское средневековое оружие в силу его крайней недостаточной опубликованности почти не учитывается западными учеными. Между тем древнерусское государство по уровню своего оружейного ремесла занимало в «клубе» развитых европейских стран одно из передовых мест. Богатство нашего материала, однако, не соответствует степени его изученности. Видимо, пришло время покончить с недооценкой изучения средневековой русской военной техники. В немалой степени этому могли бы способствовать систематичность работ, регулярность информации, контакты и встречи ученых, где можно, например, было бы обсудить такие темы, как клейма мечей, Восток и Запад в развитии русского и, шире, европейского оружия, русская военная техника эпохи средневековья и т. д. Некоторые из указанных работ проводятся сотрудниками Института археологии АН СССР. Было бы неплохо, если бы к этому шире присоединились и другие учреждения, в частности музеи. Важно также, чтобы древней истории отечественной военной техники больше внимания уделил и «Военно-исторический журнал». Надеемся, что настанет время, когда будут созданы национальное общество историков оружия и соответствующий журнал. Несомненно, что во всем этом заложены большие, но, к сожалению, совершенно недостаточно использованные до сих пор возможности научного изучения и патристической пропаганды достижений русской культуры и техники.

А. Н. Кирпичников, Л. И. Тарасюк

Новые книги индийских исследователей об Аджанте. Madanjeet Singh «Ajanta». Edita, Lausanne, 1965. «Ajanta Murals» by Ingrid Aall, A. Ghosh, M. N. Deshpande, B. B. Lal. Archeological Survey of India, New-Delhi. 1967.

Аджанта наряду с Тадж-Махалом относится к тем памятникам индийского искусства, известность которых носит всемирный характер. Ни одно исследование, ни одна популярная брошюра по истории индийской культуры не обходят молчанием стенописи Аджанты. За последние годы обширная библиотека, посвященная собственно Аджанте, пополнилась еще двумя альбомами-монографиями.

Первый из этих альбомов издан в 1965 г. в Швейцарии и принадлежит перу Маданджит Синха, выступающего одновременно и в качестве фотографа; второй увидел свет в 1967 г. в Индии.

Авторы обоих альбомов — хорошо подготовленные специалисты. Маданджит Синх работает в нескольких, на первый взгляд далеких друг от друга областях — он искусствовед, археолог, химик и художник. Все эти разносторонние таланты были с большим успехом использованы им при создании рецензируемого альбома. Он не впервые обращается к стенописям Аджанты: в 1952 г. свыше тысячи цветных фотографий, выполненных им непосредственно в аджантских пещерах, были представлены на выставке в Париже; позднее эти же фотографии легли в основу первого тома в серии ЮНЕСКО «Сокровища мирового искусства» («India», Paintings from the Ajanta

Caves», N. Y., 1954). Авторы второго альбома — генеральный директор Археологической службы Индии А. Гхош и видные индийские археологи М. Н. Дешпанде, Б. Б. Лал, а также Ингрид Аалл, норвежский искусствовед, в течение нескольких лет работавшая в Индии.

Обе книги изданы с полиграфической точки зрения великолепно. В альбоме М. Синха большинство фотографий сделано заново по сравнению с упоминавшейся монографией ЮНЕСКО, причем цвет их стал более естественным, так как в процессе реставрационных работ, проведенных в последние годы, стенописи были очищены от позднейших наслоений. Авторы второго альбома отмечают в предисловии, что ими был командирован в Аджанту специальный сотрудник, задачей которого было сопоставление на месте цветных репродукций (все они были в свое время, как и фотографии М. Синха, сделаны на месте, кроме одной, открывающей книгу, которую по техническим причинам пришлось переснимать с уже существующей фотографии) и оригиналов. Само собой разумеется, что точность воспроизведения колористической гаммы, безусловно достигнутая в обоих изданиях, придает особое значение рецензируемым работам, делая их надежным источником для зарубежных исследователей.

Однако сразу же следует отметить один недостаток, общий для обеих монографий (мы говорим пока только об иллюстративной стороне), — повышенное внимание к деталям в ущерб целому. По этим книгам нельзя составить целостное впечатление о живописи Аджанты; их нельзя рекомендовать читателю, желающему впервые познакомиться с этим замечательным комплексом. Это, впрочем, не противоречит замыслу авторов — они и не стремились воссоздать полностью стенописи Аджанты. Такого рода издание уже было предпринято в свое время (G. Yazdani. «Ajanta». Oxford, 1930, 1933, 1946, 1955) и стало классическим. Этот труд является основным источником для изучающих не только Аджанту, но и сходные с ней стенописи Средней Азии, Китая и пр. В то же время труд G. Yazdani имеет определенное неудобство — текст и иллюстрации разъединены, издание очень громоздко, репродукции далеки от совершенства. Рецензируемые же книги относительно более компактны, но на полную не претендуют, иллюстрации даны выборочно, причем — и это важно — в каждой из этих книг дан свой круг деталей, практически они не повторяют друг друга, за исключением нескольких сцен, наиболее известных, без которых была бы неполной любая книга об Аджанте (Бодхисаттва Падмапани, Умиравшая принцесса — отечение Нанды, Шакти Пандара).

Увлечение деталями и практическое отсутствие в иллюстрациях крупных сцен, вероятно, обусловлено чисто техническими трудностями — прежде всего неудобным расположением ниш и колонн.

И все же подобная выборочность, создающая определенные удобства для хорошо подготовленного читателя, дающая ему прекрасную возможность ознакомиться с такими деталями, которые могли бы ускользнуть от него не только в изданиях типа G. Yazdani, но и при знакомстве непосредственно с оригиналом, несет в себе, на наш взгляд, некоторое заведомое нарушение правильности восприятия.

Дело в том, что росписи Аджанты являются красочными сюжетными повествованиями, развернутыми не только на стенах, но и на потолке (где, правда, преобладает декоративное орнаментальное начало) и на колоннах, а также и в их скульптуре. Они действительно не воспринимаются как целое, как единая картина, но и не распадаются на детали. Глаза человека, вошедшего в пещеру, как бы свободно блуждают по разрисованной поверхности — но это кажущаяся свобода. На самом деле последовательность эпизодов обусловлена внутренним ритмом изображенных фигур, различными их размерами, игрой теней и света — все вместе это заставляет человека правильно «прочитывать» сюжет росписи, даже если он не знает джатаки (рассказа о прошлых рождениях Будды), легшей в основу изображаемой сцены. Переводя глаза с фигуры на фигуру (а стены пещер Аджанты «населены» очень густо), верующий, по мысли монахов-художников, должен неминуемо возвратиться к тому, что привлекло его внимание в самый первый момент — к исполинской фигуре Будды, или Бодхисаттвы и тем самым получить определенный религиозный заряд, даже если перед ним обычная бытовая сцена или мастерски воссозданная мирная картина отдыхающего стада слонов (пещера X). При излишнем увлечении деталями читатель, познавая частности, остается в неведении относительно главного в каждой росписи. В то же время прорисовки, имеющиеся и в той, и в другой книге (и наличие их следует всячески приветствовать), не спасают положения, так как их схематичность и плоскостность переводят восприятие на совершенно иной уровень.

Текст книги М. Синха представляет собой беглое изложение истории открытия Аджанты и исторического развития монастыря, для показа которого автор выбирает фоном историю буддизма. Это позволяет ему, не уходя далеко в сторону от его основного предмета, касаться более или менее подробно и эстетических идеалов буддизма, и происхождения сюжетов, а также прослеживать их махаянистические и хинаянистические вариации.

К сожалению, чтение книги затруднено усложненной ее композицией: основной текст все время прерывается изложением джатак, а описание пещер отнесено в самый конец книги.

К достоинствам книги М. Синха следует отнести наличие планов пещер, дающих определенное представление о последовательности сцен в росписях каждой из них. Описание таблиц дается не в порядке расположения их в книге, а в строгом соответ-

ствии с их действительной последовательностью. В целом книга М. Синха представляет собой нечто вроде добросовестного путеводителя по пещерам, снабженного кратким и схематичным очерком буддизма.

«Аджанта» М. Синха, воспитанника Римского университета, рассчитана больше на европейского читателя, в ней дается взгляд как бы со стороны — в отличие от альбома А. Гхоша, который выглядит своего рода отчетом о деятельности Археологической службы Индии и содержит материал о реставрационных работах в Аджанте, о сохранности росписей и т. д.

Обе книги рассматривают росписи наиболее хорошо сохранившихся пещер — I, II, XVII, а также VI, IX и XVI. Кроме того, в книге М. Синха уделено внимание росписям IX пещеры — одной из древнейших, относящейся к I в. до н. э., а в «Росписях Аджанты» А. Гхоша — также скульптурам IV, VII, XIX, XX, XXI и XXVI пещер (М. Синх вообще опустил скульптуру Аджанты).

Естественно, наиболее полно представлены детали росписей I, II и XVII пещер, которым в каждой книге уделено примерно две трети всего иллюстративного материала. В книге М. Синха многие детали воспроизведены в цвете впервые (например, роспись, относящиеся к Шиби — джатаке в пещере I).

М. Синх публикует фотографии двух шедевров из пещеры I — Бодхисаттвы Падмапани и Бодхисаттвы Авалокитешвара. Если первая из этих фигур — Бодхисаттва с лотосом — воспроизводилась несчетное число раз, то вторая чаще упоминается, чем воспроизводится. Между тем именно эти два изображения вместе составляют живописный и психологический центр всех росписей пещеры. М. Синх отмечает, что в изображении Бодхисаттвы Падмапани преобладает северная, гандхарско-кушанская традиция, тогда как по лицу, фигуре и украшениям Бодхисаттва Авалокитешвара относится скорее к произведениям южного искусства.

Пещера I, росписи и скульптура которой датируются концом V в. н. э., относится, по словам известного советского исследователя С. И. Тюлева, «к высшему расцвету искусства Гуптов и является одной из лучших в Аджанте»¹.

Не все ее росписи могут быть точно привязаны к какому-либо литературному или фольклорному источнику. Однако можно с большей или меньшей уверенностью назвать Шиби — джатаку или историю самоотверженного царя народа Шиби, отдавшего свое тело в качестве выкупа за голубя, преследуемого соколом; ей посвящено три эпизода, из которых заключительный, расположенный под двумя первыми, практически не сохранился; Махаджапана джатаку — на стене левого неффа, сцены кораблекрушения, въезда раджи на коне, танцовщицы и музыкантов, раджи, отправляющегося на слоне на проповедь отшельника; Шанкхпала джатаку, Чамнейя джатаку и др. К числу сцен, происхождение которых неясно, относится более поздняя роспись, известная под названием «Персидское посольство».

Среди иллюстраций к Шиби джатаке следует отметить впервые воспроизводимые в книге М. Синха в цвете детали «Причитающие женщины» (второй эпизод) и «Принц и принцесса», связь которых с сюжетом джатаки намечена слабо. Обе эти росписи, хотя и не относятся к числу шедевров Аджанты, все же дают яркое представление об этом одновременно реалистическом и декоративно-условном искусстве.

В конце книги А. Гхоша приводится несколько фотографий с росписей пещеры I, посвященных рассказу об отказе раджи Нанды от мирской жизни — тому самому рассказу, самой известной иллюстрацией к которому является знаменитая «Умиряющая принцесса»², находящаяся в пещере XVI. Росписи пещеры I изящны и выразительны. Необычайно грациозна, например, служанка, льющая из кувшина воду на свою бесчувственную госпожу. К сожалению, ни в ту ни в другую книгу не включено изображение самого Нанды, который, стоя в воротах, снимает с себя украшения, чтобы отослать их своей жене.

Росписи, относящиеся к Махаджапана джатаке, представлены двумя важнейшими деталями — раджа, принявший решение отказаться от мирской жизни, равнодушно наблюдает за празднеством, устроенным его женой, чтобы заставить его изменить свое решение; вторая иллюстрация воспроизводит ту часть этой большой композиции, где изображена танцовщица, старающаяся отвлечь раджу от его намерения. Напомним, что лучшие современные танцовщицы Индии специально изучают стенописи Аджанты, особенно изображающие танцы, с тем чтобы включить определенные элементы древнего искусства в свой рисунок танца.

Выбор остальных фотографий, сделанных с деталей росписей, относящихся к Махаджапана джатаке, кажется менее продуманным и более случайным, особенно в книге М. Синха.

Большой интерес представляют собой воспроизведенные в книге А. Гхоша росписи пещеры I, которые показывают искушение Будды воинством Мары (злой дух, олицетворение всяческих скверн). К сожалению, за пределами книги осталась величественно спокойная фигура Будды, расположенная в центре данной композиции.

¹ С. И. Тю л е в. Искусство Индии. М., 1968, стр. 52.

² Раджа Нанда, сводный брат Будды, согласно легенде, прислал своей жене в знак отречения от мирской жизни корону; женщина, только недавно вышедшая замуж, не вынесла этого известия.

Интересны детали росписи потолка. В Аджанте росписи потолка несли чисто декоративную нагрузку, тогда как живописный рассказ-проповедь развертывался только на стенах.

Центральное место среди росписей пещеры II (начало VI в.) занимают иллюстрации к Махаханса джатаке и к рождению Будды.

Пещера XVII является одной из лучших по степени сохранности росписей. Она относится к V в.

Среди воспроизводимых в рецензируемых книгах росписей одним из лучших образцов искусства Аджанты является «Мать с ребенком перед лицом Будды», хотя в этой росписи уже чувствуется канонизация некоторых художественных приемов, в частности, разномасштабность фигур.

В пещере XVII много прекрасных изображений животных — слоны, обезьяны, лошади и т. п., и все они бережно воссозданы на страницах книг М. Синха и А. Гхоша. С особым мастерством художники Аджанты изображали слонов; им удалось воспроизвести динамику их движения, блестяще передать их характерные позы и положения. Безусловно, для мастеров Аджанты характерно прекрасное знание природы и вообще окружающего мира, точная наблюдательность и высокая эмоциональность.

В великолепном знании и в умении воспроизвести в росписях животный мир Индии ощущается определенная преемственная связь с искусством Мохенджо-Даро.

Авторы обеих книг настойчиво проводят параллели между росписями Аджанты и искусством Санчи. К сожалению, они обходят абсолютным молчанием вопрос сходства и различия Аджанты, с одной стороны, и Пенджикента и Варахши — с другой.

Между тем здесь есть и сходство, и отличие. Сходство заключается прежде всего в технике исполнения росписей.

В Варахше, как, впрочем, и в Пенджикенте, мы видим, что краски наносятся на сухую глиняную штукатурку, причем роль связующего вещества выполняет какой-то растительный клей³. Это полностью совпадает с техникой исполнения росписей Аджанты. Так же как и в стенописях Средней Азии, художники Аджанты прежде всего наносили контуры предполагаемой сцены, на которые уже потом накладывались краски.

Сходство среднеазиатских и аджантских росписей не ограничивается только техникой исполнения; типичный прием Аджанты — разновеликость, разномасштабность фигур одной сцены согласно их значению, т. е. выделение более важной, центральной по значению фигуры более крупными размерами встречается и в искусстве Средней Азии (что, правда, характерно и для искусства более удаленных в пространстве и во времени народов, например, для искусства древнего Египта).

Тематика среднеазиатских росписей, как это уже неоднократно указывалось в работах советских ученых, несомненно находит аналогии в Аджанте — охота (нередко на слонах, что явно обусловлено знакомством среднеазиатских мастеров с индийским искусством или с индийской жизнью), царские приемы, игра в нарды (Пенджикент)⁴.

Следует сразу же оговориться, что росписи Аджанты, если позволено будет так выразиться, литературны, «читаемы», и каждый эпизод несет определенную нагрузку, являя собой часть целого дидактического рассказа, тогда как параллельные им по тематике росписи Пенджикента (например, царские приемы) в основном декоративны.

Чисто индийские мотивы среднеазиатских стенописей, в частности, уже упоминавшиеся сцены царской охоты на слонах, дошли до Пенджикента и Варахши в искаженном виде, как это убедительно показано В. А. Шишкиным в уже цитированном выше труде (неверные пропорции туловища слона, неправильное убранство, наконец, ошибочное расположение бивней). Это служит еще одним доказательством той мысли, что среднеазиатская школа, пользовавшаяся той же техникой, что применялась при создании аджантских росписей, все же не являлась прямой наследницей Аджанты. Отделенная от Аджанты во времени несколькими веками, а географически — мощными горами, она была местной школой, опиравшейся на местные традиции, но, возможно, имевшей исходной, отправной точкой буддийское искусство Индии.

Как уже отмечалось, рецензируемые книги не уделяют этому вопросу внимания. В книге А. Гхоша лишь упоминается, что искусство Аджанты оказало большое влияние на появление стенописей в Средней Азии, Китае и Юго-Восточной Азии. В ней подчеркивается, хотя и не доказывается примерами, миссионерский характер этого искусства, которое было призвано не только проповедовать учение Будды, донося его идеалы в яркой зримой форме красочных иллюстраций, но и нести его в другие страны — не словом, а образами, или вернее — не только словом, но и образами.

Книга А. Гхоша по форме своей, пожалуй, слишком лаконична и является скорее всего сводом сухой информации о географическом положении Аджанты, о темах

³ В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 150—151.

⁴ А. М. Беленицкий. Культурные связи Средней Азии и Индии. Сб. «Индия в древности». М., 1964, стр. 191—192.

и содержании росписей, об их реставрации, вряд ли эту книгу можно считать научным исследованием (так же, как и чисто искусствоведческим эссе).

В этой книге авторы уделяют большое внимание скульптуре Аджанты, не всегда получающей должное признание; возможно, ее отодвигает в тень громкая слава аджантских росписей. В статье М. Н. Дешпанде, помещенной в этой книге, дается подробное описание статуй Будды, Бодхисаттв, а также приведены многочисленные фотографии скульптур.

Книга снабжена очень подробной библиографией, охватывающей широкий круг публикаций об искусстве Аджанты. Эта библиография несомненно должна помочь читателю составить правильное представление о степени изученности предмета и определить то место, которое занимают при этом обе рецензируемые книги.

Как книга М. Синха, так и более поздняя книга А. Гхоша привлекут внимание советских индологов и искусствоведов прежде всего своим богатым иллюстративным материалом; эти книги вводят в наш обиход все еще недостаточно изученное гуманистическое, поэтическое, яркое искусство Аджанты. Прекрасно изданные, они являются хорошим подарком всем тем, кто интересуется историей мировой культуры.

Р. Б. Рыбаков

А. Г. КУЗЬМИН

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРОБЛЕМА ТМУТАРАКАНСКОГО КАМНЯ?

В трех номерах журнала «Наука и жизнь» за 1967 г. (№ 5, 7, 8) опубликована большая статья А. Л. Монгайт «Надпись на камне». «Скромная на первый взгляд надпись,— говорит А. Л. Монгайт,— сообщающая о каком-то второстепенном факте (какой-то князь почему-то вздумал «измерить море», и еще более непонятно, почему решил сообщить об этом своем «подвиге» потомкам), представляет большой научный интерес и вот уже свыше 150 лет является объектом научных споров. Да еще каких споров! Страстных, беспощадных, с обвинением научных противников в невежестве, подлоге или в лучшем случае в слабости аргументов, «которые просто стыдно читать»¹.

Находка Тмутараканского камня действительно произвела сенсацию, а публикация в 1794 г. А. И. Мусиным-Пушкиным надписи возбудила кое в ком подозрения. Некоторые из скептиков склонны были обвинить Мусина-Пушкина в подлоге, чаще всего не зная ни истории находки камня (не Мусин-Пушкин нашел его), ни степени подготовленности Мусина-Пушкина для выполнения подлога, ни источников по русской истории середины XI в. Рассуждения же о целях и способах изготовления подделки вообще переносились из области науки в область детективной фантастики.

Само собой разумеется, что серьезный ученый не будет без достаточных оснований обвинять своего коллегу в подлоге. О подлогах любили говорить сторонники так называемой скептической школы, отрицавшие не только Тмутараканский камень, но и всю киевскую историю, относя к XIII—XIV вв. даже «Повесть временных лет», которую они считали новгородским сочинением. Скептики отрицали подлинность «Остромирова евангелия», так как, по их мнению, Новгород появился не ранее XII в., отрицали существование сборников Святослава 1073 и 1076 гг. так как отрицали киевский период в русской истории. Отрицания такого рода ничего не давали для решения вопросов, связанных с Тмутараканским камнем.

Но среди тех, кому Тмутараканский камень казался подозрительным, были и вполне добросовестные ученые. К ним следует отнести Н. Арцыбашева в первой половине прошлого столетия и А. Спицына в начале этого века.

Н. Арцыбашев вопроса о Тмутараканском камне как таковом в сущности не разбирал. Он поставил снова вопрос о местонахождении Тмутаракани и пришел к выводу, что этот город находился недалеко от Киева, на Днепре². Тмутараканский камень вызывал у него сомнение лишь потому, что он препятствовал локализации города вблизи Киева и переносил его в далекую Тамань³. Тогда же Кеппен указал на невероятность подделки, так как не только в XVIII в., но и во времена Н. М. Карамзина еще не знали палеографии⁴. Новый скептический наскок в 40-е годы XIX в. также без особого труда был отбит защитниками подлинности камня⁵.

Из всех скептических выступлений по поводу Тмутараканского камня наибольший интерес представляет, безусловно, специальное исследование видного археолога конца прошлого и начала этого столетия А. Спицына⁶. Подобно многим своим пред-

¹ А. Л. Монгайт. Надписи на камне. НЖ, 1967, 5, стр. 62.

² Н. Арцыбашев. О Тмутаракани. «Труды и летописи ОИДР», М., 1828, IV, 1, стр. 96—97.

³ Там же, стр. 100.

⁴ П. Кеппен. Нечто о тмутараканском камне. Там же, стр. 300—301.

⁵ Подробный обзор мнений о камне дал в рассматриваемой ниже статье А. Спицын.

⁶ А. Спицын. Тмутараканский камень. ЗОРСА РАО, XI. Пг., 1915.

шественникам А. Спицын не мог примириться с локализацией Тмутаракани на Таманском полуострове. «Тмутаракань на устье Дона, — подчеркивал он, — понятна. Это гавань для Киева и, может быть, для Мурома... Тамань всегда служила гаванью Северного Кавказа, особенно же Кубани... Русского населения здесь нет и не может быть. Русская Тамань была бы беззащитна от соседей, так как отделена морем от своей базы. Тмутаракань Таманская не могла быть русским княжеством⁷».

Цитированные соображения А. Спицына — исходный момент всех сомнений в подлинности Тмутараканского камня. До его находки существовали самые разные версии о местонахождении древнего русского княжества и таманская версия представлялась самой вероятной. Даже в начале XX столетия все еще не было археологических подтверждений правильности этой версии. Поэтому А. Спицын и обратил внимание на камень. «Сам по себе камень, — говорит он, — не стоит того, чтобы из-за него так волноваться и употреблять такие усилия для его критики. Важно то, что он является единственным показателем местоположения одного из русских княжеств⁸».

Таким образом, А. Спицын предпринял исследование, будучи убежденным, что Тмутаракань не могла находиться на Таманском полуострове. Однако, перебрав все возможные сомнения, он пришел к выводу, что никаких видимых следов подделки камень не содержит и что «с надписью можно примириться всецело⁹».

В настоящее время проблемы местонахождения Тмутаракани и Тмутараканского княжества не существует. После разведок В. А. Городцова в 20-е годы, затем раскопок А. А. Миллера в 30-е годы и Б. А. Рыбакова в 50-е существование русского княжества на Таманском полуострове не может подвергаться сомнению. В отличие от А. Спицына А. Л. Монгайт признает, что «всякие сомнения в отношении местоположения Тмутаракани теперь не существуют», и «каков бы ни был этот город, он существовал именно на том месте, где его искали и нашли археологи, именно на том месте, где был найден камень с названием этого города¹⁰». А. Л. Монгайт признает и то, что это обстоятельство служит большим доказательством подлинности камня, чем все те доводы, которые были высказаны раньше¹¹.

Тем не менее он снова ставит вопросы и снова поднимает сомнения, А. Спицын признал подлинность камня, не поверив в существование русского княжества на Тамани. А. Л. Монгайт, не подвергая сомнению местонахождение Тмутаракани, счел возможным поставить под сомнение камень, который сослужил столь полезную службу историкам и археологам.

Напомним содержание надписи: «В лето 6576 ин(д)и(кта) 6 Глеб князь мерил мо(ре) по леду от Тьмутороканя до Кърчева 10 000 и 4000 сяже(нь)». Прочтение текста надписи сомнений не вызывает, и в этом отношении А. Л. Монгайт не предлагает чего-либо нового. Но, по его мнению, «до тех пор, пока остаются нерешенные вопросы, пока надпись такого рода остается уникальной, у скептиков есть основания для сомнений¹²». На этих сомнениях и следует остановиться.

Первое сомнение А. Л. Монгайта связано с указанием расстояния на камне. Он приводит данные, из которых следует, что мнимый фальсификатор Мусин-Пушкин не смог правильно прочитать надписи, полагая, что в ней указаны 8054 сажени, и что он не знал действительного расстояния между этими пунктами, определяя его в 7619 сажений. Лишь А. Оленин в 1806 г. правильно прочел текст.

«Если мерить современными саженьями, — продолжает А. Л. Монгайт, то ни один из предложенных вариантов не соответствует действительной ширине пролива. И не помогают здесь оговорки, что берега с тех пор могли осыпаться, или что неизвестно, в каком-де месте мерили пролив¹³».

Где мерили пролив, действительно неизвестно, и с этим необходимо считаться. Но кто мерит современными саженьями? А. И. Мусин-Пушкин и А. Л. Монгайт. Мусин-Пушкин просто не знал, что в его время помимо казенной трехаршинной сажени в крестьянском быту существовала так называемая маховая сажень, размеры которой очень неопределенно выводились из размаха рук. Но за следующие полтора столетия накоплено немало данных о древнерусских мерах длины. Уже А. Оленин (кстати, впервые) поставил вопрос о том, что в древней Руси мерили не трехаршинной, а меньшей саженью, и допустил существование трехлокотной сажени. П. Бутков мимоходом заметил, что такая сажень встречается у некоторых наших соседей.

По мнению А. Л. Монгайта, «беда» заключается «в том, что ни у каких „соседей наших“ нет трехлокотной сажени. Нет ее и в русских источниках. Единственный аргумент в пользу существования такой сажени — лишь сама надпись на Тмутараканском камне¹⁴».

Примечательна аргументация А. Л. Монгайта. «Трехлокотную» сажень он отвергает ссылкой на Б. А. Рыбакова, а затем на этом основании делает прямо противополо-

⁷ Там же, стр. 131.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ А. Л. Монгайт. Надпись на камне. НЖ, 1967, 8.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 62.

¹³ Там же, стр. 64.

¹⁴ Там же.

ложный Б. А. Рыбакову вывод о том, что вообще не было никакой, отличной от современной сажени. «Пока.— уверяет он,— существование такой сажени никакими другими источниками, кроме Тмутараканского камня, не подтверждается»¹⁵. Но ведь Б. А. Рыбаков отрицает существование трехлокотной сажени, исходя из того, что в древней Руси было двукратное, а не трехкратное членение сажени¹⁶. К абсолютным размерам древнерусской сажени это положение не имеет никакого отношения. Речь идет о геометрической обусловленности мер длины. Полученная Б. А. Рыбаковым «прямая» сажень по своим размерам (152 см) как раз близка гипотетической «трехлокотной».

Пожалуй, А. Спицына еще можно упрекнуть в том, что он существование сажени в 164 см допускал с учетом данных о ширине пролива 23 км с небольшим. Но Б. А. Рыбаков «152 см» получил не из показания Тмутараканского камня. Реальность меры в 150—158 см устанавливается им на основе «Хожения Пимина в Царьград», описания Софийского собора в Новгороде и размеров икон¹⁷. Аналогичные материалы можно найти и у других авторов¹⁸.

Количество источников, дающих сажень меньшую, чем современная, легко может быть умножено. Эта сажень господствовала вплоть до создания централизованного государства, да и позднее продолжала сосуществовать с казенной трехаршинной саженью. В краткой редакции «Судебника 1589 г.», видимо, в связи с появлением «печатной» казенной сажени, дается разъяснение: «Печатная сажень — ручная с локтем да два перста поперек»¹⁹. «Ручная» здесь, очевидно, «маховая». Печатная сажень оказывается больше ее на локоть с двумя перстами, т. е. на 50 см. Размер «ручной» сажени, следовательно, близок к «тмутараканской».

Соборное уложение 1649 г. узаконило «новую» сажень. Писцам предписывалось «сажень, чем мерить землю или иное что, делати в три аршины, а больши и меньши трех аршин сажени не делати». Выгоны около Москвы «уложение» предлагало отмерить новой саженью, которая сажень, по государеву указу, зделана в три аршина, а в версте учинити по тысячи сажен»²⁰. Но и во второй половине XVIII в. продолжали пользоваться «старой» саженью. В 1672 и 1689 гг., например, была обмерена Глебовская каменная башня кремля Переяславля Рязанского. В первом случае в частном письме воеводы ее размеры определялись в 12 сажен в длину, 8 в ширину²¹. Второй обмер проводился по указанию из центра и дал 8,5 сажен в длину и 6 в ширину²². Если исходить из того, что второй обмер был выполнен казенными саженьями в 216 см²³, то сажень 1672 г. по длине даст 153, а по ширине — 162 см. Очевидно, данные и 1672 и 1689 гг. округлены. Но так или иначе, и здесь старая сажень близка к «тмутараканской».

Б. А. Рыбаков сближал «тмутараканскую» сажень с саженью в 152 см, исходя из ширины пролива 21200 м, указанной в X в. Константином Багрянородным²⁴. Но в позднейшей работе он допускает, что измерение могло быть проведено в так называемых мерных саженьях размером по 176 см²⁵. Следовательно, он вовсе не настаивает на отождествлении «тмутараканской» сажени с «прямой». Необходимо помнить также об условности народных единиц измерения. «Перст», «пядь», «стопа», «локоть», «сажень» ориентированы на размеры человеческого тела, которые весьма неопределенны. Точность измерений — спутник централизованного государства. У нас потребность в ней появилась едва ли ранее XVI в., когда начали осуществляться централизованные земельные переписи²⁶. Но даже в конце XIX — начале XX в., во время широких земских статистических обследований, неопределенность народных мер создавала постоянные трудности для получения сравнимых результатов, да и в наше время они применяются там, где не требуется абсолютная точность.

¹⁵ А. Л. Монгайт. Надпись на камне. НЖ, 1967, стр. 64.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV веков. СЭ, 1949, 1, стр. 76.

¹⁷ Там же, стр. 77, его же. Архитектурная математика древнерусских зодчих. СА, 1957, 1.

¹⁸ И. Ш. Шевелев. Геометрическая гармония в архитектуре. «Архитектура СССР», 1965, 3; его же. Строительная метрология и построение формы храмов древнего Новгорода конца XII в. СА, 1968, 1. Автор отмечает употребление в строительстве разных саженей при учете длины (ширины) и высоты, размеры их колеблются примерно от 1,5 до 2 м.

¹⁹ Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 359.

²⁰ М. Н. Тихомиров и П. П. Епифанов. Соборное уложение 1649 г. М., 1961, стр. 189 и 229.

²¹ Рязанские достопамятности. Рязань, 1889, стр. 98, § 256.

²² Там же, стр. 60, § 180; см. также В. И. Холмогоров. Переяславль Рязанский в 1690 г. Тр. РУАК X, 2, Рязань, 1895, стр. 200. Городские укрепления в последний раз перестраивались вскоре после пожара 1647 г.

²³ О размере сажени до начала XVIII в. см. Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины, стр. 73.

²⁴ Там же, стр. 76—77.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, стр. 17.

²⁶ Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899, стр. 498.

Как можно видеть, А. Л. Монгайт отверг, но не опроверг существование сажени меньше, чем трехаршинная, и близкой к «тмутараканской», если принять расстояние между конечными пунктами измерения 21—23 км²⁷. Расстояние, указанное на камне, не только не противоречит нашим сведениям о древнерусских мерах длины, но, напротив, является одним из убедительнейших доказательств подлинности надписи. В начале статьи А. Л. Монгайт удивлялся, зачем нужно было «мерить море». В обвинительном акте он находит вполне вероятным, что русским казакам в конце XVIII в. было «уместно знать, измерить и зафиксировать расстояние по морю от Тамани до Керчи»²⁸. То, что было бессмысленным в XI в., находит обоснование с позиций XVIII столетия. Более того. Предприятием заинтересовались петербургские фальсификаторы, которые таким образом решили убедить своих оппонентов в существовании Тмутаракани Таманской²⁹. Так совпали интересы Черноморского казачьего войска и льстивых петербургских царедворцев. Остается неясным только, кто докопался до существования особой древнерусской сажени, о которой не знал А. И. Мусин-Пушкин и которую не нашел в источниках А. Монгайт.

А. Л. Монгайту кажется подозрительным и написание слова «сяжень». «Такое написание — уверяет он, — не встречается ни в одном древнерусском памятнике... Оно могло появиться в результате этимологических упражнений кружка ученых, в который входил Мусин-Пушкин»³⁰.

Это сомнение также не ново. Но его отвел как беспочвенное еще А. Спицын, установивший, что в кружке Мусина-Пушкина данное словопроизводство до появления камня не было известно³¹. Весьма рискованы и заявления вроде «в источниках нет». Море рукописных фондов еще никто не измерил. Специалисты по древнерусской письменности предпочитают, как правило, более скромную и осторожную формулу: «Мне не встречалось», «Мы не знаем» и т. д. Слово «сяжень», в частности, можно найти в опубликованном древнерусском переводе греческой «Хроника Георгия Амартола»³². Указано это написание и в достаточно известном словаре И. И. Срезневского³³.

Как полагает А. Л. Монгайт, «уже самый внешний облик надписи вызывает подозрения. Она не похожа ни на какие другие надписи». Особое внимание автор акцентирует на чистоте надписи, приводя мнение А. Спицына: «Чистота Тмутараканской надписи — большой козырь в руках ее противников»³⁴. По утверждению А. Л. Монгайта, А. Спицын «пришел к выводу, что по начертаниям букв надпись ближе всего стоит к рукописям XIII века»³⁵. А. Л. Монгайт же признает сходство надписи с почерком «Остромирова евангелия» — памятника середины XI в. и признаки подделки видит лишь в отклонениях от его норм. Автора, в частности, особенно настораживают «изломы углов»³⁶.

Но А. Л. Монгайт неточен и в изложении мнения А. Спицына. Сближение с рукописями XIII в. — это не вывод, а первоначальное непроверенное мнение А. Спицына, от которого он потом отказался. А. Спицын, в частности, полностью принял указания И. И. Срезневского на то, что буква «ч» хотя и «не совсем похожа на рисунок буквы в русских памятниках XI в., но очень похожа на то, как она пишется в древнейших памятниках нерусских, — вероятно потому, что легче было вырезать на камне»³⁷.

Сам А. Спицын развеял сомнения и от «чистоты» памятника. «Имеются греческие надписи этого времени, — отметил он, — сделанные столь же чисто, как Тмутараканская, и шрифтом, чрезвычайно к ней близким. Весьма близки и все сокращения, и численные обозначения»³⁸. Вывод А. Спицына заключается в том, что «если Тмутараканская надпись в палеографическом отношении далека от русских памятников, то вместе с тем она близка к современным греческим, — она есть русская эллинизированная надпись. Эта формула хорошо объясняет все ее особенности»³⁹.

В надписи, как известно, вызвали недоумения некоторые сокращения, в частности сокращение «индикта». А. Спицына более всего поразило то обстоятельство, что подобные сокращения встречаются в современных Тмутараканской греческих надписях. Именно это обстоятельство в сочетании с «решительным отзывом Б. В.

²⁷ Точнее его и нельзя взять, так как маршрут измерения неизвестен.

²⁸ А. Л. Монгайт. Надпись на камне. НЖ, 1967, 7, стр. 68.

²⁹ Там же, стр. 69. Этот домысел выдвигал еще Г. Спасский, (Г. Спасский, Исследование Тмутараканского камня с русской надписью. 03, XXXVI, СПб, 1844, отд. II, стр. 75).

³⁰ А. Л. Монгайт. Надпись на камне. НЖ, 8, стр. 65.

³¹ А. Спицын. Ук. соч., стр. 128.

³² В. И. Истрин. Хроника Георгия Амартола. I, Пг, 1920, стр. 185.

³³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, III, М., 1958, стр. 244.

³⁴ А. Л. Монгайт. Надпись на камне. НЖ, 8, стр. 64.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 65.

³⁷ А. Спицын. Ук. соч., стр. 127.

³⁸ Там же, стр. 130 (подчеркнуто мною. — А. К.).

³⁹ Там же.

Латышева» о том, что «те части Тмутараканской надписи, где нет русских букв, могут быть признаны по начертаниям прямо греческими», выбило из рук А. Спицына последние скептические аргументы. «Вот момент, когда руки оппозиции опускаются!»⁴⁰ — чистосердечно признал он.

А. Л. Монгайт высказывает также сомнения по поводу закономерности написания «Кърчев» и «Тъмutorокань»⁴¹. Аналогичные сомнения выдвигал еще Г. Спасский⁴². Но А. Спицын признал их несерьезность, отметив, что сомнения «от филологии и правописания были постепенно без труда устранены» защитниками камня⁴³.

Беря под сомнение написание слова «Кърчев», А. Л. Монгайт снова делает упор на том, что «это слово в древних памятниках (до XVI в.) не встречается»⁴⁴. Но ведь это слово встречается в списке XVI в. «Житие Стефана Сурожского», содержание которого относится к концу VIII — началу IX в. В другом месте А. Л. Монгайт обращал внимание на то, что некоторые списки «Жития» вместо «Корчева» дают написание «Керчева» или «Керча»⁴⁵. Но едва ли можно сомневаться в том, что название города изменялось от «Кърчева» к «Корчеву» и далее к «Керчи», а не наоборот. А. Л. Монгайт исходит из того, что «когда появилось русское название Корчева, неизвестно», так как «в летописях он не упоминается»⁴⁶. Как известно, в летописи и Тмутаракань после 1094 г. не упоминается, а в XII в. о ней сохранялось лишь воспоминание как о земле, бывшей некогда русской. Очевидно, и название «Кърчев» могло появиться не позднее XI в., когда этот город, видимо, входил в состав Тмутараканской Руси⁴⁷.

Соответствие имени «Тъмutorокани» древнему написанию признает и сам А. Л. Монгайт. «Но и в том случае, если она фальсифицирована, — не отступает автор, — то в соответствии с лингвистическими знаниями XVIII в. написание было бы только таким»⁴⁸.

Но еще Г. Спасский, убедившись в невозможности заподозрить правописание надписи, сделал поворот кругом. «Почти все слова в надписи на камне, — перестропился он под напором аргументов П. Буткова и М. Погодина, — выражены с такою точностью и согласием с современными памятниками, каких вовсе нельзя предполагать в те времена нашей грамотности»⁴⁹.

Итак, А. Л. Монгайт не дал ничего нового по сравнению с предшественниками. Он не сообщил читателям, что А. Спицын признал подлинность Тмутараканского камня, даже не признав локализации Тмутаракани на Таманском полуострове. А ведь проблема Тмутараканского камня — это проблема местонахождения Тмутаракани. И Н. Арцыбашев, и П. Свиньин, и Г. Спасский, и А. Спицын поднимали этот вопрос только потому, что не верили в возможность локализации Тмутаракани на Тамани.

А. Л. Монгайт почему-то игнорирует сближение Тмутараканской надписи с современными ей греческими. А в известной Херсонесской надписи 1059 г. он мог бы найти и букву «р» в строке, и выносное «о», и необычное сокращение «индикта»⁵⁰. Греческое влияние можно усмотреть и в том, что надпись сделана по сентябрьскому летосчислению, принятому в Византии, а не по мартовскому, существовавшему в древней Руси⁵¹.

Приведенные факты и соображения в целом не новы, поскольку выдвинутые А. Л. Монгайтом «сомнения» были ранее неоднократно опровергнуты. Но возникает вопрос, неужели А. Л. Монгайт, извлекая на свет старые «сомнения», не знал, что они давно отведены позитивной исторической критикой? Удивляет и вызывает недоумение своеобразная настойчивость автора. В докладе, сделанном в 1963 г. в Институте археологии АН СССР, он прямо говорил о подложности Тмутараканского камня. Но уже тогда «новые сомнения» были отведены как старые и беспочвенные. Тем не менее на известном обсуждении концепции А. А. Зимина о «позднем происхождении» «Слова о полку Игореве» А. Л. Монгайт снова выдвинул свои «сомне-

⁴⁰ А. Спицын. Ук. соч., стр. 130.

⁴¹ А. Л. Монгайт. Надписи на камне. НЖ, 8, стр. 65.

⁴² Г. Спасский. Исследование Тмутараканского камня, стр. 67, 73.

⁴³ А. Спицын. Ук. соч., стр. 127.

⁴⁴ А. Л. Монгайт. Надпись на камне. НЖ, 8, стр. 65.

⁴⁵ А. Л. Монгайт. О границах Тмутараканского княжества в XI в. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран», М., 1963, стр. 60, примеч. 29.

⁴⁶ А. Л. Монгайт. О границах Тмутараканского княжества, стр. 60.

⁴⁷ Около Керчи найдены три печати посадника Ратибора, посланного Всеволодом в Тмутаракань в 1079 г. Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмутаракани. «Византийский временник», XVIII, М., 1961, стр. 82.

⁴⁸ А. Л. Монгайт. Надпись на камне. НЖ, 8, стр. 65.

⁴⁹ Г. Спасский. Защитникам Тмутараканского камня. ОЗ, СПб., 1847, 54, отд. VIII, стр. 141, примеч. 2.

⁵⁰ В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896, стр. 16.

⁵¹ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи, стр. 17.

ния»⁵². Теперь он выступает в третий раз, и, хотя окончательного вывода он как будто не делает, ни у кого не возникает сомнений относительно направленности «новых сомнений».

Почему же все-таки А. Л. Монгайт, не приведя ни одного нового факта или аргумента (не считая некоторых очевидных ошибок), демонстративно игнорирует совершенно ясные (и в основном не новые) доводы и возражения своих оппонентов? Почему не будучи в состоянии опровергнуть ни одного из этих возражений, он обращается за своего рода поддержкой к неспециалистам — миллионам читателей журнала «Наука и жизнь»?

Очевидно, на эти вопросы должен был бы ответить сам А. Л. Монгайт. Здесь можно заметить только, что помимо Тмутараканского камня в статье есть и еще одна мпшець: А. И. Мусин-Пушкин. Правда, А. Л. Монгайт достаточно убедительно (хотел он этого или нет) показал, что Мусин-Пушкин не мог быть фальсификатором, так как не понимал надписи. Но он обращает внимание на то, что не только Тмутараканский камень, но и другие важнейшие открытия А. И. Мусина-Пушкина — «Ярославле серебро» и «Слово о полку Игореве» — современники считали подделками и не верили в их древность⁵³.

«Современники» здесь сказано слишком сильно. Скептиков и тогда было совсем немного. Но какой смысл теперь снова напоминать о сомнениях в «Ярославле серебре», если его подлинность давно уже никем не оспаривается? Видимо, дело не в «серебре», да и не в «камне», а в «Слове» — наиболее важной находке Мусина-Пушкина. Около 1925 г. с попыткой представить подделкой Мусина-Пушкина и Тмутараканский камень, и «Слово» собирался выступить М. Успенский. Но к чести его следует сказать, что он бросил работу, вероятно, убедившись в беспочвенности сомнений. Правда, А. Мазон опубликовал черновые наброски М. Успенского. Но покойный автор, как справедливо отмечалось нашими рецензентами, не может нести ответственность за эти публикации⁵⁴. Другое дело выступление доктора исторических наук А. Л. Монгайта.

Своего рода «гвоздем» системы доказательств А. Л. Монгайта является сочиненный им «обвинительный акт» против А. И. Мусина-Пушкина. Он так и называется: «Обвинительный акт». Но ведь сам А. Л. Монгайт признает беспочвенность своих «обвинений». «Итак, мы сочинили обвинительный акт,— не скрывает автор,— страдающий одним, но самым серьезным недостатком. Он весь построен на предположениях. А обвинить можно, лишь располагая доказательствами»⁵⁵.

Правда, А. Л. Монгайт, в случае принятия его «обвинительного акта», готов амнистировать «преступника». Автор считает, что решение научного спора при помощи подделки «с точки зрения нравов того времени не было большим грехом», и находит даже, что «...если бы Тмутараканский камень оказался подделкой, мы должны были бы радоваться его появлению...»⁵⁶. Детектив, конечно, по-своему рад свершившемуся преступлению.

В. М. ЗУБАРЕВА, Ю. А. КРАСНОВ

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОРДОВСКО-ВЯТИЧСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

(по поводу статьи А. В. Циркина «О культурных связях мордвы с вятичами в VIII—XII вв.»)

В № 4 журнала «Советская археология» за 1968 г. опубликована статья А. В. Циркина «О культурных связях мордвы с вятичами в VIII—XII вв.», где на археологических данных делается попытка «осветить историю взаимоотношений мордвы с вятичами». Эта проблема, относящаяся, по словам В. О. Ключевского, «к числу любопытных и трудных вопросов нашей истории», не может считаться полностью решенной, и с этой точки зрения рецензируемую статью можно лишь приветствовать. Однако те археологические данные, которые автор привлекает для обоснования своих выводов, так же как и методика их привлечения, не могут не вызвать самых серьезных возражений.

Для доказательства большого влияния вятичей на культуру мордовских племен автор указывает на находки в могильниках мордвы ряда украшений, которые он на-

⁵² Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». ВИ, 1964, 9, стр. 139.

⁵³ А. Л. Монгайт. Надпись на камне. НЖ, 7, стр. 68.

⁵⁴ Quelques données historiques sur le Slove d'Igor et Tmutorokan' par M. I. Uspenskij (1866—1942). Paris, 1965; Д. Лихачев. В поисках единомышленников. «Вопросы литературы», 1966, 5; Л. Дмитриев. «Новая» работа о «Слове о полку Игореве». «Русская литература», 1966, 2, и др.

⁵⁵ А. Л. Монгайт. Надпись на камне. НЖ, 7, стр. 69 (подчеркнуто мною — А. К.).

⁵⁶ Там же.

зывает «вещами вятичского производства» (стр. 78). К ним отнесены: 1) сердоликовые бипирамидальные и стеклянные биконические, цилиндрические, бочкообразные и шаровидные бусы; 2) браслеты витые, пластинчатые загнутоконечные и плетеные на каркасе; 3) перстни широкосрединные, рубчатые и «с ажурным ободком»; 4) семилопастные височные кольца. Из других предметов привлекаются шиферные пряслица. К сожалению, автор не дает ясной типологической характеристики этих предметов, категории которых часто распадаются на ряд разновидностей, и точных их рисунков, что затрудняет оценку сделанных автором сопоставлений.

Типичные для вятичей семилопастные височные кольца найдены лишь в окрестностях Старой Рязани и автором датируются XI—XII вв. (стр. 80—81). Но уже в X в. рязанское течение Оки было прочно освоено вятичами, в значительной степени вытеснившими или быстро ассимилировавшими местное население¹, так что эти находки никак не могут свидетельствовать о влиянии вятичской культуры на мордовскую. Это следы расселения вятичей в среднем течении Оки. Из указанных А. В. Циркиным типов бус лишь часть шарообразных (желтостеклянные) может быть признана специфически вятичскими², а из браслетов — часть пластинчатых загнутоконечных (с суживающимися концами)³. Их находки крайне редки на мордовской территории. С большой осторожностью сюда же может быть включен перстень с ажурным ободком из Томниковского могильника. Другие же предметы не могут считаться типичными только для вятичей, а их находки в мордовских могильниках не могут расцениваться как результат лишь вятичского влияния.

Сердоликовые бипирамидальные бусы являлись, по-видимому, предметом восточной торговли и были распространены на Руси намного шире вятичской территории⁴. В формах, близких или идентичных древнерусским, они известны на памятниках юго-восточной Европы VI—IX вв.⁵ Биконические, цилиндрические и бочкообразные стеклянные бусы являются общерусскими, причем часть их — импортные с востока⁶. Без анализа стеклянной массы, из которой сделаны бусы этих типов, найденные в мордовских могильниках, нельзя решить, привозились ли они из областей древней Руси или из иных районов. Витые браслеты также распространены на всей древнерусской территории и даже за ее пределами⁷. Нельзя считать чеплюбо обоснованной мысль автора рецензируемой статьи, что «центром изготовления витых браслетов были вятичские ремесленные городища» (стр. 81). Широкое распространение витых браслетов в мордовских памятниках, в том числе и позднего средневековья, вообще ставит под сомнение заимствование этого украшения от славян. Плетеные браслеты на каркасе также не являются специфически вятичскими, как думает автор, а характерны для памятников XII—XIII вв. тех территорий, на которых жили как вятичи, так и кривичи⁸. Автор не указывает, какие типы широкосрединных перстней, найденных в мордовских могильниках, он считает предметами вятичского импорта или появившимися у мордвы под вятичским влиянием. Однако ясно, что им включены сюда и так называемые «усатые перстни», очень частые на мордовских памятниках. Но они не характерны для вятичей и вообще для славян, а наоборот, были типичны для финноугорских племен, от которых проникли и в славянскую среду⁹. Пластинчатый широкосрединный перстень из Лядинского могильника принадлежит к типу «завязанных», не характерных для вятичских древностей¹⁰. Ряд широкосрединных перстней из мордовских могильников VIII—IX вв. находит аналогии в могильниках Северного Кавказа¹¹. Рубчатые перстни также являются широко распространенным во всех русских землях типом¹². О шиферных пряслицах сам автор пишет, что «это уже продукция не вятичского ремесла, а киевского» (стр. 79).

Семилопастные височные кольца, ажурные (решетчатые) перстни, хрустальные шарообразные бусы, пластинчатые браслеты особых форм, являющиеся для вятичей племенными украшениями, в собственно мордовских могильниках не встречаются.

¹ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 122.

² М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, 33, М., 1959, стр. 172.

³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 21; В. П. Левашева. Браслеты. Тр. ГИМ, 43, М., 1967, стр. 236.

⁴ М. В. Фехнер. Ук. соч., стр. 152—155.

⁵ В. Б. Деопик. Классификация бус юго-восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, 3, стр. 209 сл., рис. 2, 8.

⁶ А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 33—34; М. В. Фехнер. Ук. соч., стр. 168—172.

⁷ А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 10; В. П. Левашева. Ук. соч., стр. 216 сл.

⁸ В. П. Левашева. Ук. соч., стр. 229.

⁹ Н. Г. Недошивина. Перстни. Тр. ГИМ, 43, стр. 258.

¹⁰ Там же, стр. 269.

¹¹ А. Е. Алихова. Из истории мордвы I—начала II тысячелетия н. э. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, стр. 19—20.

¹² Н. Г. Недошивина. Ук. соч., стр. 264.

Таким образом, подавляющее большинство вещей, найденных в мордовских могильниках и привлекаемых автором рецензируемой статьи для доказательства влияния вятичской культуры на мордовскую, оказывается общерусским. Русское влияние на мордву могло проходить не только через вятичей, но и через области, колонизированные кривичами. Центром кривичской колонизации на Оке уже с IX—X вв. стал Муром. Не исключены и другие пути влияния русской культуры на мордовскую. Укажем хотя бы на повторную струю колонизации северо-восточной Руси переселенцами из южнорусских земель в XII в., значительно изменившей этнический состав соседней с мордвой Рязанской земли¹³. Никак нельзя суммарно называть все отмеченные выше находки вятичским материалом» (стр. 82), «вятичскими вещами» (стр. 83), а комплексы, в которых они найдены, — «мордовско-вятичскими вещевыми комплексами» (стр. 85). Следует заметить, что проблема взаимоотношений двух разноэтничных племен требует привлечения более широкого и разнообразного материала, чем только предметы украшения.

Самые серьезные возражения вызывает доказательство вятичского влияния на мордву путем привлечения случаев трупосожжений в мордовских могильниках и трупоположений с западной, северо-западной и юго-западной ориентировкой¹⁴. Сам подход к этому вопросу у А. В. Циркина методически неверен. В отличие от других исследователей, подходивших к случаям трупосожжений в финно-угорских могильниках с большой осторожностью, дифференцированно, далеко не все случаи их объясняя (и то в форме предположения) славянским влиянием¹⁵, он отвлекается от всех деталей погребального обряда, от тех вещей, которые находят при трупосожжениях. Для него важен только факт кремации покойника, который он считает характерным для славян вообще и вятичей в частности. Между тем ныне азбучной истиной для археолога является то, что обряд трупосожжения в определенный период времени был распространен на слишком широкой территории, чтобы считать его характерным для какого-либо одного народа или группы племен, что этот обряд погребения был знаком, в частности, и славянам, и финно-уграм, и балтам¹⁶, что в качестве этнических признаков могут рассматриваться лишь отдельные особенности этого обряда, сопоставленные с сопутствующим материалом. Хорошо аргументированные соображения о том, что трупосожжения в Борковском, Кузьминском и других рязано-окских могильниках связаны с балтским влиянием¹⁷, в статье не только не рассмотрены, но даже не упомянуты. Неверно утверждение автора, что «обряд кремации в мордовских могильниках возникает одновременно с появлением вятичских вещей» (стр. 83). Все категории «вятичских» вещей, упомянутые в рецензируемой статье, восходят ко времени не ранее XI—XII вв., в то время как трупосожжения известны уже в Серповском, Младшем Селиксенском могильниках V—VII вв., а в рязанских могильниках — на стадии А (например, погребение 8 Борковского могильника). В этой связи выводы А. В. Циркина о том, что в мордовских трупосожжениях следует «признать... влияние вятичей, проникших на территорию мордвы задолго до того, когда приднепровские славяне колонизировали районы верхней и средней Волги» (стр. 83), что этот обряд мог появиться у мордвы «только при условии длительного и мирного сожительства» с вятичами (стр. 82), представляется лишенным оснований.

Нет никаких поводов связывать со славянским влиянием, а тем более конкретно с вятичским и мордовские трупоположения с западной, северо-западной и юго-западной ориентировкой. Число их, по мнению А. В. Циркина, возрастает после исчезновения обряда кремации у вятичей, а вследствие этого и у мордвы (стр. 82). Но данные таблицы 2 не позволяют сделать такого вывода. Западная ориентировка погребенного при трупоположении отнюдь не была чужда древней мордве и появилась задолго до возможных контактов со славянами, задолго до того, когда появились древнейшие из известных нам восточнославянских трупоположений. Она характерна для Старшего Селиксенского и Пензенского могильников, встречается в Ражкинском, Тезиковском и некоторых других¹⁸. Если отдельные трупосожжения и трупоположения с западной ориентировкой у мордвы и можно будет объяснить славянским влиянием, то это требует еще обоснованных доказательств.

¹³ В. О. К л ю ч е в с к и й. Курс русской истории. 1, М., 1937, стр. 289; А. Л. М о н г а й т. Ук. соч., стр. 139, 330—333.

¹⁴ Очевидно, досадной опечаткой является включение трупоположений с южной ориентировкой в число погребений, связываемых автором с русским погребальным обрядом (табл. 2, стр. 82).

¹⁵ А. П. С м и р н о в. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952; А. Л. М о н г а й т. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии. СА, XVIII, 1953; его же. Рязанская земля.

¹⁶ Е. И. Г о р ю н о в а. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, 65, 1956.

¹⁷ В. В. С е д о в. Рязано-окские могильники. СА, 1966, 4.

¹⁸ М. Р. П о л е с с к и х. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области. СА, 1959, 4; его же. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши. Сб. «Этногенез мордовского народа», Саранск, 1965; его же. Тезиковский могильник IV—V вв. Тр. НИИЯЛИЭ, XXX, Саранск, 1966.

Из предметов украшений, найденных в различных областях русских земель и связываемых А. В. Циркиным с мордовским влиянием на вятичей (стр. 84—85, рис. 2), далеко не все можно отнести к собственно мордовским. Таковы трапецевидные привески и подковообразные спиралеконечные застёжки-фибулы, широко распространенные у ряда финно-угорских племен и у балтов, а последние — и у восточных славян¹⁹, спиральные браслеты, более типичные для балтских племен, чем для мордвы, перстни с шумящими привесками, известные в древностях муромы и других финских племен. Странным является привлечение для доказательства влияния мордвы на вятичей трапецевидных привесок из нижнего слоя Казарского городища (стр. 85). Материал этого слоя, датируемого I—VI вв., относится к дославянскому, вероятно, древнемордовскому населению Рязанского края²⁰. О каком же влиянии мордвы на славян-вятичей может идти здесь речь?

Вполне естественно, что и выводы автора о весьма тесных отношениях мордвы с вятичами, о мирном характере этих отношений «на протяжении почти пяти столетий», о «взаимном культурном проникновении» в результате таких отношений повисают в воздухе, ибо они лишены полноценного обоснования. Вывод автора о том, что «итогом культурного общения мордвы и вятичей явилось развитие производительных сил у мордвы, специализация ремесла, появление целого ряда усовершенствованных орудий, ранее неизвестных» (стр. 86), из фактов, приведенных в рецензируемой статье, не вытекает.

Нельзя не отметить ряд неточностей в статье. Территория вятичей вошла в состав различных русских княжеств не в XIII в., как отмечает автор, а на столетие раньше. Последнее упоминание о племени вятичей в летописях относится не к началу XIV в., а к 1197 г. Непонятно, на чем основывается автор, датируя Борковский и Кузьминский могильники только VIII—XI вв. Расходится с общепринятой и датировка некоторых других могильников, указанная в таблицах 1—2.

Исследование проблем мордовско-вятичских взаимоотношений — важная, интересная и нужная тема. Но к ее разрешению следует подходить не тем путем и не с теми методами, как это сделано в рецензируемой статье.

НОВЫЕ ПОЛЬСКИЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ

Через все тяжчайшие испытания последних двух столетий польский народ пронес любовь к своей национальной культуре. Эта любовь проявилась, в частности, в обилии статей и монографий о деятелях польской науки, в том числе и такой сравнительно молодой ее отрасли, как археология.

Хорошо известна выдержавшая два издания книга проф. И. Костшевского по истории археологии в Польше¹. Большое место заняли вопросы историографии на первом международном конгрессе славянской археологии в Варшаве в 1965 г. К открытию конгресса было выпущено изящное фототипическое издание труда польского археолога начала XIX в. В. Суroveцкого «Исследование о начале славянских народов» (1824 г.) с предисловием проф. В. Хенселя². Одна из шести секций конгресса занималась специально вопросами историографии. В докладах ее руководителя проф. М. Серейского и молодых польских археологов и историков, в основном прошедших историографический семинар М. Серейского в Лодзинском университете, были охарактеризованы важнейшие проблемы польской археологии XIX в. и ее выдающиеся представители. Историографическому обзору посвятил большую часть единственного пленарного доклада на конгрессе и проф. В. Хенсель.

Наконец, в 1965—1967 гг. в Польше вышли три монографии по истории археологии. Они представляют бесспорный интерес и для русского читателя.

Первая книга — «Век археологии. проблемы польской археологии XIX века» принадлежит лодзинскому археологу Анджею Абрамовичу³ — автору исследования о прикладном искусстве эпохи раннего средневековья в Польше. Новая книга А. Абрамовича основана на тщательном учете археологических публикаций в польской пе-

¹⁹ В. А. Мальм. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. Тр. ГИМ, 43, стр. 152—153, 174—176.

²⁰ А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 60, рис. 28.

¹ I. K o s t r z e w s k i. Dzieje polskich badań prehistorycznych. Krakow, 1948; Poznań, 1948.

² W. S u r o w i e c k i. Sledzenie początku narodów Słowiańskich. Wrocław — Warszawa — Krakow, 1964.

³ A n d r z e j A b r a m o w i c z. Wiek archeologii. Problemy polskiej archeologii dziełiwnastowiecznej. Warszawa, 1967, 192 стр.

риодике XIX в. В трудах Варшавского общества друзей наук и общества собирателей древностей, в журналах «Друг народа» и «Библиотека Варшавская», в газете «Курьер Варшавский» и других изданиях во множестве рассеяны статьи о древностях, представляющие интерес и с точки зрения историографа, и как материал для современного археолога. Некоторые статьи касаются памятников, расположенных на территории СССР, — в Литве, Белоруссии, на Правобережье Украины. Таким образом, книга А. Абрамовича — чрезвычайно полезный библиографический справочник.

Заметим, что аналогичной работы по выявлению археологических материалов в старой русской периодике пока никто не провел. Мы вспоминаем порой о публикациях середины и конца XIX в. в «Записках» Русского археологического общества или Одесского общества истории и древностей, но почти никогда не заглядываем в издания начала этого столетия. Между тем в «Северном архиве» и «Вестнике Европы», в «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» содержатся интересные сведения, нужные по крайней мере для составителей археологической карты (единственным опытом такого обследования явилась, пожалуй, наша статья об «Отечественных записках» 1818—1830 гг.)⁴.

Но книга А. Абрамовича — не только сводка фактического материала. Автор старается проанализировать идеи польской археологии XIX в., проследить их развитие от романтизма в первых двух третях столетия до позитивизма в последней его трети. Археология в Польше развивалась иными путями, чем в России. Если у нас в XVIII в. было очень много сделано для изучения сибирских древностей, а затем и памятников античной культуры в Причерноморье, то в Польше, удаленной от центров античной цивилизации, и от стран Азии, классическая и восточная археология сложились поздно. Правда, и здесь во дворцах магнатов собирались коллекции антиков, и здесь увлекались древним Египтом, так что даже обсуждался вопрос, были ли у ранних славян обелиски и пирамиды (стр. 36). Но это лишь отголоски успехов науки в других странах. Зато в Польше раньше, чем в России, зародился интерес к славянским древностям. А. Абрамович прав, связывая это с настроениями польского общества в период после разделов страны. Государство погибло, и взоры общества были обращены уже не вперед, а назад, к великому прошлому. Интеллигенция мечтала сохранить для потомков памятники национальной культуры (стр. 9). Вот почему в польской литературе 1810—1820-х годов неизмеримо больше публикаций о древностях, о начале славянства, чем в русских журналах тех же лет. Тут сложилась целая плеяда серьезных знатоков раннего славянства (В. Суroveцкий, И. Раковецкий, Э. Ходаковский). И не случайно в возникновении славянской археологии в России важную роль сыграл польский ученый Э. Ходаковский (как не случайно и реминисценции из «Исторических песен» Немцевича в «Думах» Рылеева). Несколько раньше, чем в России, уже в 1840-х годах, получила признание в Польше система трех веков скандинавских археологов (стр. 57). Исследования стоянок и могильников первобытной эпохи здесь искони были тесно связаны с исследованиями славянских памятников.

В книге А. Абрамовича много других интересных сведений. Любопытны отклики католической прессы на первые труды о палеолите в Польше (стр. 140—142). Широко дан историко-культурный фон — привлечены все высказывания о древностях Ю. Немцевича, А. Мицкевича, И. Крашевского и др.

В целом книга А. Абрамовича безусловно заслуживает самой положительной оценки. Недостатками книги с точки зрения русского читателя являются отсутствие характеристики, хотя бы самой краткой, состояния археологических знаний в Польше XVIII в. и почти полное умолчание о контактах польской и русской науки. Автор ограничил свою тему периодом от основания «Общества друзей наук» (1800 г.) до создания первого польского специально-археологического журнала «Святовит» (1899 г.) и кафедр археологии в польских университетах (1905 г.). Эти грани можно считать удачными, но все же хотелось бы получить некоторое представление и об истоках — о трудах предшествующего периода и о развитии идей археологов XIX в. в нашем столетии.

Еще досадней, что А. Абрамович обошел многочисленные свидетельства о связях польских и русских археологов. При всей остроте национального вопроса в Польше польские и русские ученые никогда не отстранялись друг от друга. Первая же статья Ходаковского была переведена на русский язык В. Г. Анастасевичем, а второе его исследование — «Разыскания касательно русской истории» увидело свет в «Вестнике Европы» даже до приезда автора в Петербург⁵. К середине XIX в. были переведены на русский язык основные труды Я. Потоцкого, В. Суroveцкого, И. Раковецкого⁶. Ни один из этих фактов в книге А. Абрамовича не фигурирует. Перечислив конгрессы в Бюловье, Брюсселе, Стокгольме, Лиссабоне, в которых участвовали польские архео-

⁴ А. А. Формозов. Первый русский историко-археологический журнал. ВП, 1967, 4, стр. 208—212.

⁵ Л. И. Ровнякова. Русско-польский этнограф и фольклорист Э. Доленга-Ходаковский и его архив. Сб. «Из истории русско-славянских литературных связей XIX века». М.—Л., 1963, стр. 73.

⁶ В. А. Францев. Польское славяноведение конца XVIII — первой четверти XIX столетия. Прага, 1906, стр. 56, 60, 202, 220.

логи (стр. 180), автор не говорит об археологических съездах в России, где выступали и Г. Оссовский, и Е. Завиша и другие польские ученые⁷.

Наконец, можно пожалеть, что А. Абрамович использовал только печатные источники и не привлек архивные материалы.

Вторая книга — монография краковского ученого Юлиана Маслянки — «Зориан Доленга-Ходаковский» — первый монографический труд о польском исследователе, сыгравшем большую роль в развитии археологии и фольклористики как в Польше, так и в России⁸. Эта работа построена по-иному, чем книга А. Абрамовича. В обширной первой части рассмотрены труды предшественников Ходаковского. Два заключительных раздела посвящены судьбе его научного наследия. Автор широко пользуется архивными документами, в том числе из собраний СССР, и публикациями русских археологов и историков. Сам Ю. Маслянка не археолог, а литературовед (ему мы обязаны находкой неизвестного письма Пушкина). Поэтому основное внимание в его работе сосредоточено на фольклористических сборах Ходаковского, на легенде, сложившейся о нем в польской литературе эпохи романтизма. Все остальные направления деятельности Ходаковского — археологические раскопки, труды по исторической географии и топонимике, теоретические предпосылки его изысканий — охарактеризованы суммарно в разделе «Исследования славянского прошлого». Здесь не всегда удачно разграничен положительный вклад Ходаковского в науку и его заблуждения, то, чему суждено было вскоре отмереть, и то, что оказалось нужным и позднее.

Дополняет эту монографию фундаментальное издание трудов и писем Ходаковского, подготовленное к печати Ю. Маслянкой и выпущенное в Варшаве в 1967 г.⁹ В томе помещены девять статей и 104 письма Ходаковского. Часть из них, например статья «О городищах», публикуется впервые. Статьи из русских журналов, письма, написанные по-русски и по-украински, печатаются в оригинале и сопровождаются переводом на польский язык. В обширных комментариях указывается основная новейшая литература по затронутым в текстах вопросам, приводятся справки об упомянутых там лицах, книгах и т. д. Публикация представляет большой интерес для историков русской и польской археологии, фольклористики, этнографии. Составителю тома можно сделать, пожалуй, лишь один упрек. Он отобрал в первую очередь тексты, характеризующие научные взгляды Ходаковского, и оставил в стороне накопленные им материалы. Между тем эта часть наследия Ходаковского содержит много фактов, не утративших своего значения для науки, тогда как идеи Ходаковского принадлежат уже ее далекому прошлому. Может быть, следовало поэтому уделить больше места отчетам об ученом путешествии Ходаковского по России, изданным¹⁰ и неизданным, его картам и перечням городищ и т. д.

Автора третьей книги — проф. Лодзинского университета Конрада Яжджевского нет необходимости представлять читателям «Советской археологии». Его труды по славянским и дославянским древностям известны далеко за пределами Польши. В новой своей работе К. Яжджевский обратился к истории охраны археологических памятников¹¹. Проблема охраны культурного наследия приобрела в наши дни большое общественное звучание. Особенно актуальна она в такой стране, как Польша, потерявшая в период последней мировой войны и за предшествующие столетия множество сокровищ искусства и остатков старины и с энтузиазмом реставрирующая свои национальные реликвии.

Книга представляет собой пособие для студентов. Она предельно сжата, даже конспективна, лишена подстрочных примечаний, но насыщена богатейшим фактическим материалом. Сказав о важности проблемы, определив, что такое археологические памятники, рассмотрев факторы, влияющие на их сохранность, автор переходит к истории охраны древностей. Этот раздел занимает 68 из 100 страниц текста. Здесь идет речь и обо всех странах Западной Европы, и о России, и об Египте, и о Передней Азии, и об Америке и, конечно, больше всего о Польше. На каждой странице много дат, имен, интересных, но мало известных читателям фактов.

⁷ А. И. Павинский. Языческое кладбище в Добрышицах. Тр. III АС, 1, Киев, 1878, стр. 245—253; Е. Завиша. О Мамонтовой пещере в Келецкой губернии. Тр. V АС, М., 1887, стр. LXIII—LXIV; Г. О. Оссовский. Опыт хронологической классификации находок каменного века в России по находкам, добытым из пещер Келецкой губернии и окрестностей Кракова. Тр. VI АС, 1, Одесса, 1886, стр. 47—71.

⁸ Julian Maślanka. Zorian Dołęga-Chodakowski (Polska Akademia Nauk, oddział w Krakowie. Prace komisji historycznoliterackiej, 13). Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 160.

⁹ Zorian Dołęga Chodakowski. O Sławiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy. Opracował i wstępem opatrzył Julian Maślanka. Warszawa, 1967, 456 стр.

¹⁰ Отрывок из путешествия Ходаковского по России — Ладога — Новгород. «Русский исторический сборник», II, М., 1839, стр. 131—200. Донесение о первых успехах путешествия по России З. Д. Ходаковского. Там же, VII, М., 1844, стр. 1—367.

¹¹ Konrad Jażdżewski. Ochrona zabytków archeologicznych. Zarys historyczny. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Warszawa, 1966, 104, стр. + 4 стр. рис. Книга напечатана на ротопринте. Поэтому ее, к сожалению, нет в библиотеках СССР.

Нельзя не отметить, однако, что автор не очень четко определил для себя, о чем же надо прежде всего говорить в «истории охраны археологических памятников» — о развитии законодательства и системы органов охраны или о практических достижениях в этой области (часто, увы, не связанных с законодательством), об идеях, сказавшихся на отношении к памятникам, или об истории музейного дела и раскопок. Все эти моменты закономерно учитываются в обзоре, но, как нам кажется, история археологических открытий и музейного строительства напрасно занимает больше места, чем история законодательства об охране памятников и анализ идей, влиявших на нее. Так, говоря о России, автор привел цитату из указа Петра I о доставке коллекций в кунсткамеру, но не упомянул его же распоряжение об охране Болгарского городища (стр. 40), отметил открытие музеев в Николаеве, Феодосии, Одессе, Керчи, но обошел молчанием экспедицию академика Г. Келера для разработки предложений об охране древностей в Крыму (стр. 60, 61). Вряд ли это правильно. Стоило бы остановиться на практике римских пап XII в., жаловавших памятники античного Рима церквам и частным лицам с тем, чтобы они охраняли эти древности¹².

Анализу идей, влиявших на охрану памятников, уделено мало внимания. Автор прав, подчеркивая роль культа предков в охране остатков старины на ранних этапах истории (стр. 25), но необходимо учесть, что племена охотников и скотоводов нередко почитали и памятники, не имевшие отношения к их прямым предкам. Сибирские племена оберегали, например, каменные изваяния и писаницы эпохи бронзы. Охраняются, следовательно, вообще все древности, превратившиеся в святыни, а не только те, что связаны с культом предков. Роль религии в истории охраны памятников была очень большой, хотя отнюдь не простой. Религия защищала свои святыни, но рьяно уничтожала чужие. Впоследствии ту же двойную роль играл национализм.

Отметив перелом в отношении к памятникам в период Ренессанса (стр. 28), автор начинает с деятельности Кола ди Риенци, преследовавшего прежде всего политические цели (наследие республиканского Рима). Между тем в возрождении интереса к древностям в эпоху Ренессанса гораздо большее значение имели эстетические моменты. Забота Петrarки, Альберти, Рафаэля о памятниках Рима, безусловно, заслуживала бы упоминания¹³. Позднее эстетика классицизма оберегала античные памятники, но она была враждебна к памятникам «готическим» и открыто призывала к их уничтожению¹⁴. Только движение романтизма привлекло внимание к памятникам средневековой Европы, к остаткам древнейших цивилизаций Азии. И лишь в конце XIX — начале XX в. складывается более широкая гуманистическая концепция, позволявшая думать об охране культурного наследия всего человечества — как памятников античной эпохи, так и древностей Северной и Восточной Европы, Азии и Африки, Америки и Австралии. Обо всем этом сложном переплетении идей следовало бы сказать даже в кратком обзоре истории охраны памятников. В этой истории должны быть намечены какие-то вехи, основные этапы, связанные с той или иной концепцией — философской, эстетической, политической.

Нужно было бы также отметить, что проблема охраны памятников встала во весь рост в XIX—XX вв. не только потому, что общество осознало, наконец, ее большую важность, но и потому, что именно в наши дни интенсивное строительство и распашка поставили памятники под угрозу, а за время двух мировых войн люди увидели, какие потери несет культура. Поэтому в разделе о факторах, влияющих на сохранность памятников, может быть, надо было говорить не столько о колебаниях климата, трансгрессиях моря и развевании дюн, сколько о деятельности человека, о ложной идее разрушения старого ради создания нового, о вандализме.

Сделанные замечания ни в коей мере не умаляют значение труда проф. К. Яжджевского. Он написал, пожалуй, первый в мировой литературе очерк по истории охраны археологических памятников, познакомил студентов и других читателей со множеством интересных фактов. В заключительном разделе работы автор останавливается на важнейших проблемах охраны археологических памятников и, в частности, делится опытом польских археологов. Опыт этот уже весьма значителен и плодотворен. Археологические заповедники в Бискупине, Ракове (Ченстохов), Кшемениках Опатовских и на других местах раскопок могут служить образцом и для археологов СССР. Русский читатель найдет в книге проф. К. Яжджевского и богатый фактический материал, и ценные практические рекомендации, выработанные всем коллективом польских археологов.

А. А. Формозов

¹² Ф. Грегоровиус. История города Рима в средние века. IV, СПб., 1907, стр. 563.

¹³ Э. Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи., VII, М., 1866, стр. 492, 493; Леон Баттиста Альберти. Десять книг о зодчестве. I, М., 1935, стр. 176; Мастера искусства об искусстве. 2, М., 1966, стр. 157—159.

¹⁴ Ф. Бенуа. Искусство Франции эпохи революции и первой империи. М.—Л., 1940, стр. 14, 76, 86.

Хроника

СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С 12 по 16 декабря 1967 г. во Львове проходило совещание, организованное Институтом археологии АН СССР и Институтом археологии АН УССР, по проблемам черняховской культуры. Программа работы, составленная подготовительным комитетом, определила следующий круг проблем и вопросов, рассмотренных на совещании.

I. Итоги изучения черняховской культуры за 10 лет. Методология и дальнейшие перспективы исследований.

II. Характеристика локальных групп и основных особенностей черняховской культуры.

III. Влияния, заимствования, соседи и последующие судьбы черняховской культуры.

IV. Проблемы хронологии в целом и отдельных групп вещей.

V. Естественно-технические методы изучения черняховской культуры.

Во вступительном слове директор ИА АН СССР академик Б. А. Рыбаков дал краткую оценку итогов изучения черняховской культуры за последние 10 лет, прошедшие после первого совещания по черняховской культуре, состоявшегося в Киеве в 1957 г.

В докладе «Страницы истории отечественных исследований памятников культуры полей погребений после Великого Октября» Э. А. Симонович дал подробный обзор исследования черняховской культуры после Октябрьской революции. Докладчик подчеркнул, что наиболее интенсивное исследование памятников черняховской культуры падает на 50—60-е годы. Положительным явлением последних лет было широкое опубликование материалов по черняховской культуре.

М. Ю. Смишко выступил с докладом «Проблематика черняховской культуры в послевоенной историографии европейских социалистических стран». В докладе был дан подробный разбор взглядов польских, чешских и румынских исследователей и критическая оценка их положений.

С докладом «Черняховская культура в истории населения Среднего Приднепровья» выступил В. И. Довженко. Докладчик попытался определить роль черняховской культуры в историческом развитии населения Восточной Европы. В среднем Приднепровье в культуре второй половины I тысячелетия сохранились, по мнению докладчика, многие черты черняховской культуры, а дальнейшее преемственное развитие прослеживается в тех сторонах культуры, которые имели определяющее значение в общественной жизни.

Доклад вызвал оживленную дискуссию.

Б. А. Рыбаков указал на преждевременность исторического осмысливания черняховской культуры. До тех пор пока не будет закончено формальное обследование культуры, нельзя ясно осмыслить и ее историческое место.

И. П. Русанова в своем выступлении указала на то, что мы не располагаем фактическим материалом, связывающим черняховскую культуру с культурами VI—VII вв.

И. С. Винокур отметил закономерность постановки вопроса в историческом аспекте.

В. И. Бидзиля и В. В. Кропоткин в своих выступлениях также высказались за преждевременность постановки вопроса.

Доклад Е. В. Махно «Об основных задачах картографирования памятников черняховской культуры в связи с выделением локальных вариантов культуры» был посвящен вопросам картографирования и дифференциации черняховских памятников. Докладчик приходит к выводу, что основная территория черняховской культуры — лесостепная часть Среднего Поднепровья. Для этого района характерно господство гончарной посуды и четкая функциональная дифференциация наземных сооружений. Периферийные территории, окружающие центральную часть собственно черняховской области, несут в своей материальной культуре отпечатки влияний соседей.

Выступившие в прениях по этому докладу Б. А. Рыбаков, Э. А. Симонович, И. С. Винокур, А. Т. Смиленко отметили необходимость четко сформулировать определение — что такое черняховская культура и каковы ее основные признаки; только после этого возможно решение спорных вопросов о локальных вариантах культуры и создание подробной карты культуры.

С докладом «Волыно-Подольское пограничье — один из районов формирования черняховской культуры» выступил И. С. Винокур. Докладчик подчеркнул, что Волыно-Подольский район дает в распоряжение исследователей материал, позволяющий проследить формирование черняховских древностей. Основой формирования черняховской культуры в данном районе, по мнению докладчика, послужила зарубинецко-пшеворская культурная среда, генетическая связь которой с черняховскими древностями прослеживается на материалах домостроительства, погребального обряда и керамического комплекса. В процессе формирования черняховской культуры в районе Подолья и Поднестровья ощущается влияние гето-фракийского окружения, а также проникновение отдельных сарматских племен, ассимилированных в этом процессе местным земледельческим населением. Что же касается таких памятников, как Брест-Тришин и Дитиничи, то они, по мнению докладчика, не оставили ощутимого следа в материальной культуре черняховских племен.

При обсуждении доклада с его выводами не согласилась М. А. Тиханова. Она напомнила, что для территории Западной Волыни нет оснований принимать положения И. С. Винокура ни в датировках, ни в археологическом материале. Против преемственности между зарубинецкой и черняховской культурами выступили Е. В. Махно и М. Б. Щукин, отметившие, что на территории Волыни зарубинецкие памятники не известны.

Э. А. Симонович присоединился к выводам И. С. Винокура и, в частности, отметил, что считает закономерным сравнение лепной и гончарной керамики.

Детальный анализ письменных источников в докладе В. П. Петрова «Археология и история» (к постановке проблемы изучения черняховской культуры) приводит автора к выводу, что исчезновение черняховской культуры нужно связывать не с гуннским нашествием IV в., как считает большинство исследователей, а с вторжением авар в конце VI в. В процессе бурных исторических событий черняховская культура в V—VI вв. подвергается постепенному изменению, о чем свидетельствует наличие некоторых связующих элементов, наблюдаемых в культурах послечерняховского периода.

С большим интересом был прослушан доклад В. Д. Барана «Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований». На основании детального изучения поселений черняховского времени указанного района устанавливается важная закономерность в соотношении лепной и гончарной керамики с типами жилищ. Для поселений с наземными сооружениями лепная керамика не характерна, тогда как на поселениях с углубленными жилищами лепная керамика имеется в значительном количестве, причем типологически и лепная посуда и приемы домостроительства увязываются со славянскими древностями VI—VII вв. Выявленная закономерность дает докладчику возможность делать выводы этно-генетического порядка, в частности, носителей черняховских памятников Западного Побужья, Поднепровья, Верхнего Поднестровья и Румынии, для которых характерны определенная лепная посуда и углубленные жилища, можно связать со славянским населением; памятники типа Дитиничей оставили германские племена; дако-гетские элементы памятников Молдавии и Румынии указывают на наличие фракийского населения в этих районах.

Выступившие по докладу Е. В. Махно, Э. А. Симонович и И. А. Рафалович подчеркнули большое значение доклада. В. В. Кропоткин отметил, что весь ход рассуждений В. Д. Барана заставляет признать, что памятники западной части Верхнего Поднестровья отчетливо выделяются в особую локальную группу, однако уточнение этого вопроса возможно будет только после исследования могильников.

Одной из наиболее острых проблем был посвящен доклад Ю. В. Кухаренко «Волынская группа полей погребений и проблема так называемой гето-гепидской культуры». Логические построения докладчика сводятся к тому, что по всей сумме археологических признаков мазовецко-волынская группа памятников является промежуточным звеном между нижневисленской, или так называемой гето-гепидской, и черняховской культурами. В районе своего распространения эта группа не имеет генетических корней, и потому ее появление может быть объяснено лишь переселением племен с низовьев Вислы, где аналогичные по материальной культуре памятники известны с I в. н. э. Хронологические рамки мазовецко-волынской группы соответствуют такому построению, она появляется позже нижневисленской и равняется черняховской культуры. В свою очередь черняховская культура, находящаяся под сильным провинциально-римским влиянием, очень близка мазовецко-волынской группе и своими корнями, как и последняя, входит в нижневисленскую или гето-гепидскую культуру. Ю. В. Кухаренко считает, что черняховская культура является археологическим выражением готской монархии.

Оживленная дискуссия, развернувшаяся по проблемам, затронутым в докладе, определила две точки зрения по вопросу о готской принадлежности черняховской культуры. Наиболее категорично отстаивали славянскую принадлежность черняховской культуры Е. В. Махно и Э. А. Симонович, отметивший в своем выступлении,

что все построения Ю. В. Кухаренко считает бездоказательными и не видит прямых аналогий между оксавской и черняховской культурами. А. Т. Смиленко согласилась с мнением докладчика, что памятники типа Брест-Тришин и Дитиничи можно отождествлять только с германцами, однако, по ее мнению, элементы, связующие мазо-вецко-волынскую группу с черняховской культурой, появляются в Поднепровье в IV—V вв., т. е. не с начальных этапов черняховской культуры, а в конце ее существования, следовательно, эта культура наслаивается на уже существующую в Поднепровье черняховскую культуру и, таким образом, не является ее подосновой. Не согласилась А. Т. Смиленко и с мнением докладчика о приходе черняховцев на пустующие земли Поднепровья. Здесь есть памятники, которые датируются более ранним временем, хотя названы они не были.

М. Ю. Смишко присоединился к мнению А. Т. Смиленко. Дитинические элементы, которые имеются в Косанове и Колтанитцах, скорее свидетельствуют о содружестве пришлых племен с местным черняховским населением. В свою очередь он не отрицает, что волынские памятники типа Дитиничей могли принадлежать гото-гепидам.

В. В. Кропоткин предлагает рассматривать проблему, исходя из крымских памятников конца IV—VII вв., которые, как подтверждают многие исследователи, являются памятниками крымских готов. Если поставить вопрос, каким образом готы появились в Крыму, то можно ответить: только в результате готского переселения. Об этих событиях довольно красочно повествуют античные источники III—IV вв. Памятникам крымских готов предшествуют памятники типа чернореченского могильника с фибулами черняховского типа, которые появляются в Крыму в результате расселения черняховских племен в Тавриде. Следовательно, и с чисто археологической точки зрения, концепция Ю. В. Кухаренко имеет подтверждение.

М. А. Тиханова считает, что если брать материал в совокупности, то, говоря о происхождении черняховской культуры, надо говорить не о готах, а о германцах в широком смысле, сыгравших, безусловно, свою роль в процессе формирования черняховской культуры.

М. Б. Шукин отметил, что бесполезно надеяться найти абсолютно аналогичные оксавским памятники на территории черняховской культуры, ибо за 200 лет своего передвижения культура, безусловно, должна была измениться. Отметил, как положительный момент в построениях Ю. В. Кухаренко, попытку проследить постепенное изменение культуры в процессе ее развития.

В докладе «Латенские традиции в черняховской культуре» В. И. Бидзия констатирует, что латенская культура сыграла выдающуюся роль в исторических судьбах народов Восточной Европы. В черняховской культуре три ведущие отрасли ремесла — черная металлургия, металлообработка и гончарство — генетически связываются с позднелатенской культурой.

Вопросам происхождения обряда трупосожжения черняховской культуры был посвящен доклад Н. М. Кравченко. Она выделяет три группы сожжений на черняховских могильниках. 1. Сожжение урновое и безурновое, сопровождаемое сосудами-приношениями. Эти погребения характерны для районов Волыни и Среднего Поднепровья и генетически связываются докладчиком с сожжениями зарубинецкой культуры, 2. Сожжение урновое и безурновое, сопровождаемое фрагментами керамики, нередко вторично обожженными. Этот обряд встречается по всей территории черняховской культуры. К этой же группе относятся сожжения, залегающие «рассредоточенно» в обширной яме, характерные для Поднепровья, Побужья и Добруджи. По своим признакам сожжения этой группы аналогичны пшеворской культуре, 3. Сожжение урновое и безурновое, прикрытые другим сосудом, умбоном или камнем; характерно для могильников Молдавии и Добруджи, встречается в Поднепровье и типологически связывается с аналогичным обрядом культуры Лукашевка-Поянешты.

«О фракийском элементе в черняховской культуре днестровско-дунайского междуречья» сообщил Э. А. Рикман. На конкретных примерах археологического материала и данных письменных источников он попытался доказать обоснованность ранее высказанного в литературе мнения, что фракийцы были в числе носителей черняховской культуры. Часть участников совещания, в том числе Е. В. Махно, Э. А. Сымонович признали постановку вопроса правильной, а доказательства, приведенные в пользу наличия фракийских элементов в черняховской культуре, убедительными.

Более критически к этому вопросу отнесся М. Ю. Смишко, который, не подвергая сомнению наличие фракийских элементов в черняховской культуре, выступил против конкретных сравнений черняховской культуры с липецкой.

С докладом «Черняховская культура и культура летописных племен» выступил Д. Т. Березовец. Полемизируя с М. Ю. Брайчевским, автором книги «Біля джерел слов'янської державності», Д. Т. Березовец приходит к выводу, что материальная культура славянских племен, выступивших на историческую арену во второй половине I тысячелетия, не имеет генетической связи с черняховской культурой, тогда как на известных памятниках прослеживается их развитие и трансформирование в культуру Киевской Руси. Таким образом, считает докладчик, снимается вопрос о прямой преемственности между черняховской и славянской культурами IX в., хотя им не отрицается, что среди носителей черняховской культуры была

какая-то часть славянского населения, оставшаяся в последующее время на своих местах.

Серия докладов была посвящена вопросам хронологии культуры.

«К вопросу о датировках черняховских памятников Среднего Поднепровья» прочитал доклад М. Б. Щукин. На конкретном разборе могильных комплексов Среднего Поднепровья он показал, что на основе одного и того же материала черняховскую культуру можно датировать «широко» — II—V вв., если учитывать время бытования всех встречаемых вещей, и «узко» — III—IV вв., если за основу принимать время сосуществования различных вещей. Последний метод автор доклада считает более строгим, но, пользуясь им, приходит к выводу, что могильники Среднего Поднепровья дают дату не ранее второй половины III в. Далее он подробно разбирает примеры верхней датировки черняховской культуры, в частности дату ягнятинской амфоры, которую ставит в один ряд с амфорами, датируемыми временем между серединой III в. и концом IV в.

Хронологическим показателем может служить и место черняховской культуры между хорошо датированными сарматскими памятниками I в., первой половины II в. и раннеславянскими памятниками VI—VII вв.

Выступившие в прениях по докладу Б. А. Рыбаков, И. С. Винокур, В. В. Кропоткин, Э. А. Сымонович, М. А. Тиханова подчеркнули тщательность исследования, проведенного М. Б. Щукиным, однако большинство отметило ограниченность материала, положенного в основу исследования. Разделились мнения участников совещания и по поводу общей датировки черняховской культуры. В. В. Кропоткин и М. А. Тиханова высказались за «узкую» датировку культуры, III—IV вв. Е. В. Махно, Э. А. Сымонович, А. Т. Смиленко, И. С. Винокур придерживаются широкой датировки, II—V вв.

Был заслушан доклад А. Т. Смиленко «К хронологии кружалной керамики черняховского типа», в котором сделана попытка выделить характерные керамические формы для раннего и позднего хронологических периодов черняховской культуры. А. Т. Смиленко приходит в заключение к выводу, что серая гончарная керамика не исчезает полностью, как считают многие, в середине I тысячелетия. С этим выводом не согласился Д. Т. Березовец.

С докладом «Гребни черняховской культуры» выступила Г. Ф. Никитина. Анализируя одночастные и трехчастные гребни, она приходит к выводу, что бытование первых относится к I — началу III в., трехчастные гребни сменяют одночастные во второй половине III в. Формы гребней, характерные для черняховской культуры, возникают на территории междуречья Эльбы—Вислы.

Доклад «Хронология черняховской культуры и римско-византийские импорты в Восточной Европе» прочел В. В. Кропоткин. На основании анализа денежного обращения в Восточной Европе и импортных изделий подтверждается дата существования культуры в III—IV вв.

Мнения выступивших в прениях по докладу разделились. Точка зрения В. В. Кропоткина была поддержана М. А. Тихановой. За расширение хронологических рамок черняховской культуры высказались И. С. Винокур, Э. А. Сымонович.

В заключительной части совещания была прочитана серия докладов по применению естественно-технических методов при изучении черняховской культуры.

А. А. Бобринский сообщил о результатах своих работ, построенных на особенностях формовочной технологии керамики черняховского типа. Этот метод основан на распространении у различных народов особенности передачи технических навыков изготовления керамики по родственным и кровнородственным каналам, что позволяет установить древние связи различных групп населения. Исследования первой стадии формовки сосуда — «начина» позволили установить связь между зарубинецким, черняховским и раннеславянским населениями. Все эти группы населения приняли участие в этнокультурных процессах I—II тысячелетий, в результате которых стала возможна кристаллизация восточнославянских племен.

О спектроаналитическом исследовании цветного металла черняховской культуры доложила Т. Б. Барцева. С помощью этого метода удалось выявить, что характер цветной металлургии черняховской культуры складывается на местной, северопричерноморской основе. Однако наличие основного компонента не исключает сильных посторонних воздействий, которые также участвовали в сложении цветной металлургии черняховской культуры. Они особенно заметны на раннем этапе, а также на северо-западных и западных памятниках. Исходной областью привнесения компонента, по аналитическим данным, является Прибалтика.

С большим интересом прослушан доклад Г. А. Вознесенской, посвященный результатам металлографического исследования кузнечной продукции. Автор приходит к выводу, что техника и качество обработки черного металла у носителей черняховской культуры достигли высокого уровня, однако само ремесло носило общинный характер. Кузнец работал не на рынок, а на заказ.

Выступавшие по этой серии докладов отметили важность и объективность исследований. М. А. Тиханова выразила несогласие с выводами А. А. Бобринского, указав на их преждевременность и узость опорной базы. Подобные выводы будут звучать достаточно убедительно только на фоне данных всех предшествующих и последующих черняховской культур Центральной и Восточной Европы.

Подводя итоги совещания, Б. А. Рыбаков отметил огромное значение новых условий изучения черняховской культуры. Применяемые в последние годы естественно-технические методы в исследованиях дают возможность получения объективных результатов. В последние годы благодаря работам Ю. В. Кухаренко получены новые археологические материалы о готах, что позволяет по-новому подойти к исследованию готского вопроса.

Основная задача следующего этапа изучения черняховской культуры — это систематизация всего материала, издание сводов.

На совещании было принято решение через 3—4 года вернуться к обсуждению проблем черняховской культуры.

Г. Ф. Никитина

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

С 15 по 20 апреля 1968 г. в Москве проходила сессия Отделения истории, пленум Института археологии и расширенное заседание ученого совета Института этнографии, посвященные итогам полевых археологических и этнографических исследований 1967 г. В работе сессии приняли участие представители от научных учреждений и общественных организаций Москвы и Ленинграда, союзных и автономных республик. Число принявших участие в работе сессии и пленума превысило 800 человек. К сессии была подготовлена специальная выставка археологических и этнографических находок и материалов¹.

Сессию открыл академик-секретарь Отделения истории Е. М. Жуков, обратившийся к присутствующим с кратким вступительным словом.

С докладом «Русская эпиграфика X—XIV вв.» выступил директор Института археологии АН СССР академик Б. А. Рыбаков. Он подчеркнул значение эпиграфики как особого раздела исторической науки, связанной с источниковедением, и указал на значение вновь полученных при археологических раскопках древнерусских эпиграфических памятников. Разработка точных методов датирования эпиграфических памятников сильно повышает их значение, поскольку их часто удается связать с определенными событиями, зафиксированными в летописях.

Директор Института археологии АН УССР Ю. Н. Захарук сделал доклад «Достижения археологов Украины за последние годы». Он указал на огромное значение больших новостроечных работ, развернувшихся на Украине. Эти работы обеспечили возможность комплексного исследования ряда районов в археологическом отношении. Докладчик подробно охарактеризовал важнейшие археологические находки, относящиеся к различным периодам человеческой истории, начиная от палеолита и кончая славянской эпохой, сделанные в последние годы на Украине. Он призвал к тщательной творческой разработке теоретических проблем науки, методики и методологии.

В. П. Любин сделал доклад «Нижний палеолит СССР. Основные проблемы», отметив, что в СССР к настоящему времени исследовано более 400 нижнепалеолитических стоянок (включая и мустьерские). В. П. Любин формулирует проблемы, пущающиеся в коренной разработке для наиболее полного и всестороннего изучения этого обильного фактического материала. К этим проблемам относятся периодизация (археологическая, геологическая и социологическая); хронология (абсолютная и относительная), изучение расселения, эволюция обработки камня, хозяйственная деятельность предков современного человека и т. д. Он указывает на необходимость более последовательного изучения локальных проявлений нижнепалеолитических культур, эволюции общественных форм от первобытного стада к первобытной общине и группам родственных общин и т. д.

В докладе О. Н. Бадера «Проблема древнейшего заселения Северной Европы человеком» получили развитие некоторые соображения, выдвинутые В. П. Любиным. Конкретные факты, полученные за последние годы, позволяют говорить об очень далеком проникновении на север древнейших человеческих групп еще в период нижнего палеолита; уже намечается несколько достаточно определенных путей заселения Русской равнины и Севера в ашело-мустьерское и мустьерское время.

Два доклада были посвящены изучению неолитической эпохи.

В одном из них Н. Н. Гуркина охарактеризовала «Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР и проблемы хронологии». Ею была предложена характеристика ряда таких важнейших в археологии понятий как «мезолит», «неолит», «культура» и др. Докладчик считает, что в основу выделения каждой археологической эпохи должен быть положен уровень развития материального производства и его региональная специфика. Для дальнейшего уточнения хронологических рамок неолита необходимо более широкое развитие ком-

¹ В информации говорится лишь об археологической части сессии и пленума.

плексных методов датирования (сочетание типологического метода с методами естественнонаучных дисциплин).

В докладе В. М. М а с с о н а «Проблема неолитической революции» рассматриваются пути перехода к производящему хозяйству и основные первоначальные формы производящего хозяйства, базирующиеся на земледелии или скотоводстве в разных их сочетаниях. Докладчик указывает три основных пути этого перехода, которые называет переднеазиатским, мезоамериканским и перуанским путями, или моделями сложения неолитических культур. Далее он анализирует природу возникновения трех основных очагов производящего хозяйства на территории СССР: на юге Средней Азии, на Кавказе и в Северном Причерноморье. Правомерность применения термина «неолитическая революция» к периоду, охватывающему на некоторых территориях до 3000 лет, докладчик подкрепляет соображениями об изменении темпов исторического развития в течение всей истории человечества и его человекообразных предков. С неолитической эпохи темпы невиданно возрастают и одним из факторов, определивших этот неустанный рост, можно считать экономические и культурные достижения неолитической эпохи (создание новых отраслей хозяйствования, техники, зачатков науки, резкий рост народонаселения) и т. л.

Доклад В. М. Массона вызвал оживленное обсуждение. В. П. Даниленко дополнил данные докладчика в разделе, касающемся неолитической революции в Северном Причерноморье, и указал на возможность большего числа моделей перехода.

В. А. Башилов отметил возможность поставленной докладчиком проблемы, но указал, что предложенные им модели перехода не вполне отчетливы так же, как и общие рамки периода неолитической революции. Смирнов (МГУ) считает, что необходимо выделить в качестве особой модели перехода к производящему хозяйству переход, происходящий под внешним влиянием. Н. Я. Мерперт предложил уточнить термин «производящее хозяйство» указанием на то, что эта форма подразумевает активное воздействие человека на природу с целью получения прибавочного продукта. Д. А. Крайнов указал на большое значение поставленной проблемы, но заметил, что предпосылки и некоторые основы производящего хозяйства складываются еще в мезолите. Высоко оценил доклад В. М. Массона В. Д. Блаватский, который указал на большую важность экономических изменений, происшедших в неолите, для формирования новых черт человеческой истории. В заключительном слове В. М. Массон подчеркнул важность дальнейшей разработки поставленной им проблемы и необходимость выработки четкой и всеобъемлющей терминологии.

Доклад Н. А. О н а й к о «Экономические связи античных городов Северного Причерноморья с племенами Приднепровья и Побужья в VI—II вв. до н. э.» содержит характеристику предшествующего (VII—V вв. до н. э.) периода торговых отношений в указанных районах и определение специфики торговых отношений в IV—II вв. до н. э. В этот период в Северном Причерноморье начинается значительный подъем городских хозяйств, формируется государственная власть у скифов. Эти явления способствовали значительному увеличению массы импорта, включение в торговое обращение новых центров, специализацию некоторых центров в производстве и импорте определенных видов изделий (например, импорт Боспорской торевтики в IV в. до н. э.).

Н. И. Соколовский прочел доклад «Новые данные по истории Таманского полуострова», опирающийся на новые исследования Таманской экспедиции. Им были описаны многочисленные поселения на этой территории, начиная с эпохи бронзы и до VI в.

Доклад А. П. Смирнова и Г. А. Федорова-Давыдова «Проблемы средневековой истории в работах Поволжской экспедиции» суммирует результаты исследований крупных средневековых городов Поволжья — Болгар, Нового Сарая — столицы Золотой Орды, Сарая-Бату и др. Исследования Нового Сарая дали важный материал для выяснения процесса перехода к оседлости у высших кругов монгольской знати, для установления социальной топографии городов, установления специфики ремесленных производств и выявления их разнообразных истоков (в Орде работали мастера из Руси, Закавказья, Крыма, Хорэзма, Ирана).

«Новые открытия памятников Полоцкого зодчества XII в.» — так назывался доклад М. К. Каргера. Он характеризовал основные памятники Полоцкой архитектуры XI—XII вв. Кратко упомянув о раскопках храма-усыпальницы XII в. на территории Ефросиньевского монастыря и о других объектах археологических работ экспедиции ЛОИА и ЛГУ, М. К. Каргер рассказал об исследовании неизвестного по письменным источникам храма XII в., открытого на территории Верхнего замка. Этот храм, по мнению докладчика, — прототип известного храма Михаила в Смоленске.

А. Д. Грач доложил о работах Саяно-Тувинской археологической экспедиции в 1966—1967 гг. За истекший период было обследовано 67 объектов, относящихся к каменному веку. Новые важные материалы получены на могильнике бронзового века Куйлуг-Хем I. Здесь встретился погребальный комплекс с бронзовым инвентарем карасукского типа. Ряд исследованных памятников дал новый материал, пополняющий коллекцию предметов художественного ремесла скифского времени. На могильнике Бай-Даг II раскапывались погребения гуннского времени. Большая серия открытий была сделана на памятниках тюркского и киргизского времени, а также на древнеуйгурских городских поселениях. Специальное обследование позволило под-

робно охарактеризовать большую группу разновременных петроглифов. Успешным было выявление археологических памятников с помощью вертолета.

Е. И. Крупнов сделал доклад «10 лет работы Северо-Кавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушетии». До работ СКАЭ на этой территории не было известно памятников ранее чем эпохи средней бронзы. Ныне важные работы ведутся на вновь выявленных объектах от палеолита до позднего средневековья. Определены следы культурных контактов между майкопской и куро-аракской культурой, кобанской и какантско-хорочеевской. Большое значение для датировки кобанской культуры имели датировки по C_{14} , которые были получены по материалам Сержень-Юртовского поселения (XII—IV вв. до н. э.). Средневековые материалы дали новые данные для заключений по этногенезу населения этого района Кавказа.

На секциях: каменного века, эпохи бронзы, раннего железного века, славяно-русской и средневековой археологии, археологии и этнографии Кавказа и Средней Азии, нумизматики было прочитано около 200 докладов и сообщений, в значительной степени отразивших результаты полевых работ истекшего года.

Секция каменного века. С докладом «Материалы по палеолиту Индии» выступил П. И. Борисковский. Он высоко оценивает достижения археологов Индии в области изучения всех периодов палеолитической культуры. Сообщение «О геологическом возрасте палеолита Средней Азии» сделали В. А. Ранов и С. А. Несмеянов. Авторы согласно отмечают необходимость поздних датировок мустьерских находок, датируя их не эпохой рисского оледенения, а рисс-вюрмским или началом вюрмского времени. Эти данные позволяют изменить датировки позднего и раннего палеолита Средней Азии.

М. Н. Клапчук в докладе «Местонахождения галечных орудий в бассейне р. Сарысу (Центральный Казахстан)» отметил сосуществование на протяжении нижнего и среднего палеолита галечной индустрии с индустрией ручных рубил. Новые находки позволяют отодвинуть границу распространения галечных орудий в северном направлении. О двухслойной мустьерской стоянке Стинка на Среднем Днепре сделал сообщение Н. К. Анисюткин. Он обратил внимание на отличие этого памятника от памятников типа Молодова и сходство его с крымско-кавказскими памятниками мустье. О раскопках мустьерских памятников Кубани и Приазовья (Ильская и др.) рассказал Н. Д. Пра слов. В. М. Муратов сделал доклад «Геолого-морфологические исследования в районе Ильской палеолитической стоянки».

Выступили с докладами: В. И. Канивец («Двухслойная палеолитическая стоянка Крутая Гора на Печоре»); А. Н. Воронков («Находка 15 кремневых орудий архайского облика у с. Бехова в Тульской области»); Л. В. Грехова («Результаты исследования верхнепалеолитической стоянки Тимоновка II в 1967 г.»); Л. Н. Вознячук, В. Д. Будько, Е. Г. Калечиц («Новая позднепалеолитическая стоянка на озере Нарочь»); А. П. Черныш («Результаты полевой работы Днестровской палеолитической экспедиции 1967 г.»); В. П. Савич («Исследование позднепалеолитических стоянок Липа I на Волыни в 1967 г.»); А. В. Анпилов («Стоянки эпохи мезолита на р. Кемь»); П. М. Долуханов, Г. М. Левковская, Е. Н. Романова, А. А. Семенцов («Абсолютная хронология и палеогеография мезолита и неолита Прибалтики»); М. Г. Ниорадзе («Археологические исследования в пещере Самерцхле-Клде, ГрузССР») и Г. Ф. Коробкова («К вопросу о поздних комплексах мезолита Средней Азии»).

Доклад А. Н. Рогачева «Итоги исследования Костенок XI» был посвящен проблемам интерпретации костяновокских памятников палеолита в целом и оценке значения вновь созданной в Костяновокском музейной экспозиции на базе раскопанных памятников. Э. Е. Фрадкин продемонстрировал уникальные образцы палеолитической зооморфной пластики, выявленной в большом числе среди материалов из раскопок 1931—1936 гг. на стоянке Костянки I. Куски мергеля — отходы при обработке кремневых желваков — оформлены в виде причудливо сочетающихся фигур и голов животных. О находке в 1967 г. новой женской статуэтки на позднепалеолитической стоянке Гагарино, напоминающей фигурки из Костенок I, доложил Л. М. Тарасов. И. Г. Шовкопляс рассказал о раскопках нового культурно-хозяйственного комплекса на Добраничевской позднепалеолитической стоянке, где была обнаружена уникальная женская статуэтка из янтаря.

В. Р. Кабо прочел доклад «Происхождение австралийцев в свете новейших археологических данных». Опираясь на последние радиоуглеродные датировки, можно считать, что заселение Австралии началось около 30 000 лет назад. В материалах археологических памятников выявлены связи с культурами позднего палеолита и мезолита Южной и Юго-Восточной Азии. «О палеолитических охотничьих угодьях в Крыму» сделал доклад С. Н. Бибиков. Он анализирует, базируясь на размещении разновременных памятников и их размерах, динамику населения, развитие охотничьего хозяйства в течение среднего и позднего палеолита.

М. Д. Гвоздовер сообщила об исследованиях позднепалеолитических памятников в низовьях Дона в 1967 г. С. Н. Астахов описал вновь открытые и обследованные Саяно-Тувинской экспедицией памятники каменного века. Доклад Г. А. Панкратова был посвящен выделению двух групп мезолитических памятников Карелии, различающихся по инвентарю. Одна из этих групп напоминает мезолитические памятники Среднего и Верхнего Поволжья, другая имеет западные аналогии. Очевидно, эти различия связаны с нахождением на территории Карелии двух групп разно-

этнического населения. Р. К. Римагтенедоложила о работах 1967 г. на стоянке каменного века в Швентойи (ЛитССР). А. П. Журавлев рассказал о жилищах древних поселений Вигаи-наволока. О работах на Таймыре информировал слушателей Л. П. Хлобыстин.

Прочитаны также сообщения: «О работах на Засеченской стоянке» (Е. И. Диков), «О неолитических памятниках в зоне затопления Каракумского канала» (О. К. Бердыев), о статистической обработке неолитической керамики (Д. Я. Телегин), о неолитическом поселении Унюк на Верхнем Енисее (Л. П. Зяблин); о находке неолитических орудий на острове Ольхон (Байкал) доложил П. П. Хорошох, о петроглифах автохтонного населения Чукотки — Н. Н. Диков, о функциях скребков — В. В. Сидоров и о раскопках Дюктайской пещеры — Ю. А. Мочанов.

Секция бронзы. Г. Н. Шендаков сообщил об археологической разведке памятников катакомбной и срубной культур. В. Н. Мамонтов рассказал о поисках древних стоянок на островах Цимлянского водохранилища. Открыты стоянки ямной и срубной культур. О разведках срубных памятников на р. Медведице сообщил Ю. В. Деревягин. В. Я. Кияшко познакомил слушателей с исследованиями энеолитического поселения второй половины III тысячелетия до н. э. у с. Константиновка Ростовской области. С. С. Бессонова рассказала о раскопках в 1966—1967 гг. двух курганов эпохи бронзы у с. Луговое в Крыму. В курганах растащено 15 погребений. Основные погребения под насыпями — ямные, впускные — срубные. Т. Г. Мовша рассказала о раскопках поздне трипольского поселения Жванец. На нем обнаружены двухъярусные керамические горны, полуземлянки и остатки наземного жилища. Доклад Т. А. Поповой был посвящен раскопкам трипольского поселения эпохи В-II у с. Раковец.

Ф. В. Черников доложил результаты исследования поселения позднеяковской культуры у д. Наумовки Арзамасского района. На поселении найдены остатки большого полуземляночного шалашеобразного жилища, крыша которого поддерживалась 12 опорными столбами. И. Лозе рассказала о раскопках стоянки Лагожа, расположенной на притоке р. Анвиксте (ЛатССР). А. М. Микляев сообщил о результатах исследования стоянок эпохи неолита и бронзы на юге Псковской области. По стратиграфии и характеру физико-географических условий стоянки могут быть разделены на хронологические группы. Я. Я. Граудонис рассказал об исследовании могильника конца II тысячелетия до н. э. на территории позднего укрепленного поселения Кивуткалнс. Раскопано было 228 труположений и 20 трупосожжений. А. А. Щепинский познакомил слушателей с новыми материалами по кемп-обнинской культуре. Особенно интересной оказалась находка в Сюйренском кургане расписного каменного ящика. На кургане в урочище Ак-Чокрак под Бахчисараем над кемп-обнинским погребением была найдена антропоморфная стела. В сообщении Р. Н. Ступникова рассказывалось о раскопках плиточных могил эпохи поздней бронзы по нижнему течению р. Онон Читинской области. Наиболее поздние из них датируются X—VIII вв. до н. э. Об исследовании поселения Сабатиновского этапа (XIII—XII вв. до н. э.) у с. Ново-Розановка-I в Николаевской области рассказала Н. Н. Шарфутдинова. Я. И. Сунчугашев доложил о методике изучения древних медных шлаковых куч Хакасско-Минусинской котловины. Определены производственные возможности металлургов IV—III вв. до н. э., техника выплавки металла.

Т. Н. Троицкая сообщила об исследовании памятников карасукского времени в Новосибирской области. О датировке и типологии сланцевых шлифованных княжалов и наконечников копий из Приморья сделали доклад В. В. Сидоров и В. Г. Протасова.

Были прочитаны доклады: об итогах работ Ингульской экспедиции 1967 г. (О. Г. Шапошников, В. Н. Станко), о культурной принадлежности каневской группы поселений эпохи бронзы (Н. Н. Бондарь), об исследовании неолитических и энеолитических памятников Молдавской экспедицией (Е. К. Черныш), о святилищах и жертвенниках энеолитических поселений Южной Туркмении (И. Н. Хлопин), о сельских поселениях эпохи бронзы в Южной Туркмении (А. Я. Щетенко).

Об одном из типов керамики эпохи бронзы в Индии доложил Ю. А. Заднепровский. О стоянке эпохи бронзы Чернозерье IV на р. Иртыше под Омском рассказал В. В. Овчинников. О двух пунктах с наскальными изображениями на Урале прочел сообщение В. Т. Петрин, а о новых данных по бронзовому веку Якутии — С. А. Федосеева.

С докладом о работах Красноярской экспедиции в 1967 г. выступил М. П. Грязнов.

Доклады В. Н. Даниленко «Сложение древнеямской культурной общности» и большой итоговый доклад В. П. Шилова «Хозяйство ямной культуры Поволжья», так же как и ряд других выступлений, послужили предметом оживленной дискуссии, касавшейся различных проблем энеолита и бронзового века Евразии. В прениях выступили Н. Я. Мерперт, М. П. Грязнов, В. М. Массон, О. Г. Шапошникова, Е. Е. Кузьмина, А. Я. Щетенко и др.

Секция раннего железного века. Подсекция скифо-сарматской и античной археологии. Г. Д. Белов доложил об итогах раскопок в Херсонесе в 1966—1967 гг.

Здесь исследовался XXV квартал города. На территории квартала были найдены остатки стеклоделательной мастерской. В. В. Каде в прочел доклад «Торговые связи Херсонеса Таврического с Малой Азией в I—IV вв.» Наибольший расцвет торговли приходится, по мнению докладчика, на II в. и в первую половину III в. О небольших работах в цитадели Херсонеса в 1967 г. рассказала В. В. Борисова. О. Я. Савелья доложил о результатах исследования лепной керамики с врезным орнаментом из Херсонеса. Она бытовала у населения районов, прилегающих к Херсонесу по конец II в. до н. э., и потому не может служить доказательством возникновения Херсонеса на месте поселения тавров. О поселениях в северо-западном Крыму в античную эпоху сообщил А. Н. Щеглов. Почти все они возникли в последней трети I в. до н. э. как хоры Херсонесского государства. Э. В. Яковенко сделала доклад о находках остатков винодельни и каменоломни эллинистического времени в Восточном Крыму. И. Д. Ратнер сообщил о находке плана развалин Ольвии, снятого в самом начале XIX в. И. С. Бориславским. Р. Д. Бондарь познакомил слушателей с результатами исследования городища у с. Орловки в Одесской области на берегу Дуная. Поселение возникло в VIII—VI вв. до н. э., позже здесь было дакийское укрепление, а еще позже вексильция римских легионов и стоянка кораблей Флавиева Мезиева флота. И. И. Гущина рассказала о раскопках могильников первых веков нашей эры на р. Бельбек в Крыму. Е. И. Леви познакомила слушателей с полевой работой Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1967 г. Исследованы монументальные памятники агоры, здание суда и гимнасия IV—III вв. до н. э.

Н. Л. Грач доложила об исследованиях Нимфея в 1966—1967 гг. Работы велись в северной части города. П. Н. Шульц сообщил об исследовании кургана Кара-Оба. Н. В. Хоштария, Р. В. Путуридзе, О. Д. Лордкипанидзе рассказали об археологических раскопках в Вани в 1966—1967 гг., при которых были открыты интереснейшие архитектурные и жертвенные сооружения античного времени. В. Н. Корпусова доложила об исследованиях позднебоспорского могильника III—IV вв. н. э. у с. Заморское в Ленинском районе Крымской области. Об исследовании скифского погребения у с. Новая Розановка на р. Ингуле доложила О. Г. Шапошникова. С докладом «О щитах скифской эпохи» выступила А. П. Манцевич. О раскопках поселения раннего железного века в Львовской области сделала сообщение Л. И. Крушельницкая. И. Б. Брашинский рассказал об исследовании скифских памятников на Нижнем Дону в 1966—1967 гг. в окрестностях Елизаветинского городища. В погребениях найдено много предметов античного импорта. И. Т. Кругликова доложила о раскопках Горгиппии в 1967 г. Здесь велось исследование городского квартала III в. н. э. Д. С. Кириллин познакомил слушателей с редким образцом Боспорской погребальной скульптуры IV в. до н. э. — большим рельефом с хорошо выполненными изображениями. В сообщении А. М. Лескова «Наконечники стрел предскифского периода из причерноморских степеней» дана классификация их, описана находка литейной матрицы для наконечников стрел на Кировском поселении. А. А. Щепинский прочел сообщение «О кизил-кобинской культуре и таврах в Крыму». Полученные материалы позволяют думать, что кизил-кобинская и таврская — разные культуры эпохи раннего железа. В сообщении Л. Я. Маловицкой «Основные этапы развития сарматского звериного стиля» выделены два района его формирования и дана периодизация. А. А. Моруженко прочла сообщение о новом жилище скифского времени на р. Ворскле. И. К. Свешников познакомил слушателей с памятниками милоградской культуры в бассейне р. Горыни. Раскопки Трахтемировского городища севернее г. Канева были охарактеризованы в сообщении Г. Т. Ковпаненко. При раскопках были открыты остатки 35 жилых и хозяйственных построек. Б. А. Шрамко рассказал об исследовании Бельского городища в 1967 г. Там были открыты остатки усадьбы V в. до н. э. Ю. Н. Воронцов познакомил слушателей с предметами скифского времени, происходящими с территории Абхазии. В. И. Бидзилья дал характеристику Ново-Клиновского и Галлишь-Ловачского центров черной металлургии, датированных первыми веками нашей эры.

Сибирская тематика также была представлена серией докладов. И. У. Самбу доложил о раскопках погребальных памятников на Ортау-Ахеме (Тувинская АССР). О раскопках сако-усуньских памятников в Таласской долине сообщила А. Г. Максимова. В докладе Г. С. Мартыновой «Результаты раскопок Михайловского поселения таштыкской культуры» была охарактеризована планировка жилищ и поселка в целом. Памятник датируется I в. до н. э. — I в. н. э. Я. А. Шер доложил о работах Каменского отряда Красноярской экспедиции.

В 1967 г. была завершена раскопка комплекса могильников Каменка и была проведена большая работа по фиксации наскальных рисунков. О работах Таштыкского отряда той же экспедиции сделала сообщение Э. Б. Вадецкая. Работы велись на нескольких таштыкских могильниках. Н. В. Анфимов доложил об исследовании нескольких курганов скифского и сарматского времени в Прикубанье. В курганах были найдены четыре бронзовых котла, изделия из золота и серебра. В. А. Ильинская прочла сообщение «Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве». О раскопках на городище «Чайка» в 1967 г. рассказала И. В. Яценко.

Подсекция культуры раннего железного века в лесной полосе. Работа подсекции началась с выступления В. Лыугаса «О связях населения территории Эстонской

СССР с восточными областями лесной полосы в раннем железном веке». Автор сравнивал керамику и находки из поздних каменных могильников с ящиками начала нашей эры и ранних каменных могильников с оградками, с материалами из подмосковных городищ. Итоги раскопок Ахунского городища VI—IV вв. до н. э. были доложены В. А. Калмыковой. Основные работы на памятнике в 1967 г. были связаны с изучением его укреплений. В. Г. Миронов познакомил слушателей с топографией и функциональным назначением Хвалыньских городищ и пришел к выводу, что они оставлены пришлым городецким населением в VI—IV вв. до н. э. П. Д. Степанов прочел два сообщения «Погребение воина первых веков н. э. у с. Старое Ардатово Мордовской АССР» и «Итоги раскопок 1-го Маргинского селища». Г. И. Матвеева доложила о новых памятниках второй половины I тысячелетия н. э. в междуречье Ика и Белой. Автором исследовалось Куштирякское селище на северо-западе Башкирии, оставленное кушнаренковскими племенами. А. И. Рассадович рассказала о памятниках I тысячелетия н. э. в Тагильском Зауралье. Изучались селища и места плавки металла. Исследован Тагильский могильник, в котором раскопано более 50 трупосожжений. В. А. Стоянов доложил о хронологических и генетических соотношениях культур Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке. Ю. С. Орлов рассказал о раскопках погребений в грунтовом могильнике в пади Сырой Сосновой в Читинской области. По-видимому, могильник относится к группе сяньбийских могильников. Очень интересным оказалось сообщение А. П. Деревянко о результатах исследования поселения Польцо в Хабаровском крае. На поселении хорошо сохранились полуземляночные жилища с многочисленным и разнообразным инвентарем. Поселение датируется X—XI вв. В. П. Патрушев дал классификацию кельтов Старшего Ахмыловского могильника и привел их датировки.

Секция нумизматики. М. П. Сотникова прочла сообщение о корпусе русских монет X—XI вв. Ныне зафиксировано более 300 находок монет. О торговых связях Волжской Болгарии X в. по нумизматическим данным сделал доклад В. В. Кропоткин. Он подтвердил большее значение Волжского пути по сравнению с Окским в торговых связях Болгарии с Русью. Н. А. Соболева и А. С. Мельникова доложили о развитии денежного обращения в Левобережной Украине в XVII в. (по материалам клада из Форостовичи Новгород-Северского района Черниговской области). В кладе было 1284 различных монет. Самая поздняя — 1685 г. А. С. Мельникова доложила о кладе медных русских монет XVII в. из Московской области. Последняя монета клада датируется 1663 г. С новыми находками кизикинцев в северо-западном Причерноморье познакомил слушателей П. О. Карышковский. А. Г. Загинайло рассказал о распространении монет западнопонтийских городов на территории СССР в VI—III вв. до н. э. В. А. Анохин прочел сообщение «Относительная стоимость золота и серебра в Ольвии и на Боспоре в конце V—IV вв. н. э.». М. М. Расулова прочла сообщение «Нумизматические находки как источник изучения связей Кавказской Албании с античным миром». А. Мушегян сделала доклад об истории денежного обращения Армении V—I вв. до н. э. В докладе Д. Г. Капанадзе приведены новые данные о чеканке золотых монет в Грузии V—I вв. до н. э. Сведения о новых монетных кладах, найденных на территории Азербайджана в 1966—1967 гг., содержались в сообщении А. М. Раджабли. И. Г. Спасский сделал сообщение об истории изготовления сестрорецких рублей. О. С. Тальская прочла сообщение «Печатки — знаки учета труда зависимых крестьян на русских металлургических заводах в XVIII—XIX вв.». Они были распространены преимущественно на уральских и сибирских заводах. В. Л. Янин сообщил о подготовке проекта нового закона о монетных кладах.

Секция археологии Кавказа. Г. Симакин сообщил о результатах раскопок двух курганов эпохи бронзы на горе Ракитной в г. Кисловодске (начало II тысячелетия до н. э.). Об исследовании городища Рим-гора и пяти синхронных ему катакомбных и скальных могильников рассказали А. П. Рупич и Н. И. Михайлов. Судя по материалам раскопок, городище Рим-гора возникло в VII в. и было обитаемо до XI—XII вв. Г. Е. Афанасьев и Н. И. Михайлов привели новые данные о находках глиняных котлов с внутренними ручками в районе г. Кисловодска, которые связываются с проникновением сюда в VIII—IX вв. болгарских племен. Котлы эти датируются X—XII вв. и принадлежат алано-болгарскому населению. Раскопки городища Нижний Джулат в 1967 г. были отражены в сообщении И. М. Чеченова. Он показал, что Нижний Джулат был центром крупного сельскохозяйственного района, разоренного в конце XIV в. Тимуром.

М. Х. Багаев доложил об исследовании пяти грунтовых могил в могильнике V—VII вв. у с. Харачай в Чечено-Ингушетии. Наряду с аланскими вещами в них найдены предметы, происходящие от позднекобанской культуры. Д. М. Атаев рассказал о развитии нации в средневековом Дагестане, которое, по его мнению, начинается в XI—XII вв. С. Умаров познакомил слушателей с результатами раскопок двух могил в каменных ящиках близ с. Дай. Погребения датируются IV—VII вв.

Значительный интерес вызвали сообщения о полевых работах в Грузии. Г. Б. Авалишвили доложил о находке погребения литейщика в с. Гантнади в 1936 г. В могиле были найдены литейные формы изделий IX—VIII вв. до н. э. В. В. Джакардзэ рассказал о раскопках городища Дманиси в 1960—1966 гг. Обнаруженные на нем жилые постройки, культовые сооружения и мастерские в большинстве отно-

сятся к XII—XIII вв. На поселении исследованы остатки керамической мастерской XII в. П. П. Захария и Л. А. Чилашвили познакомили слушателей с исследованиями городища Гречи, основанного в 1466 г. и разоренного в 1614—1616 гг. Город был столицей Кахетинского царства. Исследовалась цитадель, в которой вскрыты развалины дворцовых сооружений и торговый район города. Л. А. Шервашидзе рассказал о находке в с. Хуап в районе Гудай (Абхазская АССР) надписи X в., в которой говорится о постройке храма. Были найдены в с. Хуап и остатки самого храма. Он однонефный с поздним приделом. О раскопках 1964—1966 гг. участка рудника Маднеули и железоплавильного центра рассказал И. А. Гзелишвили. Остатки железоплавильного производства датируются здесь XI—XIV вв.

Значительный интерес представили и археологические работы на территории Армянской А. А. Мартиросян познакомил слушателей с результатами изучения пещер и наскальных изображений в Армении в 1966—1967 гг. В результате этих работ выявлены первые пещерные стоянки Армении. Особенно успешны были работы в пещере Шенговит, где найдено большое число палеолитических орудий. В Гегамских горах выявлено около 2000 наскальных изображений, которые датируются временем неолита и бронзы. Ж. Д. Хачатрян рассказал об изучении погребений в карасах в Армении, где в последние годы в Гарни обнаружались такие погребения, датируемые IV—I вв. до н. э. Карасные погребения, по мнению докладчика, следует считать продолжением урартской традиции. Г. М. Григорян рассказал о раскопках в монастыре Ваанвак в Армении. Монастырь был основан в 911 г. и в XI—XII вв. служил усыпальницей сюнийских и албанских царей. И. Г. Гарибян познакомил слушателей с результатами исследований крепости Лори около г. Степанована. В XI в. она была политическим центром Северной Армении. При раскопках обнаружены остатки усыпальницы, бани, различные хозяйственные и жилые помещения.

В. Блэк рассказала о результатах изучения бронзовых пластинчатых поясов Закавказья (конца II — начала I тысячелетия). Они были одними из древнейших образцов художественного ремесла Закавказья. Изображения на них важны для понимания магических представлений их владельцев. Т. И. Голубкина рассказала об исследовании литейных форм из Кабалы X—XI вв.

На секции выступили Б. В. Техов с докладом «Итоги археологических раскопок у с. Тли», Л. Г. Нечасова «О дольменах и дольменообразных склепах Верхнего Прикубанья», А. Л. Нечпугайло доложил «О погребении киммерийского времени в верховьях р. Кумы». М. П. Абрамова сообщила о результатах исследования Нижнедзулатского могильника в 1967 г. М. Н. Ложкин прочел сообщение о результатах раскопок церкви XI—XII вв. в Отрадненском районе Краснодарского края. И. М. Мизиев сделал сообщение о Штирских и Кераунских горах по данным Моисея Хоренского. О склепах эпохи бронзы сделал доклад В. И. Марковин.

Секция славяно-русской и средневековой археологии. Подсекция славяно-русской археологии. Е. В. Максимов сделал доклад «Роль фибул и античных импортов в зарубинецкой хронологии». Он предложил шире использовать для датировки поселений находки хорошо датированных античных амфор. На основании этого материала он относит зарубинецкую культуру в Приднепровье к III в. до н. э. Обряду погребений в Черняховской культуре по материалам, полученным в Днестро-Днепровском районе, было посвящено сообщение И. С. Винокура. Он характеризует так называемые потревоженные погребения, отмечает на многих черняховских могильниках остатки тризны. Разницу в похоронном обряде он объясняет разноплеменнойностью населения Юго-Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Е. В. Максимов доложила о планировке и типах погребений Кампаниевского могильника черняховской культуры, на котором в 1960—1965 гг. было раскопано 467 погребений. Доклад А. Т. Смиленко «Новые черняховские памятники Надпорожья» посвящен результатам исследования кургана, в насыпи которого обнаружено погребальное кострище с лепной урной. Инвентарь погребения типичен для черняховской культуры. Такой погребальный обряд до сих пор в Приднепровье не встречался. А. М. Шовкопляс рассказала о новом поселении Зарубинецкой культуры Луг-I в Киеве. На нем была исследована полуземлянка и хозяйственные ямы. А. И. Кубышев сообщил о результатах исследования Пироговского могильника зарубинецкой культуры середины II в. до н. э. А. Г. Митрофанов продемонстрировал результаты раскопок 1965—1967 гг. на селище VI—VII вв. при д. Городище в Мядельском районе Минской области, на котором вскрыты остатки 18 наземных жилищ с печами-каменками и глинобитными очагами.

В сообщении Е. А. Шмидта речь шла о раскопках городища V—VII вв. Демидовка на Смоленщине. П. И. Ляпушкин доложил о раскопках близ Гнездовского могильника селища IX в. с ромейской керамикой и остатками производственных сооружений. Доклад вызвал оживленные прения. Были прочитаны сообщения А. Н. Москаленко («О погребальных традициях в древнерусском погребении Подонья»), А. З. Таутовичюсом («Раскопки могильника X—XI вв. в Бикавнай в Литве»), П. А. Раппопортом («Плановая структура древнерусских жилищ лесостепной зоны»). А. А. Ратиц рассказал о раскопках городища летописного Звенигорода, где исследованы наземные и полуземляночные жилища, церковь, остатки мастерских костерезов. П. П. Толочко доложил о раскопках нового кирпичного храма в летописном Копыревом конце древнего Киева. На Житомирской

улице вскрыты еще три наземных жилища домонгольского времени, зафиксировано направление древней улицы. Ю. А. Липкин прочел сообщение «Домонгольские русские города Курской области». Ф. Д. Гуревич познакомила слушателей с социальной топографией стольного города древнерусского Новогрудка. Э. М. Загорулский в докладе «Раскопки поселения у д. Городище в свете проблемы происхождения первоначального Минска» отверг гипотезу о размещении этого города около деревни Городище. В. К. Трумол прочел сообщение «Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава Мудрого». С результатами раскопок 1966—1967 гг. на территории Довмонтова города Пскова познакомил слушателей В. Д. Белецкий. Были исследованы остатки церкви Дмитрия Солунского, расчищены следы древней дороги, ведущей к Смердьему мосту, и парадный въезд в крепость — Святые ворота. О раскопках в Окольном городе Пскова в 1967 г. рассказала И. К. Лабутина. Исследования показали, что заселение этого участка началось в XII—XIII вв. В. Ф. Черников прочел сообщение «К вопросу о заселении Нижегородского Поволжья русскими в XII—XIV вв.». В докладе Ю. Ф. Лащук «Новые данные к истории украинской керамики XIV—XVI вв. (по материалам Львовской и Волынской областей)» описана техника изготовления керамики, появившиеся в XV в. ножного гончарного круга и свинцовых полив. Были охарактеризованы и ранние этапы изразцового производства. В. И. Цыгилк прочел сообщение «Поселение первых веков нашей эры у с. Ремезивцы Львовской области». На поселении были открыты жилища и железоплавильные горны.

Подсекция средневековых древностей неславянских народов. Г. Д. Голдина прочла доклад «Опыт хронологии верхнекамских древностей VI—IX вв. (по материалам могильников)». В сообщении В. А. Савельевой рассказывалось о новом пермском могильнике на Нижней Вычегде. М. Р. Полесских доложил о полевых работах на вновь открытом Селикса-Трофимовском могильнике и вопросах ранней истории мордвы. А. В. Циркин рассказал об раскопках мордовского Шокшинского могильника. В. Ф. Генинг и М. Г. Крамаровский сообщили о находке в 1960 г. серебряной вазы в Ивдельском районе Свердловской области. Форма сосуда и имеющиеся на нем изображения дают возможность датировать его X—XII вв. и отнести к кругу иранских вещей. И. И. Мулло познакомил слушателей с результатами разведок памятников саамской культуры на одном из островов Белого моря. Было обнаружено древнее святилище с пантеоном древних саамских богов. Н. А. Мажитов рассказал об исследовании Манякского могильника VII—VIII вв.

В сообщении Л. Г. Колесниковой «Раннехристианская скульптура Херсонеса» было сказано, что самые ранние предметы, связанные с христианством, датируются в городе IV в. Д. Л. Талис доложил об исследованиях на Баклинском городище в 1966—1967 гг., которые были продолжением работ, проводившихся тут и ранее. М. А. Фронжуло познакомил слушателей с охранными раскопками в Судак, при которых были открыты фундаменты и стены приморского укрепления VI в.

В сообщении Ю. И. Трифонова рассказывалось об археологических памятниках, выявленных в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Здесь раскапывались памятники скифского, гунно-сарматского и древнетюркского времен, преимущественно курганы. В. Л. Егоров выступил с сообщением «Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV вв.», что связано, по мнению докладчика, со стремлением упорядочить политико-административную структуру государства. Б. Абдулгазиев доложил о раскопках на городище Сар-Тепе, расположенном на левом берегу р. Карадарья. Городище возникло в начале нашей эры и просуществовало до VII—VIII вв.

Оживленное обсуждение вызвало сообщение И. Г. Хынку «К вопросу о соотношении Балкано-Дунайской и Салтово-Маяцкой культур». Л. М. Рутковская познакомила слушателей с основными этапами хозяйственного развития степного Приднепровья в I тысячелетии н. э. В сообщении А. А. Краваченко был продемонстрирован материал богатого кочевнического погребения, случайно обнаруженного у д. Флориновка в Одесской области. Погребение датируется X—XII вв. Ею же было прочитано сообщение «Средневековая гончарная печь в Белгороде Днестровском». Она относится к XIII в. И. П. Лисицын рассказал о результатах исследования курганного могильника у с. Бахтияровка в Ленинском районе Волгоградской области. Погребения относятся к золотоордынскому времени. Е. Атагарьев доложил о результатах исследования городища Чугондор близ железнодорожной станции Артык. Находки, собранные на поселении, позволяют датировать его IX—XIII вв. В. Н. Ягодин познакомил собравшихся с результатами раскопок мавзолея Мазлум-Хан-Сулу на территории Каракалпакии. Б. Б. Овчинникова рассказала о поселениях эпохи Сибирского ханства на реках Ишиме и Иртыше.

На секции были прослушаны сообщение Н. Э. Майн «Памятники ложковского типа в Западной Сибири в I тысячелетии н. э.» и доклад И. С. Вайнера «О некоторых результатах исследования технологии производства ювелирных изделий в Новом Сарее».

П. М. Кожин, Р. Л. Розенфельдт

СОВЕЩАНИЕ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

С 1 по 7 апреля 1968 г. в Ленинграде в ЛОИА АН СССР проходило пятое совещание по проблемам археологии Средней Азии. В работе совещания принимало участие около 150 человек: археологи республик Средней Азии и Казахстана, сотрудники Института археологии, Института этнографии, Института географии АН СССР, Гос. Эрмитажа, сотрудники вузов, музеев и других учреждений. Было заслушано 50 докладов¹.

Совещание открыл зав. ЛОИА АН СССР проф. М. К. Каргер, который в своем вступительном слове дал общий обзор археологических работ в Средней Азии, отметив, что первая экспедиция в Среднюю Азию была послана сто лет назад в 1867 г. во главе с П. П. Лерхом.

Доклады на совещании группировались вокруг следующих тем: 1) итоги и проблемы археологии Средней Азии; 2) первобытная археология; 3) археология античного (древнего) периода; 4) средневековая археология; 5) археология кочевников и 6) археология и естественные науки.

В первом докладе «Узловые проблемы среднеазиатской археологии» В. М. Массон отметил, что в настоящее время археология Средней Азии, благодаря выдающимся открытиям и большому количеству нового материала, стала важнейшей составной частью археологии Евразии. В. М. Массон перечислил несколько ведущих проблем: одной из главных является изучение эпохи VI в. до н. э.—IV в. н. э. Дискуссия о специфике и характере докапиталистических формаций на Востоке делает необходимыми специальные раскопки города и сельской округи этой эпохи. Раскопки города с четкой стратиграфией помогут ликвидировать шаткую хронологию, опирающуюся до сих пор на ограниченные раскопки Тали-Барзу и Кобадияна.

Успешно развивается в Средней Азии первобытная археология. Здесь главные задачи состоят в усилении поисков памятников домустьерской эпохи и применении современных методов в исследовании и публикации уже открытых памятников.

В первобытной археологии намечается проблема двух путей осуществления неолитической революции: появляется возможность изучать проблемы разложения первобытного общества. Другая серьезная проблема — расселение индо-иранских племен, связанных, очевидно, с носителями культур степной бронзы. Среднеазиатские материалы в изучении кочевого мира играют сейчас большую роль. В этом вопросе выдвигаются две проблемы: проблема сложения раннекочевых обществ и проблема передвижений кочевых племен в первые века до нашей эры.

В изучении средневековья крупные достижения отмечены в исследовании памятников VI—VIII вв. Для развитого средневековья археологические работы должны быть направлены на заполнение пробелов, оставляемых письменными источниками. По-прежнему центральной будет проблема города, его подъем и упадок.

В процессе археологических исследований следует уделить большое внимание разработке стратиграфических колонок и классификационных схем; для установления терминологического единообразия необходимо создать специальный словарь.

В разделе «Итоги и проблемы» были заслушаны доклады заведующих секторами республиканских институтов истории и археологии².

Первое тематическое заседание было посвящено первобытной археологии. В докладе В. А. Рапова «К проблеме выделения палеолитических культур Средней Азии» говорится о том, что в изучении палеолита наступил новый этап — разделение палеолитических культур на отдельные группировки. В Средней Азии найдены отдельные находки орудий нижнепалеолитического облика, позволяющие предполагать, что в нижнем палеолите существовали немногочисленные человеческие объединения, которые пользовались приемами обработки, характерными для «галечных культур».

В решении проблемы происхождения мустьерских культур Средней Азии есть две возможности: либо леваллуа-мустьерская культура вырастает на основе местных культур, либо она принесена извне (очевидно, из Передней Азии) и затем уже распространялась на восток.

Верхний палеолит Средней Азии представлен тремя разновременными стоянками, принадлежащими к различным верхнепалеолитическим «техническим вариантам».

М. Р. Касымов в докладе «Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак» сообщил, что раскопки дали обильный материал от времени финального ашелья до верхнего палеолита.

¹ «Проблемы археологии Средней Азии». Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии (1—7 апреля 1968 г.). Л., 1968.

² Доклады о достижениях археологов в республиках Средней Азии за 50 лет опубликованы в журнале «Советская археология». Б. А. Литвинский. Археология Таджикистана за годы Советской власти. СА, 1967, № 3; К. А. Акишев. Археология в Казахстане за советский период. СА, 1967, № 4; Е. Атагарриев, О. Бердыев. Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти. СА, 1967, № 3.

Г. Ф. Коробкова в докладе «Культура Средней Азии эпохи мезолита и неолита» сказала, что мезолитические культуры Средней Азии складываются на основе местных верхнепалеолитических комплексов. Выделяются три местных варианта мезолита: прикаспийский, горный и, намечающийся, ферганский.

Исходя из анализа материала, можно прийти к выводу, что в Средней Азии в эпоху неолита сосуществовал целый ряд племенных групп разной этнической принадлежности и разной хозяйственной базы.

В докладе Л. Я. Крижевской «К вопросу о взаимоотношениях населения южного Урала с Средней Азией в неолитическую эпоху» отмечается, что южноуральская неолитическая культура в целом наиболее близка культуре племен Казахстана и Средней Азии.

Оживленное обсуждение вызвал доклад А. В. Виноградова «Неолит Кызылкумов».

Неолит Кызылкумов представляет сейчас наилучшие возможности для изучения проблемы локальных различий в неолите Средней Азии: здесь имеется свыше 400 неолитических стоянок. В настоящее время отчетливо выделяются три группы неолитических памятников — кельтеминарская (правобережный Хорезм), льяляканская и нижнезеравшанская (Махан-Дарья, Аяк-Агитма), объединенных единой культурно-исторической общностью. Каждая из больших групп неолитических памятников имеет ряд специфических и хронологических признаков.

В прениях Г. Ф. Коробкова сказала, что, изучая кремень, она пришла к тем же выводам, что и А. В. Виноградов в отношении датировки комплекса Кават VII, отнеся его к среднему периоду «кельтеминара». В. М. Массон остановился на вопросе — локальные ли это культуры или локальные варианты? Что считать вариантом, а что считать культурой? Этот вопрос встает из-за недостаточной его методической разработки в археологии, и его следует решать на основе математико-статистических методов. Определенная степень схождения или расхождения должна решить «вариант» это или «культура».

К. А. Акишев считает достоинством работы А. В. Виноградова не только поиски общего внутри одной культуры, а поиски различий локальных вариантов этой культуры.

Кроме того, по докладу выступили С. С. Черников, У. Исламов, А. Аскарлов и др.

Доклад Г. Ф. Коробковой и В. А. Ранова «Неолит горных районов Средней Азии» был посвящен результатам раскопок поселения гисарской культуры — Туткаул. Здесь вскрыто многослойное поселение, нижние слои которого восходят к мезолиту X—IX тысячелетий до н. э., а верхние — к VI тысячелетию до н. э. Гисарская культура, ранее определявшаяся как галечная, содержит много кремневых изделий. Варианты ее встречены на Памире, Алтае, Тянь-Шане, Фергане.

А. Я. Щетенко прочел доклад «Южнотуркменистанские параллели Хараппской культуры», в котором на основании исследования поселений эпохи бронзы в Южном Туркменистане — Алтын-Депе, Намазга-Депе, Хапуз-Депе, Анау устанавливает их связь с городами долины Инда. Особенно усиливаются эти контакты к рубежу III—II тысячелетий до н. э., т. е. к периоду расцвета хараппской культуры.

Специальное заседание было посвящено памятникам степной бронзы Средней Азии. Оно открылось докладом М. П. Грязнова «Степные скотоводческие племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы», в котором доказывается, что племена Средней Азии в это время жили общей жизнью с населением степей Казахстана и Сибири и синхронно с ним прошли те же этапы развития своей культуры.

В докладе М. А. Итиной «Из истории населения степных областей среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы» отмечается, что формирование культур типа тазабагтябской или кайраккумской происходило в условиях смешения пришлых срубных и андроновских племен с местным населением. В дельтовых областях и, в частности, в Хорезме, развивается ирригационное земледелие. Влияние южных земледельческих племен фиксируется появлением в Хорезме импортной керамики типа Намазга V—VI.

И. Н. Хлопин в докладе «К возникновению скотоводческого базиса» предлагает следующую гипотезу. На рубеже энеолита и бронзы (первая половина III тысячелетия до н. э.) из среды первичных земледельцев-скотоводов выделяется избыточное население, осваивающее правобережье Аму-Дарьи. Вскоре это население продвигается на север и вступает в контакт с обитателями низовий Зеравшана, где на местной основе складывается заманбабинская культура. Аналогичный процесс происходит в районе Узбой — Сарыкамыш — Приаралье. Таким образом, с середины II до середины I тысячелетия до н. э. происходит развитие «вторичных» скотоводов и постепенное превращение их в кочевников за счет возрастания поголовья скота.

Е. Е. Кузьмина прочитала доклад «Культура пастушеских племен Средней Азии в эпоху развитой бронзы». В эту эпоху (с середины II тысячелетия до н. э.) на территории Средней Азии складываются три типа хозяйства. 1) земледелие, основанное на ирригации с придомным скотоводством подсобного значения (Намазга VI); 2) земледелие при сохранении значительной роли придомного скотоводства (чустская культура и средняя часть среднеазиатского междуречья); 3) пастушеское скотоводство.

Пастушеское скотоводство было основой хозяйства носителей различных археологических культур: а) семиреченской культуры, б) кайраккумской, в) Ташкентского оазиса, г) тазабагъябской, д) Зап. Туркмении (могильники Патмасай и Карамле-мата-сай).

Необычайная пестрота культур Средней Азии указывает на существенные перемещения и ассимиляцию различных групп пастушеского населения Средней Азии в эпоху развитой бронзы.

Х. Мухитдинов сделал доклад «Памятники эпохи бронзы в низовьях Кызыл-Су» (Южный Таджикистан). В Пархарском районе исследовался курганный могильник Макопн-Мор, состоящий из каменных и лёссовых насыпей, обложенных кольцом из камней. Вблизи могильника раскопано поселение первой четверти I тысячелетия до н. э. В кишлаке Намазгах, в могилах с вытянутым группоположением обнаружена керамика, близкая керамике курганных могильников. Под кушанскими слоями городища Саксон Охур в этом же районе найден близкий по форме сосуд.

Доклад А. Аскар ова «Андроновский могильник Муминабад». В Ургутском районе Самаркандской области, в кишлаке Муминабад открыт андроновский могильник, давший богатый комплекс вещей, которые имеют прямые аналоги с тазабагъябским типом андроновской культуры — XIII—X вв. до н. э.

Заседание, посвященное археологии античного периода, открылось докладом А. М. Беленицкого «О рабовладельческой формации в истории Средней Азии».

Проблема рабовладельческой формации на Востоке стала темой оживленной дискуссии в связи с вопросом об «азиатском способе производства». Привлекались главным образом материалы аграрных отношений, в то время как, например, влияние города на эволюцию производительных сил было решающим. В настоящее время в среднеазиатской археологической литературе преобладает концепция смены общественных формаций с периодом «кризиса» между рабовладельческой и феодальной формациями. Для решения вопроса о социально-экономической структуре среднеазиатского общества, о его классовой дифференциации в античную эпоху не учитывалось следующее. 1. Систему «даней» при Ахеменидах следует рассматривать как начальную ступень в сложении института земельной ренты-налога. На этой основе образовался класс земледельческо-бюрократической аристократии и знати, с одной стороны, и эксплуатируемой массы крестьян-общинников — с другой. Налог-рента с общинного крестьянства по существу не изменился до позднего средневековья. 2. Сложение городских поселений восходит к последним периодам эпохи бронзы. В исторические периоды процесс роста городов происходит интенсивнее. Города, возникшие как военно-административные пункты, становятся торгово-ремесленными центрами. Одновременно протекает интенсивная социальная дифференциация общества. Письменные источники и археологические наблюдения (Пенджикент) дают представление об основном социальном составе населения города накануне арабского завоевания, но начало сложения социального состава прослеживается давно.

Рабство в Средней Азии было, но нет никаких данных о широком производственном использовании рабской силы. Основная тенденция в рабовладении носила паразитарный характер (слуги, евнухи, наложницы). Это притупляло остроту классовых противоречий. Позже появляется рабская гвардия — опора господствующего класса. В этом заключается принципиальное отличие его от рабства в античной Греции и Рима.

Рабство в Средней Азии сохраняется вплоть до XIX в., причем крупные размеры оно приобретает в периоды завоеваний — арабского, монгольского.

Сейчас нет никаких данных, говорящих за то, что в Средней Азии существовала рабовладельческая формация в марксистском понимании.

В обсуждении доклада Б. В. Андрианов сказал, что в историю, археологию и этнографию приходят новые методы, в частности количественный анализ явлений: без количественных показателей, без палеоэкономических экскурсов в прошлое мы не можем судить о древних социально-экономических отношениях. Нужно выяснить, было ли земледелие орошаемое, каковы были трудовые затраты на строительство оросительных систем, на полеводство, и в зависимости от этого можно решать, какие группы населения были заняты в той или иной области. Археологический материал, в частности, должен быть использован для установления трудовых затрат на единицу поливной площади. Это очень хорошая сопоставимая единица.

В. А. Лившиц выступил с сообщением о новых лингвистических данных и данных письменных источников, помогающих отойти от тех схем, против которых историки и археологи сейчас борются. Термин для обозначения патриархального раба существовал у индоевропейцев еще, видимо, в период бронзы, до разделения индоевропейских племен на основные ветви (Бенвенист). Наиболее употребительным у индоевропейцев обозначением рабов и движимой собственности было сочетание *viga* — реки. Это выражение засвидетельствовано независимо друг от друга италийской и индоиранской семьями языков. Приходится признать вслед за Бенвенистом, что это наследие периода индоевропейской общности и что индоевропейцы бронзового века знали патриархальное рабство. Этот институт сохраняется очень долго. Авеста знает это сочетание (*viga-rasu*) в том же значении. Позднее эти термины исчезают, хотя институт патриархального рабства сохраняется.

Для ахеменидского времени существовал термин «bandaka», который, видимо, означал не только раба, но и слугу. В ахеменидское время в разных частях Ирана выступают и другие термины для рабов. Об одном из них упоминал А. М. Беленицкий. Это эламская передача древнеперсидского *gzda* (*kurtaš*) (И. М. Дьяконов и М. А. Дандамаев). Наряду с этим в древнеперсидском существовал и термин «тапуа» — «домашний раб» (соответствие авестийскому *vira*). Нужно отказаться от представления, что ахеменидская империя была лишь конгломератом племен и народов. Она действительно не была единой ни в экономическом, ни в культурном отношении. Но общность административной системы была очень значительной и это повлияло на многие стороны жизни Средней Азии. Во всяком случае, даже в Пенджикенте VII — начала VIII в., судя по мугским документам, можно найти некий слепок с двора «царя царей» (двор князя Деваштича). Парфянские документы из Нисы (I в. до н. э.) говорят о том, что в державе Аршакидов в восточных ее областях продолжали жить институты податной системы ахеменидского времени. Большой интерес представляют документы на дереве из дворцового архива Топрак-Калы. Среди этих текстов особую группу составляют 17 документов, из них 5 сохранилось полностью. Они начинаются со слова «дом-семья» и содержат списки «домов-семей».

В этих списках, как это обычно для такого типа документов, указаны только лица мужского пола.

Хорезмийская эра, засвидетельствованная в текстах Топрак-Калы, начиналась ± 20 лет относительно христианской эры; датированные документы с Топрак-Калы должны относиться к последней трети II — первой четверти III в. н. э. В документах перечисляются свободные члены семьи, рабы самого домовладыки и рабы членов его семьи. Например: документ № 8. «Всего 21 человек, из них свободных — 4: домовладыка, два совершеннолетних сына и зять. Рабы — 17 чел. (имена рабов иранские), в том числе 12 рабов самого домовладыки, 2 раба жены домовладыки, 2 раба детей домовладыки и 1 раб детей наложницы».

В хорезмийской версии словаря Замахшари (XII в.) нет четкого противопоставления терминов «раб свой» и «раб-иноплеменник». Важно отметить, что наиболее употребительное обозначение раба — хун, а рабыни — хунана (хунка). Это наследие тех времен, когда хорезмийцы сталкивались с хуннами, но ни у кого из других иранских народов их этническое обозначение не приобрело терминологического значения. В Хорезме до арабского завоевания «хун» имело, видимо, значение «раб-иноплеменник». В этой связи можно сделать следующее наблюдение: термин для раба-одноплеменника у иранских народов, видимо, был один и тот же — «bandaka», тогда как для раба-иноплеменника в разных иранских языках выступают разные основы. В Парфии и сасанидском Иране это *anšahrīc* — букв. «чужестранец», в Хорезме — хун, в Согде *wānak* — букв. «завоеванный, покоренный» (последний). Брачный контракт с г. Муг показывает, что в начале VIII в. (710 г.) любой согдиец мог быть обращен в одну из четырех форм зависимого состояния: 1) раб, которого продают за деньги; 2) раб залоговый, долговой; 3) раб покоренный, уведенный; 4) раб, находящийся под покровительством — нечто вроде «клиента».

На основе документов можно сделать некоторые наблюдения о том, как соотносился труд рабов с трудом свободных общинников.

Кроме того, в мугских документах содержатся данные об институтах повинностных «барщинных» работ в Самаркандском Согде в начале VIII в.

Б. Я. Ставиский сказал, что постановка вопроса о рабовладельческой формации в свое время сыграла положительную роль. Но отказаться от прежних формулировок уже нужно сейчас.

Ю. А. Заднепровский отметил, что если мы можем сейчас согласиться с тем, что в Средней Азии античного рабовладения не было, то характер общественных отношений в дофеодальный период установлен быть не может, и говорить о феодализме чуть ли не от ахеменидского периода нельзя. Решение вопроса можно ожидать от накопления данных письменных источников и анализа археологического материала.

В. М. Массон говорил о том, что с точки зрения роста исторической науки прежние концепции должны быть изменены в соответствии с новым материалом. Существовала развитая и сложная терминология для рабства и она имела свою динамику. Общий иранский термин для раба был единым, а для «чужака» на определенном этапе социального развития изменялся: вероятно это связано с различным социально-экономическим положением этих лиц во всей системе общества.

Один из основных аргументов существования особой формации — «вопрос о кризисе». Мы стараемся историю периодизировать, представить ее не в виде единого потока, а как сумму определенных этапов, различных между собой периодов. Различие в явлениях культуры должно восходить к социально-экономическим изменениям. После разложения первобытно-общинного строя появляется формация, которую сейчас называют докапиталистической. В пределах этой формации должны существовать периоды, связанные с социально-экономической периодизацией. На настоящем этапе развития исторического материализма эти вопросы пересматриваются.

В заключительном слове А. М. Беленицкий сказал, что периодизация, созданная в 1930-х годах как четкая концепция с ясными границами, сыграла более чем положительную роль как организующее начало. В этом громадная заслуга С. П. Толстова, М. Е. Массона и других.

Сейчас материал накапливается и подталкивает для других решений: мы имеем документальный материал письменных источников — живое отражение живых отношений, которые дадут нам очень многое в решении сложных вопросов.

Доклад М. Г. Воробьевой «Археологические памятники Хорезма античного периода как источник для реконструкции социально-экономических процессов». В конце второй четверти I тысячелетия до н. э. в Хорезме наблюдается изменение системы орошения: на смену отдельным небольшим оросительным системам приходят крупные ирригационные системы. Одновременно с изменениями в ирригации происходят изменения в системе расселения и в характере жилищ: на смену родовому поселению появляются поселки с домами-усадебками. Размеры усадеб колебались от 60 до 3500 м².

В дальнейшие периоды наблюдаются следующие явления: в кангуйский период — увеличение числа городищ, наряду с которыми существуют и сельские поселения; в кушанский период — мелкие усадьбы (одно-двухкомнатные дома) сосуществуют с крупными многоквартирными постройками, садово-парковым участком и т. д. Площадь таких владений 10—15 га. В кушанское время в Хорезме появляется новый тип поселений в виде большого здания с секционной внутренней планировкой, распространеннейшей затем в афригидское время (средний и верхний горизонт Кой-Крылга-Калы II—IV вв.). Единновременное строительство крупных ирригационных систем, показывающее организационную роль государства, служит свидетельством использования труда рабов (С. П. Толстов).

Изменение в расселении и типах жилищ по сравнению с предыдущей эпохой бронзы может свидетельствовать об ослаблении родовых связей, о выделении малой семьи как основной ячейки становящегося классового общества. В дальнейшем племущественная дифференциация усиливается. Появление около II в. новой планировки домов в виде крупных жилых комплексов с секционным делением отражает процесс реставрации более тесных родственных связей и частичное восстановление на новой основе, в условиях классового общества, какой-то формы большесемейной общины.

В докладе Н. Г. Горбуновой «О датировке ферганской керамики с красным ангобом» говорится, что эта керамика широко датируется в пределах от III—II вв. до н. э. до VI в. н. э.

Керамика поселений Мыкты-курган, Майда-Тепе, Чун-Тепе, Сым-Тепе, Гайрат-Тепе у поселения Кутай была использована полностью и подсчитана. Для сравнения взяты материалы Мархамат, Шурбашат. Н. Г. Горбунова считает, что нет оснований для датировки керамики временем до рубежа нашей эры, она может быть датирована I—II вв. н. э. и предлагает предварительную шкалу относительной хронологии: более ранние — Сым-Тепе II и, возможно, Шурбашат (хотя он может быть отнесен и к следующей группе), более поздние — Мыкты-Курган, поселение 5, Майда-Тепе, Чун-Тепе, Мархамат и поселение у Кутая. Третью группу составляет керамика с поселения Гайрат-Тепе (хотя слой Гайрат-Тепе I и II еще близки II группе).

А. В. Гудкова сообщила о раскопках могильника возле городища Базар-Кала в Турткульском районе в Хорезме. Здесь открыто 21 погребение с труположением в грунтовой яме. Погребальный инвентарь составляют сосуды хорезмийского типа, почти все сделанные на круге, украшения, кости мелкого рогатого скота. По данным керамики могильник датируется III—II вв. до н. э.

Н. И. Крашенинникова доложила об «Основных результатах археологического исследования городища Старая Ниса под Ашхабадом».

Заседание, посвященное археологии кочевников, открылось докладом С. С. Черниковой. Основной тезис доклада — накопление скота, богатства играло решающую роль в классовом образовании.

Очень хорошо был встречен доклад В. И. Распоповой «Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв.». Сходство между культурой кочевников и оседлых народов прослеживается на примере быта ставок каганов и вопнской среды кочевников и быта аристократии и войска оседлых народов. Сравнение украшений из оседлых памятников и кочевнических могильников позволяет предполагать согдийское происхождение многих из них. Вооружение согдийцев (по данным росписей) сопоставляется с вооружением тюрок и других народов этого же времени.

Общность материальной культуры оседлого населения Средней Азии и кочевников-тюрок связана с известной общностью интересов согдийских городов и тюркских каганов. Колонизационная деятельность согдийцев и их международная торговля по путям, проходившим через степь, были выгодны тюркским каганам (С. Г. Кляшторный). Специальный интерес представляют связи между ремеслом Средней Азии с современными и более поздними культурами Юго-Восточной Европы.

Выступавшие по докладу отмечали интересную попытку проследить экономические и политические взаимосвязи степи и города на украшениях и вооружении.

В докладе Ю. А. Заднепровского «Изучение культуры кочевников Средней Азии древнего периода (от саков до тюрок)» отмечено наличие нескольких групп усуньских могильников: Чильпекская, Айгыржалская, Тулхарская, Кенкольская и Лявандакская. Следует отметить некоторое единообразие памятников культуры кочевников в разных районах Средней Азии и сарматского мира. Этнический состав на протяжении древнего периода существенно не изменился, отмечается только появление в различных местах монголоидности. Коренные изменения в составе населения про-

изошли с появлением тюркских племен, но местные племена — потомки саков, усуней, юечжей в тюркский период составляли основу населения и определили облик культуры этого периода.

А. Абетсков в докладе «К вопросу о земледелии кочевников Семиречья» (II в. до н. э.— V в. н. э.) сообщил о раскопках в долине р. Чу поселения Кара-Балта, где обнаружены остатки жилища, хозяйственные ямы, фрагменты зернотерок и керамика, сходная с керамикой из усуньских курганов. Полученные при раскопках Кара-Балта материалы говорят о том, что хозяйство усуней было скотоводческо-земледельческим.

А. Д. Бабасев сообщил о своей работе в докладе «Сакские курганы западного Памира».

Вопросы средневековой археологии в работе совещания заняли важное место. Большое внимание, в частности, было уделено проблеме средневекового города.

О. Г. Большаков сделал большой доклад на тему «Изучение средневекового города Средней Азии в свете общей проблематики изучения города Востока».

За послевоенные годы много достигнуто в изучении домонгольского города Средней Азии (Мерв, Самарканд, Варахша, Пенджикент), но теоретических обобщений делается мало: подвергается критике положение Бартольда — Якубовского о трехчастном делении города, но за критикой не следуют конструктивные предложения. Надо учитывать и объективно оценивать материал смежных областей. Быстрый рост городов Средней Азии в IX—XII вв. свидетельствует о развитии производительных сил. Ни Сирия, ни Египет, ни Ирак не знали такого роста городов. Анализ материала показывает, что в IX в. Средняя Азия, экономически тесно связанная со Средиземноморьем, начала наверстывать разрыв между нею и центральными областями халифата. Достигнув какого-то оптимума, необходимого для соответствующего экономического уровня общества, рост городов надолго прекратился, так же как он прекратился когда-то и на Ближнем Востоке.

Выступивший по докладу А. М. Беленицкий подчеркнул, что с IX в. до монгольского завоевания город Средней Азии развивался более высокими темпами, чем в других районах древней городской культуры, также и вследствие тесных связей с северной кочевой степью. Далее им отмечено, что историко-географическая работа по отождествлению современных руин городов с их названиями в средние века была бы очень полезна как для ученых, работающих с письменными источниками, так и для археологов.

В заключительном слове О. Г. Большаков сказал, что большие города, построенные сразу после арабского завоевания, обязаны своим возникновением тем, что туда сразу переселилось много людей.

На этом же заседании были заслушаны доклады С. Б. Лупиной «Археологическое изучение городища Султан-Кала и его пригорода», М. К. Пачоса «Новые находки оссуарных захоронений на Афрасиабе», Г. А. Брыкиной «К истории земледельческих поселений юго-западных предгорий Ферганы в VI—XII вв.» и Н. Н. Негматова «К истории средневекового скотоводческо-земледельческого хозяйства горной Уструшаны».

Г. А. Брыкина сообщила об исследованиях небольших средневековых поселений, располагавшихся в горных долинах Туркестанского и Алайского хребтов. Заселение этих районов началось около рубежа нашей эры. Переселенцы продвигались сюда с севера, что подтверждается сходством материальной культуры населения горных районов и самой Ферганы. Для предгорий Ферганы VI—VIII вв. характерны четырехугольные в плане поселения, отдельные хорошо укрепленные дома-замки, разделенные осевым коридором, по обе стороны которого располагаются жилые и хозяйственные помещения. Для XI—XII вв. характерным является городище Кара-Булак.

О сходных поселениях в средневековой горной Уструшане рассказал Н. Негматов; в частности, речь шла о раскопках горного селения Хон-Яйлов, которое он называет «сельским городком». Это поселок со скотоводческим и частично зерноводческим хозяйством. Раскопаны сплошные хозяйственно-жилые постройки, загоны для скота, одиночные и групповые погребальные сооружения из камня. Все находки — керамика, железо, украшения, монеты — датируются в пределах IX—XIII вв.

А. М. Беленицкий, выступая по докладам Г. А. Брыкиной и Н. Н. Негматова сказал, что в одном районе встретились представители двух республик и их работа может быть примером того, как важна координация.

Л. И. Альбаум в докладе «Росписи Афрасиаба» рассказал о содержании открытых на стенах дворца росписей и дал возможную их интерпретацию.

Выступивший после доклада В. А. Лившиц сообщил об изучении согдийских надписей на стенах. На Афрасиабе имеются две группы надписей: I группа — надпись нанесена на специально оставленное место; II группа — надпись делалась на лобом белом поле, например, на тыльной стороне руки, на ноге птицы и т. п. К I группе относится надпись на одежде одного из персонажей, она сделана так, что писец не затронул орнамента ткани. К этой же группе относится и надпись на хвосте птицы.

Все надписи I группы написаны одной рукой. В. А. Лившиц предлагает чтение большой надписи на поле кафтана, в которой говорится, что прибыл чаганпанский

писец от Чаганшанского государя в Самарканд. Очевидно, в этой надписи речь идет о событиях, которые происходили в последней трети VII в. Надпись соответственно относится к этому времени или началу VIII в. Не исключено, однако, что надпись сделана после завоевания Самарканда Кутейбой и не обязательно все следы насилья над росписью сделаны сразу после его завоевания, это могло быть сделано и в IX в. Остается неясным, либо Вархуман — царь, либо персонаж, никак с ним не связанный. Важно одно — в надписи говорится, что посольство прибыло из Чаганшана. Историкам и археологам важно установить, является ли эта роспись иллюстрацией к исторической хронике или это сюжет из эпической, фольклорной темы? Упоминание имен как будто говорит о том, что мы имеем дело с исторической действительностью, но в то же время наличие собственных имен говорит и о фольклоре, так как иранский фольклор в отношении имен отличается большой точностью.

Е. Г. Шейнина, заведующая мастерской реставрации монументальной живописи и скульптуры Гос. Эрмитажа, доложила о работе мастерской в археологических экспедициях, о раскопках, закреплении росписи и скульптуры в Пенджикенте, Варахше, в Красной Речке (КиргССР), Аджина-Тепе (ТаджССР). Преимуществом системы консервации является применение синтетических смол, которые могут быть приспособлены к различным материалам, в различных условиях. В мастерской ведется также большая работа по реконструкции живописи.

О. Г. Оразов сообщил о работах в Туркменской ССР на городище Серахс, давшем материал XI—XII и XIV—XVI вв.

Сживленную дискуссию вызвали доклады сотрудников Гос. Эрмитажа Б. И. Маршака и А. А. Иванова.

Б. И. Маршак в докладе «Керамика и даты слоев» ставит вопрос о том, насколько доказательна аргументация датировок, основанных на аналогиях в керамике.

Керамика разных центров может быть сходной, но не синхронной. Такие аналогии объясняются одинаковым уровнем техники, одинаковыми функциями сосудов, подражанием общим образцам и общим источникам художественной и ремесленной традиции.

Каждый гончарный центр имел свою специфику и оказывал влияние на другие центры. Иногда одни и те же формы проникали в разные центры одного района с разницей в два-три столетия. Это заставляет осторожно относиться к датировкам по отдельным признакам керамики. Даты, устанавливаемые по керамике, неточны иногда и в случае обоснованной синхронизации комплексов, поскольку в качестве точек отсчетов взяты не только доказанные, но и гипотетические даты, в то время как вторичные данные служат основанием для исторических выводов. Так, слои, синхронные керамике Ак-Тепе близ Ташкента, в южном Казахстане и северной Киргизии, датируют V—VIII или VI—VII вв. и на этом основании относят ряд поселений к V—VI вв. Между тем соответствующая керамика Ак-Тепе должна датироваться не V—VI вв., а VII—VIII вв.

При современном состоянии изученности древней и раннесредневековой эпох было бы полезно отказаться от абсолютной датировки каждого памятника и перейти к разработке относительной стратиграфии (и хронологии).

М. Г. Воробьева считает, что Б. И. Маршак правильно ставит вопросы датировок. Долгое время существуют «сквозные» формы, являющиеся конструктивными, но надо исходить не из абсолютного критерия конструктивности данной формы, а из того, для какого места эта конструктивная форма характерна. И если мы встречаем ее в другом месте и можем сравнивать с соседними территориями синхронного времени, то тогда мы можем на эту форму опираться.

О. Г. Большаков также разделяет взгляды Б. И. Маршака. Существующая система датирования — слабое место в археологии средневековья, где требуются более точные даты. При публикации средневекового материала нужно стараться показать, на каком конкретном основании датируется материал. Нередко излишнее доверие оказывается монетам.

Е. В. Зеймаль отметил, что с одинаковыми мерками в методике и датировке целии подходить к разным раскопкам. В том случае, если раскопки в одном месте ведутся много лет и дают устойчивый, повторяемый материал, то опираться на датировку этого материала можно. Если же копаются шурфы в разных местах и на большом расстоянии друг от друга, то нужен иной подход — здесь материал может быть перемешан. В любом случае, если раскопщик предлагает даты, то их надо точно обосновывать материалом или документами для комплекса.

А. А. Иванов прочел доклад на тему «О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время». На трех бронзовых кувшинах (из Кетмень-Тюбе (Киргизия), из Шахристана (Таджикистан) и один из коллекции Гос. Эрмитажа) указано имя одного и того же мастера — Ахмеда. Четвертый кувшин той же формы также с надписью найден в составе клада около Ахсикета. Два кувшина находились в коллекции Ф. Мартина. Сравнение бронзы из Кетмень-Тюбе с вещами хорасанской группы («Гератский котелок»), которая твердо локализована для XII — начала XIII в., не дает прямых аналогий. Это позволяет предположить, что мы имеем дело с изделиями другого центра, расположенного к востоку от Хорасана. Наиболее богато украшенные сосуды относятся к XII — началу XIII в. Эта датировка основывается на связи их орнамента с хорасанскими бронзами того же времени. Простые по орнаменту могут быть более ранними.

Выступивший по докладу О. Г. Большаков отметил, что занимаясь датировкой некоторых вещей по эпиграфике, он убедился насколько эта датировка относительна. Датировочным элементом являются не столько характерные особенности языка, шрифта или почерка, сколько время их возникновения.

Надпись на сосудах не куфическая, а псевдокуфическая, ближе к XI в. Судя по изделиям из бронзы и поливной керамики, между X—XI и XI—XII вв. проходит грань стиля в искусстве: где-то во второй половине XI в. намечается рубеж между двумя стилями, школами в развитии прикладного искусства.

Н. Н. Негматов отметил, что доклад А. А. Иванова является первой попыткой доказать существование среднеазиатской, мавераннахрской торевтики. Но кувшинчик из Шахристана должен относиться к X или концу IX в. (судя по месту находки), поэтому представляется, что дату комплекса вещей А. А. Иванова можно несколько занизить.

Е. В. Зеймаль сказал, что А. А. Иванов в своем докладе показал образец обоснованной датировки.

Антропологическому изучению было посвящено несколько докладов. Первым выступил В. В. Гинзбург. В своем докладе «Итоги и перспективы палеоантропологического изучения Средней Азии» В. В. Гинзбург сказал, что в результате изучения антропологического материала сделан ряд выводов этногенетического порядка.

В эпоху неолита и бронзы существовало два расовых типа: на юге Средней Азии земледельческое население относилось к долихокранному типу южной европеоидной расы (протосредиземноморскому). В северных, степных областях Средней Азии и Казахстана оседлые скотоводы, охотники относились к мезокранному протоевропеоидному (андроновскому) расовому типу.

В эпоху раннего железа в среднеазиатском Междуречье и Семпречье появляется мезобрахикранный европеоидный тип, а позднее примесь монголоидной расы. В средневековье для северо-восточных областей Средней Азии характерен южносибирский расовый тип, развившийся из смешения древнего андроновского типа с монголоидным как на месте, так и на Алтае, откуда происходят кочевые монгольские племена. Приход последних еще более усилил монголоидные черты в расовом типе местного населения. Этот процесс проходил на территории Казахстана и Киргизии. В Закаспийской области к древнему долихокранному населению примешивается брахикранное как со стороны Среднеазиатского междуречья и Передней Азии, так и со стороны Западного Казахстана и Нижнего Поволжья. Начинает ощущаться и монголоидная примесь.

В Среднеазиатском междуречье брахикранный европеоидный тип является в это время основным и на его базе сложилось население Таджикистана и Узбекистана. Эти три расовых типа продолжают существовать на территории Средней Азии на протяжении всего II тысячелетия, впитывая в себя монголоидные черты. Они и составляют три современные антропологические зоны Средней Азии.

Т. А. Трофимова в докладе «Череп из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-Гыр на территории ю.-з. Приаралья» сообщила, что в курганном могильнике первых веков нашей эры с подбойными и катакомбными захоронениями были обнаружены черепа — 22 мужских и 22 женских. В целом серию можно рассматривать как находящуюся в становлении расу Среднеазиатского междуречья. Сравнение по средним данным мужских черепов из Туз-Гыра с черепами скифо-сарматского времени из Средней Азии, Казахстана, Приаралья и Нижнего Поволжья позволяет сделать вывод об их морфологической близости. Можно предположить, что население, погребенное в могильнике Туз-Гыр, могло относиться к одной из сарматских или аланских групп, имевшей контакт с местным земледельческим населением.

В докладе «Костная патология ранних кочевников Алая» З. Б. Альтман сообщил, что из раскопок алайского отряда Киргизии археологической экспедиции им изучено 49 скелетов. Изучение велось при помощи рентгенографии. Некоторые кости изучались с помощью послынного метода рентгенологического исследования (томография).

На заседании, посвященном применению естественных наук в археологии, Я. А. Шер сделал доклад «Методы естественных наук в археологии Средней Азии». Естественные научные методы используются в различных областях археологии: хронология, этнокультурные и хозяйственные связи, палеогеография, типология массовых изделий. Предлагается программа работы в каждой области и необходимые научно-организационные меры.

Затем состоялся доклад А. С. Кесъ, М. А. Итпной и А. В. Виноградова «Палеогеография и условия заселения восточной части Южной Акчадарьинской дельты».

Археолого-географические работы, проводившиеся на такыре вблизи кельтеминарской стоянки Джанбас-4, уточнили и углубили палеогеографические построения, сделанные ранее. Установлено, что: две наиболее древние группы неолитических стоянок относятся к IV тысячелетию до н. э.; группа поздних неолитических стоянок датируется второй половиной III тысячелетия до н. э. На рубеже III—II тысячелетий до н. э. на месте такыра появились дельтовые протоки и временные озера, накопившие здесь песчано-алевритовую толщу не менее 2—2,5 м. К середине II тыся-

четлетия до н. э. количество речной воды уменьшилось, здесь остался небольшой проток. Поверхность алевритовой толщи, перекрывающей такыры, была осушена, и здесь поселились люди бронзового века. После отмирания последнего протока люди отсюда ушли, а поверхность подверглась интенсивной дефляции. Культурный слой стоянок Джанбас-8, Джанбас-10 был уничтожен. В античное время, когда Аму-Дарья формировала Приаральскую дельту, люди пользовались водой из каналов.

В докладе В. А. Булатовой, Н. Г. Горбуновой и Г. Н. Пшенина «Геоморфология на службе археологии» говорилось о том, что совместные археолого-геоморфологические исследования проводились в Керкидонском оазисе Южной Ферганы и в районе г. Ташкента. Экстенсивный характер хозяйства способствовал разрушению первичных ландшафтов и ускорял природный процесс усыхания. В конце концов процесс усыхания сделал невозможным существование человека в ряде районов (Керкидон с XII в.).

Изменение природных условий под влиянием человека определяло миграцию основных поселений. Таковы перемещения основных поселений Керкидона с первых веков нашей эры до VII в., Ташкента (Бингета) с I в. до н. э. по XI в. н. э. Главными условиями были водоснабжение и безопасность от паводков.

В преобразовании рельефа человеком главным является распашка, которая разрушает почву и допускает смыв ее осадками и оросительными водами.

В докладе Г. Н. Лисицыной «Основные этапы истории земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке» выделяется три основных этапа в истории земледелия субтропической зоны.

I. Период неполивного земледелия. Древнейшие оседлые скотоводческо-земледельческие поселения Загроса (Али-Кош, тепе Сабз, Джармо).

II. Переходный период от неполивного земледелия к орошаемому. Джейтунская культура и Хассунские поселения. Люди стали спускаться из горных долин на предгорные равнины и устраивать свои поселения на небольших горных речках, нередко в субэаральных дельтах.

III. Период орошаемого земледелия: а) фаза простейших ирригационных каналов в энеолитических поселениях ю.-в. Каракумов (Геокурский базис) и Убейдских поселениях. Вырабатываются стандартные размеры небольших каналов (гл. 1,2—1,5; ширина 3—5 м), которые бытуют и во все последующие исторические периоды; б) фаза сложных ирригационных систем (Джемдет-Наср и Урук). Эти системы начали создаваться только с концентрацией власти в руках отдельных лиц, способных заставить многих людей создавать сложные ирригационные сооружения. Г. Н. Лисицына оговаривает, что в целом климат менялся от общей сухости к увлажнению, но на отдельных территориях могли быть небольшие колебания.

Н. И. Игонин сообщил о «Применении аэрометодов при археологических исследованиях в ардной зоне» с учетом многолетнего опыта Хорезмской экспедиции. Применяются следующие виды аэрометодов: а) аэровизуальное обследование территории; б) перспективная и плановая аэрофотосъемка, обнаруживающая памятники, незаметные с земли; в) дешифрирование аэрофотоснимков.

С помощью аэрометодов в разных районах Кызылкумов и Каракумов были обнаружены десятки памятников (огузские поселения на средней Ивкар-Дарье, могильники Тагискен и Уйгарак и др.), выявлены древнейшие ирригационные сооружения.

И. В. Богданова-Березовская и А. М. Мандельштам представили доклад «Бронза и латуни античной Бактрии».

Т. А. Жданко сообщила о подготовке историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана.

Наскальным изображениям Средней Азии было посвящено два доклада: Н. Л. Подольского и Я. А. Шера «К методике изучения наскальных рисунков Средней Азии» и доклад Ю. Н. Голендухина «Наскальные изображения Саймалы-Таш».

Я. А. Шер и Н. Л. Подольский отмечают, что петроглифы группируются в основном на севере Европейской части, в Сибири и Средней Азии. Главным условием изучения является полный охват комплексов. После этого следует полная проработка материала, т. е. источниковедение и интерпретация.

Заключительное заседание совещания 6 апреля было посвящено разработке и обсуждению проекта резолюции. В обсуждении приняли участие К. Акишев (КазССР), А. Аскарлов (УзССР), П. Н. Кожемяко (КиргССР), А. М. Беленицкий, М. А. Итина, Н. Г. Горбунова, А. Я. Шер, С. С. Черников, В. В. Гинзбург, Б. И. Маршак, Ю. А. Заднепровский и др. В результате была принята резолюция, в которой отмечены достижения и недостатки в работе советских археологов в последние десятилетия.

Доклады выявили большие успехи в полевых исследованиях институтов республиканских Академий наук и институтов АН СССР, показали состояние изученности важных исторических проблем. В связи с обсуждением вопросов совещание отмечает следующее.

I. Широкий размах археологических работ как в Средней Азии, Казахстане, так и в Сибири, Иране, Индии, Афганистане приводит к постановке исторических проблем, решение которых возможно в масштабе всей Средней Азии. Для координации и объединения работ республиканских научно-исследовательских учреждений и институтов АН СССР может быть создан проблемно-тематический совет, проводящий

ежегодно совещания для взаимной информации, разработки программ и подведения итогов. Особенно необходим такой совет по «античному» периоду.

2. Одной из главных задач археологии Средней Азии является учет и систематизация исследованных памятников. Лучше всего это сделать в виде подготовки и публикации карт.

3. Признать желательным создание общесреднеазиатского археологического музея, где были бы собраны образцы памятников всех культур и областей Средней Азии. Такой музей следует организовать в одном из древних культурных центров, например, в Самарканде.

4. Совещание обращается к республиканским обществам по охране памятников усилить надзор за архитектурными и археологическими памятниками.

5. Желательно осуществить по всем республикам ежегодную публикацию предварительных отчетов о раскопках. Необходимо поставить вопрос об издании общесреднеазиатского журнала или сборников, в которых будут ставиться узловые проблемы и вопросы общего значения.

6. В области первобытной археологии важнейшими задачами являются: поиски допустерских памятников и памятников раннего металла в Средней Азии и Казахстане, применение современных типолого-статистических методов к массовым коллекциям, применение методов естественных наук, особенно координация геологических и палеолитических исследований, изучение палеоэкономики древних общин, систематические работы по эпохе бронзы и раннего железа в связи с проблемой расселения индо-иранских племен, поиски и изучение доандроновских памятников в Казахстане.

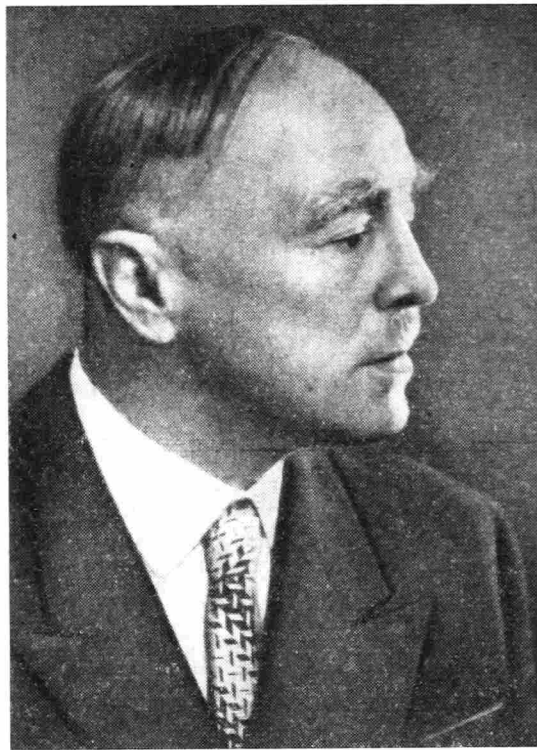
7. Начиная с эпохи бронзы узловыми темами изучения оседлых и кочевых районов Средней Азии является зарождение и развитие города и взаимоотношения кочевников и земледельцев. При исследовании памятников кочевых племен наиболее важно изучение формирования раннекочевнических обществ и их социальной дифференциации.

8. По проблеме существования рабовладельческой формации в Средней Азии требуется строгое и объективное истолкование археологических данных. Для этого необходима организация широких раскопок античного (древнего) периода.

9. Совещание приветствует применение естественнонаучных методов в археологии — технологический анализ керамики, строительных материалов, металлических изделий, палеогеографии, аэрометода, статистический анализ. Необходимо подготовить кадры для математической обработки массовых коллекций и унификаций систем описания археологических объектов. Просить ИА АН СССР и республиканские Академии наук создать группы для выработки единой системы описания и классификации керамики с составлением картотек.

10. Необходимо более регулярное проведение конференций и совещаний по археологии Средней Азии с публикацией их трудов.

И. Б. Бентович

Д-Р ФРАНЦ ГАНЧАР

10 июля 1968 г. в Вене на 76-м году жизни скончался один из крупнейших археологов Западной Европы, старейший профессор Венского университета доктор Франц Ганчар.

Советские археологи хорошо знали покойного как постоянного члена редколлегии известного издания «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien» («Сообщение Венского антропологического общества»), как автора ряда работ, посвященных археологии и древней истории нашей Родины.

Будучи мобилизованным австрийским правительством в 1914 г., Франц Ганчар в качестве лейтенанта артиллерии участвовал в первой мировой войне. Попав в плен к русским, он несколько лет прожил в средней полосе России, где и обучился русскому языку. Возможно, пребывание в России и пробудило у него как у ученого-археолога интерес к древним источникам и прошлым судьбам нашей страны. Позднее, уже в 1935 г., он приезжал в Советский Союз вместе со своей супругой, ныне д-ром Анной Ганчар, урожденной Швец.

Перу Франца Ганчара принадлежит более 150 научных трудов, из них добрая половина содержит попытки исторической и искусствоведческой интерпретации различных древностей СССР. Значительная часть его научных трудов посвящена Кавказу. Одна из самых первых его работ, опубликованная в 1929 г., так и называлась — «Предыстория Кавказа».

Университетский ученый широкого профиля, исключительно эрудированный археолог, он живо интересовался вопросами, связанными с изучением палеолита, энеолита и эпохи бронзы разных стран.

Владея русским языком, он внимательно следил за советской археологической литературой. Судя по его работам, из нашей отечественной историко-археологической проблематики его внимание как исследователя привлекали такие важные, но сложные проблемы, как киммерийская, скифская, проблема скифского искусства, так называемый «звериный» стиль, а также древности Алтая и Кавказа, особенно древнее прикладное искусство Закавказья, в частности Урарту и известной кобанской культуры (1935, 1949, 1961, 1966 гг.).

Он является автором ряда весьма интересных и полезных штудий по установлению формально-типологических соответствий кавказских образцов древнего прикладного искусства с прославленными древностями Гальштатта и Луристана (1934, 1947 гг.). Интересны его этюды по типологии бронзовых кобанских топоров и булавок (1932, 1934 гг.). Особого внимания, безусловно, заслуживает его исследование об искусстве ранних кочевников Евразии (1956 г.). Хорошо известны его ценные работы по истории приручения и использования человеком лошади в первобытности и в историческое время (1956, 1967 гг.).

Как подлинный ученый, Франц Ганчар в своей исследовательской деятельности живо откликался на все новые открытия, новые археологические материалы, которые становились достоянием мировой археологии. Список его опубликованных тру-

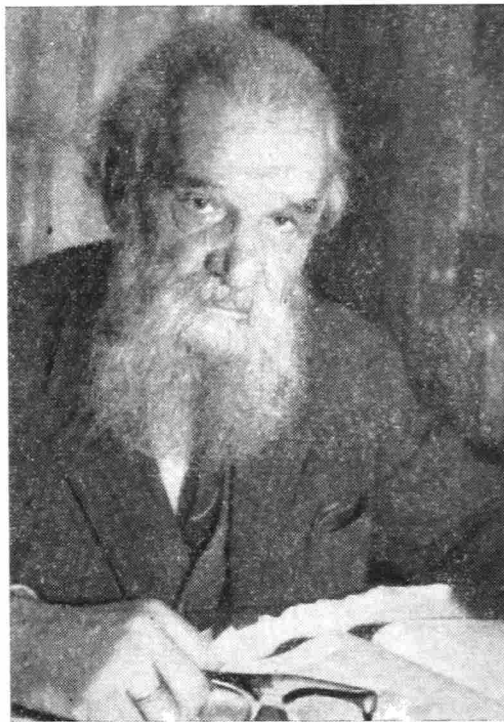
дов заполнен выраженными в разных формах творческими откликами на открытия в СССР, Африке, Иране, Турции и других странах.

Всеми своими исследованиями, всегда носившими печать объективности и лояльности даже по отношению к авторам, концепций которых он не разделял, Франц Ганчар снискал к себе всеобщее уважение со стороны своих коллег из многих стран мира.

Подлинным знаком признания его научных заслуг и уважения к нему отмечен солидный том «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien» (1962 г.), специально посвященный 70-летию Франца Ганчара, в котором приняли участие более сотни его коллег из Европы, Азии и Америки, в том числе и ряд археологов Советского Союза. В том же томе опубликован и полный перечень его трудов.

Отдавая дань признания научным заслугам покойного, советские археологи со скорбным чувством склоняют свои головы перед памятью доктора Франца Ганчара, добрая часть научных трудов которого была посвящена разработке и освещению многих важных вопросов археологии и древней истории нашей Родины.

Е. И. Крупнов

К. С. НИКОЛЭЕСКУ-ПЛОПШОР

(1900—1968)

30 мая 1968 г. в Бухаресте скончался член-корреспондент Румынской академии, профессор К. С. Николэеску-Плопшор (C. S. Nicolăescu-Plopșor), один из крупнейших румынских археологов, глава румынской школы изучения палеолита.

К. С. Николэеску-Плопшор родился 20 апреля 1900 г. в селе Сэлкуце-Плопшор, на юго-западе Румынии. В 1923 г. он окончил Бухарестский университет. Тогда же начались его плодотворные исследования по каменному веку Румынии. Опубликованная им в 1938 г. исчерпывающая сводка (*Le paléolithique en Roumanie, Dacia, V—VI, București*) и по сей день остается незаменимым справочником для каждого исследователя палеолита. Особенно широко археологические исследования К. С. Николэеску-Плопшора развернулись за последние 20 лет, после победы в Румынии социалистического строя, когда К. С. Николэеску-Плопшор возглавил сектор палеолита Института археологии Румынской академии и в рамках большой новостроечной археологической экспедиции в зоне Биказа, на севере страны, организовал широкие разведки и раскопки разнообразных палеолитических поселений в районе Чахлэу.

Вклад К. С. Николэеску-Плопшора в изучение палеолита Румынии очень велик. Он первый, вместе с энтузиастом-краеведом И. Н. Морошаном, детально исследовал древнепалеолитическое местонахождение у Слатины в долине Дыржова, давшее многочисленные примитивные отщепы и галечные орудия и принадлежавшее к наиболее древним памятникам человеческой культуры на всей территории Центральной и Юго-Восточной Европы. Одновременно он привлек внимание к еще более древним, виллафранкским находкам костей и камней из Буджулешти в Ольтении, возможно связанным с деятельностью человека. К. С. Николэеску-Плопшор провел раскопки интересных и своеобразных мустьерских пещер в разных концах Румынии — Бая де Фер, Охаба Понор, Нандру и др. Эти пещеры во многом напоминают так называемый альпийский палеолит и содержат большие скопления костей пещерных медведей; кроме каменных изделий и фаунистических остатков они дали также кости палеолитических людей. В результате систематических, планомерных работ в течение ряда лет целого коллектива румынских археологов под руководством К. С. Николэеску-Плопшора в районе Чахлэу, в долине р. Бистрицы была детально изучена большая группа разновременных палеолитических памятников и на этой основе разработана периодизация палеолита севера Румынии (C. S. Nicolăescu-Plopșor, A. Păunescu, F. Moșanu. *Le paléolithique de Seahlău, Dacia, n. s. X, București, 1966*). Эта периодизация имеет первостепенное значение и для понимания позднего палеолита юго-запада СССР. Особо следует отметить сенсационное открытие богатой свидерской стоянки Скауне, привлекавшее к себе внимание самых широких кругов исследователей (см. А. А. Формозов. Открытие свидерской стоянки в Румынии и проблема южных связей и даты свидерской культуры. СА, 1961, № 2). Перу К. С. Николэеску-Плопшора принадлежит свыше 150 печатных научных работ, как публикаций раскопанных

им и его учениками палеолитических памятников, так и сводных обобщающих трудов по разным проблемам палеолита Румынии и соседних стран.

К. С. Николэеску-Плопшор был умелым воспитателем научной молодежи, выдающимся организатором науки. Он подготовил ряд румынских исследователей палеолита, которые теперь продолжают его дело. С 1966 г. и до дня смерти он возглавлял вновь организованный центр исследований по истории, философии и этнографии Румынской академии в Крайове. Живой, общительный, темпераментный и остроумный он умел объединить людей, направить их на нужную работу. Вокруг него всегда жизнь кипела ключом.

Круг интересов К. С. Николэеску-Плопшора не был ограничен палеолитом. Он живо интересовался историей и культурой цыган, хорошо знал их язык, напечатал ряд статей, посвященных цыганам. Им было опубликовано также несколько книжек сказок и стихов для детей.

К. С. Николэеску-Плопшор был тесно связан с советской археологической наукой, пристально следил за ее развитием, знакомил румынских читателей с ее достижениями. В 1963 и 1964 гг. он принимал участие в научных конференциях, происходивших в Москве, печатался в советских изданиях (К изучению палеолита Румынии. СА, 1962, № 3; О стратиграфии и периодизации палеолита Румынии. Сборник «Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы». М., 1965). С рядом советских археологов К. С. Николэеску-Плопшор связывали узы близкой дружбы.

П. И. Борисковский

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки УРСР
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
 БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
 ВИ — «Вопросы истории»
 ВФ — «Вопросы философии»
 ВГМГ — «Вестник Государственного музея Грузии»
 ВГФ — Всесоюзный геологический фонд
 ВИСДВ — Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока»
 ВЛГУ — «Вестник Ленинград. госуд. университета»
 ВМГУ — «Вестник Московского госуд. университета»
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
 ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
 ГХМ — Государственный Херсонесский музей
 ДГИ — Днепропетровский госуд. институт
 ДП — Б. И. и В. И. Х а н е н к о. Древности Приднепровья, Киев, 1899—1907 гг.
 ЗОРСА РАО — Записки Отдела русско-славянской археологии Русского археологического общества
 ИАН СССР — Известия Академии наук СССР
 ИБАИ [ИАИ] — Известия на Българския археологически институт
 ИКНСДВ — Сб. «История и культура народов Севера и Дальнего Востока»
 ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 КГИМ — Киевский Госуд. исторический музей
 КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
 МАР — Материалы по археологии России
 МАЭ — Сб. «Музей антропологии и этнографии». Ленинград
 МИА ю-з СССР и РНР — Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики
 МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
 МКАЭН — VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук
 НЖ — «Наука и жизнь»
 НПЛ — Новгородская первая летопись
 ОЗ — «Отечественные записки»
 ОИДР — Общество истории и древностей Российских
 ПИДО — «Проблемы истории докапиталистических обществ»
 ПРП — Памятники русского права
 Тр. НИИЯЛИЭ — Труды научно-исследовательского Института языка, литературы, истории, этнографии (Саранск)
 Тр. РУАК — Труды Рязанской Ученой Архивной комиссии
 Тр. СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
 Тр. Таш. ГУ — Труды Ташкентского государственного университета
 Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
 Уч. зап. Чуваш. НИИЯЛИЭ — Ученые записки научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики
 ХГУ — Харьковский государственный университет
 ЮТАКЭ — Южно-туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
 ААН — Acta archaeologica hungaricae
 АЕ — Archaeologiai Értesito
 АЖА — American Journal of Archaeology. Cambridge
 АЗ — Anatolian Studies
 ВМФЕА — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities in Stockholm
 ВСПФ — Bulletin de la Société préhistorique française
 СИЛ — Corpus inscriptionum latinarum
 DAGR — Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Ch. Daremberg et M. Ed. S a g l i o
 ЕSА — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
 IosPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
 ЖА — Journal asiatique. Paris
 ЖРАS — Journal of the Royal Asiatic Society
 МДАФА — Mémoires de la délégation archéologique française en Afganistan
 ОИР — Oriental Institute Publication
 RE — M a x E b e r t. Reallexikon der Vorgeschichte.
 SA — Slovenska Archeologia
 SCIV — Studii și cercetări de istorie veche
 SМYA — Suomen Muinais-misto-yhdistyksen aikakauskirja
 SPA — A Survey of Persian Art
 WA — Wiadomości Archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Б. В. Луний (Т а ш к е н т). К столетию со дня рождения В. Л. Вяткина . . .	3
Ю. Н. Захарук (К и е в). О методологии археологической науки и ее проблемах . . .	11
Н. В. Рындина (М о с к в а). Раннетрипольская обработка меди	21
Н. В. Трубникова (М о с к в а). Погребение шамана в Кошибеевском могильнике и верования позднеродецких племен	42
Б. А. Шрамко (Х а р ь к о в). Орудия скифской эпохи для обработки железа	53
И. Венедиков (Б о л г а р и я, С о ф и я). Фракийцы в греческом искусстве Понтийской Аполлонии	71
А. Д. Горский (М о с к в а). Берестяная грамота № 256	79
М. И. Максимова (Л е н и н г р а д). Из воспоминаний о С. А. Жебелеве	86
К 75-летию Салиха Мустафа оглы Казиева	91

Публикации

Н. Н. Диков (М а г а д а н). Верхний палеолит Камчатки	93
Л. М. Литовченко (М и н с к). Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой)	110
И. А. Лозе (Р и г а). Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике	124
В. Г. Збенович (К и е в). Древнейшие медные топоры в Восточной Европе	135
Мустаманди Шайбай (А ф г а н и с т а н, К а б у л). Новые археологические исследования в Хадде	143
В. Д. Блаватский, Б. Г. Петерс (М о с к в а). Кораблекрушение конца IV — начала III вв. до н. э. около Донузлава	151
В. И. Кадеев (Х а р ь к о в). Импортные светильники I—IV вв. из Херсонеса	159
Н. Б. Немцова (Т а ш к е н т). Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад на Сайте на юге Таджикистана	171
Д. А. Авдусин (М о с к в а). Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг.	186
М. В. Малевская (Л е н и н г р а д). Поливная керамика древнего Новогрудка	194
А. А. Коновалов (М о с к в а). Изучение химического состава медных сплавов из Новгорода	205
Памяти И. И. Ляпушкина	217
Памяти Х. А. Моора	220

Заметки

В. И. Красковский (О д е с с а). Каменка—новая позднепалеолитическая стоянка близ Одессы	224
И. Р. Селимханов, Р. М. Торосян (Б а к у, Л е н и н г р а д). Металлографический анализ древнейших металлов в Закавказье	229
Ю. В. Деревягин (С а р а т о в). Селище эпохи бронзы в селе Пристанном	235
Ю. В. Титов (П е т р о з а в о д с к). Бронзовые украшения со стоянки Золотец X.	238
В. П. Денисов, Е. Н. Черных (М о с к в а). Верхнемуллинская находка топоров-кельтов	239
В. И. Сариниди (М о с к в а). Терракотовая головка с Улуг-Тепе и ее месопотамские прототипы	243
В. Пилюкко, И. Масимов (А ш х а б а д). Буддийская статуэтка из Ак-Кала (Средняя Амударья)	247
И. Фодор (В е н г р и я, Б у д а п е ш т). Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестьем	251
В. А. Могильников (М о с к в а). Находки из с. Пиковки	254
Е. А. Пахомов (Б а к у). О технике чеканки медных монет в Закавказье в конце XII — начале XIII вв.	259
Л. А. Голубева (М о с к в а). Кемские курганы	261
А. В. Смоляк (М о с к в а). Этнографические данные об обрядах ложных погребений у народов Нижнего Амура	262

Критика и библиография

П. И. Борисковский (Л е н и н г р а д). А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества	265
А. А. Белецкий (К и е в). Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса	267
В. Б. Ковалевская (М о с к в а). Anton Tocik. Slawisch-Awarisches gräberfeld in Holiare. Archaeologica slovacica-catalogi, t. I	270

А. Н. Кирпичников, Л. И. Тарасюк (Л е н и н г р а д). R. E. Ewart. The Sw- rdin the Age of Chivabry	271
Р. Б. Рыбаков (М о с к в а). Новые книги индийских исследователей об Ад- жанте	274
А. Г. Кузьмин (Р я з а н ь). Существует ли проблема тмутараканского камня	278
В. М. Зубарева, Ю. А. Краснов (М о с к в а). Об археологических данных для характеристики мордовско-вятических взаимоотношений	283
А. А. Формозов (М о с к в а). Новые польские книги по истории археологии	286

Хроника

Г. Ф. Никитина (М о с к в а). Совецание по проблемам черняховской культу- ры	290
П. М. Кожин, Р. Л. Розенфельдт (М о с к в а). Сессия Отделения истории и плеум Института археологии АН СССР	294
И. Б. Бентович (Л е н и н г р а д). Совецание по археологии Средней Азии	302
<u>Д-р Франц Ганчар</u>	312
<u>К. С. Николэеску-Плошпор</u>	314

S O M M A I R E

Articles

B. V. Lounine (T a c h k e n t). Pour le centième anniversaire de B. L. Viatkine	3
I. N. Zakharouk (K i e v). La méthodologie de la science archéologique et ses problèmes	11
N. V. Ryndina (M o s c o u). La fabrication des métaux à l'époque primitive de Tripolié	21
N. V. Troubnikowa (M o s c o u). La sépulture 22 et quelques éléments des croyances parmi les tribus à l'époque tardive de la civilisation de Gorodetz	42
B. A. Chramko (K h a r k o v). Les outils de l'époque scythique pour le travail du fer	53
J. Vénédikov (B u l g a r i e, S o f i a). Les éléments thraces dans l'art d'Apollonie de Pont	71
A. D. Gorsky (M o s c o u). La charte sur écorce de bouleau N 256	79
M. I. Maximova (L é n i n g r a d). Quelques souvenirs sur S. A. Jébélev	86
Pour le 75 ^e anniversaire de Saalikh Mustafa-ogly Kaziev	91

Publications

N. N. Dikov (M a g a d a n). Le paléolithique supérieur de la Kamchatka	93
L. M. Litovtchenko (M i n s k). Les nouveaux matériaux sur la station paléolithique Telmanskaia	110
I. A. Losè (R i g a). Un nouveau centre du travail de l'ambre à l'époque néolithique dans le pays Baltique Est	124
V. G. Zbiénovitch (K i e v). A propos des plus anciennes haches métalliques sur le territoire de la partie Européenne de l'URSS	135
Moustamandi Chaibai (A f g h a n i s t a n, K a b o u l). Nouvelles explorations archéologiques à Khadda	143
V. D. Blavatsky, B. G. Peters (M o s c o u). Le naufrage — fin du IV s.— commencement du III avant notre ère — près de Donouzlav	151
V. I. Kadéiev (K h a r k o v). Les lampions de Cherson importés aux I—IV ss. de notre ère.	159
N. B. Niemtsova (T a c h k e n t). Les nouvelles données concernant le complexe architectural Khodja Machad à Saiot (Sadt?) au sud du Tadjikistan	171
D. A. Avdoussine (M o s c o u). Les chartes de Smolensk, sur écorce de bouleau, trouvées pendant les fouilles des années 1066 et 1967	186
M. V. Malevskaia (L é n i n g r a d). Le céramique à la couverte de l'ancien Novogroudok	194
A. A. Konovalov (M o s c o u). L'étude de la composition chimique des alliages de cuivre trouvés à Novgorod-la-Grande	205
A la mémoire de I. I. Lapouchkine	217
A la mémoire de H. A. Moora	229

Notices

V. I. Kraskovsky (O d e s s a). La station paléolithique récente en pierre neuve près d'Odessa	224
I. R. Sélinkhanov, R. M. Torossian (B a k o u, L é n i n g r a d). L'analyse métallographique des plus anciens métaux en Transcaucasie et les résultats de leur examen	229
I. V. Déréviaguine (S a r a t o v). La station de l'âge du bronze dans le village d Pristiennoié	235
I. V. Titov (P é t r o z a v o d s k). Les ornements en bronze de la station Zolotiets X	238
V. P. Denissov, E. N. Tchernykh (M o s c o u). La trouvaille des haches-celtes à Verkhnémoullinsk	239
V. I. Sarianidi (M o s c o u). La tête en terre cuite d'Ouloug-Dépé et ses prototypes de Mésopotamie	243
V. Pilipko, I. Massimov (A s k h a b a d). La statuette bouddhique d'Ak-Kala (Amou-Daria Moyen)	247
I. Todor (H o n g r i e, B u d a p e s t). Les glaives des Scythes et des Sarmates à garde en forme de segment	251
V. A. Moguilnikov (M o s c o u). Les trouvailles près du village de Pikovka	254
E. A. Pakhomov (B a k o u). Sur la technique du monnayage des pièces en cuivre dans la Transcaucasie à la fin du XII et au commencement du XIII ss.	259
L. A. Goloubéva (M o s c o u). Les tumulus de Kama	261
A. V. Smoliak (M o s c o u). Les données ethnographiques sur certains peuples de l'Amour Inférieur	26

Critique et bibliographie

P. I. Boriskovsky (L é n i n g r a d), A. I. Perchites, A. L. Mongait, V. P. Alexéiev. Histoire de la société primitive	265
A. A. Béletsky (K i e v), É. I. Solomonik. Les nouveaux monuments épigraphi- ques de Cherson	267
V. B. Kovalevskaia (M o s c o u). Anton Tocik. Slawisch-Awarisches Gräberfeld in Holiare. Archaeologica slovacica-catalogi, t. I	270
A. N. Kirpitchnikov, L. I. Tarassuk (L é n i n g r a d). R. E. Ewart. The Sword in the Age of Chivabry	271
R. B. Rybakov (M o s c o u). Les nouveaux livres des explorateurs indiens sur Adjante	274
A. G. Kouzmine (R i a z a n). Le probleme de la pierre de Tmoutarakan existe- t-il?	278
V. M. Zoubarieva, I. A. Krasnov (M o s c o u). Sur les données archéologiques pour la caractéristique des relations entre les Mordvins et les Viatitches	283
A. A. Formosov (M o s c o u). Nouveaux livres polonais sur l'histoire de l'archéo- logie	286

Chronique

G. F. Nikitina (M o s c o u). Une conférence sur les problèmes de la culture de Tcherniakovo	290
P. M. Kojine, R. L. Rosenfeldt (M o s c o u). Une session de section et une séance pleinière de l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de l'URSS	294
I. B. Bentovitch (L é n i n g r a d). Une conférence sur l'archéologie de l'Asie Centrale	302
<u>D-r Frantz Gantchar</u>	312
<u>K. S. Nikolescou-Plopchor</u>	314

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/IV-1969 г. Т.—09648 Подписано к печати 7/VII-1969 г. Тираж 2390 экз.
Зак. 2138 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл.-печ. л. 28,0+1 вкл. Бум. л. 10,0 Уч.-изд. л. 30,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редколлегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2-х экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная. Сноски печатаются также через 2 интервала.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2-х экземплярах и краткое (10—20 строк) резюме на русском языке.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото-контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2-х экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2-х экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальке для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

8. Рукописи в основном печатаются в журнале в порядке поступления их в Редакцию. На переработку статьи направляются авторам с отзывом рецензента. Рукописи, присланные после переработки, рассматриваются как вновь поступившие.